МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1

Орел 2008

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Зайченкова М.С., Золотарев Ю.В., Иванов А.Е., Изотов В.П., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Колесникова А.Ф., Львова СИ., Минаков СТ., Михеичева Е.А., Оскотская Э.Р., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Репин О.А., Седов Е.Н., СерегинаТ.В., Тер-Минасова С.Г., Тыртышников Е.Е., Уман А.И., Шабанов Н.К.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Антонова М.В., Аронова С.А., Бахвалова Т.В., Гелла Т.Н., Изотов В.П., Литвин Ф.А., Марковичева Е.В., Минаков СТ., Михеичева Е.А., Назарова Г.Ф., Нечаева Т.М., Никифоров В.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Рымшина Т.А., Селютин В.Д., Серегина Т.В., Тюрикова Г.Н., Уман А.И.

Учредитель -

ГОУ ВПО «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95,
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: e.puzankova@univ-orel.ru

ISSN 1998-2720

© Коллектив авторов, 2008
© Орловский государственный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ
И.В. Гончарова
В ПРЕДДВЕРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ: ОПЫТ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ в 20-е гг.....7
И.Г. Ермолов
САМОУПРАВЛЕНИЕ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РСФСР.....16
Р.П. Осипов
УЧАСТИЕ ОРЛОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (1918 - 1920 гг.).....22
И.В. Проваленкова
РУССКИЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК И ВОЕННЫЙ УЧЕНЫЙ А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ.....30
Г.С. Чувардин
ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ в 1881 - 1914 гг.....36

ФИЛОЛОГИЯ
А.П. Александрова
К ВОПРОСУ О СЛОЖНОСТИ АНАЛИЗА МОДАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ.....45
А.П. Александрова
МОДАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....47
Л.П. Батырева
О ЯЗЫКЕ ШУЙСКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ 20 - 30х гг. XX в.
(ПРОТОКОЛ ОДНОГО СОБРАНИЯ).....52
Л. А. Власова
СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА ХОДАКИ В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ.....57
О. В. Жильцова
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОБЪЕМОВ ЗНАЧЕНИЙ КОНЦЕПТОВ "ВОЗДУХ" И "AIR"
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ ЧЕРЕЗ СОЧЕТАЕМОСТЬ ЭТИХ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН
С ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ С СЕМАНТИКОЙ ЗАПАХА.....61
П.А. Ковалев
РУССКИЙ СТИХ КОНЦА XX ВЕКА: СИНХРОНИЧЕСКИЕ
И ДИАХРОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ.....66
М. В. Костромичёва
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ РЕБЁНКА: ОСОБЕННОСТИ ИМЕНОВАНИЯ В ГОВОРАХ.....76
Е. Б. Кузьмина
ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ГРИБОВ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ.....79
А.И. Лаврищев
УРОВЕНЬ ВОСПРИЯТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СТУДЕНТАМИ ПЕРВЫХ КУРСОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМЫ "ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ" В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ).....84
Л.В. Недоступова
СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОВОРЕ ПОСЁЛКА ГОРОДСКОГО ТИПА
ТАЛОВОЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.....89
М.Н. Приёмышева
ПОСТФОЛЬКЛОР И СОЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ.....93
Т.И. Ретинская
КЛЮЧЕВОЙ ЭТАП ОПИСАНИЯ НЕКОДИФИЦИРОВАННОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АРГО).....98
А.Б. Савостикова
К ВОПРОСУ ИНТЕГРАЦИИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ.....103
И.Н. Щекотихина
КОММУНИКАТИВНОЦЕЛЕВАЯ ДИНАМИКА КОМПОНЕНТОВ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА.....109

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
М.В. Антонова
МИР РЕБЕНКА В КНИГЕ И. ВОЛЬНОВА "ПОВЕСТЬ О ДНЯХ МОЕЙ ЖИЗНИ".....117
Е.А. Великанова
ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН: ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ ВСЕЛЕННОЙ
("ЗАСТАВА НА ЯКОРНОМ ПОЛЕ").....121
Т.А. Давтян
ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ
П.А. РОССИЕВА "СВЯТИТЕЛЬ АЛЕКСИЙ".....126
Н.В. Кургузова
СИСТЕМА ДВОЙНИКОВ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ
Д. РОЛИНГ "ГАРРИ ПОТТЕР И ОРДЕН ФЕНИКСА".....130

Е.Ю. Липилина
"ВЗРОСЛОЕ" И "ДЕТСКОЕ" В ПОВЕСТИ Л. А. ЧАРСКОЙ "ОДИН ЗА ВСЕХ".....135
Г.А. Мехралиева
О ВЗРОСЛЫХ И ДЕТСКИХ СМЫСЛАХ В СКАЗКАХ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ.....138
Т.В. Струкова
ЛИТЕРАТУРНАЯ СТИХОТВОРНАЯ ЗАГАДКА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА "ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ".....142
ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
М.В. Антонова, Ю.В. Семенюк
ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ КОМПОЗИЦИОННОГО СТРОЕНИЯ
СЛАВЯНО-РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ЖИТИЙ КИЕВСКОГО ПЕРИОДА.....147
Т.В. Ковалева
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ "АЗБУКОВНИКОВ" XVII ВЕКА.....156
Г.В. Никищенкова
О ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ "ПОСЛАНИЯ О НЕДЕЛЕ" ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО.....161
А.А. Шайкин
ВОЗМОЖНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ "СЛОВА О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ" (ГИПОТЕЗА).....164
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
А.А. Бельская
ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА "ДОВОЛЬНО".....170
Е.М. Конышев
ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА.....175
И.И. Чайковская
ИВАН ТУРГЕНЕВ КАК "АНТИГЕРОЙ" МЕМУАРОВ АВДОТЬИ ПАНАЕВОЙ
(ЗА СТРАНИЦАМИ ПАНАЕВСКИХ "ВОСПОМИНАНИЙ").....187

ПРАВО
Н.А. Биекенов
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ МВД РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....201
В.В. Конин
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ В СУДЕ
С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ.....204
Л.Н. Костина
НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА (ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА)
ПО ДЕЛАМ О ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....210
Ю.В. Костин
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....218
Е.В.Марковичева
К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....224
Т.К. Примак
СОГЛАСОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДПОСЫЛКА
ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....228
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА (ПО ИТОГАМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ “КАМАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ”)
В.А. Никифоров
МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОРГОВОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....233
В.В. Авилкин
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ:
АКТУАЛЬНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....239
М.М. Александров
ИНИЦИАТИВЫ РОССИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ МИРА
НА ЕВРОАЗИАТСКОМ КОНТИНЕНТЕ В 2006 - 2008 ГОДАХ.....242
Н.Н. Касьянова
КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ.....246
В.Е. Кирсанова
ПРОБЛЕМА УЧЕТА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ.....249
Ю.Е. Конышева
ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ.....252
В.И. Филонов
ПРИНЯТИЕ ИТОГОВ ВТОРОГО ВАТИКАНСКОГО СОБОРА И ФОРМИРОВАНИЕ
НОВОЙ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ
В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВИЯ, В КОНТЕКСТЕ ЭКУМЕНИЗМА.....255
О.С. Усачева
К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КРЫМА.....259

ПЕДАГОГИКА
А.Л. Ефимов, В.Н. Правдюк
РОЛЬ НАУЧНОЙ ЛАБОРАТОРИИ В УКРЕПЛЕНИИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
С СЕЛЬСКОЙ ШКОЛОЙ.....262
А. А. Калекин
ОБЩЕИНЖЕНЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА ПРИ ПОДГОТОВКЕ В ВУЗЕ
УЧИТЕЛЯ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛЬНОЙ ШКОЛЫ.....266
С.А. Карпеева
МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ
У СТУДЕНТОВ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ КОСТЮМА.....274
Д. В. Лякишев
К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНО-ЦЕЛЕВОЙ ТИПОЛОГИИ ВОЕННОГО ДИСКУРСА.....278
А. М. Митяева
ПОЗИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА
ПРИ УРОВНЕВОЙ СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....281
Н.С. Мурадова
СЕМИНАРЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ.....287
О. А. Насонова
НАРОДНОПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО НА УРОКАХ ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ,
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ОБРАЗНОСТИ РЕЧИ.....297
Е.А.Санкова
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ГЕОГРАФОВ
НА ОСНОВЕ ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА
МЕТОДОМ АДАПТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ.....301

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
О.Ю. Амелина
НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНТЕРЬЕРА.....306
В.В. Ашихмин
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИСКУССТВУ ЛИТОГРАФИИ.....310
В.В. Ашихмин
ОСНОВЫ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РИСУНКУ
СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА.....317
А.А. Родкина
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННО-КОНСТРУКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО АРХИТЕКТОНИКЕ ОБЪЕМНЫХ ФОРМ.....324
Д.Ю. Фурманская
ПОСТАНОВКА ЖИВОПИСНОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО НАТЮРМОРТА ДЛЯ СТУДЕНТОВ
МЛАДШИХ КУРСОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ.....328

ПСИХОЛОГИЯ
А.Л. Дмитровский
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ ЖУРНАЛИСТА.....331
О.А. Каплун
ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕСТИРОВАНИЯ.....340
Е. В. Стебакова
ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ В СРЕДНЕМ СПЕЦИАЛЬНОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ.....343

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация на русском языке объемом 40-50 слов.

Статья объемом 4-15 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman Cyr, размером 14 pt, через один интервал, возможен формат *.pm6 или *.pm65.

Параметры документа: верхнее поле - 25 мм, нижнее - 25 мм, правое - 25 мм, левое - 25 мм. Номерация страниц проставляется от центра, внизу страницы. Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка - Объект - Создание - Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка - Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка - Объект - Создание - Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры - Цвета и линии - Цвет - Способы заливки - Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления".

В конце статьи должна быть надпись статья публикуется впервые, ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл. Инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи и аннотация должны быть переведены на английский язык и размещены в конце статьи. Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах) - ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактные телефоны.

В редакционную коллегию статья передается качественно распечатанной на бумаге формата А4 и в электронном виде одним файлом на дискете 3,5' (CD диске).

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы).

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

ВНИМАНИЕ: Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ИСТОРИЯ

И.В. Гончарова, *кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета.*

В ПРЕДДВЕРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ: ОПЫТ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ в 20-е гг.

В статье идет речь об опыте организации первых колхозов в 20-е гг. в Центральном Черноземье. Вопреки замыслу партийного руководства, они не были связаны с кооперацией. Приоритетные формы организации - коммуны, ставившие эксперимент с новыми формами быта, были единичными. При создании колхозов революционный энтузиазм вытеснялся прагматическими установками: решение проблемы крестьянского малоземелья за счет выделяемых государством бывших помещичьих земель, сохранение под прикрытием коллективного устава дворянских гнезд, использование кредитов и льгот и др. Накануне коллективизации большинство колхозов не выделялись из сельской округи, были нежизнеспособными образованиями с недостаточным уровнем обобществления средств, низкой производительностью труда и товарностью.

Современное расширение исследовательского поля социально-экономической истории позволяет по-новому взглянуть на ключевые процессы в области аграрной истории. От идеализации, апологетики, мифологизации колхозов и коллективизации научная мысль перешла к объективному анализу на основе ставших доступными источников, корректирующих устоявшиеся взгляды как на модель агарной политики большевиков, так и на особенности ее регионального воплощения. В региональных исследованиях на первый план выступают документы провинциальной партийной элиты: протоколы пленумов, отчеты губкомов, райкомов, окружкомов, переписка с центральными партийными органами, материалы обследования инструкторами ЦК колхозных структур и т.п. Своеобразным "зеркалом негатива" являются сводки ОГПУ. Новые документы способствуют новым концептуальным подходам к истории 20 - 30-х гг., в которых акцентируется внимание на преемственности политических и социально-экономических процессов. Условность, ограниченность, временный антикризисный характер действия нэповских принципов способствовали подготовке натиска на крестьянство, трансформации нэпа в политику "сплошной коллективизации".

В 20-е гг. были проведены первые советские эксперименты, в том числе с формой организации крестьянского труда. В черноземной деревне, опустошенной войной, крестьянскими мятежами, нивелированной аграрной революцией, по сути лишенной потенциала к восстановлению, находящейся на пределе возможностей экстенсивного земледелия, создание колхозов в разных вариантах выглядело скорее импровизацией, нежели продуманной политикой. Идеологическое клише

© И.В. Гончарова, 2008

советской историографии относило первые колхозы к "мануфактурному периоду" колхозного строительства. Региональный материал не позволяет отождествлять формы самобытной организации 20-х гг. и бюрократические институты в деревне, ставшие несущей основой государственного социализма 30-х гг. Современные исследователи поднимают проблему адаптации крестьянства к новым условиям за фасадом колхозной жизни [1]. Представляется важным рассмотреть генезис проблемы в 20-е гг. и на региональном уровне. Изучение специфики организации первых колхозов Центрального Черноземья выводит нас на круг проблем, связанных с перспективой их функционирования, корреляции с традиционной общиной, условиями взаимодействия с властными структурами.

Упоминания о первых коллективных объединениях встречаются в документах 1918 г. В Селиховской волости 30 семей организовали Парамоновскую коммуну [2, 477]. Газета "Голос трудового крестьянства" 28 августа 1918 г. сообщала о крестьянах Вятической волости, организовавших артели по уборке урожая и обработке земли [2, 488 - 489]. "Первые ласточки" коллективного быта были подведомственны государству, с введением нэпа коммуны и артели превращались в кооперативные единицы. В социальном плане преследовалась цель поглотить маргинальный элемент, порожденный распадом промышленности и войной. Рекомендовалось привлекать в первую очередь красноармейцев, вернувшихся с фронта, особенно приветствовались побывавшие в Германии солдаты, рабочие, бывшие военнопленные. В 1918 г. в Городищенской волости солдат Тимофеев, участник I Всероссийского съезда земотделов, комбедов и коммун, вернувшись с фронта, организовал коммуну "Восходящее солнце" [3, 1]. В Мценском уезде во главе почти всех коммун стояли приехавшие в деревню шахтеры [4, 1]. Колхозы должны были служить основой политического и культурного влияния на крестьянское мировоззрение, будучи своеобразным каналом взаимодействия между городом и деревней.

Создаваемые коллективные хозяйства можно было отнести к кооперативным разновидностям с большой долей условности, так как организационно они не были связаны с кооперативной системой по разным причинам: малочисленность, неопределенная специализация, нестабильность, разные целевые установки у организаторов и участников. Последняя проблема обозначилась на съезде коммун в Орле еще осенью 1918 года: "Более пестрыми по составу оказались деревенские коммуны. На съездах коммун в Орле осенью 1918 года обнаружилось разное понимание сущности коллективных хозяйств у инициаторов. Одни участники съезда - люди типа "хозяйственных мужичков" - видели в них лишь способ поправить дела в своих единоличных хозяйствах и ориентировались на артель. Другие считали коммуны ячейками нового строя и стремились реализовать положения устава коммуны с целью достижения социалистического идеала. Наконец, выделялось и третье течение, особенно заметное в тех уездах, где жили сектанты евангелического толка. Коммунары этого типа хотели создать в коммунах религиозные братства, члены которых были бы связаны христианской любовью" [5, 2].

Социальный статус организаторов колхозов был различным в послереволюционный период и в период нэпа. Коммуны и артели в 1918 - 1919 годах в большинстве случаев создавались беднякми, за редким исключением в них участвовали середняки. Образцовой считалась "Коммуна III Интернационала" Орловского уезда, организованная в августе 1918 года членами Никольской организации РКП(б) из 80-ти беднейших крестьян села Никольского. В 1925 году в состав коммуны входили 24 семьи, 4 одиночки, общая численность составляла 97 человек, большинство из которых принадлежало к беднякам, в подавляющем большинстве это были молодые люди. В коммуне были школа, детдом, 5 молодых коммунаров обучались в партшколе и на рабфаке. Идеологическую работу проводили ячейки РКП и РКСМ. Имелся даже клуб с библиотекой и роялем, с оборудованным красным уголком, где часто читались доклады и лекции для крестьян из округи. Во время революционных праздников устраивались торжественные заседания, проводились демонстрации и митинги, концерты и спектакли. "Словом, коммуна живет новым бытом без всяких старых обветшалых культов, обычаев и суеверий... Внутренняя коммунальная жизнь постепенно налаживается. В коммуне общий стол для взрослых. Отдельное общее питание детей, общий труд и специализированный труд по отдельным отраслям хозяйства, мастерству и ремеслам. Общее снабжение одеждой, обувью и другими предметами домашней жизни. Имеется портняжная мастерская. В ближайшее время дома будут перестроены для правильного нормального планомерного приспособления их для квартир взрослым и для общежитий для молодежи и детей" [6, 74]. Никто из членов "III Интернационала" не имел права производить какие-либо работы без ведома и контроля коммуны, даже в свободное время. Так, по мнению "Орловской правды", должна выглядеть "созидающая пролетарская семья", "семья общих интересов, с одним стремлением - выявить небывалые творческие силы пролетариата" [7, 2].

Однако такие островки коммунистического быта были редкостью. Количество коммун в 20-е гг. в целом было незначительно. Например, в Орловской губернии в 1918 г. насчитывалось 56 коммун, в 1919 - 99, в 1920 - 44, в 1921 и 1922 гг. - по 18, с 1922 по 1926 г. - 14, 17, 22 и 29 соответственно [8, 12]. Динамика демонстрирует, что по мере угасания революционного угара падал и энтузиазм.

Удержаться в период нэпа им было трудно. В документах тех лет сообщается: "В некоторых коллективах занялись торгашеством разного рода, отсутствие заработков и кредитов препятствует развитию коллективов" [9, 64]. Чаще всего в артелях подобного рода в 20-е годы стремление членов к индивидуальному пользованию подрывало коллективный способ ведения хозяйства, "новый быт" не укладывался в жизненные реалии, скудость средств сворачивала культурные преобразования. Например, в Оптушанской коммуне Орловского уезда: "В коммуне общий стол и общее пользование продуктами. Было заведено правильное счетоводство и отчетность, была устроена школа для детей и летний театр, но теперь за недостатком сил все это временно сокращается". Другие рассыпались и возвращались к "трехполке и бездоходному крестьянскому хозяйству" или же реорганизовывались в товарищества [6, 91].

Наряду с революционным энтузиазмом были и другие мотивы создания первых коммун и артелей. "Среди сельскохозяйственных коллективов России видное место занимают так называемые коммуны, учреждаемые большевиками и бывшими землевладельцами вокруг больших городов", - отмечал В. Тотомианц [10, 169]. В Орловской губернии они подчас создавались бывшими владельцами имений с целью сохранения родовых гнезд, так как для колхозов и совхозов в большинстве случаев отводилась помещичья земля. Успенская коммуна была образована на земле бывших помещиков Казаковых в 1918 году. Организатором и председателем ее стал сам Казаков. В коммуне числилось 99 человек, выходцы из Польши, Поволжья, ранее обладавшие имениями. Трудоспособных было всего 49 человек, в основном крестьян, работавших на бывших хозяев в артели и не порвавших связи со своими хозяйствами. Другой пример. Луначарская сельскохозяйственная артель была образована по инициативе бывшего помещика Лисичкина на месте его прежнего имения. Лисичкин в своей артели объединил 26 человек: 9 бывших владельцев, родственников, проживающих в Москве, Петрограде и Орле, 7 наемных рабочих. В результате родовое имение было спасено от передела, а льготы, предоставляемые Советской властью, пошли на его восстановление [9, 71]. О наличии подобных прецедентов свидетельствует и вопрос к докладчику из зала на Орловской губернской партконференции в 1926 г.: "Чем объясняется восстановление некоторых из помещиков в своих имениях?" [11, 17].

Малочисленность первых коммун (в среднем 3 - 8 человек) позволила В.В. Кабанову идентифицировать этот вид объединения с традиционной формой временного крестьянского объединения внутри общины - супрягой [12, 76]. В супряги входило 2-5 крестьянских хозяйств с недостатком скота и инвентаря. Они создавались на один сезон и для определенного вида работ, не имели динамического развития. Главным стимулом объединения были не туманные перспективы светлого будущего, а реальная нужда. При достатке в хозяйстве крестьянин предпочитал работать единолично, используя труд своей семьи или наемных работников.

С введением нэпа колхозы оказались в системе сельскохозяйственной кооперации. Она, по меткому выражению известного деятеля кооперации Г.Н. Каминского, "в условиях новой экономической политики...возникла как-то сама собой, и пришлось считаться с ней как с фактом" [13, 18]. Возрождение этого вида кооперации в аграрном регионе было обусловлено его прочными традициями, уходящими корнями в начало XX в. Наиболее интенсивно в регионе росли сельхозкредитные, садово-огородные и мелиоративные товарищества, что было обусловлено стремлением крестьянства к улучшению землепользования и увеличению доходности единоличного хозяйствования. Коллективизм этих форм кооперации был принципиально иной природы, чем его расценивали сторонники искусственного насаждения коллективных хозяйств. Он был прямо противоположен коллективизму общины, якобы коренившемуся в самобытности русского крестьянства, привыкшего работать артельно. Он зиждился на личной свободе и инициативе, был тождествен добровольности. Подобные кооперативы являлись не столько коллективами, сколько союзами индивидуалов. Это обстоятельство делало расчет партийных теоретиков на сельскохозяйственную кооперацию как школу коллективизации несостоятельным, вступая в противоречие с ее внутренней сущностью. Собственно колхозы не являются в этом плане исключением из правила. Были часты случаи подчинения колхозов общине. Многие первые колхозы оставались на земле, не выделенной из общества, что не позволяет исследователям рассматривать их как разновидность кооперации [12, 76].

В годы нэпа предпринимались попытки передела собственности на новых социалистических основаниях. Земельное товарищество "Новоприборное" организовалось в 1919 году в форме артели из трех бывших купцов Минаевых, четырех крупных землевладельцев и мещан на бывшей церковной земле и на земле Минаевых. В 1922 году братья Минаевы образовали свое кирпично-известковое товарищество (такое наименование, очевидно, от названия предприятия), отняв с помощью Мценского Уземуправления все имущество и землю у "Новоприборного" земельного товарищества. Некогда малоземельные крестьяне Воробьевы из Козловского района Тамбовской губернии, разбогатевшие на отхожих промыслах, в 1904 г. купили 40 десятин земли. Сохранить свой участок от передела смогли, организовав в 1920 г. колхоз "Новый путь" на уставе артели. Состоявший из одних представителей семьи Воробьевых, "этот патриархальный колхоз считался образцовым и показательным" [14].

Возможность возврата к своей земле и привычному образу жизни вдохновила бывших монашек создать в 1921 году артель "Объединение". Артель была организована на принадлежащей ранее монастырю земле, причем из 142 женщин, ее составивших, 62 были нетрудоспособны. Бывшие монашки дружно наладили работу и возвратились к прежней религиозной практике, отправлению церковных обрядов. И хотя монастырь был официально закрыт, к нему потянулись паломники из крестьянской округи. Монашки сохранили свою иерархию и наделы в деревнях, большое количество земли позволило им содержать родственников и родителей [6, 94].

В отношении коллективных хозяйств "Орловская правда" в 1923 году рисовала "чрезвычайно мрачные перспективы", вызванные не только отсутствием материальных средств, агрономической помощи, проводников "коллективного и кооперативного строительства", но и странной позицией местной власти. "Колхозам нужна моральная и административная поддержка со стороны местной власти, а им угрожают разгромом, как "врагам республики" (подлинные слова одного из председателей сельсовета)" [15, 3]. Поводом для конфликтов колхозов с общинами, единоличниками и местной властью, которая в большинстве случаев в орловской глубинке была подотчетна сельскому сходу, были "лакомые кусочки" - лучшие участки земли, которые передавались колхозам. Примером служит конфликт между земельным обществом и артелью, которая смогла наладить свое производство: "Успехи артели были так очевидны, что у деревенских кулачков сейчас же расширились зрачки на чужое достояние, и они повели работу в сторону ликвидации артели и вливания их земли в общество. Соблазн был велик - сельсовет не выдержал и себя примкнул к кулакам. Таким образом, в лице сельсовета и кулаков организовалась довольно сильная оппозиция, которая всячески старается мешать спокойствию артели, прибегая для этого к самым гнусным способам. Так, например, зазывают в свою пьяную компанию кого-либо из членов артели, принудительно спаивают его самогонкой, а потом избивают и выкидывают, по ночам разрушают артельные постройки, являются в нетрезвом виде к председателю артели и требуют сдачи штампа и печати, препятствуют прогону артельного скота, словом... артель поставлена в такие условия, что никакая работа не мыслима" [15, 3]. При этом в газете отмечалось, что такие случаи не единичны.

Покровительство Советской власти коллективным хозяйствам, предоставление им бывших дворянских усадеб привлекало в колхозы и местных управленцев. Отбросив идеологическую ширму, они часто эксплуатировали землю в свою пользу. В 1922 году в "Правде" серию публикаций о злоупотреблениях мценской администрации открыла статья "Мценские потемки" [16, 2]. Пересылаемые губкомом в ГПУ для расследования, они стали основой для одноименного дела. В 1925 году в материалах по делу "Мценские потемки" рассматривалась деятельность председателя Мценского кредитного товарищества, бывшего эссера Помазкова Василия Осиповича. При его содействии в 1923 году была сдана в аренду на 10 лет усадьба "11-е Волково", бывшая усадьба А. Фета. Арендатор, житель Мценска, некогда богатый лесопромышленник Киселев, получил усадьбу для организации плодпитомника на очень выгодных условиях: "Первые три года ничего не платит, с четвертого уплачивает по 2000 прививок фруктовых саженцев". Предприимчивый Киселев стал извлекать доход из имения различными способами: "За 500 рублей сдал урожай из сада да за 500 рублей двухэтажный дом для детей, привезенных из Орла на лето подышать воздухом и покупаться в речке. Эти же дети у него и на огороде подешевле работали - пололи... К усадьбе принадлежит 11 десятин лучшей усадебной земли. Постройка богатейшая. Арендатор понемногу "использует": снял железо с крыши конюшни, кирпич продает, и все сходит как с гуся вода" [17, 1 - 2].

В письме в "Крестьянскую газету" под названием "Касьяновский царек" рассказывается о председателе волостного исполнительного комитета Тельченской волости Болховского уезда Кузнецове. Женившись на поповской дочери, член РКП(б), "разъезжая по волости на поповском сером жеребце, тов. Кузнецов уже не напоминает собой нашего предвика, а физиономия и ухватка его носит эпоху времен Наполеона Бонапарта, да и сам он от Наполеона Бонапарта в настоящее время не отличается". Болховский Наполеон, используя свое служебное положение, "являясь коммунаром, тов. Кузнецов не прочь также и от коллективизации". Воспользовавшись разделом земельного общества на три части, он расколол среднюю группу на две части и "сам из себя создал 5 группу", выделив для себя лучшую землю. В ответ на подобный произвол "мужики потолкались в земорганах, но везде их не выиграло, и остались с мнением, что "до бога высоко, до царя далеко" [18, 67].

В годы нэпа идейные соображения создания колхозов вытеснялись практическими. Участились случаи аренды совхозов организованными в товарищества середняками и кулаками. В 1923 году по инициативе внука помещика на арендованной в совхозе земле было организовано земельное товарищество Клесовское [6, 99]. Члены товарищества, бывшие кулаки, арендовали у своего же руководителя маслобойный завод на условиях 40% отчислений на ремонт. В марте 1924 года 9 зажиточных семей и 11 семей кулаков организовали в Орловском уезде земельное товарищество "Новый путь" для аренды местного Башкатовского совхоза. Сразу же установили девятипольный севооборот, оборудовали нефтяную мельницу, по-

ставили маслобойку [6, 91]. Естественно, в подобного рода объединениях коллективный устав и совместная обработка земли обозначались только на бумаге. Были случаи образования колхозов общинами с целью аренды прилегающего земельного госфонда (коммуна "Надежда"), что являлось попыткой выхода из условий малоземелья [6, 82]. Иногда колхозы организовывались и на собственной надельной земле, но этот путь не был успешным, такие хозяйства, как правило, самоликвидировались.

Земельный голод в Орловской губернии был мощнейшим стимулом создания коллективных хозяйств, в руки которых передавались бывшие помещичьи усадьбы с постройками, живым и мертвым инвентарем, предоставлялись льготы по семссуде, кредиты. Эти условия привлекали в колхозы предприимчивых крестьян гораздо эффективнее, чем чуждое российской глубинке представление о новом совместном быте. Земельное товарищество "Свободная жизнь", пользуясь льготами, как артель, купило все земельные постройки, находящиеся в усадьбе бывшего помещика Шеншина, построило дома для каждой из 13 семей (118 человек) и использовало по своему усмотрению 251 десятину земли, позабыв про необходимость обобществления инвентаря, выборного совета и коллективной системы ведения хозяйства. Состав этого товарищества "был и раньше из крепких зажиточных мужичков, теперь кулацкий уклон" [6, 97].

В поисках новых земельных угодий крестьяне в обход закона организовывали колхозы, продолжая пользоваться своей надельной землей. Завуалированный передел собственности порождал многочисленные казусы. В Дмитровском уезде был случай организации товарищества "Костобобровское" на купленной через Поземельный банк надельной земле, хотя такая сделка шла вразрез с законом [6, 95]. Дело вылилось в судебное разбирательство между кулаком, купившим землю, и остальными членами товарищества. Часто в колхозах, вопреки уставам, применялся наемный труд.

В новых престижных советских организациях нашли пристанище и стражи порядка Российской империи: среди членов товарищества "Красная звезда" находились бывшие полицейские и жандармы, кстати, это объединение отличалось образцовым делопроизводством [19, 9].

Вопрос об идентификации колхозов в Центральном Черноземье в годы нэпа осложняется их различным функциональным назначением: от идейного воплощения в "зародышах" социализма совместного образа жизни и труда до завуалированной формы сохранения бывших владений. Социальный состав товариществ - самая распространенная форма колхозов, по данным на 1926 г., в Орловской губернии дублировал социальный спектр деревни: 34,5% бедняков, 60% середняков, 5,5% зажиточных [8, 12].

С наступлением политических "заморозков" 1927 - 28 гг. колхозы оказались под пристальным вниманием власти. Партийные и кооперативные органы губернии должны были проделать огромную работу, чтобы "отсталые в своем развитии" [20, 43], часто карликовые организации из 5 - 6 дворов стали прологом коллективизации и демонстрировали ее позитивы орловскому крестьянству. Губернские органы власти не располагали даже четкой статистикой по этому поводу: в конце 1927 г., по данным Селькредсоюза, насчитывался 331 колхоз [19, 32], включая товарищества по совместной обработке земли, при этом 225 объединений не были включены в систему союзной кооперации и именовались "дикими"; в отчетности губернского земельного управления говорилось о 259 колхозах [21, 12]. При этом "высшей формой" коллективного хозяйства считалась коммуна, в губернии их насчитывалось всего 21, включая 8 "диких".

Смотр колхозных рядов, I съезд колхозов, прошел в Орле 10-12 января 1928 г., на нем присутствовали 78 представителей от 69 колхозов - именно столько объединений удалось вовлечь в орбиту политической активности. Делегаты нарисовали губернским властям неблагоприятную картину. Колхозник из "Красной звезды" отмечал: "У нас при условиях колхозной жизни еще наблюдается склонность к индивидуальной жизни. В колхозах еще нет производительности труда. Есть отлынивание от работы..." [20, 55]. Склоки, незаинтересованность в результатах работы, пьянство, текучка кадров, низкая трудовая дисциплина, отсутствие учета и контроля - только небольшой перечень проблем коллективного быта.

Классовая политика в деревне и стремление властей произвести колхозы в образцовые организации привели к увеличению кредитования (в 1926/27 г. было выдано 367 тыс. руб.), налоговым льготам, снабжению техникой и инвентарем, ускоренному землеустройству, мелиоративным мероприятиям. Кредиты на фоне часто списываемой задолженности привлекали в колхозы "крепких" мужичков. В социальном составе колхозников было 12% зажиточных, 40% середняков, остальные были представлены беднейшим крестьянством, использовавшим производственные кредиты для внутреннего потребления. Частым явлением были растраты. Успенская коммуна распалась по вине ее председателя, бывшего помещика Казакова, который не смог погасить кредит на сумму 23000 руб. [20, 55]. Объединения ради использования государственных субсидий на фоне слабой финансовой дисциплины, как правило, состоящие из родственников, сохраняющих наделы параллельно колхозному участию, получили название "лжекооперативы". Местная власть объявила им войну, так же как и "диким", которых пытались насильно вовлечь в кооперативную систему и закредитовать. Но как ни дискредитировали эти организа-

ции коллективный опыт, не они больше всего волновали власть. Все источники пестрят сообщениями: "степень обобщенности в коллективах слаба" и постоянно падает [19, 72].

По образу жизни колхозы не отличались от округи, разве что более низким уровнем производства. Обследование ГубРКИ констатировало падение товарности колхозов с 1926 по 1927 г. с 34 до 17 % [19, 15]. Инспекция констатировала и большую текучесть кадров, особенно в коммунах, состав обновлялся до 3 раз за 2 года. Первые колхозы губернии оставляли много вопросов открытыми: что делать с детьми (ясли имелись только в "Коммуне III Интернационала") и стариками, содержать которых коллективу было очень тяжело; как установить ответственность и учет при подавляющей неграмотности; как уравнять в правах мужчин и женщин - новое для традиционной ментальности явление, и, пожалуй, самым болезненным вопросом было распределение продукции. В последнем случае было множество вариантов - распределение по семьям, по едокам, по паям, по трудовому вкладу, по затраченному времени, по потребности и т.д.

Под "коллективизацией" в 20-е гг. подразумевалось умение устроиться при новой власти. Косвенным доказательством этого является динамика колхозов губерний ЦЧО в 20-е гг., которая повторяет колебания экономической ситуации в деревне. Допущение арендных отношений, максимальная вовлеченность в рынок вместе с бухаринским "Обогащайтесь!" вызвали устойчивый рост коллективов всех видов: в 1925/26 г. в Воронежской губернии 117,9% по отношению к 1924 г., в Курской - 167%, а оголенная недородом орловская деревня сократила численность колхозов до 54,2%. По всем губерниям рост колхозов, несмотря на обрывочные статистические сведения, был зарегистрирован к 1928 г. По данным на 1 июля, в среднем по ЦЧО рост составил 174,6% по отношению к 1927/28 г. [22]. Это было связано с увеличением кредитования коллективных хозяйств. Примечательно, что к 1928 г. в социальном составе "колхозников" увеличилось количество зажиточных крестьян с 5,5% до 12% [20, 65]. В спецсводку ОГПУ попало высказывание крестьянина об организации колхоза в Курской губернии в 1928 г. из "кулаков и зажиточных": "Один - зажиточный крестьянин, в 1926 г. загнал кооперацию, все время держит на кабальных условиях землю бедняков, второй - кулак, сын которого был в белой армии офицером, в довоенное время имел в банке до 10 000 руб., третий - зажиточный, который занимается эксплуатацией своих односельчан, вот эти-то граждане и будут создавать коллектив, разве это можно допустить..." [23, 245].

Одновременно в 1928 г. колхозы стали подвергаться "чистке" от бывших элементов. Резкой критике со стороны Окружкома подверглась не только артель "2-я Луначарская", где сын бывшего помещика Лисичкина использовал ее как "ширму" для сохранения имущества, прикрываясь от выселения, но и губернские и уездные земельные органы, выдававшие Лисичкину свидетельство как "культурному" хозяину [24, 208].

Участники II пленума Окружкома в октябре 1928 г. весьма нелицеприятно отзывались о существовавших колхозах: "Существующие колхозные хозяйства далеко не коллективны. Кредиты, отпускаемые коллективным хозяйствам, переходят в пользу кулака. Зная, что коллективные хозяйства имеют право на лучшие участки земли, кулаки собирают нужное количество бедняков, организуют колхоз, затем бедняков постепенно выживают". Один из выступавших подытожил: "Несмотря на наши мероприятия, не имеем ни одного показательного колхоза". На пленуме приводились и любопытные примеры поведения коммунистов в "колхозном вопросе". После расформирования колхоза бывшие члены-коммунисты "отрезали себе отруба и как-то обрастают", а в коллективизации по линии партии участвовать не желают или "говорят, что создавать коллектив надо, а сами сидят отдельно" [25; 38, 40, 21].

Своеобразным отчетом о колхозном строительстве, подтверждающим выводы пленума, стал раздел в отчетном докладе Орловского Окружкома ВКП(б) Областному комитету ВКП(б) ЦЧО в ноябре 1928 г. о состоянии дел в округе в связи с районированием [24]. Динамика колхозного движения, отличавшегося "большой неустойчивостью и колебаниями", представлена в следующем виде: на 1 октября 1925 г. в губернии было 4 коммуны, 29 артелей, 44 ТОЗа по совместной обработке земли, 1 машинное товарищество - всего 78 объединений. К 1 октября 1928 г. в округе насчитывалось 7 коммун, 56 артелей, 196 ТОЗов и 66 машинных товариществ [24, 207]. В отличие от данных Селькредсоюза, на конец 1927 г. здесь фиксируется 143 колхоза против 331, а количество коммун весьма скромно - 7 единиц на конец 1928 г. Из них только 58% являлись членами Колхозсоюза, находясь в зоне влияния государственных структур.

Данные Колхозсоюза и РКИ о социальном составе колхозников демонстрируют относительно устойчивое сохранение в социальной динамике зажиточного элемента в колхозах от 4 до 8%, при этом наибольший процент участия приходился на коммуны (5%) весной или артели осенью (7,6%), куда, очевидно, перекочевали крепкие хозяева после проведенной чистки коммун. Серьезные разночтения в данных Колхозсоюза и Ревизионной контрольной инспекции видны в приоритетном направлении колхозного строительства - привлечении бедняков. Наибольшая концентрация их приходилась на коммуны (75 и 84,5%), но при учете малочисленности этих объединений и более скромном участии в других видах колхозов средний показатель приближался только к половине

состава участников колхозов, по данным Колхозсоюза, и трети - по данным РКИ. Сведения Колхозсоюза обнаруживают увеличение участия в этом процессе середняков с 41,5 до 46,5%, по данным РКИ, летом 1928 г. середняки были основной преобладающей группой - 60%. В масштабах орловской деревни место колхозов было невелико: к ноябрю 1928 г. они занимали 2,1% земли округа, объединив 2,3% крестьянских дворов [24, 208].

Материально-техническая база колхозов почти не отличалась от средней крестьянской обеспеченности. На одну душу в крестьянском хозяйстве приходилось 1,41 га земли, этот показатель в колхозе был немного выше - 1,8 га. При этом 100-процентное обобществление земли наблюдалось только в коммунах, в артелях процент обобществления составлял 65,9, а в ТОЗах - 80,8. Еще скромнее главный показатель коллективного быта был в орудиях производства - 38,7% обобществления, по данным на 1 мая 1928 г. Не спешили колхозники расставаться и со скотом - полностью он был обобществлен в 83,4% коммун, 10,5% артелей и 6,2% ТОЗов. Таким образом, хозяйства, владевшие скотом до вхождения в колхоз, не спешили его обобществлять. Как юридические лица колхозы брали кредиты и индивидуально пользовались, распределяя их между членами.

Некоторые колхозы были даже обеспечены тракторами. Из 169 новинок в округе 4 попали в коммуны, 21 - в артели и 27 - в ТОЗы. Но, по всей видимости, технические новшества оставались диковинными излишествами. В докладе сообщается, что при организации тракторного отряда в него были переданы машины из колхозов, "где они не имели достаточной нагрузки". За исключением использования построек, доставшихся от помещиков, колхозы не имели возможности развернуть собственное строительство, в ряде случаев колхозники продолжали жить в своих селах и деревнях, что делало образование колхоза еще более условным. Среди основных недостатков указывались медленный темп обобществления производства, медленное накопление неделимого капитала, отсутствие амортизационных отчислений и организационных планов, уравнительная, лишающая стимула труда оплата по едокам. Таким образом, в основной массе колхозы были экономически несостоятельными организациями, временными объединениями ради использования государственных дотаций, не выстраивающими стратегию развития. Осенью 1928 г., по сведениям Окружкома, участие коллективных и советских хозяйств в товарной продукции Орловского округа не превышало 2% [27, 88].

Стремление пользоваться госсредствами не отождествлялось для колхозников с ответственностью перед государством, являясь поводом для конфронтации с властью. Во время хлебозаготовительных кампаний в конце 20-х гг., несмотря на специальные постановления, колхозы продавали хлеб частнику. В информационном письме секретаря Орловского окружкома 5 июня 1929 г. приводился пример "недостойного" поведения: "Колхоз "Красный Октябрь" излишки хлеба государству не сдавал, а разбрасывал их по лесу" [26, 21]. Неудивительно, что в директивных указаниях сквозили настойчивые требования "чистки" существующих колхозов.

Некоторые "коммунары" упорно не желали сдавать своих позиций. С 1928 по 1930 г. продолжалась тяжба между местной властью Козловского округа и семьей Воробьевых, составлявших костяк коммуны "Заря социализма", в спор были вовлечены "Колхозцентр" и редакция "Правды". Для рассмотрения правильности "чистки от классово чуждых элементов" направлялись комиссии из Москвы по поручению Каминского.

В 1926 г. колхоз "Новый путь" слился с коммуной "Вольная община", организованной анархистом Реповым. "Заря социализма" (так стала называться новая организация") оказалась многоцветной: в ней преобладали анархический, сектантский и предпринимательский оттенки. Партийное влияние, как отмечалось в докладе московской комиссии, проникло в "Зарю социализма" только на десятом году ее существования, правда ненадолго. Разоблачив одного пьяницу, бывшего "по недоразумению партийцем", Воробьевы усилили свой авторитет среди крестьян. Местные власти во что бы то ни стало хотели зачислить Воробьевых в категорию "кулаков", они стали собирать всевозможные доказательства, показания и т.д. "Воробьевы, в свою очередь, занялись этим же, собирая подписку среди граждан, доказывая, что с 1920 г. они колхозники". Инструктор Колхозцентра Чиненов назвал этот колхоз "патриархальным", считая, что получаемые "колхозниками" льготы шли фактически крупному патриархальному хозяйству. Личные средства Воробьевых составляли 50% всех вкладов коммуны. Доступ в коммуну имели только состоятельные крестьяне, при этом вместо общественной работы существовал принцип для новичков: в течение первого года они ничего не получали.

"Нэповские коммунары" чутко улавливали новшества и не были консерваторами. Их молодежь была направлена на учебу в вузы и даже на тракторные курсы. "Зарю социализма" можно привести в качестве редкого примера пользующегося авторитетом в крестьянской среде колхоза. Воробьевы выступали защитниками деревенских жителей от притеснения местного руководства, играли "роль ходатаев при случаях различных перегибов на местах". Нападки местных властей были парированы хвалебными статьями московских корреспондентов в "Правде". "И немудрено, - делал вывод инструктор, - что население больше прислушивалось к Воробьеву, чем к местной организации" [14].

Тенденция создавать коммуны для прикрытия

своих материальных интересов людям, близким к власти, была настолько устойчива, что отдельные эпизоды случались даже в 1928 г., когда курс партии в отношении всех форм самодеятельности заметно ужесточился. В Льговском районе ЦЧО по инициативе местных партработников была образована коммуна "1 мая", среди ее "учредителей" были также агрономы, студенты сельскохозяйственной Тимирязевской академии и лектор школы ОГПУ. Дополнили состав коммуны "ряд кулацких хозяйств". Новоиспеченный колхоз противопоставил себя, вопреки всем установкам, местной бедноте, организовавшейся в ТОЗ. До осени 1929 г. коммунарам удавалось получать льготы и избегать налогообложения. Общая сумма налога на всех членов коммуны в случае их индивидуального обложения составляла 2701,17 руб., из которой только зажиточная ее часть должна была уплатить 1647, 59 руб., коммуна же уплатила налог в размере 400 руб. За фасадом коллективизации скрывалось не только почти семикратное сокращение налога, за год грамотные колхозники заняли государственных кредитов на 32 661 руб., превратив их в недвижимость [14].

Таким образом, большинство колхозов Центрального Черноземья накануне коллективизации мало походило на "островки социализма" в деревне. Образование их было тоже своего рода кооперацией, только прямо противоположной "школе коллективизации", направленной не на подготовку деревни к социалистическому, трудно поддающемуся идентификации крестьянским сознанием типу хозяйства, а к новой политической и экономической конъюнктуре, новым "правилам игры", установленным Советской властью. Состояние колхозов, особенно коммун, региона в конце 1920-х гг. не позволяло связывать с ними большие перспективы, власти потребовался другой механизм для реорганизации деревни и популяризации колхозной практики. Первые колхозы обнаружили многообразие форм: одни напоминали фермерские хозяйства, реконструировавшие столыпинский замысел, которым явно препятствовало сужение рыночной инициативы, другие представляли собой нежизнеспособные организации с "госиждивенческими настроениями", зависимые от кредитов, третьи были ширмой для использования государственных средств и льгот. Одним словом, первые колхозы были боковой побочной ветвью социалистического эксперимента над деревней, еще до наступления "великого перелома" демонстрируя его вырождение. Партийные теоретики второй половины 20-х гг. не могли не видеть печальный опыт проектируемых организаций. Даже альтернативные модели, как, например, у Бухарина, который рассматривал колхозы как попытку использования дополнительных капиталовложений и материальных стимулов с целью создания добровольных объединений для увеличения объема сельскохозяйственной продукции, разбивались о непроизводительное использование государственных средств.

Эти своеобразные институты требуют дальнейшего изучения и на примере других регионов. Вопрос об условиях победы большевиков в "великом переломе" на сегодняшний день остается открытым. Пролог коллективизации со своеобразным вектором развития выводит нас на проблему утверждения бюрократической колхозной организации в 30-е гг. как потенциально чуждой традиционным институтам деревни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. - М., 2004.
2. Аграрная политика Советской власти (1917 - 1918), документы и материалы. - М., 1954.
3. Беднота. 15 декабря 1918 г.
4. Беднота. 14 января 1919 г.
5. Голос трудового крестьянства. 16 ноября 1918 г.
6. ГАОО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1305.
7. Орловская правда. 2 сентября 1923 года.
8. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1557.
9. ГАОО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1127.
10. Тотомианц В. Кооперация в России. Прага, 1922.
11. ГАОО. Ф. П-1. Оп.1. Д.1879.
12. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. - М., 1997.
13. ГАРФ. Ф. 5466. Оп.1. Д. 317.
14. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 109.
15. Орловская правда. 14 июля 1923 года.
16. Правда. 21 мая 1922 г.
17. ГАОО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1246.
18. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 462.
19. ГАОО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 2037.
20. ГАОО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 2044.
21. ГАОО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1948.
22. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 34.
23. "Совершенно секретно": Лубянка - Сталину о положении в стране (1922 - 1934 гг.). М., 2002. Т. 6.
24. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 33.
25. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 8.
26. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 218.
27. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 50.

Goncharova I.V.

ON THE THRESHOLD OF COLLECTIVIZATION: THE EXPERIENCE OF CENTRAL CHERNOZEMYE KOLKHOZ FOUNDATION IN 1920S.

The article tells us about the experience of the first kolkhoz organizations on the territory of Central Chernozemye in 1920s. Despite the idea of party authorities, they were not connected with cooperative systems. The priority forms of people's labour organization - the communes, trying the new mode of life were single. In the period of kolkhoz foundation revolutionary enthusiasm was ejected by some programmatic ambitions: to solve peasant's shortage of land problem at account of former landowners' estates, allocated by government, to preserve nobles' nests in the forms of collective statutes, to use loans and benefits etc. On the eve of collectivization the majority of kolkhoz organizations didn't stand out against rural surroundings, being formations with poor standards of living, insufficient socialization of the means of production, low labour productivity and goods supply.

И.Г. Ермолов, *кандидат исторических наук, докторант Орловского государственного университета.*

САМОУПРАВЛЕНИЕ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РСФСР

В статье раскрыт административный аспект гражданского коллаборационизма периода Великой Отечественной войны: показаны процесс формирования, структура, функции, кадровый состав органов местного самоуправления, созданных в годы оккупации западной части РСФСР.

Первым шагом в осуществлении колониальных планов в отношении населения РСФСР стало создание в занятых германской армией областях административного управления, которое на территории России имело некоторые особенности. Так, в отличие от Прибалтийских республик, Белоруссии и Украины, население РСФСР проживало в зоне военного управления. Это означало, что вся власть в тыловых районах германских армий находилась в руках начальников военной администрации, а власть на местах принадлежала полевым комендантам и начальникам гарнизонов.

Введенное немцами территориально-административное деление в основных чертах соответствовало принятому при Советской власти, за исключением того, что в ряде мест для удобства управления в пределах областей были созданы административные округа, включавшие несколько районов. Как правило, область делилась на 5 - 6 округов, а количество районов в округе зависело от их размеров, экономики и сельхозугодий. Районы в большинстве случаев были переименованы в уезды, а территории сельских Советов - в волости.

Система управления указанными административными единицами в основном повторяла систему управления, принятую при Советской власти, за исключением того, что вся местная гражданская власть курировалась немецкими комендатурами - военной и хозяйственной (Wirtschaftskommandantur - WIKO). Через комендатуры проходили все приказы и распоряжения местных властей, за исключением военных, которые были вне компетенции органов местного самоуправления.

Первичной административной единицей была сельская община, существовавшая в пределах одной деревни. Членами общины являлись все жители деревни, постоянно в ней проживающие. Во главе ее стоял староста, который формально избирался населением, фактически - назначался германским командованием[1], иногда - районным бургомистром[2]. Выборы старосты проходили на сельском сходе, присутствовали на котором только мужчины. Как правило, никто из избирателей не осмеливался голосовать против кандидатуры, предложенной немцами. В ряде местностей, например в западной части Орловской области, даже формальных выборов старост не проводилось. В должностной инструкции для бургомистров и волостных старшин указывалось, что "староста назначается и увольняется старшиной"[3], который "несет ответственность за правильное назначение"[4].

Нередки случаи, когда старостами становились не только лица, обиженные Советской властью. По крайней мере, докладная записка представителя ПШ на Брянском фронте старшего майора госбезопасности Матвеева и заместителя начальника разведотдела майора Быстрова в ЦШПД от 1.12.42 констатирует, что "обычно старостами немцы ставят... предателей из числа бывших советских работников - председателей колхозов, сельсоветов, бывших членов ВКП(б)"[5]. Согласно той же докладной записке, "иногда сельские старосты избираются населением или назначаются немецкими властями из честных советских людей, пользующихся авторитетом у населения"[6]. Согласно выводам А.Ю. Попова, определенная часть работников советского аппарата управления стала активно сотрудничать с оккупантами, а на должности старост довольно часто попадали именно председатели сельских Советов и колхозов[7].

Сельский староста имел обычно в подчинении заместителя, писаря и 1 - 3 полицейских, являлся полным хозяином в своем селе, регулируя практически все стороны жизни населения. Так, без ведома старосты ни один житель села не имел права куда-либо выехать или пустить кого-либо переночевать. Староста и его подчиненные снабжались удостоверениями о том, что состоят на службе у немцев и имеют право передвижения на территории своей волости без пропусков. За свою

© И.Г. Ермолов, 2008

службу староста и его аппарат получали зарплату, размер которой зависел от количества населения в деревне. Так, зарплата старосты колебалась от 300 до 450 рублей, заместителя - от 200 до 250 рублей, писаря - от 200 до 300 рублей, полицейского - 240 рублей плюс хлебный паек около пуда зерна в месяц. Печати сельский староста не имел, заверяя выдаваемые им документы либо своей подписью, либо своей подписью и печатью волостного управления[8].

На сельского старосту возлагалась обязанность не только первичного учета населения, но и определения его политической благонадежности, для чего староста вел соответствующую учетную книгу. В отдельных селах старосты по своему личному произволу устанавливали тотальный контроль за всеми сторонами жизни населения, превзойдя в этом даже тоталитаризм, существовавший при советском режиме. Так, в ряде сел Хотынецкого района Орловской области (Алехино, Суханка и др.) старосты запретили девушкам выходить замуж по собственному желанию, выдавая девушек замуж по своему усмотрению[9]. Что касается произвола со стороны сельских старост, он в ряде случаев также превосходил произвол советских председателей колхозов. Так, в Стародубском районе Орловской области старосты нашли оригинальный способ уклониться от продовольственного налога, распределив причитающийся с них и с полицейских налог между жителями сел[10].

Однако фактически абсолютная власть старосты формально была ограничена, в частности, тем, что староста являлся лишь "исполнительным органом" волостного старшины и не имел права принимать самостоятельные решения, управляя только по указаниям и поручениям волостного старшины[11]. В деревне, где жил волостной старшина, староста не назначался - его обязанности одновременно выполнял старшина[12].

Несколько населенных пунктов составляли волость, причем территория волости, как правило, соответствовала территории сельского Совета. Волости возглавлялись волостными управлениями или волостными управами, руководили которыми волостные старшины. Аппарат волостного старшины обычно включал заместителя, писаря, мирового судью и начальника волостной полиции. Последнему подчинялся отряд полицейских, численность которого определялась местными условиями и наличием мобилизационного контингента. В ряде случаев в структуру волостных управ входили отделы, количество и наименования которых зависели от специфики той или иной местности. Так, каждая из пяти волостных управ Трубчевского района Орловской области включала административный, налогово-финансовый и полицейский отделы, по мере необходимости в каждой управе предусматривалось создание новых отделов[13]. Волостной старшина являлся полным хозяином своей волости, проводя свою работу через старост и начальника полиции. Большую роль в управлении волостью играл и писарь, который нередко "через голову" старшины фактически руководил делами волости.

Что касается контингента волостных старшин, уже цитировавшаяся докладная записка Матвеева и Быстрова сообщает, что "на должность волостного старшины немцы назначают обычно людей, раньше работавших на партийно-советской работе (агрономы, землемеры, районные работники, председатели с/с, учителя) и хорошо знающих свой район... Кроме этих лиц на должность старшины назначаются люди, репрессированные органами Советской власти, или же открытые враги Советской власти и выходцы из других партий"[14]. Так, согласно донесению политотдела 43-й армии от 30 апреля 1942 г., "на должность старшины Знаменского района Смоленской области был назначен предатель Чикачев К.Ф., бывший главный агроном райзо исполкома, член ВКП(б)"[15]. В Калининском районе на 1 апреля 1942 г. из 138 колхозов 95 находились в оккупации, из их председателей только 18 эвакуировались и 5 находились в партизанах. Основное же количество председателей исполняло свои прежние обязанности в качестве старост и старшин. Так, старостой стал бывший председатель колхоза "Борьба" С. Харитонов, усердно выполняя все задания немецких властей. Бывший председатель Скворецкого сельсовета, член ВКП(б) Н. Лукин дезертировал из партизанского отряда, сдал оружие немцам и стал старшиной волости. Дезертировал из партизанского отряда и бывший председатель сельсовета Н. Назаров, также став волостным старшиной[16].

В обязанности старост и волостных старшин входили учет населения, земельных площадей, скота, разверстка и сбор налогов, шедших на нужды германской армии, сбор оставленного при отступлении РККА оружия[17].

В некоторых волостях, вероятно, там, где отсутствовали мировые судьи, волостным старшинам вменялось в обязанность наложение взысканий за совершение проступков, если таковые не преследовались законами германского командования. Так, в Пластовской волости Навлинского района Брянского округа старшина имел право наложить штраф до 1000 рублей, приговорить к тюремному заключению или к принудительным работам на срок до 14 дней[18].

Следующей административной единицей был район или уезд, включавший, как правило, 5 - 6 волостей. Во главе района (уезда) стояла районная (уездная) управа, возглавляемая районным бургомистром, которому подчинялись заместитель, начальник полиции и заведующие отделами. На должности районных бургомистров и структурных подразделений райуправ обычно назначались лица из местного населения, преимущественно из числа советских и партийных руководителей. Исключение составляли должности начальников полиции, занимали которые в большинстве случаев командиры Красной Армии, попавшие в окружение[19].

Как и волостные старшины, районные бургомистры имели право во внесудебном порядке накладывать наказания на лиц, совершивших проступки. Так, районные бургомистры Брянского округа могли накладывать штраф до 4000 рублей или определять тюремное заключение на срок до 2 месяцев. Свои решения о наложении взысканий бургомистры районов были обязаны согласовывать с районной комендатурой, а если таковой в районе не было, подавать сведения о взысканиях в окружное управление[20].

Несколько районов (уездов) объединялись в округ, во главе которого стояла окружная управа, возглавляемая обер-бургомистром[21], ей подчинялись городские, районные и уездные управы. Обер-бургомистры назначались не только из числа местных жителей, но и из немцев. Управа состояла из отделов, соответствующих структуре уездной управы[22].

В границах прежних областей создавались губернии, однако не повсеместно, а лишь в пределах тех областей, которые были оккупированы полностью[23]. Так, в Орловской, Тульской, Ленинградской областях губернские управы так и не были созданы ввиду их частичной оккупации, причем несмотря на то, что оккупация части Орловской области продлилась до 1943 г., а оккупация части Ленинградской области - до 1944 г.

Во главе города стояла городская управа, возглавляемая бургомистром города[24]. Бургомистр был должностным и административным начальником всех подчиненных ему чиновников, подведомственных ему организаций и учреждений[25].

Городские управы включали в себя отделы, количество и наименование которых в различных городах различалось и зависело от ряда местных условий. Так, Калининская городская управа состояла из 16 отделов, включая личную канцелярию бургомистра, штаб охраны (полицию) и следующие отделы: административный, хозяйственный, технический, медико-санитарный, просвещения, связи, строительный, жилищный, лесопильно-топливный, автотранспортный, конно-транспортный, финансовый, промышленный, пропаганды[26]. Структура Орловской городской управы выглядела несколько иначе, включая всего 10 отделов: общий, финансовый, государственного страхования и обеспечения, здравоохранения, полиции, транспортный, заготовок и снабжения, просвещения, права и гражданства, городского хозяйства. Причем каждый отдел включал подотделы[27]. Количество отделов Брянской горуправы было еще меньшим, равнялось десяти: финансовый, образования и православия, заготовок, торговый, общественного питания, строительный, топливный, дорожно-хозяйственный[28]. То есть система управления не отличалась единообразием, имея в каждом крупном населенном пункте специфические особенности, зависящие от местных условий.

Городские и районные управы являлись исполнительными и распорядительными органами местного самоуправления. К исполнительным функциям относились работа полиции, финансовое и налоговое дело, помощь семьям рабочих, выехавшим на работу в Германию, запись актов гражданского состояния, а также иные области деятельности, выходившие за пределы интересов города и имевшие общеокружное значение. К распорядительным функциям горуправы относились области работы чисто местного характера, не имевшие общеокружного значения[29].

В крупных городах, преимущественно областных центрах, сохранялось деление города на районы. Так, г. Брянск был разбит на районы: Брянск 1-й (Брянск Северный), Брянск 2-й (Брянск Южный), Урицкий завод, Толстовский поселок[30], г. Калинин - на 8 районов, в каждом из которых сформировались районные управы, которыми руководили старшины. Каждый район делился на участки, возглавляемые участковыми, выполнявшими полицейские функции. Участковые подчинялись одновременно старшине и начальнику штаба охраны городской управы, кроме того, имели прямую связь с гестапо. Участок, в свою очередь, делился на кварталы, каждый из которых возглавлял квартальный, ему подчинялись коменданты многоквартирных домов[31].

Контингент сотрудников органов местного самоуправления составляли, как правило, лица из местного населения[32], а бургомистр города, согласно докладной записке Матвеева и Быстрова, "обычно импортируется из Германии из числа белогвардейцев или назначается из числа ярых врагов Советской власти"[33]. Относящаяся к этому же периоду информационная сводка штаба партизанского отряда им. Ворошилова, действовавшего на юге Орловской области, сообщает, что "бургомистры назначаются из немцев, живших на территории Советского Союза, и из советской интеллигенции, которая продалась немцам, изменив Родине"[34]. Так, бургомистром г. Брянска был назначен немец Карл Шифановский, а начальником топливного отдела Брянской горуправы - прибывший из Эстонии Альфонс Иванович Соц[35].

Подбор руководящих кадров осуществлялся с учетом их опыта работы в той или иной отрасли, должностей, которые они занимали в советских учреждениях. Немаловажное значение имело их отношение к Советской власти, причем предпочтение отдавалось пострадавшим от политических репрессий, бывшим членам других партий и фракций (меньшевикам, эсерам и т. д.). Причем некоторые авторы мемуаров ввиду этого пытаются объяснить наличие в аппарате местного самоуправления русских именно политической подоплекой. Так, бывший начальник Орловского УНКВД К.Ф. Фирсанов пишет: "С первых дней оккупации в городах и районах нашей области стала всплывать на поверхность разная нечисть: троцкисты, меньшевики, правые эсеры, кулаки и бывшие купцы... Вся эта немногочисленная, но очень озлобленная и грязная свора была верной опорой и лакеями фашистов"[36].

Однако нередки были случаи, когда ответственные руководящие посты в аппарате самоуправления занимали бывшие советские и даже партийные работники, лица из числа советской интеллигенции. По утверждению А.Ю. Попова, представители советской интеллигенции стали основными кадрами органов городского самоуправления. Тот же автор отмечает, что в 1941 г. кадры органов самоуправления рекрутировались даже из партизан[37]. В частности, приказ № 17 по кавалерийской бригаде СС от 31 октября 1941 г. гласил: "Пленных партизан, производящих впечатление интеллигентных людей, сразу не следует расстреливать... их следует доставить в штаб бригады"[38]. Правомерно предположить, что немцы знали о том, что сотрудники советского и партийного аппарата нередко с приходом немцев уходили в партизанские отряды. Следовательно, в ряде населенных пунктов на легальном положении оставалось гораздо меньше советских руководителей, нежели в рядах партизан, откуда их приходилось "извлекать" оккупантам с последующим использованием не только для получения соответствующих сведений в ходе допросов, но и для формирования администрации самоуправления.

Обзор кадрового состава органов местного самоуправления позволяет сделать вывод о наличии в числе руководителей немалого количества интеллигенции, советских и партийных работников. Так, заместителем бургомистра г. Брянска работал И.И. Плавинский, до оккупации служивший инженером дорожно-мостового отдела Брянского горсовета, финансовый и строительный отделы Брянской горуправы возглавляли члены ВКП(б) Дудкин и Мирошниченко соответственно. Отделом заготовок Брянской горуправы заведовал бывший заготовитель Брянторга С. Фабрикантов. Бургомистром Брянска Южного (один из районов г. Брянска) был бывший инженер завода "Красный Профинтерн" П. Соколов, бургомистром г. Орджоникидзеград - бывший учитель Герасимов[39]. Бургомистром райцентра Погар Орловской области был назначен бывший директор МТС Шлапак, а начальником полиции в том же районе - бывший секретарь поселкового Совета Синицкий[40]. Бургомистром г. Твери (оккупанты вернули г. Калинину историческое название) стал бывший инженер коммунального хозяйства, офицер армии А.В. Колчака дворянин В.А. Ясинский[41]. Обзор списков лиц немецких пособников и формулярных дел органов НКВД дает основания утверждать, что не менее 30% служащих аппарата самоуправления составляли советские и партийные работники. Так, из 140 "бывших немецких ставленников", взятых на учет Почепским РО НКВД Брянской области на 10 августа 1944 г., 50 чел. - бывшие советские и партийные работники, 2 - крестьяне-единоличники, 13 - рабочие, 3 - безработные, 1 - официантка, 81 - рядовые колхозники[42]. Не менее интересно, что служащие аппарата самоуправления после оккупации в большинстве своем остались на ответственных должностях. В некоторых случаях заняли более высокие, нежели до войны, должности. Так, почепский учитель М.И. Полессков в период оккупации служил начальником паспортного стола, после освобождения Почепского района стал заведующим районным отделом народного образования. Бывшие счетоводы, писари, землемеры, служившие в оккупацию старостами, в большинстве стали председателями колхозов. А секретари сельских Советов[43], бывшие в оккупацию волостными старшинами, в ряде случаев заняли должности председателей сельских Советов. Такой парадокс можно объяснить острой нехваткой руководящих кадров, в результате чего приходилось мириться с компрометирующим прошлым данной категории руководителей.

Лица, осужденные за уголовные преступления, в аппарате органов самоуправления работали крайне редко. В этой связи часто встречающееся в советской литературе утверждение, что на ответственные должности в период оккупации назначались преимущественно уголовники и маргиналы, не выдерживает серьезной критики.

Значительное количество в аппарате самоуправления партийных и советских работников, согласно выводам А.Ю. Попова, впоследствии нередко использовалось советскими партизанами для насаждения своей агентуры[44]. Бывший начальник Орловского УНКВД К.Ф. Фирсанов в своих мемуарах указал, что в начальный период оккупации чекисты сосредоточивали свое внимание на том, чтобы парализовать деятельность низовой администрации. С этой целью старостам, старшинам и бургомистрам через партизанскую разведку передавались послания следующего содержания: "Мы не возражаем против того, что ты стал старостой, но не смей обижать советских людей, тем более семьи партизан. Кроме того, ты обязан помогать партизанам". Если верить К.Ф. Фирсанову, многие старосты после этого действительно становились на путь сотрудничества с партизанами, саботируя мероприятия оккупантов по сбору продовольствия, оружия, отправке в Германию рабочей силы. Отказавшиеся от сотрудничества управленцы уничтожались партизанами[45]. Так, бывший председатель колхоза в деревне Дольской Трубчевского района Орловской области М. Морозов по заданию чекистов стал старостой. Уничтожив по заданию НКВД заместителя трубчевского бургомистра Павлова, М. Морозов организовал партизанский отряд и стал его командиром[46]. Бургомистром Дятьковского района Орловской области с согласия партизан стал Калашников, с помощью которого партизанам удалось выявить нескольких немецких агентов[47].

Что касается полномочий органов местного самоуправления, формально им была предоставлена полная самостоятельность, фактически же они стали послушным орудием в руках немецкого командования. Это следует уже из того, что почти все руководители, за исключением разве что

сельских старост, назначались германским командованием.

Помимо специфических должностных обязанностей, накладывавшихся на руководителей различных уровней, следует выделить общие черты их деятельности. Одна из основных - осуществление учета населения, в первую очередь трудоспособного, контроль за его передвижением, что являлось одним из шагов осуществления "восточной" политики. Так, в городах и селах оккупированных областей первым шагом оккупантов и подчиненных им органов местного самоуправления стала перерегистрация населения, которая имела целью выявление наличия рабочей силы, национального состава населения, контингента, согласного сотрудничать с оккупантами, и партийно-советского актива. Так, в Брянске и Орле перерегистрация прошла в ноябре 1941 г. С этой целью все граждане, проживающие в городах, были обязаны явиться в городские управы с советскими паспортами. Там они заносились в книгу учета, а в паспорт ставился штамп. Лица, не имевшие советских паспортов (красноармейцы-окруженцы, отпущенные из лагерей военнопленные, беженцы, дезертиры из партизанских отрядов и РККА), получали временные удостоверения личности[48].

После перерегистрации следовала перепрописка обладателей советских паспортов и временных удостоверений личности, которой занимался паспортный стол горуправы, непосредственно подчинявшийся начальнику полиции. Прописка производилась через уличного старосту, который с домовой книгой, имеющейся в каждом доме, и паспортом прописываемого являлся в паспортный стол, где в паспорт и домовую книгу ставился соответствующий штамп. С целью полноты учета населения органы местного самоуправления применяли к проживающим без прописки лицам штрафные санкции - от денежного штрафа до тюремного заключения[49]. С этой же целью в июле 1942 г. в Орле и Брянске органы местного самоуправления провели вторичную перерегистрацию населения, в ходе которой наряду с пропиской в паспорте или временном удостоверении, выдаваемом на 1 год, ставился особый штамп о политической благонадежности. Всего имелось 4 группы, причем состоявшие в 4-й группе считались особо неблагонадежными и были обязаны еженедельно являться в полицию для отметки.

В целом работа созданных на оккупированных территориях органов самоуправления позволила оккупантам обеспечить относительно нормальное функционирование всех отраслей хозяйства, включая промышленность, сельское хозяйство, инфраструктуру. Создание же вполне дееспособных властных структур стало возможным благодаря использованию большого количества бывших советских и партийных работников, избежавших эвакуации в советский тыл. Именно деятельность административных коллаборационистов дала оккупантам возможность наладить управление западными областями РСФСР. Поэтому правомерен вывод, что деятельность лиц, поступивших на службу к врагу в административной сфере, привела к тому, что оккупация России приняла затяжной характер. Так, германская армия, вторгшаяся в глубь СССР, не была "вытолкнута" оттуда, а получила приемлемые условия для снабжения, что обеспечивалось нормальной работой структур самоуправления, созданных из советских граждан. Однако при этом следует различать коллаборационистов и псевдоколлаборационистов, то есть тех, кто занял должности в аппарате самоуправления по заданию партизан либо советского подполья, оказывая при этом помощь в борьбе с оккупантами. В целом же административный коллаборационизм можно рассматривать как довольно опасное явление, нанесшее глобальный вред интересам нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тверской центр документации новейшей истории - ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.
2. Центр новейшей истории Брянской области - ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.
3. Государственный архив Брянской области - ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.
4. Там же.
5. Российский государственный архив социально-политической истории - РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151.
6. Там же.
7. Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 73.
8. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151-152.
9. Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов / Под ред. В.К. Соколова. - Брянск: Брянский рабочий, 1962. Т. 2. С. 66.
10. ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.
11. ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14, 26.
12. Там же.
13. Там же. Л. 26.
14. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 152 - 153.
15. Цит. по: Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941-1945: в 2-х кн. М., 2004. Кн. 2. С. 293.
16. Мангазеев И.А. Коллаборационисты // Вече Твери. 2005. 18 февраля.
17. Ирлицин В.И. Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 г. - ноябрь 1942 г. (на материалах Калининской области): дис... канд. ист. наук / Тверской государственный университет. - Тверь, 1998. С. 143.
18. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153 - 155.
19. Там же. Л. 152 - 153.
20. Там же. Л. 153 - 155.
21. Там же. Л. 153.
22. Там же. Л. 152.
23. Там же.
24. ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.
25. Государственный архив Орловской области - ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23 - 24.
26. Там же. С. 142.
27. ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23 - 24; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 - 5, 21 - 22.
28. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151 - 157.
29. ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23 - 24; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 - 5, 21 - 22.
30. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153.
31. Ирлицин В.И. Указ. соч. С. 142 - 143.
32. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153.
33. Там же. Л. 153 - 155.
34. ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.
35. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153 - 155.
36. Фирсанов К.Ф. Как ковалась победа // За линией фронта: сб. мемуаров / Под ред. З.Я. Сидельникова. - Тула: Приокское книжное издательство, 1968. С. 77.
37. Попов А.Ю. Указ. соч. С. 73.
38. Там же.
39. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153 - 156.
40. Абрамович И.Е. Шумел сурово Брянский лес // За линией фронта. С. 122.
41. Мангазеев И.А. Указ. соч.
42. ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74 - 75 об, 76 - 81.
43. Там же.
44. Попов А. Ю. Указ. соч. С. 73.
45. Фирсанов К.Ф. Указ. соч. С. 67 - 68.
46. Слюнин В.Т. Первыми шли коммунисты // За линией фронта. С. 91.
47. Фирсанов К.Ф. Указ. соч. С. 68.
48. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 154.
49. Там же. Л. 154.

Р.П. Осипов, *соискатель кафедры истории России Орловского государственного университета.*

УЧАСТИЕ ОРЛОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (1918 - 1920 гг.)

Участие молодёжи Орловщины в гражданской войне (1918 - 1920 гг.) ярко показывает нам тот героизм, который она проявила в тяжёлый для всей Советской России период, защищая Советское государство от белополяков, Врангеля, Юденича, Деникина.

Советская Россия смогла выстоять в суровых испытаниях войны. Самым преданным и верным помощником во всех тяжелых испытаниях, всегда находившимся на переднем рубеже, принимая на себя большую тяжесть военного времени гражданской войны (1918 -1920 гг.), была орловская комсомольская молодёжная организация. Её деятельности в годы гражданской войны на Орловщине (1918 - 1920 гг.) прошлого века посвящается статья.

Мирное строительство, к которому приступила Советская Республика после заключения Брестского мира, продолжалось недолго. Оно было прервано иностранной военной интервенцией и гражданской войной.

Капиталистические страны развернули ожесточенную борьбу против Советской власти и начали иностранную военную интервенцию и гражданскую войну. "Свергнутые эксплуататорские классы и международный империализм с яростью боролись против нового общественного строя[1].

Коммунистическая партия с привлечением молодежи подняла народ на защиту социалистического Отечества[2].

Орловская молодежь в период иностранной военной интервенции и гражданской войны оказалась в самом центре событий[3].

На территории Орловской губернии орудовали белогвардейские и кулацкие банды.

Борьба за хлеб являлась одной из основных задач местной партийной организации, так как кулачество прятало его, отказывалось сдавать по твердым ценам, перегоняло зерно на самогон[4].

Население нуждалось не только в хлебе, но и в других предметах первой необходимости - обуви, одежде, соли, спичках, керосине. Не хватало паровозов, вагонов, материалов для ремонта пути, недоставало топлива. С наступлением морозов приходилось закрывать помещения некоторых отделов исполкомов Советов, временно прекращать занятия в школах многих уездов. Свирепствовали различные болезни, особенно тиф, больницы были переполнены, смерть косила людей.

Политическая обстановка в Орловской губернии в течение 1918 года была чрезвычайно сложной. Орловская буржуазия вместе с меньшевиками и эсерами подняла клеветническую кампанию против большевистской партии и Советской власти, требуя восстановления земств, городских дум, созыва Учредительного собрания[5].

Положение усугубилось волной кулацких мятежей. Среди них следует назвать прежде всего кулацкое восстание в Ливенском уезде в августе 1918 г. Местным богатеям удалось захватить склад с оружием, оснастить им свои отряды, а затем хозяйничать в городе Ливны и ряде волостей[6].

На подавление этого восстания партийная организация Орловской губернии направила железнодорожный отряд под командованием В. Н. Сорокина, отряд Красной Армии Орловского гарнизона под командованием губвоенкома А. Я. Семашко и кавалерийскую часть под командованием Г. М. Шаташвили. Операциями руководили члены Орловского губкома партии и губисполкома М. Н. Буров и М. А. Переславский. В. И. Ленин внимательно следил за ходом событий в Ливенском уезде[7].

Когда мятежники были разгромлены, В. И. Ленин обратился с телеграммой к Ливенскому исполкому, военкому А. Я. Семашко и организации коммунистов, в которой приветствовал энергич-

© Р.П. Осипов, 2008

ное подавление кулаков и белогвардейцев и дал ряд советов по упрочению Советской власти[8].

В течение второй половины 1918 г. многие уезды губернии были на военном положении. Антисоветские провокации меньшевиков и эсеров наряду с кулацкими мятежами создавали серьезную опасность для Советской власти.

В таких невероятно трудных условиях губернская Орловская организация действовала решительно и самоотверженно, мобилизуя силы на отпор контрреволюции из большого числа молодёжи.

Приходилось менять формы и методы работы с людьми, проявлять величайшую гибкость и твердость в осуществлении линии Центрального Комитета партии. Пройдя через горнило суровых испытаний, парторганизация приобрела богатейший опыт политической и военно-хозяйственной деятельности[9].

На 1 ноября 1918 г. численный состав Орловской организации был еще небольшим. Он пополнялся из молодежи[10].

Сосредоточивая главное внимание на вопросах оказания всесторонней помощи фронту, губком, укомы партии в активную общественную и политическую жизнь, привлекали всё новое большое количество орловской молодежи.

В принятом на VI съезде партии Уставе не было четкой схемы организации партии сверху донизу по принципу демократического централизма, отсутствовало положение о большевистской ячейке и ее задачах.

Устав, регламентирующий деятельность партии в условиях, когда она стала руководящей, был принят 4 декабря 1919 г. на VIII Всероссийской конференции большевиков[11].

В марте 1919 года было предложено губисполкому изыскать необходимые средства для КСМ. Губком отпустил Союзу молодежи из своих средств 5 тысяч рублей.

Решения VIII съезда, принятые партией, заставили всех партийных работников всех губерний, в том числе и Орловской, уделять большое внимание РКСМ.

В декабре 1919 г. во всех уездах городские комитеты были упразднены, происходит объединение в ячейки, куда примкнула молодежь.

Такая структура губернской организации отражала конкретно-историческую обстановку. В губернии стали создаваться комсомольские организации[12].

В конце 1918 - начале 1919 г. в крупных городах - Орле, Ельце, Брянске, Ливнах - действовало несколько ячеек учащейся молодежи.

Усиливая работу по оказанию всесторонней помощи фронту, организация не забывала о пополнении своих рядов из молодежи. Лучшие представители молодежи Орловской губернии, видя, что большевики защищают народные массы от свергнутых эксплуататорских классов, активно вступали в РКП (б)[13].

Более трех лет продолжалась схватка с интервентами и белогвардейцами. Особенно тяжелым был 1919 год[14].

Незадолго до того как орловские комсомольцы по призыву стали уходить на борьбу с Колчаком, в марте 1919 года состоялся VIII съезд партии.

На съезде была принята новая - вторая - Программа партии. Решения съезда имели историческое значение для орловского комсомола. Съезд призвал юношей и девушек принимать все более активное участие в борьбе с белогвардейцами[15].

В создании комсомольской организации нашли свое яркое отражение надежды и чаяния молодых революционных бойцов, повсюду объединявшихся под знаменем социалистической революции.

Рождение комсомола стало возможным на базе революционной борьбы пролетариата России.

Коммунистическая партия, В. И. Ленин видели в молодежи одну из сил революции и еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции обращали внимание местных организаций на необходимость активного вовлечения трудящейся молодежи в революционную борьбу, на создание самостоятельных организаций[16]. Возникали новые ячейки.

В Покровской волости Орловского уезда в большевистскую ячейку вступили 25 человек, в том числе и молодежь[17].

Летом 1918 года решающим стал Восточный фронт. Молодежь тоже вносила свой вклад в борьбу с врагом[18].

Сразу же после этого общей сложностью 500 коммунистов и комсомольской молодежи было отправлено в действующую армию.

Партийные организации Муравльской и Сосковской волостей Кромского уезда ушли на фронт в полном составе.

В целом комсомольская молодежная организация Кромского уезда в это время отмобилизовала 5 процентов своего состава.

На фронт ушла пятая часть Елецкой уездной партийной организации.

К апрелю 1919 г. губернская партийная организация заметно выросла: в 282 ее ячейках насчитывалось свыше 13 тысяч молодежи. Это уже была влиятельная сила[19].

Важную роль играли собрания. В ячейках они проводились не менее двух раз в месяц. Регулярно проходили уездные собрания, на которых обсуждались как общие политико-экономические вопросы, так и проблемы местной жизни. Во всех политических и других мероприятиях активное участие принимала молодежь.

В конце июля 1919 г. ЦК РКП (б) принимает постановление об укреплении Восточного фронта, в котором в качестве первоочередной задачи предусматривается проведение массовой мобилизации молодежи. Губисполком мобилизовал 75 процентов ответственных работников своих учреждений. Половина членов исполкомов Дмитровского,

Болховского уездов влилась в ряды вооруженных защитников республики, где большую часть в этом движении составляла молодёжь[20].

Молодежь делали всё для оказания помощи фронту. Так, рабочие Брянского завода и станции Брянск отчислили в помощь Красной Армии половину своего дневного заработка.

Население волости Дмитровского уезда собрало большое количество продуктов и направило их красноармейцам. Воронецкая партийная организация организовала платные концерты, средства передала в Кромской уком партии для нужд Красной Армии. Оказывалась помощь семьям красноармейцев.

Сельские Советы проявляли заботу об обработке их земель, о снабжении сельскохозяйственным инвентарем, семенами, а особо нуждающимся назначались пособия, их дети направлялись в интернаты. Большой энтузиазм проявили рабочие предприятий губернии.

На заводах, фабриках, в различных мастерских производились военная техника, боеприпасы, снаряжение, обмундирование. Например, рабочие Брянского государственного завода ремонтировали бронепоезда, в сапожных мастерских шилась обувь. Все было подчинено нуждам войны. Одновременно в губернии продолжался процесс национализации промышленности. Во всех мероприятиях активно участвовала молодежь Орловской губернии[21].

В боях под Самарой в 1919 г. исключительную стойкость и самоотверженность проявили бойцы и комсомольская молодежь Мценского полка[22].

Полк получил благодарность от командования дивизии, а многие его бойцы были награждены памятным оружием и грамотами.

Комитеты под руководством большевистских ячеек внесли солидный вклад в разгром внутренней и внешней контрреволюции. В годы Гражданской войны губернской партийной организации пришлось много уделять внимания продовольственному вопросу, в котором также участвовала комсомольская молодежь, организовывая продовольственные отряды[23].

Так, например, пал от пули классового врага первый комсомолец Тросны М. Илюхин. Он был активным комсомольцем с 1921 года. Участвовал с товарищами в сборе продналога, боролся с самогоноварением, был культармейцем[24].

Десятки тысяч передовых рабочих были направлены в деревню для работы в продовольственных отрядах, во главе которых стояла молодёжь[25].

Большую помощь Орловской организации оказал председатель ВЦИК М. И. Калинин. Михаил Иванович посетил Орел, Мценск, Брянск, ряд уездов, выступал на митингах перед молодежью. Как правило, к моменту его прибытия приурочивалось проведение съездов Советов. М. И. Калинин принимал в них активное участие и обязательно выступал с речью, подчеркивая необходимость союза молодежи в работе со средним крестьянством[26].

Проведенные меры обеспечили дальнейший рост авторитета партии среди широких слоев крестьянства. Лучшие люди вступали в ее ряды[27].

Повсеместно создавались сельские большевистские ячейки, в которые охотно вступала молодежь. Характерно, что чем большая опасность надвигалась на молодую Советскую Республику, тем быстрее росла и активнее проявляла себя молодежь Орловщины.

На борьбу с колчаковцами организация Орловской губернии направила 36 процентов состава молодежи. Сражаться с врагом ушли 30% губернской профсоюзной организации, в которую входила молодежь. Благодаря общим усилиям помощь фронту росла с каждым днем. К лету 1919 г. белогвардейская армия Колчака была отброшена к Уралу[28].

Империалисты перенесли центр действий против Советской России на Юг. Войска Деникина стали главной антисоветской силой.

Центральный Комитет партии во главе с В. И. Лениным развернул огромную работу по мобилизации сил и средств на разгром врага.

Были собраны самые лучшие силы со стороны молодежной комсомольской организации Орловской губернии.

3 - 4 июля 1919 г. состоялся Пленум ЦК РКП (б), обсудивший важнейшие вопросы по организации отпора Деникину[29].

Реализуя указания, содержащиеся в письме ЦК РКП(б), орловская комсомольская молодежь использовала различные формы и методы партийно-политической работы.

Претворяя в жизнь решения сентябрьского Пленума ЦК РКП(б), Орловская партийная организация усилила свою деятельностью по мобилизации сил и средств на разгром врага, в которую привлекала новые силы молодежи. По всей Орловской губернии была объявлена мобилизация молодежи.

Она проходила успешно, несмотря на то, что к этому времени, ввиду неоднократных мобилизаций, ряды партийных организаций стали очень малочисленными. Партийные комитеты рассматривали персонально каждую кандидатуру. Орловский губвоенком Федоров был направлен в распоряжение политотдела 13-й армии, а председатель Костромского укома партии Барматунов возглавил политотдел Орловской дивизии.

Постановлением губкома партии от 8 октября 1919 г. были мобилизованы на политическую работу в Красную Армию члены губисполкома Бобков, Ананьев, Соловьев, члены губкома партии Егоров, Можаров, Кузнецов, члены президиума губкомаппарата Тагунов и Кудрявцев, а также некоторые товарищи, занимавшие комсомольские должности.

Молодое поколение уделяло особое внимание формированию коммунистических отрядов и

рабочих полков. Командиром Орловского полка был назначен М. Г. Медведев.

В 1920 году из Орла во Мценск приехал представитель оргбюро Орловского губкома РКСМ Яков Зайдман[30].

Он привёз для комсомольцев материалы и брошюры об РКСМ. Шло создание комсомольских ячеек на предприятиях, в школах и на селе[31].

В 1920 году Никите Васильевичу Морозову пришлось стать одним из организаторов Мценской уездной организации комсомола[32].

В 1920 году на губернском совещании с докладом выступил секретарь оргбюро Орловского губкома комсомола Николай Кондрашов, который поставил в качестве главной задачи организацию комсомольских ячеек и воспитательной и культурно-просветительной работы среди молодёжи. После этого комсомольский актив начал вести массово-разъяснительную работу среди молодежи[33].

Из-за трудности военного времени позаимствовать опыт у коллег из других уездов было невозможно. Активисты отправлялись по волостям и сёлам проводить собрания молодёжи, на которых разъясняли цели и задачи Коммунистического Союза Молодёжи и призывали молодых крестьян вступать в комсомол. Не менее активно велась работа в городе. Каждый день проводились то митинги, то лекции.

Вскоре был организован вечерний народный университет, занятия которого посещали примерно 300 человек[34].

Они проводились три раза в неделю. Люди очень активно обучались партийному делу. Работали кружки.

Распускались слухи, что Советская власть скоро исчезнет и плохо будет тем, кто записался в РКСМ, однако уездная комсомольская организация росла и набиралась сил.

В комсомол шли в силу неодолимой тяги молодежи ко всему новому, передовому. Начинают возникать первые комсомольские ячейки.

Зарождение ячейки начиналось чаще всего с организации самодеятельного кружка. Комсомольцы учились у большевиков.

Вот они, первые комсомольцы, первые руководители мценских большевиков: Иванов Иван Иванович, секретарь укома партии Евтушенко, председатель уисполкома Синицын, политкомиссар, первый военком Мценска Кисловский Пётр Максимович, председатель волостного исполкома Коростылёв Константин Фёдорович, председатель Воинского волисполкома Афанасьев Гавриил Максимович, организатор Побединской волостной ячейки РКСМ Аношечкин Алексей Константинович, Брылёв, Анциферов, Климов, Изоточкин, Трошин, Нефёдкин.

В мае 1920 года удалось объединить разрозненные молодёжные организации в уездный союз коммунистической молодёжи. На первый уездный съезд РКСМ собрались представители всех комсомольских ячеек и несоюзная молодежь. Это было памятное, торжественное и волнующее событие[35].

К этому времени союз насчитывал в своих рядах почти 60 комсомольцев.

1920 год был неурожайным и недородным. Поэтому съезд прошёл под лозунгом оказания помощи партии в обеспечении воинов Красной Армии и рабочих промышленных городов хлебом[36].

Кулаки не хотели продавать хлеб государству, прятали и уничтожали его. Был избран президиум укома. Секретарем избрали Андрея Зосимова.

В июне 1920 года секретарём укома комсомола стал Афанасий Масютин.

Застать их в укоме комсомола было очень трудно. Уездный комитет РКСМ быстро становился активным помощником партии в деле воспитания молодёжи[37].

При укоме РКСМ создана школа союзной работы, основная задача которой - подготовка деятельных работников из молодёжи. Комсомольские ячейки заботились о приобретении молодёжью навыков, приёмов организации и руководства производством. Шла работа по восстановлению после войны народного хозяйства, в которой активную роль принимала молодежь Орловщины.

Восстанавливая разрушение народное хозяйство, Советское государство вместе с этим выдвинуло вопросы культурного строительства в качестве составной части общей проблемы построения социалистического общества. Предстояло в первую очередь ликвидировать неграмотность населения и обеспечить подъем сознательности народных масс[38].

В апреле 1921 года состоялась уездная конференция комсомола. В общем-то нелёгкое это было время! Первые месяцы 1921 года принесли резкое обострение хозяйственных трудностей.

Это был один из самых сложных периодов в жизни молодого Советского государства. Но нужно было жить.

Комсомол стремился быть первым помощником партии в борьбе с хозяйственной разрухой. Не было такой области деятельности, в которой комсомол не принимал бы участия.

Казалось, что комсомол - неисчерпаемый источник сил. В тяжелейших условиях молодёжь продолжала борьбу с хозяйственной разрухой. При всех комсомольских ячейках действовали бюро по проведению субботников. Нужно топливо - его заготовил комсомол, нужно отремонтировать клуб - опять он. Комсомольцы Никита Морозов, Алексей Селиверстов, Пётр Корчевцев, Андрей Зосимов, Анатолий Гаврилов, Афанасий Мосяков и другие принимали активное участие в оказании помощи укому партии по восстановлению железнодорожного транспорта и промышленности[39].

Комсомол взял на себя и заботу о детях: заготавливали и доставляли в школы топливо, принимали участие в борьбе с детской беспризорностью. В первые годы существования комсомола приходилось вести серьёзную идеологическую

борьбу с детской и юношеской буржуазной организацией, состоявшей из сынков купцов и мещан, враждебно настроенных по отношению к новому строю. Победа оказалась на стороне Союза Коммунистической Молодёжи. РКСМ всё больше и больше завоёвывал симпатии молодёжи и всё больше и больше втягивал её в свои ряды. В такой обстановке тогда приходилось работать.

Но, несмотря на трудности, уездная организация Коммунистического Союза Молодёжи быстро растёт.

В 1921 году уком партии был командирован на учёбу в Москву, в Коммунистический университет имени Я.И. Свердлова[40].

Только что закончилась гражданская война. Восстановление страны в 1922 году проходило в очень трудной политической и экономической обстановке.

Победа над иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией нелегко далась рабочим и крестьянам Советской республики. Несколько лет беспрерывной войны, сначала империалистический, потом гражданской, довели страну до крайней степени разорения. Повсюду ощущался острый недостаток топлива, продовольствия и предметов первой необходимости[41].

Около 20 миллионов гектаров пахотной земли в стране оставались незасеянными. В 1920 и в 1921 годах многие губернии были поражены засухой. В Поволжье и в других районах свирепствовал голод. Новые труднейшие задачи вставали перед Коммунистической партией и Советским государством. Новые задачи призван был решать и нарождающийся Коммунистический Союз Молодёжи[42].

Теперь перед комсомолом во весь рост вставала задача помочь партии и Советской власти в скорейшей ликвидации разрухи и восстановлении социалистического сектора народного хозяйства.

В своей речи на III Всероссийском съезде РКСМ 2 сентября 1920 года чётко и выразительно сформулировал Владимир Ильич главную задачу, поставленную революцией перед партией и комсомолом, задачу приобщения молодёжи к коммунистическому строительству[43].

Огромную помощь комсомолу в преодолении всех трудностей неизменно оказывала партия. X съезд РКП(б), определявший пути нэпа, большое внимание уделил работе среди молодёжи.

Съезд обязал всех членов до 20-летнего возраста включительно состоять в РКСМ и принимать активное участие в его работе, укреплять кадры комсомольского актива. Вот что вспоминает об истории развития Орловской комсомольской организации комсомолец 20-х годов Никита Васильевич Морозов[44]:

“В январе 1920 года мне пришлось стать одним из организаторов Коммунистического Союза Молодёжи во Мценске.

На комсомольской работе во Мценске я проработал до августа 1921 года. На XI съезде партии (апрель 1922 года) снова обсуждался вопрос о работе комсомола в новых условиях. По окончании краткосрочных курсов Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова я был направлен на работу в город Орёл, где вскоре был избран членом бюро - заведующим политпросветотделом Орловского горкома РКСМ[45].

В ноябре 1922 года меня вызвал к себе секретарь Орловского губкома комсомола Фёдор Найдёнов. Зашёл разговор о положении дел в Болховской комсомольской организации[46].

Секретарь губкома комсомола рассказал мне, что было проведено уже четыре уездных съезда РКСМ, но на очередной комсомольский съезд делегаты не собрались. Дела комсомольские в Болхове шли плохо.

И мне пришлось ехать работать секретарём укома РКСМ в Болхов. На пленуме укома РКСМ меня избрали секретарём уездного комитета комсомола.

На первых порах со мной работали Николай Преображенский - заведующий политико-просветительским отделом, Федотов - заведующий экономическо-правовым отделом, Семён Воротынцев - секретарь ячейки РКСМ школы фабзавуча, Федосеев - секретарь комсомольской ячейки кожкуста объединения кожевенно-кустарной промышленности”[47].

Наступил 1923 год. После двух страшных недородных лет - 1920 - 1921 годов - наступили урожайные годы. В таких условиях как-то легче стало вести политико-воспитательную и идеологическую работу. Это было время комсомольской работы[48].

XI съезд РКП (б) в своих решениях указал, что "в деревне организации РКСМ должны явиться одним из главнейших опорных пунктов партии"[49].

В 1923 году членами бюро уездного комитета РКСМ были избраны: Денисов - заведующий политпросветотделом, Степан Алексеев - заведующий экономическо-правовым отделом[50].

Из этой директивы партии исходил пятый съезд комсомола (октябрь 1922 года), который принял специальное решение об укреплении комсомольских организаций в деревне. Самая первоочередная задача, которую приходилась решать, - это как можно шире развернуть внутрисоюзную работу и работу среди беспартийной молодёжи города и села. Сельские комсомольские ячейки действовали главным образом в волостях, где объединялись комсомольцы нескольких близлежащих деревень[51].

Наиболее активными комсомольскими работниками и нашими первыми помощниками были в то время секретари волостных комитетов РКСМ: Репнинского - Иван Бывших, Красниковского - Смирнов, Однолуцкого - Рассадников, Злынского - Власов, секретарь сельской ячейки деревни Каршагинка Репнинской волости Сергей Козлов и другие комсомольские активисты.

Комсомольцы разъясняли крестьянам поли-

тику партии и Советской власти, на селе они были в числе первых инициаторов перехода к коллективному труду на общей земле[52].

Следили комсомольцы за тем, чтобы с молодыми заключались трудовые договоры. Юноши и девушки видели в комсомольских ячейках надёжную защиту от притеснений со стоны кулачества. Комсомол всегда становился на защиту батраков[53].

Но комсомольцам приходилось бороться не только против кулаков и подкулачников, но и против невежества и суеверия. По решению V съезда комсомола в деревнях создаются школы крестьянской молодёжи - ШКМ (молодёжные избы-читальни, всевозможные агротехнические кружки[54].

В апреле 1923 года проходивший в Москве XII съезд РКП(б) принял специальное решение "О работе РКСМ", в котором была вновь подчёркнута вся важность политико-воспитательной деятельности комсомола и особо указано на необходимость "передать новому молодняку весь опыт революционной борьбы и тщательно ознакомить его с прошлым партии". Съезд предложил создать для этого в комсомоле широкую сеть политиков и политкультkружков. В комсомольских ячейках мы помогали организовывать политучёбу[55].

К весне 1923 года стоящие перед нами задачи были в основном решены. Но комсомольскому активу теперь предстояло решить ещё одну немаловажную задачу - следовало провести очередной уездный съезд РКСМ. За время пребывания на посту секретаря комитета Союза Молодёжи последний принял надлежащий вид в смысле работоспособности, а также приобрёл должный авторитет среди беспартийной молодёжи и вообще беспартийных масс.

V уездный съезд комсомольской организации открылся 25 апреля 1923 года. Съезд обсудил и единогласно одобрил решение XII съезда РКП(б) "О работе РКСМ". Съезд прошел организованно, на высоком идейно-политическом и организационном уровне[56].

С апреля 1924 года Морозов был выдвинут на должность заведующего агитационно-пропагандистским отделом укома РКП(б). Секретарём укома был избран Николай Золотухин, работавший до этого заведующим политпросветотделом укома РКСМ. Работая в укоме РКП(б), немало внимания уделял вопросам комсомольской работы.

12 - 18 июля 1924 года VI съезд РКСМ, переименовавший РКСМ в Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи (РЛКСМ), принял очень важное решение об усилении политического воспитания молодёжи.

В начале 1925 года Морозова отозвали на работу в Орловский губком комсомола, и он был избран членом бюро - заведующим экономическо-правовым отделом Орловского губкома комсомола[57].

23 июня 1925 года проходила IV Всероссийской конференция РЛКСМ, на которой мне посчастливилось быть делегатом, которая обсуждала вопрос "О работе РЛКСМ в деревне". Делегатам комсомолии Орловщины было о чём рассказать[58].

К 1925 году комсомольская организация Орловской губернии насчитывала в своих рядах около 12 тысяч членов и кандидатов в члены Ленинского комсомола. Большинство комсомольцев в губернии (более 60 процентов) составляли члены сельских ячеек, поэтому работа комсомольских организаций в деревне для орловского комсомола имела особенно важное значение. Основной курс брался на укрепление ячеек за счёт батрацкой молодёжи. Одной из крупнейших организаций в это время во Мценске была Думчинская ячейка РЛКСМ[59].

В 1925 году она насчитывала в своих рядах более 20 комсомольцев. Комсомольцы проводили большую организационную и культурно-массового работу среди молодёжи и населения. Это были незабываемые годы комсомольской юности. Партия большевиков, её основатель и вождь В.И. Ленин всегда придавали огромное значение организации коммунистической молодёжи. Ещё на II съезде РСДРП по инициативе В.И. Ленина была принята резолюция об отношении к учащейся молодёжи. В ней предлагалось всем организациям партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлении организоваться"[60].

В 1925 году в ней насчитывалось уже 10 членов. Комсомольцы работали под руководством партийной организации, выполняли все поручения. Жить по-ленински, быть всегда на переднем крае, там, где идёт ожесточённая борьба за революцию, за коммунизм, - эти цели ставили перед собой комсомольцы всех поколений. В трудные дни Великого Октября молодая гвардия рабочих и крестьян вместе с отцами шла отбивать цепи эксплуатации, бесправия и гнёта. Первое поколение комсомольцев закалилось в огне гражданской войны. “Вместе с комсомольскими билетами мы получили ружьё и 200 патронов”, - писал Николай Островский[61].

За годы гражданской войны и иностранной интервенции по трём всероссийским мобилизациям на фронт ушло более 25 тысяч комсомольцев. Многие организации комсомола уходили в Красную Армию. Много славных подвигов совершили комсомольцы первого поколения города Орла в годы Октябрьской революции и гражданской войны.

Союзы молодежи, трудящееся юношество, не щадя сил и жизни, боролись за власть Советов в дни Октября, с честью оправдали доверие партии.

Созданный Коммунистической партией в пламени Великого Октября, пройдя дороги гражданской войны, комсомол окреп, закалился, приобрел политический и организационный опыт. Массовым героизмом на фронтах и в тылу комсомольцы, юноши и девушки, показали всему миру, что в

Советской Республике растет человек нового духовного облика и устремлений. От одного поколения молодежи к другому передаются славные традиции комсомола - горячо откликаться на зов Родины, быть там, где трудно, в" любом деле проявлять свою инициативу и почин, во всем следовать за партией, быть ее верным и надежным помощником". Молодость каждого поколения знала свои призывы.

Сколько их насчитывала история комсомола! На борьбу с бандитизмом, в ЧК, в торговлю, в авиацию на Дальний Восток, во льды - туда, где ждало больше невзгод, где было трудней, где обещали нелегкую работу, - туда комсомол посылал своих лучших.

Комсомол всегда с честью выполнял свой долг перед партией, советским народом, нашей Родиной, являясь её боевым помощником.

История показывает, что молодежь оказалась перед суровым экзаменом войны и выдержала его с честью. В истории Орловской комсомольской организации участие членов РКСМ в боях с колчаковцами на фронте и в тылу осталось незабываемой вехой в истории.

Это был период массового патриотизма молодежи, героических подвигов юношей и девушек, период боевого крещения Орловской комсомольской организации.

Многие сотни верст прошли по дорогам войны орловские комсомольцы, сражаясь с белогвардейцами и интервентами на Восточном фронте. В составе частей Красной Армии они освобождали Урал, Сибирь, участвовали в подавлении мятежей.

Славные боевые традиции орловских комсомольцев и молодежи в 1918 - 1920 годах воодушевляли красноармейцев и командиров на героические подвиги, способствовали успешному разгрому врага.

Osipov Ruslan Pavlovich

Uchastie Orlovskoj of youth in Civil war (1918 -1920).

Participation of youth Орловщины in Civil war (1918 - 1920) brightly shows us that heroism which it has shown during the heavy period for all Soviet Russia, protecting the Soviet state from белополяков, Врангеля, Юденича, Denikin. The Soviet Russia could выстоять in severe tests of war. The most devoted and true assistant in all heavy tests, was a number and always was on a forward boundary, taking up greater weight of a wartime of Civil war (1918 - 1920) прошлого века посвящается статья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. С. 10.
2. ГАОО, ф. 9488. оп. 1., д. 139., к. 6., л. 19.
3. Там же.
4. ГАОО, ф. 9488. оп. 1.,д. 139., к. 6., л. 28.
5. Известия Орловского губернского и городского Советов, 21 декабря 1918.
6. ОПА.Ф.9488.0П.1., Д.-139, к 6, л. 33.
7. Там же, л, 35.
8. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 50. С. 154.
9. Цит по. Очерки истории Орловской организации КПСС. Издание 2-е, исп. и доп. - Тула: Приок. Кн. изд-во, 1987. С.77.
10. ПАОО, ф.1, д.78, л.1
11. Там же. С. 78.
12. Цит по. Очерки истории Орловской организации КПСС. Издание 2-е, исп. и доп. - Тула: Приок. Кн. изд-во, 1987. С. 95.
13. Известия Орловского губернского и городского Советов, 1918, 21 декабря.
14. Там же., л. 20.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. С. 453.
16. Документы XVII съезда Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи. 23 - 27 апр. 1974г. М., 1974, С. 13
17. Известия Орловского губернского и городского Советов, 20 декабря 1918.
18. Там же, ф. 1, он. 1, д. 111, л.12
19. Цит по. Очерки истории Орловской организации КПСС. Издание 2-е, исп. и доп. - Тула: Приок. Кн. изд-во, 1987. С. 79.
20. ПАОО ф. 3, оп. 1, д. 2, л.42.
21. Там же
22. ГАОО, ф. 305, оп. 1 ,д.26, л. 32; ф. 1162, д. 118
23. Там же, ф. 9488., оп. 1. д. 4, л. 21.
24. ОПА, ф. 9488, оп.1, д.148 к-6, л. 9.

25. Там же, л. 9.
26. Там же. С. 86.
27. Там же.
28. Цит по. Очерки истории Орловской организации КПСС. Издание 2-е, исп. и доп. - Тула: Приок. Кн. изд-во,1987.-С. 87.
29. Там же.
30. ОПА. Ф. 9488 оп.1. д. 139, л. 12.
31. Там же, л. 12.
32. Там же.
33. Там же.
34. ОПА. Ф. 9488 оп.1. д. 139, л. 15.
35. ОПА. Ф. 9488 оп.1. д. 154 к-6, л. 10.
36. Там же. л., 12.
37. Там же.
38. Цит по. Очерки истории Орловской организации КПСС. Издание 2-е, исп. и доп. - Тула: Приок. Кн. изд-во, 1987. С 97.
39. ОПА.Ф.9488.0П.1., Д.-139, к-6., л. 18.
40. ОПА.Ф.9488.0П.1., Д.-139, к-6., л. 27.
41. ОПА.Ф.9488.0П.1., Д.-139, к-6., л. 8.
42. ОПА.Ф.9488.0П.1., Д.-139, к-6., л. 14.
43. Там же, л. 14
44. Там же.
45. ОПА.Ф.9488.0П.1., Д.-139, к-6., л. 10.
46. Там же, л. 10.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же.
50. ОПА, Ф.9488.оп.1" Д.-139, к-6., л. 20.
51. Там же, л. 20.
52. Там же.
53. Там же.
54. ОПА.Ф.9488.оп.1.,д.-139, к-6., л. 25.
55. Там же, л. 25.
56. Там же.
57. ОПА,ф.9488, оп.1., д.-139, к-6., л. 30.
58. Там же, л.30.
59. Там же.
60. Там же.
61. Там же.

И.В. Проваленкова, *ассистент кафедры истории России Орловского государственного университета.*

РУССКИЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК И ВОЕННЫЙ УЧЕНЫЙ А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

Данная статья посвящена личности выдающегося русского и советского военачальника и военного ученого - гвардейского генерала от инфантерии Генерального штаба Андрея Медардовича Зайончковского (1862-1926) - уроженца Орловской губернии. На основе исторических источников, впервые вводимых в научный оборот, изложены основные этапы биографии А.М. Зайончковского, особенно подробно - его происхождение, образование, годы военной службы. Через свидетельства современников: графа А.А. Игнатьева, генерала А.А. Брусилова, генерал-майора А.А. фон Лампе, капитана К.Л. Капнина дана разносторонняя характеристика личности генерала, прожившего вместе с Россией один из самых суровых периодов ее истории.

Орловская губерния считалась одной из наиболее моноэтничных территорий Российской империи: подавляющая часть населения была представлена великорусами. Однако в самом городе Орле и в уездных городах губернии во второй половине XIX - начале XX в. проживало заметное число этнических поляков, преимущественно католиков по вероисповеданию. На указанный выше период времени выявлено ок. 100 польских дворянских фамилий [4].

Предметом исследования настоящей статьи является один из самых известных "поляков" Орловской губернии, ставший впоследствии видным русским и советским военачальником и военным ученым, генерал от инфантерии Андрей Медардович Зайончковский (1862 - 1926).

Дворянский род Зайончковских появился на территории Орловской губернии во второй половине XIX в. из Литвы - Ковенской губернии. Такой вывод позволяют сделать материалы фонда "Орловское депутатское собрание" Государственного архива Орловской области. 1852 годом (31 октября) датирован указ Департамента Герольдии Правительствующего Сената об утверждении данного рода в дворянстве, последовавший в Ковенское дворянское депутатское собрание [5, 5]. В указанном фонде находим сведения о главе семьи - Медарде Андреевиче Зайончковском, его супруге - Надежде Николаевне и их детях - Николае, Анне, Андрее, Ольге и Зинаиде [5, 5].

На сегодняшний день достоверных данных о времени и месте происхождения этого польско-литовского рода не найдено, равно как и сведений о его родоначальнике. Известнее старинный польский аристократический род Зайончек. Иногда так именовали и Зайончковских.

Зайончек - польский дворянский род герба Свинка. Происходят от Серадского воеводства, где Петр Зайончек был подкормием в 1439 г. [23, 145]. Начало этого герба относится к середине X в. [16, 291]. Трудно сказать, существовала ли генетическая связь между Зайончеками и Зайончковскими. Вероятнее, что Зайончковские, точнее, их предки принадлежали к мелкой польской шляхте в окружении этого аристократического рода.

Медард Андреевич Зайончковский служил начальником Орловской телеграфной станции (см. прим. 1) [1, 9; 17, 15 - 16; 18, 7; 19, 8]. Данная станция появилась в Орле к декабрю 1858 г.: 27 декабря этого года начал свою работу Орловский участок телеграфной линии Москва - Орел - Харьков-Кременчуг [7, 21]. Есть основания полагать, что М.А. Зайончковский был назначен начальником телеграфа также в 1858 г., т.е. появился в Орле между 1852 и 1858 гг.

На должности начальника Орловского телеграфа М. Зайончковский прошел путь от подпоручика (1867 год) [17, 15 - 16] до полковника (коллежский советник, 1878 г.) [9, 10]. Его жена Надежда Николаевна служила на этой же станции те-

© И.В. Проваленкова, 2008

леграфисткой [17, 15 - 16; 18, 7]. В 1875 г. М.А. Зайончковский одновременно являлся агентом частного Коммерческого страхового общества в Орле (см. прим. 2) [1, 56].

О круге общения семьи Зайончковских свидетельствуют материалы фонда "Орловская римско-католическая церковь (костел) во имя беспорочного зачатия Пресвятой Девы Марии" Государственного архива Орловской области [8, 1; 9, 10].

Объект нашего исследования - третий ребенок в семье Зайончковских. Будущий гвардейский генерал от инфантерии Генерального штаба Андрей Медардович родился в г. Орле 8 декабря 1862 г. В 1873 г. он был определен для получения образования в Орловскую Бахтина военную гимназию (кадетский корпус), окончив которую в 1879 г. поступил в Николаевское военно-инженерное училище [6, 33]. Произведенный по окончании училища в 1883 г. в подпоручики, он начал прохождение своей военной службы в 5-м саперном батальоне. Уже через два года, в 1885 г., как отличный офицер, А. Зайончковский получил разрешение командования для поступления в Николаевскую академию Генерального штаба.

Успешно окончив академию по 1-му разряду, что давало право быть причисленным к офицерам Генерального штаба, штабс-капитан Зайончковский был направлен для продолжения службы в штаб Петербургского военного округа и вскоре оказался в войсках гвардии. С 1 января 1890 г. он был назначен старшим адъютантом штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. После необходимой для офицеров-генштабистов стажировки в строевых частях, которую он в 1892 - 1893 гг. проходил в качестве командира роты лейб-гвардии егерского полка, с 9 декабря 1893 г. по 23 июля 1895 г. он служил старшим адъютантом штаба 1-го гвардейского корпуса, когда был назначен штаб-офицером для особых поручений при штабе 1-го армейского корпуса. Спустя три года, 28 сентября 1898 г., Зайончковский получил назначение штаб-офицером для поручений при штабе войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. В этой должности он находился до конца марта 1900 г. Затем Зайончковский был назначен штаб-офицером для особых поручений при Главнокомандующем войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. В ноябре 1901 г. он был назначен начальником штаба 2-й гвардейской дивизии, каковым оставался до лета 1902 г.

Об этом периоде его службы оставил некоторые воспоминания граф А.А. Игнатьев, после окончания Николаевской академии Генерального штаба откомандированный в штаб 2-й гвардейской дивизии, начальником которой в это время как раз и являлся полковник А.М. Зайончковский.

"Через несколько минут, - вспоминал он, - я уже сидел в гостиной чистенькой казенной дачи моего первого начальника штаба полковника Андрея Медардовича Зайончковского и угощался его мадерой. С благожелательной улыбкой, редко сходившей с его тонких губ, Андрей Медардович внимательно, но с некоторым пренебрежением к моим профессорам расспрашивал меня про академию. С истинным увлечением рассказывал он о своей работе по сооружению Севастопольского исторического музея и знаменитой панорамы. Я почувствовал, что штабная служба давно ему приелась и что его очень не устраивали постоянные отлучки старшего адъютанта штаба капитана Богаевского... Постепенно Зайончковский доказал мне, что я не только не обучен в академии делу подготовки войск в мирное время, но что даже приказов составлять не умею" [14, 158 - 159].

Игнатьев свидетельствует, что в это время Зайончковский не пользовался расположением высшего гвардейского начальства, т.е. великого князя Николая Николаевича-Младшего, являвшегося генерал-инспектором кавалерии. Дело в том, что начальником штаба генерал-инспектора был в то время имевший огромное влияние на великого князя генерал Ф.Ф. Палицын. Поэтому, как вспоминал граф Игнатьев, "кроме дипломатических приемов в управлении подчиненными требовалось еще проявлять всяческую осторожность с собственным высоким начальством. Зайончковский, будучи не в фаворе у Феди Палицына, посылал обычно меня с докладом в штаб генерал-инспектора" [14, 160].

Как отмечалось выше, в должности начальника штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии полковник Зайончковский пробыл недолго. С 17 августа 1902 по 18 мая 1904 г. он был назначен состоять при великом князе Михаиле Николаевиче. В этой должности его застало начало русско-японской войны 1904 - 1905 гг., в которой он принял активное участие в качестве командира 85-го Выборгского пехотного полка, получив назначение на эту должность 18 мая 1904 г. В ходе боевых действий Зайончковский показал себя весьма способным офицером и командиром и 9 марта 1905 г. был назначен на должность командира 2-й бригады 3-й Сибирской стрелковой дивизии. Он прокомандовал ею до окончания войны. За выдающееся участие в войне и личную храбрость Зайончковский был произведен в 1905 г. в генерал-майоры и награжден Георгиевским золотым оружием (1906 г.).

7 сентября 1905 г. Зайончковский был возвращен в гвардию, заняв должность генерала для особых поручений при Главнокомандующем войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, а 18 февраля 1906 г. он получил назначение командиром л.-г. егерского полка. В этом качестве он прослужил до июля 1908 г. Затем с 10 июля 1908 г. стал командиром 1-й гвардейской пехотной бригады (так называемой Петровской) в составе старейших полков гвардии - л.-г. Преображенского и л.-г. Семеновского. В этой должности он прослужил до мая 1912 г., когда был произ-

веден в генерал-лейтенанты (30 мая 1912 г.) [21].

Зачисленный в списки л.-г. егерского полка, А. Зайончковский до конца своей службы в старой армии числился генералом по гвардейской пехоте (на 1914 г. он состоял в списках л.-г. Егерского полка), хотя в мае 1912 г. получил назначение на должность начальника 22-й пехотной дивизии, а с 30 июля 1914 г. - 37-й пехотной дивизии, во главе которой он вступил в первую мировую войну. К этому времени он был женат и имел двух дочерей - 20 и 18 лет [21]. С 27 марта 1915 г. Зайончковский - командир 30-го армейского корпуса в составе 9-й армии, в конце августа 1915 г. переданного в состав 8-й армии генерала Брусилова, воевавшей на Юго-Западном фронте.

Осенью 1916 г. генерала Зайончковского направляют на Румынский фронт командиром 47-го русского особого корпуса, а к концу 1916 г. он получает назначение на должность командира 18-го армейского корпуса. В этой должности он оставался до апреля 1917 г.

Современники оставили о генерале А.М. Зайончковском различные красноречивые и весьма противоречивые свидетельства, отмечавшие и особенности его личности.

"Умный, ловкий, сообразительный, - характеризовал А.М. Зайончковского, тогда командира 30-го армейского корпуса, его непосредственный начальник генерал А.А. Брусилов, - отлично знает военное дело и очень умело применяет свои знания сообразно с обстановкой, которую быстро схватывает и правильно с ней разбирается. Порученные ему задачи выполняет отлично, руководит войсками прекрасно. Любит товар лицом показать и наилучшим образом осветить действия своих войск и свои успехи. Очень самолюбив и даже обидчив. Отлично руководит обучением своих войск. Имея во вверенном ему корпусе две второочередные дивизии, он сумел сделать из обеих крепкие надежные части, на которые можно положиться. Воли твердой. Здоровья крепкого, отличный командир корпуса" [20, 233].

Такое же мнение о Зайончковском сохранил генерал Брусилов и спустя семь лет, к 1922 г., когда писал 1-ю часть своих воспоминаний. "Я знал Зайончковского уже давно, - вспоминал Брусилов, - и считал его отличным и умным генералом. У него была масса недругов, в особенности среди его товарищей по службе Генерального штаба. Хотя вообще офицеры Генерального штаба друг друга поддерживали и тащили кверху во все нелегкие, но Зайончковский в этом отношении составлял исключение, и я редко видел, чтобы так нападали на кого-либо, как на него. Объясняю себе это тем, что по складу и свойству его ума, очень едкого и часто злого, он своим ехидством обижал своих штабных соратников.... Это был человек очень ловкий и на ногу не давал себе наступать, товар же лицом показать умел. Что касается меня, то я его очень ценил, считая его одним из лучших наших военачальников, невзирая на его недостатки" [2, 148].

Позднее, уже после опубликования в 1923 г. первой части большого труда Зайончковского по истории первой мировой войны, во 2-м томе своих воспоминаний Брусилов дополнил характеристику своего близкого соратника и приятеля. По-прежнему высоко оценивая его природные дарования, Брусилов добавил и некоторые иные штрихи, характеризующие личность Зайончковского. Вспоминая об одном заседании в октябре 1917 г., Брусилов вспоминал: "На этом же заседании ораторствовал генерал А.М. Зайончковский, которому в то время я имел наивность верить. Речь его была блестящая, как и все, всегда и везде, что он делал и при царе, и при большевиках. Талантливый субъект, что и говорить. Жаль только, что в своих военных очерках он так много лжет" [2, 258]. В чем же "обманул" Зайончковский своего бывшего начальника и приятеля?

Видимо, главной причиной изменения отношения Брусилова к Зайончковскому стала книга последнего "Стратегический очерк войны 1914 - 1918 гг.", изданная в 1923 г. В ней рассматривались военные события 1916 - 1917 гг. начиная с "Брусиловского прорыва". Вероятно, то, как освещал и анализировал эту операцию генерал Зайончковский, и вызвало недовольство и обиду со стороны Брусилова, а именно критические оценки руководства войсками Юго-Западного фронта генерала Брусилова в 1916 г.

Так, анализируя планы командования Юго-Западным фронтом (генерала Брусилова) и подготовку фронтовой операции, Зайончковский считал, что "на главном операционном направлении Юго-Западного фронта на Львов группировка сил была слабая, более сильный кулак сосредоточен на Владимиро-Волынском направлении для облегчения намеченного главного удара Западного фронта" [13, 539]. Это, несомненно, была критика решений фронтового командования как неверных.

Далее, оценивая результативность боевых действий и успехов различных соединений Юго-Западного фронта в ходе наступления и прорыва оборонительных линий противника, отмечая неудачные действия 11-й армии, Зайончковский писал: "...Командующий армией продолжал вести до 9 июня неудачные атаки на своем левом фланге на участке VI корпуса в районе Тарнопольского шоссе. Причинами малоуспешности действий 11-й армии являлись сравнительная слабость ее сил и скудость предоставленных ей средств..." [13, 543]. И в данном случае Зайончковский критиковал Брусилова. Далее критика Зайончковского оказывалась еще более нелицеприятной.

"Прорыв, - писал он, - начатый без определенной стратегической идеи, без сосредоточения в зависимости от этой идеи глубоких резервов, должен был заглохнуть, что и не замедлило случиться" [13, 549]. Зайончковский, таким образом, считал прорыв Брусилова в конечном счете окон-

чившимся неудачно. Зайончковский упрекает фронтовое командование в оперативно-стратегических "колебаниях" [13, 551], "противоречащих друг другу приказаниях, отдаваемых 8-й армии" [13, 552]. Он констатировал, что Брусилов "каждый день давал 8-й армии новую директиву - то наступательного, то оборонительного характера" [13, 553], считая, что все это способствовало сужению "размера прорыва Юго-Западного фронта" [13, 552]. Таким образом, Зайончковский видел причины заминок у 8-й армии, вопреки мнению генерала Брусилова, считавшего виноватым в этом армейское командование в лице генерала А.М. Каледина, в нечетком руководстве фронтового командования, т.е. самого Брусилова.

Зайончковский почти прямо утверждает, что Брусилов ошибся в направлении главного удара. "Наибольший успех, - делает он вывод, - был достигнут на луцком направлении..." [13, 552]. Зайончковский фактически посеял у читателя сомнения в наличии у генерала Брусилова стратегического мышления. Это не могло не вызвать обиду у автора "Брусиловского прорыва". Ведь в своих воспоминаниях Брусилов неоднократно и прямо указывал, что изначально именно луцкое направление и именно им было выбрано в качестве главного [2, 171, 178].

Свой анализ "Брусиловского прорыва" Зайончковский завершает следующими выводами: "Решительные успехи Юго-Западного фронта заставили австро-германцев перебрасывать свои оперативные резервы на фронт к югу от Полесья... В этом заключается существенная помощь, оказанная русскими своим союзникам в тяжелые для них дни операций у Вердена и в Трентино" [13, 563]. Однако Зайончковский считал, что "эти успехи русской армии повлекли за собой большие потери, которые на одном Юго-Западном фронте к 13 июня определяются в 497 000 бойцов. Ведение дальнейших операций и подготовка к кампании 1917 г. потребовали дополнительных призывов новобранцев и ратников ополчения, всего около 1 900 000 человек и 215 000 лошадей. Эти дополнительные призывы вызвали серьезное недовольство среди населения России" [13, 563 - 564]. Так Зайончковский фактически ставил оперативно-стратегические просчеты Брусилова в ряд важнейших причин, вызвавших Февральскую революцию 1917 г.

Любопытные свидетельства о Зайончковском оставил один из его ближайших сотрудников по 18-му армейскому корпусу, которым командовал Зайончковский с осени 1916 г., генерал-майор А.А. фон Лампе. Находясь в эмиграции, он тем не менее весьма лояльно относился к генералу и не смог не отреагировать на появившееся в советской печати сообщение в марте 1926 г. о смерти Зайончковского.

"У меня лично много воспоминаний связано с А.М. Зайончковским, - писал фон Лампе в своем дневнике, - он был, в бытность мою в Семеновском полку, командиром Егерей, а потом нашей бригады, потом в нашем 18 корпусе командовал 37 пехотной дивизией, а к моменту революции командовал нашим корпусом, и я у него был три месяца начальником штаба" [12, 11294].

...Монархист и, можно сказать, друг императора Николая II, Зайончковский, однако, весьма трезво оценивал складывавшуюся политическую ситуацию. "Когда мы в Селетине, - вспоминал фон Лампе, - в нашем штабе читали газету с описанием гибели "лица", как тогда именовали Распутина, то вошел Зайончковский и, узнав в чем дело, перекрестился с удовлетворением...!" [12, 11295].

На начавшуюся в феврале 1917 г. революцию Зайончковский реагировал по-своему, пытался продемонстрировать лояльность к новой власти, но очень неумело. Как и во всех частях и соединениях русской армии, в 18-м армейском корпусе вскоре после февральских событий в Петрограде открылся "съезд чинов корпуса".

"Съезд открыл командир корпуса Зайончковский, - вспоминал это событие фон Лампе, - а потом вел я. ...Было решено, что я дам знать Зайончковскому, когда конец, и он придет и закроет съезд... Зайончковский не видал, что до него говорил "оратор", и, появившись на эстраде, хотел говорить. ...Врач Койранский заявил, что "он не может дать слова", Зайончковский вспылил и прогнал обоих с эстрады... Потом он говорил, и говорил хорошо, но вместо того, чтобы вынести его на руках, как было предположено, собрание окончилось холодно и все то, что было с таким трудом налажено, пошло прахом... Надо было исправлять, и я уговорил демократию идти на предполагавшуюся панихиду по жертвам революции. До нее я отправился к Зайончковскому и резко говорил с ним, а на его заявление, что он устал, резко сказал ему, что я тоже устал, валандаясь все время по его желанию с противной мне революционной сволочью на съездах! Я требовал исправления сделанного, так как доказывал, что, дав в руки солдатам игрушку в виде съезда и президиума, надо ее беречь... Он спросил, в чем я вижу исправление, и, услыхав, что в том, чтобы он извинился перед президиумом, вскочил с негодованием... Однако я знал, с кем имею дело, и напомнил ему, как император Николай I извинился перед строем у капитана Львова... Он решил последовать историческому примеру и на параде, спросив у меня (я был в строю депутатов), кто был в президиуме, вызвал их вперед и извинился. Все обалдели, а Койранский до такой степени попался, что потом при всех сам ходил к Зайончковскому в свою очередь извиняться за то, что он "подумал про него скверно...". Съезд закончился тем, что офицеров носили на руках, и в нашем 80 000 корпусе больше ни одного "эксцесса" не было, а 37-я дивизия в августе 1917 г. атаковала противника" [12, 11295 - 11296].

Однако его стремление проявить лояльность

к новой власти не было ею замечено [12, 11296]. 2 апреля 1917 г. Зайончковский был переведен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа, а 7 мая уволен от службы с мундиром и пенсией.

"...Я много мог бы написать о нем (Зайончковском), - вспоминал фон Лампе, - но менее всего я мог думать, что он пойдет к большевикам, да еще в строй. Это не было на него похоже" [12, 11297]. Он считал, что Зайончковский "человек тонкого ума, очень честолюбивый, пользовавшийся придворным влиянием..." [12, 11297]. Однако, выражая недоумение, фон Лампе констатировал: "Ни дружба с царем, ни ярко выраженные монархические убеждения не помешали ни ему самому, ни советским верхам заключить прочный союз" [12, 11297].

Зайончковский вступил в Красную Армию в мае 1918 г. старшим делопроизводителем Отчетно-Организационного отдела Организационного управления Всероглавштаба (см. прим. 3) [22, 91]. Однако в конце 1918 г. Зайончковский вместе с группой других офицеров-генштабистов был арестован ВЧК по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности. Но поскольку его вина, как и большинства арестованных, не была установлена, то к 12 января 1919 г. Зайончковский и остальные генштабисты были освобождены [3, 139-140], и он возвратился к прежнему месту службы.

В период наступления деникинских войск на Москву 3 июля 1919 г. Зайончковский был назначен начальником штаба 13-й советской армии, которая вместе с 14-й армией в составе Южного фронта вела боевые действия на его Орловском участке. Он оставался в этой должности до 26 февраля 1920 г. А затем, с началом советско-польской войны (1920 г.), в мае 1920 г. Зайончковский был введен вместе с генералом Брусиловым (в качестве председателя) в состав Особого совещания при Главкоме Вооруженных сил Советской республики С.С. Каменеве. В его составе были также и другие видные генералы-генштабисты: А.А. Поливанов, В.Н. Клембовский, П.С. Балуев, А.Е. Гутор, А.А. Цуриков, М.В. Акимов, Д.П. Парский, А.И. Верховский, К.И. Величко. Однако, как вспоминал Брусилов, "в ближайшее же время после открытия "Особого совещания" с "генералами" их стали арестовывать. Зайончковский и Гутор были первыми арестованы, но не надолго. Их скоро выпустили" [2, 296]. В моем распоряжении нет данных, указывающих на причины ареста Зайончковского. Представляется, что его арест был обусловлен некоторыми его действиями еще в 1919 г., во время наступления Деникина на Москву.

По воспоминаниям бывшего начальника штаба Корниловской ударной дивизии, наступавшей на Орел, капитана Генштаба К.Л. Капнина (написанным в 1925 г. в эмиграции), Зайончковский, будучи начальником штаба 13-й советской армии, передал в штаб Корниловской дивизии "важные оперативные документы штаба этой армии" [15, 142]. Эти документы содержали весьма детальные сведения об оперативных планах советского командования, предполагавших окружение и разгром Корниловской дивизии. "Документы, присланные генералом Зайончковским (пусть даже из побуждения самострахования), имели огромную оперативную ценность, - вспоминал Капнин. - Последующие действия красных вполне подтвердили их абсолютную правдивость" [15, 143]. Корниловской дивизии удалось выскользнуть из готовившегося ей окружения. Таким образом, следуя свидетельству Капнина, оперативные сведения, представленные Зайончковским, сыграли в этом ее спасении одну из важнейших ролей.

Следует заметить, что сотрудничество Зайончковского с белыми вскользь подтверждается и генералом А.А. фон Лампе. "Зайончковский готовится быть с нами...", - записал он в своем дневнике в мае 1920 г. [10, 476]. Скорее всего, советские спецслужбы получили информацию о сотрудничестве Зайончковского с белыми только в мае или июне 1920 г. В ноябре 1922 г., со слов одного из преподавателей Военной академии РККА Цветкова, высланного из РСФСР, хорошо осведомленного о военно-академических делах, фон Лампе отметил: "...В академии Зайончковский, который никогда не служил, сидел больше года в тюрьме, ведет себя хорошо" [11, 3340]. Из сказанного следует, что Зайончковский пробыл в заключении достаточно долго, больше года, т.е. до осени 1921 г., после чего был освобожден и работал в Военной академии РККА. Освобождение Зайончковского, скорее всего, было обусловлено согласием на секретное сотрудничество с ОГПУ с 1921 г. Такова была цена освобождения из тюрьмы, а может быть, и цена его жизни.

Зайончковский до конца своих дней, т.е. до 21 марта 1926 г., оставался профессором Военной академии РККА, вел курс стратегии и истории первой мировой войны и одновременно являлся секретным сотрудником ОГПУ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адрес-календарь Орловской губернии на 1875 г. Орел, 1875.
2. Брусилов А.А. Мои воспоминания. - М., 2001.
3. В.И. Ленин и ВЧК. - М.,1975.
4. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 68.
5. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 69.
6. ГАОО. Ф. 512. Д. 4.
7. ГАОО. Ф. 580. Ст. 5. Д. 1519.
8. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 34.
9. ГАОО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 48.
10. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9.
12. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 24.
13. Зайончковский А.М. Первая мировая война. - М., 2002.
14. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. - М., 1989. Т. 1.
15. Из воспоминаний К.Л. Капнина о боях Добровольческой армии под Орлом осенью 1919 года // Вопросы истории. 2006. №. 2.
16. Лакиер А.Б. Русская геральдика. - М., 1990.
17. Памятная книжка Орловской губернии на 1868 год с приложением Адрес-календаря по 1-е января 1868 г. - Орел, 1867.
18. Памятная книжка Орловской губернии на 1869 год с приложением Адрес-календаря по 1-е января 1869 года. - Орел. 1868 год.
19. Памятная книжка Орловской губернии на 1870 год с приложением Адрес-календаря. - Орел, 1870.
20. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 243.
21. РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 228. Послужной список А.М. Зайончковского.
22. Список лиц с высшим образованием. - М., 1923.
23. Энциклопедический словарь Брокгауз - Ефрон. - СПб., 1894. Т. 12.

Примечания.

1. Данные сведения содержатся в Адрес-календарях Орловской губернии, которые издавались губернским статистическим комитетом до 1917 года включительно и содержали списки различных учреждений по уездам с указанием должностей, фамилий и домашних адресов служащих в них чиновников. Первый Адрес-календарь Орловской губернии вышел в 1860 году.
2. По адресу: г. Орел, ул. Покровская, д. Камчатникова.
3. Всероглавштаб был учрежден 8 мая 1918 г.

This article is devoted to an outstanding Russian and Soviet military officer and scientist - guards general from the infantry of the General Staff Andrey Zaiontshkovsky (1862-1926) who was born in Orel province. Based on historical sources, introduced in scientific usage for the first time the main stages of Zaiontshkovsky's biography are mentioned in the article. There is a very detailed description of his origin, education, the years in the military service. Through the narration of the contemporaries, count A.A. Ignatyev, general A.A. Brusilov, general-major A.A. fon Lampe, captain K.L. Kapnin, in the article is given a versatile characteristics of the personality of the general who lived together with Russia one of the most severe periods of its history.

Г.С. Чувардин, *кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета.*

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ в 1881 - 1914 гг.

Статья посвящена анализу высшего командного состава Российской императорской гвардии в 1881 - 1914 гг. На значительном источниковом материале автор рассматривает основные социологические и социометрические параметры гвардейского генералитета и группы старших полковников. Особое внимание уделяется анализу психологических установок представителей этой социальной группы. Автор статьи делает вывод об особой значимости изучения рассматриваемого компонента для понимания процессов, происходивших внутри военно-политической элиты Российской империи.

Необходимо отметить, что в рассматриваемый исторический период императорская гвардия составляла существенный компонент российской армии. На 1900 - 1901 гг. из 209 полков полевой пехоты гвардия была представлена 12 полками, сформированными в 3 дивизии. Кроме этого, из 24 стрелковых бригад в гвардии имелась 1 стрелковая бригада в составе 4-х стрелковых полков.

Регулярная кавалерия была представлена 10 гвардейскими полками и 55 армейскими, также имелся один жандармский гвардейский эскадрон и 5 армейских. Полевая пешая артиллерия была представлена 3 гвардейскими бригадами из 52 бригад и 5 гвардейскими батареями конной артиллерии из 28 батарей. В целом на начало XX в. гвардия насчитывала приблизительно 44 полка и подразделения. К началу правления императора Александра III Гвардейский корпус был представлен 1-й и 2-й гвардейскими кавалерийскими дивизиями, 1-й и 2-й гвардейскими пехотными дивизиями, гвардейской стрелковой бригадой, Отдельной гвардейской кавалерийской дивизией, л.-гв. саперным батальоном и гвардейским мортирным артиллерийским дивизионом [1].

Важнейшим компонентом императорской гвардии являлся ее офицерский корпус, в котором собрались лучшие представители как военного, так и аристократического слоя Российской империи. Функционирование данного социального слоя подчинялось особым, вырабатываемым на протяжении 200 лет законам. Главными носителями важнейших традиций императорской гвардии являлся ее командный состав, начиная с лиц, стоящих во главе Гвардейского корпуса, и заканчивая командирами отдельных полков и подразделений.

Проблема изучения высшего командного состава Российской императорской гвардии практически не затрагивалась в отечественной исторической науке. Безусловно, отдельные исследователи, такие как П.А. Зайончковский, Л.Г. Бескровный, В.А. Золотарев, К.Ф. Шацило, а в современной историографии - С.В. Волков, В.В. Серебрянникова, Е.С. Сенявская, Е.Ю. Сергеев, рассматривали отдельные аспекты обозначенной проблематики. Но в целом данная проблема по-прежнему остается малоизученной. Вместе с тем исследование офицерского корпуса Русской императорской гвардии на всем отрезке ее существования позволяет открыть многие, в том числе и малоизученные, страницы отечественной истории.

Влияние командира на дух вверенной ему части во все времена оказывалось решающим фактором для выполнения поставленной боевой задачи. Сложно переоценить это влияние и в мирное время. Качество комсостава как высшего, так и отдельных частей и подразделений играло решающую роль для жизнеспособности любой военной машины, а в конечном итоге, применительно к XIX - нач. XX в., и государственной системы. Еще

© Г.С. Чувардин, 2008

К. Клаузевиц [2] отмечал, что в XVIII - XIX вв. война была обыденной, если не решающей формой принятия политических решений - повседневным политическим инструментом. Влияние военной силы на политические процессы указанного периода сложно переоценить.

Попытаемся проанализировать специфику командного состава Российской императорской гвардии в крайне сложный для отечественной истории период правления императоров Александра III и Николая II, а также выявить степень влияния отдельных гвардейских командиров на механизм поведения конкретных гвардейских частей. Думается, что общий анализ данного компонента российской армии следует начать с "высшего гвардейского начальства".

Ареопаг Гвардейского корпуса был представлен лицами, занимавшими должности генерал-инспектора кавалерии (формально данная должность была введена в 1895 г.), генерал-инспектора пехоты (в 1906 г.), генерал-фельдцейхмейстера, генерал-инспектора артиллерии [3] и командующего Гвардейским корпусом. Две должности инспекторов были связаны со всей армией, но в целом "замыкались" преимущественно на императорскую гвардию.

Высшей в указанной иерархии формально считалась должность генерал-фельдцейхмейстера. Ее должность занимал двоюродный дед Николая II, генерал-фельдмаршал великий князь Михаил Николаевич. Престарелый генерал имел все возможные для России регалии, в том числе и высший военный орден Св. Георгия I ст. К началу XX в. генерал-фельдмаршал одновременно являлся шефом 2-й л.-гв. артиллерийской бригады и 2-й батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады. Михаил Николаевич был и председателем Государственного совета. Умер великий князь в 1909 г.

Должность генерал-инспектора кавалерии. К началу XX в. эту должность занимал генерал-лейтенант, генерал-адъютант великий князь Николай Николаевич-младший (старший сын великого князя Николая Николаевича-старшего). Николай Николаевич личность во всех отношениях примечательная. Он окончил курс в Николаевской Академии Генерального Штаба (НАГШ) и был зачислен в список ГШ. Участвовал в русско-турецкой войне 1877 - 78 гг. За проявленную доблесть был награжден орденом Св. Георгия IV ст. Он командовал л.-гв. Гусарским Его Величества полком, 2-й бригадой 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и 2-й гвардейской кавалерийской дивизией.

С 15.6.1905 г. по 19.01.1917 г. должность генерал-инспектора кавалерии занимал генерал-лейтенант (с 6.12.1906 генерал от кавалерии) Всеволод Матвеевич Остроградский. Генерал окончил Николаевское кавалерийское училище. С 1884 по 1892 г. командовал л.-гв. Гродненским гусарским полком, а с 1892 г. - 1-й бригадой 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1895 г. генерал получил под свое начало 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. С 1903 по 1905 г. занимал пост помощника генерал-инспектора кавалерии. После Февральской революции бежал на Украину, а затем за границу [4].

Должность генерал-инспектора пехоты (инфантерии). Данная должность была восстановлена в 1905 г. Первым указанную должность занимал генерал-адъютант Оскар Казимирович Гриппенберг. Генерал являлся "коренным гвардейцем". Он принял участие в Крымской кампании, а в кампании 1866 - 68 гг. командовал 5-м Туркестанским линейным батальоном, затем 17-м стрелковым. Будущий генерал участвовал в столкновениях с бухарцами и кокандцами. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. командовал л.-гв. Московским полком. В 1897 г. был назначен начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии, через два года - командиром 6-го армейского корпуса, в 1901 г. - помощником командующего войсками Виленского военного округа, в 1902 г. - командующим войсками того же округа. 11 сентября 1904 г. был назначен командующим 2-й Маньчжурской армией на Дальнем Востоке. И, наконец, в 1905 г. Оскар Казимирович занял должность генерал-инспектора пехоты.

Вторым рассматриваемую должность занял генерал от инфантерии (с 1904 г.) Николай Платонович Зарубаев. Он был малопримечательным в личностном плане. С 1898 г. Зарубаев был начальником штаба Одесского военного округа. В 1900 - 1903 гг. - начальник 9-й пехотной дивизии, а с 1904 г. - командир 4-го Сибирского корпуса. Генерал был участником русско-японской войны (временный командующий 1-й Маньчжурской армией), где зарекомендовал себя наилучшим образом ("отличился под Даши-чао"). Офицер л.-гв. Семеновского полка Ю.В. Макаров отмечал, что у генерала был "пехотный вид". "Среднего роста, слегка сутулый, плотный, с седыми усами и с большим пурпурным носом дулей" [5]. В должности генерал-инспектора пехоты Николай Платонович оставался до 1909 г., после чего получил в командование Одесский военный округ.

Должность генерал-инспектора артиллерии. Данную должность занимал великий князь Сергей Михайлович. Великий князь начал свою военную карьеру в л.-гв. конно-артиллерийской бригаде и к 1903 г. дослужился до чина командира 2-го дивизиона гвардейской конно-артиллерийской бригады. В 1904 г. Сергей Михайлович становится командиром уже всей гвардейской конно-артиллерийской бригады. В сентябре 1904 г. он был назначен инспектором всей артиллерии, а в 1905 г. - генерал-инспектором артиллерии.

Что касается командиров Гвардейского корпуса, то к моменту прихода к власти Александра III данную должность занимал его брат генерал-адъютант генерал-лейтенант (с 30.11.1880 г. - гене-

рал от инфантерии) великий князь Владимир Александрович.

14.03.1881 г. великого князя сменил генерал-адъютант генерал-лейтенант граф Павел Андреевич Шувалов, сын обер-камергера, выпускник Пажеского корпуса, "коренной офицер" л.-гв. Конного полка. Павел Андреевич являлся во всех отношениях фигурой неординарной. Участник Венгерского похода, подавления Польского восстания, Восточной и русско-турецкой 1877 - 78 гг. войн, кавалер орденов Св. Георгия III и IV степеней, этот генерал последовательно командовал л.-гв. Стрелковым Е. В. батальоном, л.-гв. Семеновским полком, 2-й гвардейской пехотной дивизией и, наконец, Гренадерским корпусом. С.Ю. Витте вспоминал, что генерал Шувалов был "...очень светский, образованный человек и весьма хитрый, но хитрый в хорошем смысле этого слова, он имел русский характер, а хитрость поляка, так как мать его была полька" [6].

С 1.04.1885 по 11.09.1889 г. указанную должность занимал бывший командир л.-гв. Преображенского полка генерал-адъютант генерал-лейтенант принц Александр Петрович Ольденбургский [7].

Затем указанный пост занимали: генерал от кавалерии Константин Николаевич Манзей (с 1889 по 1897 г.) и генерал-лейтенант князь Николай Николаевич Оболенский (с 1891 по 1898 г.). Наконец, в 1898 г. Гвардейский корпус взял под свое начало дядя нового императора Николая II генерал-адъютант генерал-лейтенант великий князь Павел Александрович.

В 1905 г. великого князя сменил генерал С.И. Васильчиков, который оставался в указанной должности около года. Генерал был выпускником Пажеского корпуса, после окончания которого начал службу в л.-гв. Гусарском Его В. полку. Сергей Илларионович был участником русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. К началу XX в. Васильчиков в чине генерал-лейтенанта (с 1899 г.) командовал кавалерийской дивизией [8]. Ю.В. Макаров вспоминал, что Васильчиков был "одним из типичных представителей гвардейских начальников старой школы... В роду кн. Васильчиковых он был... третьим командиром Гвардейского корпуса. Считая, что служба в гвардии есть не только честь, но и удовольствие, он всегда всех хвалил и зря никого не беспокоил, служа по мудрому правилу великой Екатерины: "живи и давай жить другим" [9].

На смену Васильчикову в 1906 г. пришел генерал-адъютант генерал-лейтенант Владимир Николаевич Данилов, получивший почти сразу же прозвище "Данилка" за откровенно "мужицкий вид" и остававшийся в указанной должности до 1912 г. Генерал-адъютант М.П. Данилов был "коренным офицером" л.-гв. Егерского полка.

В 1912 г. пост командующего занимает генерал-лейтенант Владимир Михайлович Безобразов, который и вывел Гвардейский корпус на войну. Безобразов окончил Пажеский корпус и был выпущен в 8-й Вознесенский уланский полк. В октябре 1877 г. он был переведен в л.-гв. Гусарский Его В. полк, в котором оставался офицером до 1891 г. Владимир Михайлович принимал участие в войне 1877 - 1878 гг. 30.V.1900 г. Безобразов был назначен командиром л.-гв. Кавалергардского полка, а в июле получил звание генерал-майора. Он командовал полком до апреля 1904 г., после чего возглавил 1-ю бригаду 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1906 г. генерал возглавил Офицерскую кавалерийскую школу (примечательно, что до него кавшколу возглавлял генерал А.А. Брусилов). С января 1909 г. Владимир Михайлович стал командовать 2-й гвардейской кавалерийской дивизией и, наконец, с 29.01.1912 г. - Гвардейским корпусом [10]. Накануне войны Безобразов был произведен в генералы от кавалерии. Интересен тот факт, что к Безобразову благоволил сам Николай II, который считал его приятным человеком, "милым и веселым рассказчиком и анекдотистом".

Что касается командиров дивизий, то в этом плане значительный интерес представляет 1-я гвардейская пехотная дивизия, через командование которой прошел весь "цвет" русской армии того периода. К моменту прихода к власти императора Александра III во главе дивизии находился Свиты Его И. В. генерал-майор (с 1880 г. - генерал-адъютант, с 30.08.1881 г. - генерал-лейтенант) принц А.П. Ольденбургский. В 1897 г. указанную должность занял уже упоминавшийся нами генерал-лейтенант О.-Ф.К. Гриппенберг, но уже осенью 1898 г. его сменил генерал-лейтенант Георгий Робертович Васмунд. Генерал Н.А. Епанчин вспоминал: "Осенью 1897 г., после генерала Гриппенберга, начальником 1-й Гвардейской пехотной дивизии был назначен генерал Георгий Робертович Васмунд" [11].

После окончания Константиновского военного училища Георгий Робертович был произведен в прапорщики л.-гв. 4-го Стрелкового Императорской Фамилии батальона (в 1859 г.). Он принимал участие в подавлении Польского восстания и русско-турецкой войне 1877 - 78 гг. Был награжден орденом Св. Георгия IV степени. С 1890 по 1893 г. Васмунд командовал л.-гв. Измайловским полком, затем 1-й и 2-й бригадами 1-й гвардейской пехотной дивизии. Н.А. Епанчин вспоминал о Васмунде следующее: "По своему образованию он окончил Новороссийский университет и университет Гейдельбергский и Михайловскую Артиллерийскую академию - он был блестящим исключением среди нашего генералитета... Отличался светлым умом, здравым пониманием сущности военного дела и был замечательно энергичен" [12]. В августе 1898 г. Васмунда сменил генерал-лейтенант Георгий Иванович Бобриков. В отличие от Гриппенберга и Васмунда Бобриков начинал как кавалерист. После окончания 1-го кадетского корпуса в 1859 г. будущий генерал был выпущен в

л.-гв. Уланский Его Величества полк. В 1868 г. Бобриков окончил НАГШ. Н.А. Епанчин отмечал: "Он начал службу в л.-гв. Уланском Его Величества полку, оттуда пошел в Академию Генерального Штаба и затем в строю больше не служил" [13]. Генерал принимал участие в русско-турецкой войне 1877 - 78 гг. Награжден орденом Св. Георгия IV степени и золотой саблей с надписью "За храбрость", а в 1879 г. произведен в Свиты Е. И. В. генерал-майоры. Бобриков командовал дивизией до конца 1901 г., а 15.11.1901 г. его сменил генерал Сергей Сергеевич Озеров. Н.А. Епанчин характеризовал Бобрикова следующим образом: "В общем итоге Григорий Иванович не получил никакой подготовки для командования дивизией. Авторитет нового начальника дивизии в полках был, разумеется, нулевой, и все шло, как говорят французы, "clopin-clopant", без души и почти без пользы. В личных отношениях Георгий Иванович был обходителен и приветлив" [14].

Что касается генерала Сергея Сергеевича Озерова, то он являлся "коренным офицером" л.-гв. Преображенского полка. Он поступил в полк "нижним чином" в 1876 г., но на русско-турецкую 1877 - 1878 гг. войну Озеров вышел с чином поручика. В декабре 1889 г. он был пожалован званием генерал-майора и включен в свиту Его Величества. Непродолжительное время генерал командовал л.-гв. Преображенским полком (назначен в 1900 г.). Затем генерал получил гвардейскую дивизию. В связи с инцидентом в Преображенском полку во время революции генерал окончательно уволился со службы [15].

Озерова сменил Антон Егорович Зальца. Начал свою военную карьеру в 1862 г. в л.-гв. Стрелковом Императорской Фамилии батальоне. Антон Егорович принимал участие в подавлении Польского восстания 1863 г. и русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг. Был награжден орденом Св. Георгия IV ст. 1-ю гвардейскую дивизию возглавлял с апреля 1904 по август 1905 г.

В августе 1905 г. дивизию возглавил Платон Алексеевич Лечицкий. Платон Алексеевич вообще не был связан с гвардией. Выражаясь гвардейским языком, он был "чужак". Лечицкий происходил из семьи священника, окончил Варшавское пехотное юнкерское училище. Платон Александрович являлся генералом новой формации. Имел значительный опыт современных войн (преимущественно Дальневосточный ТВД). Принимал участие в Китайской кампании 1900 - 1901 гг., связанной с подавлением восстания "боксеров" (ихэтуаней), а также в русско-японской войне, где зарекомендовал себя "выдающимся полковым командиром". За боевые заслуги в последней войне был пожалован орденом св. Георгия IV ст. и золотым оружием. После окончания войны был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту Его Величества. Лечицкий получил 1-ю гвардейскую пехотную дивизию в июле 1907 г. и оставался в этой должности до 1910 г. (в 1908 г. получил звание генерал-лейтенанта).

После Лечицкого дивизию возглавил Иосиф Иванович Мрозовский. Иосиф Иванович окончил Михайловское артиллерийское училище, а затем и Михайловскую артиллерийскую академию. После окончания училища был выпущен в гвардейскую артиллерию (служил в 1-й л.-гв. артиллерийской бригаде). Как и Лечицкий, Мрозовский был участником русско-японской войны и по взглядам вполне может быть отнесен к генералам "новой формации". Во главе 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал находился вплоть до 1912 г., после чего получил гренадерский корпус. Иосиф Иванович был кавалером ордена св. Георгия IV степени.

Войну 1-я гвардейская дивизия встретила под началом Владимира Аполлоновича Олохова. Олохов являлся выпускником Михайловского артиллерийского училища. В 1876 г. был выпущен в л.-гв. 2-ю артиллерийскую бригаду. Принял участие в русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг. В 1882 г. окончил НАГШ по 1-му разряду. В 1903 г. Олохов получил под свое начало л.-гв. Литовский полк, а в 1908 г. 2-ю бригаду 3-й гвардейской пехотной дивизии. Наконец, в мае 1912 г. Владимир Аполлонович получил под свое начало 1-ю гвардейскую пехотную дивизию, с которой и выступил на войну.

В свою очередь 2-я гвардейская пехотная дивизия последовательно возглавлялась генерал-лейтенантами Р.Т. фон Мевесом (с 1897 по 1899 г.) [16], Е.М. Бибиковым (с 1899 по 1900 г.), В.И. Троцким (с 1904 по 1905 г.), В.Н. Даниловым (с 1905 по 1906 г.), И.А. Романенко (с 1906 по 1907 г.), Н.П. Михневичем (с 1908 по 1910 г.), В.Е. Флугом (с 1912 по 1913 г.) и А.А. Ресиным (с 1913 по 1914 г.).

3-я гвардейская пехотная дивизия возглавлялась следующими генерал-лейтенантами: В.Д. Дандевилем (с 1877 по 1887 г.), бароном А.Н. Меллером-Закомельским (с 1901 по 1904 г.), П.Д. Ольховским (с 1904 по 1908 г.), Я.Ф. Шкинским (с 1908 по 1910 г.) и О.-Л.О. Сирелиусом (с 1910 по 1914 г.).

В силу ограниченности объема статьи мы не можем дать полной характеристики каждого командира дивизии.

Что касается бригадных командиров, то их функции были крайне размыты - существенного влияния на боевую подготовку и функционирование гвардейских частей они не оказывали. В большинстве гвардейских полков их даже не знали в лицо [17].

Теперь обратимся к анализу командного состава конкретных гвардейских частей. Примечателен тот факт, что к началу XX в., как и во времена Николая I, процент командиров-иноземцев в полках "старой гвардии" оставался превалирующим. Это еще раз косвенно подтверждает зависимость традиционных установок эпохи Николая II от эпохи его прадеда. Более того, мы можем утверждать, что комплектование полков "старой гвардии" "командирами-иноземцами" само по себе

стало традицией (особенно в кавалерии). Обратимся к фактической стороне вопроса.

По воспоминаниям генерала Скалона, в 70 - нач. 80-х гг. XIX в. соотношение носителей немецких и русских фамилий офицеров, командующих гвардейскими частями, "было в пользу немецкой партии" [18]. При этом подавляющее большинство "немцев" были православными и являлись "немцами" во втором, а то и третьем поколении. Например, командиры л.-гв. Измайловского и л.-гв. Егерского полков Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Александр Богданович Гельфрех и Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Александр Вениаминович Эллис-1, командир л.-гв. Московского полка Свиты Его Императорского Величества генерал-майор А.А. Брюнинг, командир л.-гв. Гренадерского полка Свиты Его Императорского Величества генерал-майор барон Л.Л. Зедделер, командир л.-гв. Павловского полка Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Николай Оттонович фон-Розенбах и т.д. При этом в кавалерии процент носителей русских фамилий был значительно выше, чем в пехоте [19].

К 1904 г. по первой пехотной и первой кавалерийской (исключая казачьи полки) гвардейским дивизиям мы имеем следующую статистику: из 11 командиров данных боевых единиц 7 человек являлись немцами (германское происхождение и лютеранское вероисповедание), что составляет 64%, довольно высокий показатель для Русской императорской гвардии [20].

Накануне первой мировой войны (1913 - 1914 гг.) из 16 командиров 1 и 2-й гвардейских пехотных дивизий и 1 и 2-й кавалерийских гвардейских дивизий только один офицер был лютеранином. Четыре человека имели немецкие корни, один принадлежал к фамилии шведского происхождения, при этом все были православные, а фамилии их были "русифицированы". В данном случае это фон-Гилленшмит, Менгден, фон-Граббе, Михельсон, Нирот. Если брать в качестве главного критерия конфессиональный параметр, то получается, что процент так называемых "немцев" составлял всего 6%. Если брать национальный компонент (хотя данный параметр заведомо является некорректным), то данная цифра приближается к 37%, то есть 6 человек. Насколько представители указанных фамилий действительно являлись немцами ("по крови и по духу"), судить сложно.

Статистический анализ позволяет нам сделать вывод о том, что нарастание "русского компонента" наблюдается на отрезке 1912 - 1913 гг.

Если анализировать всю картину в целом (на отрезке 1900 - 1914 гг.), то по первой гвардейской кавалерийской дивизии у нас получается следующая статистика. Из 21 командира полков 15 являлись "иноземцами", или 71%. Среди них немцев было 11 человек, то есть 52%. Русских соответственно 29 %. Из вышеперечисленных офицеров титул имели 5 человек, то есть 24 % [21].

При анализе гвардейской пехоты получаем следующие данные: из 23 командиров полков 8 являлись "иноземцами", что составляет 34,7% , из них те же 8 человек - немцы. Ни один из командиров полков не имел титула. В то же время прослеживается большое количество так называемых "польских" фамилий. Вместе с тем на действительно польские корни могли претендовать В.Ф. Новицкий и А.М. Зайончковский. Остальную группу мы можем обозначить как "русскую" (хотя Драгомировы имеют тоже польское происхождение (герб Сулима) - они оказались на русской службе в первой половине XVIII в.). "Русский компонент" в данном случае составляет 60% [22].

Как видим, в гвардейской кавалерии процент командиров полков - "иноземцев", а также имеющих титул значительно выше. Думается, что это объясняется большей приближенностью данной части "старой гвардии" к императору, который в своей политике делал ставку в основном на "иноземцев" и представителей русской титулованной аристократии, являющихся более "опытными" царедворцами и стоящими на страже императорского престола.

Необходимо отметить, что "иноземная знать" имела в России большие возможности, особенно по отношению к нетитулованному русскому дворянству, пусть и со "старой родословной". В течение XIX в. "остзейцы" достаточно прочно вросли в структуру военной машины России. Приблизительно 47% из находящихся в тот момент в гвардии "остзейцев" были православного вероисповедания и имели в России достаточно прочные корни. Многие из них оказывались на высших командных должностях. Так, П.А. Режепо отмечал, что к 1900 г. более двух третей полковничьих должностей занимали выходцы из "остзейских земель" [23].

И все же процент пополнения офицерского корпуса "старой гвардии" из "Остзеи" в означенный период в целом невысок.

Между тем отдельные гвардейские полки традиционно продолжают оставаться с точки зрения офицерского состава в значительной степени "онемеченными". К началу первой мировой войны ярко выраженный "немецкий характер" сохранил только л.-гв. Конный полк: из 27 офицеров, вышедших на войну, 11 являлись немцами и 1 - грузином. Это составляло 41% [24].

В остальных полках эта цифра была значительно ниже и не поднималась выше 25 % в кавалерии (л.-гв. Кирасирский Его Императорского Величества полк [25]). В пехоте этот показатель не поднимался выше 20 % [26].

К началу первой мировой войны из 8 командиров полков первой гвардейской пехотной и первой гвардейской кавалерийской дивизий только двое являлись "иноземцами", что составляет 25% и в кавалерии, и в пехоте. Этот показатель одинаков - по 25 % в каждом роде войск, что указывает

на определенное снижение "немецкого компонента" к данному периоду времени. Титулованных особ также одинаковое количество - по одному человеку, что составляет по 25 % для каждого рода войск.

Примечателен еще один интересный факт: к началу первой мировой войны превалирующее число высших командных должностей русской армии занимали бывшие офицеры-гвардейцы. Оба Главнокомандующих - великий князь Николай Николаевич-младший и император Николай II были "коренными гвардейцами". Оба прослушали курс НАГШ. Оба были офицерами Свиты Его Императорского Величества. В случае с императором Николаем II это выглядит некоторым казусом. Благодаря советским историкам сложилось мнение, что император был настолько недалекий человек, что не смог дослужиться даже до генеральского звания. Наиболее убедительное объяснение нежелания Николая II быть генералом мы находим в воспоминаниях княгини М. Барятинской. Она писала: "...император также носил аксельбанты, как адъютант своего умершего отца, и вот по этой причине его величество не хотел становиться генералом, потому что он более всего заботился о том, чтобы не утратить знак отличия своего любимого отца" [27].

Соответственно из двух начальников (Н.Н. Янушкевич, М.В. Алексеев) и одного исполняющего обязанности (В.И. Гурко) начальника штаба Верховного Главнокомандующего два генерала (Н.Н. Янушкевич [28] и В.И. Гурко [29]) были выходцами из гвардии.

Соответственно из четырех военных министров "военного времени" (до февральского переворота) трое, генерал-адъютант генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов (военный министр с 11.03.1909 г. - формально до сентября 1915 г.), генерал от инфантерии А.А. Поливанов (военный министр 10.09.1915 - 15.03.1916 гг.) и генерал от инфантерии М.А. Беляев (военный министр с 3.01.1917 по 2.04.1917 г.), начинали свою военную карьеру в императорской гвардии.

В.А. Сухомлинов прослужил в л.-гв. Уланском Его И. В. полку с 1867 по 1871 г., а после окончания НАГШ около года командовал эскадроном л.-гв. Кирасирского Его И. В. полка. А.А. Поливанов начал офицерскую службу в л.-гв. Гренадерском полку и прослужил в нем с 1874 по 1885 г. Вместе со своей частью принял участие в русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг. Наконец, генерал от инфантерии М.А. Беляев начинал службу во второй л.-гв. артиллерийской бригаде. А после окончания НАГШ около года командовал ротой в л.-гв. Измайловском полку.

Из 10 командующих фронтами по гвардии проходили 6 (при этом Н.В. Рузский дважды назначался командующим фронтом - первоначально Северо-Западным, затем Северным, то есть корректно указывать цифру 7). Здесь перевешивала гвардейская пехота - 3 чел. (2 представителя л.-гв. Гренадерского полка - генерал Н.В. Рузский два раза и от л.-гв. Волынского - А.Е. Эверт). Оба генерала участвовали в составе своих частей в русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг. От гвардейской кавалерии было 2 человека - от л.-гв. Кавалергардского - Я.Г. Жилинский и от л.-гв. Уланского Его И. В. полка - П.А. Плеве (после окончания НАГШ он также год командовал эскадроном л.-гв. Кирасирского Его В. полка). И один человек, Н.И. Иванов, начинал свой боевой путь в гвардейской артиллерии (он также принимал участие в русско-турецкой войне 1877 - 1878гг.). Четыре генерала, начинавших карьеру в императорской гвардии, до войны командовали военными округами: Я.Г. Жилинский - Варшавским, П.А. Плеве - Московским, Н.И. Иванов - Киевским, А.Е. Эверт - Иркутским. Все командующие фронтами окончили НАГШ. Участие в русско-японской войне принимали 8 человек из 10.

В свою очередь, из 36 генералов, командующих армиями, по гвардии проходили 20. Соответственно по гвардейской кавалерии - 8 (4 - л.-гв. Уланский Его И. В. полк; 2 - л.-гв. Гродненский Гусарский полк, 1 - л.-гв. Конный полк, 1 - л.-гв. Гусарский Его Величества полк), по гвардейской инфантерии - 12 (1 - л.-гв. Московский полк, 1 - л.-гв. 4-й Стрелковый полк, 5 - л.-гв. Гренадерский полк, 2 - л.-гв. Измайловский полк, 2 - л.-гв. Семеновский полк, 1 - л.-гв. Волынский полк). В Свите Его Императорского Величества состояли 6 человек, из них 4 начинали карьеру в гвардии (в.к. Николай Николаевич, князь И.И. Воронцов-Дашков, В.М. Безобразов и Д.Г. Щербачов - все "коренные гвардейцы"). Нужно также отметить, что командующий 9-й армией генерал-лейтенант П.А. Лечицкий два года (с 21.07.1906 до 26.08.1908 г.) командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией. 17 человек принимали участие в русско-японской войне. Все окончили Николаевскую Академию Генерального Штаба.

Что касается командующих армейскими корпусами, то из 16 человек карьеру в гвардии начинали 9 человек. 6 человек начинали свою карьеру в гвардейской артиллерии, 3 - в гвардейской кавалерии (л.-гв. Гусарский Его Величества и л.-гв. Драгунский полки). Кроме того, нужно учитывать то, что в указанной группе были еще два человека, которые с определенными оговорками могут быть отнесены к гвардии. Это командир 3-го кавалерийского корпуса граф Ф.А. Келлер (к началу первой мировой войны Свиты Его И. В. генерал-майор, участник русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг., кавалер орденов Св. Георгия 4 и 3 ст.) и командир 9-го армейского корпуса Свиты Его И. В. генерал-майор Н.М. Киселевский. Дело в том, что генерал Ф.А. Келлер с 6.11.1906 до 14.06.1910 г. командовал л.-гв. Драгунским полком. Генерал Н.М. Киселевский с 11.02.1908 г. по 24.12.1913 г. командовал л.-гв. Измайловским полком, а затем

1-й бригадой 2-й гвардейской пехотной дивизии.

Таким образом, соотношение гвардейцев и негвардейцев по армейским корпусам одинаково. Все рассматриваемые фигуранты окончили НАГШ. В русско-японской войне принимали участие 9 человек. Три человека состояли в Свите Его И. В.

Итак, соотношение гвардейского и негвардейского элементов на высших командных должностях в русской армии начала XX в. было приблизительно одинаковым при небольшом перевесе гвардейских офицеров над армейскими. Гвардейских офицеров на командных должностях в период первой мировой войны было 55,2 % (32 человека из 58). Армейские офицеры составляли 44,8 % (26 человек из 58) всех командиров.

Еще одним немаловажным параметром, по которому рассматривается данная группа, является участие в русско-японской войне 1904 - 1905 гг. Участие в этой войне принимали 48,3 % высших офицеров этой группы (28 из 58). В свите императора состояло всего 8 человек из данной группы (13,8%).

Необходимо отметить, что командиры гвардейских полков оказывали весьма сильное влияние на "духовную" атмосферу своих частей. Гвардейская иерархия требовала, чтобы полк (офицерский корпус полка) был в какой-то мере "подобен" своему командиру. Эту особенность применительно к командиру л.-гв. Егерского полка подмечал Б.В. Геруа. Он указывал на то, что с приходом нового командира полк во многом уподоблялся ему, - таким образом, перестраивался "психологический тип" офицерского корпуса данного полка. Это происходило во всяком случае, если атмосфера, привносимая в конкретную часть новым командиром, не вступала в противоречие с архетипическим компонентом данного полка. Б.В. Геруа отмечал, что с приходом генерал-майора А.И. Чекмарева полк постепенно "...точно надел калоши и поднял, нахохлившись, воротник, закрывающий лицо. Таково влияние командира! ...полк вступил в пятилетнее бесцветное существование, получившее потом кличку "чекмаревского времени" [30].

Через такую же эпоху "стагнации" пришлось пройти и офицерам л.-гв. Кирасирского Ея Императорского Величества полка во время командования генерал-майора Евгения Ивановича Бернова [31]. Офицеры в шутку окрестили этот период истории полка эпохой "генерала Бревнова".

Аналогичную ситуацию отмечал применительно к л.-гв. Конному полку князь С. Белосельский-Белозерский. Конная Гвардия во многом усваивала дух приходящего в ее ряды командира. Князь писал, что во время командования хана Гусейна-Келбали Нахичеванского полк жил "спокойной, размеренной жизнью" в соответствии со "спокойной восточной натурой" хана Нахичеванского. С приходом П.П. Скоропадского полк в короткое время перестроился в соответствии с его "деятельностной натурой, наполненной энергией и желанием работать" [32]. Впрочем, были и исключения из общего правила.

Так, в случае с командиром л.-гв. Кавалергардского полка генерал-майором Александром Николаевичам Николаевым [33] наблюдается совершенно обратная картина - не полк вынужден был подстраиваться под своего командира, а командир - под свой полк. Николаев проник в Кавалергардский полк "благодаря своим деньгам". Окруженный выходцами из самых настоящих аристократических кланов, этот "мелкий тульский дворянин" вынужден был копировать поведение большинства из них, перенимая "основное содержание стилистики кавалергарда". Н.А. Игнатьев отмечал, что "с удивительным искусством он стал подражать представителям самых высших аристократических семейств..." [34]. В итоге он пробился на высшие ступени иерархической лестницы. Способ командования полком, который избрал А.Н. Николаев, отличался своеобразием и оригинальностью: он вообще не вмешивался в полковую жизнь, как будто его и не было, - "он предоставлял полную свободу действий двум своим помощникам, командирам эскадронов и адъютанту" [35].

В образе жизни генерал-майора А.Н. Николаева проявлялись сибаритские нотки, при этом он практически полностью устранялся от полковых дел [36]. Так проходила полковая служба данного командира полка.

Впрочем, при высоком традиционализме службы в кавалерийских полках "старой гвардии" (Кавалергардском, Конногвардейском, л.-гв. Кирасирском Ея И. В.) "самоустранение" командира полка делу не вредило. По данному поводу князь С. Белосельский-Белозерский замечал: "... командовать Конной Гвардией было легко, так как все шло, как в хорошо заведенном механизме, согласно строго утвержденному порядку строевой и хозяйственной жизни полка и на основании вековых традиций, прочно руководивших укладом офицерской жизни" [37].

Необходимо отметить, что откровенным антиподом А.Н. Николаева был генерал-майор Ф.Ф. Юсупов, на которого полк равнялся во всем. Его перевод на другую должность отличался невероятной трогательностью, указывающей на то, что полк прикипел душой к своему командиру. Супруга, Зинаида Юсупова, писала: "Сдача полка прошла благополучно, страшно трогательно, и Менгден также был страшно взволнован. Он мне говорил, что с тех пор, как знает полк, никогда не видал такой любви офицеров к своему командиру!" [38].

Итак, влияние того или иного командира полка на полковую атмосферу вполне очевидно, а стиль внутриполковой жизни во многом определялся его "типичностью" для данного полка. В противном случае полк реализовывал свой полковой идеал помимо своего полкового командира, а последний должен был устраняться из полковой жизни, проводя время в скучающей лени (особенно в зимний период службы).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горохов Ж. Русская императорская гвардия. - М., 2002. С. 9. Общая статистика и анализ состояния вооруженных сил Российской империи в начале XX века и вплоть до первой мировой войны приведены в работе Головина Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. - Жуковский - Москва, 2001; смотри также: Справочная книжка для офицеров. - Ч. I. - М., 1902. С. 1 - 8.

2. См.: Клаузевиц К. О войне. Бесценный источник стратегических инициатив для достижения успеха. - М., 2007.

3. В 1904 г. учреждена должность инспектора всей артиллерии с предоставлением ему права замещать генерал-фельдцейхмейстера в отсутствие последнего, а с 1905 г. инспектор всей артиллерии был переименован в генерал-инспектора артиллерии.

4. Залесский К.А. Кто был кто в первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. - М., 2003.

5. Макаров Ю.В. Моя служба в Старой гвардии. 1905 - 1917. - Буэнос-Айрес: Дорегго, 1951. С. 127.

6. Витте С.Ю. Воспоминания. - М., 1960. С. 92.

7. Происходил из древнего герцогского рода Гольштейн-Ольденбургов. С 1.11.1876 г. командовал 1-й бригадой 1-й гвардейской пехотной дивизии, а с 17.9.1880 г. - 1-й гвардейской пехотной дивизией. Член Государственного совета, сенатор. С 1914 г. получил право пользоваться титулом Его Императорского Высочества.

8. РГВИА (Российский Государственный Военно-исторический архив). Ф. 3591. Оп.1. Д. 44. Лл. 3 - 4.

9. Макаров Ю.В. Моя служба в Старой гвардии. 1905 - 1917. - Буэнос-Айрес: Дорегго, 1951. С. 76.

10. Панчулидзев С. Сборник биографий кавалергардов (1826 - 1908). - Т. 4. - СПб., 1908. С. 241.

11. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. - М., 1996. С. 250.

12. Там же. С. 250.

13. Там же. С. 253.

14. Там же. С. 254.

15. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 865. Л. 3.

16. В скобках указан отрезок времени, в течение которого фигурант находился во главе рассматриваемого воинского формирования.

17. Макаров Ю. Моя служба в Старой гвардии. 1905 - 1907. Мирное время и война. - Буэнос-Айрес: Дорегго, 1951. С. 146.

18. ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации). Ф. 5794. Оп. 1. Д. 2. Л.114 - 115.

19. ГАРФ. Ф. 5794. Оп. 1. Д. 2. Л. 114 - 116.

20. РГВИА. Ф. 2577. Оп. II. Д. 352. Л. 5.

21. РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Д.д. 391, 395, 398, 408; Ф. 3543. Оп. 1. Д.д. 3239, 3145, 3147, 3152; Ф. 3547. Оп. 1. Д.д. 126,128,132,139; Девлет-Кильдеев Н.М. князь, Доленга-Ковалевский Г.А. Кирасиры Его Величества 1902 - 1914 гг. Последние мирные годы. - СПб., 1914. С. 14 - 26.

22. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д.д. 865, 705; Ф. 2584. Оп. I. Д.д. 2595, 2756, 2822; Ф. 2577. Оп. 2. Д.д. 356, 353, 350,371; Ф. 2576. Оп. 2. Д.д. 195, 198, 228.

23. Режепо П.А. Статистика полковников. - СПб., 1905. С. 5 - 6.

24. РГВИА. Ф. 3543. Оп. I. Д. 3153.

25. Девлет-Кильдеев Н.М. князь, Доленга-Ковалевский Г.А. Кирасиры Его Величества 1902 - 1914 гг. Последние мирные годы. - СПб., 1914. С. 26.

26. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д.д. 865, 705; Ф. 2584. Оп. I. Д.д. 2595, 2756, 2822; Ф. 2577. Оп. 2. Д.д. 356, 353, 350, 371; Ф. 2576. Оп. 2. Д.д. 195, 198, 228.

27. Барятинская М. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870 - 1918. - М., 2006. С. 66.

28. Начинал службу в 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригаде.

29. Начинал службу в л.-гв. Гродненском гусарском полку. Командовал 2-й гвардейской кавалерийской дивизией.

30. Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. - Т. 1. - Париж, 1970. С. 60.

31. См. РГВИА. Ф. 3547. Оп. 1. Д 139. Л. 2. Евгений Иванович Бернов, офицер л.-гв. Кавалергардского полка, друг князя Ф.Ф. Юсупова (во многом обязан своим возвышением дружбе с князем). Окончил Пажеский корпус по 1-му разряду, выпущен в полк в 1872 г. Участник кампании 1877 - 1878 гг. Командовал л.-гв. Кирасирским Ея Императорского Величества полком с 1906 по 1912 г., позднее командовал 1-й бригадой гвардейской кавалерийской дивизии. Отличался невероятной тучностью и высокой близорукостью.

32. Белосельский-Белозерский С.С., князь. История л.-гв. Конного полка. - Париж, 1964. С. 90.
33. См. РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Д 391. Л. 5. Свиты Его Императорского Величества генерал-майор А.Н. Николаев. Окончил Николаевское кавалерийское училище по первому разряду. Выпущен в л.-гв. Кавалергардский полк в 1867 г. Сдал полк в 1900 г., после чего командовал 1-й бригадой 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1910 г. присвоено звание генерал-лейтенант, а затем генерал-адъютант.
34. Кавалергарды. История. Биографии. Мемуары. - М., 1997. С. 385.
35. Там же. С. 385.
36. Там же. С. 385.
37. Белосельский-Белозерский С.С., князь. История л.-гв. Конного полка. - Париж, 1964. С. 90.
38. Из семейной переписки Юсуповых//Река времени. - Кн. 2. - М., 1995. С. 114.

G.S.Tchuvardin

THE HIGHEST OFFICERS IN THE RUSSIAN IMPIRE'S GUARD OF 1881-1914

The article is devoted to the analyses of the highest officers in the Russian impire's guard of 1881-1914. The author makes a research of the impire's guard officers' system in whole (during the period of post-reform), performs the stratification of major officer' groups, determining their places in guard corporative formation. Using the profound theoretical background, the author scrutinizes the basic sociological and sociometric settings to the guard generals and the group of senior colonels. A special attention in the article is given to the analyses of some guard generals' psychological attitude, and its influence on a psychological state of the entrusted with them subunits. The author makes a conclusion about the special significance of researching the topic in order to understand the processes, taking place both inside the Guardian corps itself and in military-political elite circles of the Russian Impire post-reforming period.

ФИЛОЛОГИЯ

А.П. Александрова, *кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета.*

К ВОПРОСУ О СЛОЖНОСТИ АНАЛИЗА МОДАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ

Проблема анализа модальных существительных заключается прежде всего в том, что их статус в языке неясен. Объект нашего исследования занимает промежуточное положение, т.к. располагается на стыке двух разделов современной лингвистики, занимающихся вопросами модальности и вопросами субкатегоризации именной лексики. Обзор лингвистической литературы по этим двум разделам позволил заметить, что модальные существительные практически выпадают из поля зрения лингвистов, таким образом, составляя периферию в их исследованиях, что объясняется широтой предметного поля и масштабностью проблем, отличающих эти два направления. Такое положение ведет к вынужденному ограничению диапазона исследовательских приоритетов, при котором объектом исследований выступают языковые явления, связанные с центральной проблематикой этих разделов.

Для лингвистов, занимающихся вопросами модальности, точкой счета при этом служит высказывание, выступающее в качестве основной сферы проявления модальности. Основные вопросы связаны с определением категории модальности в списке других предикативных категорий предложения и с анализом ее содержательной структуры и выявлением языковых средств выражения модальных значений. Система средств выражения модальных значений строится таким образом, что в центре находится глагол (формы наклонения личного глагола-сказуемого) и модальные глаголы. В эту систему средств выражения также входят другие виды показателей модальности высказывания различного системного статуса (синтаксические, конструкционные средства выражения модальности, словообразовательные и интонационные средства) и различной частеречной принадлежности (прилагательные, наречия, частицы). Есть и незначительное количество существительных, используемых в глагольно-именных сочетаниях, эквивалентных модальным глаголам: "мочь" - "иметь возможность", "собираться" - "иметь намерение", "хотеть" - "иметь желание" и т.п. Однако в подобных случаях модальные существительные рассматриваются не как имена, а выступают как предикаты. И несмотря на то, что некоторые лингвисты, например В.Б. Касевич и В.С. Храковский, отмечают участие определенного круга субстантивов в передаче модальных смыслов, они не определяют их как модальные.

Хорошо известно, что специфика существительного как части речи состоит в том, что существительное способно называть любое явление. Назывная функция обеспечивает модальным существительным доступ в структуру грамматических описаний модальности и, более того, превращает их в атрибут подобных описаний. Модальные существительные используются в качестве необходимого инструмента презентации и аранжировки излагаемого материала, т.е. в качестве единиц лингвистического метаязыка - языка, средствами которого исследуются и описываются языковые явления, в частности модальность, вспомним, к примеру, "Модальность возможности/ вероятности/ желательности".

Модальные существительные - это существи-

© А.П. Александрова, 2008

тельные, имеющие исключительно или преимущественно модальную семантику, существительные, используемые в языке для прямого, автономного, непосредственного или осложненного, опосредованного называния модальных смыслов [Фатеева, Александрова, 2002:46].

Модальные существительные как отдельный объект изучения не рассматриваются и в работах лингвистов, работающих в рамках теории номинации и занимающихся проблемами функционально-семантической типологии номинативных ресурсов языка, в том числе и именных. В ходе анализа литературы, связанной с интересующей нас проблематикой, мы обнаружили только работу В.И. Карасика [1988], в которой автор ставит вопрос о модальности существительных, пытаясь на материале предметных существительных выявить модальный компонент в их семантической структуре.

Ни в одну из многих классификаций имен, разработанных в отечественной лингвистике с начала 70-х годов [Апресян, 1974; Караулов, 1976; Уфимцева 1986; Арутюнова, 1976, 1988; Кубрякова, 1980; Степанов, 1981; Шведова, 1981; Шатуновский, 1996; Чернейко, 1997 и др.], модальные имена никак не вписываются. Все эти таксономии абстрактных имен оперируют чрезмерно общими категориями, что, в свою очередь, приводит к неминуемым противоречиям при всякой попытке наложить их на конкретный материал, о чем справедливо отмечает и Л.О. Чернейко, давшая детальный анализ всех хорошо известных классификаций субстантивов [Чернейко, 1997]. Эти классификации имен существительных, разработанные в рамках разных направлений и полученные на основании разных критериев, свидетельствуют о том, что наиболее проработанной является конкретная лексика, а что касается абстрактной, то здесь меньше рубрик и она менее упорядоченна.

Между тем сам факт существования модальных существительных в языке общеизвестен. К ним относятся в первую очередь так называемые синтаксические дериваты, соотносительные с соответствующими глаголами, прилагательными, которые являются первичными специализированными показателями модальности. Число таких глаголов и прилагательных, как известно, не столь незначительно, как небольшой их круг, описываемый в грамматике в разделе "Модальные глаголы", например:

capability - (for, as) the fact or quality of being capable, or a way in which someone or something is capable [LDCE 1992:141]

probability - 1. [S;U (of)] the state of being probable or the degree to which something is probable; likelihood [LDCE 1992:824].

Есть немало существительных, не выявляющих прямой производности от глаголов, но имеющих модальную семантику, например:

воля - способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели [Ожегов, 1983:86];

данные - свойства, способности, качества как условия или основания для чего-н. [Ожегов, 1983:135].

Таким образом, сложность анализа модальных существительных связана с проблемами модальности, а именно со средствами выражения модальных значений и проблемами таксономии субстантивов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карасик В.И. Категориальные признаки в значении слова. - М., 1988.

2. Касевич В.Б., Храковский В.С. От пропозиции к семантике предложения // Типология конструкций с предикатными актантами. - Л., 1985.

3. Фатеева Е.Д., Александрова А.П. Модальные существительные в языке // Язык и коммуникация: изучение и обучение. - Вып. 9. - Орел, 2002.

4. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. - М., 1997.

А.П. Александрова

МОДАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье предпринята попытка описания модальных существительных со значением возможности в английском и русском языках. В связи с этим необходимо остановиться на некоторых важных, на наш взгляд, моментах.

Несмотря на то, что сочетание *модальные существительные* (МС) никак нельзя отнести к числу общеупотребительных, сам факт их существования в языке общеизвестен. МС вторичны с точки зрения языковой эволюции, поскольку важным исходным пунктом, определяющим языковой статус единиц такого рода, как модальные, является принципиально вторичный характер этих единиц - как единиц вторичной номинации, поэтому большинство МС являются словами производными. К существительным с модальным компонентом относятся синтаксические дериваты, соотносительные с соответствующими глаголами, прилагательными, которые являются первичными специализированными показателями модальности. В качестве примеров, иллюстрирующих деривационную природу существительных с модальной семантикой, можно привести следующие субстантивы: в английском языке *possibility, probability* и *necessity,* производные от прилагательных *possible, probable и necessary: Possibility - the fact of being possible; something that is possible/ Probability - the sate of being probable or the degree to which something is possible/ Necessity - the condition of being necessary; something that is necessary* [LDCE, 1992]; *в русском языке: возможность, вероятность, необходимость, например: Возможность - см. возможный - такой, который может произойти, мыслимый, осуществимый, допустимый* [Ожегов, 1983:83]. Более того, они функционируют в качестве функциональных аналогов модальных глаголов, как, например, модальный глагол can и МС ability, которые семантически эквивалентны, или *may - probability/ must - necessity.* На-ряду с такими существительными есть немало существительных, не выявляющих прямой производности от глаголов/прилагательных и/или тес-ной семантической общности с модальными глаголами, но имеющих модальную семантику, например: *данные - свойства, способности, качест-ва как условия или основания для чего-н.* [Ожегов, 1983:135]; *cart-blanche - full freedom, esp. to make decisions or spend money* [LDCE, 1992:147].

Приведенные в качестве примеров дефиниции существительных показывают, что в их семантике модальная сема имеет разный ранг. Так, в случае с *возможность/possibility* их лексическое содержание исчерпывается самой модальной семой возможности. В случае с *faculty* модальная сема возможности не является стержневой, т. к. *faculty* представляет собой не возможность, а свойство, к тому же ингерентное, благодаря которому субъект может выполнять какие-либо физические и/или умственные операции.

Из рассмотренных примеров мы можем сделать вывод о том, что характеристика существительных с модальной семой очень расплывчата, поскольку модальная сема в их семантической структуре имеет разный ранг, и мы можем предложить следующее определение модальных суще-

© А.П. Александрова, 2008

ствительных: ***модальные существительные*** - *это существительные, имеющие исключительно или преимущественно модальную семантику, существительные, используемые в языке для прямого, автономного, непосредственного или же осложненного, опосредованного (предполагающего обязательную привязку к одному из других именных концептов категориального уровня) называния модальных смыслов.* В связи с этим возникает необходимость решить задачу определения ранга модальной семы в семантике существительных. Главный вопрос связан с определением критериев выявления модального компонента в семантике имени и приемов, с помощью которых может быть определено место модальной семы в структуре имени. Чтобы решить этот вопрос, должны быть найдены надежные процедуры для определения места и роли семы в структуре значения, и такие процедуры уже существуют. Так, В.И. Карасик, решая вопрос, связанный с определением и выделением категориальных признаков в семантике слов, использует приемы индуктивно-формального и индуктивно-содержательного моделирования.

В.И. Карасик сформулировал тезис о специализации категориального признака в значении слова: признак может получить специализированный способ выражения (быть смысловой доминантой слова) и неспециализированный способ выражения (занимать подчиненное положение в значении), таким образом выделив модальные и модализованные глаголы. То же самое, на наш взгляд, справедливо и для существительных. В зависимости от того, какой удельный вес категориальный признак модальности имеет в семантике существительного, можно различать модальные и модализованные существительные. У МС модальная сема - центральная, стержневая. Семантика МС исчерпывается самой модальной семой. У модализованных существительных модальная сема занимает какое-то другое положение. Они включают другие семантические сращения.

Проблема выявления модальных существительных сводится к поиску имен, содержащих в своей семной структуре модальные компоненты, определению их места и ранга в этой структуре, выявлению и сопоставлению наиболее характерных комбинаций модальных компонентов с другими признаками в семантике разных типов субстантивов и - на этой основе - тех из них, которые реализуют некоторый модальный компонент в качестве ядерного или околоядерного компонента, что, согласно принятому определению "модальных существительных", позволяет квалифицировать соответствующее имя как модальное.

Критерием отнесения существительного к разряду МС служит наличие категориального признака модальности в их семантической струк-туре. Факт выполнения существительными назывной функции позволяет выдвинуть как один из критериев отбора способность существительных выступать в качестве единиц метаязыка для описания модальности. Итак, в семантике модальных существительных модальная сема должна быть ядерной. Это первый критерий.

Второй критерий связан с сочетаемостными характеристиками МС. МС имеют способность сочетаться с названиями действий, ситуаций. Они наследуют сочетаемость модальных глаголов, поэтому основным диагностирующим контекстом для модальных существительных являются сочетания "МС +инфинитив/герундий", "МС + непредметное имя (акциональное/ событийное/ пропозитивное)".

Третий критерий связан с учетом деривационных характеристик существительных. МС демонстрируют непосредственную деривацион-ную зависимость от глаголов/прилагательных и/или тесную семантическую общность с собственно модальными глаголами.

Четвертый критерий - наличие в составе дефиниции модальных лексем (предпочтительно в абсолютном начале толкования). МС используются в качестве опорных слов в дефинициях, посредством которых толкуется значение слова, причем значение это должно быть одним из основных или, по крайней мере, одним из пяти.

Выделенные критерии были использованы при отборе существительных со значением возможности в английском и русском языках.

Как известно, первичными средствами выражения модальности являются модальные глаголы и формы наклонения личного глагола-сказуемого. Процедуру отбора МС, претендующих на статус модальных, мы начали с того, что обратились к соответствующим разделам в пособиях по грамматике английского и русского языков, которые помогли нам выявить начальный список имен, используемых для описания самой модальности, т.е. выполняющих роль метаимен: в английском языке - *possibility, ability, capacity, capability*/, в русском - *возможность, способность*.

Для расширения полученных списков МС далее были использованы данные словарей синонимов и идеографические словари.

В связи с недостатками толковых словарей и современными подходами к решению лексикографических проблем встала задача адекватного описания модальных имен, решение которой требовало построения формата толкования для МС. Для построения формата толкования мы: 1) обратились к понятийному аппарату, построенному в функциональной грамматике, 2) учли положение о важности таксономической категории (Т-категория/ТК) [Кустова, Падучева, 1994] в семантике слова, чтобы определить необходимый набор ТК и параметров. Анализ модели функциональной семантики высказывания позволил вывести базовые формулы, отражающие типовые способы передачи модального значения возможности в высказывании и стоящие за ними типовые ситуации [ТФГ, 1990].

Таким образом, был задан предположительный формат толкования МС. Для проверки эффективности и точности данного формата были проанализированы существительные английского и русского языков с ядерной модальной семантикой, чтобы определить варианты представления толкований. Мы проанализировали такие существительные, как *возможность, способность/ possibility, ability, capacity, capability*. Также, учитывая разный ранг модальной семы в структуре имени, мы рассмотрели несколько модализованных существительных: *талант, ловкость/ talent,dexterity*.

Дефиниции этих существительных были отформатированы с учетом требований, предъявляемых к описанию языковых единиц, сформулированных в Московской и Польской семантических школах, с одной стороны, и с учетом единообразной системы форматирования толкований, предложенной Е.В. Падучевой и Г.И. Кустовой, - с другой стороны [Александрова, 2007]. Таким способом мы получили два формата толкования для МС со значением возможности, а именно:

Формат 1. Внешняя возможность: положение дел в мире такое, что в момент t_0 имеются условия Z, которые каузируют: в момент t_n возможно P.

Если в эту схему ввести квалификаторы, то можно получить несколько вариантов формата 1, которые мы приводим в таблице:

Положение дел в мире такое, что в момент t_0 имеются условия Z, которые каузируют: в момент t_n возможно P	Квалификаторы			
	Тематический класс Z			
	Z недеонтической природы		Z деонтической природы	
	ситуация и заданные ей внешние обстоятельства	объективные законы мироздания	нормы данного общества	волеизъявление говорящего

Формат 2. Внутренняя возможность: свойство(а) М (состояние) Х-а, такое,

которое каузирует: Х может делать Р.

Формат 2 также имеет варианты, которые зависят от квалификаторов.

Анализ упомянутых выше существительных и полученные форматы толкования позволили перейти непосредственно к работе с толковыми словарями. В процессе работы с данными толковых словарей было отобрано 60 существительных со значением внешней/внутренней возможности в английском языке и 64 - в русском языке:

МС со значением возможности в английском языке - **60**	Внешняя возможность		Внутренняя возможность	
	16 (16 ЛСВ)		47 (56 ЛСВ)	
	недеонтическая	деонтическая	неприобретенная	приобретенная
	6 ЛСВ	10 ЛСВ	32 ЛСВ	26 ЛСВ
МС со значением возможности в русском языке - **64**	14 (16 ЛСВ)		51 (55 ЛСВ)	
	недеонтическая	деонтическая	неприобретенная	приобретенная
	5 ЛСВ	11 ЛСВ	33 ЛСВ	24 ЛСВ

Отобранные нами существительные с модальным компонентом возможности в английском и русском языках дают основания сделать следующие выводы:

1. Число абсолютно МС в английском и русском языках минимально.

2. Модальные/модализованные существительные неоднородны по своему составу. В корпусе этих существительных есть существительные, выражающие значение как внешней, так и внутренней возможности. Это говорит о том, что у интересующих нас существительных наблюдается такое же деление, которое отличает систему примарных средств выражения значений этого типа, описанных в рамках функциональной грамматики. Это легко можно проиллюстрировать при помощи выведенных ранее семантических схем:

недеонтическая - *"A state of affairs when X can do smth. due to some circumstances which are of nonsocial nature" / "Положение дел, при котором Х может делать что-то потому, что ситуация, условия, обстоятельства и объективные законы развития способствуют этому";*

деонтическая - *"A state of affairs when X can do smth. due to some judicial, moral norms and due to X's volition" / "Положение дел, при котором Х может делать что-то потому, что нормы данного общества и воля Х способствуют этому";*

- обусловленная служебными, юридическими, социально-нравственными нормами общества - *"A state of affairs when X can do smth. due to some judicial, moral norms of the society" /"Положение дел, при котором Х может делать что-то потому, что нормы данного общества способствуют этому";*

- обусловленная волеизъявлением говорящего - *"A state when X can do smth as X has an intention*

and a possibility to do it " / "Положение дел, при котором X может делать что-то потому, что желание X способствует этому";

внутренняя возможность - *"A quality/state when X can do smth. be-cause X has either inborn or gained skill, knowledge, or due to some circumstances which are of nonsocial nature, or due to some judicial, moral norms and due to X's volition, making [P] possible" / "Свойство/состояние, при котором X может делать что-то потому, что обладает ингерентными/приобретенными знаниями, умениями, способствующими этому; имеет желание; есть нормы общества, есть ситуация, условия, обстоятельства и объективные законы развития, которые способствуют этому и делают потенциальную возможность [P] возможной";*

- неприобретенная - *"A quality/state when X can do smth. because X has either inborn or gained skill, knowledge" /"Состояние/свойство/качество, при котором X может делать что-то потому, что имеет возможность, обусловленную врожденными качествами X";*

- приобретенная - *"A quality/state when X can do smth. because X has gained skill, knowledge" /"Состояние/свойство/качество, при котором X может делать что-то потому, что имеет возможность, обусловленную приобретенными качествами X".*

3. Логическая структура модальности высказывания служит основанием для исчисления набора параметров, необходимых для создания единообразного формата толкования имен модальной семантики. Полученные параметры помогают построить формат толкования, применимый к существительным как английского, так и русского языка. Толкования ядерных существительных, демонстрирующих аналогичный набор параметров, являются основанием выведения вариантов толкования для имен модальной семантики. Получены два основных формата толкования и варианты этих форматов, построенных с учетом квалификаторов.

4. Отобранные существительные позволяют произвести и дальнейшее деление внутри каждой группы. Например, говоря о внутренней неприобретенной возможности, можно выделить существительные, подходящие под схему: *"Свойство/качество, при котором X может делать что-то хорошо потому, что обладает большими физическими способностями и опытом, совершая это действие регулярно"* или *"Свойство/качество, при котором X может делать что-то хорошо потому, что обладает большими умственными способностями и опытом, совершая это действие регулярно".* То же самое наблюдается и в английском языке.

5. МС с модальным компонентом возможности выражают различную степень возможности. Поэтому расположим их с учетом принципа "ядро-периферия". Ядро, естественно, составляют существительные-метаимена, посредством которых описывается сама модальность возможности, опорные слова - имена, производные от первичных средств выражения модальности. Таким образом, ядром являются модальные существительные-классификаторы с обобщающим модальным значением возможности. Более того, ядро составляют МС, покрывающие все ТК, выделенные при анализе логической ситуации возможности, описанной в ТФГ, а именно - свойство/качество, состояние, положение. Этим требованиям отвечают в английском языке "possibility", в русском - "возможность", т.к. они имеют более общее значение и служат названием этого поля. Сюда же примыкают в английском языке "ability, capacity, capability" и существительное "способность" в русском языке, которые занимают промежуточный статус, находясь в поле перехода от внутренней возможности к внешней.

Периферию составляют существительные со специфицированным значением внутренней и внешней возможности. Так, например, модальный смысл у существительных, связанных с выражением внутренней приобретенной возможности, представлен через *skill* (a special ability)/*умение.* Дальнюю периферию составляют существительные, в семантической структуре которых специфицированное значение внутренней приобретенной возможности обеспечивается указанием на: 1) возможность выполнения конкретного действия); 2) степень умения выполнить действие, например, умение сделать что-либо *легко, хорошо и быстро* (facility, readiness, dexterity/*ловкость, готовность);* 2) определенный *объем* действий, который субъект способен выполнить (energy); 3) умения, обусловленные физическими или умственными способностями (adroitness/находчивость, искусность); 4) способ выполнения того или иного действия (dexterity - in the use of hands/ловкость); 5) сферу применения способностей (например, в русском языке артистизм - искусство).

6. Внутренняя и внешняя возможности полностью не изолированы. Некоторые МС как в английском, так и в русском языке одновременно могут выражать внутреннюю и внешнюю возможность (например, в английском языке - *ability, capability, capacity*; в русском - *возможность, способность*), входят в состав одновременно нескольких семантических подклассов (*способности - умение, а также возможность производить какие-л. действия* - внутренняя приобретенная возможность / *способности - природная одаренность, талантливость - неприобретенная*). Можно заметить такого рода пересечения как в этих классах, так и внут-ри подклассов, например, в русском языке существительное *воля*, входящее в класс $В_{внеш}$ недеонтическая и $В_{внеш}$ деонтическая одновременно, или в английском - *command*, входящее в состав и $В_{внеш}$, $В_{внутр}$.

7. Представляет интерес и степень номинативной активности языка. Исходя из того, что со-

вокупность МС представляет собой проекцию от первичной системы средств выражения модальных смыслов, мы рассмотрим поле возможности, построенное с позиций функциональной грамматики, и попытаемся посмотреть, как они соотносятся. При рассмотрении поля возможности, когда модальное значение возможности выражается грамматическими средствами (специальными глаголами и глагольными формами), в английском языке наибольшим удельным весом обладает внешняя возможность, и в русском языке незначительный перевес (как уже отмечалось, почти 50%:50%) наблюдается тоже в сторону внешней возможности [Беляева, 1985]. Как показывает семантический анализ, в корпусе выявленных модальных/модализованных существительных также просматривается эта структура. В то же время характер номинативной активности в языке в сфере производства МС, очевидно, смещен в сторону преимущественно таких семантических зон, как приобретенная/неприобретенная внутренняя возможность (78%, 22% - соответственно, внешняя деонтическая/ недеонтическая, в английском; в русском - такие же показатели). Это дает нам основание полагать, что для языкового сознания значения внутренней возможности оказываются более важными, а их дифференциация - более значимой, что и определяет большую активность процессов именной деривации в этой сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова А.П. Классификация модальных смыслов в словаре // Язык и коммуникация: изучение и обучение. - Вып. 12. - Орел, 2004.

2. Александрова А.П. Принципы адекватного лексикографического описания языковых единиц и их применение в современной лексикографии [Текст] / А.П. Александрова // Известия Уральского государственного университета. - Вып. 49. - Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2007. - С. 204 - 212.

3. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. - Воронеж, 1985.

4. Кустова Г.И., Падучева Е.В. Словарь как лексическая база данных [Текст] / Г.И. Кустова, Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. - 1994. - № 4. - С. 96 - 106.

5. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. - Л., 1990.

6. Фатеева Е.Д., Александрова А.П. Модальные существительные в языке // Язык и коммуникация: изучение и обучение. - Вып. 9. - Орел, 2002.

Л.П. Батырева, *кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения Шуйского государственного педагогического университета.*

О ЯЗЫКЕ ШУЙСКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ 20 - 30-х гг. XX в. (ПРОТОКОЛ ОДНОГО СОБРАНИЯ)[1]

На примере одного делового документа 1929 года автор демонстрирует взаимодействие разных языковых пластов в деревенской среде того времени. В статье представлено, как в языке отдельного документа отражается языковая ситуация эпохи, смешение старого и нового, что является показателем не только языковых, но и социальных процессов.

Языковые новации, пришедшие с революцией, их преломление в речи жителей российской деревни, взаимодействие с традиционными языковыми явлениями обстоятельно изучены и описаны А. М. Селищевым [3]. Думается, есть смысл вновь обратиться к этой теме, к этой эпохе, включив в круг исследуемых источников шуйские деловые документы 20 - 30-х гг. XX в. - протоколы сельских собраний. Они представляют собой, как правило, краткие однообразные тексты, написанные либо на специальном бланке, либо оформленные секретарём по хорошо известной ему форме, включающей заголовок, перечисление пунктов повестки дня, констатирующую часть, постановляющую часть, подпись председателя собрания и секретаря. К счастью, "писцам" не всегда удавалось соблюдать орфографические, грамматические и стилистические нормы. И случаи неудач, ошибок не очень грамотных секретарей (секлетарей, как часто они себя именуют) более всего интересны, поскольку содержат лингвистическую информацию, предлагают материал для характеристики особенностей устной речи.

К. И. Демидова отмечает, что "в сельском общении диалектологи выделяют два модуса коммуникации: модус "чужой" и модус "свой"" [1: 31], при этом в повседневной коммуникации наблюдается переключение с диалектной речи на литературно-разговорную и наоборот, т. е. "диалектная коммуникация - это достаточно сложное явление, сочетающее в себе универсальные общерусские, устно-речевые и специфически диалектные особенности" [1: 31]. Взаимодействие разных языковых пластов в деревенской среде, неоднородность речи диалектоносителей, переключение со "своего" на "чужое" (литературно-книжное) и даже "чуждое" (канцелярско-административное) протоколы сельских сходов также с очевидностью демонстрируют.

Незамысловатые тексты документов ярко представляют бытовой уклад послереволюционной русской деревни, поскольку на собраниях формулируются все насущные проблемы жизни крестьян, решаются самые разные вопросы - организация медпункта, ветеринарного пункта, избы-читальни, строительство колодца, приобретение трактора, распределение семенного фонда, очистка семян формалином, подготовка к посеву, подбор помещения для работы с неграмотными и малограмотными, выделение земельных паёв, леса для строительства, разбираются заявления о вступлении в колхоз, о выходе из колхоза, просьбы о материальной помощи и др. В текстах содержится информация аксиологического характера, предлагающая материал для суждений об оценочной семантике времени. Один из документов такого рода - протокол собрания 1929 г. граждан с. Студенцы, в повестке дня которого - необычные вопросы. Крестьяне *"слушали: информацию ... о событиях на КВЖд".* В протоколе сообщается, что, *"заслушав информацию Касатова о вмешательстве Америки, Франции и Англии, общее собрание находит, что вмешательство в мирное улаживание конфликта с Китаем является попыткой иностранной буржуазии провоцировать Советский Союз на войну. Мы заявляем, что эта попытка не удастся, ибо наш рабочий класс и крестьянство сумеют укротить алчный аппетит буржуазной сволочи и дать отпор в любую минуту. В ответ на это тесней сплотим ряды вокруг ВКП(б), выполним 5 летку в 4 года. Да здравствует СССР - очаг мировой революции. Да здравствует Красная Армия..."*. Во второй части

© Л.П. Батырева, 2008

документа - накал страстей уже совсем по иному, жизненно важному для жителей Студенцов поводу: речь идёт о закрытии церкви. Дискутируют с одной стороны люди, пытающиеся выполнить указания "сверху", другую сторону представляют те, кто противостоит давлению и, заметим, еще имеет возможность высказать свое мнение. Предлагаем далее фрагмент этой части протокола, в подробностях и деталях рисующий своё время - агрессивное и наступательное давление власти, насаждающей новые нормы жизни, и реакцию крестьян на её инициативы.

Публикуя документ, сохраняем орфографию и пунктуацию оригинала (кроме деления текста на строки).

Доклад т. Козлова В. Н. "Церковь до и после революции".

По докладу выступали:

1) Козлова О. И., которая предлагает с закрытием церкви обождать.

2) Малунин говорит, что Шуйские рабочие постановили просить о закрытии церквей г. Шуи и в свою очередь предлагает закрыть черковь в Студенцах, т. к. она приносит вред всему населению. Церковь является в руках капиталистов орудием борьбы с Советской властью.

3) Субботин Е. Я. Говорит, что он был набожным человеком, ходил по "святым местам" и видел весь обман церковников.

4) Макаров А. В. говорит, что Субботин так говорит потому, что был обложен хлебом.

5) Пугин В. П. Никто не может заставить другого молиться или нет. Надо ясно сказать нужна или не нужна нам церковь. Церковь задерживает дело социалист. строительства. Попы ведут противосоветскую агитацию, стреляют в сов. работников. Верующие молятся только по привычке. Молодежь перерастает своих отцов. Надо культурно воспитать молодежь. Для всевозможных кружков нужно помещение.

6) Макаров А. А. говорит, что церковь вносит разлад в семейную жизнь.

7) Козлов И. Н. говорит, что его жена прежде ходила в церковь, но осталась недовольна ее и обещалась больше не ходить.

8) Клычков И. И. Что ... бывают ссоры из-за того, что жены таскают ребят крестить причащать. Церковь можно использовать под какую-л. мастерскую. Церковь ничего не дает.

9) Субботин А. говорит, что церковь непричем, если Клыков ничего не нажил.

10) Козлова О. И. говорит, что она верует и все ей дает бог. Она и лечит и повивает, потому что ей бог дает.

11) Макаров Мих. возражает, что если Козлова и лечит и повивает, это тут бог ничего не дает, а она делает сама.

12) Макаров А. А. говорит, если Козлова и живет хорошо, то бог тут не причем. Молодежь нашего села нуждается в культурном воспитании. Цели молодежи не церковь, а совершенно другие. Когда был учеником и ходил в церковь, то там ничего не получал. Заставляли ходить насильно. Присоединяется к мнению о необходимости закрытия церкви.

13) Касаткин К. П. В настоящее время идет перестройка всего народного хозяйства. Надо предоставить молодежи жить так, как она хочет. Веруем мы по привычке. Это вбили нам в голову. В церковь ходим посмотреть друг друга, посплетничать. У нас организуется колхоз. Помещение будет нужно. Вопрос о закрытии церкви поднят самой массой. По закрытии церкви вся религия забудется. Помещение можно использовать и для организуемого совхоза. Позднее сами бабы осознают и скажут ячейке спасибо.

14) Козлова О. И. говорит, что раньше можно было занять помещения заводов. Церковь содержится верующими.

15) Пугин И. А. говорит, что "бог давал" Козлову А., когда он пускал лесопильный завод и который он развалил. Козловым бог "давал" по 10-15 десятин земли. Я перестал молиться, разбил иконы, мать их сожгла, но бог ведь не наказал. В церковь ходят только несколько старух. Не дает бог уже теперь и попам, т. к. от 3х старух не много получишь.

16) Касатов В. П. отмечает активную защиту церкви женщинами и объясняет это тем, что женщину раньше церковь не допускала до школы. Его мать неграмотна, т. к. не выучила когда-то какую-то молитву и должна была уйти из школы. Церковь поддерживала насилие мужчины над женщиной. Теперь нельзя уже стукнуть женщину. Церковь держится только на женщинах. Мужчины уже отошли от нее. Попы и сами не очень веруют. Они не сеют, не жнут, а собирают. Церковь нужна только лишенцы (так!). Козлова Мар. Фом., агитируя за церковь, говорила, что скоро будут отбирать не только церковь, но и дома. Так они говорят, т. к. церковь им нужна, они через церковь эксплоатировали других. Все выступления женщин основываются лишь на агитации таких, как Козлова М. Ф. и др. Церковь вносит разлад в семье. Матери выгоняют из дому своих безбожных детей. Они еще порют их. Насиловать детей мы не вправе. Мы должны дать им полную свободу. Фабрично-зав. комитет предполагает открыть кружок быта. Нужно помещение. Для дет. ясель тоже нужно оно. Женщины, которые хотят уйти с собрания находятся лишь под влиянием лишенцев Козловых.

17) Козлов И. Н. говорит, что церковь и в прежнее время ничего не давала народу. Обучались лишь поповы сыновья. Теперь же каждый может обучаться, где угодно.

18) Клыков Е. Е. говорит, что у дьячка Сахарова во время революции пропало 14 т. руб.

В заключительном слове т. Козлов говорит, что большинство высказалось за закрытие церкви и предлагает церковь закрыть ...

Постановили: Заслушав доклад "Религия до и после революции" собрание граждан с. Студенцов отмечает вред приносимый религией, в частности ее вредительскую роль, т. к. церковь является прибежищем всех контрреволюционных элементов и активно ведет борьбу с Советской властью и проводимыми ее мероприятиями как то 5 летний план нар. хозяйства, коллективизация с. х., заем индустриализация и т. п. Затем религия затуманивает головы верующих и отвлекает их от социал. строительства. Далее собрание констатирует, что гр-не с. Студенцов в главной массе освободились от религиозного дурмана, а потому считает необходимым существующую в с. Студенцах церковь закрыть, о чем возбудить ходатайство перед РИКом, а здание использовать частью для культурных целей, а частью передать в аренду племхозу "Колбино". Поручить ячейке ... провести кампанию по закрытию церкви в других деревнях колхоза, колокола использовать один на оборудование клуба и приобретение кинопередвижки, один оставить пожарный, а остальные передать в фонд индустриализации. Постановление принято почти единогласно, лишь при 5 гол. против (МУ АГОШ (Муниципальное учреждение "Архив городского округа Шуя"), ф. 6, оп. 1, д. 4, л. 16 - 19).

Протокол отличается от других своим объемом, дотошностью секретаря при передаче содержания высказываний участников собрания, отражением эмоциональной атмосферы, экспрессивного характера выступлений. Человек, написавший текст, грамотен[1], поэтому, в отличие от многих аналогичных, документ не дает материала для характеристики фонетических и морфологических черт местной речи, за исключением единственного случая - написания *черкви,* возможно, отражающего цоканье. Но при этом протокол собрания жителей с. Студенцы позволяет представить лексикон местных жителей, т. к. в нём живо передана речь всех участников собрания. Перед нами предстаёт деревенское сообщество в целом - бедные и зажиточные, члены *ячейки* и *лишенцы*, молодые и пожилые, образованные и неграмотные, мужчины и женщины. Отсюда - разнообразие языковых проявлений - от просторечных единиц до новояза тоталитарной эпохи. Так, в тексте можно отметить особенности живой разговорной стихии на лексическом уровне (*обождать, посплетничать, обещалась, пороть детей, таскать детей, безбожных детей* и др.), в синтаксисе (*никто не может заставить другого молиться или нет; если Козлова и лечит и повивает, это тут бог ничего не дает; позднее сами бабы осознают и скажут ячейке спасибо* и др). "Тоталитарный" языковой пласт представляют пропагандистские клише, их в документе, в обеих его частях, немало (*СССР - очаг мировой революции; церковь является в руках капиталистов орудием борьбы с Советской властью; перестройка народного хозяйства; вредительская роль церкви; церковь - прибежище всех контрреволюционных элементов; борьба с Советской властью; религиозный дурман затуманивает головы верующих; дело социалистического строительства* и др.).

Новая эпоха - это новые реалии, номинации которых, конечно, тоже используются: *колхоз, племхоз, совхоз, сов. работник, агитация, кинопередвижка, индустриализация, пятилетний план народного хозяйства, коллективизация* и др. Не обошлось, разумеется, без аббревиатур *(КВЖд, ВКП(б), РИК),* которые, как и многие неологизмы того времени, перешли в разряд историзмов, среди которых сегодня - номинации *кружок быта, обложение хлебом, лишенцы.*

Обращает на себя внимание слово *повивать* 'принимать роды', которое тоже архаизовалось в течение XX в., о чем информируют лексикографические источники. В БАС *повивать* 'помогать родильнице при родах' и *повивальный* даются без ограничительных помет, хотя при этом *повитуха*, *повитушка* - с пометами *устар.* и *простореч.* [4: 10: 102, 111]; в МАС повивать - "2. Устар. Оказывать помощь при родах" [5: 3: 159]; в МТС слова этого корня отсутствуют. Однако в речи жителей Ивановской обл. они ещё фиксируются в рассказах о прошлом (*Бабка у нас повиваха была; Мне тётка говорила, что повивуха после родов руки размывала. Я троих родила - всё с повивухой.* Тейковский р-н. *Когда рожалося плохо, бабка-повивалка залазила прямо в печку и оттудова тянула ребёнка.* Южский р-н. *Пошла бабка на повой, взяла ножинки с собой, ещё ниточек клубочек - перевязать дитё пупочек.* Шуйский р-н).

Слово *бабы* в первой трети прошлого века употреблялось в деревенской среде как нейтральное наименование замужней крестьянки. Ср. в "Толковом словаре русского языка" под ред. Д. Н. Ушакова: "1. В устах "господ" (прежде) и в крестьянском быту - замужняя крестьянка; противоп. *девка*" [6: 1: 74]; в БАС значение 'замужняя женщина' сопровождается пометой *устар.* [4: 1: 233 - 234]; в МАС слово также характеризуется как устаревшее [5: 1: 83].

В тексте выступают многочисленные наименования лиц по их социальному положению. Это и собирательные существительные, и формы мно-

[1] Ср. фрагменты документов, составленных другими секретарями: был выдвинут вопрос о капераций ... Члены коперацый просят из вещять каждое собрание повеской а бовсех волнующих вопросов (МУ АГОШ, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 140); Протокол 1931 г. ... собрания гр. д. дубков ... повеска дня оското заготовке осоломе заготовке и окуро заготовке ... Постановили нашым обчеством здано скота заготовку 5 полуторников и 1 обчественный бык занеимением излишних курят отказалис (МУ АГОШ, ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 30); Постановили обшае собранье здать мирскаго быка шитая что он для нашего табуна на другой год тяжел в то же время причина начинает бодатся вопрос ставился на голосованье за 30 человек и против 1 человек (МУ АГОШ, ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 36); прошу ... помоч моем бедным родителям иначе им придется нищиствовать ... сущиствованию средст для них уменя нет. Отец мой получает способие из Райсобеза в сумме 5 руб (МУ АГОШ, ф. 85, д. 29, л. 14) и т. п.

жественного числа, и словосочетания. В первой части документа, например, - *буржуазия, рабочий класс, крестьянство, буржуазная сволочь*. Общие наименования лиц вступают в оппозиции, противопоставляются прямо или опосредованно в контексте документа и представляют, таким образом, не только социальный состав общества, но его расслоение, взаимодействие разных групп людей. Противопоставляются, например, лексемы *дети, ребята* лексемам *жёны, матери (жены таскают ребят крестить причащать; матери выгоняют из дому своих безбожных детей. Они еще порют их);* другая оппозиция - *молодёжь - отцы* 'старшее поколение' *(молодежь перерастает своих отцов)*; *церковь* как социальный институт, т.е. служители церкви в том числе, - *мужчины (мужчины уже отошли от неё).* На одном оценочном полюсе оказывается *церковь и жёны, женщины* (В.П. Касатов *отмечает активную защиту церкви женщинами; церковь держится только на женщинах*). Некоторые субъекты речи прямо говорят о несовместимости семьи и церкви: *церковь вносит разлад в семейную жизнь; церковь вносит разлад в семье.*

Другие пары, включающие полярно заряженные лексические единицы, определяющие противоположные жизненные позиции именуемых лиц, составляют номинации *сов. работники - попы (попы ведут противосоветскую агитацию, стреляют в сов. работников); ячейка* 'члены партии' - *бабы (позднее сами бабы осознают и скажут ячейке спасибо).*

Церковь (служители церкви), *поповы сыновья* противопоставляются *народу, массе, рабочим, молодёжи (рабочие постановили просить о закрытии церквей; цели молодежи не церковь, а совершенно другие; в церковь ходят только несколько старух; церковь и в прежнее время ничего не давала народу. Обучались лишь поповы сыновья; вопрос о закрытии церкви поднят самой массой).*

Таким образом, номинации *рабочие, сов. работники, дети, ребята, молодёжь, ячейка, мужчины, народ, масса* содержат положительную коннотацию. Отрицательный заряд несёт семантика лексических единиц *церковники, лишенцы, женщины, контрреволюционные элементы, капиталисты (церковь нужна только лишенц(ам); женщины, которые хотят уйти с собрания находятся лишь под влиянием лишенцев Козловых; церковь является прибежищем всех контрреволюционных элементов; церковь является в руках капиталистов орудием борьбы с Советской властью).*

Как нейтральное наименование совокупности лиц в текстах деловых документов, в том числе в анализируемом протоколе, употребляется слово *граждане*. Используется также форма ед. ч. *гражданин*. Привычность этих слов, частотность их употребления позволяет секретарям прибегать к сокращениям *гр-не* и *гр-н*. Единственный раз и тоже в сокращённом виде употреблено слово *товарищ (Доклад т. Козлова В. Н. "Церковь до и после революции")*, которое предстаёт в качестве своего рода титула, обозначения официального лица.

"Деревня перестраивается в социальном, экономическом и культурном отношении. Перестраивается она и в языковом отношении. Ближе стали языковые термины современности - ближе и по звуковому виду, и по их значению", - пишет А. М. Селищев [3: 432]. Протоколы сельских собраний 20 - 30-х гг., периода продолжающейся ломки сложившихся социальных устоев, утверждения новых норм жизни, демонстрируют не только эту перестройку, но её навязывание крестьянской среде. Это навязываемое новое усваивается иногда натужно, с большим трудом "становится ближе" малограмотным крестьянам, что демонстрируют факты неусвоенности ими новых, непривычных языковых формул. Вот, например, эти "отзвуки административной практики и канцелярского языка" [3: 434] нового времени в шуйских деловых документах 20 - 30-х гг.: *канцерялия, удолетворительной, водвижение 'выдвижение', кольтивизация, способие 'пособие', ходатсво, ходатосвоват, ходатостыват, ходатоствовать, ублаготворить 'удовлетворить', каперация,* пунк 'пункт' (повестки дня, плана), *гарнизация* 'организация', *целькурар* 'циркуляр' и др. И даже автор анализируемого текста допускает отступления от нормы - *эксплоатировали* и - при передаче чужой речи - *противосоветская агитация.*

Изучение местных деловых документов 20 - 30-х гг. XX в. имеет несомненную ценность для истории русского языка, как народно-разговорного, диалектного, так и литературного. В. К. Харченко замечает, что "официально-деловой стиль оказывается чрезвычайно наглядным свидетельством социальных изменений и преобразований. В периоды катаклизмов деловой стиль становится проницаемым, весьма уязвимым и по-своему экспрессивным" [7: 131]. Действительно, рукописные тексты простых деревенских жителей несут печать своего времени - и в описании происходящих событий, проблем, которыми живёт русская деревня, и в использовании определенных языковых средств в определенных ситуациях. В текстах проступает обычная жизнь обычных людей, переданная обычным языком своего времени. Даже в отдельно взятом документе, автор которого - не типичный представитель деревенского социума, отражена языковая ситуация эпохи: смешение старого и нового, привычного, своего и чужого, чуждого. Столкновение этих пластов - показатель не только языковых процессов, но и социальных - попытки крестьян жить в ладу со временем, понять и принять новую общественную иерархию, новую систему ценностей и органично чувствовать себя в составе нового сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты её изучения. Ч. 1. - Екатеринбург, 2007.

2. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Малый толковый словарь русского языка. - М., 1990 (МТС).

3. Селищев А. М. О языке современной деревни // А. М. Селищев Избранные труды. - М., 1968.

4. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., - Л., 1950 - 1965 (БАС).

5. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. - М., 1981-1984 (МАС).

6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М., 1935-1940 (СУ).

7. Харченко В. К. Язык революции в документах и материалах Петроградского военно-революционного комитета // Селищевские чтения. Материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 120-летию со дня рождения А. М. Селищева. - Елец, 2005.

Л. А. Власова, *кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Орловского государственного университета.*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА *ХОДАКИ* В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена исследованию семантической структуры диалектного слова "ходаки" в орловских говорах. Представлены 15 лексических значений слова, выявлены гипero-гипонимические отношения, рассмотрено соотношение дифференциальных сем.

Работа над составлением Словаря орловских говоров (СОГ) позволяет выявить лексемы с гиперсемантической структурой. Это исконно русские слова, называющие самые востребованные, повсеместно распространённые предметы материального быта. В орловских говорах одной из таких лексических единиц является лексема *ходаки*. Это слово является диалектным, в литературном языке, как ни странно, оно отсутствует. Странность видится в том, что существительное *ходаки* легко образуется по законам русского языка от глагола *ходить*, обладающего широко развитой семантической структурой и высокой частотностью употребления.

В "Толковом словаре живого великорусского языка" В. И. Даля слово *ходаки* зафиксировано с ограниченным количеством значений и помет: "Ходаки, ярс. ол. орл. сапоги, чеботы; // орл. кал. родъ ступней, босовиков" [1: IV: 556]. Однако семантическая структура названного слова в орловских говорах намного разнообразнее и богаче. Лексема *ходаки* в орловских говорах имеет 15 лексических значений. Слова находятся в гипero-гипонимических отношениях.

Гиперонимом - общеродовым понятием - выступает слово ***ходаки*** со значением "1. Общее название обуви". *Глянь, все хъдаки пъстаптал* (Орл.). *Её хъдаки усе изнасились* (Долж.). *Надень-къ новыи хъдаки* (Кром.). *Ты кадай-ть хъдаки сабе купилъ новъи, ай табе абужы мала?* (Кром.). Слово с этим значением отмечено на территории почти половины районов области.

Вместе с тем в орловских говорах наблюдается дифференциация названного гиперонима с актуализацией важных для носителей говора атрибутивных признаков. Один из них - 'сезонное назначение'. ***Ходаки*** - "2. Лёгкая летняя обувь". *Зимой в чунях, а летъм в хъдаках хадили* (Дмитр). *Как патеплиит, хъдаки нъдивали* (Урицк.). *Удумала приехъть у адних хъдаках таких лёгиньких, хатя бы каки-никаки сапошки на дошть привизла* (Новодер.). *Хъдаки с пистоньми летъм абували, кагда сухинька* (Хот-708). Второй дифференциальный признак - 'низкое качество обуви в результате изношенности'. ***Ходаки*** - "3. Старая поношенная обувь". *Адень хъдаки* (Верх.). *Где маи хъдаки?* (Долж.). *Абуй хъдаки, ни хади разумшысь!* (Кром.). И, наконец, третий признак - 'низкое качество обуви в результате некачественных материалов или неудовлетворительного уровня её изготовления'. ***Ходаки*** - "4. Грубая, плохо сшитая обувь". *Найди-къ маи хъдаки* (Колпн.). *Хъдаки-ть у миня паследния* (Малоарх.) *Хъдаки мы адивали на босу ногу* (Верх.).

Многочисленные гипонимы называют различные виды обуви: башмаки, ботинки, туфли, тапки, шлёпанцы, полусапожки, лапти. В словах актуализируются такие признаки, как форма, материал, сезонное назначение, свойства, дополнительная характеристика, причём чаще всего эти признаки представлены комплексно. Все гипонимы можно разделить на две группы в соответствии со способом изготовления: обувь промышленного производства и самодельная обувь, изготовленная кустарным способом.

В первую группу, которая включает меньшее количество единиц (4 единицы), входят названия башмаков, ботинок, туфель, тапок, шлёпанцев, полусапожек. В семантической структуре гипонимов гиперсема "вид обуви" часто предопределяет дифференциальные семы 'материал, из которого изготовлена обувь' и 'детали обуви' - наличие или отсутствие каблука, задника, верха, голенища. Единично актуализируются семы 'локальное назначение' - для ношения преимущественно дома и 'гендерная принадлежность'. Гипонимы имеют следующие значения:

"5. Кожаная обувь с невысоким верхом (башмаки, ботинки, туфли)". *Адень хъдаки, ноги наколиш* (Долж.). *Хъдаки как тапки, толькъ с каблука-*

© Л.А. Власова, 2008

ми, с патковъми (Залег.). *А на ньги абували хъдаки кожъныи* (Залег). *Хъдаки - этъ мужыки насили* (Дмитр.).

"6. Лёгкие туфли без каблуков; тапки". *Ни хади бъсиком пъ халоднъму полу, хъдаки адень* (Малоарх.). *У хъдаках удобнъ былъ хадить* (Малоарх.). *Прамокла, нибось, хъдаки-тъ тряпъшныи*. (Глаз.). *Хъдаки маи савсем парвались.* (Кром.). *Купили мне пра смерть хъдаки кожъныи* (Колпн.).

"7. Домашние туфли, обычно без задников; шлёпанцы". *Абуй хъдаки, ни хади басая* (Орл.)

"8. Женские сапоги с коротким голенищем; полусапожки". *Раньшъ у хъдаках бегъли* (Новос.). *Хъдаки - нарядныи жэнскии полусапошки* (Болх.). *Хъдаки - жэнскии ризинъвыи полусапошки* (Верх.).

Вторая группа гипонимов, более разнообразная и структурно разветвлённая (7 единиц), называет самодельную обувь, изготовленную в домашних условиях. Это преимущественно лапти, а также обувь типа тапок, связанная из толстых ниток или сшитая из ткани. Во всех словах представлена гиперсема 'способ изготовления'. Семантические различия определяются дифференциальными семами 'первичный материал' - лыко, береста, пеньковые верёвки, нитки, ткань, 'детали обуви' - наличие или отсутствие завязок, качество подошвы. В некоторых лексических единицах актуализируются признаки 'предназначенность для ношения преимущественно дома' и 'качество изготовления'.

"9. Обувь, плетённая из лыка, бересты или верёвок, которую прежде носили крестьяне; лапти". *Раньшъ хъдаки зимой плили, а летъм в них хадили* (Глаз.). *Нъ тваих хъдаках абарвалъсь аборка* (Новодер.). *У хъдаках хадили* (Верх.).

"10. Носимые дома лапти, обычно без завязок". *Лапти хъдаками звали, ани ничем ни завязывълись. У них па дому хадили как у тапкъх* (Малоарх.). *Ищо хъдаки насили, ани были биз завязък* (Малоарх.). *Новыя хъдаки сплясти некъму, а старыи изнасилися* (Верх.).

"11. Лапти из пеньковой верёвки". *Сама сибе хъдаки спляла.* (Покр.). *Я сама хъдаки плила раньшы* (Кром.). *Хъдаки атец мой сам плёл* (Покр.). *Сами и плили хъдаки-та* (Долж.). *У пиньковых хъдаках усе летъм хадили* (Малоарх.).

"12. Самодельная обувь с подплетённой подошвой из пеньковых верёвок". *Хъдаки патшылъ ризинъвъй падошвъй, а у тибя вирёвкъми* (Покр.). *Хъдаки - этъ ни нынешнии тапъчки. Шшыты ани ис сукна, а падбиты вирёвъчкъми. Патшыты падвязъчки, штоп ни свалились с ног. Вот мы и хадили в хъдаках ат снегъ и дъ снега* (Верх.). *Свяжыш хъдаки, пъдабъёш плитёнкъми и ходиш усю лета* (Урицк.). *Помню, у дедъ маиво хъдаки были здаровые, он ими зъ пълавик в сенцъх цеплялси* (Кром.).

"13. Обувь на деревянной подошве". *Раньшъ в хъдаках хадили. Етъ обувь такая нъ диривяннъй падошви* (Покр.). *Хъдаки сами пляли, ани из вирёвък нъ диривяннъй падошви* (Покр.). *У хъдаках у хъраводи гуляли, плясали, как у батинкъх* (Верх.). *Зимой-тъ бабы в анучъх хадили, а летъм в хъдаках* (Верх.).

"14. Обувь, связанная крючком из толстых прочных ниток". *Давай я свяжу тибе хъдаки, домъ будиш хадить* (Болх.). *Свизалъ сибе хъдаки ис шерсти* (Малоарх.). *Ну какая абукъ была - ды хъдаки ис пряжы* (Малоарх.).

"15. Самодельная обувь, сшитая из плотной ткани". *Надъ шшыть хъдаки* (Кром.). *Ис пъдалов сама дитям хъдаки шыла, малинькии такии, тряпъшныи* (Новос.). *На ньги хъдаки шыли, в празник их нъдявали* (Новос.). *Хъдаки - тапки, шшытыи ис парусины* (Кром.).

Отметим большее разнообразие гипонимов, называющих виды обуви кустарного изготовления, по сравнению с гипонимами, обозначающими обувь, изготовленную промышленным способом. Такое соотношение нам представляется неслучайным, так как оно свидетельствует о том, что в орловских деревнях, жители которых жили очень бедно, не по карману было покупать дорогую обувь, изготовленную на мануфактурах, поэтому обходились своей, сплетенной или сшитой дома из подручных материалов - пеньки, лыка, толстых ниток или плотной ткани. Скудость материалов компенсировалась разнообразием вариаций деталей обуви, способствующей приспосабливанию её к условиям ношения.

Представление в виде таблицы семантической структуры лексемы ***ходаки*** позволит, на наш взгляд, наглядно представить важные для носителей говоров признаки и установить их иерархическую соотнесённость.

№	Вид обуви	Способ изготовления	Форма (детали)	Материал	Качество	Локальное назначение	Сезонное назначение	Гендерное назначение
1	Обувь (любая)							
2	Обувь				легкая		летняя	
3	Обувь				старая, поношенная			
4	Обувь				грубая, плохо сшитая			
5	Башмаки, ботинки, туфли		с невысоким верхом	кожаные				
6	Тапки		без каблуков		легкие			
7	Шлепанцы		без задников			для дома		
8	Полусапожки		с коротким голенищем с завязками					женские
9	Лапти	плетёные		из лыка, бересты, верёвок				
10	Лапти	плетёные	без завязок	из лыка, бересты, верёвок				
11	Обувь типа лаптей	плетёные		из пеньковой верёвки				
12	Обувь типа лаптей		с подошвой из пеньковых верёвок					
13	Обувь типа лаптей	плетёные	на деревянной подошве			для улицы		
14	Обувь типа тапок	связанная крючком		из толстых прочных ниток		для дома		
15	Обувь типа тапок	сшитая		из плотной ткани		для дома		

Таблица позволяет установить, что для обозначения словом ***ходаки*** любой обуви безотносительно её вида важным признаком для носителей говора является её качество. При обозначении этим словом различных видов обуви актуальными становятся такие признаки, как способ изготовления, форма, материал, с позиций которых оценивается практичность обуви. Назначение обуви (сезонное, локальное, гендерное) отодвигается на второй план, так как она может использоваться полифункционально.

Таким образом, наблюдение над разветвлённой семантической структурой лишь одного слова ***ходаки*** в орловских говорах даёт возможность увидеть некоторые тенденции в номинировании носителями говоров наиболее востребованных предметов быта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-т. - Т. IV. - М.: Издательский центр "ТЕРРА", 1995. - 684 с.

О. В. Жильцова, *аспирант кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета.*

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОБЪЕМОВ ЗНАЧЕНИЙ КОНЦЕПТОВ "ВОЗДУХ" И "AIR" В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ ЧЕРЕЗ СОЧЕТАЕМОСТЬ ЭТИХ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН С ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ С СЕМАНТИКОЙ ЗАПАХА

В данной статье освещаются различные подходы в трактовке термина "концепт", поднимается проблема исследования языковой картины мира, рассматривается вопрос о соотношении объёмов значений концептов "воздух" и "air", а также производится сопоставительный анализ концептов "воздух" и "air" в русском и английском языках через сочетаемость этих предметных имён с именами прилагательными с семантикой запаха.

Процедура описания языковой картины мира связана с реконструкцией определённой подсистемы знаний человека, поэтому её часто называют когнитивным анализом (или когнитивной семантикой). В свете теории сочетаемости предметных имён реконструкция языковой картины мира, включающей знания, концепты, представления, предопределяет эту самую сочетаемость единиц языка как фрагментов этой картины. Таким образом, методом анализа языкового поведения, то есть сочетаемости языковых единиц, представляется возможным получить данные о глубинных характеристиках, связанных с образами конкретных объектов, которые мотивируют сочетаемость.

В настоящее время данная область лингвистики (когнитивная семантика) является актуальной, что объясняется интересом проследить взаимодействие языка и мышления, языка и действительности, языка и культуры.

Концепт нельзя рассматривать вне картины мира, в частности языковой, поскольку концепт воссоздаёт тот образ действительности, который человек имеет в виду, когда говорит и понимает, то есть комплекс знаний, представлений, стоящих за "кусочком" действительности и зафиксированных в языковом сознании, в языковой картине мира определённого социокультурного сообщества. Языковая картина подразумевает сходство языка с другой системой - зрительной. Зрительный образ объекта целостный, он не складывается из отдельных параметров, например формы или размера, но то же самое верно и для языкового образа, в котором параметры и форма "слиты" и образуют то, что Л. Талми назвал топологическим типом объекта. Задача реконструкции языковой картины мира - вернее, отдельных фрагментов такой картины - является главной в исследовании сочетаемости предметных имен [Рахилина, 2000: 11 - 12].

Для нашего исследования наиболее важным является понимание ЯКМ как "целостного представления об устройстве мира и месте человека в нём, обеспечивающее адаптацию каждого к дей-

© О.В. Жильцова, 2008

ствительности и предопределяющее его действия, речевые в первую очередь" [Чернейко 1997], как "единой системы взглядов, своего рода коллективной философии, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка" [Апресян, 1995].

В национальных языковых картинах мира (ЯКМ) присутствуют компоненты значения, образы, стереотипы, которые включают культурологическую и ценностную составляющие и которые в совокупности конституируют культурологическую картину мира (ККМ) и ценностную картину мира (ЦКМ). Данные характеристики раскрывают сущность понятий, знаний, ассоциаций, которые определяют культурологические пласты, ценностные категории, языковые средства и объёмы их значений и, в конечном итоге, национальное сознание каждого этноса. Составляющей обеих языковых картин мира является концепт.

Для нашей работы наиболее ценным является определение "концепта" В. И. Карасик и Л. О. Чернейко. Под концептом В. И. Карасик понимает многомерное ментальное образование, включающее ценностную составляющую [Карасик, 1996:6]. Л. О. Чернейко трактует концепт как "имя (субстантив), собравшее в пучок всю стоящую за ним в данной культуре информацию о данном явлении, как логическую (понятийную, рациональную), так и сублогическую (коннотативную, чувственную)" [Чернейко, 1997:179 - 218 и 283 - 315]. Она же определяет концепт как "инструмент познания и моделирования памяти как одной из составляющих сознание, обеспечивающей хранение информации и её воспроизведение. За этим термином стоит такое представление об устройстве памяти, которое выражается в постулировании особой (статической в отличие, например, от фрейма) когнитивной структуры сознания, хранящей в знаке знания и представления носителей определённой культуры о явлениях внеязыковой действительности" [Чернейко, 2005: 64].

Концепты можно рассматривать как понятие, знание + оценка. В. Н. Телия вводит понятие "культурной коннотации". Представители определённого социо-лингво-культурного сообщества "выбирают" набор значимых свойств объекта действительности, вычленяя те компоненты значения, которые являются основополагающими для данной ЯКМ, и определяют отношение (отрицательное, нейтральное, положительное) к данному явлению. Таким образом, за одними и теми же концептами в национальных языках закреплены разные прототипические и дифференциальные признаки, они репрезентируются через денотативные или коннотативные значения.

Процесс образования концептов обусловлен как собственно языковыми факторами (история языка, законы сочетаемости, законы вхождения единиц в парадигматические ряды, законы экономии средств и др.), так и внешнелингвистическими причинами (культура, территория, климат, обычаи, традиции, воспитание).

Мы исследовали вопрос о соотношении объёмов значений концептов "воздух" и "air" и производили их сопоставительный анализ в русском и английском языках через сочетаемость данных предметных имён с именами прилагательными. Описывая особенности сочетаемости предметных имён "воздух" в русском языке и "air" в английском языке, необходимо указать, что данные концепты составляют группу "безграничных" пространств, поэтому признаки, лежащие в основе сочетаемости, напрямую связаны с параметрами этих явлений. Такие базовые параметры воздуха, как температура, влажность, плотность, химический состав, определяют особенности сочетаемости концептов с прилагательными. Суммируя всё вышесказанное, можно выделить группы прилагательных с семантикой температуры, влажности, свежести, запаха, чистоты. В данной статье мы ограничились сочетаемостью предметных имён только с одной группой прилагательных - прилагательных с семантикой запаха, поскольку именно в этой лексической группе наблюдалась значительная разница. Благодаря данным параметрам, имеющим дифференцирующие критерии, выстраивается определённая уникальная для каждого народа схема восприятия действительности, то есть языковая картина мира.

Английское прилагательное "balmy" можно рассматривать в его соотнесении как с прилагательными с семантикой запаха, так с прилагательными с семантикой низких температур. Отнесение "balmy" во вторую группу прилагательных основывается на его дефиниции, приведённой в (OALD). "Balmy" "when the air feels pleasantly warm and there is a gentle wind blowing". Как уже было сказано, компонент значения "pleasantly warm" указывает на положительное коннотативное значение, а именно: на эмоциональную оценку удовольствия, воспринимаемого тактильно. Указание на "лёгкий дующий ветерок" косвенно раскрывает сему "запах". В значении "balmy", однако, отражает свойства воздуха "перемещаться и занимать другие пространства, принося запах, например, с моря или вбирая запах примесей на тех пространствах, куда переместился воздух (болотный воздух). Сема "запах" содержится в дефиниции "balmy", которая приводится в The Concise Oxford Dictionary (COD). "Balmy" "yielding balm, fragrant". Атрибут "fragrant", который объясняет прилагательное "balmy", определяется в этом же словаре как "sweet-smelling", а в переводе на русский язык является полным эквивалентом прилагательных "ароматный", "благоухающий". Данное определение показывает, что "fragrant" имеет ограниченное семантическое толкование, в основе которого лежит одна характеристика - "приятный запах". Прилагательное "balmy" отличается от "fragrant" наличием таких смысловых признаков, как: темпера-

турная характеристика (warm), оценка фактора температуры (pleasantly warm) и функциональная характеристика воздуха "способность перемещаться и проветривать пространства" (there is a gentle wind blowing).

	warm	pleasantly warm	fragrant	yielding balm	sweet-smelling	gentle wind blowing
balmy	+	+	+	+		+
fragrant					+	

Таблица показывает, что эти свойства лежат в основе сочетаемости "balmy" с концептом "air". В русском языке сочетаемость "ароматный, благоухающий воздух" не содержит некоторых характеристик, которые являются актуальными для сочетаемости "balmy air". "Ароматный" - "имеющий приятный запах, душистый" [Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исслед-й; под ред. А. П. Евгеньевой. - 4-е изд-е, стер. - М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999]. Синонимичное ему прилагательное "душистый" определяется как "имеющий приятный сильный запах" (Малый толковый словарь). Доминантным признаком ряда является "приятный запах", но слово "ароматный" не раскрывает степень запаха. Мы не знаем, сильный он или едва уловимый, а прилагательное "душистый" точно указывает на степень этого смыслового признака. Запах не только приятный, он ещё и сильный. Слово "благоухающий" с дефиницией "приятно пахнущий", так же как и "ароматный", не выявляет характеристику степени запаха. Для систематизации компонентов значения русских прилагательных изобразим таблицу.

	приятный запах	приятный сильный запах	душистый	приятно пахнущий
ароматный	+		+	
душистый		–		
благоухающий				–

На основе приведённых данных можно сделать вывод о том, что русские прилагательные с семантикой запаха фиксируются в сознании носителей языка с ярко выраженной положительной эмоциональной оценкой, в данном случае с оценкой удовольствия, получаемого от запаха. Исходя из этого критерия, "ароматный" и "balmy" могут рассматриваться как тождественные, если в толковании последнего мы будем руководствоваться признаком "fragrant", а не признаком "pleasantly warm" (удовольствия, получаемого от прогретости воздуха). Однако такие смысловые признаки, как температурная характеристика (warm) и функциональное свойство (there is a gentle wind blowing), характерны только для "balmy". Для русского человека ароматный воздух не обязательно нагретый и тёплый. Он может быть и прохладным, и даже холодным, но он должен обязательно хорошо пахнуть. А так как мы знаем, что сам воздух не имеет такого топологического параметра, как "воздух", а приобретает его, насыщаясь от цветов, трав, людей. Способность воздуха "вбирать в себя другие запахи веществ" обусловливает этот компонент значения, обозначенный в определении "balmy" (there is a gentle wind blowing), который не выражен, но имплицирован в дефиниции "ароматный". В определении прилагательного не выражена сема "запаха", так же как и в случае с функциональной характеристикой воздуха "способность перемещаться" в дефиниции русского прилагательного "ароматный". Опираясь на общие знания и житейский опыт, можно утверждать, что даже если сема "запах" не выражена в прилагательном "balmy", она всё же имплицирована, так как ветерок, дующий с моря, гор, болота, принесёт этот запах, и он растворится в воздухе, станет его объективным свойством. Разница концептов "air" и "воздух" в их сочетаемости с "balmy" и "ароматный" заключается в том, что у английского атрибута "balmy" не выражен, но имплицирован смысловой признак "запах", а в значении "ароматный" имплицирована функциональная характеристика "способность перемещаться, распространяться, заполнять пространства". Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что "balmy" и "ароматный" в сочетании с концептами "air" и

"воздух" являются не полными эквивалентами.

Прилагательные с семантикой запаха со значением неприятного запаха представлены в русском языке словами "затхлый" и "гнилой". "Затхлый" обозначает "слежавшийся, задохнувшийся от дурного, спёртого воздуха, от сырости" (Толковый словарь В. И. Даля) или "пахнущий сыростью, гнилью" (Словарь русского языка в 4-х томах). В первой дефиниции приводится качественная характеристика воздуха "дурной, спёртый", каузатором которого выступает "сырость". Во втором определении акцент делается на приобретение воздухом запаха от сырости и гнили, хотя не даётся указания на их качественные свойства. Поэтому можно сделать вывод о том, что определение в словаре В. И. Даля более точно отражает прототипические компоненты значения, в частности отрицательную оценку. Эти характеристики снова отсылают нас к фактору неудовольствия, получаемого тактильно, каузатором которого в данном случае является сырость. Определение "затхлый" в большей степени фокусируется на топологическом параметре "способность распространяться и впитывать запах тех примесей, которые содержатся в воздухе". Это ещё раз доказывает, что для русского человека "воздух" - "окружающая среда, расположенная над землёй", и подчёркивает, что данное определение нейтрально по сравнению с ярко выраженной отрицательной коннотацией первой дефиниции. Русское прилагательное "гнилой" толкуется как "прелый, сильно затхлый, испорченный, имеющий вонь; свойственный гнилому". Однородные определения, которые используются для описания этого прилагательного, являются синонимами друг другу, а прилагательное "затхлый" уже было описано выше, то есть "затхлый" объясняется через "гнилой", и наоборот. Взаимодополняемость этих атрибутов тем не менее не делает их тождественными. Дифференцирующим компонентом значения является "имеющий вонь". Этот признак вновь возвращает нас к отрицательной эмоциональной оценке запаха, так как вонь - это "отвратительный, противный запах", а не просто "дурной или нехороший". Подводя итог вышесказанному, заключаем, что прилагательное "гнилой" имеет отрицательную эмоциональную оценку "неудовольствия", который этот запах причиняет человеку, может рассматриваться в качестве эквивалента двух английских прилагательных - "musty", "stale", дефиниции которых обнаруживают ряд схожих и отличных черт. "Musty" "damp and smelling stale; things such as books, clothes or rooms that are musty have a smell that is old and not fresh, especially because they have not been used or been in fresh air for a long time". "Stale" "smelling old not fresh, especially because sth as cigarette smoke or food has left its smell in the air".Сравнивая "musty", "stale", можно констатировать, что прототипическими признаками этих прилагательных является не один, а несколько, а именно: "old", "not fresh", "несвежесть", "непроветренность". Акцент делается на то, что какие-либо вещи не были на свежем воздухе и поэтому утратили свой естественный запах, и "испортили" воздух. Такие компоненты значения русского прилагательного "затхлый", как "сырость" или "гниль", не являются для английских прилагательных, выявляющих параметры воздуха, релевантными. Разница концептов "воздух" и "air" проявляется через сочетаемость прилагательных "затхлый", "musty", "stale". Она базируется на разных дифференцирующих признаках. Для русского "затхлый" - это "сырость" и "гниль", для английских "musty" и "stale" - "несвежесть", "непроветренность".

	old smell	not fresh smell	haven't been used in fresh air	left its smell in the air
stale	+	+		+
musty	+	+	+	

	Дурной	Спертый	Залежавшийся от сырости	Пахнущий сыростью	Пахнущий гнилью	Прелый	Сильно затхлый	Испорченный	Имеющий вонь	Свойственный гнилому
затхлый										
гнилой										

Обобщив данное исследование, можно сделать следующие выводы. В русской ЯКМ ароматный воздух имеет в своей семантике положительную коннотативную оценку удовольствия, каузатором которой является признак "приятный запах". Balmy air также содержит эмоциональную оценку удовольствия, но её каузаторами являются не один, а два компонента значения - "запах" и "температура" (fragrant и pleasantly warm). Затхлый, гнилой воздух подразумевает негативную эмоциональную оценку неудовольствия, но каузаторы такой коннотации разные. В первом случае - это сырость, во втором - неприятный запах. Предметное имя "air", сочетаясь с "musty", "stale", также обнаруживает в своей семантике отрицательную коннотацию - оценку неудовольствия, воспринимаемого через органы обоняния, но его каузатором является запах.

На примере сочетаемости предметных имён "воздух" и "air" с прилагательными с семантикой запаха в русском и английском языках мы показали их прототипические и дифференцирующие признаки, коннотативные и денотативные значения, наличие одних и отсутствие других. Эти характеристики и определяют разницу данных концептов в национальных картинах мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. - 1995. - №1.

2. Карасик В. И. Язык социального статуса. - М., 1996. - С. 6.

3. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. - М.: Русские словари, - 2000. - С.11 - 12.

4. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М., 1986.

5. Чернейко Л.О. Лингво-филосовский анализ абстрактного имени. - М., 1997. - С. 179 - 218; 283 - 291.

6. Чернейко Л.О. Язык, сознание, коммуникация. - М. - Изд. ИГУ. Вып. XXX, 2005. - С. 43 - 66.

СЛОВАРИ

1. Даль. В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. - М.: Изд-во "Эксмо", 2002. - С. 578.

2. Малый толковый словарь русского языка. - 2-е изд., стер. - М.: Рус. яз., 1993. - 704 с.

3. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исслед-й; под ред. А.П. Евгеньевой. - 4-е изд-е, стер. - М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

4. Словарь сочетаемости русского языка под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. - М.: Издательство "АСТ", 2002. - 816 с.

5. Oxford Advanced Learner's dictionary. Fifth edition. 1998.

6. The Concise Oxford Dictionary of Current English, 1993.

Zhiltsova O. V.

TO THE QUESTION OF MEANING SCOPE OF CONCEPTS "VOZDUH" AND AIR" IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES THROUGH COMBINABILITY OF THESE NOUNS WITH ADJECTIVES OF SMELL

The article covers different approaches to interpretation of the term "concept", it raises the problem of research of a linguistic world picture and it deals with the question of meaning scope of concepts "vozduh" in Russian and "air" in English languages, and it also gives a comparable analysis of them through combinability of these nouns with adjectives of smell.

П.А. КОВАЛЕВ, *кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета.*

РУССКИЙ СТИХ КОНЦА XX ВЕКА: СИНХРОНИЧЕСКИЕ И ДИАХРОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена проблеме изучения системы русского стиха на основе различных подходов к самому феномену поэтической системы. Эволюция русского стиха отчетливо прослеживается в смене ведущих принципов образования соотносимых по изосиллабизму или изотонизму рядов. Статистические данные позволяют сделать вывод о том, что система русского стиха развивается как на основе фонологических данных языка, так и за счет культурного взаимодействия с инонациональными системами. В ней выделяются периоды подъема и спада экспериментаторства, обусловленные перипетиями художественных процессов. Русских стих конца XX века в этом отношении оказывается одним из самых интересных: его параметры во многом совпадают с серебряным веком и задают магистральную линию развития русской поэзии в XXI веке.

Система русского стиха[1] в исторической перспективе представляется многослойной структурой, в которой в разные периоды преобладали дис-метрический стих, силлабика, силлаботоника, тоника или их сочетания. Эти основные системы стихосложения[2], сменявшие друг друга на протяжении последних трех с половиной столетий, образуют доминантную линию раз-вития русского стиха по своеобразной спирали: от более свободных по от-ношению к языковому материалу асиллабической и силлабической систем (вплоть до реформы Тредиаковского-Ломоносова) → к налагающей на него жесткие ограничения силлаботонике (эпоха золотого века) → опять к осво-бождению от метрических уз посредством "расшатывания строгости метра" (эпоха серебряного века) → к "контрнаступлению силлаботоники" [2.259] (в рамках советской эпохи), сосуществующей в конце XX столетия с тони-ческими экспериментами.

Начало этого движения можно видеть в "смене культурных ориента-ций при Петре I", когда Россия получила внушительную инъекцию "западничества", можно объяснять это фонологическими данными русского языка, отдельные признаки которого "используются стихотворной речью для ее фонетической систематизации". [14.417]

Споры о природе "русской национальной поэзии"[3] идут давно и до сих пор не привели к примирению сторон. Но одно обстоятельство сразу же бросается в глаза: эволюция системы русского стиха на всем ее обозримом протяжении повторяет и одновременно с тем отличается от основных эта-пов развития европейского стихосложения. Дистанция между поэзией и прозой в русской литературе оказывается более гибкой и многоуровневой: начиная с первых акростихидных азбук и заканчивая ультрасовременными экспериментами в области "визуальной поэзии", "звучащего стиха" и т.д., российские поэты создали множество специфических форм, классификация которых до сих пор не проведена на достаточном научном уровне. Это и является причиной взаимоисключающих толкований и интерпретаций. Ведь не обладая всей совокупностью данных, невозможно решить вопрос о генезисе системы в целом.

Пожалуй, важнее всего в этом случае помнить о диалектической детерминированности любого явления, заключающейся во взаимодействии общего и частного, что и было отмечено Р.О. Якобсоном в статье "Ретроспективный обзор по теории стиха": "Стих и поэзия должны рассматри-ваться как творчески используемая система ограничений, накладываемых на обычный язык".[15.257]

Согласно этому подходу эволюция русского стиха предстает в виде борьбы и взаимодействия двух разноприродных явлений: революционных - в ходе культурного обновления сдвигов и эволюционных процессов посте-пенного приспособле-

© П.А. Ковалев, 2008

ния новаций к фонологическим данным языка, своеоб-разной интериоризации нового.

Этот феномен был отмечен еще в начале XX века Н.В. Недоброво [7], В.А. Чудовским [12], а также другими учеными и адекватно оценен совре-менными исследователями: "Именно благодаря неравенству стопы и средней длины слова стало возможным то ритмическое разнообразие, которое обеспечило жизнеспособность русской силлаботонике и сделало ее класси-ческой... системой русского стиха". [11.29-30]

Введенное в 70-е годы понятие гетероморфных тенденций в развитии современного русского стиха4, как нельзя лучше отражает практику русско-го стихосложения на предпоследнем от нас витке эволюционной спирали, в стадии автоматизации, накопления количественных изменений[5]. Робкие эксперименты "шестидесятников"[6] получили неожиданное, но ожидаемое продолжение в русской поэтической практике последнего двадцатилетия XX века.

Естественно, что доминирующее положение силлаботоники в современной русской поэзии и особенно повторное обращение к ней как к основе версификации в середине XX столетия, требуют обстоятельного осмысления и экспериментального обоснования на материале продолжающейся в наши дни эволюции системы русского стиха. Только лишь констатация ориентации "внуков на дедов, минуя отцов" (М.Л. Гаспаров), мало способ-ствует объяснению того феномена, что "силлаботоника как самая урегули-рованная в метрическом отношении система стихосложения является куль-минационным пунктом эволюции русской стиховой культуры, определяющим структурную природу всех форм..."[10.322] Детальное исследование современного поэтического контекста позволяет говорить о том, что силла-ботонический стих, во многом благодаря попыткам деструктурировать его, остается доминирующим в российском стихосложении. Он подвергается трансформации под воздействием массовой культуры и массового сознания, но не сдает своих позиций[7].

Этот феномен нарушения создаваемых канонов известен русской литературе с самого ее зарождения, а для поэзии, характеризующейся особым, по сравнению с прозой статусом урегулированности всех уровней[8], он приобретает особенное значение: поэзия уже по своей природе существенно отличается от прозы, так как кроме идейно-тематического и образного планов, композиции, системы изобразительно-выразительных средств стихотворный текст имеет целый ряд формальных особенностей (графика, метр, ритм, рифма, строфика), накладывающих на систему языкового материала совокупность обусловленных традицией ограничений.

Каждый элемент этой специфической структуры выполняет как локальную функцию на своем уровне текста, так и общетекстовую. В этом отношении взаимодействие всех художественно значимых средств (начиная от уровня языка, стихотворных компонентов и заканчивая образно-тематическим планом) можно уподобить пирамиде, вершиной которой является некий концепт (обусловленная авторским сознанием художественная установка), а основанием - "множество контекстуальных выдвижений".[5.11]

Развитие всей русской поэзии отличается взаимосвязанностью и взаимопроникновением структурных элементов, "образующих диффузную зону смешанных пограничных форм" [10.297], которые можно интерпретировать и как маргинальные[4.4-40]. Они функционируют на литературной периферии, существенно трансформируя оппозицию стих/проза и открывая новые рубежи художественных границ.

Тот факт, что по этому пути прошло большинство мировых литературных систем, заставляет видеть в эволюции системы русского стиха отражение механизмов общемирового развития в сторону полисистемности.

Но при этом среди основных пропорций метрического репертуара системы русского стиха XVIII-XX веков можно выделить специфические факторы, являющиеся структурообразующими по отношению к эволюци-онной модели именно русского стиха:

1. Соотношение между количеством текстов, выполненных классическими и неклассическими метрами.

2. Соотношение между количеством текстов, выполненных двусложными и трехсложными метрами.

3. Соотношение между количеством стихотворных текстов, выполненных ямбами и хореями[9].

Первое соотношение довольно показательно, так как в категорию неклассических, по традиции современного русского стиховедения, включаются все формы силлабического и тонического стиха, даже такие приближенные к силлаботонике, как размеры с вариацией анакрузы и логаэды. Это несколько упрощает реальную картину поэтической практики русских стихотворцев в определенные периоды истории, но при этом позволяет опреде-лять доминантные признаки в целом.

И уже на этом первом подступе выявляется довольно интересная деталь: из 1350 стихотворных текстов, учтенных М.Л. Гаспаровым по периоду 1740-1800 годов, оказывается всего лишь 11, выполненных неклассическими формами (среди них 4 гексаметра, 2 пятисложника, 3 - размеры с вариа-цией анакрузы, 1 дольник и 1 тактовик). Естественно, что соотношение ме-жду классическими и неклассическими формами оказывается совершенно фантастическим - 122:1(Таблица №1 Приложения). Это обстоятельство тем более удивительно, что в первой половине XVIII века, по свидетельству Л.И. Тимофеева, еще продолжалась

практика использования силлабических форм.[9] Этот факт может быть объяснен существованием в ту пору уникальной ситуации, когда система русского стиха подвергалась полному обновлению (причем, в считанные годы!).

Сам по себе это феномен требует дополнительного изучения, но главное - факт его существования позволяет предполагать возможность анало-гичных изменений в будущем.

В дальнейшем соотношение между классическими и неклассическими формами ($Н_{кл}$) приходит в некоторое равновесие с тенденцией к увеличению $Н_{кл}$ от периода к периоду. Так, их доля по периодам повышается до 4,0%, доходя в 1880-1935 годы до пика - 19,3% от числа текстов (Таблица №1 Приложения). Новый взлет интереса к $Н_{кл}$ происходит именно в конце XX века, когда количество их достигает почти трети от числа стихотворных текстов. Соотношение между классическими и неклассическими формами в настоящее время выглядит как 3:1 (Таблица №2 Приложения). Это заставляет обратиться к рассмотрению качественного состава Нкл в периоды их взлета.

Серебряный век активно разрабатывал дольник и акцентный стих, составлявшие более 80% от числа всех $Н_{кл}$, тогда как в конце XX века при достаточном внимании к дольникам увеличивается количество обращений к верлибрам, доля которых достигает 9,1% от числа текстов, догоняя дольни-ковые формы - 12,1% от числа текстов (Таблица № 3 Приложения).

В области классических форм тоже происходит знаменательная перестройка. Соотношение между двусложными и трехсложными формами движется от гиперпреобладания первых (57:1) к относительной стабильности на уровне показателя 3:1. Знаменательно при этом, что в период 1890-1935 годов количество трехсложников по отношению к ямбам и хореям понижается, что можно объяснить увеличением числа дольников, возникших на основе расшатывания именно трехсложных метров. Интересно, что подобной взаимозависимости в конце XX века уже не наблюдается, что можно объяснить легальным статусом дольников и тактовиков, а также тем, что основа верлибров, составляющих почти половину всех Нкл периода 1980-1990-х годов, лежит вне области влияния каких-либо классических форм. Некоторое уменьшение числа двусложников в этом отношении ощущается как общая тенденция отката классических форм перед наступающей тоникой.

Наконец, третий показатель, важность которого трудно переоценить, учитывает соотношение ямбических и хореических форм. Здесь наблюдается интересная закономерность: при постоянном преобладании ямбов их доля падает по отношению к хореям в периоды 1830-1880 (что объясняется, очевидно, ориентацией части поэтов на хореическую фольклорную традицию), 1890-1935 и следующий за ним 1936-1957, постепенно восстанавливаясь до уровня 3:1 во второй половине XX века. Это тем более значимо, что количество ямбов, напротив, увеличивается в середине XIX века до 52%, уменьшаясь в конце XIX-начале XX веков до 44-43%, опять увеличиваясь в 1936-1957 годах до 46%, а в конце XX века резко падает до 39%.

Таким образом, основными тенденциями развития русской метрики следует признать следующие механизмы:

1. Доминирование классических форм с тенденцией к постепенному увеличению доли неклассических метров за счет первых.

2. Стабилизация соотношений между двусложниками и трехсложниками.

3. Стабилизация соотношений между ямбами и хореями.

4. Стабилизация в области классических форм свидетельствует о перемещении центра тяжести в область неклассического стиха, стремительно набирающего силу и развивающегося иначе, чем в начале XX столетия.

Последний вывод требует тщательного анализа по всем составляющим, но рабочая гипотеза может быть следующей: причина этого феномена связана с процессом автоматизации классических форм русской силлаботоники, накоплением количественных изменений, которые и подготавливают качественный скачок, по своим параметрам напоминающий взрыв экспериментаторства в рамках серебряного века.

Смена метрических приоритетов - довольно важная характеристика системы русского стиха от периода к периоду. Употребительность той или иной формы не только позволяет понять механизмы эволюции, но и помогает выявить взаимозависимые явления, когда появление или исчезновение той или иной формы связывается с изменением эстетических и литературных установок во всей совокупности их взаимоотталкиваний и притяжений.

Для полноты картины мы посчитали возможным установить минимальный порог употребительности в 2% от числа текстов[10], что позволяет проследить каждый определенный феномен в его становлении и развитии.

Даже поверхностный взгляд на динамику изменения системы метрических приоритетов позволяет определить некоторые закономерности в их чередовании от периода к периоду: количество текстов, написанных с использованием доминантных размеров, постепенно уменьшается от периода к периоду (что свидетельствует не только о расширении метрического репертуара, но и о тенденции к экспериментированию с новыми формами). Знаменательно, что ниже всего показатель гетероморфности по периодам 1890-1935 гг. и 1980-2000 гг. - соответственно 75,6% и 79,4% (Таблица №3 Приложения). На этом сходство между ними не заканчивается: состав доминант-

ных форм тоже сходен (3-х, 4-х, 5-стопные, разностопные и вольные ямбы, 4-х и 5-стопные хореи, 3-иктный дольник, 3-стопный анапест, 3-х и 4-стопный амфибрахий). Различие заключается в том, что по периоду 1980-2000 гг. в числе доминант оказываются вольные дольники и тактовики, а также - верлибр, тогда как по периоду 1890-1935 годов в состав приорите-тов входят 6-стопный ямб и разностопный хорей.

Пик однородности форм[11] падает на XVIII век и на период 1880-1900 гг. (соответственно, 97% и 89% от числа учтенных по периодам текстов), при этом, в первом случае репертуар доминант содержит минимальное количество (6 метрокомпонентов), а во втором - максимальное (15 метрокомпонентов), равное периоду конца XX века.

Резкое колебание однородности в самом конце XIX-начале XX столетий (от 89% до 75,6%) объясняется революционным характером литературных преобразований, тогда как феномен 1980-2000 гг. подготавливается по-степенно в течение периодов 1936-1957 и 1958-1980, представляя собою сложный эволюционный процесс. При этом довольно показательна динами-ка количественного состава метрических приоритетов: она постоянно ко-леблется между расширением их числа в периоды стабилизации и уменьшением во время освоения экспериментальных форм.

Среди распространенных в истории русской поэзии размеров выделяется 4-стопный ямб, на долю которого выпадает в различные периоды от 14 до 31%. Количество произведений, написанных этим размером, постепенно уменьшается, достигая к концу XX века минимума, но при этом он все же остается одним из лидеров метрического репертуара до настоящего времени.

Пальму первенства этот самый распространенный в русской поэзии размер уступает лишь однажды вольному ямбу и 6-стопному ямбу по периоду 1740-1800 гг., когда происходило становление силлаботоники. С 1936 по настоящее время 4-стопный ямб делит первое место с 5-стопным ямбом, который с полным правом можно признать одной из доминант XX века.

Начиная свое восхождение в XIX столетии, 5-стопный ямб постепенно вытесняет прочие классические формы, что, очевидно, можно отнести за счет привлекательности "романтического семантического ореола" [2.115-117] и связанной с этим модернистской линией его восприятия.

Среди прочих размеров, подпадающих под двухпроцентный барьер употребительности, следует отметить 4-стопный и 5-стопный хореи, дина-мика соотношение которых почти аналогична ямбам: в XIX веке 4-стопник решительно преобладает, а затем уступает место 5-стопнику, лишь в конце века, возвращая утраченные позиции на общем фоне уменьшения доли хо-реев в метрическом репертуаре русской поэзии.

Ямб 6-стопный входит в число употребительных размеров в XVIII, XIX и начале XX века. В последующие периоды он даже не пересекает 2% барьер (в среднем по русской поэзии его доля составляет всего 2% от числа текстов). При этом показательны два пика его популярности (1740-1800 и 1830-1880). Последний даже ознаменовался его доминированием среди ямбических размеров в 80-е годы (по данным М.Л. Гаспарова, его доля состав-ляла в это десятилетие 18,7%, приближаясь к отметке XVIII века - 24%).

Еще резче изменялась употребительность вольного ямба, который из лидера метрического репертуара (40%, 21% по XVIII -началу XIX веков) превратился в средний по употребительности размер, доля которого опускается иногда до двухпроцентной отметки.

В противоположность вольному разностопный ямб проявляет тен-денцию к относительной стабильности: его доля колеблется в пределах 3-7%, лишь в конце XX века понижаясь до 2%.

Среди трехсложников выделяются 3-стопные амфибрахий и анапест, имеющие примерно одинаковую эволюцию: употребительность их колеблется в пределах 2-5%, правда, доля анапеста в среднем несколько больше, достигая по периоду 1957-1980 гг. 7,1% от числа текстов.

В состав метрических доминант акцентные формы стиха входят лишь в XX веке: 3-ный дольник стремительно набирает силу в период 1890-1935 гг., затем стабилизируется и постепенно его доля сокращается к концу столетия, верлибр же, напротив, после небольшого подъема в начале века долго держится в тени, начиная обгонять своего соперника лишь в 90-е го-ды XX века.

Метрический репертуар русской поэзии конца XX века складывается из 18 метрокомпонентов (ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест, гекса-метр, элегический дистих, двусложники и трехсложники с вариацией анакрузы, логаэды, пятисложники, дольники, тактовики, смешанные метры, ак-центный стих, верлибр, прозостих, конструктивистский стих).

Ямбы в современной поэзии оказываются представленными 10 раз-мерами (от сверхкоротких 1-2-стопных до сверхдлинных 7-8-стопных), что вместе с каталектическими модификациями составляет 55 форм. На их долю приходится более трети от общего числа текстов.

Доля хореев в три раза меньше, но при этом в их составе 12 размеров (в числе которых короткие - 2-стопные, сверхдлинные - 7-9-стопные, особое место занимают 6-стопный с цезурой и бесцезурный), всего с каталектическими вариациями - 55 форм.

Среди трехсложных метров выделяется анапест - 11,8% от числа учтенных текстов, представленный 8 размерами, 39 каталектических форм. За ним по употребительности следует амфибрахий - 8,3%, 8 размеров, 37 форм, наконец, дактиль - 3,3%, 8 размеров, 36 форм.

Неклассические формы составляют почти треть метрического репертуара современной поэзии: среди них приоритет оказывается у дольников и верлибра. Причем, дольниковые размеры представлены 8 метрокомпонентами, 44 каталектическими формами. Следует отметить, что последний па-раметр свидетельствует о тенденции к наибольшему среди метрических приоритетов расподоблению по каталектическим модификациям (более 5 каталектических форм на размер, тогда как у ямба этот средний параметр составляет немногим более 4 форм на размер!) .

Тактовики, составляющие всего около 3% от числа текстов, имеют в своем составе 6 разновидностей, что составляет вместе с каталектическими вариациями -25 форм.

На долю прочих неклассических форм (гекса-метр, логаэды, 5-сложники, размеры с вариацией анакрузы, акцентный стих) приходится всего около 3% от числа текстов. Количество каталектических вариаций, образующих видовые различия, у них незначительно.

Область стиховых окончаний в современном стиховедении иногда ошибочно, на наш взгляд, относится к "избыточному элементу", имеющему "чисто стилистические функции".[8.9-10] Еще Г. Шенгели отмечал, что смена клаузул "в той или иной последовательности, значительно меняет звучание стиха, и русский язык с его богатейшим слогоударным спектром дает поэту широкие возможности разнообразить стих и повышать его художественную выразительность".[13.26] Кроме того, клаузульная разновидность наряду со стопным объемом строк входит в видовое по отношению к метру определение размера.

Каталектические вариации в метрическом репертуаре современной русской поэзии представлены модификациями типа ММ (мужские + мужские) - 10,1%12, ЖЖ (женские + женские) - 10,1%, ДД (дактилические + дактилические) - 0,6%, МЖ (мужские + женские) - 63,1%, МД (мужские + дактилические), ЖД (женские + дактилические) - 1,6%, СМ (смешанные формы[13]) - 10,7% (Таблица №4 Приложения). Анализ этих данных показы-вает, что традиционный для русской поэзии тип каталектики МЖ по-прежнему преобладает, но при этом доля других форм тоже достаточно велика: на долю форм с каталектикой несмешанного типа (ММ, ЖЖ, ДД) падает около 21%, при этом чрезвычайно важен показатель смешанных форм, который свидетельствует о существовании в современной поэзии тенденции к неразличению (свободному варьированию) клаузул.

Для того, чтобы иметь возможность внедрения в самую глубину со-временного литературного процесса, мы посчитали необходимым провести дифференцированный анализ метрического репертуара современной поэзии по 4-м основным группам наблюдения: 1) журнальная поэзия (т.е. произве-дения, прошедшие стадию критической оценки, 2) так называемая "новая журнальная волна", характеризующаяся субъективностью и некоторой за-данностью критического отбора, 3) так называемая "столичная поэзия", в которой наиболее ярко проявляются литературные пристрастия авторов по принадлежности к тому или иному художественному течению и 4) провинциальная поэзия, как правило, довольно сильно расподобляемая в зависимости от доминирующего типа культуры (классический или авангардный). При всем том, что подобная дифференциация носит отчасти условный характер (некоторые авторы реально участвуют во всех выделенных разновидностях современного литературного процесса), все же возникающие погрешности нивелируются широтой статистического анализа.

Уже при первом сравнении выявляется ряд интересных закономерностей на уровне основных пропорций метрического репертуара. Так, доля классических форм выше в группах 1 и 4 (соответственно, 83,2% и 74,3%), тогда как во 2 группе этот показатель понижается до 55,3%, а в 3 - до 67,6% от числа текстов (Таблица №1 Приложения). Соответственно этому доля неклассических форм ниже в 1 и 4 группах и выше во 2-3 группах. (в отличие от сводных данных, в которых доля Нкл по отношению к классической части репертуара выражается в формуле 3:1, в 1 группе оно дает соотношение 5:1, во 2 - почти 1:1, в 3 - 3:1, в 4 - 4:1). Но состав НКЛ и их доля ока-зывается различным во всех группах: меньше всего метрокомпонентов неклассической части метрического репертуара оказывается во 2 и 1 группах, тогда как в остальных их количество одинаково. Если в 1 группе игнорируются Дк2, Дк8, Тк2, прозостих и конструктивистский стих, то во 2, напротив, элегический дистих (при употребительности гексаметра), смешанные метры, Дк8, Тк2, Тк6, Тк рст. В 3 группе вне поэтического процесса оказываются Тк2, Тк6, в 4 кроме прозостиха и конструктивистского стиха игнорируются Дк8 и элегический дистих.

Соотношение классических размеров в разных группах тоже довольно показательно: так, против соотношения 3:1 между двусложными и трех-сложными метрами по сводным показателям, в 1 и 4 группах этот показатель выглядит как приблизительно - 2,5:1, во 2 - 2:1, в 3 - 3:1. Соотношение же ямбов и хореев составляет против среднего показателя 3:1, в 1, 3 и 4 группе приблизительно - 3:1, во 2 - 4:1.

Распределение каталектических модификаций имеет следующую за-кономерность: чередование МЖ составляет в 1 группе - 72%, во 2 - 55,3%, в 3 - 56,3%, в 4 - 64,4%, что явно отражает тяготение к стереотипу в тек-стах, прошедший критическую цензуру, и изданных в периферийных цен-трах. Соотношение форм со сплошными мужскими, женскими и дактилическими окончаниями по группам наблюдения таково: в 1 - 10,6%, 8,4%, 0,5% (соответственно), во 2 - 7,7%, 11,8%, 0,8%, в

3 - 12,4%, 14,0%, 1,1%, в 4 - 8,3%, 7,5%, 0,8%. Привлекает внимание в этой статистике то, что выше все-го процент форм с однородными окончаниями в "столичной поэзии", ниже - в "провинциальной", при этом сплошные мужские окончания преоблада-ют в 1 и 4 группах, тогда как во 2 и 3 сплошные женские формы преобладают и весьма существенно. Среди прочих каталектических модификаций вы-деляется смешанный тип, которых минимален в 1 группе (3,9%) и достигает показателя 20% во 2 группе, при среднем уровне в 3 и 4 группах (11,1% и 13,6%).

Литературный процесс конца XX столетия носит ярко выраженный полисистемный характер: смена культурной парадигмы (от тоталитарной культурной модели к постсоветскому художественному пространству) отразилась и на поэтическом искусстве, переживающем ныне один из самых специфических и, без преувеличения, сложных периодов (уже получивших именование "бронзового века").

Настоящий этап эволюции системы русского стиха характеризуется существенными изменениями на всех уровнях (от метрики и ритмики до графики), что обусловлено объективными и субъективными причинами: аннулирование цензуры, упрощение редакционного и издательского механизмов, изменения функционирования поэтической продукции за счет компьютерных технологий, а также доступности художественного процесса для массового сознания.

Сама форма бытования русского стиха существенно изменилась за последнее двадцатилетие XX века: кроме обычного (письменного литературного) стиха активизируются альтернативные формы, характеризующиеся синкретизмом (песенная поэзия, визуальная поэзия, заумь и т.д.), усили-вается их влияние на русское национальное поэтическое сознание.

Стереотипная (классическая) модель стихотворного текста подвергается существенной трансформации как за счет экспериментов представите-лей литературных течений конца XX века (концептуализм, метареализм, мелоимажинизм, композитивизм, куртуазный маньеризм и т.д.), так и в результате игнорирования многих поэтических законов (запрет переакцентуации, правило альтернанса, закон анлаута стиха, графическое выделение начала строк и т.д.). Таким образом, эволюция русского стиха на современном этапе отличается в целом усложнением специфических по своей сути процессов взаимоотношения традиции и новаторства.

Силлаботонический стих остается лидером метрического репертуара новейшей русской поэзии, но при этом доля его, по сравнению с предыдущими периодами становится меньше за счет активного использования неклассических метров (особенно - вольного дольника и верлибра).

В области классических форм необходимо отметить стабилизацию количественных соотношений между ямбами и хореями, двусложниками и трехсложниками, что обусловлено перераспределением функций и состава метрических приоритетов: вместо традиционной оппозиции двусложных и трехсложных метров на первый план выступает противопоставление классического силлаботонический стих и тонических форм, тяготеющих к свободному стиху. Именно здесь проходит в настоящее время водораздел между традиционным и новаторским.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица №1. Метрический репертуар русской поэзии XVIII-XX вв. Лирика (Число текстов и %).

Размер / период	1740-1800	%	1800-1830	%	1830-1880	%	1880-1900	%	1890-1935	%	1936-1957	%	1958-1980	%	1980-2000	%
Я3	40	2,9	33	1,7	46	1,2	8	0,7	61	2,2	92	2,8	102	3,1	2354	2,3
Я4	242	17,8	622	31,9	828	22,1	259	22,0	539	19,4	499	15,4	625	18,9	14703	13,1
Я5	2	0,1	116	5,9	296	7,9	68	5,8	280	10,1	548	16,9	631	19,1	14620	13,5
Я6	326	24,0	136	7,0	351	9,3	162	13,8	107	3,8	21	0,6	28	0,8	1333	1,6
Я рст	29	2,1	133	6,8	238	6,3	67	5,7	105	3,8	150	4,6	98	3,0	2234	2,3
Я В	546	40,2	418	21,4	175	4,7	52	4,4	139	5,0	82	2,5	43	1,3	4208	3,9
Проч.			10	0,5	11	0,3	4	0,3	8	0,3	3	0,1	6	0,2	53	0,2
Всего Я	1185	87,3	1468	75,2	1945	51,8	620	52,8	1239	44,5	1395	43,1	1533	46,4	39506	36,9
Х3	2	0,1	15	0,8	113	3,0	6	0,5	25	0,9	45	1,4	16	0,5	1231	1,1
Х4	108	8,0	181	9,3	521	13,9	111	9,4	227	8,2	236	7,3	215	6,5	6302	6,2
Х5	1	0,1	3	0,2	46	1,2	30	2,6	170	6,1	334	10,3	253	7,7	3535	3,6
Х6 ц					46	1,2	16	1,4	19	0,7	8	0,2	5	0,2	198	0,2
Х6 б/ц			9	0,5	24	0,6	5	0,4	26	0,9	15	0,5	9	0,3	178	0,2
Х рст	15	1,1	24	1,2	113	3,0	28	2,4	59	2,1	98	3,0	39	1,2	959	0,9
Проч.	4	0,3	1	0,1	16	0,4	5	0,4	67	2,4	12	0,4	21	0,6	787	0,8
Всего Х	130	9,6	233	11,9	879	23,4	201	17,1	593	21,3	748	23,1	558	16,9	13129	13,0
Д2	4	0,3	3	0,2	4	0,1	3	0,3	2	0,1	2	0,1	1	0,0	119	0,2
Д3	2	0,1	1	0,1	40	1,1	18	1,5	21	0,8	11	0,3	30	0,9	629	0,6
Д4	7	0,5	11	0,6	77	2,1	44	3,7	28	1,0	24	0,7	35	1,1	1148	1,1
Д рст	4	0,3	6	0,3	61	1,6	17	1,4	19	0,7	18	0,6	13	0,4	430	0,6
Проч.			2	0,1	25	0,7	7	0,6	16	0,6	9	0,3	10	0,3	646	0,7
Всего Д	17	1,3	23	1,2	207	5,5	89	7,6	86	3,1	64	2,0	89	2,7	2972	3,3
Амф2	2	0,1	20	1,0	19	0,5	2	0,2	6	0,2	6	0,2	8	0,2	427	0,4
Амф3			4	0,2	99	2,6	32	2,7	53	1,9	144	4,4	178	5,4	2956	3,2
Амф4			41	2,1	73	1,9	30	2,6	52	1,9	86	2,7	55	1,7	2013	2,1
Амф рст			23	1,2	98	2,6	27	2,3	30	1,1	67	2,1	48	1,5	1037	1,2
Проч.			11	0,6	22	0,6	3	0,3	11	0,4	18	0,6	21	0,6	1019	1,4
Всего Амф	2	0,1	99	5,1	311	8,3	94	8,0	152	5,5	321	9,9	310	9,4	7452	8,3
Ан2	3	0,2	8	0,4	32	0,9	7	0,6	10	0,4	34	1,1	46	1,4	1484	1,3
Ан3	1	0,1	3	0,2	136	3,6	52	4,4	85	3,1	146	4,5	235	7,1	5208	5,6
Ан4			1	0,1	20	0,5	35	3,0	27	1,0	54	1,7	71	2,1	1314	1,4
Ан рст			8	0,4	73	1,9	52	4,4	31	1,1	34	1,1	19	0,6	1015	1,2
Проч.															2113	2,3
Всего Ан	4	0,3	20	1,0	261	7,0	146	12,4	153	5,5	268	8,3	371	11,2	11134	11,8
Гекзаметр	4	0,3	25	1,3	36	1,0	1	0,1	7	0,3					65	0,1
Логаэд			17	0,9	10	0,3	8	0,7	13	0,5	18	0,6	7	0,2	612	0,6
5-слож.	2	0,1	2	0,1	52	1,4	3	0,3			1	0,0	1	0,0	20	0,01
Перем.ан.	3	0,2	6	0,3	7	0,2	1	0,1	19	0,7	27	0,8	18	0,5	1224	1,1
Дольник	1	0,1	9	0,5	16	0,4	3	0,3	334	12,0	335	10,3	311	9,4	12078	11,4
Тактовик	1	0,1	5	0,3	22	0,6	3	0,3	47	1,7	9	0,3	25	0,8	2700	2,7
Акц.ст.			2	0,1	6	0,2			100	3,6	10	0,3	20	0,6	842	0,8
Верлибр					3	0,1			17	0,6	1	0,0	37	1,1	9150	10,1
Всего НКЛ.	11	0,8	66	3,4	152	4,0	19	1,6	537	19,3	401	12,4	419	12,7	26691	26,7
ВСЕГО	1357	100	1951	100	3755	100	1175	100	2782	100	3237	100	3306	100	94591	100

Таблица № 2. Основные пропорции метрического репертуара русской лирики.

	1740-1800	1800-1830	1830-1880	1880-1900	1890-1935	1936-1957	1958-1980	1980-2000
Кл:Нкл	122:1	28:1	24:1	61:1	4:1	7:1	7:1	2,3:1
2-х : 3-х	57:1	12:1	3,6:1	2,5:1	5:1	3:1	2,7:1	2:1
Я:Х	9:1	6:1	2:1	3:1	2:1	2:1	2,7:1	3:1

Сравнительные данные по: Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. - М., 1984. - С.296.

Таблица № 3. Метрические приоритеты русской поэзии.

Раз-мер	1740-1800	Раз-мер	1800-1830	Размер	1830-1880	Размер	1880-1900	Размер	1890-1935	Размер	1936-1957	Размер	1958-1980	Размер	1980-2000
Я В	40,2	Я4	31,9	Я4	22,1	Я4	22	Я4	19,4	Я5	16,9	Я5	19,1	Я5	13,5
Я6	24	Я В	21,4	Х4	13,9	Я6	13,8	Я5	10,1	Я4	15,4	Я4	18,9	Я4	13,1
Я4	17,8	Х4	9,3	Я6	9,3	Х4	9,4	Х4	8,2	Х5	10,3	Х5	7,7	Верлибр	10,1
Х4	8	Я6	7	Я5	7,9	Я5	5,8	Дк3	8	Х4	7,3	Ан3	7,1	Х4	6,2
Я3	2,9	Я рст	6,8	Я рст	6,3	Я рст	5,7	Х5	6,1	Дк3	6,0	Х4	6,5	Ан3	5,6
Я рст	2,1	Я5	5,9	Я В	4,7	Я В	4,4	Я В	5	Я рст	4,6	Дк3	6,0	Дк3	4,4
		Амф4	2,1	Ан3	3,6	Ан3	4,4	Я6	3,8	Ан3	4,5	Амф3	5,4	ДкВ	4,1
				Х3	3	Ан рст	4,4	Я рст	3,8	Амф3	4,4	Я3	3,1	Я В	3,9
				Х рст	3	Д4	3,7	Ан3	3,1	Х рст	3	Я рст	3	Х5	3,6
				Амф3	2,6	Ан4	3	Я3	2,2	Я3	2,8	Ан4	2,1	Амф3	3,2
				Амф рст	2,6	Амф3	2,7	Х рст	2,1	Амф4	2,7	Амф4	1,7	Я3	2,3
				Д4	2,1	Х5	2,6	Амф3	1,9	Я В	2,5	Амф рст	1,5	Тк В	2,2
						Амф4	2,6	Амф4	1,9	Амф рст	2,1			Я рст	2,3
						Х рст	2,4			Ан4	1,7			Амф4	2,1
						Амф рст	2,3							Я6	1,6
	97%		84,4%		81,1%		89,2%		75,4%		84,4%		82,1%		78,2%

Таблица № 4. Каталектика (в % от числа произведений).

Окончания	XУ111 век	XIX век			1980-2000
		1-я треть	2-я треть	3-я треть	
МЖ	96	92	80	76	60,7
ММ	1	2	6	7	10,9
ЖЖ	2	3	8	8	11,0
ДД	0,4	1	2	2	0,9
Прочие	0,2	1	4	7	16,5

Сравнительные данные по: Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. - М., 1984. - С.302.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Под системой стиха вслед за В.П. Рудневым мы имеем в виду совокупность систем стихосложения, реально функционирующих в национальной стиховой культуре.

2. Определение С.И. Кормилова. См.: [4.14].

3. История русского стиховедения XX столетия ознаменована борьбой двух антиномичных концепций: 1) "от языка" (Л.И. Тимофеев, М.П. Штокмар, В.Е. Холшевников и др.), 2) "от культуры" (Р.О. Якобсон, Е.Д. Поливанов, М.Л. Гаспаров и др.). Между этими крайностями располагается синтетическая теория (А.Н. Колмогоров, В.С. Баевский и автор данной статьи).

4. См. работы А.Л. Жовтиса, Л.Л. Бельской, С.В. Савченко.

5. Согласно формуле М.Л. Гаспарова, представляющего историю русского стиха "с двумя периодами вольности по обе стороны классической силлаботоники XVIII-XIX вв.: досиллабикой и силлабикой XVII-начала XVIII в. и чистой тоникой начала XX в.". См.: [1.268-269].

6. Начиная от знаменитой "тройки" Вознесенский, Рождественский, Евтушенко и заканчивая малоизвестными авторами.

7. Это доказывает и анализ современной непрофессиональной поэзии, проведенный нами на основе нескольких российских регионов. См.:[3].

8. См.: "Поэтическое строение текста определило и возникновение определенного чувства поэтической структурности, которое существенно отличается от представления о языковой структурности... Стиховой текст принципиально конечен. В поэтическом тексте, в силу его неразделимости на планы языка и речи, соотнесенность, взаимопересечение и взаимоналожение становятся законом материально данного текста. Это делает принцип взаимной соотнесенности всех единиц между собой и с целым - основой семантики поэтического текста..." [6.199].

9. Как структурно значимые эти параметры выделяет и М.Л. Гаспаров.

10. М.Л. Гаспаров останавливается на 5% пороге, но это естественным образом отбрасывает довольно значимые явления в сторону от системно-функционального анализа.

11. Под этой гомоморфной категорией понимается максимальная сумма долей метрических приоритетов, свидетельствующая о доминировании системы стереотипов, в противоположность разнородности (гетероморфности), соответствующей периодам перестройки метрического репертуара.

12. Для каталектических модификаций, представляющих собой чередование разных форм учет проводился без разграничения на варианты: так, формы ЖМ и МЖ считались единой каталектической разновидностью.

13. Смешанными мы называем тексты, в которых использованы 3 или более типов каталектики, при этом не учитывались случайные "вкрапления", например, дактилические формы в модели МЖ, если их количество не превышало 25% от числа основного типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гаспаров, М.Л. Очерк истории европейского стиха [Текст] / М.Л. Гаспаров; Отв. ред. Н.К. Гей. - М.: Наука, 1989. - 304 с.

2. Гаспаров, М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика [Текст] / М.Л. Гаспаров; Отв. ред. Л.И. Тимофеев. - М.: Наука, 1984. - 320 с.

3. Ковалев, П.А. Современный русский стих: Актуальные аспекты стихосложения [Текст] / П.А. Ковалев. - Орел, 2001. - 142 с.

4. Кормилов, С.И. Маргинальные системы русского стихосложения [Текст] - М.: Издательство Московского государственного университета, 1995. - 160 с.

5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста : учеб. Пособие для пед. интов [Текст] 2-е изд., перераб. / В.А. Кухаренко - М. : Просвещение, 1988. - 191 с. (в пер.)

6. Лотман, Ю.М. Лекции по структуральной поэтике [Текст] / Ю.М. Лотман. // Ю.М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. - М.: "Гнозис", 1994. - С.17-246.

7. Недоброво, Н.В. Ритм, метр и их взаимоотношение [Текст] / Н.В. Недоброво // Труды и дни, 1912. - № 2.

8. Руднев, В.П. Анакруса и каталектика [Текст] / В.П. Руднев // Quinquagenario Alexandri Il'usini oblata / Отв. ред. М.И. Шапир. - М., 1990. - С.7-12.

9. Тимофеев, Л.И. Силлабический стих [Текст] / Л.И. Тимофеев // Ars poetica, 1928. - № 2. - С.37-71.

10. Федотов, О.И. Основы русского стихосложения: Метрика и ритмика: Учебное пособие [Текст] / О.И. Федотов. - М.: Флинта, 1997. - 336 с.

11. Харлап, М.Г. Силлабика и возможности ее воспроизведения в русском переводе [Текст] / М.Г. Харлап // Мастерство перевода, 1979: Сб./ Редкол.: Ананиашвили и др.].-М.:. Сов.писатель. - Сб.12.- 1979. -592с.

12. Чудовский, В. Несколько утверждений о русском стихе [Текст] / В. Чудовский // Аполлон. - 1917. - № 4-5. - С.58-69.

13. Шенгели, Г.А. Техника стиха [Текст] / Г.А. Шенгели; Под ред. Л. И. Тимофеева. - 2-е изд. - М.: ГИХЛ, 1960. - 312 с.

14. Штокмар, М.П. Исследования в области русского народного стихосложения [Текст] / М.П. Штокмар. - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. - 423 с., с нот. (в пер.)

15. Якобсон, Р.О. Избранные работы: Пер. с англ., нем., фр. яз [Текст] / Р.О. Якобсон; Предисл. В.В. Иванова; Сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева. - М.: Прогресс, 1985. - 455 с. - (Языковеды мира)

Статья печатается впервые.

3.07.2008

P.A.Kovalev

Russian verse of the end of the XX-th century: synchronic and diachronic aspects of studying

Article is devoted to a problem of studying of system of Russian verse on the basis of various approaches to the phenomenon of poetic system. Evolution of Russian verse is distinctly traced in change of leading principles of formation соотносимых numbers. Statistical data allow to draw a conclusion that the system of Russian verse develops both on the basis of phonologic data of language, and at the expense of cultural interaction with other national systems. In it the periods of lifting and recession of the experiments, caused by peripetias of art processes are allocated. Russian the verse of the end of the XX-th century in this respect appears one of the most interesting: its parametres in many respects coincide with a silver age and set the main line of development of Russian poetry in the XXI-st century.

М. В. Костромичёва, *кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Орловского государственного университета.*

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ РЕБЁНКА: ОСОБЕННОСТИ ИМЕНОВАНИЯ В ГОВОРАХ

В статье рассматриваются диалектные наименования, отражающие разные стадии развития ребёнка, основные из которых связаны с формированием моторных и вербальных навыков: умением стоять на ногах, ходить, говорить.

Детство - период наиболее активного развития, физиологического и психологического формирования человека, в народных говорах с этим связан целый ряд наименований, в которых отражены разные стадии становления ребёнка.

В орловских говорах существует ряд лексем, прямо или косвенно указывающих на маленький возраст, рост именуемого лица.

Непосредственное указание содержат однокоренные наименования маленького ребёнка (детей) *малой*[1]*, малколетный, малошонок, малюзга* (собир.), *мальва* (собир.), *мальвота* (собир.) (сам детский возраст, малолетство называется *мальство*), а также диалектизмы *крыпотный, крыхатка* (от крохотный, крохотка), *мозглявый* (ср. *москля* - "о ком-, чем-л. маленьком по размеру, величине").

Опосредованная мотивация диалектных названий маленького ребёнка содержится в следующих наименованиях: *сопырик* (от сопливый); *прыщик; зелепупок, зелепуха* (ср. *зелепупок, зелепуха* - "молодой, зелёный плод фруктов, ягод"; *пендюх* (ср. *пендюх* - "оставшаяся на корню часть спиленного, срубленного или сломанного дерева; пень"); *селявка* - "о маленькой девочке" (ср. *селявка* - "небольшая речная рыба", "малёк"); *ляля, лялечка, лялюшка, лялька* (ср. *ляля, лялька* - "детская игрушка в виде фигурки человека; кукла"); *дребезга* (собир.) (ср. *дребезга* - "предметы небольшой величины; мелочь"); *ошаурок* (ср. *ошаурок* - "небольшой участок земли").

На самой ранней стадии развития ребёнок именуется *пеленичный* (т.к. находится в пелёнках), *дудоля* (т.к. *дудолит*, т.е. сосёт материнскую грудь) или *искусственник* (в том случае, если по каким-либо причинам ребёнок не питается молоком матери); понятие "в младенческом возрасте" передаёт наречие *в грудях: Эй, дудоля, пара брасать: кармилъ дъ читырёх лет* (Новос.); *Пилиничнъвъ с сабой нъ пакос брали* (Долж.); *Райке три годикъ была, а Гришкъ у грудях* (Знам.); *Мне-ть работъть надь, а у миня мальчик у грудях* (Свердл.).

Важнейшими этапами в процессе становлении ребёнка являются формирование умения говорить и умения ходить. Народные говоры подчёркивают значимость этих этапов, именуя каждую отдельную фазу в процессе развития моторных и вербальных способностей ребёнка.

Т.А. Бернштам отмечает: "В аспекте возрастного символизма самым существенным переходом на этапах младенчества - раннего детства было отнятие ребенка от груди, что обычно совпадало с началом его речи или приурочивалось к нему" [1: 115]. Формирование умения говорить представлено в орловских говорах лексемами, отражающими последовательность становления данного умения: ребёнок произносит первые звуки - произносит первые, ещё невнятные, слова - начинает разговаривать.

В значении "издавать первые звуки ("гу", "агу", "ау")" в орловских говорах употребляются глаголы *гукать, агукать, аукать*, а самого ребёнка, начинающего произносить первые звуки, соответственно называют (обращаются к нему) гукалка, агуня, агунюшка, агунушки, агунюшки: *У миня Нинка, как агукъть стала, мы её агуней звали* (Урицк.); *Агнюшка ты мая малинькъя, кравинъчкъ радная, зъбалелъ савсем* (Покр.); *Агунушки, мая дочинька, как спалось?* (Колпн.); *Агунюшки, сыночик, агунюшки* (Лив.); *Ах ты, мая гукълка, ляжы у пастельки. Дужъ хърашо ана гукъить* (Покр.).

Ребёнок, который произносит только первые слова (*надякивает*), начинает говорить (*дякает*), при этом говорит невнятно (*немует*), именуется *немой* и неодобрительно *немтырь: Нямыя ж жылескъми забрались нъ пастели* (Урицк.); *У мине сын до трёх лет нямтырём усё был* (Соск.).

Ребёнок, который начал говорить, связно, внятно заговорил (*разбрехался*), именуется *балакунчик: Если рибёнък зъгъварил, значить - бълакунчик. Дети становютцъ бълакунчикъми нъ втаром гаду* (Покр.).

Разные ступени формирования умения хо-

© М.В. Костромичёва, 2008

дить в орловских говорах представлены следующими лексемами и устойчивыми словосочетаниями.

Ребёнок, который ещё не умеет ходить, именуется *ползун, поползок, поползунчик, уползень, сидяка, валух: Палзунов етих былъ куча* (Орл.); *Пъпалзок у травки ползъить* (Шабл.); *Наверн, скоръ етът пъпалзунчик будить ношкъми топъть* (Покр.); *Упълзня аставляли дома* (Новос.); *А мине у поле надъ была, да с сидякъй я и пашла* (Новос.); *Ентът-тъ валух, пака тока ползаить* (Дмитр.).

Ребёнок, который поднимается на ноги, начиная ходить (*дыбочки, дыбы стоит*), называется *дыбочка, дыбочек, дыбушечка: Кагда рибёнък малинький, гъварять дыбъщкъ-дыбъщик, скоръ пайдеть другой гадощик* (Новос.); *Дыбъ, дыбушъчкъ, падымайси скарей ка мне* (Орл.).

Первые неуверенные шаги ребёнка отражаются в наименованиях *притоптух, топтун, топченок: Как начнёть дитё хадить, так стануть звать притоптухъм* (Покр.); *От таптун-таптун, так тапочить* (Орл.); *Мой унук, што тъпчанок. Уш скоръ гот, а он ищё ни ходить* (Покр.).

Ребенка, научившегося ходить, называют *ходик, ходун, ходунок: Ходик ужэ* (Болх.); *Хадуном называли, кагда хадить нъчинал* (Мцен.); *Ах ты, хадунок какой!* (Орл.).

Наконец, о крепко стоящем на ногах ребенке, начавшем ходить, говорят, что он *обмогается: Дыбы стаить, када станить абмагатцъ на ъги* (Верх.).

Таким образом, данные наименования репрезентируют следующую последовательность: ребёнок не умеет ходить (сидит, ползает, падает - валится) - встаёт на ноги - делает первые неуверенные шаги - начинает ходить - крепко становится на ноги.

Кроме вышеперечисленных в орловских говорах зафиксировано называющее грудного ребёнка наименование *куватка (А у люльки ишшо и куваткъ плачить* - Покр.), происхождение которого с точки зрения мотивации можно истолковать поразному, т.к. соответствующие глаголы в народных говорах известны в значениях: *кувякать* - "мямкать, мямлить, чавкать, говорить невнятно; // визжать, плакать"; *кувякнуться* - "упасть, шлепнуться" [2: 210].

Своевременность или несвоевременность формирования моторных и вербальных навыков свидетельствует об умственном и физическом развитии ребёнка в целом (Ср. *У мине сын да трёх лет нямтырём был* - Соск.).

Разные фазы роста, физического развития ребёнка отражают также устойчивое словосочетание *дать росту* - "стать выше ростом, подрасти" и диалектные лексемы *дягнуть* - "хорошо расти, здороветь, крепчать (о ребёнке)", *матереть* - "мужать, крепнуть, становясь старше": *За ныняшний гот он намногу дал росту* (Лив.); *Кагда малинький дягнет, так и серце радуитца* (Тросн.); *Малый мътиреить у саседей* (Кром.).

Определенная градация стадий физического и умственного развития представлена в наименованиях ребёнка *тетерька* - "несмышлёныш": *Сынок мой тады тетерькъй ещё был, прихадилъсь на сибе таскать* (Мцен.), *опёнушек* - "бестолковый, непонятливый ребёнок, несмышлёныш": *Ах ты мой апёнушък - выкъпъли цвиты ис клумбы и картошку пъсадили* (Верх.); *обыдённый* - "быстро развивающийся физически и умственно": *Ему толькъ два года, а он ужэ гъварит. Абыдённъй рибёнък. Ды щщас дюжъ дети абыдённые пашли* (Знам.); *Абыдённые дети, умные, ну прям завидуют, быстрые, а есть ниразвитые* (Орл.), *оболонок* - "не по годам рослый ребёнок": *Глянь, абалонък какой вытинулсы - гъварять нъ рибёнка, ни пъ гадам бальшова* (Залег.).

Мотивация наименований *тетерька* и *опёнушек* становится понятной в сравнении с соответствующими именованиями взрослого человека: ***тетеря*** - "*Прост*. Употребляется в неодобрительных и бранных выражениях. *Сонная тетеря* (соня). *Ленивая тетеря* (лентяй) <и др.>" [5: IV: 362]; ***пень*** - "*Прост*. бран. О глупом или бесчувственном человеке" [5: III: 40]. В отличие от именований взрослого человека, наименования ребёнка не несут стилистической окраски неодобрительности, поскольку "бестолковость" - естественное свойство маленького человека; формально снисходительное отношение к этому свойству ребёнка выражается в использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов.

Номинация *обыдённый* связана с понятием о быстром развитии ребёнка, поскольку слова *обыдённый, обыдённо, обыдёнкой* в орловских говорах связаны с обозначением явлений, процессов, происходящих в течение одного дня (ср. *Ты абыдёнкъй пришла?* - Орл. Вопрос предполагает: "Ты сегодня пришла и сегодня же обратно уйдёшь?").

Значение лексемы *оболонок* - "не по годам рослый ребёнок" - скорее всего метафорически связано с другим значением этого слова - "обрубок бревна; чурбан", т.е. в данном случае актуализируется признак: 'уже большой (ростом), но ещё бестолковый' (ср. ***чурбан*** - "*Бран.* О бестолковом, глупом человеке" [5: IV: 694]; ***бревно*** - "*Пренебр.* О тупом, глупом или нечутком человеке" [5: I: 114]).

Переход к стадии отрочества "повсеместно связывался с принятым хронологическим возрастом приобщения ребенка к трудовой деятельности <...> повсюду детей наделяли хозяйственными названиями по роду их функций" [1: 115]. В орловских говорах зафиксировано наименование ***арбич*** - "подросток-подпасок": *Арбичим вазьмёш маво сына?* (Мцен.); *Дять Петь, вазьми миня в арбичи* (Верх.).

Отрочество девочки отличается от детства первыми признаками полового созревания, основной из которых - появление регул. В Орловской губернии был известен обычай, когда в связи с этим событием все женщины села собирались

на совместную трапезу, а сама виновница случившегося плясала на своей рубашке [3: 172]. В с. Льгов Хотынецкого района существовал другой обычай, знаменующий половое созревание девочки-подростка[2]: достигшие двенадцати лет девочки один раз в году, на Троицу, надевали ***понёву*** (юбку, которую носили только замужние женщины), фартук-***завеску*** и шли в лес для исполнения обычных девичьих троицких обрядов: варили кашу, завивали берёзки и т.д. Про вернувшуюся из леса девочку родные говорили: "У нас в доме невеста". После этого девушка надевала понёву с завеской только при вступлении в брак.

В орловских говорах зафиксировано наименование девочки-подростка ***невеня***, в котором, вероятно, нашли отражение представления о девочке, уже вышедшей из детского возраста (*О, нивени ганяють, а нада бы уш дилами зъниматца* - Залег.), но ещё *невинной* и *не* готовой к *венчанию*.

Таким образом, диалектные наименования отражают разные стадии развития ребёнка, основные из которых - умение стоять на ногах, ходить, говорить, способность к мышлению. Большинство таких наименований дается по признаку 'ребёнок ещё не умеет делать что-либо' / 'ребёнок начинает делать что-либо' / 'ребёнок уже умеет делать что-либо'.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. - СПб., 2000.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 - 4. - М., 1978 - 1980.

3. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005.

4. Словарь орловских говоров: В. 1 - 14. Ярославль, Орел, 1989-2003.

5. Словарь русского языка. Т. I - IV. - М.: Русский язык, 1985 - 1988.

Е. Б. Кузьмина, *кандидат филологических наук, научный сотрудник Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.*

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ГРИБОВ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

В статье анализируются семантические модели, по которым образуются названия грибов в псковских говорах. Проведено сравнение номинаций грибов в русском языке и псковских говорах с соответствующими номинациями в украинских, белорусских, польских и литовских говорах и языках.

Исследование лексики одной тематической группы (ТГ), выявление общих тенденций ее номинации становятся особенно актуальными сейчас в связи с интересом к языковой картине мира. Г.В. Колшанский, исследуя субъективные и объективные факторы в процессе номинации, отмечает, что "обозначение предмета или ситуации не есть какая-либо произвольная операция человека над некоторым экстралингвистическим явлением. Само именование есть не только процесс обозначения, но одновременно и процесс познания и коммуникации" [4:68].

Многие предметы являются многопризнаковыми, и любой признак, свойственный предмету, может быть положен в основу номинации. Выбор признака зависит от того, какой именно признак окажется существенным в определенный момент, сделав, таким образом, все остальные признаки несущественными: "В одном акте номинации есть возможность актуализировать лишь часть имеющихся знаний" [5:79].

Проследим особенности номинации грибов в народной речи (на материале псковских говоров). ТГ "Грибы" относится к древнейшему пласту лексики, и она постоянна в своем составе на протяжении всего развития языка.

Названия грибов входят в группу лексики, в которой признаки, положенные в основу наименований, могут быть обобщены в семантические модели (СМ). Термин СМ употребляется в работах Ю. Д. Апресяна, А. Ф. Журавлева, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелева в значении "широкие понятийные (концептуальные) модели" [13: 125], то есть при таком подходе в основу каждого наименования положен не признак, а "концепт", какое-то понятие.

Основой для исследования СМ, по которым образуются названия грибов в псковских говорах, послужила классификация СМ, сделанная В.А. Меркуловой [6: 158 - 159].

Выявленные В. А. Меркуловой семь семантических моделей для наименований грибов представлены и в псковских говорах.

1) Большинство названий грибов образовано по модели 'цвет' → 'гриб': ***зелёнка*** 'гриб зеленушка', ***рыжак*** 'гриб подосиновик', ***синявка*** 'гриб сыроежка', ***желтик*** 'гриб масленок', ***краснуха*** 'гриб рыжик', 'гриб сыроежка', ***черныш*** 'гриб подберезовик', 'гриб черный груздь' и др.

Большая часть простых, сложных и составных названий отражает цвет шляпки гриба. Названия гриба масленка - ***желтопузка*** - дано по цвету низа шляпки гриба, так как шляпка гриба сама "желтая или красновато-коричневая, покрытая обильно ржаво-коричневой слизью, *снизу светло-желтая*" [7: 35]. Названия белого гриба, связанные с белым цветом (***беловик, белый, беленький, беляк, белячок, белый боровик, белый грибок***), даны потому, что белая мякоть этого гриба не темнеет на изломе, при варке и "при сушке мякоть боровика в отличие от других видов грибов *остается белой*" [1: 59]. Название ***черныш*** 'гриб подберезовик' связано, с одной стороны, с цветом шляпки гриба, с другой - с тем, что при варке мякоть гриба чернеет: *Чарныш - кагда свариш, чарныш, он чарнеет* (Н.-Сок.).

В некоторых сложных по составу и составных наименованиях, связанных с цветом, наблюдается совмещение двух СМ 'цвет'→'гриб' и 'форма'→ 'гриб' (***желтопуп, желтопупик*** 'гриб масленок' - в названии есть указание на форму шляпки, верхушка которой имеет бугорок; ***красноголовец, красноголовик, красноголовка*** 'подосиновик'; ***красноголовый*** 'мухомор'). СМ 'цвет' → 'гриб' и

© Е.Б. Кузьмина, 2008

'предмет'→'гриб' (красная шапка 'подосиновик').

2) 'Место произрастания' → 'гриб': ***говнюха*** 'гриб навозник', ***дупляница*** 'нарост, гриб на стволе дуплистого дерева', ***дорожник*** 'гриб серушка', ***опёныш*** 'гриб опёнок' и др.

Как разновидность данной модели выделяется семантическая модель 'дерево' →'гриб': ***лозик*** 'гриб масленок', ***подлипень*** 'гриб горькушка', ***субересин*** 'гриб чага', ***еловик*** 'рыжик', ***ольховик*** 'гриб моховик', ***подорешник*** 'гриб моховик' и др.

3) 'Животное'→'гриб'.

Эта модель также продуктивна в псковских говорах. Названия грибов, связанные с названиями животных, могут выражать разные отношения:

а) сходство по цвету с животным: ***крысянка*** 'сыроежка серого цвета', ***лиса, лисица*** 'гриб лисичка';

б) сходство по форме с разными частями тела животного: шляпка гриба свинушки имеет сходство по форме со свиным ухом, поэтому в псковских говорах его называют ***поросяшка, свиница, свинка, свинуха, свинушка, свинья, свиное ухо.***

Гриб лисичка имеет сходство с гребнем петуха, поэтому его называют ***петух, петушок.*** Лисичку с менее изогнутыми и волнистыми краями шляпки называют ***курочка*** (у курицы нет гребня в отличие от петуха).

в) наименования могут отражать то, какие животные употребляют их в пищу: ***кобылка*** 'свинушка', ***козёл, козелок*** 'гриб масленок', ***козляк, козьяк, козьячок*** 'гриб козляк' и 'гриб масленок', ***конюх*** 'желтый или белый груздь', ***медвежик*** 'гриб шампиньон', ***лосиная губа*** 'черный груздь', ***медвежий гриб*** 'гриб шампиньон' и др.

г) наименования указывают на невозможность использования грибов в пищу: ***волчий табак, вороний сыр, вороньи яйца*** - названия гриба дождевика, который сельские жители считают несъедобным. Эти названия совмещают две СМ: 'животное'→'гриб' и 'предмет'→'гриб', только название ***волчий табак*** образуется на основе свойства, появляющегося после созревания (гриб дождевик рассыпается, как табак после созревания, и его споры похожи на частицы табака), а ***вороний сыр*** и ***вороньи яйца*** - на основе сходства по форме с предметом (сыр, яйца образно отражают форму гриба дождевика). Компоненты ***волчий, вороний*** встречаются и в названиях растений и ягод (***волчьи ягоды, вороний глаз*** и т.п.) и также указывают на то, что эти растения нельзя употреблять в пищу. Любые несъедобные грибы называют ***ужовы грибы;***

д) наименования указывают на ядовитость данного вида гриба для насекомого: ***мушник, мухомор, мухоморина, мухоморка, мухоморинка, мухоморный гриб, поганая мухомора*** 'гриб мухомор'. Мухомор приготовляют особым способом (пекут, поливают сметаной) и используют как ловушку для мух: *Мухоморы ни бяруть, грип с ядам сильным, его кагда спякём да на окошка поставим мух травить* (Вл.); *Красные главы и белые капушки - эта мухаморки, помазать сметаначкай, мухи и погибают* (Гд.).

4) 'свойство гриба'→'гриб'. В эту группу входят названия грибов, образованные на основе:

а) свойства, воспринимаемого зрительно и осязательно: наименования грибов ***гладуха*** 'гриб, похожий на сыроежку', ***гладыш*** 'вид гриба', ***голяшка*** 'вид гриба' даны по гладкой шляпке грибов.

Названия ***глушняк, глуховик*** 'вид гриба' связаны с тем, что у гриба шляпка срослась с ножкой.

Наименование ***сухой груздь*** дано белому подгруздку потому, что, в отличие от других видов груздей, он при надломе не выделяет млечный сок.

Названия ***дуб(п)лянка*** 'гриб горькушка', 'гриб опенок', ***дупляночка, дупляха, дупляшка*** 'гриб горькушка' отражают особенности строения ножки: *Дуплянка - сероватая, отрежешь - дырочка ф серетке* (Печ.) (ср. ***дупло*** в псковских говорах 'отверстие в грибах, корнеплодах').

Некоторые виды грибов (грузди, горькушки) при надломе выделяют белый млечный сок, похожий на молоко, поэтому их называют ***молоканник, молочай, молочёник, молочник:*** *Малошники есьть яшшо, разрежыш их, а с их малако идё* (Дед.).

б) свойство гриба по вкусовым признакам: ***горчашка, горькун, горькуха, горькуша, горькушка, горюха, горюша, горюшка*** 'гриб горькушка'.

в) свойство гриба, связанное с особенностями его применения: ***горюн, горюнок*** называют гриб трутовик потому, что его использовали в качестве трута для разведения огня (от глагола гореть); ***травительный гриб*** 'гриб мухомор' (грибом травят мух);

г) свойство гриба, воспринимаемое на слух: ***скрипун*** 'гриб скрипица', 'гриб валуй', ***скрипуха*** 'гриб дождевик'. Попадая в корзину, эти грибы трутся друг о друга и издают скрип: "В лесу скрипицы живут дружной компанией, а в лукошке им тесно, трутся друг о друга и *издают характерный скрип...* За это их и окрестили ***скрипицами, скрипухами, подскребышами***" [1:71];

д) свойства гриба, связанные с его употреблением в пищу: ***едобный гриб, едомый гриб, съедомый гриб, съестный гриб; неедобный гриб, неедомый гриб, несъестной гриб, благой гриб, отравный гриб, поганец, поганик, поганушка, поганыш, поганый гриб, поганышный гриб*** 'несъедобный гриб'. Наименования ***сыроега, сыроежка*** дано грибу потому, что его можно употреблять в пищу в сыром виде;

е) свойство гриба, которое появляется при созревании.

Гриб дождевик при созревании выбрасывает споры, сам он при высыхании превращается в

темную пыль, поэтому его называют: ***дымник, дымовик, пуфик, пухавка, пухарка.*** *На пухарку наступишь, особенно если старая, так пыль зеленая и летит* (Оп.); *Пухарки дуются, нажмешь, они - пух* (Порх.);

ж) свойство гриба, связанное с особенностями произрастания гриба: ***нарост, нарастель*** 'гриб трутовик' (растет на деревьях).

5) 'Предмет' → 'гриб'. Наименования образуются на основе сходства с предметом:

а) по цвету: ***матрешка*** 'гриб мухомор' (мухомор похож на матрешку, которая расписана обычно в красно-белые или красно-желтые тона); ***персик*** 'гриб рыжик' (рыжик схож по цвету с оранжевым южным фруктом);

б) по форме: гриб валуй похож на широкий глиняный сосуд, поэтому его называют ***кубышкой***; большая шляпка старого белого гриба дала название грибу - ***зонтик***;

в) по внешнему виду вообще: гриб дождевик в псковских говорах называют ***волчий табак, дедушкин табак, табачный гриб, чертов табачок.*** Названия грибов ***подрешетник, подрешетничек, подрешетовик, ситник, ситовик*** 'гриб козляк' даны по тому, что нижняя часть шляпки гриба похожа на решето, сито: *Падришотники такыя ситаватыи, шурнатинькыя, бутта капорачки, ета как упка* (Себ.); *Ситавик, падришотник яво называют, он растёт толька пад альховым и ракитавым кустам, где мох и вада, цвета жолтава, у ниво пат шляпкай сита, патаму ситавик* (Дн.).

6) 'Гриб' → 'подобный ему гриб': ***пагруздь*** 'гриб подгруздок', (существительные с архаической приставкой па- называют предметы, похожие на то, что названо мотивирующим словом, ср. падчерица 'неродная дочь' [8: 229], ***подобабок*** 'вид подберезовика', ***подборовик*** 'вид белого гриба' и др.

Среди названий грибов, образованных по данной СМ, выделяется группа наименований, которые обозначают противоположный хорошему, съедобному грибу ложный, часто ядовитый гриб, внешне похожий на съедобный: ***ложные опята, обманчистый боровик, фальшивый боровик.***

7) 'Имя собственное'→'гриб'.

Данная модель среди названий грибов встречается редко. В псковских говорах по ней образуется название гриба свинушки - ***дуняшка*** (от стилистически сниженного Дуняха). Как отмечает В.А. Меркулова, выбор имени для названия гриба зависит от эмоционально-эксперссивной окраски имени и частотности употребления имени в данной местности [6: 158].

В названии ***абрамова губа*** 'моховик' представлено имя библейского персонажа. Обращение к имени Абрама связано с представлением у славян о древнем происхождении мира грибов. Ср. у западных славян, украинцев, белорусов существует легенда о происхождении грибов, которая восходит к христианской легенде о том, как тайно от Христа св. Петр ел и выплюнул зерна ячменя, хлеб, оладьи, из которых и появились грибы [12: 549].

В псковских говорах выделяется еще несколько семантических моделей, отсутствующих в классификации В.А. Меркуловой.

8) 'время произрастания'→ 'гриб'. ***Колосовик, колосник*** - так в псковских говорах называют как любой гриб, появившийся во время колошения ржи, так и конкретный вид гриба (белый, подберезовик, подосиновик), появившийся во время колошения ржи. Эта же модель отражена в расчлененных названиях ***ржаной гриб*** и ***аржаной гриб***: *Аржаные грибы савсем ня расли, ани, када рош каласицца, растут* (Пск.). Названия ***брусьянка, брусянка, брусёнка*** получил гриб, вырастающий осенью, когда появляется брусника: *Их жарють толька, ани в зямле - брусёнки. Ета в осень ужэ слаткий-слаткий урыбок, пад осинь бываит* (Пуст.).

9) 'Способ приготовления, заготовки грибов'→ 'гриб': ***варёник, отварыш*** 'гриб, который необходимо отварить перед засолом', ***сушаник*** 'гриб, годный для сушки' и др.

Среди общих названий грибов по способу приготовления и заготовки всего один вид гриба назван по этой же модели - ***печура*** 'шампиньон'. Ф. Миклошич и М. Фасмер связывают этимологию этого названия с глаголом печь, отсюда исходное значение наименования - 'гриб, который пекут' [14: 256]. Единственное сомнение по поводу данной этимологии, высказанное исследователями, сводится к тому, что, как правило, суффиксы -ур(а) и -ер(а) присоединяются к именным основам, а не к глагольным. Но, возможно, это наблюдение говорит о недостаточной осведомленности об истории этих суффиксов в славянских языках [6:171].

10) 'особенности сбора грибов' → 'гриб': ***загрёб, подгрёб*** 'вид груздя', который растет кучками, и грибник "загребает" их в свою корзину. Название маленьких грибов - ***набирыш*** дано по тому, что нужно очень много собирать их, "набирать", чтобы наполнить корзину.

11) 'Ценность гриба' →'гриб': ***королевский гриб*** 'боровик', ***еврейский гриб*** 'лисичка', ***царский гриб*** 'белый груздь'.

12) 'Действие, вызываемое употреблением гриба в пищу'→'гриб': ***дристушка*** 'гриб сыроежка'.

Особенностью номинации грибов в псковских говорах является множество СМ, по которым образуются названия. Самыми продуктивными являются модели: 'цвет'→'гриб', 'место произрастания'→'гриб', 'свойство гриба'→'гриб', 'животное'→ 'гриб'. В псковских говорах отмечены СМ, по которым не образуются названия грибов в ЛЯ: 'предмет'→'гриб', 'имя собственное'→'гриб'.

Сравнение особенностей номинации грибов в русском языке и псковских говорах с номинацией грибов в украинских, белорусских, польских и ли-

товских говорах и языках (использованы данные атласов Белоруссии, Украины и Польши по диалектным наименованиям грибов и Русско-литовского словаря) позволило сделать следующие выводы.

Типологическое сопоставление русских названий грибов с белорусскими, украинскими, польскими и литовскими народными названиями грибов позволяет установить общие тенденции номинации грибов в данных языках: используются одни и те же продуктивные семантические модели (цвет, место произрастания, животное, свойство гриба, воспринимаемое зрительно, осязательно, на вкус и др.): ***красёнок, красноголовец, красноголовик, красноголовка, красный гриб*** 'подосиновик' (ср. блр. ***краснюк***, укр. ***краснюк, красноголовец, красноголовка,*** польск. ***czerwonoglowka, borowik czerwony, gryb czerwony, kozlar czerwony, czerwony lebiec,*** лит. r***audonikis, raudongalvis, raudongrybis, raudonvirsis, raudonvirsis baravykas*** (raudonas 'красный')), ***опенка, опенуш, опенушек, опеныш*** 'гриб опенок' (ср. блр. ***апенька***, укр. ***підпенька, підпеньок, підпінка,*** польск. ***opienka miodowa, bedlka opienka, podpienka, podpienek, лит. kelmutis*** 'опенок' (kelmas 'пень')), ***мушник, мухомор, мухоморина, мухоморка, мухоморинка, мухоморный гриб*** 'гриб мухомор' (ср. блр. ***мухамор***, укр. ***моримух, моримуха, мухаір, мухамор, мухотрутка, мушарка, мушник,*** польск. ***muchar czerwony, muchorowka, muchotrutka, muszorka, muchoraj, muchota, marymuch,*** лит. ***musmire*** (muse 'муха', mire 'умерла'), ***боровик*** 'белый гриб' (ср. блр. ***баравик***, укр. ***боравик***, польск. ***borowik szlachetny, gryb borowy,*** лит. ***silabude, silagrybu*** (silas 'бор').

Однако в разных языках выделенные СМ имеют разную продуктивность. Так, в белорусских и литовских говорах и языках, как и псковских говорах, большее количество названий грибов образовано по СМ 'цвет' → 'гриб' (большое количество соответствий отмечено среди миконимов, образованных от прилагательных красный, рыжий, черный. Меньше соответствий в названиях грибов, образованных от прилагательных белый, серый, синий (а в польском и литовском языках таких образований не зафиксировано). Только в русском, украинском и белорусском языках от прилагательного белый образованы названия гриба боровика (ср. пск. ***беловик, белый, беленький, беляк, белячок, белый боровик, белый грибок,*** блр. ***белы грыб,*** укр. ***білик, біляк, білій гриб***).

В польском языке на первом месте по продуктивности СМ 'животное' → 'гриб' (затем СМ 'свойство гриба' → 'гриб' и 'цвет' → 'гриб'), а в украинских говорах самая продуктивная СМ 'свойство гриба' → 'гриб'. На втором месте по количеству наименований грибов в белорусских и украинских говорах - СМ 'животное' → 'гриб', на третьем - 'свойство гриба' → 'гриб' и 'место произрастания' → 'гриб' соответственно (в литовском более продуктивна СМ 'свойство гриба' → 'гриб', а чуть менее продуктивна СМ 'животное' → 'гриб').

Интересно, что самое большое количество наименований грибов, образованных по довольно "редкой" СМ 'предмет' → 'гриб', представлено в украинском языке - ***вовча табака, злодійська табака*** 'гриб дождевик', ***решітка, решетник, решетняк, сітник*** 'гриб козляк'.

При том, что названия грибов в указанных языках образуются по одним моделям, образы, которые кладутся в основу номинации, могут несколько различаться. Так, гриб лисичка имеет сходство с гребнем петуха, поэтому в псковских говорах его называют ***петух, петушок*** (ср. лит. ***gaidelis*** 'гриб лисичка' (gaidys 'петух'), в польском название лисички дано по форме лапы курицы ***kurka, kurajka, kura nozka, kura stopka***). Особенно это отличие прослеживается между славянскими и литовскими названиями грибов. Ср. наименования гриба лисички в славянских языках даны по сходству цвета гриба с окраской лисы (блр. ***лісічка,*** укр. ***лисичка,*** польск. ***lisica, liszka, lasiczka,*** пск. ***лиса, лисица*** и др.), а в литовском - по сходству с окраской белки (лит. ***voveraite, voveruska*** 'лисичка' (vovere 'белка')).

Самое меньшее количество соответствий отмечено в названиях грибов, образованных по СМ 'предмет' → 'гриб'. Вероятно, это связано с различиями в языковой картине мира и быте разных народов. Ср. образы, положенные в основу номинации в литовском языке и говорах ***simtakamaris*** 'строчок' (simtas 'сто', kamara 'чулан'), ***kempine*** 'трутовик', ***berzine kempine*** 'березовый трутовик' (kempine 'мочалка'), ***bobausis*** 'строчок' (boba 'баба', ausis 'ухо'), ***cerpëtasis dyglutis*** 'ежовик пестрый' (cerpe 'черепица')).

Не обнаружено соответствий в псковских, белорусских и украинских говорах в названиях, образованных по СМ 'имя собственное' → 'гриб', а в польских и литовских говорах использование данной модели для наименований грибов не отмечено.

Большая часть названий представлена лишь в отдельных языках, среди них есть абсолютные соответствия, но чаще наименования различаются словообразовательной оформленностью. Только в псковских и белорусских говорах употребляются - ***кобылка*** 'свинушка' (блр. ***кабылка***), ***горькуха*** 'гриб горькушка' (блр. ***гаркуха***), ***серушка*** 'пластинчатый гриб серого цвета' (блр. ***шарушка***); только в псковских и украинских - ***вороний сыр*** 'дождевик' (укр. ***воронячий сыр***), ***дупляница*** 'нарост, гриб на стволе дуплистого дерева' (укр. ***дуплянка***), ***скрипун*** 'гриб скрипица' (укр. ***рижок-скрип, скрипух, скрипей***), ***белянка*** 'белый груздь' (укр. ***білка, білуга, білун, біль***); только в псковских, белорусских и украинских говорах употребляются названия - ***рядовка*** 'гриб рядовка' (блр. ***радоука***, укр. ***рядовка***), ***подрешетник, ситник, ситовик*** 'гриб козляк' (блр. ***рашэтнік***,

укр. ***решітка, решетник, решетняк, сітник***); только в псковских, белорусских, украинских и польских говорах - ***масленик, маслуха, маслюк, масляк, маслянка, масляшка*** (блр. ***масляк, маслюк***, укр. ***масляк, маслюк, масляник,*** польск. ***borowik maslak, maslacz, maslach, maslarz, masloch, maslicha***), ***говнюха, навозный гриб, навозные губы*** 'гриб навозник' (блр. ***гноявоз***, укр. ***гнойовик***, польск. ***gnojowka, gnojak***), ***подосиновик, подосинник, подосиновец, подосинок*** 'гриб подосиновик' (блр. ***падасінавік***, укр. ***осиковик, підосиковик,*** польск. ***osak, osiniak, osiczak, podosiniak, podosowik***), ***моховик, мшорнак*** (ср. блр. ***імшарнік,*** укр. ***моховик, підмошник,*** польск. ***mchownik zielony***), только в русских, белорусских, украинских и литовских говорах - ***зелёнка, зеленцы, зеленуха, зеленушка*** 'зеленушка' (блр. ***зялёнка,*** укр. ***зеленушка, лит. zalioke*** (zalias 'зеленый'), ***zalsvasis batikas***), только в русских, украинских и литовских говорах - ***волчий табак*** 'гриб дождевик' (ср. укр. ***вовча табака,*** лит. ***vilktaboke*** (vilkas 'волк', tabakas 'табак')), только в псковских и польских говорах - ***пухавка*** 'гриб дождевик' (польск. puchawka), только в русских и литовских говорах - ***петух, петушок*** 'гриб лисичка' (лит. ***gaidelis*** 'гриб лисичка' (gaidys 'петух'), ***морщак, морщок*** 'гриб сморчок' (лит. ***gniaaztenis*** 'гриб сморчок' (sugniauzytas 'сморщенный')).

В отличие от русских наименований в СМ 'ценность гриба' → 'гриб' обнаружены соответствия между украинскими, польскими и литовскими языками и говорами: укр. ***панна*** 'волнушка', польск. ***rydz pansk***i 'рыжик', лит. ***poniabud*** 'гриб весёлка' (ponia 'пани')).

Среди литовских названий грибов отмечены явления адстратного характера. Так, гриб масленок в литовском языке называют ***kazlekas*** (ср. в псковских говорах ***козляк, козелок, козленок*** и др.), белый гриб называют ***baravekas*** (ср. русск. ***боровик***). В литовском языке слово ***baravekas*** имеет расширенное употребление: оно входит в состав названия любого гриба рода Boletus, к которому относится и белый гриб: подосиновика, козляка, моховика, синяка.

Наименования грибов, которые имеют абсолютные соответствия в указанных языках (для одного вида гриба используется одна СМ и совпадает образ, положенный в основу названия), являются наиболее древними (относятся к периоду общеславянского и балто-славянского единства).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андрест Б.В. Грибное лукошко. - М.: Экономика, 1978.
2. Вассер С.П. Съедобные и ядовитые грибы Карпат. - Ужгород: Карпаты, 1990.
3. Зерова М.Я. Атлас грибів України. - Київ: Наукова думка, 1974.
4. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М.: Наука, 1975.
5. Майданова Л. М. Структура и композиция газетного текста. - М., 1979.
6. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. - М.: Наука, 1967.
7. Пономарев А.И. Тебе, грибник. - Л.: Лениздат, 1992.
8. Русская грамматика. - М.: Наука, 1980. Т. I.
9. Русско-литовский словарь: В 4-х т. - Vilnis: Mosklas, 1982 - 1985.
10. Сержанина Г.И. Шляпочные грибы Белоруссии: Определитель и конспект флоры. - Минск: Наука и техника, 1984.
11. Сержанина Г.И., Яшкин И.Я. Грибы.- Минск: Наука и техника, 1986.
12. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под. ред. Н.И.Толстого. - М.: Междунар. отношения, 1995. Вып. I.
13. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка.- М.: Наука, 1968.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. - М.: Прогресс, 1986.
15. Dermek Aurel Gryby.- Warszawa: Sport i turystyka, 1981.

А.И. Лаврищев, *аспирант кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета.*

УРОВЕНЬ ВОСПРИЯТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СТУДЕНТАМИ ПЕРВЫХ КУРСОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМЫ "ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ" В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)

В данной статье приведены результаты исследования уровня восприятия лингвистической теории студентами первых курсов нефилологических специальностей на материале темы "Имя существительное" в русском и английском языках.

Одним из важнейших показателей развития учащихся является осознанное восприятие ими теории языка, понимание сущности лингвистических понятий. Н.Е. Букина [Букина, 1971:25] выделяет следующие три уровня усвоения учащимися морфологических понятий.

Первый уровень (низший): знание признаков морфологических понятий; знание приема учебной работы; умение применить прием учебной работы; определение грамматических форм в случаях соответствия между лексическим значением и грамматической формой слова.

Второй уровень (средний): знание признаков морфологических понятий; знание приема учебной работы; умение применить прием учебной работы; определение грамматических форм в случаях несоответствия между лексическим значением и грамматической формой слова.

Третий уровень (высший): осознание системы понятий (данного понятия в системе понятий); перенос приемов учебной работы; разграничение омонимичных форм разных частей речи и форм, имеющих ряд общих грамматических показателей.

Очень часто студенты первых курсов нефилологических специальностей оказываются на низшем уровне усвоения грамматических понятий. Они с трудом воспринимают лингвистические тексты, заучивают грамматические определения и правила механически, не понимая содержания написанного или услышанного.

В опросе, который проводился в течение двух лет, участвовали студенты трех факультетов нефилологических специальностей Орловского государственного университета. Среди них: юридический факультет - первый курс - 172 человека, факультет экономики и управления - первый курс - 184 человека, факультет экономики и управления - второй курс - 177 человек. Итого в тестировании приняли участие 533 человека.

Результаты исследования показали, что в среднем 73% учащихся понимают содержание всех правил (определений) учебника русского языка, некоторых - 23% опрошенных. Затруднились ответить 2% студентов. Следующая сравнительная таблица ответов свидетельствует об уровне осознания студентами лингвистической теории учебника.

© А.И.Лаврищев, 2008

Таблица 1

Понимаете ли вы содержание правил (определений)? Почему?	1-й курс Юридический факультет	1-й курс Факультет экономики и управления	2-й курс Факультет экономики и управления
	% студентов		
- Да	70	75	75
- Нет	3	3	3
- Не всегда	25	22	21
- Затрудняюсь ответить	3	-	1
Не объяснили, почему	2	-	-

Результаты опроса студентов первых курсов нефилологических специальностей показывают, что каждый четвертый учащийся имеет трудности с осознанием правил русского языка. На наш взгляд, это обусловлено недостатками многолетнего формального обучения предмету. Полученные данные - своеобразный итог развития мыслительных и языковых способностей за все годы изучения русского языка в школе или (что вполне вероятно) более самокритичный и осознанный взгляд на процесс осмысления сущности изучаемых определений и правил.

Затруднения в понимании лингвистической теории учебника студенты разных факультетов объясняют в целом одними и теми же причинами: трудностью темы ("Не совсем понимаю тему"); сложностью правила и необходимостью его объяснения преподавателем ("Без объяснения плохо знаешь о том или ином правиле"); наличием в правиле непонятных слов ("Написано очень мудреным языком"); большим количеством исключений ("В учебнике много ненужных дополнений, усложняющих обучение учащихся"); качеством и количеством примеров ("Иногда не очень понятно изложена суть или примеры не очень интересные и понятные"); громоздкостью, запутанностью, неясностью правил ("Часто предложения очень громоздкие. Приходится читать правило два раза."). Многие из опрошенных полагают, что понять правило - это значит запомнить его. В итоге осмысленное усвоение правила подменяется его механическим воспроизведением.

Для достоверности исследования, проверки полученных результатов был проведен констатирующий срез с элементами тестирования среди всех 533 студентов указанных факультетов. Испытуемым предстояло выполнить задание, проверяющее восприятие ими лингвистического текста: прослушать текст и ответить на вопросы теста. Лингвистических текстов было два: один по русскому языку и один по английскому языку. Каждый из них прочитывался преподавателем вслух только один раз. Затем студенты отвечали на вопросы теста.

Задание 1.
Тест на понимание текста
"Имя существительное как часть речи"

Текст.

Имя существительное занимает одно из главных мест в нашей речи: существительным является почти каждое второе слово. Существительные обозначают конкретные предметы окружающего мира (дом, картина, телевизор), живые существа и растения (юноша, кошка, ворона, сосна), явления природы (вьюга, радуга), общественные явления (восстание, парад, забастовка), вещества (золото, нефть, газ), географические названия (Россия, Байкал, Урал).

Слова, которые обозначают свойства, качества, действия или состояния, тоже могут быть именами существительными. Например: синева, доброта, глупость (свойства, качества); бег, решение, толкотня (действия); сон, лень, волнение (состояния). Эти слова не обозначают конкретных примеров, но отвечают на вопрос что? и имеют значение предметности.

Имена существительные бывают собственными и нарицательными, одушевленными и неодушевленными; мужского, женского и среднего рода. Имеют три типа склонения. Большинство имен существительных изменяется по падежам и числам. В предложении имена существительные чаще всего являются подлежащими или дополнениями.

Тест.

Выберите один правильный ответ.

1. Имена существительные а) обозначают только конкретные предметы окружающего мира; б) изменяются по падежам и числам; в) не называют предметы, а только указывают на них.

2. Имена существительные а) изменяются по родам, имеют падеж и число; б) изменяются по родам, падежам, числам; в) относятся к мужскому, женскому или среднему роду и, как правило, изменяются по падежам и числам.

3. Имена существительные а) в предложении чаще всего являются определением; б) в предложении чаще всего являются подлежащим и дополнением; в) не являются членами предложения.

Текст.

The noun denotes thingness in a general sense. Thus nouns name things (book, table), living beings (man, tiger), places (valley, London, England), materials (iron, oil), processes (life, laughter), states (sleep, consciousness), abstract notions (socialism, joy) and qualities (kindness, courage).

Semantically all nouns fall into proper and common nouns. Proper nouns are geographical names (New York, the Thames, Asia, the Alps), names of the months and the days of the week (January, Sunday), names of planets (the Moon, the Sun, the Earth), names of ships, hotels and clubs (Sheraton Hotel), of buildings, streets, parks, bridges (Buckingham Palace, Trafalgar Square, Regent Street, Charing Cross Road, Piccadilly Circus, Kensington Garden, Hyde Park, Waterloo Bridge) and so on. Common nouns can be classified into nouns denoting objects that can be counted and those that cannot.

According to their morphological composition nouns can be divided into simple, derived and compound. Morphologically nouns are characterized by two grammatical categories: the number and the case. There are countable and uncountable nouns in the English language. Only countable ones are singular or plural. Case is a grammatical category which shows relation of the noun with other words in a sentence. English nouns have two cases: the common case and the genitive case.

Тест.

Выберите один правильный ответ.

1. Semantically all nouns fall a) into two groups; b) into 3 groups; 3) into 4 groups.

2. Singular or plural are a) only countable nouns; b) only uncountable nouns; c) both countable and uncountable nouns.

3. English nouns have a) one case; б) two cases; в) three cases.

Отметим, что достаточно обширная характеристика имени существительного, представленная в тексте на английском языке, типична для грамматических пособий, используемых только на филологических факультетах. Тем не менее нами специально был приведен этот текст, поскольку его смысловая наполненность (в плане сложности) не уступает тексту на русском языке. Использование пособий, предназначенных для студентов нефилологических специальностей, не позволило бы это сделать. Естественно, это в определенной мере сказалось на полученных итогах работы с англоязычным текстом. Однако, представленное в нем достаточное количество примеров, на наш взгляд, облегчило его восприятие учащимися.

Результаты работ показали, что уровень восприимчивости студентов к лингвистическим текстам на русском языке достаточно высок, в отличие от результатов работы с текстом на иностранном языке (что было для нас ожидаемо).

Таблица 2

Выполнение тестов	Русский язык	Английский язык
	% студентов	
Правильно ответили на все вопросы	67	12
Правильно ответили, но не на все вопросы	24	19
Всего справились с тестом	91	31
Не справились с тестом	9	69

Такое задание, как "тест на понимание прослушанного текста", принято относить к группе логико-грамматических упражнений. В рамках данного раздела студентам было предложено еще одно задание из этой же группы, а именно "тест на классификацию".

Уточним, что данный тест по английскому языку по своей типологии и дидактическому наполнению аналогичен заданиям на русском языке. При выборе лексики по английскому языку мы руководствовались следующим. Изучение английского языка на первых курсах факультетов нефилологических специальностей - это во многом повторение материала, изученного студентами во время обучения в средней школе. Таким образом, лексический запас студента-первокурсника ограничен определенным списком тем, таких как: 1) Национальность; 2) Еда и напитки; 3) Семья; 4) Дом (включая предметы мебели) и т.д.

Как следствие, лексика для обоих языков и всех заданий данного параграфа должна быть хорошо знакома студентам. В целом перед нами не стояла задача усложнить работу студентов, дав им задания, с которыми они заведомо бы справились с большим трудом (или совсем не справились).

Задание 2.

Тест на классификацию

Тест

А. Распределите по тематическим группам существительные, называющие людей по характерному для них 1) действию, 2) предмету деятельности, 3) признаку, 4) научному направлению, 5) месту жительства, 6) принадлежности к национальности, 7) лиц женского пола.

Пловец, стекольщик, сибиряк, связист, славяне, хитрец, водитель, биохимик, сварщик, пушкинист, болтунья, монетчик, малыш, лингвист, умница, чужак, орловец, студентка, француз.

Б. Заполните таблицу, используя слова, представленные ниже.

Белизна, заморозки, сотня, корабль, ивняк, парад, писатель, чернила, клен, лиса, золото, человечество, стюардесса, доброта, капель, пятерка, забота, жаворонок, дрожь, восстание.

Предметы окружающего мира	
Люди	
Вещества	
Животные	
Явления природы	
Общественные явления	
Действия и состояния	
Качества	
Количества	

Тест

A. Divide the nouns (denoting people) into groups according to 1) nationality, 2) profession, 3) education 4) kind of sport, 5) place of living.

Polish, Muscovite, a footballer, an accountant, Russian, a student, a baker, Parisian, a swimmer, a pupil.

B. Fill in the table using the words below.

London, a monkey, freedom, thunder, a wardrobe, a photograph, a pizza, jeans, snow, a whale, silence, a cucumber, a stewardess, a sweater, a carpet, Rome, rain, a fox, a sofa, kindness, New York, a T-shirt, a writer, a potato.

Furniture	
People	
Cities	
Animals	
Weather	
Food	
Quality	
Clothes	

Таблица 3

Выполнение тестов	Русский язык	Английский язык
	% студентов	
Без ошибок распределили по группам и верно заполнили таблицу	44	16
С ошибками распределили по группам и заполнили таблицу	45	42
Всего справились с тестом	79	58
Не справились с тестом	21	42

Данные таблицы свидетельствуют о недостаточно успешном выполнении испытуемыми заданий теста в целом. Его первая часть (как в русском, так и в английском языках) оказалась предсказуемо легкой для восприятия студентами. В обоих случаях учащиеся в первую очередь стараются распределить существительные по тем нескольким группам, которые являются более легкими для восприятия, чем остальные. К ним относятся такие группы, как: 1) национальность; 2) место жительства; 3) лица женского пола - русский язык и: 1) nationality (национальность); 2) profession (профессия); 3) kind of sport (вид спорта). Процент учащихся, сделавших ошибки, в том числе и в этих группах существительных (отнесение при этом, например, слова "орловец" в категорию "национальность"), невелик.

Вторая часть теста, по сравнению с первой, вызвала гораздо большие затруднения у испытуемых. Особенно это касается задания на материале английского языка. Как показало исследование, часто некоторые слова (такие как "a wardrobe" ("гардероб"), "silence" ("тишина", "молчание"), "kindness" ("доброта"), "a whale" ("кит")) вообще не были опознаны и переведены на русский язык учащимися и, как следствие, были распределены по тематическим группам наугад.

При выполнении заданий на материале русского языка процент студентов, справившихся с тестом, ощутимо выше, чем при выполнении заданий на материале английского языка. Однако и здесь с сожалением констатируем, что каждый пятый учащийся не справился с заданием. Типичными ошибками были следующие: 1) определение существительного "забота" как "качество", а не "действия и состояния" (13% опрошенных); 2) отнесение слова "золото" в группу "предметы окружающего мира", а не "вещества" (9% студентов); 3) классификация существительного "заморозки" как "состояния" вместо "явления природы" (7% испытуемых).

Отметим, что, как и в случае с первой частью теста, во второй есть тематические группы, дифференцируемые студентами успешнее, чем остальные. В русском языке это: 1) люди; 2) животные; 3) явления природы. В английском языке: 1) people (люди); 2) cities (города); 3) food (еда).

Таким образом, полученные результаты показали, что уровень восприятия лингвистической теории (как по русскому, так и по английскому языкам) студентами первых курсов нефилологических специальностей невысок и требует специального внимания педагогов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Букина Н.Е. Проверка усвоения системы морфологических понятий учащимися средней школы: Автореф. дис. …канд. пед. - М., 1971. - 28 с.

2. Кобрина, Н.А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис: Учебное пособие для студентов педагогических институтов и университетов [Текст] / Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева. - СПб.: Лениздат: Союз, 2001.- С. 188 - 192.

A.I. Lavrishchev

THE LEVEL OF LINGUISTIC THEORY PERCEPTION BY FIRST-YEAR STUDENTS.

The article presents the results of the level of linguistic theory perception by first-year students of non-philological specialties analysis.

Л.В. Недоступова, *заведующая организационно-методическим отделением ОГУ "Центр социальной помощи семье и детям г. Воронежа", соискатель кафедры общего языкознания и методики преподавания русского языка Воронежского государственного педагогического университета.*

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОВОРЕ ПОСЁЛКА ГОРОДСКОГО ТИПА ТАЛОВОЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье описана диалектная лексика тематической группы "Семья". На примерах терминов родства показана вариативность диалектных единиц, связанная с особенностями позднего заселения, специфика диалекта посёлка Таловая Воронежской области.

Центр Таловского района Воронежской области - посёлок городского типа Таловая - находится в 197 км от областного центра, на водоразделе рек Битюга и Елань.

В 1982 году при возведении железнодорожной линии от Харькова до Балашова была заложена станция Таловая [1: 6, 11]. Станция получила своё название от балки и небольшой речки, протекающей по ней, по берегам которой были заросли кустарникового растения тальника.

Первые жители Таловой - строители железной дороги - местные крестьяне и наёмные рабочие. Затем сюда переехали русские и украинцы из Бутурлиновского района, ранее переселившиеся из Московской, Полтавской и Харьковской областей, поэтому коренное население изначально было смешанным, что обусловило возникновение гетерогенного диалекта. В 12 км от Таловой находится научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени В. В. Докучаева [2: 5].

По данным 2006 года, сейчас здесь проживают 13 500 человек, в т.ч. 500 человек недавних переселенцев: русских, украинцев, грузин, азербайджанцев.

Целью данной работы является описание лексики по теме "Семья и семейные отношения" в исконном русском диалекте посёлка городского типа Таловой. Материалом послужили записи, произведённые автором в 2007 - 2008 годах от двух диалектоносителей: Бочарникова Виктора Яковлевича и Юрьевой Есфири Анатольевны. Предки В.Я. Бочарникова переехали в Таловую из села Козловки Бутурлиновского района Воронежской области, предки Е.А. Юрьевой - из села Озёрки Бутурлиновского района Воронежской области.

Семья - это группа живущих вместе родственников, объединение людей, сплочённых общими интересами. Являясь одним из основных институтов общества, семья развивается и видоизменяется вместе с окружающим миром, по-своему реагируя на требования времени, отвечая на общественные потребности и сама формируя их. "Большая деревенская семья отмирает, ослабевают и родственные связи, появляются всё больше производственные или дружеские отношения. На наших глазах теряется и исчезает терминология" [6: 278]. Появляется и вырабатывается постепенно иная система для обозначения понятий.

Интерес к данной теме не случаен, поскольку диалект пгт Таловой представляет собой говор, в котором в связи с особенностями позднего заселения отмечается повышенная вариативность диалектных слов.

Общие термины родства здесь представлены следующими лексемами: ***род, родовина*** - 'семья, близкие родственники, родня, потомство; общие наследственные черты, присущие родственникам': *Наш рот, наша радавина бальшая, нас была двянацать дитей, фсе мы дружныи. В нашай радавини фсе трудяси, так ат дядоф и прадидаф паш-*

© Л.В. Недоступова, 2008

ло (1)1; ***семьища*** - 'очень большая семья': *Тады сямьищи агромныи были, эт щас пирястали ражать.*

Группу слов, обозначающих кровное родство, содержат следующие лексемы:

Батяня - 'отец'; 'ласковое обращение к отцу': *Батяня наш на пенсию пашёл, боли Сарака лет атработал, типерь няхай дома работая и аддыхая* (1).

Папашка - 'отец': *Папашка наш паляводам был, эт как щас аграном. Так нас и звали "паляводавы"* (2).

Мамака - 'мама, мать': *Мамака работала ф поли, уйдеть рана-рана и вернитца позна-позна* (2).

Мамуня - 'ласк. мама, мамочка': *Наша мамуня была добрая-придобрая. Нас никада ни абижала, ток фсех жалела* (2).

Матря - 'мать': *Мы с матрей летам палоть хадили свяклу ф полю, тады фсе дети дюжа памагали радитилям* (2).

Дочерь - 'дочь': *Старшая дочерь забалела, и никак ана ни паборя балезню, скок лет ана ие мучия* (2).

В значении 'ребёнок, дитя' используются две лексемы: ***дитё***: *Ана, мая дитё, сток пирвидала, пирстрадала* (2); ***дитёнок***: *Дитёнак у Ленки славный, расхароший* (2). В значении 'грудничок, маленький ребёнок, малютка, крошка' употребляется лексема ***ляля***: *Ляля у наших саседей славная дяфчушка, щас тут у бапки астюють* (2).

Последнего ребёнка называют ***последушек***: *Валя у нас пасследушик. Ничао ана, бидняшка, ни видала: атец радной помир, а дитей у мине многа асталася, да ишшо старая бабуня* (2).

В значении 'двойня, близнецы' употребляются лексемы ***двойняшки***: *У Райти радились тады двайняшки, а жили в аднакомнатнэй квартири. Ох и чижало ей была. Тут тады йим дали новая трёхкомнатнаю квартиру* (2); ***двойнята:*** *Барис и Виня у Лапасихиных двайнята, как адин помир, фтарой долга биз няго ни пратянул* (1); ***близняшки***: *Близняшки фсяды друг за другам ходють, дюжа ани привязныи па природи друх к другу* (1).

Для называния бабушки в говоре используются лексемы ***бабуня***: *Мы, бувала, с бабуней ф сат хадили збирать яблати, алычу* (2); ***бабунька***: *Наша бабунька, бядняшка, с нами даживала. Дет рана помир, дитей многа асталася, йисть дюжа нечига была. Жили как, ня дай бох никаму так жить* (2).

Понятие 'брат' передают следующие лексемы:

Братка - 'брат': *Братка Осьтя на вайне пагип, пахаронку нам с фронта прислали* (1); 'ласковое обращение к брату': *Радной мой, братка, прашу тибе, ня брось ты нас* (2); 'старший брат по отношению к младшим (детское)': *Я рани папрашу: "Братка, вазьми мине с сабой на трахтари пакатацца"* (2); 'двоюродный брат': *Братка Толик фсяды памагнуть был гатоф, дядякин сын, уж дюжа он был добрай* (1).

Братень - 'брат': *У мине дваюродный братень как родный, мы с ним очинь дружим* (1).

Брательник - 'брат'; 'вежливое обращение к брату'; 'младший брат'; 'двоюродный брат'; 'троюродный брат': *Мы з брательникам фсю жизню дружим, када нада памагаим друг другу* (1).

Братейник - 'брат'; 'младший брат': *Мой братейник Мусаил рана бяз матри астался, некаму была памочь. Каму сирата нужён?* (1).

Братушка - 'брат (ласковое)': *Братушку маво парлизавала, третий от ня ходя, жана за ним ухажвая* (1).

Наряду с литературным словом 'дядя' в диалекте функционируют лексемы ***дядяня, дядяка***: *У мине был дядяня Миша, он работал паляводам, патом трахтаристам* (1); *Атец рана помир, майим дятям дядяка фсягды памагал* (2).

Многозначно в говоре слово ***маманя*** - 'крёстная мать' (также именуется ***крёска***: *Крёска Витина мая типерь в горади живее, ретка прияжжая* (2)), 'родная тётя', 'жена родного дяди': *У мине маманя добрая: фсягда ана мине паздравляла з днём раждения, фсягда жалела, хоть у ней свайих четвира дитей* (1); *У мине па аццовай линии чатыри мамани, вить у няго чатыри сястры и ишшо маманя пап Сашина - жана дяди, значит пять маманей да крёска маманя* (1).

Племянницу именуют ***племенница***: *Я рани плименницу на машинти учила шить, дюжа ей хателася научитца* (2).

Понятие принадлежности передают следующие лексемы:

'Принадлежащий родителям, родительский' - ***родителев***: *Радитилеф дом ни сахранился, там на усадьби пастроилси Толик, Миштин сын. Дамок энтат старый стал, а места ниплахая, вот и ряшил Мишка тут пирястроитца. Паставили дамок сабе и сыну* (2).

'Принадлежащий отцу, отцов' - ***батин***: *Батин завет я долга помнить буду. Он гварил: "Дети маи, живитя так, чоб нам с матрий за вас никада не была стыдна"* (1); ***батянин***: *Батянин конь был такой сильный, но характирный. Абы каго к сабе он никада ни патпускал* (2); ***папанин***: *Папанин двор типерь стал саврименным. Фсё измянилася: дом пирястроили мать с братам, забор паявилси. А тады вить адна нужда была, чо аб этам гаварить* (1); ***папашкин***: *Папашкины с Милиными фсяды дружили, у них вить атец с вайны ни пришёл, а тут хоть дитей многа была, ну с батей жили. Вот так и памагали, а куды была дяватца. Папашкин рот фсе дружныи, хоть в горю, хоть в радасть, а фсяды вмести* (1).

'Принадлежащий матери' - ***матрин***: ***Матрин кавёр да сих пор у нас хранитца, ёй яго с Истонии Юля привязла*** (1); ***мамакин***: *Мамакины сёстры фсе дружныи были, дилавыя* (2); ***мамунин***: *Мамунин савет фсягда ф серце у мине, фсё ана придвидила, аба фсех пяклась* (2).

'Принадлежащий бабушке, бабушкин' - ***бабунин***: *Бабунин дом развалили, а там пастроилась унучтя Таня* (2); ***бабанин***: *Ох и любили мы тады бабанин борш йисть, такога нихто ни гатовил больши* (2); ***бабкин***: *Бабкин двор мне часта снитца* (1); ***бабтин***: *У нас ф чулани долга висел баптин пинжак плюшвай, а тады яго дяфчаты вытинули, гваря ни нужон* (2).

'Относящийся к дочери' - ***дочернин***: *Када ни балела, дочернин агарот фсяды чистый был, ни саринти, ни травинти. Уш работать ана любила* (2); ***дочтин***: *Платок дочтин пуховый такой тёплый, каза у ней была харошая, пух с ней дюжа удачнай был. Боли ни разу такога у ней не было* (2).

'Принадлежащий брату' - ***браткин***: *Браткин кот у нас ва дваре мышей лофка лавил, у няго нюх какой-та асобай* (1); ***братанов***: *Братанова жана забалела, инсульт у ней был, ели аткахали врачи* (1): ***брательников***: *Брательникаф прицеп нас фсю лету выручал, с агарода на нём картохи и свяклу пирвазили* (1).

'Относящийся к дяде' - ***дядянин***: *В дядянин сат фсягда мы бувала бегали, там ранетки фкусныи расли и груши* (2); ***дядякин***: *Дядякин дом на Малинковай щщиталси багатым. Он работал шофирам, зарабатвал харашо, а дитей у них не было* (2).

'Принадлежащий внуку' - ***унучтёв***: *Унучтёф сынок уш скора школу конча, радитилям хлапот прибавитца: нада устрайвать паступать у институт* (2); ***унуков***: *Сын унукаф фсяды мине ласкава: "Бабунь, бабунь, как у тибя дяла, как здаровия?". Дюжа он жаланнай* (2).

Понятие 'двоюродный' обозначается в таловском диалекте тремя лексемами - ***двоеродный***: *Двареродный братка биз Жаны астални, умярла ана два года назат, харошыя была жэншина, трудяга* (1); ***двоюрный***: *Двоюрный брат нядавна прилятел из Израиля, там яму делали шунтирванье, апирацаю на серце* (1); ***двоёрный***: *Тёткин муш, мой двоёрный дятька, был глуханямым, и ана тожа. А вот дети йихнии абоя гваряшшии* (2).

Группу слов, обозначающих некровное родство, составляют следующие диалектные лексемы:

Сам - 'муж': *У мине сам в доми атаплению пиряделал* (2).

Сама - 'жена': *Сама у мине прихварвая, я в аснавном работаю, а у ней то серце, то давления* (1).

Жёнов - 'относящийся к жене': *Жёнаф атец дилавой чилавек, он хароший плотник, сыну дом пастроил и сабе врямянку новаю* (1).

Мужов - 'принадлежащий мужу, мужнин': *Этат вилисапет мужаф, тот вон сынаф* (2).

Слово ***сватья*** многозначно - 'родственница жениха или невесты'; 'крёстная мать'; 'сваха'; 'подружка или приятельница': *Нядавна сватья мне званила, сказала, скора приедя* (1).

Сваточек - 'сват': *У мине сваточек работяга, у няго хазяйства бальшая, стараютца дятям памагнуть, када мош дяньгами, када прадуктами* (2).

Шуряк - 'брат жены': *Мы с шуряком вмести долга работали на машинах* (1).

Своячина - 'сестра жены, свояченица': *Своячина мая работала учителем физики ф школи, ана как институт кончила, там и работая. Дети йие хвалють, ана маладец* (1).

Своячница - 'свояченица, родственница': *Мая сваячница нядавна приязжала, гастинцаф папривязла, ана вить давно ни была у нас* (2).

Выделение единичного из ряда однородных отражается в уличных прозвищах, "с принятием христианства индивидуальность стирается, отсюда и определённое количество прозвищ, которые призваны выделить человека из ряда ему подобных. Это значительно облегчает общение, позволяет выполнить основное предназначение именования - выделить субъект, показать в имени своё отношение к тому, что оно называет, выразить это отношение, дать оценку субъекту" [6: 279]. В таловском говоре зафиксированы интересные женские прозвища по имени мужа:

Колюшиха - 'жена по имени мужа Коли': *Калюшиха двянацать дитей радила, шестира памёрла, а шестира выжили. Фсе в люди вышли, дочь директарам школы стала, астальныя тожа в жизни нашли месту* (2).

Ильичиха - 'жена по имени мужа Ильи': *Ильичиха была очинь красивая, смуглая. Красату ана дятям пирдала и дабрату* (2).

Федосиха - 'жена по имени мужа Федосия': *У Федосихи троя дитей: две дочери и сын* (2).

Захариха - 'жена по имени мужа Захара': *Захариха с сямьёй жили на улице Ленина, там ани дом пастроили, а патом яго пирястроили* (2).

Левониха - 'жена по имени мужа Левона': *Левониха многа дитей радила, тожа хто где: хто тут живее, хто паразъехалися* (2).

В таловском говоре фиксируются женские прозвища, данные по профессии мужа:

Боцманиха - 'жена по профессии мужа, служившего на флоте боцманом': *Бацманиха давно памярла, боцман боли ни жанилси, дятям памагая* (2).

Матросиха - 'жена по профессии мужа, служившего на флоте матросом': *Матрасиха жизню тяжёлую пражила, два дитя инвалида и сам ни падарак, а куды была дяватца* (2).

Милиционериха - 'жена по профессии мужа, работавшего милиционером': *Мильцанериха ф кантори работала булгахтирам, типерь на пенсии* (2).

Полканиха - 'жена по званию мужа полковника': *Палковник уехал, палканиха замуш вышла в Аляксандрафку, дети в даму асталися* (1).

Прапориха - 'жена по званию мужа, служившего прапорщиком': *Прапариха типерь адна асталася, муш умир, а хароший и дюжа добрый был чилавек* (1).

Лексика говора богата и разнообразна: "Она

таит в себе ценную информацию о системе мировоззрения русского человека, о мировосприятии и осмыслении своего места в окружающем мире" [5: 185]. Говор одного посёлка представляет целую систему, отражающую основные тенденции, присущие говорам области, на территории которой он располагается. Собственно диалектная лексика по теме "Семья, семейные отношения" в таловском диалекте представлена богаче литературной лексики. Можно с уверенностью сказать, что в исследуемом говоре устойчиво сохраняются слова, которые и составляют специфику таловского диалекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зеленин П.М., Осьмачка П.И. Таловая. Страницы истории. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1993.

2. Зеленин П.М., Лукьянов А.Т. Таловский район. Историко-экономический очерк. Областная организация журналистов России. 1995.

3. Образцова О.А. Лексика по теме "Человек в кологривских говорах как источник ЛАРНГ" (на материале произведений Е.В. Честнякова) / ЛАРНГ. - СПб.: Наука, 2005. - С. 97-101.

4. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Изд-во "Русский язык", Полиграфресурсы, 1999 (МАС).

5. Черенкова А.Д. Лексика говора села Краснолипье Репьёвского района Воронежской области (на материале тематической группы "Человек") // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). - СПб.: Наука, 2006. - С. 179 - 189.

6. Щербак А.С. Термины родства в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). - СПб.: Наука, 2005. - С. 277 - 284.

М.Н. Приёмышева, *кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук.*

ПОСТФОЛЬКЛОР И СОЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы выделения постфольклора и связанные с этим вопросы классификации, объяснения природы социальных диалектов и другими проблемами современной социальной диалектологии (социально-экономическими, социально-психологическими, идеологическими).

Несмотря на проблематичность и неоднозначность термина "постфольклор", споры вокруг него [1], все-таки очевидно, что его появление и, более того, все более широкое функционирование не случайно. Нельзя не согласиться с очевидным выводом С.Ю. Неклюдова о "смене фольклорной парадигмы" на современном этапе, когда уже не только традиционная культура, но и субкультура деревни претерпевает колоссальные изменения, когда "город" порождает новые формы не только жанров народного творчества, но и меняет все его составляющие, из которых самыми стабильными оказываются анонимность и преимущественная устная форма бытования [10].

Термин "постфольклор" мы будем использовать не столько в связи с хронологически новыми формами народного творчества, сколько с теми его формами, которые, действительно, существенно отличаются от фольклора "архаического" и "классического".

Хотелось бы обратить особенное внимание на то, что в связи с новыми экономическими тенденциями закономерным образом меняются и тенденции идеологические. Представляется, что понятия "языкового сознания" и "коллективной языковой личности" [11] наиболее существенны в выявлении отличий старых фольклорных форм от новых. Очевидно, что традиции "архаического" и "классического" фольклора были ориентированы на сохранение причастности к целостной, общинной, этнической, национальной культуре, тогда как "городское сознание", усиление личностного начала в русской культуре в целом вели к утрате параметра "коллективного языкового сознания" и к преобладанию собственной социальной или личностной идентификации.

Из целого ряда признаков постфольклора, предложенных С.Ю. Неклюдовым, отметим основной (остальные, на наш взгляд, можно считать его производными): "Подобно массовой культуре, он <постфольклор> полицентричен и фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы" [9].

Важно, что эти новые, "социальные", тенденции в фольклоре проявляются уже с конца XIX в., очевидно, в абсолютной взаимосвязи с промышленным развитием России.

Приведем пример. Еще в конце XIX в. (80-е гг.) воровские песни, например, сохраняют черты классического фольклора. Так, при рассмотрении собрания бурлацких, разбойничьих, воровских и острожных песен (из собрания ПФА РАН) очевидно, что классическая формульность при традиционной образности (буйный молодец, сокол, соколик и т.п., реже вор-разбойник) и метафоричности еще позволяет говорить о традиционной народной культуре (несмотря на четкую социальную обособленность героя). Ср., например,

Сокол в поимани
(Корсунский уезд, Симбирская губ.)
Бывало у соколика времячко
Летал-то соколик высокохонько<…>
Уж то он бил, побивал гусей-лебедей,
Гусей-лебедей, уток серых.

© М.Н. Приемышева, 2008

А ноне соколу время нету,
Сидит-то сокол в поимани,
Во той во золотой клеточке,
На серебряной сидит на шесточке,
Резвы его ноженьки в путанках<…>
Никто об удаленьком не потужит же,
Только тужит-плачет одна сударушка.
Приносила она много злата-серебра,
Выручала любезного из неволи,
Из той злодейки, каменной тюрьмы…
[Песни: л. 16]

Однако уже в публикациях 1906 г. мы находим образец совершенно иного типа воровской песни, которая уже предваряет современный "шансон" (цитируем фрагменты с использованием воровского жаргона, который выделяем курсивом):

….
Тут присяжные смутились
Совещаться удалились,
И прошло время так с час,
Оправдали они нас.
Бирки на руки вручили
И на волю отпустили…
И на радости такой
Загуляли мы с тобой.
Приезжаем в ресторан:
Ванька бух опять в карман!
Карасей пару купил,
Бочонки рыжие срубил…
Вот мы пили, вот мы ели,
Через час опять сгорели…
За отличную гульбу
Посадили нас в тюрьму.

Песня, фрагменты которой мы привели выше, сопровождается интересными наблюдениями Н. Виноградова: эта песня "представляет любопытный образчик народных песен новой формации - периода перелома в народном миросозерцании и перехода от коллективной песни к индивидуальной. Новому складу жизни, новому миропониманию стал тесен узкий кафтан старинного песнотворчества, и он треснул по всем швам, хотя еще и не нашлось новой одежды. Старая форма, прежнее содержание перестают удовлетворять современный люд, и из-за старинной песни неудержимо рвется на волю новая, молодая…" [2:8].

Существенным отличием последней песни от предыдущей является полное отсутствие ориентации на классическую традицию (формульную, метафорическую, сюжетную и т.п.), но зато совершенно очевидно стремление героев указать на свой социальный статус, чему способствует уже не традиционно-песенная образность, а, в частности, специальная лексика воровского жаргона. Большая часть песни ее лишена, но сам нехитрый сюжет целиком связан только с социально обусловленным стереотипом поведения и совершенно не соотносится с общенародной поэтической традицией. Хотя заметим, что и более поздние материалы иногда дают образцы старых песен. Здесь мы говорим лишь о вербализации новой фольклорной традиции.

Приведенный пример, на наш взгляд, явно подтверждает основной вектор изменения фольклорной парадигмы - он становится очевидно социальным. Даже те жанры, в которых профессиональный фактор играет меньшую роль, например частушка, очевидно связаны с реализацией сугубо социального (напр., поведенческого и т.п.) компонента. Переходя на лингвистическую терминологию, скажем: очевидна смена *языковой* картины мира - лексика уже не обусловлена народно-поэтической традицией, а ситуативна, случайна, незакономерна.

Хочется подчеркнуть, что лингвисты, как и фольклористы, достаточно давно столкнулись с аналогичной проблемой. Новые социально-экономические условия с сердины XIX в. достаточно очевидно вводят новый социальный критерий в общую языковую картину миру - развитие новой городской инфраструктуры, новой социальной стратификации породило новую лингвистическую проблему: совершенно четко стали проявляться социально детерминированные языковые формы (которые, возможно и вполне очевидно, существовали и ранее, но практически не попадали в письменные источники, что, в свою очередь, не следует считать случайным фактом), которые с начала XX в. ученые относят к социальным диалектам.

Само появление термина очень показательно. Традиционно классификация языка по территориальному признаку выделяет территориальные диалекты (которые фонетически обусловлены регионально, однако в традиции их изучения, как правило, отождествляются с языком крестьянского населения), а классификация по социальному (профессиональному, кастовому, стратификационному) признаку - социальные диалекты. Причем последние, также исключительно по традиции их изучения, но никак не по сущности объекта, связываются с языком города. Имманентно эта тенденция присуща и разграничению "классического" фольклора (крестьянского) и нового (постфольклора, как правило, "городского").

Таким образом, как явное, широкое, очевидное для ученых, этнографов, носителей языка появление социальных диалектов, так и новые формы фольклора генетически (вероятно, и хронологически) взаимосвязаны. Именно новые социальные структуры, социальные приоритеты в жизни общества порождают новый тип мировоззрения, меняется языковая картина мира, меняется как форма, так и содержание устного народного творчества.

Однако и сами социальные диалекты (жаргоны, арго, кроме форм сугубо профессиональной речи), как показывают самые ранние письменные источники их формирования, генетически тесно связаны именно с классическими фольклорными жанрами.

Еще первые случаи фиксации, например, своеобразной воровской речи (XVII - XVIII вв.) позволяют утверждать, что стремление говорящих обособить свою речь любым образом очевидно, но происходит это еще пока в форме пословично-прибауточной традиции.

Анализируя "Смеховой мир" Древней Руси XVII в., Д. С. Лихачев обращает внимание на речь вора в "Сказании о крестьянском сыне": "Когда вор начинает разбирать кровлю на клети, он произносит: "Простирали небо, яко кожу, а я крестьянскую простираю кровлю". Спускаясь на веревке в клеть, он говорит: "Сниде царь Соломон во ад и сниде Иона во чрево китово, а я в клеть крестьянскую" и т.д." [5: 371]. Здесь языковое "шутовство" усложнено сатирой на церковную службу, но показательным оказывается факт необходимости "остроумного" комментирования происходящего.

Аналогичен в стилистическом отношении фрагмент из сборника И. Новикова "Похождения Ивана Гостина сына" ("О лукавом нищем"). Рассказчик, подразумевая пытки нищего и его товарища в Сыскном приказе, говорит: "...как-то ненароком попали в такую западню, из которой трудненько было вылезть, отведены были в Сыскной приказ к суду, где мазали их по спинам долгою об одном конце плетью, а после парили сухими вениками и трусили зажженные на тела листья, и хотя баня была и не топлена, но вельми жарка показалась, а потому и винились во многих татьбах и разбоях. <....> По окончании спросов... отвели их в такое место, где роют землю и ищут того, из чего делаются деньги и откуда никто назад не возвращается" [13: 443].

Наиболее ярким примером для сравнения может служить язык автобиографии Ваньки Каина. Очевидна принципиальная ориентированность "автора" автобиографии на использование иной речевой парадигмы в своем повествовании, очевидно его стремление сделать "свою" речь особенной, загадочной, непонятной. Он (аноним v.s. Каин) повествует с гордостью не только о том, что он сделал, кого обокрал, но и что он при этом *сказал*. В этой связи наиболее интересна синтаксическая уточнительная конструкция с союзом "то есть" в каждом случае, когда автор (v.s. рассказчик) сознательно использует "свой язык" или сознательно противопоставляет свой перифраз обычному смыслу: "сидит в гостях в холодной избе, *то есть* мертвый брошен в колодезь" (с. 6.), "увидали за собою погоду, *то есть* погоню" (с. 11), "я был пойман и приведен в светлицу, где те купцы пишут, *то есть* в контору" (с. 24), "тебе будет друг муки фунта с два с походом, *то есть* кафтан с камзолом" (с. 28), "не учинили никому похода, *то есть* не делали воровства" (с. 34). Аналогично говорит атаман воровской шайки, в которой оказался Ванька Каин: "что честь твоя с тобою, а теперь попал в мои руки, то разделайся со мною, торг яма, стой пряма! Видя яму не вались, а с ворами не водись, не зван, в пир не ходи; *то есть* для чего так нечестно поступил, и хотя грамоте и горазд, токмо и опять не думай, чтоб в наши руки не попасть, *то есть* не дал бы погони" (с. 38) [4] (курсив - **М. П**.). Двойное уточнение "то есть" к уже присоединенной конструкции с "то есть" еще больше затрудняют понимание и без того не вполне убедительно "переведенной" речи. Здесь, вероятнее всего, для рассказчика важно подчеркнуть, что эта речь значительная, особая, при том, что средства этой особости пока находятся в рамках обычной парадигмы слова-знака и не стали еще социальным словом-"признаком" говорящего, что мы будем наблюдать в воровском языке, по данным письменных источников, уже в XIX в.

Интересна интерпретация такой речи Д. Мордовцевым в XIX в., когда воровской жаргон только эпизодически оказывался предметом этнографического и лингвистического анализа: "На очной ставке Каин прибегает к своему спасительному средству - *к воровскому жаргону*.

- Овин горит, а молотильщики обеда просят, говорит он своему товарищу (это значит, что следует подкупить секретаря и повытчика)...

К Каину приходит какая-то старуха и говорит ему:

- У Ивана в лавке по два гроша лапти.

- Чай примечай, куда чайки летят, - отвечает Каин" [8: 56].

Комментируя речь Ваньки Каина, В. В. Сиповский отмечает: "Самый стиль Ваньки скован народными пословицами, воровскими прибаутками... Поговорки и пословицы всегда к услугам Ваньки, когда ему приходится изобразить свое настроение или чувство.." [15: 140]. В. Шкловский речь Ваньки Каина также считает пронизанной "пословично-прибауточными" каламбурами [17].

Очевидно, что ранняя воровская речь еще не освободилась от народно-пословичной перифрастической языковой формы. Именно это мы наблюдаем еще и в речи Пугачева в повести А. С. Пушкина "Капитанская дочка".

Язык Пугачёва в "Капитанской дочке" традиционно связывают с народно-фольклорным, пословичным. Ю. М. Лотман, например, в этой связи отмечал: "Крестьянский уклад жизни овеян своей поэзией: песни, сказки, легенды пронизывают всю атмосферу повествования о народе. Особое место занимают пословицы, в которых выкристаллизовалось своеобразие народной мысли. Исследователи неоднократно обращали внимание на роль пословиц и загадок в характеристике Пугачева..." [6: 215]. Или: "Речь Пугачева построена на национальной разговорной основе, *на ее наиболее типичных формах...*" [3: 23].

Вспомним в этой связи разговор Вожатого с хозяином постоялого двора в "Капитанской дочке" А.С. Пушкина: "Отколе бог принес?" Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: "В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка

камушком - да мимо. Ну, а что ваши?

- Да что наши! - отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. - Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. - "Молчи, дядя, - возразил мой бродяга, - будет дождик, будут и грибки; будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит...

Я ничего не мог тогда понять из этого *воровского разговора*; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года" [14: 243].

Рассмотренный вне контекста идейно-типологических сходных тестов, этот фрагмент текста делает предложенные выше выводы достаточно очевидными. Но учет предшествующей письменной традиции отражения *воровской речи* позволяет предполагать, что целенаправленно или случайно, но Пушкин с определенной долей достоверности передает нам образец настоящего раннего "воровского" языка, то есть прагматика речи Пугачева оказывается гораздо сложнее, чем это традиционно считается.

Социальный вектор развития как новых фольклорных форм, так и социальных диалектов обусловливает их общность и в аспекте *функционирования*: социально наиболее значимые социальные группы имеют, как правило, не только специфическую профессиональную лексику, свои жаргоны, арго, тайные языки, но и свое устное поэтическое и словесное творчество. Заметим, что отличия касаются только объема словесного высказывания: фольклорные формы реализуются в виде текстов различного объема, тогда как языки (жаргоны, арго) - на уровне отдельных слов, однако функционирование последних также происходит в объеме текста. Общим является не только устная форма бытования и анонимность, но и ряд выполняемых функций, а также *творческий* пафос "красного словца".

По материалам XIX в., носители каждого типа тайных и условных языков (отдельных типов социальных диалектов) являлись обязательно и создателями и хранителями и иных фольклорных жанров (на период XIX в. еще достаточно традиционных).

Практически обязательным для целого ряда этнографических исследований социальных групп - носителей тайных языков - оказывается включение в них песенного творчества. Исследования быта и жизни нищих (А. Тиханов, А. Грузинский и др.) помимо указания на владение тем или иным тайным языком обязательно сопровождается текстами псалок, духовных стихов, песен.

Исследования по офенским языкам также часто включают тексты песен на офенском языке. Например, одна из первых фиксаций песни на офенском языке из статьи И. Срезневского:

Ой, проёрдышный, ой усё разванщики
Да у хрутку клёву батусу ёрдали.
А приёрдамши, по турлицам турлили,
По турлицам турлили, клевенько вершали.
Клёв костёр батуса - не хилой то костер:
Пехаль касух рымов, а ни ёной ряхо,
А ни ёной-то иной лоховской ряхи <.....> [16: 11].

Аналогично обстоит дело с сектантами: исследования их быта и особенностей верования обязательно включают помимо использования специальной "терминологии", являющейся своеобразной аналогией библейской (А. Мельников, И. Липранди, Н. Надеждин), и тексты песен. Специфика социолекта сектантов несколько иная, чем в вышеупомянутых типах социальных диалектов. Здесь условность проявляется на уровне семантики: слова, особенно библейские образы, известные всем, имеют в различных сектах свои собственные значения. Интересно, что эта символико-семантическая спецификация также проявляется на уровне их песенного фольклора. Например,

"Со восточной со сторонушки на западную
Привезли древо кипарис,
На этом древе пятьсот золотых ветвей,
Это ветви - Израильские дети;
А везли его по пятиста коней,
И на всяком коне по пятиста ковров...
И провезли древо в Питер-град;
Постановляют его от земли до неба,
Будут строить град Иерусалим..."
[7: 55].

Выбранный фрагмент содержит для примера самые простые символические интерпретации, позволяющие увидеть связь социолекта скопцов и их песенного творчества: *Израильские дети, израильский полк* - самоназвание скопцов, *Иерусалим, Давыдов дом, Святое место* - место радений скопцов, более точно - дом, в котором жил их Искупитель Кондратий Селиванов. Согласно принципу фольклорной поэтики сектантов, очевидному при анализе других примеров, вероятно, и "дерево кипарис", и "пятьсот ветвей, пятьсот коней" имеют принципиальные символические или референциальные значения, но не возьмем на себя ответственность их интерпретации.

Таким образом, хочется подчеркнуть, что проблемы выделения "постфольклора" в новый объект (или признание факта существования новых форм фольклора) теснейшим образом связаны с аналогичными проблемами классификации, объяснения природы социальных диалектов и др., то есть с проблемами современной социальной диалектологии. Теоретически лингвистика и фольклор здесь сталкиваются с одинаковыми проблемами: социально-экономическими, социально-психологическими, идеологическими и т.д. Меняется, таким образом, парадигма не только устного словесного творчества, но и общекультурная, общеидеологическая парадигма в целом, а фольклор и язык являются ее вербальным и наиболее очевидным выражением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аникин В.П. Не "постфольклор", а фольклор (к постановке вопроса о его современных традициях) //Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 2. - М., 1997. - С.224 - 240.

2. Виноградов Н.Н. Новые веяния в народной поэзии // Живая старина. 1906. Вып. I. Отд.V. - С. 8 - 11.

3. Воробьев В. Язык Пугачева в повести "Капитанская дочка" А.С. Пушкина // Русский язык в школе. 1953. № 5. С. 23 - 25.

4. История славного вора, разбойника и бывшего Московского сыщика Ваньки Каина со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом. 1785 (место издания не указано)

5. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 2001.

6. Лотман Ю.М. Идейная структура "Капитанской дочки" // Ю.М.Лотман. Пушкин. Статьи и заметки. СПб., 1997.

7. Мельников П.И. Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей. Отдел II. Свод сведений о скопческой ереси из следственных дел //ЧОИДР, 1872. Кн. II. Отд. V. - С. 35-205

8. Мордовцев Д.Л. Ванька Каин. Исторический очерк. Изд. 2. - СПб., 1887.

9. Неклюдов С.Ю. Несколько слов о "постфольклоре" // http://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm

10. Неклюдов С.Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov7.htm

11. Никитина С.Е.Устная народная культура и языковое сознание. - М., 1993.

12. Песни бурлацкие, разбойничьи, воровские, острожные //ПФА РАН. Ф.104. Оп.1. Ед. 697.

13. Повести разумные и замысловатые. Популярная бытовая проза XVIII в. - М., 1989.

14. Пушкин А.С. Капитанская дочка //А.С. Пушкин. Сочинения в трех томах. Т. III. - М.: Художественная литература, 1987. - С. 232 - 332.

15. Сиповский В.В. Из истории руского романа XVIII в. (Ванька Каин)// Известия ОРЯС. Т. VII. Кн. 2. СПб., 1902. -С. 97 - 191.

16. Срезневский И.И. Афинский язык в России //Отечественные записки. 1839. Т.V, август. Отдел VII. Смесь. - С. 1 - 12.

17. Шкловский В. Матвей Комаров - житель города Москвы. - Л.: Прибой, 1929.

Т.И. Ретинская, *кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Орловского государственного университета.*

КЛЮЧЕВОЙ ЭТАП ОПИСАНИЯ НЕКОДИФИЦИРОВАННОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АРГО)

В статье рассматриваются проблемы выделения постфольклора и связанные с этим вопросы классификации, объяснения природы социальных диалектов и другими проблемами современной социальной диалектологии (социально-экономическими, социально-психологическими, идеологическими).

Анализ неконвенциальных форм языка включает несколько этапов, которые варьируются в зависимости от целей исследования. Один из них - изучение результатов лексикографической фиксации субъязыка любой социальной группы - предваряет всякое описание особенностей его бытования. "Любое социолингвистическое исследование начинается с лексикографии" [Береговская, 2007: 218]. Результаты инвентаризации лексического репертуара референтной группы, осуществляемой при непосредственном участии ее представителей, детально анализируются и сопоставляются лингвистами.

Французские лексикографы заложили прочный фундамент для проведения многоаспектного анализа одной из разновидностей некодифицированного языка - профессиональных арго.

Следует упомянуть, что французское профессиональное арго было впервые зафиксировано в книге Пешона де Рюби "Благородная жизнь странствующих торговцев, нищих и бродяг" [Pechon de Ruby, 1596]. Эта небольшая по объему книга (первое издание содержит тридцать семь страниц) снабжена заявленным на титульном листе трехстраничным глоссарием. Данный глоссарий включает 142 словарные статьи и является инструментом для декодирования самых значимых слов *(les plus signalez mots)* языка бродячих торговцев *(gergon des blesches)* и примкнувших к ним нищих [Delaplace, 2008: 142 - 144]. Назовем письменные памятники, которые повлияли на создание этого первого документа из истории становления и развития французских профессиональных арго:

1) небольшой глоссарий, содержащий около пятидесяти лексических единиц, извлеченных из акта судебного процесса над бандой кокильяров в Дижоне (1455 г.);

2) шесть баллад на жаргоне Франсуа Вийона, опубликованных в издательстве *"Levet"* в 1489 г., и пять других баллад этого автора (стиль которых напоминает первые шесть), найденных в конце XIX века в Королевской библиотеке Стокгольма;

3) несколько сцен из мистерий XV - начала XVI века;

4) несколько текстов, датируемых XVI веком (например, рукопись королевского хирурга Расса де Не (Rasse des Noeux), включающая около шестидесяти лексем из жаргона нищих, появление которой относят к временному промежутку от 1561 до 1566 г.);

5) глоссарий, состоящий примерно из семидесяти пяти лексических единиц, процитированный в книге Гийома Буше *Second livre des serees*, опубликованной в 1597 г. после смерти автора;

6) грамота о помиловании (1426 г.), в тексте которой фигурирует слово *duppe*, принадлежавшее в ту эпоху жаргону мошенников из Руана [Casciani, 1986: 22; Delaplace 2008: 144] .

Анализ лексических единиц, отраженных в первом издании (отметим, что эта книга переиздавалась шесть раз), позволяет сделать первые выводы:

1) определенная часть лексического состава глоссария (приблизительно одна четверть) уже упоминалась в вышеперечисленных письменных памятниках французского арго;

© Т.И. Ретинская, 2008

2) начинающие арготье прибегают к таким системным и спорадическим словообразовательным приемам, как метафорика, конверсия и деривация;

3) для парольных слов, внедренных в текст повествования, но не включенных в глоссарий, используется такой способ семантизации, как перевод с языка, принадлежащего социальной группе, на литературный язык.

Известно, что до конца XVII века язык социальных групп именовали *"jobelin", "jargon jobelin", "jargon".* Рождение термина "арго" происходит в конце XVII века. Этот факт засвидетельствован в книге Оливье Шеро "Жаргон или язык реформированного арго" [Chereau, 1630]. Слово "арго" означало "попрошайничество" (*mendicite*) и было использовано для наименования рода занятий нищих или сообщества нищих и воров [Delaplace 2004: 89]. В труде О. Шеро предложен первый дериват слова "арго", пародирующий заумную речь ученых: argotique в значении "относящийся к профессии или к сообществу нищих". Автор употребляет окказиональное прилагательное в сочетании со словами "монархия" и "словарь" (*Monarchie Argotique, Dictionnaire Argotique*). В "Арготический Словарь" О. Шеро включает лексемы из вокабуляра нищих и воров и называет его "жаргоном", т.е. в точном соответствии с обозначением, предложенным Пешоном де Рюби, произведение которого он взял за образец (из его глоссария заимствовано приблизительно сорок лексических единиц) [Delaplace, 2008: 146]. Книга О. Шеро неоднократно переиздавалась вплоть до начала XX века: последнее издание датируется 1901 г.; его "арготический словарь" пользовался огромным успехом. Слово "арго" становится популярным благодаря лексикографическому вкладу О. Шеро.

Лексикографические издания являются свидетелями того, что в конце XVII века термином "арго" обозначают вокабуляр профессиональных нищих, в начале XVIII века данный термин присваивают языку профессиональных бандитов, а спустя век - языку деклассированных элементов. "Постепенно <...> объем термина изменился, под "арго" стали понимать устный язык, который состоит из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяется отдельной социальной группой с целью языкового обособления от остальной части данной языковой общности" [Береговская, 1975: 5].

Начиная с 20-х годов XIX столетия объем лексикографических работ, регистрирующих арготическое словотворчество, увеличивается от издания к изданию; их авторы непременно цитируют лексические единицы, отраженные в трудах предшественников. Преемственность становится одним из атрибутов французской арготической лексикографической практики.

Арготическая лексикография, или арготография (термин Дени Делапласа), считается стартовой площадкой для изучения профессиональных арго и экспликации особенностей их функционирования. Лишь скрупулезное изучение лексических единиц, зарегистрированных в словарях и словарных списках, позволяет провести качественный анализ типологических особенностей обширной и многообразной лексической периферии языка.

Без предварительного этапа - тщательного изучения комплекса словарных единиц - невозможно перейти к следующему этапу, который заключается в разработке пятиаспектного анализа субъязыка (объем, источники и механизмы словообразования, семантические доминанты, синонимика, образность). Стратегия выявления характерных черт профессиональных арго была разработана Э.М. Береговской [Береговская, 2004а, 2005] и апробирована нами в ходе описания арго французских книгоиздателей, журналистов, шахтеров и музыкантов [Ретинская, 2007, 2007а, 2008, 2008а].

Словарь профессиональных арго может выступать в качестве лингвокультурологического источника, благодаря которому исследователь репрезентирует языковую модель мира, присущую представителям отдельной корпоративной группы или любому языковому сообществу, объединенному по профессиональному признаку. Системный анализ вокабуляра позволяет вычленить "аргорецептивные концепты, т.е. такие, вокруг которых активно возникает большое количество лексических единиц, образующих семантические поля" [Береговская, 2004: 138]. Многие лексикографические издания называют "лингвокультурологической энциклопедией". В качестве примера упомянем лексикографический труд знаменитого специалиста по фольклору региона Шампань-Арденн Лиз Безем-Пья, посвященный исследованию не только субъязыка виноградарей, виноделов и сельскохозяйственных рабочих провинции Шампань, но и их традиций и обычаев [Beseme-Pia 1994]. При создании словаря Л. Безем-Пиа опиралась на работы авторитетных лексикографов региона и публикации, собранные в "Бюллетене Фольклора провинции Шампань" (Bulletin du Comite du Folklore Champenois). Это издание является одним из ключей к отображению опыта восприятия мира представителями очерченной референтной группы. Арготический ресурс, зарегистрированный и эксплицированный в лексикографическом источнике, позволяет выявить национальную специфику арготического словотворчества и смоделировать портрет носителя профессионального говора. Данные вышеупомянутого словаря представляют собирательный образ виноградаря провинции Шампань, которому присваивается имя *Lou Champaignat* (Le Champenoue). Некодифицированные лексические единицы воссоздают черты характера типичного пред-

ставителя профессионального коллектива: трудолюбие (*il ne berlande pas* "он не слоняется без дела"; *ce n'est pas un arlan, encore moins un logiva* "о нем нельзя сказать, что он не умеет и тем более не хочет работать"; *il se met a blanc tout en culottant au mieux ses galipes* "он в поте лица обрабатывает свои виноградники"), ворчливость (*il mahonne, mais cela ne dure guere plus que le temps d'une attelee* "он сердито бормочет, но это длится только в течение рабочего дня"), гостеприимство (*quand on est chez le Champaignat, on ne peut plus en dehotter* "когда приходишь в гости к Шампена, то понимаешь, что он так просто не отпустит"), организованность (*La Champaignate est luree, bien heuree, affutee* "жена Шампена (она также занимается выращиванием виноградной лозы) - быстрая и ловкая в работе, пунктуальная, она легко находит выход из трудного положения") [Beseme-Pia, 1994: 31 - 32].

Словарные статьи, снабженные ценнейшими этимологическими пометами, помогают декодировать однословные и многокомпонентные элементы тропологического пространства, присущего говорам представителей той или иной профессии или сферы деятельности. Изучение словарных единиц показывает, что компоненты тропологического пространства формируются в ходе искрометной словообразовательной игры и являются "лингвистической собственностью" носителей профессиональных говоров. В языковую игру могут быть вовлечены сторонние наблюдатели, случайно или преднамеренно оказавшиеся среди носителей профессионального арго: они предпринимают попытку дешифровать мастерски завуалированный, а зачастую предельно обнаженный денотат парольных слов. Исследователь некодифицированного языка, также вступая в игровые отношения с условным партнером, получает возможность постичь тайны профессии и отношение арготирующих к окружающему миру, освоить национальные реалии и особенности. Шутовской дух (esprit de facetie), который рассматривают в качестве основополагающего фактора, стимулирующего языковую игру и способствующего ее участникам воссоздать атмосферу праздника и выделиться на фоне других языковых коллективов, издавна считается атрибутом не только профессионального арго, но и лексикографических изданий, его эксплицирующих [Delaplace, 2008: 143 - 148].

Отдельного упоминания заслуживают словари, опубликованные в конце XX - начале XXI века. Словарные статьи, составленные в духе лучших традиций французских лексикографов и арготологов, отражают лексический репертуар представителей различных профессий: от самых редких (докеры, крупье, курьеры, метеорологи, морские пограничники, священники, ювелиры) до самых распространенных (военные, врачи, железнодорожники, музыканты, полицейские, продавцы, шахтеры) [Alliot, 2004], [Bouchaux, Juteau, Roussin, 1992], [Depecker, 1995], [Dhotel, 2006], [Merle, 2005], [Perret, 2002].

Центр арготологии (Университет Рене-Декарт, Париж-5) вносит большой вклад в изучение профессиональных говоров. Первая публикация серии "Арго и жаргоны" посвящена описанию арго шахтеров [Turpin 2004]. Готовятся к изданию еще четыре исследования, в которых будут представлены результаты анализа арго джазистов, наркодилеров, рыбаков, спортсменов. "Это важный шаг в поступательном движении французской арготологии, в которой уже и до того были более или менее солидные лексикографические опусы, специально посвященные отдельным профессиональным арго, <...>, и сводные словари, которые включают арготические ресурсы разных профессий" [Береговская, 2008: 94].

В статье "К проблеме изучения профессиональных языков" В.С. Елистратов указывает на то, что "исследователь должен неизбежно давать "местный маркер", "территориальную помету", и предлагает "вести речь как о диалектных разновидностях профессионального языка, так и профессиональных разновидностях диалекта" [Елистратов, 2002: 473]. Региональные институты придают большое значение описанию регионального компонента субъязыка представителей специфических для региона профессий. Институт социолингвистических исследований Шарль-Брюно (г. Шарлевиль-Мезьер) под руководством профессора Мишеля Тамина, известного во Франции лексикографа [Tamine, 1993, 2006], является инициатором издания социолингвистического журнала "Parlure Champagne-Ardenne", в котором собраны результаты исследований, посвященных детальному описанию лингвистического наследия региона Шампань-Арденн. В одном из номеров журнала опубликована статья Николь Фьероб, в которой систематизированы парольные слова носителей говора виноградарей и виноделов региона [Fierobe, 1996]. В 1999 г. Институтом социолингвистических исследований Шарль-Брюно была организована конференция, посвященная характеристике ономастического слоя региональной лексики. Часть докладов отражала анализ языка местных виноградарей и виноделов. Региональная составляющая лексикографического фиксирования профессионального языка представлена также глоссариями, изданными по предложению самих носителей профессионального говора. Они понимают, что многие слова выходят из употребления, и стремятся запечатлеть лингвистическое наследие для потомков [Conreau, Rasselet, 1998].

Каждый словарь обязательно предваряет вступительная статья автора или авторитетного эксперта, рецензирующего лексикографическое издание. В ней они излагают свое отношение к данной подсистеме языка, размышляют о судьбе парольных слов, представляют оригинальный взгляд на среду бытования субъязыка.

Лексикографические труды различаются по форме и способам предъявления материала, но все они, вместе взятые, позволяют лингвисту провести полноценный анализ языковых фактов, свойственных речевой деятельности носителей профессиональных говоров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Береговская Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы / Э.М. Береговская. - Смоленск: СГПИ, 1975.

2. Береговская Э.М. Концепты "прекрасное" - "уродливое" во французском арго / Э.М. Береговская // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. - М.: Индрик, 2004. - С. 136 - 142.

3. Береговская Э.М. Пятиаспектный анализ профессиональных арго (на материале арго французских авто- и мотогонщиков) / Э.М. Береговская // Социальные варианты языка - III. - Н. Новгород : НГЛУ, 2004а. - С. 205 - 209.

4. Береговская, Э.М. Характеристика арго французских книготорговцев / Э.М. Береговская // Язык в современных общественных структурах (Социальные варианты языка - IV). - Н. Новгород : НГЛУ, 2005. - С. 72 - 75.

5. Береговская Э.М. О современном состоянии русской социодиалектальной лексикографии / Э.М. Береговская // Восьмые Поливановские чтения. - Смоленск: СмолГУ, 2007а. - С. 215 - 222.

6. Береговская Э.М. Языковая картина мира в арго французских шахтеров / Э.М. Береговская // Проблемы социального разноречья. - Смоленск : СмолГУ, 2008. - Вып. 2. - С. 94-106.

7. Елистратов В.С. К проблеме изучения профессиональных языков / В.С. Елистратов // Словарь морского жаргона. - М.: "Азбуковник", "Русские словари", 2002. - С. 469 - 475.

8. Ретинская Т.И. Специфические черты французских профессиональных арго (на материале арго книгоиздателей) / Т.И. Ретинская // Лексика и лексикография. - М.: Отд. историко-филол. Наук РАН; ОрелГТУ, 2007. - Вып. 18. - С. 164 - 172.

9. Ретинская Т.И. Современное арго французских журналистов / Т.И. Ретинская // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. - Тверь: ТГУ, 2007а. - Вып. 5. - С. 98 - 106.

10. Ретинская Т.И. Константы социолингвистического описания французских профессиональных арго (на материале арго французских шахтеров) / Т.И. Ретинская // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. - М.: Институт языкознания РАН, 2008. - Книга 3. - С. 235 - 253.

11. Ретинская Т.И. / Т.И. Ретинская. Характерные черты французских профессиональных (на материале арго музыкантов) // Проблемы социального разноречья. - Смоленск : СмолГУ, 2008а. - Вып. 2. - С. 85 - 93.

12. Alliot, D. Chier dans le cassetin aux apostrophes... et autres tresors du vert langage des enfants de Gutenberg / D. Alliot. - P. : Eds Horay, 2004.

13. Beseme-Pia, L. Lexique du paysan et du vigneron champenois / L. Beseme-Pia. - Rethel : J.-L. Binet, 1994.

14. Bouchaux, A. L'argot des musiciens / A. Bouchaux, M. Juteau, D. Roussin. - P. : Eds Climats, 1992.

15. Casciani, C. Histoire de l'argot / C. Casciani // La Rue J. Dictionnaire

d'argot. - P. : Flammarion, 1986. - P. 5-54.

16. Chereau, O. Le Jargon ou Langage de l'Argot reforme / O. Chereau. - Lyon, 1630.

17. Conreau, J.-C. Janvry - Germigny. Les mots oublies / J.-C. Conreau, C. Rasselet. - Reims : Eds Guerlin-Martin & Fils, 1998.

18. Delaplace, D. Bruant et l'argotographie francaise / D. Delaplace. - P. : Honore Champion, 2004.

19. Delaplace, D. L'origine facetieuse des dictionnaires d'argot / D. Delaplace // Лексика и лексикография. - М. : Отд. Историко-филологических наук РАН; ОрелГТУ, 2008. - Вып. 19. - С. 141-149.

20. Depecker, L. Dictionnaire du francais des metiers. Adorables jargons / L. Depecker. - P. : Eds du Seuil, 1995.

21. Dhotel, G. Le dico de l'info / G. Dhotel. - P. : E.J.L., 2006.

22. Fierobe, N. Les mots du champagne / N. Fierobe // Parlure Champagne-Ardenne. - Charleville-Mezieres : Institut Charles-Bruneau, 1996. - № 11. - P. 3-59.

23. Merle, P. Mots de passe. Dictionnaire de l'argot de la prostitution / P. Merle. - Lausanne : Eds Favre, 2005.

24. Pechon de Ruby. La Vie Genereuse des Mercelots, Gueuz, et Boesmiens / Pechon de Ruby. - Lyon : J. Jullieron, 1596.

25. Perret, P. Le parler des metiers. Dictionnaire thematique alphabetique / P. Perret. - P. : Robert Laffont, 2002.

26. Tamine, M. Dictionnaire du francais regional de Champagne / M. Tamine. - P. : Christine Bonneton Editeur, 1993.

27. Tamine, M. Le parler des Ardennes/ M. Tamine. - P. : Christine Bonneton Editeur, 2006.

28. Turpin, B. Les mots de la mine / B. Turpin. - P. : Maisonneuve et Larose, 2004.

T.I. Retinskaya

THE KEY STAGE OF THE DESCRIPTION OF THE NONCODIFIED LANGUAGE
(on the basis of the French professional argots)

The first stage of the professional argot's investigation - the study of the results of the lexicographic fixation of the lexical repertory of the specific social group is analysed in this article. French argot graphic editions allow to make a multi-aspect analysis of the professional language and to represent the language model of the world typical of the representatives of the separate corporative group or any language community united with the professional indication.

А.Б. Савостикова, *ассистент кафедры профессионального обучения Орловского государственного университета.*

К ВОПРОСУ ИНТЕГРАЦИИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматриваются возможные пути интеграции преподавания русского языка и литературы с целью повышения уровня развития речи школьников, анализируются различные точки зрения по данному вопросу ведущих лингвистов, педагогов, методистов.

Процесс интеграции в педагогике в настоящее время является одним из наиболее продуктивных и изучаемых. Актуализация данного направления явилась следствием бессистемности, нарушения непрерывности, которые возникли в результате дифференциации наук, дисциплин учебного курса, предметов школьной программы. Новизна исследования заключается в анализе существующих концепций интеграции в науке в целом и путей интеграции русского языка и литературы в частности и создании на основе интегративных моделей схемы бипредметной интеграции русского языка и литературы.

Интеграция стала предметом исследования в работах В.И. Загвязинского (концепция внутрипредметной интеграции педагогического знания), Г.Н. Серикова (концепция интегративной картины образования), Л.А. Артемьевой, М.И. Махмутова (концепция синтеза дидактических систем); М.А. Берулавой, Ю.С. Тюнникова (концепция интеграции общего и профессионального образования).

Определению оснований, видов, типов, факторов и сущностно-категориальных характеристик педагогической интеграции посвящены исследования Г.И. Батуриной, А.П. Беляевой, М.Н. Безруковой М.Н. Берулавой, В.И. Загвязинского, А.С. Белкина, И.Г. Еременко, Ю.Н. Ракчеевой и др.

В науке также широко освещена проблема морфологии интеграции, в которой наиболее явно и подробно описаны уровни интеграции. Традиционно выделяют три универсальных уровня:

- методологический,
- теоретический,
- практический.

И. П. Яковлев, Л. А. Артемьева, М. И. Махмутов, В. В. Гаврилюк, В. И. Загвязинский, Б. Г. Юдин в своих работах исследуют синтезирующую основу методологического уровня, выделяя в качестве оной методы и приемы обучения и воспитания.

В.С. Идиатулин к методологическому уровню помимо интеграции методов и приемов, относит интеграцию терминосистем. Так, исследователь подчеркивает, что для интеграции нескольких учебных дисциплин необходимы создание интегративного учебного тезауруса интегрируемых учебных дисциплин, установление и учет внутри- и междисциплинарных связей (2). Нам представляется возможным говорить о единстве терминосистемы как основании для межпредметной интеграции. Так, лингвистическая терминосистема служит основой для интеграции таких дисциплин, как иностранный и русский язык, русский язык и литература.

П. М. Эрдниев, А. А. Захаренко, В. А. Карковский вводят понятие теоретического уровня педагогической интеграции, который представляет собой синтез теоретических теорий и концепций.

Н. К. Чапаев, в свою очередь, не ограничивается лишь выделением данного уровня, а разграничивает в нем ряд направлений:

* формирование инвариантных основ общей теории педагогики;

* межотраслевой синтез (сближение различных "педагогик");

* внутриотраслевой синтез (интеграционные процессы, ведущие к увеличению плотности знаний, их сбалансированности и гармонии внутри отдельных отраслей педагогики, например педагогического и технического знания в "теле" профессиональной педагогики;

* синтез теоретического и методического знания;

© А.Б. Савостикова, 2008

* межсистемный синтез, во-первых, означающий интеграцию систем, относящихся к различным видам педагогического процесса, например элементов системы развивающего обучения с компонентами системы творческого воспитания (внешний синтез), во-вторых, интеграцию однопорядковых педагогических систем, например интеграцию проблемного и модульного обучения (внутренний синтез); в-третьих, "интимный синтез", отражающий интеграционные процессы, осуществляемый внутри отдельных дидактических или воспитательных систем и др.;

* унификация теоретического и практического знания, ведущая к идентификации "языков" педагогической науки и практики и др.

Наряду с исследованием теоретического уровня интеграции Н. К. Чапаев также обращается к изучению практического уровня интеграции. По мнению ученого, практический уровень интеграции носит прикладной характер, доминантой которого выступает синтез знаний. Внутри практической интеграции исследователь выделяет:

- внутрипредметную интеграцию - интеграцию знаний внутри отдельных учебных предметов,
- биопредметную интеграцию - синтез фактов, понятий, принципов двух предметов,
- мультипредметную - синтез компонентов трех и более дисциплин.

В.С. Кукушин, рассматривая данный уровень аспектно, дифференцирует в нем подуровни на основе степени слияния разнохарактерного содержания значительных объемов учебного материала. В.С. Идиатулин в своей работе называет интеграцию подобного типа блочно-гетерогенной интеграцией и отмечает ее низкую эффективность, так как исторически сложившаяся структура обособленных учебных дисциплин, каждая из которых логически независима от других и создает свою картину мироздания, оставляет только возможность стихийного объединения учебных знаний в сознании обучаемых (2).

И. Келожвари и Л. Сеченикова, углубляя представление о практическом уровне интеграции, выделяют в своей работе уровни интегрированного урока, курса. Уроки, ставящие перед собой цель научить учеников рационально оформлять свою работу, правильно строить устные ответы, прививать навыки самоконтроля и самооценки, авторы работы относят к интегрированным урокам первого уровня. Под вторым уровнем понимается объединение понятийно-информационной сферы учебных предметов. Третий уровень связан с задачами сравнительно-обобщающего изучения материала и выражается в умении сопоставлять и противопоставлять явления и объекты. Наиболее глубоким представляется четвертый уровень интеграции, когда учащиеся сами начинают сопоставлять факты, суждения об одних и тех же явлениях, событиях, устанавливать связи и закономерности между ними (3).

Н. К. Чапаев в своей работе "Структура и содержание теоретико-методологического обеспечения педагогической интеграции" дифференцирует уровни интеграции по следующим основаниям: величина охвата этой интеграцией того или иного гносеологического пространства (уровень непедагогических дисциплин, уровень производственно-педагогических дисциплин, уровень общепедагогических дисциплин и др.), степень включенности производственно-технического компонента в содержание научно-гносеологической системы педагогики профтехобразования (аналоговый, ситуативный и содержательный уровни), степень выраженности педагогической составляющей в профессионально-педагогических текстах (предметный уровень, методический уровень, частнодидактический уровень), степень целостности, внутренней организованности данного вида педагогической интеграции.

Как можно заметить, в классификации уровней педагогической интеграции мало общего, нет строгой структуры, отсутствует единый терминологический аппарат, что свидетельствует об отсутствии единой позиции в решении проблемы многоуровневого подхода к интеграции.

В методике русского языка и литературы проблема интеграции особенно актуальна, так как конечной целью обучения школьников в области филологии является создание целостного представления о языковых процессах.

В настоящее время в школьной практике интеграция русского языка и литературы осуществляется на практическом уровне и заключается в создании интегрированных курсов и уроков. Так, наиболее продуктивным интегративным путем является создание курсов словесности, направленных непосредственно на формирование у учащихся знаний, умений и навыков в области русского языка и литературы.

Проблема создания уроков и курсов словесности активно разрабатывалась в работах А. Никольского, А. Н. Чудикова, П. Случевского, В. Водовозова, В. А. Лебедева, В. П. Острогорского, Н. М. Шанского. На современном этапе развития педагогики в целом и методики в частности данный вопрос исследовали: И. А. Власенков, Р. И. Альбеткова, М. В. Котовская, С. И. Львова.

Так, А. И. Власенков, рассматривая проблему развития речи учащихся, отводит главную роль в решении данного вопроса созданию курсов словесности, автором одного из которых он и является. Исследователь включает в разработанный им курс словесности такой раздел, как литературное творчество учащихся, основными составляющими которого являются следующие подразделы: выражение впечатлений, вызванных чтением произведения, описание помещения, изображение бытовой сцены, устная характеристика персонажа, составление плана сравнительной характеристики персонажей литературного произведения,

рассказ по плану, портретная зарисовка, этюд (сочинение по жанровой картине с описанием портрета, с передачей динамики действия), рассказ, высказывание на дискуссионную тему, художественно-речевая импровизация на тему, предложенную учителем, краткое сообщение (аннотация) о прочитанной книге, ее содержании [1.С. 43-44]. Таким образом, следует отметить, что А. И. Власенков не отожествляет литературное творчество учащихся и сочинение. Методист не применяет и самого термина "сочинение на литературную тему", обозначая данный вид работы как выражение впечатлений, вызванных чтением произведения. С нашей точки зрения, А. И. Власенков не вполне реализует в построении своего курса принцип системности, придерживается узкометодического подхода, так как исключает из работы по словесности другие виды сочинений, в том числе и на литературную тему.

Курс "Основы русской словесности", разработанный Р. И. Альбетковой, стал одним из путей интеграции русского языка и литературы в современной школе. Задачами изучения данного курса являются:

1). изучение законов употребления языка, его лексических, фонетических, словообразовательных, грамматических средств, форм словесного выражения содержания, своеобразия словесного выражения содержания в произведениях различных родов и видов;

2). чтение художественного произведения и рассмотрение его в жанрово-родовой специфике, овладение умением самостоятельно постигать идейно-художественный смысл прочитанного через языковую ткань, идя от словесной организации - к образу, сюжету, композиции, идее; осмысление всех компонентов содержания и формы во взаимосвязи и восприятие произведения как целостного явления искусства слова;

3). использование опыта изучения языка как материала словесности и различных видов произведений словесности для выражения собственных мыслей и чувств [8. С. 178 - 179].

Р. И. Альбетковой как нельзя лучше удалось интегрировать изучение русского языка и литературы: большое внимание автором уделяется изучению разновидностей употребления языка, своеобразию художественной литературы в ее родовидовой специфике, стилям речи, стиховедению. К сожалению, меньше внимания уделено развитию письменной речи учащихся, формированию навыков создания письменного высказывания.

С. И. Львова, подчеркивая необходимость реализации эстетической функции родного языка на уроках русского языка и литературы, создания у учащихся правильного представления о многофункциональности языкового явления как грамматического, коммуникативного и эстетического факта, также основным путем интеграции русского языка и литературы называет создание курсов словесности.

Так, исследовательница отмечает, что "интеграция этих двух школьных дисциплин должна быть достигнута прежде всего на понятийном уровне" (7. С.10).

М. В. Котовская, изучая в своем исследовании проблему интегрированных уроков, настаивает на первостепенной роли интегрированных уроков русского языка и литературы в работе по формированию связной речи школьников. Методист приходит к важному для понимания сути методики обучения связной речи выводу о том, что планирование письменных работ на весь учебный год в связке с изучением курса литературы способствует активизации творческого процесса, исключает перегрузку учащихся письменными работами в конце учебной четверти (года), дает возможность привлекать к выполнению сложных заданий (докладов, рефератов) в течение учебного года всех учащихся, дифференцировать задания с учетом реальных способностей школьников [4].

Можно сделать вывод, что вопрос интеграции русского языка и литературы разработан фрагментарно, в основном интеграция осуществляется лишь на практическом уровне, что отражено на схеме 1.

Схема 1

Процесс интеграции	Уровни интеграции по инвариантной модели	Интеграция русского языка и литературы
	Методологический	
	Интеграция методов	-
	Интеграция приемов	-
	Интеграция терминосистем	-
	Теоретический	
	Синтез теорий	-
	Синтез концепций	-
	Практический	
	Внутрипредметная	-
	Бипредметная	+
	Мультипредметная	-

Следует отметить, что интеграция возможна на методологическом уровне, так как в русском языке и литературе используются тождественные методы и приемы обучения, и на теоретическом уровне (реализация всевозможных концепций обучения), к сожалению, данные вопросы в науке не разработаны.

На основе анализа ключевых позиций по вопросу интеграции, сравнения и сопоставления общедидактической модели интеграции с частными практическими методиками реализации интегративного подхода в области русского языка и литературы нами была разработана схема бипредметной интеграции русского языка и литературы, на которой детально отражены возможная основа и планируемый результат интеграции (схема 2).

Схема 2

Таким образом, проанализировав ключевые позиции по данному вопросу, мы пришли к выводу, что в науке пока не разработана целостная интегративная система преподавания русского языка и литературы (попытки ее создания предприняты М.В. Котовской, А.И. Власенковым, Р.И. Альбетковой, С.И. Львовой), которая бы в конечном итоге привела к такому уровню развития связной речи, который бы удовлетворял основным требованиям, предъявляемым в программах по русскому языку и литературе, что, несомненно, обусловливает необходимость дальнейшего изучения проблемы и введения в практику элективных курсов по отдельным аспектам развития речи школьников на основе созданной нами модели бипредметной интеграции русского языка и литературы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Власенков А. И. Русская словесность. Интегрированное обучение русскому языку и литературе: программы. Содержание работы по классам [Текст] /А. И. Власенков. - М: АРКТИ, 2000. - 77 с.

2. Идиатулин В. С. Естественнонаучная подготовка студентов в системе высшего профессионального образования [Интернет ресурс]/ В. С. Идиатулин http://oim.ru/avtor.asp?nom=190 - 14 эл. с.

3. Коложвари И., Сеченикова Л. Как организовать интегрированный урок? [Текст] // Народное образование. - 1996. № 1. - 87 с.

4. Котовская М. В. Пришел, увидел, описал. Обучение написанию сочинений разных жанров [Интернет ресурс] / М. В. Котовская http://www.ug.ru/issue/action=topic&toid=7068 - 28 эл.с.

5. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике преподавания родного языка. [Текст]/М. Р. Львов. - М.: Изд. центр "Академия", 1999. - 200 с.

6. Львова С. И.Уроки словесности. 5 - 9 классы. [Текст] /С. И. Львова. - М.: Дрофа, 1997. - 416 с.

7. Методика преподавания русского языка в школе/ Под редакцией М.Т. Баранова. [Текст] - М.: Academia, 2000. - 386 с.

8. Программно-методические материалы: Русский язык. 5 - 9 классы. [Текст] / Сост. Л. М. Рыбченкова. - М., 2002. - 128 с.

9. Чапаев Н. К. Структура и содержание теоретико-методологического обеспечения педагогической интеграции. [Текст] /Н. К. Чапаев. - М., 2006 - 310 с.

Savostikova A. B.

TO A QUESTION OF INTEGRATION OF TEACHING OF RUSSIAN AND THE LITERATURE.

In this article possible ways of integration of teaching of Russian and the literature are considered with the purpose of increase of a level of development of speech of schoolboys, the various points of view on the given question of leading linguists, teachers, methodologists are analyzed.

И.Н. Щекотихина, *кандидат филологических наук, доцент, докторант Орловского государственного университета.*

КОММУНИКАТИВНО-ЦЕЛЕВАЯ ДИНАМИКА КОМПОНЕНТОВ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА

В статье излагаются результаты исследования, проведенного в рамках концептуального анализа. На примере концепта "студенческая жизнь" рассматривается вопрос о компонентном составе структуры концепта и его динамике в зависимости от коммуникативно-целевой установки в процессе текстопорождения. В работе описана методика сбора материала для анализа, приводятся статистические данные проведенного анализа, предлагается их интерпретация.

Понятие "концепт", несмотря на некоторую содержательную неопределенность, является довольно удобным средством представления единиц ментального кода, поскольку позволяет выявить наибольший спектр запечатленного в нем, т.е. отраженного (познанного) и пережитого человеком опыта: чувственного, мыслительного, эмоционального, предметного, деятельностного, культурного, вербального и т.д.

Среди свойств концепта называется подвижность его границ, динамичность структуры. Таким образом, концепт - это не застывший слепок с действительности, а гибкая и подвижная сущность, эволюционирующая в индивидуальном и коллективном сознании под воздействием многочисленных факторов и способная к перестройке своей структуры в контексте определенных речемыслительных задач.

В настоящей статье мы рассматриваем вопрос о динамике компонентов структуры концепта в зависимости от коммуникативно-целевой установки в процессе текстопорождения. Мы исходим из того, что концепт как "сгусток" информации (смысла), именованный в языке, как правило, словом или словосочетанием, может разворачиваться в текст, определяя его тематику, пропозициональное содержание и некоторые модальные характеристики.

В качестве объекта рассмотрения был использован концепт "студенческая жизнь".

Первым этапом исследования являлось установление его компонентного состава. В литературе по данному вопросу [1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9] называются различные компоненты (области, зоны), составляющие структуру концепта. Тем не менее разные подходы к описанию концепта указывают на наличие в его структуре понятийного компонента (логико-понятийного, информационного, информационно-фактуального и т.п.) и прочих концептуальных признаков, отражающих, в частности, образное осмысление референта, его оценку, элементы материального и/или духовного опыта взаимодействия с референтом, результаты вербализации концепта в произведениях народного творчества, художественной литературы, прецедентных текстах и т.п.

Для решения поставленной задачи была использована комплексная методика, включающая анализ словарных дефиниций, анализ "субъективных" дефиниций (прямых толкований концепта информантами), анализ ассоциативного поля концепта, полученного в ходе свободного цепного ассоциативного эксперимента, и анализ образных ассоциаций, выявленных путем дополнительного анкетирования. В анализе дефиниций был использован материал восьми словарей русского языка. В качестве информантов были задействованы студенты разных курсов и специальностей (280 человек).

В данной статье мы приведем лишь итоговые результаты этого этапа исследования. Процедура использования методики изложена в статье "Опыт анализа структуры концепта (на материале концепта "студенческая жизнь")" [10].

В результате анализа было сформулировано описание референциальной области концепта "студенческая жизнь" как с*овокупности различных аспектов жизни лиц, относящихся к определенной категории по роду их деятельности, связанной с периодом обучения в высшем учебном заведении.*

В структуре понятийного компонента, таким образом, выделяются следующие составляющие:

© И.Н. Щекотихина, 2008

- период жизни,

- субъекты студенческой жизни (студенты),

- учебная деятельность в высшем учебном заведении *(формы учебной деятельности, результат образования, предметы, успеваемость, лица, осуществляющие обучение, студенческие документы, средства обучения, дисциплина, методы поощрения и наказания и т.п.)*,

- прочие (внеучебные) аспекты студенческой жизни *(быт, материальное положение, самочувствие и здоровье, общение и взаимоотношения с другими людьми, различные виды свободного времяпрепровождения, студенческие мероприятия и т.п.)*.

Образное представление о студенческой жизни создается:

- образами различных ситуаций учебного процесса, быта, досуга студентов *(сессия, экзамен, лекция, поход в библиотеку, жизнь в общежитии, обед в институтской столовой, бессонные ночи перед экзаменами, отдых на природе, вечеринка, поход в ночной клуб, посвящение в студенты и т.д.)*,

- метафорическим осмыслением референта (когнитивными метафорами) преимущественно в образах веселого, бурного, вольного и беспечного времяпрепровождения и общения *(вечное лето, солнечный весенний день, карусель в летнем парке, праздничный фейерверк на летнем курорте, ветер в голове, полет беззаботной птички, птичий базар, тусовка)*; тяжелого, утомительного занятия и напряженного, взволнованного состояния *(река с подводными камнями, вечный бой, борьба за выживание, каторга, пчелкин труд, розетка, комок нервов, ураган, цунами, извержение вулкана, поездка по горной дороге, бега)*; бытовой и материальной неустроенности *(жизнь бездомного пса)*; взросления и развития личности *(гранит науки, путешествие в мир знаний, школа жизни, подготовительные курсы в жизнь, развитие саженца)*.

Оценочный компонент эксплицирован в ряде реакций и представлен:

- общей оценкой *(лучшее время жизни, прекрасное время и др.)*,

- сенсорно-чувственной оценкой *(весело, интересно, скучно, ужасно и др.)*,

- оценкой количества/меры *(больше ответственности, низкая стипендия, нехватка еды, мало свободного времени, постоянная учеба, потоки информации, большое количество новых знакомых и друзей, общение нон-стоп и др.)*,

- оценкой желательности *(желание посмотреть фильм на английском языке, хочется спать, охота отдохнуть и др.)*,

- оценкой наличия *(рядом нет родителей, отсутствие свободного времени, ночи без сна и др.)*,

- оценкой возможности *(возможность проявить себя с разных сторон, возможность научиться новому и др.)*,

- этической оценкой *(несправедливость во всем, злые преподаватели, добрые преподаватели и др.)*,

- регулятивной оценкой *(надо хорошо учиться, учиться нужно и надо и др.)*,

- интеллектуальной оценкой *(умный студент, более интеллектуальная работа и др.)*,

- утилитарной оценкой *(учиться нужно и надо, ненужная трата денег на ненужные предметы и др.)*,

- оценкой необходимости *(необходимо найти работу, необходимо рано вставать и др.)*,

- оценкой уверенности *(уверенность в завтрашнем дне, неопределенность в будущем и др.)*,

- эстетической оценкой *(красивые девушки, симпатичные мальчики и др.)*.

Проанализированный материал демонстрирует преобладание сенсорно-чувственной оценки и оценки количества/меры. Мы объясняем это фактом актуализации в свободных ассоциациях наиболее значимой в эмоциональном плане информации (подобно ситуациям с процессами запоминания), вербализация которой сопровождается либо лексикой, передающей соответствующую эмоцию, либо предикатами оценки количества/меры, также отражающими некоторое эмоциональное отношение к объекту или ситуации (недовольство, сожаление, радость и т.п.).

Следует также отметить, что в оценке некоторых аспектов рассматриваемого объекта наблюдаются случаи противоположной оценки в реакциях разных информантов *(весело - скучно, хорошо - плохо, мало свободного времени - масса свободного времени, низкая стипендия - большая стипендия и др.)*.

Встречаются также реакции с двойственной оценкой *(студенческая жизнь хороша и не очень; студенческая жизнь и сладкая, и горькая; жизнь очень напряженная, но очень интересная; тяжело, но интересно и т.п.)*, что соответствует образному сравнению студенческой жизни с зеброй *(то черная, то белая полоса)*, выступлением в цирке *(то смеешься, то плачешь)*, круговоротом событий.

В "энциклопедической зоне" (по И.А. Стернину) концепта "студенческая жизнь" выявляются элементы, отражающие особенности жизни российских студентов вообще и жизни студентов конкретного города, вуза, факультета. К первым в основном относятся различные студенческие мероприятия и праздники: *День студента, КВН, посвящение в студенты, художественная самодеятельность, Дельфийские игры, общественные и политические мероприятия и т.п.* Ко второй группе элементов можно отнести некоторые особенности организации учебного процесса, студенческого быта, а также имена конкретных лиц и объектов.

Представление о студенческой жизни связано с рядом прецедентных текстов, ходячих выражений (сентенций), выражающих стереотипное представление о студенческой жизни. Чаще всего в нашем материале встречается ставшая поговоркой цитата из старой песни *"От сессии до сессии живут студенты весело",* воспроизводимая в разных вариантах (*"Студенту живется весело от сессии до сессии", "Живут студенты весело от сессии до сессии", "От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего два раза в год" и др.).* Встречаются случаи выражения отношения к этому расхожему мнению: *"От сессии до сессии живут студенты весело - ложь", "От сессии до сессии живут студенты весело - это не про наших студентов".*

Среди пословиц и поговорок, не являющихся непосредственной объективацией концепта "студенческая жизнь", но отражающих отношение к отдельным ее аспектам, упоминаются *"Тяжело в учении, легко в бою", "Без труда не вытянешь и рыбку из пруда", "Любишь кататься - люби и саночки возить", "Ученье - свет, а неученье - тьма".*

С понятием студенческой жизни у некоторых информантов ассоциируются фразы из кинофильмов: *"Экзамен для меня всегда праздник, профессор", "Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше",* лозунги*: "Учиться, учиться и учиться, как завещал великий Ленин!".*

Представление о студенческой жизни находит отражение в современном студенческом фольклоре: *"Студент - это загруженная голова, пустой желудок и уставшие ноги", "Кто не был студентом, тому не понять, как хочется кушать, как хочется спать", "За ночь студент может выучить китайский словарь", "Всем известно, что студент за ночь может выучить китайский алфавит", "Да здравствует студенческая молодежь! Утром не добудишься, ночью не найдешь", "Стипендия в руки - учеба в рюкзак", "Что упало у студента, то упало на газетку"* и др.

Нередки случаи обыгрывания известных речений и цитат: *"От сессии до сессии живут студенты ... в общежитии", "Учеба не волк, в лес не убежит", "Ученье - свет, а за свет надо платить", "Ученье - свет, а неученье - армия", "Ученье - свет, а неученье - на работу чуть свет", "Ученье - свет, но в темноте спать лучше", "Не хочу учиться, а хочу «клубиться», "Пришла сессия, и живой позавидовал мертвому", "Написал сам - помоги другому", "Какая боль, какая боль - сегодня на учебу к 8.00"* и др.

Процентное соотношение между компонентами концепта и их составляющими, по данным ассоциативного эксперимента с информантами указанной группы, выглядит следующим образом.

Понятийный (информационный) компонент реализуется во всех реакциях. Подавляющее большинство реакций соотносится с различными аспектами учебной деятельности (46,7%) и внеучебными аспектами студенческой жизни (37,5%). Количество реакций, связанных с общим представлением о данном периоде времени, гораздо меньше (11,9%). Полагаем, что данный аспект не столь актуален в сознании информантов, являющихся студентами, т.е. лицами, период жизни которых совпадает с описываемым периодом. Они акцентируют больше внимания на текущих событиях и ситуациях данного периода, нежели на самом отрезке времени и его общей характеристике. Компонент *"субъекты студенческой жизни"* эксплицируется крайне редко (3,9%). Это мы связываем, во-первых, с экспликацией компонента в имени концепта, что снимает необходимость дополнительного упоминания его в ассоциациях, во-вторых, с типичностью, инвариантностью, "выводимостью" занимаемой данным компонентом позиции. Этот компонент, как правило, реализуется в реакциях, вербализующих различные характеристики студентов, соотносимые с тем или иным аспектом студенческой жизни *(толковый студент, бедный студент, ботаник, разгильдяй, прогульщик и т.п.)*.

В образном компоненте особый интерес представляют когнитивные метафоры. Образ веселого, бурного, вольного и беспечного времяпрепровождения и общения актуализируется в 16% от общего числа реакций, образ тяжелого, утомительного занятия и напряженного, взволнованного состояния - в 15,4%, бытовой и материальной неустроенности - в 8,3%, взросления и развития личности - в 3,5%.

Оценка, как мы полагаем, имплицитно присутствует практически во всех реакциях, поскольку вербализованные в них образы объектов, лиц, ситуаций сопряжены с определенным отношением к ним, однако эксплицитное вербальное отображение этот компонент получает лишь в ряде реакций. На долю сенсорно-чувственной оценки приходится 7,6% от общего числа реакций, оценки количества/меры - 5,6%, оценки желательности - 1,3%, общей оценки - 1%, оценки наличия - 0,8%, оценки возможности - 0,7%, этической оценки - 0,2%, регулятивной оценки - 0,2%, интеллектуальной оценки - 0,1%, утилитарной оценки - 0,1%, оценки необходимости - 0,1%, оценки уверенности - 0,09%, эстетической оценки - 0,09%.

Энциклопедический компонент представлен незначительным числом реакций - 4,3%. Прецедентные тексты нашли отражение лишь в 1% реакций.

Собранный нами ассоциативный материал (совокупность ассоциатов) образует то, что в исследованиях подобного рода называется ассоциативным полем. Интересный взгляд на природу данного материала высказан Л.В. Сахарным [Сахарный, 1991] и его единомышленниками. Согласно излагаемому подходу, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента единицы.

имеют единую текстовую природу, за которой стоит структура реальности. Совокупность этих единиц представляет собой текст-примитив, служащий базисной структурой, строительным материалом для создания развернутого текста. Развивая эту мысль, можно высказать идею о том, что подобный текст-примитив ("текст" вербальных ассоциаций) является неким переходным образованием между нерасчленным смыслом, вербализованным в имени концепта, и развернутым текстом. Текст-примитив отражает результат актуализации и некоторой структуризации закодированной в концепте информации в соответствии с условиями текущей ситуации. Изменение условий влияет на степень актуализации и специфику структуризации этой информации. Экспериментальное задание, формирующее в сознании респондента (информанта) определенную установку, относится к числу таких условий.

Задачей второго этапа исследования являлось выявление коммуникативно-целевой "чувствительности" компонентов концепта. В ходе этой работы была также использована методика ассоциативного эксперимента. Респондентам было предложено записать материал, который мог бы им пригодиться для написания: а) агитационной речи, раскрывающей плюсы студенческой жизни; б) юмористического эссе о студенческой жизни; в) сказки о счастливом студенте.

По итогам выполнения заданий были "сформированы" ассоциативные поля, анализ которых был направлен на установление степени актуализации выявленных на предыдущем этапе компонентов структуры концепта "студенческая жизнь" в зависимости от коммуникативной установки.

Анализ динамики информационного (понятийного) содержания выявляет следующую картину.

Компонент "период жизни" оказался в большей степени актуализованным при создании материала для агитационной речи (23,9%). "Тексты-примитивы" юмористического эссе и сказки о счастливом студенте отражают этот компонент лишь в 5,1% и 2,9% реакций соответственно.

Компонент "субъекты студенческой жизни" вербализуется в 20,4% реакций сказки о счастливом студенте, в 13,8% юмористического эссе, в 4,5% агитационной речи.

Процентное соотношение между компонентами "учебная деятельность" и "внеучебные аспекты студенческой жизни" в трех ассоциативных полях примерно одинаково.

Реакции, имеющие отношение к учебной деятельности, составляют 46,8% в ассоциативном поле сказки о счастливом студенте, 44,4% юмористического эссе, 36,4% агитационной речи. Однако в агитационной речи этот аспект преимущественно реализуется в компоненте "результат образования" (83,8% от числа реакций по данному аспекту), в юмористическом эссе он представлен в основном компонентом "формы обучения" (94,3%), в сказке о счастливом студенте - компонентами "формы обучения" (67,1%) и "лица, осуществляющие обучение" (23,5%).

Реакции, отражающие компонент "внеучебные аспекты", образуют 36,9% от общего числа реакций в ассоциативном поле юмористического эссе, 35,5% агитационной речи, 35,2% сказки о счастливом студенте. Динамика различных аспектов этого блока при формировании установки на создание определенных типов текста проявляется следующим образом. Агитационная речь акцентирует внимание на возможности приобретения новых знакомых (35,3% от числа реакций по данному аспекту), веселом и интересном времяпрепровождении (23,7%), возможности улучшения материального положения, получения стипендии (16,7%), получения различных льгот (12,2%). Юмористическое представление о внеучебных аспектах студенческой жизни формируется преимущественно в связи с обустройством быта, питанием студента (37,9%), режимом сна (20,7%), свободным времяпрепровождением (20%), материальным положением студента (16,6%). Представление о счастливой студенческой жизни реализуется в компонентах "материальное положение студента" (26,6%), "свободное времяпрепровождение" (27,4%), "знакомства" (18,5%), "быт, питание" (18%).

Динамика образного компонента (когнитивных метафор) отражена в следующей статистике. В материале для агитационной речи преобладает образ веселого, бурного, вольного и беспечного времяпрепровождения и общения (38,9%). Образ взросления и развития личности реализуется в 21,8% реакций. Третью позицию занимает образ будущего благополучия (14,5%), который мы не включили в список доминирующих образов по итогам свободного ассоциативного эксперимента в связи с крайне незначительным количеством передающих его реакций. Можно также выделить образ материальной обеспеченности и комфорта (7%) и образ интересного и легкого труда (5,5%), которые крайне редко проявлялись в свободных ассоциациях, но максимально представлены в ассоциативном материале сказки о счастливом студенте (21,6% и 37,9% соответственно). Образ интересного и легкого труда противостоит образу тяжелого, утомительного занятия и напряженного, взволнованного состояния, находящему отражение как во многих свободных ассоциациях наших информантов (15,4%), так и в материале для юмористической характеристики студенческой жизни (35,9%). Основу для юмора составили также образы веселого, бурного, вольного и беспечного времяпрепровождения и общения (23,5%), бытовой и материальной неустроенности студентов (15,3%). В сказочном представлении о студен-

ческом счастье также значительную часть составляет образ веселого, бурного, вольного и беспечного времяпрепровождения и общения (33,1%). Образ же бытовой и материальной неустроенности сменяется образом материальной обеспеченности и комфорта (21,6%).

В оценочном компоненте активированной для агитационной речи структуры концепта преобладает сенсорно-чувственная оценка (12,7%), утилитарная оценка (12,3%), оценка возможности (12%), оценка количества/меры (7,5%). Юмористическая характеристика студенческой жизни апеллирует преимущественно к сенсорно-чувственной оценке (11,9%), оценке количества/меры (7,7%), оценке наличия (5,4%), регулятивной оценке (4,1%). Описание счастливой студенческой жизни базируется в основном на оценке количества/меры (16,7%), сенсорно-чувственной оценке (11,5%), оценке наличия (7,3%).

Мы полагаем, что выявленные изменения в степени актуализации компонентов концепта во многом детерминированы коммуникативным заданием, которое ориентирует информанта на определенный текстовый жанр. Предполагается, что информанты имеют некоторое представление (чаще интуитивное, т.е. не сформированное профессионально) об основных особенностях предложенных им жанров, о реализующих их стратегиях, тактиках и средствах. Это представление также формирует в их сознании некоторую ментальную структуру, которая в ходе выполнения коммуникативного задания активируется одновременно со структурой "тематического" концепта и стимулирует или подавляет активацию компонентов указанного концепта.

Представление об агитационной речи, как правило, связано с задачей воздействия, со стремлением убедить кого-то в чем-то. В связи с этим мы наблюдаем большую степень актуализации компонентов, способствующих решению данной коммуникативной задачи. В информационном (понятийном) содержании мы видим некоторый "всплеск" компонента "период жизни", который оказался не столь актуальным в свободных ассоциациях и текстах-примитивах других жанров. Мы объясняем это тем, что для агитационной речи, призывающей к вступлению в ряды студенчества (категории людей, объединенных определенной деятельностью и связанным с ней периодом жизни), существенной является общая характеристика данного периода жизни человека, отличного от того, в котором пребывает объект агитации. Коммуникативная задача данного вида речевой деятельности также предполагает раскрытие преимуществ характеризуемого периода жизни. Эти преимущества видятся нашими информантами в ряде аспектов, лидирующие позиции среди которых занимают перспективы, связанные с получением высшего образования; более интересный и легкий вид деятельности; возможность приобретения новых знакомств и расширение круга общения; веселый, беззаботный и относительно вольный образ жизни, насыщенный разнообразными развлечениями; возможность получения финансовой поддержки и некоторых льгот. Эти аргументы поддерживаются созданием соответствующих образов и актуализацией соответствующих видов оценки, формирующей положительное отношение.

Юмористическое эссе предполагает создание комического эффекта. Это наиболее трудный вид задания, поскольку представление о "морфологии" юмористической характеристики чего-либо и способах создания комического эффекта достаточно расплывчато. Это более творческое задание, в котором отсутствуют ориентиры на какие-то специфические каноны жанра. Кроме того, тематика эссе задана довольно широко, что требует расширенного поиска в "пространстве" указанного концепта и более "самостоятельного" отбора компонентов. В полученном по данному заданию материале можно выделить три линии поведения: а) называние (или описание) аспектов студенческой жизни, которые, по мнению информантов, вызывают юмористическое отношение; б) воспроизведение услышанных ранее шуток, анекдотов, юмористических высказываний на тему студенческой жизни; в) попытка создания авторских шуток. Несмотря на более творческую и личностную ориентацию задания, материал проявляет относительное "единодушие" в выборе аспектов для юмора на тему студенческой жизни. В качестве объектов высмеивания на первом месте стоят различные аспекты учебной деятельности, в основном связанные с формами организации этой деятельности (некоторыми занятиями, подготовкой к ним, видами сессионных испытаний). Во внеучебной деятельности комическое связывается с бытовыми и материальными проблемами, недоеданием и недосыпанием, а также с особенностями свободного времяпрепровождения студентов. Актуализация компонента "субъекты студенческой жизни" происходит в основном в воспроизводимых высказываниях (прецедентных текстах). Актуализованные компоненты реализуют названные выше образы. В оценке проявляется в основном негативное (ироничное) отношение к характеризуемым объектам.

Жанр сказки имеет определенную морфологию, отражающую состав персонажей, репертуар и последовательность их действий и поступков. Этот жанр, пожалуй, наиболее знаком нашим информантам, что нашло выражение в их ассоциациях. С другой стороны, сказочность предполагает описание воображаемого мира, в данном случае мира счастливой студенческой жизни. Кроме того, здесь также происходит активизация концепта "счастье", взаимодействие которого с концептом "студенческая жизнь" формирует специ-

фическое представление о соответствующем фрагменте действительности, в котором компоненты концепта "студенческая жизнь" проявляют новую динамику. Информанты в большей степени акцентируют внимание на деталях, на конкретных аспектах студенческой жизни, нежели на периоде жизни в целом. Свое представление о счастливой учебной деятельности они связывают с изменениями в формах ее организации (расписании, учебном плане, видах занятий, характере сессионных испытаний) и в отношениях с преподавателями. Соответственно вместо образа тяжелого, утомительного занятия и напряженного, взволнованного состояния формируется образ интересного, легкого и успешного труда. Внеучебное счастье ассоциируется прежде всего с наличием большого количества свободного времени для веселого и бурного развлечения и общения, а также с материальной обеспеченностью и комфортными условиями жизни, что выражается в противоположных по сравнению с предыдущим заданием и свободными ассоциациями сенсорно-чувственных оценках и оценках наличия и количества/меры. Относительно высокий процент актуализации компонента "субъекты студенческой жизни" объясняется, на наш взгляд, его статусом в формируемой ситуационной и жанровой модели (статусом героя), а также наличием большого числа реакций предикативного характера с соответствующим субъектом.

Компоненты энциклопедического характера (реалии жизни студентов нашей страны, конкретного вуза, факультета) чаще встречаются в материале для юмористического эссе (8,4%) и агитационной речи (7,9%). В материале для сказки, представляющем воображаемый, нереальный мир, таких компонентов гораздо меньше (2,9%).

Доля компонента, отражающего связь концепта с прецедентными текстами, народным творчеством и т.п., значительно увеличивается в материале для юмористического эссе (18,8%). Полагаем, это вполне закономерно, поскольку ограничение временных рамок выполнения задания (до 5 минут) влияет на выбор стратегии его выполнения. Воспроизведение юмористических стереотипов является в данном случае наиболее легкой стратегией. Как правило, это студенческие байки, поговорки, шутки из студенческих капустников и игры КВН общероссийского или местного масштаба.

В материале для сказки о счастливом студенте прецедентных текстов практически нет (0,5%). Информанты оперируют в основном элементами сказочного жанра, которые мы в данном случае не рассматриваем в качестве текстов прецедентного характера.

Для агитационной речи характерно использование известных речений (пословиц, поговорок, рекламных лозунгов и т.п.) в целях убеждения, например: "Знание - сила!", "Ученье - свет!", "Учиться, учиться и еще раз учиться!", "Студент - это звучит гордо!", "Сильная Россия - образованная Россия!".

Проведенное исследование показывает, что концепт "студенческая жизнь", будучи активированным в различных коммуникативных ситуациях с определенной жанровой спецификой, в целом сохраняет свою идентификационную основу, которую в первую очередь составляют компоненты его информационного (понятийного) содержания. Однако необходимость актуализации и экспликации этих компонентов оказывается различной в зависимости от целей коммуникации. Образная основа концепта также характеризуется относительной устойчивостью и стереотипностью, причем эта стереотипность проявляется и в ее динамике, т.е. в "единодушном" апеллировании к определенным образам большинства информантов при выполнении того или иного задания. Выход на первый план тех или иных образов (как и видов оценки) опять-таки обусловлен целями коммуникации, активирующими другие ментальные структуры, которые вступают во взаимодействие со структурой базового концепта и вызывают ее перестройку.

Проведенное исследование не может претендовать на абсолютизацию полученных результатов и выводов. Для их верификации необходима организация более масштабного эксперимента с вовлечением большего числа информантов и разнообразных типов коммуникативных заданий. В данной статье мы описали использованную в исследовании методику, изложили полученные результаты и некоторые соображения по их интерпретации.

Сводные статистические данные по коммуникативно-целевой динамике компонентов структуры концепта "студенческая жизнь" представлены в таблице.

Компонент	Свободные ассоциации	Агитационная речь	Юмористическое эссе	Сказка
ИНФОРМАЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ				
Период жизни	11,9%	23,9%	5,1%	2,9%
Субъекты студенческой жизни	3,9%	4,5%	13,8%	20,4%
Учебная деятельность	46,7%	36,4%	44,4%	46,8%
Внеучебные аспекты	37,5%	35,5%	36,9%	35,2%
ОБРАЗНАЯ ОСНОВА				
Образ веселого, бурного, вольного и беспечного времяпрепровождения и общения	16,0%	38,9%	23,5%	33,1%
Образ тяжелого, утомительного занятия и напряженного, взволнованного состояния	15,4%	0,2%	35,9%	2,1%
Образ интересного и легкого труда	1,3%	5,5%	1,5%	37,9%
Образ взросления и развития	3,5%	21,8%	-	0,3%
Образ бытовой и материальной неустроенности	8,3%	2,0%	15,3%	-
Образ материальной обеспеченности и комфорта	0,3%	7,0%	-	21,6%
Образ будущего благополучия	0,5%	14,5%	-	0,3%
ОЦЕНКА				
Общая	1,0%	3,9%	0,8%	3,6%
Сенсорно-чувственная	7,6%	12,7%	11,9%	11,5%
Этическая	0,2%	0,7%	0,5%	3,3%
Эстетическая	0,09%	0,5%	0,5%	3,2%
Интеллектуальная	0,1%	2,7%	0,5%	0,8%
Регулятивная	0,2%	0,5%	4,1%	0,5%
Утилитарная	0,1%	12,3%	1,5%	0,8%
Количества/меры	5,6%	7,5%	7,7%	16,7%
Наличия	0,8%	0,9%	5,4%	7,3%
Желательности	1,3%	0,2%	1,3%	1,1%
Возможности	0,7%	12,0%	1,8%	3,0%
Необходимости	0,1%	3,2%	1,0%	0,3%
Уверенности	0,09%	-	-	-
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ	4,3%	7,9%	8,4%	2,9%
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ	1,0%	2,5%	18,8%	0,5%

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты [Текст] / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. - 2001. - Т. 60. - № 6. - С. 47-58.

2. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев. - М.: Гнозис, 2004. - 236 с.

3. Карасик В.И. Языковой круг [Текст] / В.И. Карасик. - М.: Гнозис, 2004. - 389 с.

4. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 53 - 64.

5. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - Воронеж: Истоки, 1999. - 32 с.

6. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения [Текст] / Л.В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. - М.: Наука, 1991. - С. 221 - 237.

7. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Дисс. доктора филологических наук [Текст] / Г.Г. Слышкин. - Волгоград, 2004. - 323 с.

8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. - М.: Языки русской культуры, 1997. - 824 с.

9. Стернин И.А. Структура концепта [Текст] / И.А. Стернин // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспект. Вып. 10. - Барнаул, 2006. - С. 218 - 229.

10. Щекотихина И.Н. Опыт анализа структуры концепта (на материале концепта "студенческая жизнь") [Текст] / И.Н. Щекотихина // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 7. Международный сборник научных трудов. - Москва - Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2008 (в печати).

I.N. Schekotikhina

GOAL-DEPENDENT DYNAMICS IN THE STRUCTURE OF A CONCEPT

The paper presents the research data in the sphere of conceptual analysis. On the example of the concept "students' life" it considers the question of the concept structure and its dynamics in connection with the problem of goal setting in the process of text production. The paper describes the research methods, gives an account of the data statistics and offers its interpretation.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

М.В. Антонова, *доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета.*

МИР РЕБЕНКА В КНИГЕ И. ВОЛЬНОВА "ПОВЕСТЬ О ДНЯХ МОЕЙ ЖИЗНИ"

В статье, посвященной анализу "Повести о днях моей жизни" (книга "Детство") орловского писателя И. Вольнова, рассматривается мир, окружающий ребенка в русской деревне накануне первой русской революции. Герой, с одной стороны, впитывает основы национального миросозерцания и народного православия, а с другой - постоянно сталкивается с насилием и несправедливостью.

Ивана Вольнова (Ивана Егоровича Владимирова) обычно называют крестьянским писателем. "Повесть о днях моей жизни" - центральное произведение в его творчестве - во многом основана на автобиографическом материале, хотя, конечно, главный герой Иван Володимеров не копирует судьбу своего создателя. Вольнов пишет о деревне на рубеже XIX - XX веков, о страшных годах, предшествовавших первой русской революции, и о тех событиях, которые происходили в орловской деревне в 1905 - 1906 годах. "Повесть..." состоит из трех книг. Написана она была по совету М. Горького, который ободрял молодого крестьянского писателя и давал ему советы. Отчасти, возможно, и строение произведения обусловлено этой горьковской заботой. Первая книга называется "Детство", что составляет полное соответствие трилогии Горького. Вторую книгу - "Отрочество" - можно сравнивать с книгой "В людях", поскольку в ней повествуется о периоде батрачества подростка у богатея Созонта Шаврова. И третья - "Юность" это по смыслу "Мои университеты", мужание и взросление героя в годы первой русской революции в деревне.

Я хочу вспомнить известную всем поэму Некрасова "Крестьянские дети". Поэт не без изящества доказывает, что доля крестьянских ребятишек хотя и трудна, но более завидна, чем безоблачное существование "барского дитяти". Ну, едят мошки, ну, бегает ребенок босиком - так ведь закаляется! Ну, к крестьянскому труду приобщается с ранних лет - так ведь это весьма полезно и важно в нравственном смысле: "Покушает свежего хлебца ребенок - и в поле охотней бежит за отцом!" Как правило, литературоведы сравнивают "Повесть о днях моей жизни" с произведениями И. Бунина, в частности с "Деревней". Это оправдано тем ревностным отношением, которое было у И. Вольнова к сочинениям талантливого современника и земляка. Известно его высказывание: "Я не писал, а - спорил" [2, 14]. Действительно, писатель хотел доказать, что он знает деревню истинную, знает изнутри: "Желаете правды? Вот вам - правда! У меня ее больше, чем у вас, и моя тяжелее! Вы ее издали видите, а я родился в ней, жил, буду жить" [2, 14]. То ли со времен Некрасова произошли катастрофические изменения крестьянского мира, то ли прав был Вольнов, когда говорил, что барская точка зрения на крестьянина далека от истины, но в "Повести о днях моей жизни" очень мало светлых сцен. В сравнении с тем, о чем пишет И. Вольнов, некрасовский "Мужичок с ноготок", старательно помогающий отцу, - яркая и радостная лубочная картинка.

В книге "Детство" И. Вольнов останавливается только на тех эпизодах, которые удержала цепкая детская память. Течение времени оказывается хронологически последовательным, но дискретным. Родился герой под Крещение ("Родился я в коровьей закуте зимою, под крещенье, часа в четыре дня" - С. 21). Первые яркие воспоминания детства связаны с Троицей и Масленицей ("Помню, в троицу как-то сижу у окна" - С. 23; "Поздним вечером, на масленице, отец, помню, сидит ужинает" - С. 24). На Преображение в семье Володимеровых случается беда - погибает конь ("На преображение Буланый наелся на гумне ржи из вороха, раздулся, как бочонок, и стонал, лежа в углу, на соломе, а через сутки издох" - С. 41). Осенью перед Покровом, когда крестьянские ребятишки, свободные от многочисленных трудовых обязанностей, могут отправляться в школу, маленький

© М.В. Антонова, 2008

Ваня тоже собирается в училище: "Осенью, перед покровом, я сказал матери:

- Все ребята собираются в училище, надо и мне идти" (С. 53).

Счет своим годам Ваня Володимеров ведет по христианскому обычаю, ориентируясь на дни своих именин, то есть на Ивана Крестителя. Когда учитель спрашивает его о возрасте, герой отвечает: "Сёмой пошел с Ивана Крестителя" (С. 55). Воспоминания о серьезной болезни в детстве также связаны с датами церковных праздников. На "зимнего Николу" происходит несчастье: мальчики, играя, провалились под лед, в результате чего некоторые погибли, а герой долго находился в беспамятстве и очнулся только накануне Крещения: "Пришел в себя я за день до своих именин, в крещенский сочельник, перед вечером" (С. 57). Нетрудно подсчитать, что болезнь вычеркнула из сознания мальчика 20 дней. На "трех святителей" (30 января по старому стилю) собирают сходку, а на Сретенье (2 февраля по старому стилю) в деревню приезжает начальство собирать подати (С. 60). "Гранью детства" герой считает ночь под Илью Пророка, когда ему было 12 лет: "Я был судим тогда, в числе шести, всем осташковским обществом, как вор, и ошельмован, как вор" (С. 80).

Беспросветная бедность и постоянное недоедание - спутники детства героя. Даже горьчайшее событие - смерть отца - может восприниматься как позитивное, поскольку на поминках можно вволю наесться. В книге "Детство" похороны и поминки представлены глазами детей - Вани Володимерова и его двоюродного брата Тимошки. В поле придавило возом отца Тимошки, Ивана Иваныча Горохова. Повествователь пишет: "В первый раз тогда я увидел попа на похоронах" (С. 28). Дети не понимают сути действия, сидя на печи, они в страхе наблюдают за всем происходящим. Совершается обряд отпевания: "...поп, махая кадилом, сердито что-то говорит, а дьячок жмется в угол, косит глаза на баб и нараспев ему поддакивает. Под конец и поп и дьячок закричали вместе, поп стал отмахиваться от мужиков лампадкой, а Тимошкина мать упала на пол и задрыгала ногами" (С. 28). Сын умершего не понимает, что семья осталась без кормильца: "Спасибо, Вань, бате, что умер, а то где бы нам кутьицы похлебать, как ты думаешь?" (С. 28). И в знак согласия Ваня Володимеров, уже набивший рот снедью, важно кивает головой.

Голод не только следствие недорода, как знаменитые Петровки 1892 года, столь запомнившиеся герою, семья едва пережила не только из-за скудного урожая и свирепствующей холеры, но и потому, что запил отец, продал заготовленные на продажу холсты за бесценок. Вырученных денег хватило, чтобы напиться до беспамятства, купить всего пуд гнилой муки, которого едва хватило до петровского разговенья. И начался голод.

Первую редакцию "Повести..." Вольнова критиковали за многочисленные натуралистические подробности. Писатель согласился со своими оппонентами и убрал некоторые особенно жестокие сцены. Однако и последняя авторская версия изобилует сценами насилия. Постоянное угнетение, невозможность выбиться из нищеты порождают у взрослого населения орловской деревни бессильную злобу. Противиться князю Осташкову, владевшему богатыми угодьями, бороться с судьбой у таких людей, как отец Вани Володимерова или Мишка Сорочинский, не было сил, смелости. Поэтому им оставалось только одно - топить свое отчаяние в водке и срывать свою бессильную злость на близких.

В детских воспоминаниях Вани все праздники омрачены пьянством отца или односельчан: "Сошлись в праздник гости к нам, и отец угощал за обедом всех вином..." (С. 27); "Раннею весной подвыпивший отец с компанией соседей и родственников, зайдя однажды в избу, сказал мне <...>. Было вознесение" (С. 75). Вспоминая детские годы, Вольнов рисует такую картину: "Поздним вечером, на масленице, отец, помню, сидит ужинает. Мотя спит. Мать возится на кутнике. Положив руки на стол и склонив на них голову, отец о чем-то думает. На конце стола, у лампы - полштофа водки. Отец время от времени "прикладывается" к полштофу, а я стою около него, держась рукой за шею, и пою ему песню про сиротку Машу.

- Ел бы, песенник, блины с отцом, - кричит мать. - Будет тебе, - завтра напоешься" (С. 24).

Заканчивается веселый вечер тем, что отец, напившись, сгоняет ласкающегося ребенка со своих колен ударом кулака по голове. В результате мальчик к утру начинает бредить и весь пост лежит в горячке.

В этом эпизоде ребенок пытается увещевать отца:

- Ты мать мою не бей.

- Почему? - спросил он.

- Жалко ее.

Отец нагнулся и засопел.

- Она - хорошая, нужда только заела нас... Другой раз не утерпишь... (С. 25).

Это редкие добрые слова в устах героя.

Мать - защитница детей, олицетворение терпения в их глазах. Она закрывает их своим телом от побоев отца. Она старается спасти холсты от своего пьяного мужа, который ради бутылки водки готов спустить все заработанное за мизерную цену. Результатом становятся жесточайшие истязания. Для детского восприятия героя характерно резкое противопоставление отца и матери. Причем в первые годы жизни мальчик тянется к отцу, радуется его вниманию. Но раздражение и злоба, которые съедают старшего Володимерова, делают его врагом самым близким людям.

Например, герой вспоминает, как он еще маленьким, желая заслужить похвалу отца, пытается ему доказать, что он может самостоятельно за-

браться на старого мерина Буланого. Один раз ему это удалось, а вот в присутствии отца - никак! От излишнего усердия и поспешности мальчик, перебрасывая ногу, случайно ударил отца в подбородок. Тот сбросил сына на землю, обругал, велел убираться, но бить не стал, только закричал:

- Не тебе я сказал? Уходи, покуда морду не набил!..

"Что бы ему так не делать!" - с горечью замечает автор (С. 31).

Два полюса в семье - вечное страдание, любовь и прощение матери и вечное насилие, злоба и пьянство отца.

Вообще в доме Володимеровых царит обстановка насилия и страха. Отец избивает всех: постоянно прибиты собаки, кошки не держатся здесь более полугода - отец их просто убивает по злобе и за провинности. Естественно, та же участь у людей.

В повести есть удивительная история крестьянской лошади Карюшки, которая заставляет вспомнить традиции русской литературы - Некрасова и Достоевского. Долгожданная, купленная на столь трудно собранные деньги, необыкновенно умная и красивая кобылка Карюшка становится любимицей всей семьи. К ней тянутся дети - Ваня и Мотя, все ее подкармливают, таскают, отрывая от себя, - куски хлеба. И Карюшка, понимая заботу и любовь хозяев, старается отплатить им послушанием, верным служением в труде. Но тонкокостная кобылка непригодна к тяжелой лямке, да и скудная кормежка не позволяет ей быть физически достаточно сильной. Поэтому отец нещадно хлещет ее: "Отец ввил проволоку в кнут, а на конец приделал гвоздь. Когда он стегал этим кнутом лошадь, она ежилась, сжималась, шатаясь, в комок и раскрывала рот. Правый пах ее, ляжка и бок покрылись волдырями и рубцами в большой палец толщиною, из которых текла кровь" (С. 51). Лошадь боится, подбирает зад, косится на правую руку мужика, идет боком, и пашня выходит кривая. Тогда Володимеров-старший придумывает, как заставить несчастное животное ходить ровней: он вбивает острый гвоздь с той стороны обжи, где Карюшка трется левой ляжкой. Лошадь теперь ходила прямо, но и левая ее нога была покалечена. Так в немилосердных побоях прошла пахота. Нельзя сказать, что отец испытывает какое-то садистское удовольствие от творимого им насилия. Наверно, он причиняет физическую боль живому существу потому, что, с его точки зрения, это единственный способ заставить лошадь или человека делать что-либо для него нежелательное. С точки зрения отца, всем миром правят насилие и страх. Он сам боится управляющего, князя Осташкова, исправника и многих других, он сам терпит побои и унижения, он самый униженный... Кто заплатит за это, на ком можно отыграться? На том, кто зависит от тебя: жена, дочь, сын, лошадь, домашние животные. Причем Ваня, несмотря на малолетство, все замечает и запоминает. Он видит, как отец бьет мать:

"Отец молча ударил ее кулаком по лицу. Она мотнула головой по-лошадиному и опрокинулась на спину. Изо рта ее обильно заструилась кровь. <...> Мать падала навзничь, хваталась за лицо, плакала и опять лезла. Отцу надоело это: взяв ее за волосы и обмотав их вокруг руки, он приподнял от земли голову и бил по правому виску, уху и щеке толстым ореховым кнутовищем. Мать только стонала.

Я помню: отец бил часто лошадь так, когда та не могла везти тяжелый воз, - по уху и скулам, норовя попасть ближе к глазу. Как и в тех случаях, лицо его становилось багровым, глаза мутнели, он трясся" (С. 33).

История Карюшки, действительно, окончилась трагически, а причиной стал именно тяжелый воз, который она по слабосильности не могла вывезти на косогоре. В припадке неконтролируемой ярости старший Володимеров всаживает вилы в спину животного. И только когда лошадь умирает, он с ужасом осознает, что случилось непоправимое, и принимается рвать на себе волосы.

Маленький Ваня ненавидит отца, он мечтает о его смерти и всерьез обсуждает с матерью, как он, может быть, убьет отца. Если же он этого не сделает, то отец в конце концов прикончит его самого. Когда отца жестоко наказывает становой и ему приходится неделю отлеживаться на печи, в сердце мальчика не просыпается жалость.

Однако не надо думать, что ребенок Ваня Володимеров от постоянных побоев и унижений стал совершенно жестокосердным. Во-первых, как я уже говорила, он нежно и трепетно любит своих мать и сестру. Во-вторых, ребенок усердно тянется к знаниям. Ему не терпится пойти в школу, научиться читать и писать. Заодно с братом учится читать и Мотя. Как это ни странно Ване, отец в минуты умиления, что нечасто с ним случалось, одобряет и поощряет книжные занятия сына. Самое важное, что дети, постоянно находящиеся среди страданий и насилия, тянутся к любви и милосердию. С этим связано и их увлечение Священным писанием.

Ваня и его старшая сестра Мотя, обучившись грамоте и пристрастившись к чтению, естественно, в первую очередь знакомятся "Азбукой" и "Русскими книгами для чтения" Л.Н. Толстого, в которые были включены, как известно, не только натуралистические рассказы, переложения сказок, басен, но и рассказы на библейские и евангельские сюжеты. Особенно запомнилось герою, как он и сестра с огромным воодушевлением читали "Последнюю беседу Иисуса Христа со своими учениками": "Заповедь даю вам новую: да любите друг друга, как я вас возлюбил. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Если мир вас ненавидит, знайте, что меня прежде вас возненавидел. Наступает время, когда

всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит богу. Вы рассеетесь каждый в свою сторону и меня оставите одного; но я не один, потому что отец мой со мною. В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: я победил мир..." (С. 72). И хотя здесь евангельский текст звучит в переложении Л.Н. Толстого, этот "восторг" читающих детей, их горячая "самодельная молитва" имеют большое значение для дальнейшего развития героев. Мотя, стоя на коленях, восклицает: "Спаситель! Нам обоим хочется пострадать за тебя так же, как и ты за нас страдал..." (С. 72). Некоторое время детей весьма занимают эсхатологические переживания. Они размышляют о Страшном Суде, истово молятся, опасаясь наказания за грехи. Маленького Ваню "пугает представление о вечности" и доводит до отчаяния слово "никогда" (С. 74). Вольнов пишет о переживаниях своего героя: "Я пытался всеми силами представить конец "никогда", но не мог. Крича истово, в полусне-полубреду молился, целуя иконы и землю, прося у них заступничества, помощи, прощения, пока я жив" (С. 74). Этот период "самобичевания", продолжавшийся на протяжении Великого поста, заканчивается странным, отчасти пророческим сном: "Я видел себя на старой княжьей мельнице, окруженной ребятишками и маленькими девочками, у которых за плечами были крылья" (С. 74). Старшая сестра объясняет мальчику, что это ангелы, радующиеся его праведной жизни. Увлечение Писанием, религиозные мечтания выливаются в мечту о праведной жизни, о страдании, спасении и подвигах: "В ту пору мы решили с нею [Мотей. - **М.А.**] стать преподобными, для чего закопаться где-нибудь подальше от людей по шею в землю, как Иван Многострадальный, или жить в лесу вместе со зверями, как святой Тихон Калужский" (С.74). "Затею" стать святыми отодвинула на второй план наступившая страда, когда уже некогда было предаваться страхам и мечтам, надо было работать до изнеможения и помышлять лишь о кратких передышках от тяжелого крестьянского труда. Но евангельская гуманистическая идея страдания за людей и спасения ближних, а не только самого себя, глубоко укоренилась в душах детей.

Мальчик продолжает ненавидеть отца за его пьянство и жестокость, постоянное унижение матери, он долгое время не может понять, почему она столь терпеливо сносит все издевательства. Однако о смерти отца ребенок больше не мечтает. Конечно, Ваня совершает ошибки, можно сказать, грешит. В конце повести он вместе с другими ребятами ворует утят. Он впервые, наверное, встречается с человеческой подлостью вне своей семьи, понимает, что никому нельзя доверять: взрослый мужик Архип Мухин спровоцировал ребятишек совершить кражу и даже снабдил их посудой для варки утятины, а затем бил вместе со всеми, возмущался больше всех, корил их за то, что они утащили его посуду. Мальчиков не только бьют всем миром, но и позорят: их с кусками мяса на шее и перьями на голове с улюлюканьм проводят по деревне. "Постарел я за этот день", - завершает книгу "Детство" Иван Вольнов (С. 86).

Писатель жил и воспитывался в крестьянском деревенском мире. И хотя, конечно, Ваня Володимеров - это автобиографический герой лишь отчасти, судьба и биография Ивана Вольнова и его героя не имеют точного и полного совпадения, писатель знал и видел все ужасы и радости этого крестьянского деревенского мира изнутри. Он знал, что влияет на сознание ребенка, что руководит его становлением и воспитанием. Как это ни странно, мир природы и поэзия народных сказок мало запечатлены на страницах книги "Детство". Это все появится чуть позже. Читателю понятно, что герой впитывает основы народного миросозерцания, приобщается к стихийному православию, но светлых картин любования природой, тихих семейных радостей в произведении практически нет. Ребенок формируется в борьбе с "миром насилия", который его окружает, с миром страдания, когда каждый трепещет перед более сильным и угнетает более слабого. Неудивительно, что в юности Иван Володимеров придет к выводу, что такой мир недостоин существования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вольнов Иван. Повесть о днях моей жизни. - Тула, 1985. Ссылки на данное издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страницы).

2. Горький М. Иван Вольнов // Вольнов И. Избранное. - М.,1956. - С. 3 - 21.

M.V. Antonova

World of a child in the book by I. Volnov "Tale of the days of my life"

In the article devoted to the analysis of "Tale of the days of my life" (book "Childhood") by Orel writer I. Volnov the world surrounding the child in a Russian village before the First Russian Revolution is considered. On the one hand, the character laps up the principles of national world view and orthodoxy and on the other hand - constantly faces violence and injustice.

Е.А. Великанова, *аспирант кафедры русской литературы Петрозаводского государственного университета.*

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН: ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ ВСЕЛЕННОЙ ("ЗАСТАВА НА ЯКОРНОМ ПОЛЕ")

Счастливая семья - идеал, издревле существующий в фольклоре. Фантастические повести В.П. Крапивина, при злободневности звучания, сохраняют связь с традицией волшебной сказки и говорят юному читателю о вечных ценностях человечества, важнейшей в ряду которых является семья.

Владислав Крапивин - крупнейший детский писатель современности. Более сорока лет его книги находят отклик в сердцах читателей, круг юных и взрослых поклонников творчества Крапивина чрезвычайно широк. Писатель продолжает плодотворно работать и сегодня, главной темой его произведений - и реалистических, и фантастических - остается положение детей в современном мире.

В одном из последних интервью, опубликованном в журнале "Север", В.П. Крапивин отмечает, что в отличие от предыдущих поколений нынешние дети "меньше разбираются в истории и литературе и больше в компьютерных технологиях, порой кажутся более прагматичными и эгоистичными" [4; 145]. Несмотря на это, писатель убежден: "...в глубине своего существа дети во все времена остаются одинаковыми. Им всегда интересны тайны мироздания, они бескорыстнее взрослых в своем отношении к людям, стремятся к искренней дружбе, к справедливости, верят в свои фантазии и готовы пожертвовать многими житейскими выгодами во имя этих фантазий и товарищества" [4; 145]. Счастливая семья есть сегодня не у каждого, но в любую эпоху это мечта ребенка и естественная необходимость.

Кризис семьи - острейшая проблема современного общества - один из центральных вопросов для В.П. Крапивина. "...Настоящих отцов становится все меньше. Да и матери, увы, не всегда дарят сыновьям и дочерям любовь и ласку. Мне кажется, в наше время родители все чаще теряют ощущение ответственности за своих детей" [4; 145], - с горечью констатирует писатель. К проблемам неполной семьи, сиротства, беспризорного детства В.П. Крапивин часто обращается в своих произведениях. С особой остротой эти темы звучат в фантастических повестях цикла "В глубине Великого Кристалла" (1988 - 1992), одна из которых - "Застава на Якорном поле" (1989) - будет в центре нашего внимания в этой статье.

Счастливая семья - это идеал, который издревле существует в фольклоре. Наиболее полно он реализуется в волшебной сказке, в которой, как пишет Е.М. Неёлов, "всеобщая родственная связь персонажей уже создает некий образ семьи, проходящий через всю сказку" [12; 15]. Исследователь Е.С. Новик замечает, что связь эта "четко фиксируется в традиционных формулах типа: «Кто бы ни был таков... выходи сюда, коли старый человек - будешь мне родной батюшка, коли средних лет - будешь братец любимый, коли ровня мне - будешь милый друг»" [15; 230]. Как подчеркивает Е.С. Новик, "именно отношения родственников определяют основные коллизии волшебной сказки" [15; 230].

Связь творчества В.П. Крапивина с фольклорной волшебной сказкой уже отмечена исследователями. "В целом ориентация на мир волшебной сказки свойственна практически всем произведениям Крапивина" [16; 229], - замечает Л.В. Овчинникова. Надо уточнить, что речь идет главным образом о произведениях писателя, написанных в жанре литературной сказки и научной фантастики, так как фольклорная волшебная сказка лежит в основе поэтики этих жанров. Кроме того, часто в

© Е.А. Великанова, 2008

произведениях В.П. Крапивина фольклорные мотивы звучат открыто, повинуясь авторской воле.

Герои "Заставы на Якорном поле" живут в будущем - как и в сказке, в фантастической повести временная отнесенность происходящего условна. И неопределенно-прошлое сказочное время, и неопределенно-будущее время фантастики Крапивина могут рассматриваться как модель настоящего [см. 2, 7, 11]. "Возьмите статистику: население уменьшается, а число сирот при живых родителях растет. А сколько беспризорников..." - говорит писатель в интервью журналу "Север" [4; 145]. Нарушение цивилизацией законов природы, разрушение естественных семейных связей во внешне благополучном и процветающем обществе - тема, которая беспокоит и писателя, и современных педагогов - в фантастической повести приводит к появлению детей, готовых протестовать. Они - "мутанты на почве сиротства" [5; 562] - вундеркинды, наделенные сверхспособностями, юные экстрасенсы, гиганты телекинеза.

О причинах кризиса семьи и о том, кто больше нужен одаренным детям будущего - безответственные родители или мудрые наставники, спорят взрослые герои повести Крапивина: "Естество - извечный закон! Что же тогда... тысячи матерей бросают детей, спихивая их в приюты, благотворительным общинам и электронным нянькам? А отцов вообще не сыщешь... Кто ломает установки природы? - Бросают, да... А дети с этим смириться не могут. Значит, закон все-таки есть" [5; 563]. Вопрос о вынужденной необходимости сиротства, который первыми поставили А. и Б. Стругацкие в повести "Гадкие лебеди" (1966), В.П. Крапивин решает однозначно - он утверждает ценность семьи и не сомневается в том, что родных отца и мать ребенку не сможет заменить никто. Тем не менее Крапивин так же, как Стругацкие, ставит под вопрос право на существование взрослого мира, потерявшего доверие собственных детей.

Главный герой повести "Застава на Якорном поле" - двенадцатилетний Матвей Радомир по прозвищу Ежики - сирота. Недавно Ежики потерял маму - ему сказали, что она погибла в катастрофе, когда взорвался двигатель аэротакси. Отца, который погиб еще раньше, мальчик не помнил, знал о нем только по рассказам мамы. Неполная семья - это норма, к которой привыкли жители мегаполиса. "Кто папа, спрашивать не принято. С папами в наши дни сложно" [5; 491], - размышляет герой. Положение Ежики даже лучше, чем у большинства мальчишек, воспитанных матерями, - он хотя бы точно, "без выдумок и сказок", знает имя отца.

Память героя-ребенка постоянно возвращается ко времени, когда мама была жива. В волшебной сказке, по словам В.Я. Проппа, "начальная ситуация часто дает картину особого, иногда подчеркнутого благополучия, иногда в очень ярких, красочных формах. Это благополучие служит контрастным фоном для последующей беды" [17; 24]. Ярко и психологически убедительно В.П. Крапивин раскрывает перед читателем очень близкие, доверительные отношения мамы и Ежики. В родном доме, рядом с любящей матерью Ежики чувствовал себя счастливым. "Случившемуся он поверил сразу, хотя и кричал, что это неправда... Не раз он видел в жутких снах, что с мамой случилось непоправимое. И просыпался с мокрым лицом, перепуганный и благодарный за вернувшееся счастье. А теперь не проснешься..." [5; 505].

Значение родного дома для Ежики огромно. Его построил дед мальчика, папин отец, "когда не было на Полуострове никакого мегаполиса" [5; 513]. Ежики не может смириться со смертью мамы и пытается ей противостоять, защищая свой дом, "где все его и мамино!" [5; 506]. Как отмечает Ю.М. Лотман, "среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление Дома (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) Антидому, "лесному дому" (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир)" [8; 748]. Со смертью мамы Дома для Ежики не остается. "Дом стоял запертый, с пломбой на дверях" [5; 517]. Ежики ненавидит все, что связано с Лицеем для одаренных детей - Ложным домом, или Псевдодомом, в котором он теперь живет. Даже лицейский мундир Ежики предпочитает не носить - и, прежде чем бежать на Якорное поле, переодевается в то, "что привык носить раньше, в домашние времена" [5; 484].

О комнате героя в "лицейском доме" на страницах повести всего несколько слов - она не может стать настоящим Домом, потому что в Лицее царит неродственность. Все лицеисты - "какие-то... ну, каждый в своей скорлупе. Со своими заботами и мыслями. Как и сам Ежики. Наверное, это и объяснимо: почти все лицеисты были сиротами..." [5; 516]. В комнате Ежики, как и в комнатах других ребят, установлен "широкоугольный объектив ректорского экрана. Дабы ведомо было ректору, чем заняты подопечные чада наедине... И был... еще один объектив, укрытый за решетками зимнего обогревателя... и еще - совсем хитрые и, скорее всего, с инфракрасным приемником, чтобы темнота не укрывала воспитанников от наставнического ока" [5; 518]. "Наставники" неусыпно следят за своими подопечными, которые живут "за шеренгой прикрытых одинаковых дверей" [5; 587], но это никаким образом не сближает их, не делает семьей. Зато в Лицее строго соблюдается видимость независимости - на дверях комнат установлены замки, "но замки хлипкие, просто для порядка. Мол, каждый лицеист - хозяин в своей комнате" [5; 587]. Как и для многих лицеистов, жизнь Ежики в Псевдодоме-Лицее не была настоящей жизнью - он "смотрел на жизнь отрешенно, как сквозь дымчатую пленку" [5; 515].

С Антидомом Ежики впервые сталкивается,

когда попадает в подземный бункер "садовых троликов". "Испытание иттов" - символическое сожжение, которому его подвергают подростки - явно носит загробный характер. Пораженные стойкостью мальчика, "тролики" отдают ему главную ребячью ценность - космический кристалл Яшку. Антидом - это и подземная станция "Якорное поле", пройдя через которую герой оказывается на другой грани Вселенной, где у него появляется надежда отыскать маму. Когда попасть на станцию уже невозможно, Ежики бросается на Якорное поле напрямик, навстречу поезду - пройдя через то, что в фольклористике принято называть "временной смертью" ("Или смерть реальную?" - задумывается читатель), он наконец-то встречается с мамой.

Несмотря на характерный для всех произведений В.П. Крапивина "безукоризненный рисунок эмоций, испытываемых героями" [3], в их образах нетрудно выделить и волшебно-сказочные "функции", описанные В.Я. Проппом. Как у сказочного "героя-искателя", "круг действий" Ежики охватывает отправку на поиски, положительную реакцию на требования "дарителей" ("садовых троликов") и счастье в финале, знаком которого в сказке является свадьба. Для Ежики свадьбу заменяет встреча с мамой - это воссоединение семьи, к которому стремится герой-ребенок.

Нетрудно сравнить Ежики со сказочным Иванушкой-дурачком: все его поступки бессмысленны, и даже понимая это, герой не останавливается. Надежда найти умершую маму совершенно нелепа с точки зрения здравого смысла. Глупой была попытка защитить дом от сил Охраны правопорядка. Поиски Якорного поля бесполезны, потому что главный диспетчер сказал ему правду: "Послушай, малыш... такой станции нет" [5; 507]. Последняя попытка Ежики "прорваться", бросившись под поезд, совершенно чудовищна с обыденной точки зрения. "А ведь для сказочного героя, для всего строя волшебной сказки как раз и характерно «недоверие к расчетам здравого смысла»" [12; 56], - замечает Е.М. Неёлов. Детский и вместе с тем сказочный взгляд помогает Ежики преодолеть слепоту здравого смысла. Он упрямо добивается своей цели и побеждает.

Отношения близких родственников связывают не только Ежики с мамой. Юкки-Гусенок ищет свою сестренку, про которую объясняет, что "она, правда, не кровная, у нее были другие папа и мама, но все равно мы родные..." [5; 585]. Похожий на Рэма паренек, которого Ежики встречает на Поле, говорит: "Я Рэмкин брат" [5; 585]. Пока Рэмкин брат вел Ежики к маме, тот вспомнил про оставшегося в Лицее Гусенка - "и резкое эхо одиночества отозвалось в нем холодком" [5; 602]. Ежики спросил: "Послушай... Как ты думаешь, нам можно будет взять к себе одного... ну, как братишку?... - А кто это? - Рэмкин брат, кажется, не удивился... - Просто мальчик... Такой... в красных сандалиях... - А! Да это Юкки! - Рэмкин брат глянул понимающе. - Но у него же сестренка... - Ну... можно и с ней... (Выд. В.П. Крапивиным)" [5; 602 - 603].

Как отмечает Е.М. Неёлов, "роль семейной сферы в сказке столь велика, что выводит за пределы собственно человеческого мира. Отношения родственности распространяются на мир природы" [12; 19]. По словам Е.С. Новик, "признаки родственного или свойственного статуса оказываются важными не только для отношений между людьми, но и для отношений между сверхъестественными существами, между животными, а также тех и других с человеком" [15; 231]. В повести В.П. Крапивина "Застава на Якорном поле" в сферу семейных отношений включается фантастическое существо - космический кристалл Яшка.

Яшку, "крошечную модель всеобщего Мироздания", "давным-давно" вырастила из звездной жемчужины "очень мудрая женщина" мадам Валентина. Яшка рос у нее на подоконнике в обычном цветочном горшке. В доме мадам Валентины всегда было много мальчишек, и младший из них, Лотик, поливал Яшку "самой чистой водой", чтобы он "рос быстрее" [5; 543].

Согласно древним мифологическим представлениям, указывает Е.М. Мелетинский, "наиболее распространенной моделью космоса в целом... является "растительная" модель в виде гигантского космического древа" [9; 213]. Кроме Яшки-Вселенной, растительную природу в повести имеют и якоря, которые непонятным образом "прорастают" на Якорном поле. В символике якоря важную роль играет и христианское значение - якорь "является древнейшим символом христианской надежды спасения" [10; 87], и в основе этого символа - крест, Крестное Древо.

Яшка понимает свою растительную сущность: "Я не целый кристалл, не взрослый, а только росток..." [5; 545]. И ему, кристаллу-ребенку, тоже необходима мама: "...ведь я живой! Кто-то меня родил на свет..." [5; 537]. Яшка вспоминает, что "мадам Валентина учила его, читала ему умные книги, знакомила с науками. И, кажется, любила... - Потому что она... раз меня вырастила из капельки... она все равно как мама, да, Ежики?" [5; 543]. И хотя потом, когда "что-то случилось с природой", маленький Яшка "откололся от корня" и потерялся, он не верит, что мадам Валентина могла бросить его или забыть: "мадам Валентина перенесла город на другую грань... Да, конечно! И ушла сама. Поэтому она меня и не отыскала. Так просто она бы меня не бросила... Она же... вырастила" [5; 544]. Мадам Валентина предстает перед нами как мифическая прародительница, создательница нового мира, заключенного в Яшке. Однажды Лотик сделал из желтой бумаги и наклеил на Яшку окошко. "Мадам Валентина сперва рассердилась, а он говорит: "Это же Вселенная, значит, дом для всех, кто в ней живет..." Она тогда засмеялась" [5; 543].

Родственные отношения связывают Яшку-Вселенную не только с мадам Валентиной, но и с

Ежики - как в сказке, где "*мир доброй природы изначально чувствует в добром герое своего* (Выд. Е.М. Неёловым)" [12; 20]. Только познакомившись с Ежики, Яшка заявил: "Ты ничего парнишка. Я у такого давно не был" [5; 536]. Когда Ежики делится с ним своей бедой, Яшка понимает: "Ты, значит, тоже откололся от корня..." [5; 537]. Как пишет Е.М. Неёлов, "Вселенная в научной фантастике активна, она либо дружественна, либо враждебна, но никогда не равнодушна к человеку" [11; 81]. Несмотря на то, что Яшка-Вселенная имеет нечеловеческую природу, Ежики чувствует, что они не чужие друг другу. Решив, что должен стать звездой, Яшка спросил у него: "Иначе зачем я на свете? Валяться в чужих карманах? Ежики тихо сказал: - Не в чужих, *а в моем* (Курсив мой. - **Е.В.**)" [5; 575]. Ежики помогает Яшке взлететь - символическое воссоединение Яшки с космической семьей, рождение новой жизни - это его превращение в звезду. Как пишет А.Н. Афанасьев, "рождение младенца должно было означаться появлением или возжжением новой звезды, как это и засвидетельствовано преданиями индоевропейских народов" [1; 105].

"Можно сказать, что сказочный герой, объединяя существ природного мира в лагере Добра, тем самым вводит в этот мир регулирующее начало, подчиняет этот мир природы доброй человеческой цели, вносит в него человеческий смысл, - пишет Е.М. Неёлов. - Цель регуляции природы, осуществляемой Иванушкой, заключается прежде всего в восстановлении родственности, разрушенной в начале волшебного действия. Именно в этом заключается смысл сказочной борьбы Добра и Зла" [12; 20]. Именно эту цель - возвращение собственной семьи и восстановление всеобщей родственности - преследует двенадцатилетний герой повести В.П. Крапивина. Он хочет вернуть погибшую маму, взять "к себе" Юкки с сестренкой, помочь Яшке стать частью Вселенной - воссоединить разрушенную семью и одержать победу над вторгшимися в жизнь злыми силами.

На бесконечном множестве дорог Вселенной встречаются герои фантастических повестей В.П. Крапивина. Они знают, что у каждого - "Своя Дорога", своя судьба. "Конец пути-судьбы - это финал сказки" [11; 103], когда никаких дальнейших перемен в жизни героя не предполагается, "действие всегда и навсегда завершается, персонажи застывают в неподвижности" [11; 103]. Картина семейного счастья выступает как статическая "ситуация, открывающая и закрывающая повествование" [14; 185]. В повести В.П.Крапивина "Застава на Якорном поле" семья не рождается, а возрождается, когда ребенок возвращается к матери. И действительно, добившись счастья, ее герои "застывают". В следующей повести цикла "В глубине Великого Кристалла", "Крик петуха" (1990), о Ежики вспоминает Витька Мохов: "хороший, конечно, парнишка. Главное, что счастливый... он не поверил, что мама погибла, пробился к ней, нашел. И вернулись они в свой дом (Хочется добавить: "...и жили они долго и счастливо". - **Е.В.**), а враги их получили сполна... Но главное, что у Ежики опять есть дом и мама..." [6; 58 - 59].

Популярность книг В.П. Крапивина с годами только растет. Мы можем заметить, что кроме проявлений ярчайшей творческой индивидуальности, таланта педагога и психолога долгую жизнь произведениям В.П. Крапивина дарит и поэтика волшебной сказки, чутко воспринятая художником и получившая в его книгах новую жизнь.

Историки литературы нередко отмечают, что "во времена, когда происходит трансформация (или крушение) устоявшейся, привычной, ставшей традиционной картины мира, литературная сказка и фантастика выходят на первый план" [13; 8]. Востребованность этих жанров характеризует и нашу эпоху.

Обвинения, которые писатель предъявляет современному взрослому миру, их жесткость и прямота - это ни в коем случае не попытка снискать доверие и популярность среди молодых читателей, которые и без того не устают объясняться "Командору" в любви в письмах и на многочисленных Интернет-форумах. Книги В.П. Крапивина обращены не только к юному читателю - ребенку, подростку они призывают задуматься взрослых, которые часто забывают, что детские судьбы - в их руках.

"Отношение к детям надо менять коренным образом, - не устает повторять писатель. - Мало увеличивать денежные пособия, необходимо, чтобы взрослое общество по-настоящему любило юные поколения, без которых у страны нет будущего..." [4; 145]. Хочется, чтобы слова писателя были услышаны, а счастливая семья не стала сказочно-фантастическим идеалом, давно ушедшим в прошлое и невозможным в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. - М.: Сов. писатель, 1995. - Т. 3. - 416 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики.
3. Борисов М. Владислав Крапивин: космология детства: [Электронный ресурс] / М. Борисов. - Электрон. ст. - Режим доступа к ст.: http://www.rusf.ru//vk/recen/1998/m_borisov_01.htm.
4. Крапивин В., Щуркова Н., Пиетиляйнен Е. Другие дети?.. / В. Крапивин,Н. Щуркова, Е. Пиетиляйнен // Север. - № 1 - 2. - 2008. - С. 144 - 148.
5. Крапивин В.П. Застава на Якорном поле. Повесть / В.П. Крапивин // В ночь большого прилива: Повести. - М.: Изд-во "Эксмо", 2006. - С. 477 - 603. - (Отцы-основатели: Русское пространство).
6. Крапивин В.П. Крик петуха. Повесть / В.П.Крапивин // Сказки о рыбаках и рыбках: Повести. - М.: Изд-во "Эксмо", 2006. - С. 5-176. - (Отцы-основатели: Русское пространство).
7. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. - 3-е изд., доп. - М.: Наука, 1979. - 360 с.
8. Лотман Ю.М. Дом в "Мастере и Маргарите" / Ю.М. Лотман. // О русской литературе. Статьи и исследования: История русской литературы. Теория прозы. - СПб.: Искусство-СПБ, 2005. - С. 748 - 754.
9. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. - 3-е изд., репринт - М.: Вост. лит., 2000. - 408 с.
10. Молотков С.Е. Практическая энциклопедия православного христианина. Основы церковной жизни. - СПб.: САТИСЪ, 2003.- 340 с.
11. Неёлов Е.М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики / Е.М. Неёлов. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. - 198 с.
12. Неёлов Е.М. Натурфилософия русской волшебной сказки: Учеб. пос. по спецкурсу / Е.М. Неёлов. - Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1989. - 86 с.
13. Неёлова А.Е. Повесть-сказка в русской детской литературе 60-х годов XX века: автореф. дисс.... канд. филол. наук / А.Е.Неёлова; Изд-во ПетрГУ. - Великий Новгород, 2004. - 22 с.
14. Неклюдов С.Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора / С.Ю.Неклюдов // Типологические исследования по фольклору: Сб. тр. памяти В.Я.Проппа. - М., 1975. - С. 182 - 191.
15. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки / Е.С. Новик // Типологические исследования по фольклор: сб. тр. памяти В.Я.Проппа. - М., 1975. - С. 214 - 247.
16. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика / Л.В.Овчинникова. - М.: "Флинта", "Наука", 2003. - 312 с.
17. Пропп В.Я. (Собрание трудов) Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки: Собрание трудов В.Я. Проппа / В.Я.Пропп. - М.: Лабиринт, 1998. - 512 с.

E.A. Velikanova

Vladislav Krapivin: Fantastic family of the Universe ("Outpost on the Anchor field")

A happy family is a lofty ideal that exists in folklore from the earliest times. V.P. Krapivin's fantastic tales, although they appear to sound timely, have ties with traditions of the fairy tale as well as tell young readers about the eternal culrural wealth of the mankind in which we find family as one of the most important.

Т.А. Давтян, *аспирант кафедрыистории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета.*

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ П.А. РОССИЕВА "СВЯТИТЕЛЬ АЛЕКСИЙ"

В статье, посвященной анализу церковно-исторической повести П.А. Россиева "Святитель Алексий", подробно рассматривается изображение детских и юношеских лет главного героя в соотношении с данными житийных образцов произведения, которые послужили источниками для писателя.

Перу ныне почти забытого литератора, общественного и церковного деятеля рубежа XIX - XX веков, уроженца города Орла Павла Амплиевича Россиева принадлежат четыре церковно-исторических произведения для юношества: "Святитель Алексий", "На севере диком", "Палладий Роговский" и "Великий печальник за землю русскую патриарх Гермоген". В данной статье мы обращаемся к повести П.А. Россиева "Святитель Алексий" и остановимся лишь на одном важном этапе формирования главного героя - детстве и отрочестве, в который входит рассказ о родителях, книжном учении и воспитании, а также повествование о призвании к служению. В нашу задачу входит выявление своеобразия изображения святого П.А. Россиевым в сопоставлении с житийными образцами.

Митрополит Московский Алексий был канонизирован еще в первой половине XV века. Надо сказать, что роль этого святого русской церкви не ограничивается совершением чуда исцеления татарской ханши Тайдулы, ставшего хрестоматийным. Он сумел сохранить единство и целостность Московской митрополии в трудные времена, оградить ее от посягательств польско-литовских князей. Он активно участвовал в политической жизни Руси, вел переговоры с южнорусскими князьями и татарскими ханами. Митрополит Алексий после смерти московского князя Иоанна Иоанновича по духовной грамоте фактически оказался регентом при малолетнем Димитрии Иоанновиче, будущем Дмитрии Донском. Трудно переоценить ту роль, которую сыграл митрополит Алексий в укреплении Московской княжеской династии. Им основаны и два известнейших монастыря - Спасо-Андроников и Чудов.

В конце XIX - начале XX века, очевидно, в целях популяризации деятельности русских святых митрополитов и прочих деятелей церкви предпринималось создание ряда произведений, в которых содержались достаточно подробные сведения, в том числе и о митрополите Алексии. К таковым относится, например, книга А. Невского "Жизнеописания первосвятителей и чудотворцев всероссийских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа" (1894) или сочинение М.В. Толстого "Рассказы из истории русской церкви".

Книга П.А. Россиева "Святитель Алексий" (1902), как полагает М.В. Антонова, была специально написана для юношеской аудитории [2: 47-54], что сближает ее с упомянутыми выше сочинениями А. Невского и М.В. Толстого. Однако если последние два стилизовали свои рассказы под житийное или псевдоисторическое повествование, то П.А. Россиев создал достаточно живую и интересную историческую повесть (именно этот подзаголовок носит произведение). К сожалению, жизнь и творчество П.А. Россиева практически не изучены. Анализируемому произведению посвящена только упомянутая выше статья М.В. Антоновой.

Несомненно, П.А. Россиев, как глубоко верующий православный человек и церковный деятель, был достаточно хорошо знаком с житийной

© Т.А. Давтян, 2008

традицией, и некоторые черты агиографического повествования мы можем обнаружить в его повести. Митрополиту Алексию в древнерусской традиции посвящены летописные повести (в том числе в составе Никоновской летописи) и Житие, имеющее пять редакций. Самыми значительными и интересными из них являются редакция Пахомия Серба, редакция, помещенная в Степенной книге, и редакция, составленная Евфимием Чудовским. Скорее всего, П.А. Россиев пользовался достаточно поздними источниками, которые, с одной стороны, базировались на сочинении мастера-агиографа Пахомия Серба, а с другой стороны, в соответствии с позицией составителя добавляли новые краски и детали в образ главного героя, поворачивали к читателю новой гранью. Если со Степенной книгой писатель мог быть и не знаком, то Никоновская летопись была опубликована в Полном собрании русских летописей в 1885 году, а редакция Евфимия с приложением документов и послания святителя Алексия на Червленый Яр - в 1891 году ("Службы и акафист иже во святых отцу нашему Алексию митрополиту, всея Руси чудотворцу" [6]). Очевидно, исторические сведения П.А. Россиевым были почерпнуты и из научных исследований и светской литературы о митрополите Алексии. Несомненно, хорошее знание им сочинений Карамзина (в ряде случаев писатель не утруждает себя чтением, например, исследований Карпина, а приводит цитаты этого автора из "Истории государства Российского"). Кроме того, в 1894 году отмечалось шестисотлетие памяти святого, и в связи с этим появляются некоторые издания, например, "Святитель Алексий, митрополит всей России, московский чудотворец: (Ко дню шестисотлетия его памяти)" Анатолия (А. Каменского) [1], "Святой Алексий, митрополит Московский. Житие, рассказанное для юношества П. Полевым" [4] или "Святый Алексий, митрополит Московский и всей России чудотворец" А.Н. Ушмарского [7].

Историческая повесть П.А. Россиева "Святитель Алексий", разумеется, строится по литературным законам, и повествование о митрополите начинается не с момента его рождения, а с известия о необходимости отправляться в Орду. Святитель - не единственный герой повести, ему сопутствуют исторические и вымышленные персонажи. Так, к последним относится богомаз Андрейка-новгородец, который приехал в Москву с целью послужить своим искусством церкви и владыке. Именно он сообщает своему другу Максиму Селифонтьевичу, швецу, у которого он нашел в Москве приют, волнующую новость о том, что хан требует приезда в Орду святителя.

Во вводном эпизоде митрополит Алексий только упоминается, ни о каких его качествах пока не рассказывается. Что является причиной вызова владыки в Орду, остается пока неизвестным. Перед читателем - загадка историческая и загадка личности. Но эта загадка довольно быстро разъясняется, поскольку уже во второй главе повествование приобретает обычное "житийное течение": автор, нарушая хронологию, обращается к рассказу о родителях и детстве будущего святителя. Читатель узнает существенные исторические подробности относительно рода черниговского боярина Федора Бяконта, который был в чести у князя московского Даниила Александровича. Когда в семье Федора Бяконта в 1304 году родился сын Елевферий, "то князь сам назвался <...> в кумовья. Впрочем, сам он не мог стать у купели, а взамен себя прислал сына Ивана, будущего Калиту" (С.13).

П.А. Россиев старательно повторяет традиционные житийные мотивы при описании детства Елевферия: ребенок растет в благочестивой семье, старательно учится грамоте по церковным книгам, отличается прилежанием и большими способностями, "и не мудрено поэтому, что к двенадцати годам он уже был грамотным человеком" (С.13). Традиционный житийный мотив - серьезность отрока, его стремление к уединению и отказ от "пустошных" забав: "Ребенок был не по годам серьезен; в кругу своих братьев и сестер он не находил отрады. Словно чужой, рос среди близких. Все, что занимало, радовало и нравилось им, совершенно не затрагивало ни ума, ни сердца Елевферия" (С.13).

В Житии Алексия Пахомиевой редакции по поводу детских лет героя сказано, что он отдан был в книжное учение. Никаких замечаний о проявлении черт святости и благости в этом возрасте нет. Когда же речь заходит о чудесном "призывании" отрока Елевферия, то агиограф пытается передать некоторые переживания героя. Например, он дивится не только самому "гласу", но и тому, что взывают к нему по имени Алексей. Именно после этого в отроке проявляется склонность к молчанию, уединенному размышлению, приводящая к решению отправиться в пустыню. Интересно, что родители не понимают причин изменения поведения сына и расспрашивают своих слуг, которые и раскрывают им помыслы Елевферия. Двенадцатилетие, по мнению агиографа, - это тот рубеж, с которого начинают проявляться святость героя и божественное попечение о нем: "Оттоле отрок начатъ внимати о вещи, Божиа же свыше зряше о нем, проповедети хотящаа быти, иаже въ сердци имяше добродетель" [3:246].

Говоря об увлечении отрока Елевферия ловлей певчих птиц, П.А. Россиев подчеркивает, что будущий святитель не имеет корысти в этом занятии. Мальчик расставляет сети и ловит пичужек, потому что они ему нравятся: он любуется красным горлышком малиновки, разговаривает с птахами, просит их спеть. Ребенок в изображении писателя, тонко воспринимает природу, ему легко и отрадно в полях и лугах в любое время года. "Он один бродит по полям и лесам, слушает воздуш-

ных певцов, разговаривает с ними. Ему хорошо, легко, отрадно на лоне природы" (С.14). К птицам, очевидно, юный Елевферий относится с таким восторгом и интересом, поскольку они, в его представлении, Божьи создания. "И о чем ты поешь-то, скажи, реполовушка! - обращается отрок к малиновке. - Бога ли о чем просишь, славишь ли его за что?" (С.15).

Воспроизводя житийный эпизод о чудесном призывании Алексия, Россиев старается, во-первых, сюжетно развернуть ситуацию. Он "заставляет" своего героя не только задремать, но и искать глазами говорящего с ним, выпустить из сетей пойманную бьющуюся птичку. Во-вторых, писатель стремится сообщить эпизоду некий психологизм: мальчик раздумывает, вслушивается в шум леса: "Отроком овладело раздумье; страха он не испытывал... Раздумье запало в пытливую голову Елевферия... <...> Но в лесном шепоте невозможно было разобрать чудесных слов" (С.15 - 16).

П.А. Россиев точно цитирует житие в части слов божественного призывания Алексия: "Алексий! Напрасно ты трудишься, ловя птиц! Оставь это. Ловцом людей предстоит тебе быть!" (С.16). Сравним в редакции Пахомия Серба: "Алексие, что всуе тружаешися? Се отсель будеши человеки ловя!" [3:246]. Повторен и развит житийный эпизод сомнения относительно услышанного: святой недоумевает, во сне или наяву случилось чудо, и приходит к выводу, что он действительно слышал "таинственные слова", что в них заключен глубокий смысл. "Не во сне он это видел. Да и во сне ведь часто снится мудреное.

- Нет, - думал отрок, - неспроста то сказано. Таинственный голос осудил мою забаву. Может быть, это небесный был глас, откровение Божие!.." (С.16).

С точки зрения писателя, увлечение юного Елевферия ловлей птиц было не случайным. Это невинное занятие знаменовало собой особый интерес мальчика к Божественным силам, его стремление слиться со всем сущим на земле в его прославлении Господа. Видение же явилось знаком необходимости перехода святого на новую ступень богопознания: "С этого дня он перестал ловить птиц. И уже редко уходил за город; чаще всего являлся к инокам кремлевской обители и вел с ними душеспасительные беседы или уединялся в отцовском доме и читал, читал Божественное писание. Задумчив стал, сосредоточен... ушел в самого себя, отвернувшись от мира и всяких забав" (С.16). Именно после этого с отроком происходят существенные перемены, которые для окружающих челядинцев и родителей выглядели как странное "лихо", почти болезнь, особенно, после того, как Елевферий "добровольно стал изнурять себя воздержанием и постом, просыпался ночью, чтобы молиться, не пропускал ни одной церковной службы" (С.17).

Переживания юноши передаются при помощи его внутренней речи, раздумий, которые отчасти спровоцированы духовными песнями слепцов:

Любимая моя мати,
Прекрасная пустыня!
Ты приими меня, пустыня,
Во свою густыню,
Яко мати свое чадо,
Научи мя на свое благо,
Волю Божию творити... (С.17).

Этот стих кажется Елевферию ответом на "тот таинственный голос". Он вспоминает апостольское учение, слова Варлаама Хутынского и приходит к решению удалиться в пустыню, которая единственно может привести "в небесное царство", то есть решает посвятить себя Богу и уйти в монастырь, что соответствует традиционному житийному топосу и мотиву жития, положенного в основу повести. "Решение зрело, - пишет Россиев. - Желание покинуть мир крепло с каждой минутой, и твердость его, казалось, не могла быть поколеблена ничем. Никакая просьба, никакая мольба, никакая, наконец, угроза не преодолели бы назревавшего решения отрока" (С.18 - 19).

Традиционный мотив отказа от мирской жизни рассматривается писателем как испытание, выпавшее на долю Елевферия. Он разворачивает скупое житийное сообщение в сцену беседы отрока с родителями, которые пытаются понять поведение сына. Будучи благочестивыми людьми, отец и мать тем не менее опасаются за здоровье сына, им кажется, что ребенок отдаляется от них. "Скажи, - взяв за руку сына, серьезно, но не строго вопросил боярин Федор, - скажи, кто научил тебя возненавидеть светлость родительского дома и огорчать нас уклонением от образа нашей жизни?" (С.19). В ответ Елевферий просит родителей "предоставить его Богу" (С.19).

П.А. Россиев в соответствии летописными данными сообщает, что Елевферий постригся в Богоявленском монастыре. Наставником его становится старец Геронтий. Однако до этого писатель достаточно подробно и драматично изображает вымышленную им беседу пятнадцатилетнего отрока со старцем, умиление последнего, попытки отговорить от решения. Но после известия о том, что Елевферий был призван стать "ловцом людей", Геронтий возрадовался и уверил отрока в верности избранного им пути. Не менее драматичным оказывается объяснение Елевферия с родителями, описания которого, разумеется, нет и не может быть в житийном произведении. Отец и мать уговаривают сына "не отлетать из родительского гнезда" (С. 25), но все-таки дают благословение на послушание.

Таким образом, мы можем сделать выводы о том, что, во-первых, П.А. Россиев строго следует житийному тексту и строит образ святителя Алексия в соответствии с каноном. Для более полного изображения своего героя писатель пользуется различными художественными средствами, доступными литературе нового времени, но невоз-

можными в литературе средневековья: это и портретная характеристика, и оценка лица другими персонажами, и прямая речь, и внутренние монологи, и подробное изображение поступков персонажа, и передача его внутреннего психологического состояния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. [Анатолий/Каменский А.] Святитель Алексий, митрополит всей России, московский чудотворец: (Ко дню шестисотлетия его памяти). - СПб.,1894.

2. Антонова М.В. "Исполните не словом только, но делом". (О повести для юношества П.А. Россиева "Святитель Алексий") // Всероссийская научно-практическая конференция "Вклад земляков-орловцев в развитие и становление российской науки, культуры и образования". - Орел, 2003.

3. Житие митрополита Алексея (сочинение Пахомия Логофета) / Кучкин В.А. Из литературного наследия Пахомия Серба: Старшая редакция Жития митрополита Алексея. // Источники и историография славянского средневековья. - М., 1967.

4. Полевой П.Н. Святой Алексий, митрополит Московский. Житие, рассказанное для юношества П. Полевым. - М.,1894.

5. Россиев П.А. Святитель Алексий. Историческая повесть. - СПб.,1902. В статье ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.

6. Службы и акафист иже во святых отцу нашему Алексию митрополиту, всея Руси чудотворцу. - М.,1891.

7. Ушмарский А.Н. Святый Алексий, митрополит Московский и всей России чудотворец. - Самара,1895.

T.A. Davtyan

Representation peculiarities of childhood and youth of a character in a tale by P.A. Rossiev "Saint Aleksiy"

In the article devoted to the analysis of the church-historical tale by P.A Rossiev "Saint Aleksiy" representation of childhood and youth of the main character in correlation with data of hagiography which served as the sources for the writer is examined in details.

Н.В. Кургузова, *кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета*

СИСТЕМА ДВОЙНИКОВ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ Д. РОЛИНГ "ГАРРИ ПОТТЕР И ОРДЕН ФЕНИКСА"

Теперь, когда наконец вышли все семь книг эпопеи, можно подводить итоги и выстраивать свои теории феноменального успеха этой книги в сознании массового читателя начала XXI века. Литературоведческий анализ пока не пользуется успехом в современном поттероведении, большинство исследований проводятся в культурологическом ключе. Исследование текста началось за рубежом со сравнения Гарри Поттера с мифологическим, культурным, фольклорным героем. В нашем поттероведении наиболее значительной и интересной работой в этом аспекте стала книга Н. Васильевой "Сказка-бестселлер, или Почему "Гарри Поттер" должен кончиться хорошо (к проблеме фольклоризма массовой литературы)", в которой в том числе проводится и сопоставление сюжета "Гарри Поттера" с композицией волшебной сказки в концепции В. Проппа. Образ главного героя интересен для исследовательницы прежде всего с типологической точки зрения традиционного жанра волшебной сказки. Именно принципиальная ориентация массовой литературы на фольклорный канон делает, по мнению Н. Васильевой, Гарри настолько узнаваемым и притягательным для читателей всех возрастов. Нельзя не согласиться с положением о том, что в чертах Гарри Поттера действительно гораздо больше традиционного, чем окказионально-авторского, но есть в этом образе и такие черты, которые выходят за рамки волшебного канона.

"Гарри Поттер и Орден Феникса" - книга, которая получила, пожалуй, самые противоречивые оценки среди профессиональных критиков и читателей, в фендомах. Прежде всего, читателям оказалась непонятна концепция книги, т.е. для чего, собственно она была написана, чтобы заполнить временную лакуну между Гарри-мальчиком и Гарри-юношей? Все читатели отметили и изменившийся характер главного героя (Гарри чаще кричит и злобно хохочет, чем говорит и думает спокойно), что кому-то понравилось, кому-то нет. Книга начинается с описания гнева Гарри, который становится двигателем сюжета, подобно гневу Ахилла. Его самолюбие задето тем, что он все время оказывается в стороне от деятельности Ордена Феникса. В то время, как, по мнению Гарри, им должны все восхищаться, он оказывается в изоляции. Вместо опасностей и борьбы - предупреждения против опрометчивости, которые воспринимаются им как никогда враждебно.

На наш взгляд, изменения в образе Гарри Поттера, которые найдут свое развитие в шестой и седьмой книгах, и концепция книги взаимосвязаны. Поэтому для выяснения динамики сюжета и образа главного героя в эпопее мы обратимся именно к этой книге. И ключевым звеном в пятой книге нам представляется система двойников главного героя, исследование которой позволяет выявить подспудную логику сюжета.

Исследуя Гарри Поттера как культурного героя в рамках волшебной сказки, исследователи не могли не обратиться к сопоставлению Гарри и Волан-де-Морта в рамках обыгрывания мотива изначального противника (1: 57). В.Я. Пропп пишет,

© Н.В. Кургузова, 2008

что змей знает о своем не родившемся / родившемся противнике. И в ряде традиций змей является отцом будущего героя (2: 187). Именно из этого сюжета позже разовьется мотив поединка отца и сына, не знающих о своем родстве. В поттериане этот мотив присутствует опосредованно: Гарри все же сын своих родителей. Мотив чудесного рождения можно связать с моментом смерти родителей, когда мальчик чудесным образом "побеждает" Волан-де-Морта и получает шрам - знак пройденных испытаний. В таком случае Волан-де-Морт оказывается жрецом-посвятителем, вторым отцом героя, передающим ему часть своей силы и способностей.

И Том Редл, и Гарри Поттер - сироты. Если Том был изначально нежеланным ребенком, его мать умерла, оставив его в детском приюте, то Гарри после смерти родителей оказывается в доме у тети и дяди, которые боятся и ненавидят его за принадлежность к миру волшебников. И Том, и Гарри имели трудное детство, полное одиночества и лишений. Оба испытали невероятное потрясение, когда узнали о своей принадлежности к миру волшебников, и именно Хогвартс для обоих становится по-настоящему родным домом, где герои обретают свое место в жизни: "Хогвартс был его первым и лучшим домом. Он, Волан-де Морт и Снегг-все эти мальчики, лишенные семьи, обрели здесь родной дом..." [5: 588].

В течение учебы не раз Том и Гарри испытывали одиночество и чувство крайней отъединенности не только от друзей, но и от нормальной человеческой жизни вообще: "Может быть, одиночество прельщало его потому, что после разговора с Дамблдором он остро чувствовал свою изолированность. Словно невидимый барьер отрезал его от всего остального мира. Что ж, судьба давно наложила на него свою отметину, хотя раньше он и не знал, чем это в конечном счете ему грозит..." [4: 812].

Если говорить о внешних проявлениях связи противников, то это, конечно, одинаковые волшебные палочки, выбор которых указывает на родство магической силы героев. Во-вторых, это настоятельный совет Распределяющей шляпы пойти учиться на Слизерин - факультет темных волшебников. Шляпа отмечает и силу, и магический талант, и честолюбие Гарри, его "темную" сторону, которая еще с первого года обучения периодически брала над ним власть. Несомненным "наследством" Волан-де-Морта становится способность героя разговаривать со змеями. Именно этот факт трактуется Васильевой как отмеченность героя и его способность к борьбе с мистическим драконом [1: 52].

От книги к книге развивается мотив тесной ментальной связи Гарри и Волан-де-Морта. Именно в "Ордене Феникса" герой подвержен частым сменам настроения, независимым от того, что происходит с ним в его жизни: "До того, как он начал учиться окклюменции, шрам дергало изредка, обычно по ночам или когда до него доходили вспышками настроения и мысли Волан-де-Морта. Теперь эти подергивания сделались почти постоянными, и часто им овладевали приступы раздражения или веселья, никак не связанные с тем, что происходило с ним на самом деле; всякий раз при этом шрам обжигало болью. У него было отвратительное чувство, что он превращается в антенну, настроенную на тончайшие смены настроения Волан-де-Морта, и он не сомневался, что чувствительность эта начала расти с первого же урока окклюменции у Снегга" [4: 515]. Связь с Волан-де-Мортом имеет четко выраженный формальный показатель: боль в шраме, тошнота, потеря сознания. Но, с другой стороны, в тех случаях, когда в эпизодах отсутствует упоминание о головной боли, можно предположить, что вспышки гнева у Гарри рождены его собственным сознанием: "Злость, которая в нем так внезапно вспыхнула, еще не догорела, и ошеломленный вид Рона и Гермионы, чьи лица все еще стояли у него перед глазами, доставлял ему немалое удовлетворение. "Поделом, - думал он, - самое время им заткнуться... только и делают, что лаются... кто угодно от этого на стенку полезет..." [4: 232].

Наиболее близки противники становятся в снах, когда Гарри начинает жить жизнью Волан-де-Морта, испытывать его эмоции, видеть его глазами. Показательна глава "Глазами змеи", когда герой смотрит глазами Волан-де-Морта, чувствует себя в его теле и, будучи в теле змеи, нападает на Уизли: "А сейчас он чувствовал себя нечистым, заразным, словно носил в себе смертельный микроб и недостоин был сидеть в одном вагоне с чистыми, непорочными людьми, чьи мозги и тела не заражены отравой Волан-де-Морта... Он не просто видел змею, он был змеей, теперь он это знает..." [4: 460].

Такая связь, конечно, пугает Гарри, но, с другой стороны, он не желает от нее избавляться. Как не вспомнить слова Снегга о том, что таким образом Поттер испытывает чувство собственной значимости: "Возможно, вам просто нравятся эти сны и видения, Поттер. Может быть, благодаря им вы чувствуете себя особенным - этакой важной шишкой, а?" [4: 560]. "В действительности же ему не терпелось узнать, какое сокровище спрятано в комнате со стеклянными шариками, и поэтому он хотел, чтобы запретные сны продолжались" [4: 641]. Гарри сознательно проваливает занятия окклюменцией, и это впоследствии становится причиной смерти Сириуса.

Но, по сути, Гарри играет с огнем. Из раза в раз, вспоминая все самые страшные, самые тяжелые моменты жизни, герой все более и более попадает под влиянием темной стороны души, горе и страдания мешают увидеть ему собственную судьбу и жить собственной жизнью. Показателен эпизод, когда Гарри вновь посещает видение о происходящих с Волан-де-Мортом событиях (гла-

ва "Новые неожиданности"). При этом меняется сама стилистика рассказа: если в четвертой книге эпизоды из жизни Волан-де-Морта Гарри видел как бы со стороны, то в этом моменте он оказывается в сознании и теле Волан-де-Морта, и провести границу между ними невозможно. "Я не виню тебя, Руквуд, - сказал Гарри тем же холодным, жестоким голосом" [4: 544]. Завершается сцена, когда герой Гарри-Волан-де-Морт подходит к зеркалу и видит там свое отражение: "Оставшись один в темной комнате, Гарри повернулся к стене. На ней, в тени, висело зеркало с трещиной, все в каких-то древних пятнах. Гарри шагнул к нему. Его отражение выросло и яснее обозначилось в полумраке... лицо белее черепа... красные глаза с щелями вместо зрачков..." [4: 545].

Именно это видение отмечает границу, после которой герой окончательно становится управляемым Волан-де-Мортом. Уже на следующий день во время занятий окклюменцией происходит событие, которое имеет явный символический подтекст. С момента приезда героя в Хогвартс его мучает один и тот же сон: он идет по длинному глухому коридору, который оканчивается черной дверью. Если сам коридор и дверь Гарри видел в реальной жизни, когда бежал на дисциплинарное слушание, то вот видение, когда он открывает дверь и оказывается за порогом, уже явно не его, оно послано Волан-де-Мортом как своего рода морок.

Черная дверь, ведущая в Отдел тайн, становится символическим центром романа. Проникновение в Отдел тайн означает обретение тайны пророчества, тайны непостижимой связи противников. Оказавшись за порогом этой комнаты, Гарри находится в опасности. Черная дверь в Отдел тайн - это граница, переступая которую герой постепенно теряет свою волю, не живет своей жизнью. Гарри нравилось быть на грани с опасностью, чувствуя настроения и видя события жизни Волан-де-Морта. Но нельзя постоянно стоять рядом со злом, играть со злом. Если долго всматриваться в бездну, бездна начинает всматриваться в вас. После того, как Гарри входит в Отдел тайн в видении, он становится управляемым Волан-де-Мортом, а при проникновении в Отдел тайн в реальной жизни Гарри подвергает жизнь друзей опасности, становится орудием в руках Волан-де-Морта и причиной смерти Сириуса.

Гарри, испытывая боль от смерти Сириуса, применяет непростительное заклятие "Круцио" к убийце крестного, Беллатрисе Лейстрендж, желая причинить ей боль и мучения. Под властью темных эмоций именно в этот момент он окончательно и бесповоротно уязвим для врага. Кульминацией близости героев становится эпизод, когда Волан-де-Морт уже наяву вселяется в тело героя, предлагая Дамблдору убить их обоих, пожертвовать мальчиком ради победы над врагом. Герой становится игрушкой в чужих руках, которой просто манипулировать. Но если и раньше Гарри попадал в подобные ситуации (1, 2 и 4 книги), то теперь впервые способен самостоятельно осознать это.

Тесная ментальная связь между противниками зачастую становится соблазном для того, чтобы трактовать порой странное поведение Гарри как влияние Волан-де-Морта. Грубо говоря, если Гарри порой плохо ведет себя, то это на него влияет Волан-де-Морт, а так - герой безусловно хороший. Однако мир не делится на хороших людей и Пожирателей смерти, о чем ему говорит Сириус. Не случайно в центре книги стоит эпизод с воспоминанием Снегга о Джеймсе Поттере.

Гарри постоянно по ходу всей эпопеи напоминают, что он - вылитый отец. Единственное, что внешне отличает его от Джеймса, - это зеленые глаза матери: "Его захлестнуло волной возбуждения - он точно смотрел на самого себя, но с некоторыми заметными отличиями. Глаза Джеймса были светло-карие, нос чуть длиннее, чем у Гарри, а на лбу не хватало шрама, но у обоих были одинаково тонкие черты лица, те же губы, те же глаза; вихор у Джеймса на затылке был точно таким же, как у Гарри, его руки могли быть руками Гарри, и Гарри сразу понял, что, если отец встанет, они окажутся практически одинакового роста" [4: 599]. Именно этим родством он дорожит, в то время как связь с Волан-де-Мортом пугает его. В первых четырех книгах сходство с отцом воспринималось и героем, и читателями как нечто положительное. Джеймс Поттер в школьные годы был игроком в квиддич, ловцом. Поэтому и Гарри - прирожденный игрок. В глубине души он признается, что только это он умеет делать по-настоящему хорошо. "В квиддич я играю лучше, - сказал голосок. - Но во всем остальном у меня нет преимущества" [4: 163], и именно эта способность дана ему отцом.

Патронус Гарри выглядит как олень, животное, в которое мог перевоплощаться отец. И в третьей книге Гарри уверен, что на озере от дементоров его спас именно отец. В рамках композиции волшебной сказки по В. Проппу Джеймс Поттер выступает в функции волшебного помощника. Умершие предки обеспечивают Гарри золотом, которое герой достает из подземелья. Это дает ему возможность закончить обучение, т.е. обрести статус в волшебном мире.

Но вот в пятой книге оказывается, что проблема сходства с отцом более сложная. И об этом постоянно говорят Гарри, и Снегг, и Сириус. Если Снегг оценивает сходство отца и сына как отрицательное явление, то Сириус - как положительное. И никто в итоге не оказывается правым.

Связь с истинным отцом проявляется, когда Гарри, подобно Джеймсу, не назначают старостой школы. Это болезненно для его самолюбия. Как позже объясняет Дамблдор, на Гарри и так слишком много ответственности. Но в тот момент эта

воспитательная мера направлена, вероятно, на то, чтобы вызвать рефлексию по поводу его отношений с друзьями: "Гарри сморщился и закрыл лицо руками. Он не мог себе лгать. Если бы он помнил о рассылке значков, он ожидал бы, что старостой назначат его, а не Рона. Значит ли это, что он так же высокомерен, как Драко Малфой? Значит ли это, что он ставит себя выше других? Что он, по его собственному мнению, лучше Рона?" [4: 163]. Дамблдор стремится пробудить в нем разум, который будет способен победить и отсутствие контроля над чувствами, и опрометчивость.

Гордыню Гарри подтверждает и Финиас Найджелус, когда говорит: "Молодые нечеловечески убеждены, что абсолютно правы во всем! Вам не приходило в голову, мой бедный надутый индючок, что у главы Хогвартса есть веские причины не делиться с вами мельчайшими деталями своих планов? Лелея свои обиды, вы ни разу не задумались о том, что приказы Дамблдора никогда не приносили вам вреда? Нет. Нет, как все молодые люди, вы совершенно уверены в том, что только вы способны думать и чувствовать, вы один чуете опасность, у вас одного достанет ума проникнуть в замыслы Темного Лорда..." [4: 463]... И нельзя не признать, что он прав.

Уизли и Гермиона отмечают, что Сириус, лучший друг Джеймса, склонен видеть в Гарри отца, товарища по рискованным предприятиям, а не крестника, за которого он ответствен. Джеймс - это тот же Гарри, только выросший в благополучной семье, не знавший бед и трудностей, несправедливости и горя.

Сириус во многом влияет на Гарри, подстрекая его к неповиновению и бунту в тот момент, когда ему лучше не вызывать на себя огонь. И если поначалу такая линия поведения не может не импонировать, то вскоре Гарри начинает сознательно противопоставлять себя Джеймсу и Сириусу: "Почти пять лет отец был для него источником утешения и вдохновения. Если кто-нибудь говорил ему, что он похож на Джеймса, Гарри преисполнялся гордости. А теперь... теперь при одной мысли об отце у него внутри все точно съеживалось от холода" [4: 612].

Эпизод в воспоминаниях Снегга развенчивает иллюзии: Джеймс оказывается жестоким гордецом, способным ради забавы унизить слабого. Сириус и Люпин, бывшие идеалами для Гарри, оказываются полноправными участниками жестоких забав. Более того, именно этот поступок Снегг не сможет никогда простить Джеймсу. В слепой ненависти Снегг расскажет о пророчестве Волан-де-Морту, и тот, руководствуясь пророчеством, нападет на семью Поттеров и тем самым положит начало своему падению. То есть именно отвратительный поступок пятнадцатилетнего Джеймса приобретает фатальное свойство, грехи отца падут на сына, навсегда перечеркнув для него нормальное детство. Страшно для Гарри осознавать, что причиной всех его несчастий стало недостойное поведение отца. Эпизод с отцом - это предостережение для Гарри. Даже хорошие люди могут совершать фатальные поступки, за которые потом придется расплачиваться детям. Их совершают, упиваясь чувством неподсудности и безнаказанности.

Аналогичным образом Гарри, мучаясь от скуки и вынужденного безделья, провоцирует кузена, заранее зная, что тот его боится и не сможет ответить по-настоящему: "На щеке у Дадли задергался мускул. Гарри чрезвычайно приятно было знать, что он доводит Дадли до белого каления. Ему казалось, он перекачивает в двоюродного брата свое уныние, свое бездействие, - другого способа от них избавиться у него не было" [4: 14-15]. Появление дементоров является, по сути, провокацией, на которую герой уже сам в свою очередь попадается. И далее по ходу книги он будет попадаться всякий раз, когда его будут провоцировать. Именно неспособность Гарри управлять своими чувствами и поступками становится главной опасностью для Ордена Феникса. И чем более он поддается чувствам, тем теснее связь с Волан-де-Мортом и тем больше он сам становится похожим на Волан-де-Морта и, как ни парадоксально, на своего отца.

Родители в сознании героя потеряли свой прежний ореол, а внутренняя связь с врагом становится одновременно и пугающей, и желанной. Мир сдвинулся, все привычные ценности потеряны. Неудавшиеся занятия окклюменцией были направлены на то, чтобы Гарри научился ограждать сознание от Волан-де-Морта, проводить грань между им и собой. Постоянное сравнение себя с Волан-де-Мортом и Джеймсом приводит героя к пробуждению собственного сознания. Для борьбы необходимо осознать, чем ты отличаешься от противника, "убить дракона" в своей собственной душе. Только после этого реальная борьба с персонифицированным злом имеет оправдание и смысл. Победа над Волан-де-Мортом в седьмой книге становится возможной после победы Гарри над своей темной стороной души в пятой книге.

И, наконец, третьим двойником героя становится Невилл Долгопупс. Этот мальчик также подходит под условия пророчества. "Самое странное, Гарри, - мягко проговорил он, - что это можешь оказаться вовсе не ты. Пророчество Сивиллы подходит к двум мальчикам из волшебных семей - оба они родились в конце июля того года, у обоих родители были членами Ордена Феникса и трижды чудом избежали гибели от руки Волан-де-Морта. Один из этих мальчиков, конечно, ты. Другой - Невилл Долгопупс" [4: 799]. Невилл тоже сирота, его родители сошли с ума под пытками. Распределяющая шляпа так же долго колебалась, прежде чем отправить его на Гриффиндор. Если в первых четырех книгах Невилл выглядел именно как профанный двойник главного героя, смешной, нелепый, неудачливый, забывчивый, то начиная с пя-

той книги он демонстрирует качества истинного гриффиндорца, успешно овладевает заклинаниями благодаря целеустремленному, твердому характеру. Именно Невилл в итоге оказывается до конца вместе с Гарри в Отделе тайн, когда все друзья по одному выходят из битвы. Именно Невилл в итоге и разбивает пророчество. Позже, в последней книге, Невилл возглавит движение сопротивления Хогвартса, сможет достать меч Гриффиндора из шляпы и уничтожит последний крестстраж. Словом, он также достоин быть главным героем всех совершающихся событий, окажись на месте Гарри, он смог бы бороться до конца. Зачем же автору понадобилось вводить его в качестве альтернативного героя?

Пророчество, несмотря на то, что предсказывает будущее, не имеет безусловного характера и оставляет за всеми героями свободу выбора. Два мальчика, а не один отвечают всем условиям пророчества, но из-за ненависти Снегга к Джеймсу Поттеру Волан-де-Морт нападает на Гарри. Трактовка пророчества как цепи случайностей и свободного выбора соответствует словам Флоренца об истинном знании: "Флоренц велел им вглядеться в едкий дым и попытаться различить там определенные формы и образы, но при этом, похоже, совершенно не огорчился, когда никто из них не увидел ни одного из описанных им знаков, - он сказал, что людям редко удается овладеть этим искусством, что кентавры осваивают его годами, а напоследок заявил, что слишком уж доверять таким вещам тоже глупо, поскольку в них порой ошибаются и сами кентавры. Он не походил ни на кого из знакомых Гарри преподавателей. Казалось, главное для него - не научить их тому, что знал он сам, а втолковать им, что никакое знание, даже нечеловеческое, не может быть абсолютным" [4: 562]. Таким же туманным выглядит и само пророчество ("воздух сразу наполнился множеством молочно-белых фигур, и их голоса - эхо бог весть какого далекого прошлого - смешались со звоном бьющегося стекла и ломающегося дерева, когда щепки вместе с осколками дождем посыпались на пол..." [4: 745]), погоня за которым застилает глаза Пожирателям смерти и дает шанс убежать друзьям Гарри в Отделе тайн. Туманность пророчества становится поражения гибели Волан-де-Морта, а осознание относительности истин нечеловеческого знания дает Гарри свободный выбор и возможность победы: "Пророчество не означает, что ты обязан делать что бы то ни было! А вот лорда Волан-де-Морта пророчество заставило отметить тебя как равного себе... Иными словами, ты волен сам выбирать свой путь, волен повернуться к пророчеству спиной!" [5: 528].

Итак, сходство Гарри с Волан-де-Мортом свидетельствует о неоднолинейности персонажа, о необходимости не только сделать нравственный выбор, но и постоянно контролировать себя, свои поступки, чтобы отделить себя от своего врага. Сходство с Джеймсом позволяет герою не впасть в самообольщение по поводу непогрешимости своих поступков, избегать "бытового зла", влекущего за собой страшные последствия. Сходство с Невиллом лишает Гарри ореола избранничества, инакости, подчеркивает его заурядность, его общечеловеческие свойства, что делает внутреннюю и внешнюю борьбу героя еще более напряженной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильева Н.И. Сказка-бестселлер, или Почему "Гарри Поттер" должен кончиться хорошо. (К проблеме фольклоризма массовой литературы). - Йошкар-Ола, 2004.
2. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. - М., 2002.
3. Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Дары смерти. - М.: "РОСМЕН", 2007.
4. Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса. - М.: "РОСМЕН", 2004.
5. Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Принц-полукровка. - М.: "РОСМЕН", 2005.

Примечания

1. В этой статье мы придерживаемся транскрипции имен персонажей и волшебных предметов по версии официального издания романов "РОСМЕН".

N.V. Kurguzova

The system of doubles of the main character in the novel by D. Roling "Harry Porter and Phoenix's Order"

In the article the system of doubles of the main character in the novel by D. Roling "Harry Porter and Phoenix's Order" is examined and makes it possible to reveal logic of the plot development and evolution of the central character in the series of novels. Displays of external and internal connection of Harry Porter with antagonist on the one hand and the father on the other hand are examined in details. Moreover the double of the character seems to be his classmate who was born at the same time and whose parents were ruined by evil forces. These three lines of characters' likeness and distinction make it possible to show a complicated process of internal development of the main character.

Е.Ю. Липилина, *магистрант Казанского государственного университета.*

"ВЗРОСЛОЕ" И "ДЕТСКОЕ" В ПОВЕСТИ Л. А. ЧАРСКОЙ "ОДИН ЗА ВСЕХ"

Повесть Л. А. Чарской "Один за всех"осталась без внимания исследователей, однако она интересна тем, что писательница попыталась в ней донести до детского сознания идею святости. В статье мы задались целью проследить, как Чарская адаптирует для детского восприятия сложный сюжет о жизни Сергия Радонежского. Мы пришли к выводу, что данная повесть заслуживает внимания как интересная попытка связать мир взрослых и детей, поэтому она не может быть однозначно отнесена ни к детской, ни к взрослой литературе.

Повесть Л. А. Чарской "Один за всех" осталась без внимания исследователей. В ней писательница предприняла смелую попытку донести до детского сознания идею святости. К тому времени уже существовала традиция перелагать жития святых для детей. Несомненно, Чарская опиралась на "Житие преподобного Сергия Радонежского". Мы задались целью проследить, как писательница адаптирует для детского восприятия сложный сюжет о жизни подвижника.

Произведение предназначено для юного читателя, поэтому значительную часть повести занимает рассказ о детских годах и отрочестве Сергия, который называется в тексте в основном своим мирским именем - Варфоломей. Более того, в начальных главах его именуют не иначе как уменьшительно-ласкательным именем Варфушка, что должно сразу расположить к себе маленького читателя.

Повесть открывается описанием детской игры. С самим главным героем - Варфушкой - читатель еще не знаком, о нем известно лишь одно - он не принимает участия во всеобщем веселье. Это должно привлечь внимание ребенка, пробудить у него интерес к странному персонажу. Герой впервые появляется на фоне природы, он как бы слит с ней. Дается его словесный портрет: хрупкий и неприглядный внешне мальчик, необычность которого выдают неземные синие глаза (таким он предстанет впоследствии и на картине М. Нестерова "Видение отроку Варфоломею"). Ключевой является фраза: "Целый мир в этом взоре (Варфломея. - **Авт.**), мир недетский" [1: 10]. Действительно, перед нами - не по годам взрослый ребенок. Так Чарская делает попытку нарисовать облик святого (в прямом смысле этого слова) ребенка. Заметим, что в житиях детские годы праведника, как правило, обходятся вниманием или о них упоминается вскользь.

Для детского сознания должен быть непонятен отказ Варфуши от участия в играх. Более того, это может показаться даже аномалией, поэтому Чарская объясняет причину такого поведения своего героя: Варфуша избегает игр, т. к. не желает, чтобы хоть что-нибудь отвлекало его от общения с Богом. Это трудно понять даже взрослому, тем более ребенку. Недаром сам Варфуша становится изгоем среди сверстников. Писательница же всем ходом дальнейшего повествования стремится убедить читателя в том, что ее герой - человек, к которому не применимы привычные мерки.

Чарская подробно останавливается на истории с неуспешным учением отрока. Удивительно точно она передает состояние маленького Варфушки, который не смог ничего прочесть на уроке: это и стыд перед товарищами, и чувство собственной беспомощности, и страх перед учителем. Последующее наказание плеткой и горькие слезы мальчика пробуждают жалость и сочувствие. Здесь важным является то, что ситуация, в которой оказался герой Чарской, знакома и близка многим детям. И, как почти все дети, Варфуша идет за утешением к своей матери. Трогательны и полны нежности описания взаимоотношений боярыни с сыном. На страницах своей повести писательница рисует облик идеальных родителей и идеального сына: их отношения строятся исключительно на любви и взаимном доверии. Тем са-

© Е.Ю. Лепилина, 2008

мым Чарская преследует и воспитательную цель: ее Варфуша - послушный и добрый сын, Мария - чуткая и любящая мать, боярин Кирилл - мудрый и справедливый отец.

Но столь трепетным отношениям родителей к сыну есть еще одно объяснение - "тайна" рождения Варфушки. Внимание читателей-детей приковывается к чудесной истории о троекратном возгласе младенца в храме. "Тайна" же заключается в том, что родителям было открыто свыше: "<...> Варфушка - любимый Богом, что Варфушка особенное дитя, отмеченное судьбой..." [1 : 20]. Так герой наделяется ореолом "необычного ребенка". Но Чарская четко указывает на природу его "инаковости": перед нами не сказочный герой (хотя черты сходства и присутствуют), а Божий избранник.

Несомненная заслуга писательницы заключается в том, что она не отрывает своего героя от действительности, не наделяет его сверхъестественными чертами, а стремится показать его с "человеческой" стороны. С этой целью она проникает в психологию героя, показывает его душевный мир "изнутри".

Важно и то, что Чарская делает небольшие отступления, в которых знакомит читателя с системой образования в Древней Руси, ее историей, бытом и нравами. Она пытается по мере возможности передать атмосферу эпохи, в которую живет ее герой. А описание княжеских раздоров и тягот монгольского ига построено так, что в юном читателе воспитывается патриотизм, стремление встать на защиту своей страны.

События, связанные с явлением Варфоломею схимника, мы видим как бы глазами самого отрока. На страницах повести передана вся палитра его чувств: это и искреннее удивление, вызванное неожиданной встречей со старцем, и детское любопытство, переходящее в благоговение перед молящимся, и радость, которая вдруг охватывает сердце мальчика, - т. е. самым подробным образом прослеживается состояние ребенка, соприкоснувшегося с чудом.

Чарская испытывает вполне понятные трудности, рассказывая юным читателям об аскетическом образе жизни Варфоломея. Поэтому она говорит о его подвигах лишь в порядке перечисления, акцентируя внимание на их результате - чистом, добром и отзывчивом сердце мальчика. Он усердно и горячо молится, но не о себе, а за всю свою многострадальную Родину. Чарская не случайно акцентирует внимание на этом моменте - тем самым раскрывается смысл названия повести - "Один за всех".

Хотя знакомой оказывается ребенку ситуация, когда его поведение, поступки наталкиваются на непонимание со стороны родителей. Слишком суровый молитвенный и постнический подвиг, который взял на себя юный подвижник, заставляет мать беспокоиться о его здоровье. Как любящий сын, Варфуша не обижает мать неповиновением, но рассказывает ей о своем заветном желании - уйти в монастырь. Встает вопрос: поймут ли юные читатели поведение героя, если этого не может сделать даже его мать? На это найдется один ответ - мир святости необходимо принять таким, каков он есть, не требуя "объяснений". Но Чарская предпринимает попытки проникнуть в эту загадочную для любого человека область. Для этого она приводит длинные молитвы Варфуши, которые полны искренней и глубокой любви к Богу: "Твой я, твой, Господи!" - зашептали губы, затрепетало сердце, зажглось в мыслях и во всем существе. "Твой я, твой!" И неземная радость охватила все существо мальчика" [1: 44].

Установку на воспитание своих читателей Чарская реализует и в сценах труда: описывается работа в поле семьи Варфоломея. Целомудренно и в то же время душевно повествуется о взаимоотношениях Степана и Анны - об их первом, но глубоком чувстве.

Скорбна и трагична история переселения семейства бояр Кирилловых из Ростова в Радонеж. С глубоким драматизмом рисует Чарская картину ужасов, творящихся в городе. В душе ребенка это должно вызвать отвращение к злу и насилию, а также вполне закономерное желание изменить ситуацию к лучшему. О том же думает и потрясенный Варфоломей. Но у него свое, особое противодействие беззаконию: он не мечтает о сражении, битве (как любой бы мальчик на его месте), но смиренно молится Богу.

Писательница стремится показать и путь взросления своего героя. Постепенно Варфуша превращается в статного юношу Варфоломея, смелого, благородного, сильного, чем-то напоминающего русского богатыря - настоящий мальчишеский идеал. Но не ратных подвигов ищет добрый молодец, а подвигов духовных. После смерти родителей он решает уйти из "мира" и постричься в монахи. Этот его поступок понятен далеко не многим (странным он должен показаться и для детского сознания). Поэтому Чарская вводит в текст пространные монологи - уговоры жены младшего брата Варфоломея остаться в доме, не губить свою молодую жизнь. Но юноша непреклонен, и после его ласковых, но решительных слов все отступают. Тем самым поступок Варфоломея являет собой пример твердости и непоколебимости духа.

Мастерство Чарской, ее умение проникнуть в сознание и даже подсознание людей проявляется особенно ярко в сценах искушения молодого подвижника, который остается один в диком лесу. На наш взгляд, эта часть повести может быть адресована только читателям-подросткам, поскольку все внимание концентрируется на психологическом уровне, а сюжетность повествования отходит на второй план. Кроме того, усложняются сами затрагиваемые проблемы, они требуют более

глубокого осмысления. Хотя те чувства, которые испытывает Варфоломей в пустыне, знакомы в какой-то мере и ребенку: страх перед незнакомой стихией, дикими зверями, одиночество. Особенно трогательно описывается дружба юноши с медведем, который называется Мишуком, Мишей. С благоговением к совершаемому таинству рассказано и о пострижении Варфоломея в монахи. Отныне он именуется в повести Сергием.

На наш взгляд, наиболее трудно поддающимися описанию являются искушения, которые посылаются святому. В своем произведении Чарской удалось зримо и осязаемо передать те испытания, которые выпали на долю Сергия, хотя бесы, устрашающие пустынника, скрыты в тексте за местоимением "они". Можно выдвинуть ряд предположений, почему писательница избирает такой прием, но нам хочется остановиться подробнее на одном. Возможно, тем самым Чарская стремится уберечь юного читателя от прямого соприкосновения с бесовскими силами и даже не называет их, но в то же время она не умалчивает об их существовании и подробно останавливается на душевных переживаниях подвижника, а главное - на его победе, одержанной над злом. Тем самым Сергий, с одной стороны, сближается с традиционным "положительным" героем детских произведений, с другой - он избирает в борьбе принципиально иное оружие - духовное: пост, молитву и упование на Божью помощь.

Дальнейшая судьба Сергия намечена бегло. Единственное событие, на котором автор останавливается более подробно, - это благословение старцем Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Сцена написана в патриотическом ключе.

Проведя небольшое исследование, мы пришли к выводу о том, что в повести Л. А. Чарской "Один за всех" сделана попытка переложить, ориентируясь на детское сознание и детскую психологию, сюжет о Сергии Радонежском, показать читателю тот путь, которым преподобный шел к святости. Само обращение к такой теме продиктовано стремлением показать на конкретном примере духовное возрастание ребенка. Хотя, конечно, нельзя не отметить, что зачастую писательница чрезмерно увлекается сентиментальными описаниями. Однако язык произведения вполне соответствует юношескому восприятию.

На наш взгляд, повесть "Один за всех" заслуживает внимания как интересная попытка связать мир взрослых и детей, поэтому она не может быть однозначно отнесена ни к детской, ни к взрослой литературе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чарская Л. А. Один за всех. Повесть о жизни великого подвижника Земли Русской / Л. А. Чарская. - М.: МП "Кукольный дом", ТПО "Светоч", 1992. - 112 с. с илл.

E.U. Lipilina

"ADULT" AND "CHILDREN'S" IN THE STORY BY L.A.CHARSKAJA "ONE FOR ALL"

L.A.Charskaja's story "One for all" has remained without attention of researchers, however it is interesting to that the writer has tried to inform in it up to children's consciousness idea of sanctity. In article we have aimed to track, as Charskaja adapts for children's perception the intricate plot about life of Sergij Radoneshskij. We have come to conclusion, that the given story is worthy as interesting attempt to connect the world of adults and children, therefore it cannot be unequivocally carried neither to a nursery, nor to the adult literature.

Г.А. Мехралиева, *соискатель кафедры русской литературы Петрозаводского государственного университета.*

О ВЗРОСЛЫХ И ДЕТСКИХ СМЫСЛАХ В СКАЗКАХ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ

В статье исследуется функционирование взрослых и детских смыслов в сказках Людмилы Петрушевской, выявляются литературные и исторические аллюзии, элементы научной фантастики, говорится об особенностях сказочного мира Петрушевской и о роли взрослого подтекста в ее сказках.

Критики и исследователи детской литературы не раз отмечали, что произведения для детей имеют два плана содержания - "детский" и "взрослый". Как пишет об этой семантической двуслойности Л.Н. Колесова, "особый дар детского писателя ... состоит в том, что он может видеть мир сразу в двух измерениях: детском и взрослом. Происходит открытие мира, а не перевод взрослых понятий на детский язык (...) Там, где отсутствует это двуединое видение действительности, происходит имитация детского языка, появляются назойливое морализаторство и сюсюканье. Умением видеть жизнь сразу в двух измерениях определяется двухадресность детской книги" [2: 11].

Цель настоящей статьи - показать, как в сказках известной современной писательницы Людмилы Петрушевской соединяются два пласта содержания - детский и взрослый.

Людмила Петрушевская больше известна произведениями для взрослых. Однако работы, адресованные детям, занимают заметное место в ее творчестве. Петрушевская - автор сказок, кукольного романа "Маленькая волшебница", пьес для детей, а также сценария мультфильма "Сказка сказок". Статья о писательнице включена в биобиблиографический словарь "Детские писатели XX века" [8: 343-345].

О том, что Петрушевская - прежде всего сказочник, пожалуй, первым сказал критик и писатель Дмитрий Быков: "И когда в самой абсурдной из ранних пьес Петрушевской, в знаменитом "Анданте", все герои в финале водят хоровод, взявшись за руки и выкрикивая чушь, - мы в первый момент не догадываемся, что перед нами то самое чудесное преображение действительности, которое обещает нам всякая сказка... Наконец-то слово найдено: Петрушевская - сказочник" [1: 35].

Одной из характерных особенностей сказок Людмилы Петрушевской является цитатность. Писательница обращается к сюжетам, образам и мотивам, часто хорошо известным по другим литературным сказкам. Ярче всего это проявляется в сказках "Принцесса Белоножка, или Кто любит, носит на руках" и "Матушка-капуста", написанных по мотивам сказок "Принцесса на горошине" и "Дюймовочка". В этих и других сказках обращают на себя внимание многочисленные литературные ассоциации. Петрушевская опирается и на традицию литературной сказки (Андерсен, Гофман, Е. Шварц, Гауф), и на несказочные тексты (Шекспир, Крылов, Хармс), а также на научную фантастику ("Мария и Елена", "Дедушкина картина", "Приключение в космическом королевстве").

По мнению М.Л. Лурье, интертекстуальность является тем, что обращено только к взрослому читателю: "Сфера "взрослого подтекста" таких произведений принципиально дистанцирована от "детского текста" и состоит в наличии литературных реминисценций, исторических и биографических ассоциаций, намеков, аллюзий, которые не могут быть замечены детьми не по причине их душевной и мыслительной незрелости, а в силу недостаточной образованности, отсутствия необходимых культурно-исторических знаний, неумения видеть в тексте не один смысловой слой. До понимания такого подтекста невозможно "дорасти", постепенно дойти по мере взросления: ребенок о нем просто не догадывается, взрослый же видит или не видит его в зависимости от степени своей осведомленности" [5: 330].

Трудно спорить с тем, что взрослый скорее увидит аллюзии и реминисценции, заключенные в детском тексте, но, на наш взгляд, противопоставление возможностей читателей-взрослых и читателей-детей неправомерно. Как можно убедиться на примере сказок Петрушевской, текст, адресованный детям, может содержать вполне доступные детскому пониманию литературные ассоциации, хотя в большинстве случаев они от-

© Г.А. Мехралиева, 2008

носятся ко "взрослому" содержанию сказок, как в сказке "Секрет Марилены", где старик-генерал читает любовные письма негодяя Владимира, обращенные к Марии и Елене, рассматривает вложенные фотографии, "надеясь когда-нибудь удалиться на покой и там, на покое, написать роман об удивительной силе любви одного юноши В. под названием "Страдания молодого В." с фотодокументами" [7: 159]. Или, как говорится о государственном перевороте в сказке "Принц с золотыми волосами": "власть давно переменилась, всем управляли уже новые молодые люди, быстрые, в кожаных куртках..."[7: 233]. Но если аллюзия на роман Гете "Страдания молодого Вертера" и намек на большевиков-революционеров ориентированы на "взрослое" восприятие, то некоторые авторские подсказки обращены как к взрослому, так и к начитанному/наслышанному ребенку. Например: "принц ... быстро поцеловал принцессу в губы - он где-то читал, что так можно оживлять принцесс" ("Принцесса Белоножка, или Кто любит, носит на руках") [7: 202]; " - Да, помнишь, в сказке о Золушке Евгения Шварца? Во всех затруднительных случаях надо танцевать!" ("Секрет Марилены") [7: 157].

Пожалуй, большей трудностью для "распознавания" детьми является сюжетное заимствование. Сюжет сказки "Принц с золотыми волосами" явно отсылает к пушкинской "Сказке о царе Салтане", что особенно заметно в начале сказки: молодую королеву в отсутствие мужа придворные выгоняют из дворца. Правда, мотив этого поступка совершенно иной: у королевы родился сын с рыжими волосами, хотя среди предков короля не было никого рыжего, при этом "мать не принималась во внимание" [7: 217]. В сказке "Девушка Нос" главная героиня по имени Нина отдает волшебнику сначала большой палец правой руки за новый нос, потом - указательный за известия о своем любимом - Анисиме, и читатель, знакомый с "Русалочкой" Г.-Х. Андерсена, с тревогой ждет плохого конца, но Петрушевская, у которой нет ни одной сказки с плохим концом, и эту сказку заканчивает свадьбой: волшебник возвращает Нине прежний нос, а Анисим с помощью лекарства возвращает ей пальцы: "И Нина вскоре вышла замуж за своего милого Анисима и родила ему множество смешных детей" [7: 144]. Читательские ожидания, которые могут возникнуть и у детей, и у взрослых, не оправдываются и в "Принце с золотыми волосами": семья воссоединяется, но становится при этом обычной счастливой семьей: "коронация нового владыки произошла в детской, а корону дедушка склеил из картона и обтянул ее серебряной бумагой из-под шоколадки" [7: 233].

Некоторые взрослые смыслы, которые могут оставаться непонятными для детей младшего возраста, создают комический эффект. Например, в сказке "Глупая принцесса" принцесса Ира держит ветеринарную клинику и позволяет жить хозяевам вместе со своими питомцами, будь то даже простой лесной клоп. Ее будущий муж Петр выгоняет всех шарлатанов, дав одному из них по шее: "остальные поняли все сами и удалились, сильно качаясь, видимо, от горя.

Некоторые при этом громко пели печальные песни" [7: 193].

Оценить этот пассаж могут только взрослые и дети постарше, у которых это, несомненно, вызовет радость понимания авторских намеков "не для всех".

Другой тип ассоциаций в сказках Петрушевской - ассоциации, понятные хорошо осведомленному читателю. Например, их мы встречаем в сказке "Приключение в космическом королевстве". Герой сказки, бывший землянин Мик, который умер молодым, в прошлой жизни "кричал свои стихи, пил и ел неизвестно что и работал на черной, грязной, хотя и хорошо отапливаемой работе" [7: 205]. По-видимому, не каждый взрослый читатель может сделать вывод о том, что Мик - не просто поэт, который был несчастен в земной жизни, но и бывший диссидент с типично "диссидентской" профессией - кочегар. В этой же сказке говорится и о друзьях принцессы Ба, которых она берет в путешествие, чьи полные имена не называются: "Ба с любовью вспоминала своих подруг и их трех друзей, произносила их имена - Эмилия, Шарлотта, Анна, затем Джордж Ноэл Гордон, Вольфганг Амадей и Александр, все отборные люди, очень непростые, каждый из которых в прошлой жизни умер молодым и до последних дней не верил, что умрет" [7: 210 - 211] . Безусловно, имена этих людей - от сестер Бронте до Пушкина - могут остаться загадкой для многих читателей, или стать ребусом, который можно разгадать с чужой помощью, возможно, с помощью взрослого.

В некоторых сказках существует явная сюжетная опора на жанр научной фантастики. В сказке "Дедушкина картина" человечеству угрожает катастрофа, характерная для фантастики - ядерная зима, и хотя угроза не называется своим именем, ее происхождение достаточно прозрачно: "над нашей территорией нависло облако непроницаемого вещества и солнце больше никогда не появится: будет вечная зима, зима и еще раз зима" [7: 292]. Сказка "Анна и Мария" написана по мотивам научно-фантастического романа А. Беляева "Голова профессора Доуэля". Волшебник действует по технологии, придуманной Доуэлем, - заменяет больное тело своей жены Анны на здоровое тело женщины Марии, которая умирает от ранения в голову, с той только разницей, что научный эксперимент он совмещает с волшебным чудом.

Волшебная сказка и научная фантастика образуют своеобразный симбиоз в сказке "Приключение в космическом королевстве", волшебство в сказке соседствует с научно-фантастическими мотивами. Это проявляется уже на уровне названия-оксюморона: королевство, о котором пойдет

речь, существует в пределах традиционного научно-фантастического образа космоса. Главные герои - король Ктор и принцесса Ба правят не в одной стране, а в целом космосе. Герои, с одной стороны, летают на космическом корабле, преодолевая расстояния в световые годы, посещают другие планеты и т. п. С другой стороны, приключение, которому, собственно, посвящена сказка, стало возможно благодаря запрещенной в королевстве "науке превращений".

Сказки Петрушевской, как уже не раз отмечалось критиками и исследователями, наполнены множеством бытовых подробностей. По словам Т.Н. Марковой, "расширение конструктивного и смыслового диапазона сказки в значительной мере происходит за счет неизменного интереса автора к будничной жизни, к ее бытовым проблемам" [6: 260].

При этом многие проблемы, затронутые Л. Петрушевской, еще не знакомы маленьким читателям. Это, например, жизненные трудности двух одиноких старушек-сестер из сказки "Две сестры". Они получают маленькую пенсию и живут очень бедно: сестры "на обед варили картофель, на завтрак съедали по куску хлеба и выпивали стакан кипятка". Но больше всего они боятся подростков, которые сидят по вечерам на лестнице и мимо которых старушки боятся даже пройти. Эти и множество других примеров из сказок Петрушевской убеждают в том, что автор обнажает "взрослый" смысл, не прибегая к нравоучениям, но и не сгущая краски.

"Фоном сказок Петрушевской, - пишет Е. Тиновицкая, - выступает страшная, абсурдная и при этом ... очень узнаваемая действительность. Всегда присутствует некий житейский контекст (по взрослым произведениям Петрушевской мы знаем, что она специалист в изображении подобного рода ситуаций). Однако этот фон дается намеком, как некий шум из мира современной реальности" [9: 164]. Думается, что приведенный пример показывает, что реальность в сказках Петрушевской - это нечто большее, чем просто "шум". Кроме того, нам представляется более правомерным говорить в данном случае не о сходстве художественного метода Петрушевской в произведениях для взрослых и в сказках, а о поэтике литературной сказки в целом. Одной из особенностей литературной сказки является то, что сказочные чудеса часто происходят в мире, похожем на реальный. Как пишет об этом И.П. Лупанова, "одна из самых специфических черт современной литературной сказки - атмосфера "сказочной реальности", т.е. растворенности чуда, его нормативности при полной ирреальности, поддерживаемой художественными приемами" [4: 11]. Известный исследователь литературной сказки М.Н. Липовецкий на этом основании - приближении сказки к современной жизни - выделяет особый тип - "сказка жизни", появившийся в 1930-е годы в творчестве Ю. Олеши, Е. Шварца, А. Толстого и многих других [3: 101]. В сущности русская детская книга давно вышла из мира детской, в котором в основном пребывала до революции. В 1930-е гг. Марина Цветаева в статье "О новой детской книге" язвительно отзывалась о большинстве дореволюционной детской продукции, противопоставляя ее произведениям современных авторов: "разгрузка от удушливо-слащавого быта детской, с его мамами, нянями, барашками, ангелочками, опять-таки никакой реальности не соответствующими... Есть и в новой детской литературе бараны, но - именно бараны, и пасутся они на пастбищах Туркестана, и шерсть у них клочьями, а не завитая у парикмахера" [10: 352].

Другая особенность сказок Петрушевской, которая сразу же обращает на себя внимание, заключается в том, что рассказчик часто отвлекается от повествования, чтобы поделиться с читателем жизненными наблюдениями. Приведем в пример такие отступления только из одной сказки - "Секрет Марилены":

"...но ведь многие толстые люди живут счастливо!

Их отличает кроткий нрав и доброе сердце, и люди любят толстяков" [7: 144-145];

"...широко известно, что в балет и на сцену принимают только знакомых";

"Кстати, многие полные люди, похоже, заколдованы: как бы они ни голодали, все равно вес возвращается, словно по волшебству!" [Петрушевская, 1996: 148];

"...в искусстве надо сильно удивлять публику, иначе подохнешь с голоду" [7: 149];

"Это ведь не секрет, что в человеке иногда исчезают прежние души и заводится новая, особенно с возрастом" [7: 150].

Эти и подобные авторские замечания, не имеющие прямого отношения к действию, обращены прежде всего к ребенку, для которого, в отличие от взрослого, многое в этих житейских мудростях может быть откровением.

Сказки Петрушевской, как мы старались показать, наполнены множеством аллюзий и реминисценций, обращенных как к читателю-взрослому, так и к читателю-ребенку. В случае совместного чтения сфера детских смыслов может быть расширена с помощью взрослого, если он пояснит маленькому слушателю то, что осталось для него непонятным. При этом, естественно, невозможно провести четкую границу между содержанием принципиально "детским" и "взрослым". Автор вовлекает читателя в игру определения источников и разгадывания намеков, в которой принимают участие и взрослые, и дети.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Быков Д. Рай уродов//Огонек. 1993. №18. С. 34 - 35.
2. Колесова Л.Н. Проза для детей, 1917 - 1987: Семинарий. Петрозаводск, 1999. С. 11.
3. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920-1980-х годов). - Свердловск, 1992.
4. Лупанова И.П. Современная литературная сказка и ее критики (Заметки фольклориста)//Проблемы детской литературы. - Петрозаводск, 1981.
5. Лурье М.Л. Товарищ Папава и великан Блюминг: к вопросу о "взрослом тексте" детской литературы (Сказки среди бела дня В. Витковича и Г. Ягдфельда)//Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. - М., 2003. С. 329.
6. Маркова Т.Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века. Дис. ... д-ра филол. наук. - Челябинск, 2005. С. 260.
7. Петрушевская Л.С. Собр. соч.: В 5 т. Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. Т. 4. 352 с.
8. Русские детские писатели XX века: Биобиблиографический словарь. 3-е изд., перераб. - М., 2001.
9. Тиновицкая Е. Терапия вместо "морали". Об одной новейшей тенденции в отечественной детской литературе//Вопросы литературы. 2007. №4. С. 157 - 176.
10. Цветаева М.И. Сочинения: В 2 т. - М., 1988. Т. 2.

G.A. Mehralieva

About adult and children's senses in Lyudmila Petrushevskaya's fairy-tales

The article examines functioning of adult and children's senses in Lyudmila Petrushevskaya's fairy-tales, picks out literary and historical allusions, elements of science fiction, discusses peculiarities of L. Petrushevskaya's fairy-world, and about the role of adult subtext in her fairy-tales.

Т.В. Струкова, *кандидат филологических наук, начальник отдела содействия трудоустройству выпускников, преподаватель кафедры иностранных языков Орловского государственного института искусств и культуры.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТИХОТВОРНАЯ ЗАГАДКА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА "ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ"

В статье рассматриваются русские литературные стихотворные загадки второй половины XIX века в сопоставлении с фольклорными загадками. Автором исследуется художественное своеобразие загадок авторов журнала "Детское чтение": способы создания образа и загадочной ситуации, поэтические средства, структура и содержание; выявляются признаки, которые отличают литературную загадку от загадки народной.

XIX столетие является не только "золотым" веком русской литературы, но и периодом расцвета детской публицистики. В это время в свет выходило огромное количество изданий для детей и юношества, такие как "Игрушечка", "Звездочка", "Подснежник", "Калейдоскоп", "Задушевное слово", "Час досуга", "Детское чтение", "Библиотека для детского чтения" и многие другие, которые носили образовательный, воспитательный, познавательный, занимательный, а также развлекательный характер. В журналы включались не только прозаические и поэтические произведения русских и зарубежных авторов, исторические материалы, но и разнообразные ребусы, логические задачи, логогрифы, народные загадки, а также стихотворные авторские загадки. Начиная с 1860-х годов разделы "Загадки, шарады, ребусы, задачи", "Смех на грех" становятся неотъемлемой частью детских журналов "Час досуга", "Задушевное слово", "Детское чтение" и других, в которых печатались не только загадки известных поэтов того времени, но и загадки, сочиненные и придуманные самими читателями.

Журнал "Детское чтение" был одним из самых популярных изданий второй половины XIX века. Он выходил в свет в течение 35 лет (1869 - 1906), а затем был переименован в "Юную Россию". В каждом номере журнала юный читатель находил рассказ или повесть, популярный очерк из жизни природы и окружающей среды, практические советы юным садоводам и друзьям животных, занимательные игры и задачи. Наряду с фольклорными загадками в журнале помещались литературные загадки Н. Плис(с)кого, шарады Д. Михайловского и Д. Марголина, а также загадки анонимных авторов. Загадки, печатавшиеся в "Детском чтении", были посвящены самой разнообразной тематике. В них в иносказательной форме изображались предметы быта и интерьера, окружающие ребенка в повседневной жизни, предметы обучения и грамоты, явления природы, растения и животные, времена года, технические и строительные сооружения. Прежде чем приступить к анализу стихотворных загадок "Детского чтения", необходимо отметить, что все литературные загадки нужно рассматривать в их прямой взаимосвязи с загадками фольклорными, поскольку поэты, создавая загадки для детей, несомненно, опирались на традиции, сформировавшиеся в народном творчестве, но в то же время пытались найти свои собственные способы и приемы создания художественного образа и поэтические средства.

Учеными-фольклористами давно установлено, что в основе народной загадки лежит иносказание, а ведущим способом создания художественного образа является метафора во всех ее проявлениях (В.П. Аникин, С.Г. Лазутин, В.В. Митрофанова, М.А. Рыбникова, Ю. Соколов, В.И. Чичеров и др.). Наряду с метафорой исследователи называют приемы оксюморона (Б. Квятковский), отрицательного параллелизма (А.Н. Веселовский), "замещения" (В.В. Митрофанова).

© Т.В. Струкова, 2008

Все названные способы и приемы создания загадочного образа активно используются поэтами XIX века. Однако самым распространенным оказывается прием отрицательного параллелизма, в основе которого, согласно А.Н. Веселовскому, лежит "двучленная или многочленная формула, но одна или одни из них устраняются, чтобы дать вниманию остановиться на той, на которую не простерлось отрицание. Формула начинается с отрицания либо с положения, которое вводится нередко со знаком вопроса" [1: 185]. В современном литературоведении параллелизм определяется как "тождественное или сходное расположение элементов речи в смежных частях текста, которые, соотносясь, создают единый поэтический образ" [2: 267]. Для отрицательного параллелизма характерно, как правило, взаимоисключающее соотношение признаков, качеств и свойств загадываемого предмета и тех объектов, с которыми он сравнивается. Художественный образ описывается путем его сопоставления с другим(и), близким(и) ему предметом(ами). При этом важно отметить, что авторами журнала "Детское чтение" большой акцент делается на дидактической и воспитательной функция загадок. В частности, в одном из номеров журнала помещено сразу три варианта загадки о книге. Причем в двух из них за основу взят фольклорный текст, который творчески перерабатывается и трансформируется поэтами. Народная загадка о книге является достаточно известной:

Не куст, а с листочками,
Не рубашка, а сшита,
Не человек, а рассказывает.

Структуру стихотворного текста образует синтаксический параллелизм, а способом создания художественного образа выступает отрицательное сравнение, выраженное на лексико-семантическом уровне. Иносказательно представленный образ сопоставляется сразу с тремя схожими с ним предметами, но в то же время принципиально от него отличающимися. Текст загадки довольно лаконичен, а основное внимание сосредоточено на описании внешнего вида книги, способа ее происхождения (изготовления) и назначении (функции). Нужно отметить, что в основе сюжета многих народных загадок лежит описание свойств, функций и способа изготовления того или иного предмета. Еще М.А. Рыбникова справедливо подметила, что фольклорная загадка "вводит ребенка в вопросы: что откуда, что из чего делается (генезис предмета) и что делают, что к чему годится (функция)" [8: 34]. Ученый-фольклорист В.В. Митрофанова выделяет несколько "способов создания загадочности" в фольклорных текстах: "сообщение качеств, свойств предмета (цвета, запаха, вкуса и т.д.)"; "описание внешнего вида предмета или его свойства в действии"; "сообщение об изготовлении предмета" и "прием сообщения о функции названного предмета, производимом им действии" [7: 144 - 145].

В отличие от народных загадок в авторских загадках акцент делается на способах обращения человека с изображенными предметами. В литературной загадке о книге также используется прием отрицательного параллелизма, однако основное внимание в тексте сосредоточено на отношении человека к книге:

Я не куст, хотя с листами,
Сшита, но не платье,
Вы давно со мной знакомы, -
Мы старинные друзья [3: T.V, 83].

К художественным особенностям стихотворного текста можно отнести повествование от первого лица и наличие обращения к читателю. Использование данных приемов является несвойственным для народной загадки, в которой повествование ведется, как правило, от третьего лица. В тексте авторской загадки завуалированно изображенный предмет сам рассказывает о себе. Данный структурный принцип, очевидно, ориентирован поэтом на особенности детского восприятия. Личная форма высказывания позволяет максимально приблизить ребенка к художественному образу, подчеркивает, что речь идет о предмете, хорошо знакомом детям. Прием обращения к читателю ("Вы давно со мной знакомы, - //Мы старинные друзья") приобретает в тексте воспитательное начало.

В другой однотипной литературной загадке о книге акцент делается на занимательности и образовательной функции иносказательно описываемого предмета:

Не куст, - но листья у меня,
Я не рубашка, - но я сшита,
И с виду - вещь простая я,
Когда я свернута, открыта.
Все точки, палочки во мне,
Кривульки, черточки, как стружки,
Скучна по виду я вполне
И не пригодна для игрушки.
Но если в дружбе ты со мной,
Все эти черточки-чернушки
Чудесным хором пред тобой
Пройдут, стараясь друг пред другом.
И дивный мир открою я, -
В том сила дивная моя,
С тобою странное случится:
Глаза откроются твои,
И все туманное вдали
Как ярким светом озарится.
Ряд скромных палочек моих
Любить людей, весь мир научат.
Ты вечно слушать будешь их,
И ввек они все ж не наскучат [3: T.V, 59].

Автором учитываются особенности сознания ребенка дошкольного возраста, который только учится читать и открывает для себя книгу. Поэт попытался взглянуть на книгу глазами ребенка, а также учесть специфику восприятия им печатного

текста. Именно поэтому буквы и печатные знаки уподобляются "кривулькам", "черточкам", "черточкам-чернушкам", "палочкам". Поэтический текст направлен прежде всего на то, чтобы привить детям любовь к чтению и бережное отношение к книге: "И не пригодна для игрушки". Кроме того, в загадке отчетливо прослеживается эволюция отношения ребенка к книге, что позволяет говорить о наличии элементов сюжета в загадке. В начале текста художественный образ представлен как совершенно незнакомый по внешнему виду и содержанию предмет, значительно отличающийся от привычных игрушек. В конце текста книга изображается как источник неисчерпаемых знаний, интересной и занимательной информации. Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что основным назначением загадочного текста является дидактическая функция.

Другим существенным отличием литературной загадки о книге от загадки фольклорной является динамичность сюжета первой. Народная загадка довольно статична, описательна. Как верно подметила ученый-фольклорист М.А. Рыбникова, загадка - "это мир существительных" [8: 58]. В тексте авторской загадки, напротив, доминируют глаголы, которые призваны передать отличительные признаки завуалированно изображенной книги. Использование автором данного приема также обусловлено особенностями детского восприятия: ребенку свойственно воспринимать окружающие его мир и предметы в движении, одушевлять неживые предметы. Структуру стихотворного текста организует синтаксический параллелизм. Конструкции с повторяющимся союзом "и" ("И с виду вещь простая я"; "И не пригодна для игрушки"; "И дивный мир открою я"; "И все туманное вдали // Как ярким светом озарится"; "И ввек они все ж не наскучат") также позволяют передать поэтапное изменение отношения ребенка к книге.

Динамично развивающийся сюжет присутствует в литературной загадке о листьях дерева. Листок уподобляется автором живому существу, наделяется способностью чувствовать, умирать и возрождаться вновь:

Наступает пора непогоды.
Холодает, и дождик идет.
Умирает чудо природы,
Умирает и вовсе замрет.
Я не золото - с золотом сходный
И все лето работал, как мог;
В знойный день ты под нами порою
Отдохнуть с тихой радостью лег.
Ты дышал полной грудью под нами,
И ты воздух прекрасный хвалил.
А один из сотрудников этих,
Я прикованный все-таки был.
И теперь умираю навеки,
Наше дело зато не умрет,
А весною такой же, как я вот,
Мое место с успехом займет [5: T.III, 116].

Способом создания художественного образа в стихотворном тексте выступает отрицательное сравнение. Листок сопоставляется с золотом на основе сходства их цветовой гаммы. Однако не менее важная смысловая нагрузка принадлежит глаголам, передающим действия, совершаемые человеком по отношению к загаданному предмету. Текст загадки состоит из трех структурно-семантических частей. В первой части дается описание осеннего пейзажа, во второй - воспроизводится картина жаркого летнего дня, а в третьей автор вновь возвращается к мрачной картине осени. Во второй и третьей частях повествование ведется от первого лица, листок сам рассказывает о себе. Личная форма высказывания позволяет автору подчеркнуть, что иносказательно изображенный предмет является частью живой природы. Использование данного художественного приема также объясняется особенностями детского восприятия - ребенку свойственно одухотворять все предметы и явления окружающего мира. Как и в загадках о книге, в поэтическом тексте присутствует воспитательное начало. Автор побуждает маленького читателя внимательно всмотреться в окружающий мир, оценить красоту природы и те блага, которые она преподносит человеку.

Анализируя загадки авторов журнала "Детское чтение", важно подчеркнуть, что другим существенным отличием литературной загадки от загадки фольклорной является отсутствие в первой предмета уподобления. Как уже отмечалось выше, для авторских загадок свойственна личная форма высказывания. Иносказательно представленный образ заменяется в тексте местоимениями 1-го лица ("я", "мы") или местоимениями 3-го лица ("он", "она", "они"). В загадках данного структурно-семантического типа главное внимание уделяется описанию отношения человека к изображенному предмету. Так, в загадке о дороге художественный образ наделяется семантическими характеристиками, исходя из восприятия его человеком:

Хоть всегда я неподвижна,
Но могу вести людей.
Кто торопится к работе
И спешит прийти скорей,
Тот меня прямою любит;
А без дела кто идет
Или бродит для здоровья,
Тот кривую предпочтет [4: T.VII, с. 123].

Особую смысловую нагрузку в тексте приобретают эпитеты "прямая" и "кривая", которые позволяют автору провести параллель между отличительными признаками дороги и поведением человека. Не менее важное семантическое значение отводится глаголам "торопится", "спешит" - с одной стороны и "идет", "бродит" - с другой стороны, которые также выступают своеобразной характеристикой поведения человека. Подобно предыдущим загадкам, стихотворный текст приобре-

тает воспитательную направленность.

Наряду с загадочными текстами, в которых художественный образ описывается путем указания на отношение человека к нему (на те действия, которые совершает человек), в творчестве авторов журнала "Детское чтение" есть примеры загадок, в которых сочетается описание специфических свойств иносказательно представленного предмета (формы, цвета, функции и др.) с изображением действий человека. Так, в загадке о письме отмечаются не только отличительные признаки художественного образа - способность перемещаться в пространстве, содержать в себе определенную информацию, а также указание формы и размера, но и содержится характеристика поведения человека:

Без ног, - но быстро я бегу,
Я - не тяжелое и не большое.
Я тайну свято берегу,
Нося в груди ее с собою.
Когда ж дойду я до людей,
Они мне кожу рвут на части
И там, под кожею моей,
Находят горе или счастье [6: Т.X, 68].

Как и в предыдущих загадках, в тексте отсутствует предмет уподобления ("замещения"), а способом создания художественного образа выступает отрицание, использование которого позволяет поэту описать загаданный предмет, не называя его. Наряду с отрицанием особую семантическую нагрузку в поэтическом тексте приобретает глагольный ряд, характеризующий отличительные свойства письма, а также те действия, которые совершают люди по отношению к данному предмету: "бегу", "берегу", "дойду" - "рвут", "находят". Именно указание на восприятие человеком загаданного образа ("Они мне кожу рвут на части"//; "Находят горе или счастье") служит своеобразным "ключом" для нахождения правильной отгадки.

Кроме того, важно отметить, что загадки журнала "Детское чтение" имеют не только воспитательную и дидактическую направленность, но и развивают в ребенке догадливость, сообразительность, ассоциативное мышление. Ведущим способом создания художественного образа в этих загадках является отрицательное сравнение. Иносказательно описываемый предмет может сопоставляться сразу с несколькими схожими (и в то же время принципиально отличающимися от него) предметами. Так, структуру загадки о яблоках организует механизм развернутого отрицательного сравнения:

Есть хвостики у нас, - но мы не рыбы все же.
Румяны мы, - а нету щек;
Есть зернышки у нас, - но мы - не огородник,
Есть кожица у нас, - но мы не носорог.
Мы наливаемся, - а все ж мы не посуда,
Висим высоко мы, - не колокол мы все ж.
Пойди подумай-ка покуда,
Быть может, нас ты и найдешь [5: Т.III, 74]

Стихотворный текст построен на детальном описании внешнего вида иносказательно изображенного предмета (наличии хвостика, румянца, зернышек, кожицы) и расположения в пространстве ("висим высоко мы"). Завуалированно описать яблоки автору позволяет проведение параллелей с самыми разнообразными предметами живого и неживого мира, хорошо знакомыми маленькому читателю, - рыбой, огородником, носорогом, посудой, колоколом. В основе структурно-композиционной организации поэтического текста лежат прием синтаксического параллелизма и перечислительная интонация, которые помогают автору дать всестороннее поэтапное описание загаданного образа.

Проанализировав загадки авторов журнала "Детского чтение", можно сделать ряд выводов: 1) ведущими способами создания художественного образа в поэтических текстах являются отрицательный параллелизм, синтаксический параллелизм, отрицательное сравнение; 2) в текстах загадок отсутствует предмет уподобления, почти все они написаны от первого лица, что является несомненным отличием загадки литературной от загадки фольклорной; 3) иносказательно описываемый предмет создается путем описания его внешнего вида, качеств и свойств, а также путем указания на отношение человека к нему; 4) в творчестве авторов журнала загадка приобретает воспитательное, дидактическое и назидательное значение; 5) структура и содержание загадочных текстов позволяют говорить о наличии элементов сюжета в них.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. - Л., 1940.
2. Гаспаров М.Л. Параллелизм // Литературный энциклопедический словарь. - М., 1957.
3. Детское чтение. Т.I - V. - СПб., 1877.
4. Детское чтение. Т. IV - XIX. - СПб., 1878.
5. Детское чтение. Т. I - X. - СПб., 1883.
6. Детское чтение. Т. VII - XVIII. - СПб., 1884.
7. Митрофанова В.В. Художественный образ в загадках // Современные проблемы фольклора. - Вологда, 1971. С. 141 - 151.
8. Рыбникова М.А. Загадки. - М., - Л., 1932.

T.V. STRUKOVA

Literary poetry riddle is at the pages of magazine "Children's reading"

The article is devoted to considering of Russian literary poetry riddles of XIX century. The author compares literary poetry riddles of magazine "Children's reading" with national Russian riddles and comes to the conclusion that literary poetry riddles are differ from national riddles and claims that literary poetry riddles have education purpose and elements of plot.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

М.В. Антонова,
Ю.В. Семенюк, *аспирант кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета.*

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ КОМПОЗИЦИОННОГО СТРОЕНИЯ СЛАВЯНО-РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ЖИТИЙ КИЕВСКОГО ПЕРИОДА

В настоящей статье представлено исследование композиционных особенностей славяно-русских переводных житий, а именно: их членимость на разножанровые части, состоящие в свою очередь из нескольких эпизодов; последовательность частей в соотношении с течением времени (хронологическая, ахронологическая, смешанная).

Еще В.В. Кусков, указывая на иерархичность древнерусской системы церковных жанров, отмечал, что на высшей ступени находятся Евангелия [13: 44]. К этому выводу пришел и итальянский исследователь Р. Пиккио: "Ветхий и Новый Заветы, как первостепенные источники познания, возвышались не только до религиозного, но и эстетического образца" [18: 31]. "Пиком сакральности", "первообразом, к которому тяготеют и родовую печать которого несут все образы", Б.И. Берман называет образ Христа [4: 173].

Жития святых имеют достаточно четкую и прочную конструкцию, или "агиографическую схему" [См.: 14], в основе которой лежит принцип уподобления высшему сакральному образу - в конечном итоге образу Христа. Конкретные формы и способы "подражания" могли быть различными, что и определило выработанные в христианской практике представления о разных типах святости и сформировавшиеся жанровые разновидности житий святых. Признавая наличие "агиографической схемы" исследователи подчеркивают, что в основе этих разновидностей лежат разные типы конфликтов, что ведет к различному композиционному строению. Так, в основе мученического жития - непримиримое противоречие между святым и императором-язычником, поэтому в наиболее конформной части агиографии мученика значительную роль играют эпизоды, описывающие пытки, чудеса исцеления и полемику с антагонистом [См.: 3; 13; 16: 24]. В основе исповеднического жития - конфликт не только с нечестивым царем, но и с народом, поэтому главными элементами становятся проповедь и чудеса, хотя святой также может претерпевать мучения и гонения. Герой святительского жития ведет борьбу с воплощением сил зла - бесами. Центр тяжести переносится на его деяния в зрелом возрасте и благочестивую кончину. В.В. Кусков подчеркивает, что "святительское житие также состоит из ряда самостоятельных эпизодов, посвященных деяниям героя, в которые подчас вводится изложение отдельных догматических вопросов или обличения" [13: 57]. Центр тяжести преподобнического жития переносится на "психологическую сторону", поскольку его герой ведет борьбу "против низменных, плотских человеческих страстей во имя торжества духа" [13: 58]. Определенной спецификой обладают и иные разновидности житий - пустынников, столпников, Христа ради юродивых.

Евангелие для средневекового книжника оказывалось наиболее авторитетным и образцовым текстом и в идеологическом, и в эстетическом смысле. Если цель святого - уподобление Христу, если для святого Христос - высший идеал, если жизненный путь святого соотносится с путем, биографией Христа, то закономерно особенности поэтики агиографического произведения будут соотносится с Евангелием, а агиограф ориентироваться на него как на идеальный образец. В.В.

© М.В. Антонова, Ю.В. Семенюк, 2008

Кусков указывал, что в центре повествования в Евангелии находится идеальный герой, описание жизни которого "начиналось с чудесного зачатия и рождения и завершалось "страстями", крестной смертью, (мартирием), чудесным воскресением и вознесением на небо. Основу биографии героя составляли его чудесные деяния: воскрешение мертвых, исцеление недужных, изгнание бесов, хождение по водам, претворение воды в вино, преображение и т.п., а также - проповеди, поучения и подробное изображение "страстей" и казни". Важно для нашего исследования заключение ученого о том, что "жизнеописание Христа развертывалось в Евангелии не в виде связного последовательного повествования, а в виде законченных эпизодов, фрагментов..." [13: 44-45]. Этот композиционный принцип сообразуется с жанровой многослойностью Евангельского текста, который может рассматриваться как сочинение "объединяющего" жанра, включающего в свой состав "первичные" (термины Д.С. Лихачева) - мартирий, поучение-проповедь, притчу, элементы лирических жанров и пр.

Действительно, синоптические Евангелия в композиционном отношении по существу членятся на 3 повествовательные части:

· Рождение и детство Христа. Сюда же входит и родословие, сведения о родителях. В Евангелии от Луки параллельно вплоть до крещения Иисуса развивается история Иоанна Крестителя.

· Рассказ о жизни и об основных деяниях Христа (биографический жанр, в который вклиниваются проповедь, притча, рассказы о чудесах).

· Мученическая смерть (мартирий) и посмертные чудеса.

Те же три основные части мы находим в житиях святых. Исследователи, начиная с Хр. Лопарева, в составе "агиографической схемы" биографической (или главной) части жития выделяют ряд обязательных элементов, которые оформляются в виде повествовательных эпизодов. Тем не менее, можно заметить и некоторые отличия "агиографической схемы" от евангельской. Так, если "благовествование" в Евангелии предстает как эпизод чудесного рождения героя, то в житиях святых рождение, как правило, имея характер чуда, по местоположению не соотносится с евангельским эпизодом указанного типа. Агиографический эпизод, условно названный нами "благовествованием", занимает иное место и выполняет иную функцию: он предваряет и предопределяет выбор святым типа подвижнического служения. Эпизоды смерти святого и посмертных чудес также в житиях святых могут быть выделены в отдельные разделы на основании того, что зачастую посмертные чудеса представляют собой многоэпизодную обширную часть, которая могла выделяться в отдельное произведение (например, чудеса Николая Мирликийского). Таким образом, с нашей точки зрения, в составе житий можно выделить уже не три, а пять основных частей:

· Детские годы (рождение, книжное учение, возможно, отказ от брака, хотя этот эпизод мог появляться и в другой части текста) или информация о жизни до начала деяний (подвига) или выбора пути подвижничества.

· "Благовествование".

· Рассказ о подвиге святого (часть наиболее конформная и многоэпизодная).

· Смерть святого.

· Посмертные чудеса.

Каждый из этих элементов, в свою очередь, может члениться на части (эпизоды), занимает в тексте определенное положение, выполняет конкретные функции и имеет фиксированную структуру. Совершенно справедливым нам представляется заключение В.В. Кускова: "...основу различных жанровых типов жития, сложившихся в Византии к X столетию, составляет эпизод, имеющий свой законченный сюжет со своей завязкой, кульминацией и развязкой. Житие и представляет собою свод различных эпизодов, объединенных единым героем" [13: 59-60]. Следует подчеркнуть, что конкретная композиционная структура отдельно взятого жития может не во всем соответствовать предлагаемому плану. Некоторые позиции часто оказывается невостребованными, другие же расширяются за счет дополнительных эпизодов.

Например, Житие св. Еразма, помещенное в так называемом Успенском сборнике XIII в., может быть разделено на шесть основных частей. Традиционных вступления и заключения в данном тексте нет. Первая часть включает в себя информацию о жизни святого в пустыни, весьма краткий эпизод "благовествования" и информацию о совершаемых им чудесах исцеления. Вторая часть - противостояние Еразма нечестивому царю Диоклетиану, в котором эпизоды избиений и мучений чередуются с проповедническими и обличительными речами святого. Третья часть повествует о заключении Еразма в темницу, чудесном освобождении от оков и включает второй эпизод "благовествования", благодаря которому святой чудесным образом при помощи ангела переносится в Италию. Завершается эта часть картинами гнева Диоклетиана и уверованием жителей Антиохии в истинного Бога. Четвертая часть повествует о деятельности Еразма в Лукриде, где он крестит людей и совершает чудеса. В данной части выделяются эпизод воскрешения юноши, молитва и проповедь. Пятая часть - конфликт святого с царем Максимианом, которая делится также на несколько эпизодов: навет некоего мужа на Еразма и повеление царя привести к нему святого, прения святого и мучителя; уничтожение идолов в языческом храме и проповедь истинной веры; избиение христиан по приказу Максимиана; предание Еразма мукам и его чудесное избавление с помощью архангела Михаила. Этот последний эпизод также

может быть расценен как своеобразное "благовествование". Заключительная шестая часть рассказывает о деятельности святого в "граде СерминьстЪ" и его кончине [См.: 19: 212-220].

Как видим, в Житии Еразма в биографической части "заполненными" оказываются три из пяти позиций предлагаемой нами общей структуры:

· "Благовествование" предваряется общими сведениями о жизни святого и ситуации в стране, затем представляется информация о начале его деятельности (часть 1).

· Многоэпизодный рассказ о страстях Еразма (части 2-5).

· Последние дни жизни и кончина (часть 6).

При общей тенденции следования "агиографической схеме" композиция конкретного жития может отличаться большой сложностью, включать в себя большее или меньшее количество повествовательных эпизодов, которые в свою очередь объединяются в относительно сюжетно завершенные части.

Житие святой Февронии может быть разделено на восемь частей, Житие Феодосии - на три; Житие Вита, Модеста и Христиании - на пять (все эти произведения читаются в Успенском сборнике). Перечисленные жития относятся к разновидности мученических, но практически во всех этих текстах представлена полная агиобиография. Центральным событием и центральным конфликтом становится противостояние святого антагонисту-мучителю, поэтому именно эти эпизоды имеют наибольший "удельный вес" в произведении. События разворачиваются в хронологической последовательности, причем имеет значение и последовательность событий, а значит и эпизодов, при описании "страстей". По крайней мере, в двух мученических житиях в составе Успенского сборника - св. Еразма и св. Иринии - демонстрируются последовательно возникающие конфликты с несколькими антагонистами. Можно сделать вывод о том, что развитие действия во времени, хронологическая цепь событий и эпизодов в данных произведениях является существенным повествовательным и композиционным приемом.

Многоэпизодность текста характерна, естественно, не только для мартирия. Как было показано исследователями, и в иных жанровых агиографических разновидностях произведение строится как цепь эпизодов. Так, В.В. Кусков писал по этому поводу: "Святительское житие также состоит из ряда самостоятельных эпизодов, посвященных чудесным деяниям героя, в которые подчас вводится изложение отдельных догматических вопросов или обличения" [13: 57].

Деление жития на эпизоды обнаруживается даже в текстах с явными признаками порчи. Так, в Успенском сборнике помещено Житие Пахомия, в котором практически отсутствует полная агиобиография святого. Тем не менее, произведение может быть разделено на ряд частей. В первой, весьма краткой, дается информация о черноризце Пахомии, который был отшельником в пещере в Тавенисии близ Фиваиды, и его краткая характеристика: "мужь житиемь славьныимь достоинъ же бывъ и прорицанию, и видомъ ангельскыимъ, тъ зЪло бысть любивъ нищимъ и любивъ человекомъ" [19: 208]. Вторая часть представляет собой эпизод "благовествования" с воспроизведением монастырского устава, полученного на медной пластине от ангела Господня, а также речь Божиего посланника о правилах, которые необходимо установить в обители. В третьей части читатель подробно информируется о том, как живут иноки в монастырях, организованных в соответствии с вышеописанным уставом. Следующая, четвертая, часть обращает нас к женскому монастырю и, кроме общей информации, включает две новеллы о подвижницах этой обители: об оклеветанной монахине и о юродивой инокине из поварни, причем последняя может рассматриваться как отдельная (пятая) часть, состоящая из ряда эпизодов.

В Успенском сборнике также читается славяно-русская версия жития Афанасия Александрийского. Как показала Л.И. Щеголева, это сочинение было составлено на Руси на основании ряда греческих памятников [20: 12-25]. Отметим, что древнерусский книжник действовал в строгом соответствии с имплицитно выраженными композиционными правилами. Полной агиобиографии здесь нет, однако агиограф обращает внимание на ключевые, с его точки зрения, периоды в жизни святого: его детство, когда определились духовные склонности, и гонения св. Афанасия во время его епископства. По наблюдениям Л.И. Щеголевой, "первый рассказ вошел в версии, близкой к латинскому "Лугу духовному" Мосха и Синайскоиу патерику". Второй рассказ аналогичен "Хронике Георгия Амартола" IX в. и ее славяно-русскому переводу - Временнику IX в. Характерные для последних сочинений обширные морализаторские вставки древнерусским агиографом были опущены или сокращены. В объединенном житии, как полагает исследовательница, "канва рассказа приобрела более четкий вид" [20: 18].

Таким образом, Житие Афанасия Александрийского в Успенском сборнике четко делится на две части. В начале первой содержится небольшое вступление о божественном предначертании, которое проявилось уже в детстве святого: "дЪтьска повЪдая отънюду же ему и въ предъсЪдание на предъ и шьствиемь проповЪданиемь Божествьныимь старЪшиньство приобрете" [19: 38]. Этот мотив - избранничества с детства - достаточно устойчив и относится к разряду традиционной житийной топики. Затем следует эпизод о детских играх Афанасия: дети подражают церковной службе, причем епископом у них избран герой жития. Мальчика отдают на воспитание в церковь, он быстро научается грамоте и Священному Писанию и сопровождает в поездках

архиепископа Александра, который приблизил юношу к себе. В конце первой части информационный эпизод кратко знакомит читателя с тем, что Афанасий впоследствии совершил множество деяний, перенес страдания и преследования, защищая веру.

Вторая часть начинается с упоминания Никийского собора и включает в себя рассказ об арианской ереси, о том, как Арию удалось обмануть царя, уверив его в своем правоверии. Далее Афанасий отказывается от общения с Арием, и император Константин его изгоняет. Следующий эпизод - изгнание святого сыном Константина Констанцием (некая девица укрывает святого в течение шести лет). Эпизод возвращения Афанасия связан с временем воцарения Юлиана, который на первых порах не преследовал христиан. Однако затем в связи с новыми гонениями герой бежит к реке Нилу, собираясь отплыть в дальние края, но предсказывает, что его отсутствие будет недолгим. Действительно, Юлиан вскорости умирает. В кратком эпизоде сообщается, что Афанасий преследовался и следующим императором - Валентом. Последний эпизод - сообщение о кончине святого.

Итак, компилятивное, созданное на русской почве Житие Афанасия Александрийского представляет собой в композиционном отношении характерную для данного жанра цепочку эпизодов, объединенных в две сюжетно-повествовательные части.

Строгая хронологическая последовательность эпизодов характерна не только для мученического жития. Так, в комплексе текстов, посвященных Епифанию Кипрскому, в составе Успенского сборника (Житие Епифания Кипрского [19: 253-269]; Повесть Поливия о кончине Епифания Кипрского [19: 269-293]; Послание Поливия [19: 293-294]; Послание Савина [19: 294-297]) также в целом сохраняется указанный принцип. Как показала М.В. Антонова, в данном комплексе произведений происходит смена повествователей, которые в разные периоды были спутниками и учениками святого и проводили записи обо всех событиях, происходивших с героем [См.: 2: 3-12].

Столь же строгая хронологическая последовательность эпизодов отличается, например, в Житии Алексия человека Божия [5: 244-253]. Начинается произведение со сведений о родителях, рассказе о рождении и обучении грамоте святого (первая часть). Второй эпизод - обручение героя и его отказ от жизни в браке. Третий эпизод - побег из дома и жизнь в Эдессе. Четвертый - реакция родителей и жены на исчезновение Алексия. Пятый эпизод - чудо "признания" человека Божия святой Богородицей. Шестой эпизод - побег из Эдессы и прибытие в Рим в дом отца. Седьмой эпизод - пребывание святого в родном доме. Восьмой - написание Алексием истории своей жизни. Девятый - чтение жизнеописания Алексия и реакция родителей и снохи. Одиннадцатый - погребение и посмертные чудеса. Собственно Житие Алексия человека Божия весьма компактно, отсутствуют распространенные части, повествующие о подвижнической жизни. Агиограф ограничивается указанием на то, что юродивый облекся в "худыя ризы, и сЪдяше яко проситель в папертЪ въ церкве владычица нашея пресвятыя Богородица, пощашеся от недили до недили, причащаяся святых таинъ и ядяше двЪ уки хлЪба и две уки пиаше воды, без сна пребываше вься нощи. А еже ему дааху милостыню, то все даяше нищимъ" [5: 246].

В эпизоде, рассказывающем о жизни юродивого в родном доме, подчеркиваются его терпение и стойкость, с которыми он сносит издевательства слуг. Течение времени передается указаниями: "Сътворишу же отрочатЪ 17 лЪт въ папрьтЪ Святыа Богородица" [5: 246]; "Съконьчавъшю же въ дому отчи 17 лЪтъ незнаемъ, къто бЪ..." [5: 248]. Несмотря на то, что особой значимостью обладают эпизоды, связанные с обнаружением святости героя, течение времени, длительность пребывания в Эдессе и в доме отца в облике юродивого также весьма существенны для создания образа святого. В целом же данные эпизоды могут быть объединены в 5 повествовательных частей.

· Детские годы, обручение и отказ от брачной жизни (эпизоды 1, 2).

· Побег из Рима и жизнь в Эдессе (эпизоды 3, 4).

· Побег из Эдессы и жизнь в доме отца (эпизоды 5, 6).

· Обстоятельства, связанные со смертью святого (эпизоды 7, 8, 9, 10).

· Погребение и посмертные чудеса (эпизод 11).

Интересно, что сама кончина Алексия оказывается как бы "за кадром". Внимание агиографа останавливают поиски человека Божия, обнаружение его, уже усопшего, горе родителей и супруги. Вообще житие достаточно лаконично, но в нем вполне явственно выделяются эпизоды, составляющие параллельную сюжетную линию, основные события которой связаны с действиями и переживаниями семьи Алексия, поэтому некоторые из эпизодов можно признать хронологически параллельными (например, 3 и 4).

Как было показано А.Н. Веселовским [8: 29-31], П. Безобразовым [3], Адриановой-Перетц [1: 70] некоторые византийские жития и соответственно древнерусские переводные могут быть охарактеризованы как жития-романы. К романтическим чертам исследователи относят, в том числе и усложненный сюжет, появление нескольких повествовательных линий. К такого рода сочинениям примыкает несомненно и Житие Алексия человека Божия. Однако наиболее ярким примером жития-романа, подробно проанализированным В.П. Адриановой-Перетц, является Житие Евста-

фия Плакиды [1: 72-76]. Если в работах В.П. Адриановой-Перетц композиция данного произведения рассматривалась в соотнесении с жанровой разновидностью "романа-приключений", то О.В. Гладкова полагает, что "Житие Евстафия строится как роман испытания: его сложный, но тем не менее единый сюжет представляет собой нанизывание "напастей"-испытаний, предопределенных свыше. В сюжете произведения происходит подчинение приемов мартирия приемам античного романа: экспозиция (сведения о Плакиде и его семье) ⟶ завязка (желание Бога спасти Плакиду; 1-й и 2-й разговор с Богом)⟶развитие действия (серия испытаний)⟶I кульминация (плачь Евстафия)⟶развитие действия (испытания продолжаются)⟶II кульминация (требование принести жертву)⟶развязка (мученическая смерть, посмертное чудо, торжество христианства)" [10: 10]. Признавая справедливость выводов исследователя о построении сюжета жития, отметим, что здесь оказались не учтены дополнительные линии судеб детей и жены Плакиды, которые не только осложняют сюжет, но и порождают особенности композиции. В частности, при общей хронологической последовательности расположения частей и эпизодов отмечаются параллельные во времени события, рассказ о которых содержится в отдельных отрывках [См.: 6: 10-27]. Для наглядности представим композиционное строение Жития Евстафия Плакиды в схеме 1. Как видим, эпизоды 4, 5 и 6, а также 7, 8, 9 в части IV хронологически одновременны.

Схема 1

I. Жизнь Плакиды и его семьи до обращения.

II. Обращение.

1). Благовествование Плакиды (1-й разговор с Богом);

2) рассказ жены о благовествовании ей;

3) крещении семьи.

III. Напасти в родном доме.

1) Благовествование Плакиды (2-ой разговор с Богом);

2) Мор: умерли все рабы;

3) Мор: пала скотина;

4) Уход семьи Плакиды из дома "на ино мЪесто";

5) Поиски Плакиды царем и сетования о его исчезновением.

IV. Напасти во время путешествия.

1) Уход семьи Плакиды в Египет

2) Плавание по морю и разлучение с женою;

3) Разлучение с сыновьями;

---

4) Спасение ребенка пастухами; 5) спасение ребенка пахарями 6) горе отца по пути в селение Вадисон

↓ ↓

8) Сыновья воспитаны в некоем селении; 7) 15 лет Плакида сторожит посевы в Вадисоне;

↓ ⟶

9) судьба жены в иных землях

V. Возвращение Плакиды на военную службу.

1) Приказ царя о поисках Плакиды;

2) Плакида узнает своих воинов;

3) Благовествование (3-й разговор с Богом);

4) Воины опознают Плакиду и с почестями отправляются к царю.

5) Возвращение на службу.

VI. Воссоединение с семьей.

1) Дети Евстафия попадают на службу в войско царя;

2) Воссоединение братьев;

3) Воссоединение супругов;

4) Воссоединение родителей и детей.

VII. Страсти и смерть.

1). Воцарение царя-мучителя Адриана;

2) Требование принести жертву богам и отказ;

3) испытания и мучения;

4) Благовествование;

5) Успение;

6) Чудо невредимости тел усопших, посрамление царя-мучителя, погребение Плакиды и его семьи.

Хронологическое расположение частей характерно для большинства переводных текстов, рассмотренных нами. Временная приуроченность и последовательность подкрепляется соотнесением событий житий с теми или иными историческими лицами или происшествиями, тем более что зачастую герои действительно являются реальными историческими персонажами.

Житие Саввы Освященного может быть разделено на более чем 90 эпизодов. Оно построено в полном соответствии с "агиографической схемой": обширное вступление, собственно житийная часть, заключение. Биографическая часть включает в себя все необходимые сюжетно-композиционные части и топосы. Савва рожден от благочестивых родителей, с детства тянулся к Богу и, в конечном счете, бежит из дома в монастырь, где и начинается совершенствование его духа. В эпизоде "благовествования" на героя снисходит Святой Дух и указывает ему тот путь, который он должен пройти, чтобы приблизиться к Богу. Подвигом святого становится создание Лавры и многочисленных монастырей, при этом Савва является пастырем для их насельников. В повествование вплетаются рассказы о борьбе с ересями и о чудесах. Описание успения Саввы Освященного вполне соответствует каноническим требованиям. Завершается житие серией рассказов (эпизодов) о посмертных чудесах, связанных с именем святого.

Хронологическая последовательность эпизодов подчеркивается постоянными указаниями на возраст святого: "Пятаго убо десяти и четвертаго лѢта отца нашего Савы, второму же лѢту по священии богозданныа церкве, и епископа Иоанна в лавру пришествия въ 21 дънь епуаря месяца пятаго на десять индикта прииде отець нашь Сава на Кастелиискую гору, двѢманадесятема поприщема сущ отъ лавры, на восточьнѢмь мѢсте отъ сѢвера..." [7: 469]. "Въ 70 лѢто и третиее святого Савы возрастъ архиепископъ Иерусалимьскый Илия нѢкыихъ отъ игуменъ восхотѢ послати Констянтину граду..." [7: 498]. "Осмаго десяти лѢта и шести возраста отца нашего Савы архиепископъ Иоаннъ седмь лѢтъ и седмь месяць въ патриархие скончавъ..." [7: 524-525]. "Въ начатокъ девятидесяти лѢтъ и прьвому возраста отца нашего Савы..." [7: 526] и т.п. Действие вставлено в широкую историческую раму, Савва Освященный постоянно контактирует с теми или иными иерархами церкви, правителями, известными лицами, поэтому в целом расположение частей строго последовательно, один эпизод вытекает из другого, последующий, как правило, связан с предыдущим, в том числе и текстуальным указанием на прошедший промежуток времени, например: "Четвертое же лѢто скончавъшу во оны дъни святому отцю нашему Саве..." [7: 459].

Хронологический же принцип композиции эпизодов характерен и для Жития Константина-Кирилла. Последовательность нанизывания эпизодов определяется также биографическими особенностями: повествование о рождении, успехах в книжном учении, просветительской деятельности, блаженной кончине и погребении. Большое место в Житии занимают эпизоды богословской полемики, в которой Философ мудростью Божьего слова побеждает мрак языческого неверия. Однако все эти деяния совершаются в различных землях, куда по повелению "цесаря" (византийского императора) или патриарха славянский просветитель отправляется в строгом соответствии с исторической и биографической хронологией своей жизни. Иногда в тексте обнаруживаем четкие временные обозначения, например: "Четыре же десять мѢсяца створи в МоравѢ, где святить ученик своихъ" [5: 56]. Точных дат, тем не менее, или указаний на возраст святого в тот или иной момент в данном тексте не обнаружено (кроме указания возраста и даты смерти). Однако последовательность эпизодов мотивирована именно последовательностью событий в реальной биографии Константина Философа.

В Житии Епифания Кипрского (вернее, в комплексе текстов в составе Успенского сборника) хронологический принцип расположения эпизодов не разрушается даже внелитературными задачами, которые обусловили специфический прием смены рассказчиков [см. подробнее: 2: 3-12].

Хронология эпизодов в повествовании ученика Епифания Иоанна, автора Жития, обусловлена путешествиями святого, его перемещениями в пространстве и пребыванием в тех или иных местах. М.В. Антонова полагает, что "запись событий из жизни святого происходит не по воспоминаниям, а непосредственно "по горячим следам". Агиографы буквально сопровождают своего героя и в жизни, и посмертно" [2: 5]. В ряде случаев строгая последовательность подчеркивается в эпизоде указаниями типа: "въ тои же нощи поимъ Епифанъ мя и Полувия, изидохомъ изъ манастыря" [19: 263]; "БѢхомъ же 3 дни въ мори отъчаявъше ся и четвьрътыи загнаша корабль носящая вълны и привьрьгоша ны къ Салъмии граду" [19: 264].

В Повести о кончине Епифания Кипрского Поливия хронологический принцип композиции ярко выражен только в истории конфликта святого и Иоанна Златоуста, имеющего историческую раму. Следует признать, что большинство эпизодов (или частей) рассматриваемого текста происходит "некогда", то есть автору безразлично их место в последовательности событий.

В своих странствиях Епифаний совершает много чудесных деяний, которые агиографы описывают в многочисленных новеллах. Это "умилосердование злодеев, усмирение дикого зверя, исцеление бесноватых, прозрение слепых, наложение немоты и обездвижения на хулителя, избавление от засухи по молитве святого, обретение богатств для милосердных деяний <...> прения с фи-

лософами и жидовином, подчеркивающие книжную ученость святого, встречи с другими прозорливцами и чудотворцами, изложение чудесных знамений разным людям о Епифании и чудес, связанных с деятельностью других святых, с которыми агиографический герой был духовно близок" [2: 6]. Важно, что все эти части хронологически неопределенны по преимуществу в Повести Поливия: "инъгда же приде етеръ отъ Иерусалима дияконъ" [Повесть Поливия 1971: 273]; "нЪкогда же гладу бывъшю" [19: 279]; "бяше же единъ диякъ в епископии именьмь Савинъ" [19: 281]; "тъгда же сълучи ся Епифану ити въ Констянтинь градъ" [19: 282]; "сущемъ же намъ въ Костяньтини градЪ" [19: 283]; "нЪкогда же съвъпроси ся словесы Епифанъ съ Аэтъмъ" [19: 285]. Как видим, в комплексе текстов о Епифании Кипрском сосуществуют два типа композиционного соотнесения эпизодов - хронологический и ахронологический, что вполне сообразуется с задачами и принципами святительского жития.

Ахронологические части и эпизоды обнаруживаются и в других житийных текстах. Как правило, в содержательном плане они представляют собой повествование о неких подвигах самого святого, описание действий, совершающихся "по обыкновению", чудесных знамениях и событиях, время осуществления которых принципиально не важно для агиографа. Приведем ряд примеров. В Житии Саввы Освященного выделяются новеллистические эпизоды, имеющие относительно законченное содержание и рассказывающие о чудесах, совершавшихся героем при управлении и руководстве монастырем. Точного времени приурочения нет, эти события могли происходить на любом этапе сознательной подвижнической деятельности святого:

"Ксенодохию же лаврьскому твориму, пусти отець наш Сава брата нЪкоего во Ерихо древеса принести на дЪло со лаврьскыми клюсяты. И ишед, и клюсята наложивь, и идяше по пустыни къ лаврЪ. Зною же велику бывшу, вжада зЪло, и отнемогся посредЪ пути, паде, помянувъ святаго старца рече: "Боже отца моего Савы, не остави мене". И ту абие покрывыи облакомъ и столпомь огненымь наставивыи Израиля Богъ и надъ симь облакъ простеръ, росу ему отдохновениа подоющe и посилие. И сице имыи облакъ последьствующь, прииде к лавре" [7: 469-470].

"Съкачии лаврЪ варити нЪкогда тыкви дЪлателемъ, да во время обеду вкусивъ обрЪте я горкы: да востужився, не имый иного что положити пред ними, шед скоро припаде къ старцю, бывшее исповЪдаа. Святый же пришед к нему, знаменавь знамением Христовымъ, глаголя къ сокачии: "Иди, благословень Господь, положи на трапезе". И абие сладкы быша тыкви, и ядоша вси, и насытишася, и прославиши Бога" [7: 497].

Примеры подобного рода можно продолжать. Ахронологические эпизоды в Житии Саввы Освященного удачно дополняют хронологические, способствуя всесторонней характеристике героя.

Сочетание хронологических и ахронологических эпизодов в пределах одного текста встречается довольно часто в агиографии. Например, в Житии Мефодия при сохранении общего линейного хронологического композиционного строения автор вводит ахронологическую часть, призванную проиллюстрировать "пророческую благодать", вклинивающуюся в хронологическую биографическую и состоящую из трех эпизодов: "БЪ же пророчъска благодать въ немь, яко ся суть събывала много прорицания его. От нихъ же ми едино ли дъвЪ съкажемъ.

Поганскъ князь сильнъ вельми, сЪдя въ ВислЪ, ругашеся крестьяномъ и пакости дЪяше. Посълавъ же къ нему, рече: "Добро ти ся *крьстити*, сыну, волею своею на своеи земли, да не плЪненъ иудьми крьщенъ будеши на чюже земли. И помянеши мя". Еже и бысть.

Инъгда же пакы Святопълку воюющу на поганыя и ничьсоже успЪющу, нъ мудящю. Святаго Петра мъши приближающися, рекъше служьбЪ, посъла къ нему, глаголя яко: "Аще ми ся обЪщаеши на святыи Петровъ дьнь съ вои своими сътворити у мене, вЪрую въ Богъ, яко прЪдати ти имать я вскоре". Еже и бысть.

Етеръ другъ, богатъ зЪло и съвЪтьникъ, оженися купетрою своею, рекше ятрьвью, и много казавъ и учивъ и утЪшавъ, не може ею развести. Ини бо, Божии раба творящееся, таи развращаху я, ласкающе имЪния ради, да сетьнЪе отлучиша я от цьркъве. И рече: "Придеть час, егда не могуть помощи ласкавьници ти, а моя словеса поминати имата, нъ не будеть чьто створити". Вънезапу по Божию оступлению паде напасть на нею, "и не обретЪся мЪсто ею, нъ яко и вихъръ, прахъ възьмъ, расЪя". И ина многа подобна симь, яже притьчами явЪ съказаше" [5: 76-78].

После этой части автор возвращается к хронологическому повествованию, непосредственно к рассказу о попытках моравлян, зараженных "иопаторьскою ересью" изгнать Мефодия и возвести на него хулу. Процитированная выше часть представляется как ахронологическая вставка в общую биографическую канву. Время совершения событий агиографу безразлично, важно, что они характеризуют героя с определенной стороны. Еще одна ахронологическая вставка в данном тексте имеет несколько иной характер: "На вьсЪхъ же путьхъ въ многы напасти въпадъше от неприязни: по пустынямъ въ разбойникы и по морю въ вълны вЪтрьны, по рЪкамъ въ *смьрчи* незапьны, яко ся съконьчати на немь апостольскому словеси: "БЪды от разбойникъ, бЪды въ мори, бЪды въ рЪкахъ, бЪды от лъжибратии, въ трудЪхъ и подвижниихъ, въ забьдЪнии множицею, въ алъкани и жажи множицею", и прочимъ печальмъ, яже апостолъ поминаеть" [5: 78]. Здесь перечисляются события повторяющиеся, типичные для агиобиог-

рафии Мефодия, а потому хронологически неопределенные.

Хронологический и ахронологический принципы композиции житий в славяно-русской переводной традиции сосуществуют в рамках одного текста. Несомненно, первый преобладает, а второй принципиально возможен только в разделе деяний (подвига) святого. Так, расположение частей в Житии Пахомия также ахронологично. Полная агиобиография отсутствует, и последовательность действий соблюдается лишь в частях I и II. В первой говорится о жизни святого в пещере, а во второй - о Божественном повелении создать монастырь. Последующие части (III, IV) хронологически последуют за предыдущими, но в соответствии друг с другом ахронологичны.

Житие Нифонта Констанцского в пространной редакции А.В. Рыстенко при публикации Ростовского списка 1219 г. [См.: 15] (РГБ, ф. 304, № 35) разбил на 159 разделов. Наблюдения издателей и исследователей Выголексинского сборника XII в. (В.Н. Дубровиной, Р.В. Бахтурина, С.В. Голышенко) позволили установить, что в краткую редакцию памятника "в разном объеме вошли 30 [разделов - М.А., Ю.С.], представленные в следующей последовательности: 1, 39, 12, 37, 52, 41, 42, 45, 46, 47, 51, 58, 61, 62, 70, 80, 74, 101, 102, 103, 127, 128, 129, 96, 57, 106, 107, 157, 158, 159. Многочисленные пропуски, характеризующие краткую редакцию, не нарушают последовательности изложения соответствующих эпизодов в тексте пространной редакции" [9: 63]. Однако простое сравнение последовательности эпизодов пространной и краткой редакций показывает, что она не совпадает полностью, в текстах имеются перестановки, свидетельствующие о том, что агиограф безразлично относился к хронологии агиобиографии своего героя.

Наиболее яркий пример превалирования ахронологических эпизодов (частей) обнаруживаем в Житии Андрея Юродивого. А.М. Молдован указывает, что это произведение "построено как цикл, включающий около 100 различных по объему рассказов, в которых повествуется о приключениях и чудесах Андрея, а также о различных персонажах и событиях из жизни Константинополя, имеющих часто лишь косвенное отношение к собственно житийному сюжету, а иногда и вовсе с ним не связанных" [17: 541-542]. Существенно осложняется композиция жития наличием конфидента святого - юноши Епифания, которому, как пророчествует Андрей, предстоит стать Константинопольским патриархом. Подобного рода герои "получались из праведников, пытавшихся узнать у Бога о существовании людей, более праведных, чем они сами" [11: 14; см. также: 12: 93].

В рамках биографического повествования можно выделить следующие обязательные разделы: рассказ о происхождении, обучении и образе жизни Андрея; эпизод "благовествования"; весьма обширное и многоэпизодное повествование о подвиге и чудесах святого; смерть и посмертные чудеса. Если в начальной части рассказа о юродстве можно найти некие элементы хронологии, то далее последовательность эпизодов утрачивает свою значимость. Не только характер святого статичен, но и его поведение, чудеса, им совершаемые, его высказывания постоянны и призваны лишний раз подчеркнуть прославляемые качества. То же самое можно сказать и об эпизодах, где главным действующем лицом оказывается Епифаний или иное лицо: это звенья в композиционной цепочке, различные по содержанию, но однотипные по функции, изменение порядка их следования не нанесло бы существенного ущерба для понимания текста.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть следующее: в славяно-русских переводных житиях, несомненно, как и в византийских, отразилась евангельская сюжетно-композиционная модель, существенными признаками которой являются поэпизодное строение и сочетание хронологического и ахронологического принципов следования эпизодов (частей).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адрианова-Перетц В.П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI-XIII в. // Истоки русской беллетристики. СПб., 1970. С. 67-107.

2. Антонова М.В. Об образах авторов комплекса текстов о Епифании Кипрском (на материале Успенского сборника) // Ученые записки Орловского государственного ун-та. Т. VII: Литературоведение. Фольклористика. Вып. 1. - Орел, 2005. С. 3-12.

3. Безобразов П. Византийские сказания. Юрьев, 1917.

4. Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. - М., 1982. - С. 159-183.

5. Библиотека литературы Древней Руси. Том 2. XI-XIII века. - СПб., 2004.

6. Библиотека литературы Древней Руси. Том 3. XI-XIII века. - СПб., 2004.

7. Великие Минеи Четии. Декабрь. Дни 1-5. Вып. 10. СПб., 1901.

8. Веселовский А.Н. Из истории романа и повести. Вып. 1. - СПб, 1886.

9. Выголексинский сборник. - М., 1977

10. Гладкова О.В. Житие Евстафия Плакиды - памятник переводной литературы Древней Руси Киевского периода (Текстология, жанровое своеобразие). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Спец. 10.01.01. - русская литература. М., 1992.

11. Желтова Е.В. О житиях юродивых и "Житии Андрея Юродивого" // Житие Андрея Юродивого. - СПб., 2000. С. 5-17.

12. Иванов С.А. Византийское юродство. - М., 1994.

13. Кусков В.В. Жанры и стили древнерусской литературы XI - первой половины XIII вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. - М., 1980.

14. Лопарев Хр. Византийские жития святых VIII-IX веков // Византийский временник. Т. XVII (1910 г.). - СПб., 1911.

15. Матеріяли з історіі візантійсько-слов'янськоі літератури та мови / Підгот. А. В. Ристенко. Одеса, 1928.

16. Минеева С.В. Истоки и традиции русского агиографического жанра // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 1. С. 20-31.

17. Молдован А.М. "Житие Андрея Юродивого" в славянской письменности. - М., 2000.

18. Пиккио Р. История древнерусской литературы. - М., 2002.

19. Успенский сборник. - М., 1971.

20. Щеголева Л.И. Житие святого Афанасия Александрийского в переводной литературе Древней Руси // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3-5 октября 2001 г.) - М., 2002. С.12-25.

M.V. Antonova, Y.V. Semenuk

General principles of compositional structure of Slavic-Russian translated hagiography of the Kiev period

In the article study of the general principles of compositional structure of Slavic-Russian translated hagiography is presented that is: their division into parts diverse in terms of genre, consisting of several episodes; succession of the parts in correlation with the course of time (chronological, achronological, mixed).

Т.В. Ковалева, *доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XI- XIX веков Орловского государственного университета.*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ "АЗБУКОВНИКОВ" XVII ВЕКА

Статья посвящена анализу произведений, оказавших огромное влияние на развитие системы образования и на всю русскую литературу для детей. Структура азбуковников доказывает, что наряду с дидактическими их авторы решали и важные художественные задачи.

"Азбуковниками" традиционно принято считать книги, основная цель которых "раскрытие значений иноязычных слов"[2:3]. Это же подчеркивается в названии некоторых из них. Так, в азбуковнике по списку начала XVII века указывается: "Книга, глаголемая алфавит иностранных речеи, их же древни преводницы или удоволишася на рускии преложити язык или тако произволиша им писатися".

Но в литературе XVII века существовала группа текстов с тождественным названием, но иной функциональной направленностью, например, "Азбуковник наказательный" и произведения, которые по своим структурным особенностям восходили к традиционным азбуковникам и создавались как тексты для детского чтения и поучения.

К таким примерам относятся "Азбуковник о нерадивоучащихся ученицех", "Азбуковник второй" и знаменитое "Школьное благочиние" Прохора Коломнятина.

Они имеют много общего в структуре, так как художественная форма их восходит к акростихидной азбуке: каждый из фрагментов текста азбуковника начинается с заданной буквы, определяемой алфавитным рядом (далее - буквенно-стиховые сегменты). Но, в отличие от акростихид, количество строк в азбуковниках не ограничено: их может быть от 2 до 20-ти на каждую из букв славянского алфавита, причем большинство строк оказывается маркировано анафорическим анлаутом.

Отсюда можно сделать вывод о том, что алфавит в азбуковниках выполняет структурообразующую функцию, но при этом не регламентирует строчный состав. Это увеличивает семантическую вариативность текста, но одновременно с тем устанавливает определенные жанровые признаки "Детских азбуковников".

Азбуковники и их отрывки достаточно часто помещались в сборниках, предназначенных для детского чтения. Самым полным их собранием, по свидетельству Ф.И. Сетина [5:66], является "Афанасьевский азбуковник", включающий в себя как поэтические, так и прозаические произведения, объединенные воспитательными и дидактическими целями ("Азбуковник наказательный", "Азбуковник о нерадивоучащихся ученицех").

"Азбуковник о нерадивоучащихся ученицех" предлагает читателю специфические стиховые параметры: прежде всего, графика его имеет вертикальную архитектонику (строки с алфавитными инициалами выдвинуты влево, инициалы написаны прописными буквами, тогда как в сдвинутых вправо обычных строчках все начальные буквы строчные), слоговой объем строк этого текста колеблется в гораздо больших пределах (от 7 до 20 слогов), что, естественным образом, снимает вопрос об изосиллабизме. Правда, при этом важным является особый ритм чередования длинных и коротких строк, как правило, сгруппированных в рамках одного алфавитного сегмента:

Вместо еже бы им внимати.
И божественному учению
вседушно прилежати.
Они начинают кощуны творити.
Глумы деюще, смехи творящее,
И неполезная вещающее [4:42]

Количество слогов в строчках буквенно-стиховых сегментов соответственно: "В" - 9, 17, 13, "Г"- 10, 10. Есть и более контрастные случаи. Мы остановились именно на этом примере потому, что в сегменте "Г", в отличие от всех прочих, вместо 3 строк - всего 2 (то же в буквенно-стиховом сегменте на "И"). И лишь в последнем буквенном сегменте 4 строки, так как в нем оказывается традиционный для азбуковников финал-обращение к Богу: "конец и Богу слава". Кстати, это самая короткая строка во всем произведении - всего 7 слогов.

Короткие строки, как правило, имеют иную ритмическую структуру: в отличие от тактовикового или дольникового ритма длинных форм здесь может возникать даже случайный ямб:

За такое их сквернение
ожидает их вечное мучение,
аще не прибегнут на покаяние [4:42].

Конечно же, это случайность, не имевшая для автора никакого особенного значения (кстати, в тексте всего три строки чистого ямба и 6 хорея).

© Т.В. Коваленва, 2008

Это доказывает тот факт, что последующие строки представляют собой с позиций квантитативного (метрического, а не слогового) стихосложения тактовик (есть интервалы от 0 до 3 слогов). Интересно и то, что короткие строки как правило не содержат в себе слишком длинные слова, тогда как длинные строки тяготеют к многосложным существительным, прилагательным и особенно глаголам, которые в большинстве случаев оказываются в рифменной области, словно в подтверждение мысли В.М. Жирмунского о происхождении рифмы из параллелизма с инверсированными в конец строки глаголами. При этом большинство рифм в тексте дактилические, то есть для их образования необходимо использование именно многосложных слов (минимум в три слога). Есть, правда, в тексте женские и даже мужские созвучия, но тот факт, что в здесь зафиксированы случаи разноударности (ударный слог разный от конца строки в корреспондирующих строчках) и ассонансности (разные ударные гласные в корреспондирующих словах): творящее-вещающе, чисти-лености-мудрости, сквернение-мучение-покаяние, и это доказывает, что для автора текста ударение не играет роли ритмического фактора, а является только лишь дополнительным эвфоническим (гармоническим звуковым) элементом. Нельзя не отметить в этом отношении, что количество стыков ударений (на двух или более слогах подряд) в тексте невелико, что, естественно, утяжеляет звучание русских стихов.

Для автора оказывается важным фактор, если можно так выразиться, задержанного или замедленного ритмического развития строки в его акцентной основе. Длинные многосложные слова, скапливающиеся в конце строк, дактилические рифмы в триаде рифмующихся строк - все это создает неподражаемый эффект какой-то гармонической стройности, размеренности, поучительности. При этом динамичность собственно стиховой основы оказывается достаточно высокой: текст не застывает в некоей монотонности. Смена доминант от строки к строке, от одного азбучного сегмента к другому подкрепляет собой образно-тематическую структуру текста, движущуюся от одной инвективы к другой.

В этом отношении важным фактором ритма (то есть той самой вербальной динамики) является стиховой зачин (количество слогов до первого ударения в строке), который по тексту колеблется от дактилического до амфибрахического и даже анапестического. Это заметно уже по первому буквенному сегменту:

Аще и мнози во училище поучаются,
мали же от них навыкновени являются,
понеже леностніи и нерадивіи
обретаются [4:42].

Есть, правда, фрагменты текста (не более 4 строк), в которых зачин остается неизменным, но в этих случаях, как правило, внутренняя динамика уходит в середину строки, образуя специфические ритмические каденции строк:

Дух святый от себе отгоняют,
Ангели своя хранители прогоняют.
Еже не хранять чистоты плотския,
Деют же грехи содомскія [4:42].

В этих строчках с дактилическим зачином представлено соответственно: 1 - тактовик с вариацией междуиктовых интервалов от 0 до 3 (1.32.1), 2- акцентный стих с вариацией междуиктовых интервалов от 1 до 4 слогов (0.314.1), 3 - опять тактовик (0.320.2), и, наконец, 4 стопный хорей с дактилическим окончанием (0.31.2). Как видно, четыре строки с одинаковым зачином и стоящие по тексту рядом, совершенно не похожи друг на друга. Это явно художественная установка автора, пренебречь которой интерпретатор не вправе, так как сравнение с другими азбуковниками иногда дает картину некоторой ритмической монотонности, обусловленную синтаксической урегулированностью стихотворных компонентов.

Можно предположить, что значительная ритмическая вариативность данного текста во многом обусловлена тем фактом, что в его основе лежит не просто назидательный пафос, а сатира, что отмечено и в сопроводительной статье журнала "Народное образование", в котором он был помещен: "Посвященный таким ученикам азбуковник... должен был бы представлять из себя нечто в роде школьного уложения о наказаниях, в котором наши предки, словоохотливые будто бы, когда дело касалось наказаний, могли дать полный простор своей жестокой фантазии, развивая любимые темы о пользе розог, ремней, жезлов и пр. орудий школьных казней" [4:42].

В действительности же данный азбуковник - одно из немногочисленных произведений данного жанра, направленное на исправление юношеских пороков словом, а не бичом. Отсюда так много, против ожидания, в инициальных алфавитных словах союзов, предлогов и наречий (аще, вместо, еже, зане, за, иже, ради, тако и т.д.). Парадоксальным образом, графически и структурно выделенные слова в некоторой своей части не несут на себе особой семантической нагрузки (есть, конечно, в тексте и другие примеры: блаженному, животных, ленящему, око, оучению, фарисейское, человек и т.д., но по большей части они подтверждают сатирический пафос текста), так как для автора важнее связность мысли, непрерывность акта убеждения. Отсюда растянутые порой на 4-6 строк многоуровневые предложения-аргументы, предложения-иллюстрации:

Кто бо слыша от века коли быліе
живорастяща,
или кто виде древо сухо плод приносяща,
кто же ли обрете ленящагося благодать
божію пріемлюща.
Ленящему бо ся никогда же ні от кого же
подаемо бывает благое;

но всегда от всех готовляемо бывает ему злое:
не точію от Бога, но и от человек глад раны и томленія [4:43].

Этим же обстоятельство объясняется проходящая лейтмотивом по всему тексту мысль о познании как о неотъемлемой составляющей человеческой сущности, природы человека. Раскрывая перед нерадивым учеником глубины истории, автор азбуковника апеллирует к его человеческому достоинству, его сердцу и душе, естественно при этом поминая христианские заповеди смирения перед Богом и ответственности перед ним:

Человек бо человеком учим бывает,
разум же всем Бог дарует,
того ради покорятися подобает [4:44].

Не случайно ли, что слово "человек" появляется в тексте азбуковника целых 4 раза.

Таким образом, структурные особенности данного произведения оказываются обусловленными художественной задачей, смысл которой сам автор пояснил в буквенном сегменте, маркированном повелительным глаголом "храни":

Храни словеса дидаскаловы
И соблюдай глаголы учителевы,
Не забывати реченія наказателевы [4:43].

Одной из важнейших частей Афанасьевского сборника можно считать "Школьное благочинное всеспасительное учение хотящим б~жественных к~нгъ навыкати и умом и сердцем прилежно внимати...", созданное Прохором Коломнятиным, имя которого и зашифровано в акростихе.

Структура этого текста довольно своеобразна. Открывается "Школьное благочиние" пространным предисловием, названным "Послание просительно". Это, по определению исследователей, набор распространенных фраз этикетного характера, с которыми некий заказчик обращается к автору.

Как и принято, в соответствии с канонами древнерусского речевого этикета, герой-заказчик преуменьшает свои достоинства и выражает почтение адресату, а также обосновывает тот факт, почему именно на автора возложена ответственная задача: создать трактат, регулирующий школьную жизнь. В соответствии с канонами древнерусской письменности упоминается и о роли Бога в этом "полезном труде", но она представляется опосредованно, тоже через автора, который значительно ближе к Высшим силам, чем заказчик, потому что является иереем. Именно его "елико Господь вразумил" на создание художественного произведения совершенно нового типа. Потому-то и осмысление роли составителя текста занимает в предисловии значительно больше места, чем это принято традиционно.

Интересно и то, что проблемы образования, просвещения отходят в предисловии на второй план, а главными являются личные взаимоотношения заказчика и исполнителя.

Следующая часть "Послание оувещательно", по мысли автора, выполняет функции ответа заказчику. Она еще более далека от учебной направленности всего произведения и содержит пространную благодарность за предложенную работу. И если в первой части прослеживается некая связная мысль (например, формулируется причина обращения к "пречеснейшему отцу": "Хотех в школах книгам учитися, - сим благоволи"), то вторая - набор тематически не вполне обусловленных фраз. Только последние предложения "Послания" возвращаются к первоначальной направленности произведения:

Се тобою желаемое о школе изобразуется
И хотящим учитеся буквам о благоискустве написуется
С полным ума намерением приходящего в школу прияти...[3].

Подобная специфика двух вступительных частей объясняется тем, что автору важно было не донести какую-либо информацию просветительского или учебного характера, а увековечить имя свое и заказчика, что являлось прямым следованием существовавшей литературной традиции.

Этим, очевидно, обусловлено то обстоятельство, что переписчики и первые исследователи рукописи не обращали внимания на обе вступительные части. Полная расшифровка текстов была проведена сравнительно недавно, что позволило выявить не только имя создателя произведения иерея Прохора Коломнятина, но и заказчика Диомида Яковлева [2:49].

Таким образом, вступительные части, созданные поэтом, были своеобразным следованием традициям приказной школы, согласно которым каждый автор обязательно должен был сообщить свое имя с помощью акростишных механизмов.

В то же время, несомненно, что Прохор Коломнятин отдавал себе отчет в том, что создает произведение, не совсем обычное по своей форме. К середине XVII века уже достаточно распространены были своды правил поведения учеников в школе и во внеурочное время. Но все они были выполнены в прозаической форме, чаще всего - в виде диалогов. Но Прохор из Коломны традиционное содержание вкладывает в поэтическую структуру и сам указывает на это, подчеркивая, что ведет повествование "в краесогласии", т.е. с помощью рифмования.

В основной части автор уточняет, кому и для чего предназначено произведение: "малоумные и маловозрастныи отроча" должны были почерпнуть из него правила поведения и усвоить их. Вопросно-ответная форма, используемая здесь, была уже достаточно распространена в современных ему канонах, но при этом обычно участники беседы, задающие вопросы и отвечающие на них, оставались за рамками произведения.

Автор "Школьного благочиния" полностью отказывается от безличной структуры: в тексте при-

сутствуют "Учитель" и "Ученицы" (ученики). Это свидетельствует о знании детской психологии и роли словесной наглядности, понимании того, что конкретизированный материал лучше усваивается. На протяжении всего чтения произведения ученик является в основном слушателем. Ему принадлежат только две фразы в самом начале произведения.

Наставления учителя направлены на то, чтобы ученики не просто овладели навыками "книжного разумения", но и выработали способность к быстрому мышлению, прилежность, усердие, умение себя вести, уважение к учителю.

Ответная речь ученика на наставления восторженная. Ребенок благодарит наставника за учение, за воспитание "страха" божьего, духовной и телесной чистоты, но большая часть его высказывания посвящена проблеме наказания. Автор вкладывает в уста ученика готовность принять его за любую провинность.

Но новаторство этим не исчерпывается. Автор идет дальше, вводя в текст образ "Слагателя", которому в произведении отводится самая важная роль - арбитра. Включившийся в беседу Слагатель полностью устраняется в своем первом высказывании от обсуждаемой проблемы, подчеркивая, что для него, как творца, важнее внутреннее состояние личности, готовность жить в соответствии с православным каноном, с "Богом в сердце". Именно в речи Слагателя впервые появляется форма повелительного наклонения, которая затем проходит через все следующие высказывания учителя. Но если в речи этого лирического субъекта она употребляется в обобщенном и поэтизированном высказывании ("Буди яко древо насажденное при исходящих вод"), то в речи учителя дидактическая основа предельно конкретизирована: "Буди внимателен,.. буди... любителен".

Много места в произведении отведено осмыслению роли учителя. Он не только передает ученикам знания, но и является духовным наставником, человеком, на которого возлагается ответственность за нравственное формирование личности. Отсюда уважительная и восторженная форма обращения к нему:

Въ разумительнаго твоего приказанія
слушаем
аки сладкій мед кушаем
всемъ словомъ твоимъ внимаемъ
в сердцахъ своихъ умне сокрываем.

Таким образом, полилог трех условно-дидактических персонажей (автора, учителя и учеников) оказывается регламентированным целой системой иерархических отношений.

Нельзя не отметить, что автор в своем тексте стремится сохранить форму, присущую всем азбуковникам. Именно в авторских партиях почти все предложения начинаются определенным буквенным сегментом в соответствии с алфавитом:

Блажени иже во благом учении пребудут,
таковии вся дни безъ печали пребудут.
Блажен иже во всем ненавидит долних
и ищет всегда блаженъных надежд горних.

Есть фрагменты, где первая и вторая строки такого специфического текстового сегмента начинаются с определенной буквы:

Всех добродетели вящще есть разсуждение:
*Во внешних же ч(**е**)л(**ове**)цехъ благонравное*
рассмотрение.

Исключение составляет лишь речь Слагателя, которая нарушает установленный порядок произведения. Так, между высказываниями учителя на буквы "Д" и "Е" появляется двустишие, принадлежащее Слагателю: "Помышляй души своеи выну полезная: памят же всегда тебе да будет смертная". Этот же принцип построения его речи сохраняется во всем тексте.

Собственно стихотворная структура данного произведения еще своеобразнее содержания: из всех выделяемых современных стиховедением элементов стиха безусловным оказывается только рифменное созвучие (образуемое по принципу смежности - аа вв сс и т.д.), каталектическая вариативность которого чрезвычайно велика - от мужских и женских (вод-год, сохраняти-соблюдати и т.д.) до дактилических (учение-благочиние, наслаждаеши-насаждаеши и т.д.). Чередование разных стиховых окончаний происходит хаотически, но при этом обращает внимание тот факт, что преобладающими типами оказываются женское и дактилическое созвучие, причем именно в области этих форм чаще всего встречаются цепочки рифм: "...хотящимъ б(*о*)жественныхъ кн(*и*)гъ навыкати / умомъ и сердцемъ прилежно внимати / должно есть всемъ сие сохраняти / учителево приказание опасъно соблюдати..." Местоположение подобных конструкций также не нормировано, но при этом созвучие никогда не выходит за рамки фразовых блоков, маркированных тем или иным буквенным сегментом: а - азъ, аще, б - блажени, блаженъ, буди, будет и т.д. Это говорит о том, что для автора рифма - еще не самостоятельный художественный феномен, а лишь компонент системы буквенно-лексических повторов, подкрепляемых параллелизмами. О том, что рифма не выполняет в "Школьном благочинии" собственно эвфоническую функцию, говорит и тот факт, что на фоне почти тотальной рифмованности все же встречаются примеры холостых (нерифмованных) строчных и сверхстрочных форм и, что особенно важно, - случаи нарушения точности созвучий за счет разноударности рифмокомпонентов (кАющихся-тшАщихся, наслаждАешии-всаждАеши, стЕпень-ремЕнь), диссонансности (премУдрости-блАгости, прилЕжно-неотлОжно), ассонансности (клейность-плетной, істрата-ісправа, явится-покажися).

Налицо весьма знаменательный феномен постепенного перехода структуры, в которой соиз-

меримость строится от анлаута строк, в стиховую модель с приблизительным синтагматическим равенством коды. Здесь дидактическая традиция акростихидной азбуки вступает во взаимодействие с фольклорным феноменом рифмования грамматически однородных форм (чаще всего - глаголов). С одной стороны, даже случайная рифмовка вольно или невольно отвлекает внимание ученика от собственно процесса обучения, с другой - неотчетливо проводимый принцип буквенной сегментации компенсируется рифмообразованиями, меняющими свой эвфонический состав в каждом новом стихоподобном блоке. Естественно, что этот своеобразный синкретизм не проявляется последовательно и отчетливо на протяжении всего текста, но свидетельством тому, что автор "Школьного благочиния" пытался найти некую доминанту и в анлауте, и в коде строк, является тот факт, что количество неточных и приблизительных рифм довольно велико - около 15-20% по женским и дактилическим формам, что можно определить как особую тенденцию. При этом грамматическая однородность форм достигает почти 98% от числа всех рифм, во многом за счет тавтологических структур: "Блажени іже во благомъ ученіи пребудутъ таковіи вся дни безъ печали пребудутъ".

Обращение к формам расподобления созвучий при почти тотальной однородности является не просто свидетельством погрешности стиля, но прежде всего обстоятельством, доказывающим, что рифма в "Школьном благочинии" является лишь элементом стихоподобной структуры, подкрепляющим членение текста по буквенным сегментам. Все это заставляет искать стиховые признаки в ритмическом строении текста.

Уже на эмпирическом уровне сразу же ощущается метрическая ненормированность "Школьного благочиния". Ни изосиллабизм, ни изотонизм не проводятся последовательно из строки в строку. Мера стиха, используемого автором, при не всегда выдерживаемой тенденции к двустрочности буквенных сегментов, может быть определена лишь как генетически восходящая к молитвословному стиху, с той лишь разницей, что аллитерационная заданность здесь будет преобладающей:

Добро есть всякому искати полезное;
на сицевыхъ не бываетъ никогда жите
слезное.
Добрый мой советъ пріимите:
ко слышанію его вси прідите.
*Доброе вот обученіе с(**вя**)тое писаніе*
*о нем же от мене вам бывает бл(**а**)гое*
наказание...

Таким образом, перед нами предстает своеобразный феномен: с одной стороны, "Школьное благочиние" - явно канонический азбуковник, с другой - в нем сильно собственно стиховое (с современной точки зрения) начало. Можно предположить, что интуитивно автор текста пытался совместить в единой форме принципиально разные для того времени достижения до этого несочетаемых областей литературного творчества. Признаками одной из них является буквенная сегментация, другой - почти тотальная рифмованность. Именно такое балансирование на грани дидактичности и художественности можно считать своеобразной культурной парадигмой русской поэзии для детей в целом.

Именно поэтому следует особо отметить антиномичную сущность поэтической техники Прохора Коломнятина, так как подобный подход в целом характерен для всей русской поэзии, избиравшей до и после "Школьного благочиния" в качестве основного адресата подрастающее поколение. Очевидно, в этом факте кроется особенный смысл и, можно даже сказать, дидактическая сущность литературы для детей: при верности традициям и, можно даже сказать, установке на многофункциональность (информативность, воспитание, познание, развитие различных навыков и т.д.) последовательно и необходимо возникает тенденция к деавтоматизации формы и содержания, привнесению принципиально новых приемов изложения и воздействия на юного читателя, когда в круг апробированных структур намеренно вводится некий дестабилизирующий (и этим-то привлекательный) элемент, долженствующий возбудить интерес и способный одновременно за счет своей инофункциональности подготовить к восприятию нового художественного смысла.

Уникальным по своему составу является и "Азбуковник вторый", принципиальное отличие которого заключается в том, что именно в этом тексте встречаются фрагменты, с относительно урегулированным слоговым объемом:

Честнейший отче и г(оспо)дине,
вниди в школу н(а)шу, (16 слогов)
Яко да видим мы вси честность и с(вя)тыню
в(а)шу. (14 слогов)
Шума нашего, молим мы тя,
не зазри, (12 слогов)
Паче реченное указание назри. (12 слогов)

Наличие таких соотносимых стиховых рядов, жестко регламентированных системой синтаксических параллелизмов, показывает, что в поэзии для детей впервые появляются элементы силлабического стиха, но это еще не становится нормой для стихотворного произведения, все же, прежде всего предназначенного для обучения и воспитания. Слоговая урегулированность возникает лишь фрагментарно, как и случайная метрическая каденция:

Щедрот ради б(о)жіих нас накажи...
- 4-ст. амфибрахий;
И в ползу нашу доброе слово скажи...
- 5-иктный дольник;
Еже что речеши в наказаніе наше...
- 4-иктный тактовик;

Обретаем быти в том спасеніе ваше...
- 5-иктный дольник;
Иже буди всем нам поучити... - 3-ст. анапест;
И жизнь вечную в н(е)бе улучити...
- 3-иктный тактовик.

В ритмическом плане этот разнобой метров создает тактовиковый фон всего текста, в определенных местах достигающий важной для дидактики точности и художественной выразительности.

Таким образом, сравнение наиболее популярных текстов "Азбуковников" позволяет делать вывод о том, что в русской поэзии для детей существовало два типа "Азбуковников". Если в "Школьном благочинии" и "Азбуковнике втором" алфавит выполнял вторичную функцию, то в "Азбуковнике о нерадивоучащихся ученицех" он уже становится художественной установкой и усиливает поэтическое начало текста не в ущерб дидактическому. Для развития русской детской литературы все эти произведения имели огромное значение, потому что именно в них отразилась сложившаяся к середине XVII века система обучения и регулирования поведения учеников, а также структура художественных отношений и свойств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демин А.С. "Школьное благочиние" Прохора Коломнятина // Памятники культуры. - М., 1975. С. 48-51.

2. Ковтун Л.С. Азбуковники XVI-XVIII вв. (Старшая разновидность) - Л., 1989.

3. Мордовцев Д.Л. О русских школьных книгах XVII века // Чтения в Имп. о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. - М., 1861. Кн.4. С.1-102.

4. Петров А.Н. К истории букваря // Русская школа. 1904. №4.

5. Сетин Ф.И. История русской детской литературы, конец X - 1-я половина XIX в. - М., 1990.

T.V. Kovaleva

Art peculiarities of the Russian "Azbukovniks" of the XVII century

The article is devoted to the analysis of the works, made huge impact on the development of an education system and on the whole Russian literature for children. The structure of azbukovniks proves that their authors along with didactic also solved the important art problems.

Г.В. Никищенкова, *аспирант кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета.*

О ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ "ПОСЛАНИЯ О НЕДЕЛЕ" ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Статья посвящена рассмотрению композиции "Послания о неделе" Феодосия Печерского в связи с наличием в нем диалогической организации и вопросно-ответной формы, которая способствует созданию иллюзии присутствия адресата.

По выражению одного из создателей античной эпистолярной концепции Артемона, "письмо является как бы одной стороной диалога" [Цит. по: 5: 26]. Устойчивым и обязательным мотивом византийской, а затем и древнерусской эпистолографии был мотив беседы, которая в христианской книжности приобретает характер не просто разговора с отсутствующим другом (Прокл-Ливаний), но "общения единомышленников, объединенных "любовью о Христе"" [2: 83].

Эпистолярный жанр в эпоху античности состоял в тесном родстве с диатрибой и диалогом, в эллинистическую эпоху письмо пришло в определенном смысле на смену диалогу в философской литературе (недаром исследователи часто называют его "полудиалогом") [См.: 3: 58]. Тип письма в форме вопросов и ответом утвердился и в христианской книжности в наследии Василия Великого, Григория Нисского, Феодора Студита и пр.

Поскольку в средневековой русской литературе господствовала "поэтика уподобления" (термин О.А. Панченко), то и для древнерусского послания была характерна, как показала М.В. Антонова в своих работах, ориентация на авторитетный образец, в первую очередь на Священное писание и сочинения отцов церкви. Исследователь подчеркивает, что "диалогичность становится принципиальной установкой для послания вообще и древнерусского в частности, а форма вопросов и ответов проникает в древнерусскую литературу. Это выявляется даже из самоназваний произведений" [2: 84].

Целью данной работы является анализ диалогической структуры сочинения выдающегося деятеля русской церкви Феодосия Печерского "Въспрашанье Изяславле князя, сына Ярославля, внука Володимеря, игумена Федосья Печерьскаго манастыря", которое в исследовательской литературе получило название "Послание о неделе".

К анализу нами привлекаются опубликованные Н.В. Понырко два списка послания: 1)ГПБ. Софиское собр. №1285. Лл.100-100об. Сборник конца XIV - первой половины XV вв.; 2)ГПБ. Кирилло-Белозерское собр. №4/1081. Лл. 21-23 об. Сборник второй половины XV в. [4: 14-16]. Далее в тексте мы цитируем послание Феодосия Печерского по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Как справедливо замечает М.В. Антонова, "содержание данного послания имеет общеобразовательный характер: автор рассказывает корреспонденту о причинах празднования "недели" в христианстве и об иудейском правиле "суботу хранити", отвечает на конкретные поставленные перед ним адресатом вопросы: что такое "неделя" и можно ли в воскресный день забивать животных и есть мясо; а также попутно объясняет, почему следует соблюдать пост в среду и пятницу" [2: 26]. Однако далее исследователь полагает, что произведение можно разделить всего лишь на два смысловых блока. С нашей точки зрения это не совсем так, если принять во внимание наличие вопросно-ответной структуры текста.

Еще Д.С. Лихачев подчеркивал особое внимание древнерусских книжников к называнию своего сочинения, их стремление к максимальной точности. В данном случае послание не случайно имеет самозавание "вопрошание". Это не только подчеркивает наличие автора и адресата, а также указывает на конкретную цель - ответ на поставленный адресатом вопрос [См.: 2: 84]. Подобное самоназвание подчеркивает еще и характер коммуникации, возникающий в самом произведении.

Как правило, коммуникативная связь между сторонами общения в послании выражена имплицитно, она отчасти односторонна, поскольку вторая сторона коммуникации (адресат) реализуется в тексте, только благодаря творческому воображению автора. Как правило, присутствие адресата маркировано специальными эпистолярными формулами, в частности формулой приветствия, формулой констатации получения письма, формулой восхищения адресатом, похвалой или критикой письма, полученного от адресата, формулой

© Г.В. Никищенкова, 2008

"парусии", создававшей ощущение близости адресата и т.п. [См.: 5: 68-70; 1: 13-15]. В рассматриваемом послании Феодосия Печерского перечисленные эпистолярные устойчивые элементы формуляра отсутствуют. Однако ситуация эпистолярного общения задается в первых же строках: "Что возмыслилъ еси, боголюбивыи княже, воспрашати мене, некнижна и худа..." (14).

Структура "Послания о посте" организуется воспроизведением четырех вопросов, которые исходят от адресата - князя Изяслава (возможно, они были заданы при личном устном общении) и последовательных ответов на них Феодосия. Это наличие вопросов создает иллюзию личного присутствия адресата, беседы с ним. В конкретных списках состав вопросов несколько отличается, ответы же в целом идентичны. В списке из рукописи №4/1081 Кирилло-Белозерского собрания мы обнаруживаем следующие вопросы, за которыми следуют ответы Феодосия:

1. "...воспрашати мене, некнижна и худа, о таковои вещи; аще есть недЪля, то подобно ли въ день воскресенья заклати волъ, или овенъ, или птици, или иное что, аще подобно ясти" (С.14);

2. "А дотоле ци не было дни того?" [Имеется в виду "неделя" - Г.Н.] (С.14);

3. "А иже реклъ ти в недЪлю не рЪзати, ни того ясти..." [Имеется в виду - забивать теплокровных животных и употреблять их мясо в пищу. - Г.Н.] (С.15);

4. "Понеже еси мене въспрашалъ недостоинаго, - аще связанъ еси отецемъ духовнымъ в середу и в пяток мясъ не ясти, от того же разрЪшенье приими; или самъ еси зареклъ, Богъ мене ради пристить тя" (С.15).

Как видим, структура вопросов и ответов предполагает разделение текста, по крайней мере, на четыре смысловых блока. В данном списке тематические части, разновеликие по объему, тем не менее, при помощи вопросно-ответной структуры создают гармоничную композицию. Первый вопрос определяет общую тему послания. За ним следует разъяснение, касающееся наименования дней недели и происхождения воскресного дня. Второй вопрос о существовании недели в дохристианские времена позволяет автору обратиться к проблеме различия иудаизма и "правоверия" Третий вопрос связан с позицией отказа от "разрешения" от поста в среду и пятницу, высказанной князем. Феодосий объясняет, что это противоречит Святому Писанию и христианин не может сам наложить на себя подобный обет: "недостоить, чадо, человЪку крестьяну собе связати, но оже связанъ будет отцемъ духовнымъ" (С.15). И, наконец, четвертый вопрос, который в своем построении теснейшим образом связан с ответом, трактует освобождение от возложенного на себя неправильного обета.

В списке рукописи №1285 Софийского собрания читаем вопросы:

1. "...въспрашалъ бо еси, аще есть подобно въ день въскресныи, еже есть недЪля, заклати волъ, или овьнъ, или птицю, или что отъ тхъ, и аще подобно мяса ихъ ясти въ день въскресения, въ недЪлю" (С.14);

2. "А иже реклъ ти во недЪлю не рЪзати, ни того ясти..." (С.15);

3. "Реклъ бо еси, благородне, аще отречется въ среду и в пятницю не ясти мясъ, добро ли есть" (С.15);

4. "И понеже еси мене въпрашалъ, надостоинаго, - аще связанъ еси отцемь духовныимъ въ среду и в пятокъ мясъ не ясти, от того же и раздрЪшение приими; или самъ ся еси зареклъ, Богъ мене ради простить тя" (С.15-16).

В процессе бытования памятника границы смысловых блоков изменялись в соответствии, очевидно, с интересами книжника переписчика-редактора. Так, в рассмотренном выше Кирилло-Белозерском списке специально подчеркивается, по выражению В.Н. Топорова "еврейская тема" [6: 787], то есть вопрос о том, почитался ли "день недельный" до воскресения Христова. Практическая тема заклания животных объединяется с проблемой разрешения употребления мяса в пищу в среду и пятницу. Надо сказать, что в этом построении мы усматриваем большую логичность, чем в структуре, представленной в рукописи Софийского собрания.

Во второй (и более поздней) версии "Послания о посте", как видим, перечисление дней недели и объяснение наименования "воскресенья" объединено с трактовкой проблемы празднования "недели" в "еврейские" времена. Практические рекомендации по проблеме поста в среду и пятницу и разрешению от него разделены на три части. Причем третья (в нашей нумерации) часть в некотором смысле повторяет вторую (ср.: "...иже реклъ ти во недЪлю не рЪзати, ни того ясти..."; "...аще отречется въ среду и в пятницю не ясти мясъ...").

Предпринятый анализ вопросно-ответной структуры имеет практическое применение. На филологическом факультете Орловского государственного университета на практических занятиях по курсу "История древнерусской литературы" "Послание о посте" Феодосия Печерского анализируется как классический пример дидактического сочинения, построенного по правилам красноречия. Студенты имеют возможность погрузиться в творческую лабораторию средневекового книжника, изучить его манеру мышления и речи. "Послание о посте" - "любопытный пример того, чем интересовались в то время и как велся письменный диалог князя и блаженного" [6: 787] - позволяет не только изучить жанровые закономерности древнерусского послания, но и рассмотреть ряд особенностей древнерусской риторики, опирающейся на византийскую традицию вопросно-ответных сочинений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонова М.В. Древнерусское переводное послание XI-XIII веков: формальные модели. - Орел,1998.

2. Антонова М.В. Древнерусское послание Киевского периода. - Орел, 2001.

3. Нахов И.М. Эстетические и литературные взгляды киников // Вопросы классической филологии. - М.,1969.

4. Понырко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI-XIII: Исследования, тексты, переводы. - СПб.,1992.

5. Сметанин В.А. Эпистолография. - Свердловск, 1970.

6. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1: Первый век христианства на Руси. - М.,1995.

G.V. Nikishchenkova

About the dialogue organization of "Message of the Week" by Feodosiy Pecherskiy

The report is devoted to the examination of the composition of "Message of the Week" by Feodosiy Pecherskiy as there is a dialogue organization in it and a question-asking form which further to create an illusion of the presence of the addressee.

А.А. Шайкин, *доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета.*

ВОЗМОЖНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ "СЛОВА О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ" (ГИПОТЕЗА)

В статье предпринимается попытка увидеть во фрагменте текста Галицко-Волынской летописи под заглавием "Побоище Батыево" возможное продолжение "Слова о погибели Русской земли".

В дошедшем до нас тексте "Слова о погибели Русской земли" видят вступительную часть к несохранившемуся целиком или вовсе целиком ненаписанному произведению. Гипотеза о связи "Слова о погибели" с "Повестью о житии Александра Невского" неубедительна, ибо в последнем нет погибели Русской земли[1]; разнородны эти произведения и в стилистическом отношении[2]. Тем самым вопрос о возможном продолжении "Слова о погибели" остается открытым. Существуют предположения о том, что именно могло составлять содержание недошедшей части "Слова о погибели". Так, И. П. Еремин, раскрывая смысл финального выражения "Слова о погибели" о приключившейся "болезни крестияном", писал: "Нет сомнения, что речь здесь идет о татаро-монгольском нашествии 1237 - 1238 гг. на Северо-Восточную Русь, когда были взяты татарами, разорены и сожжены крупнейшие ее города: Рязань, Коломна, Москва, Суздаль, столица Северо-Восточной Руси - Владимир, Переяславль. На это же указывает и само заглавие "Слова". Представление о "погибели" Русской земли могло родиться только под свежим впечатлением именно этих грозных событий" [4: 139]. Нам представляется необходимым расширить хронологию событий до 1240 г., ибо только с падением исторической столицы Древней Руси - Киева - могло возникнуть представление о погибели не какого-либо княжества, а всей "Рускыя земли"[3].

Тексты, отвечающие тематике, описанной Ереминым, имеются - это летописные статьи 1237 - 1240 гг., рассказывающие о Батыевом нашествии[4]. Рассмотрение целесообразно начать с наиболее старших летописей: Новгородской первой младшего извода (Н1Лм), Лавреньевской и Ипатьевской.

В Н1Лм описание Батыева нашествия помещается в пространной статье 6747/1238 г., которая в начальной своей части может быть рассмотрена как исходная редакция (или источник) "Повести о разорении Рязани Батыем" [См. подробнее: 11:228-236]. Продолжается статья перечислением городов, захваченных татарами в северной части Руси (Москва, Переяславль Залесский, Юрьев, Дмитров, Волок и Тверь). Особая "новелла" посвящается обороне близкого к Новгороду Торжка, в конце статьи летописец следит, как "Серегиръским путем" до "Игнача креста" проникали "окании безбожници", "людье секуще, акы траву". Остановил Бог татар всего за 100 верст до Новгорода. И, наконец, завершается статья прямой цитатой (в сокращении) из статьи 1068 г., читающейся, как в Н1Лм, так и в ПВЛ, о "казнях Божиих". В Н1Лм вовсе нет описания обороны и падения Киева: статья 1239 г. переключается на Александра Невского, а под 1240 г. вместо киевского эпизода в Н1Л помещено житие Александра. Таким образом, замкнутая в интересах северной Руси, в содержательном плане статья Н1Лм 1238 г. [См.: 6:286-286] не может считаться продолжением "Слова о погибели" (несоответствие стилистического уровня очевидно).

Обширное повествование Лаврентьевской летописи под 1237 - 1240 гг. имеет редакторский (вторичный) характер и, по справедливом выводу Г. М. Прохорова, эта редакторская работа была проведена в 1377 г. во время изготовления Лаврентьевской летописи и имела целью "дать читателю (конца XIV в. - А. Ш.) исторические примеры мужественной вероисповедно-непримиримой борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами" [8: 91]. Тем самым вопрос о возможной связи текста статей Лаврентьевской со "Словом о погибели" отпадает.

Зато в Ипатьевской летописи (ее Галицко-Волынской части), перед нами оказывается текст, имеющий отдельный заголовок - "Побоище Батыево"[5] - и охватывающий события с 1237 по 1240 год.

"Слово о погибели" завершается фрагментом: "А в ты дни болѣзнь крестияном *от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава,* и до брата его Юрья, князя володимерьскаго..." [10: 90][6]. Юрий Всеволодович был владимирским князем во время татарского нашествия и

© А.А. Шайкин, 2008

погиб 4 марта 1238 г. в битве с врагами на реке Сити, после него владимирским князем стал его брат Ярослав, названный здесь "нынешним".

Фрагмент *"от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава"* текстуально напоминает выражение "Слова о полку Игореве" *"отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря".* В "Слове о полку Игореве" фраза, в которой читаются приведенные слова, является окончанием вступления и началом собственно повести о событиях. "Почнемъ же, братие, повесть сию отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостию своею... наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую". Можно предположить, что и в "Слове о погибели" вышеприведенный фрагмент венчал вступление и начинал рассказ о событиях - о татарском нашествии.

"Побоище Батыево" в Галицко-Волынской летописи начинается с эпического припоминания битвы с татарами на Калке: "Придоша безбожнии измалтянѣ, преже бивъшеся со князи рускими на Калкохъ" [2:234]. Далее идет рассказ о разгроме Рязани и о судьбе рязанского князя Юрия и его супруги, сильно отличающийся от соответствующего рассказа "Повести о разорении Рязани Батыем". В события вмешивается владимирский князь Юрий, упомянутый в конце вступительной части "Слова о погибели", и вскоре погибает, захваченный одним из полководцев Батыя Бурундаем. До этого, видимо, уже пала Коломна (летописная Колодна), возле которой с татарами бились Всеволод, сын владимирского Юрия, и "кюръ Михаловичь", сын пронского князя. Город Владимир, столицу северо-восточной Руси, между тем, осаждал сам Батый, насмешливо укоряющий владимирцев: "Гдѣ суть князи Рязаньстии, ваш град, и князь вашь великий Юрьи? Не рука ли наша емши и смерти преда и?". В тексте присутствует высокодуховная речь епископа Митрофана, побуждающая владимирцев не бояться смерти от руки татарина, ибо такая смерть обеспечит им "вѣнца нетлѣньнаа от Христа Бога" [2:234]. Молодой князь Всеволод понадеялся, однако, на земное: попробовал умилостивить Батыя дарами, но Батый, "яко звѣрпый зверь", обошелся с ним так же, как прежде с молодым рязанским князем Федором[7]: "не пощади уности его, велѣ предъ собою зарѣзати". Город был взят, епископ с княгиней и с детьми княжескими укрылись в церкви, но "нечестивый" царь велел поджечь церковь, и все, кто там был, "душа своя предаша в руцѣ Богу" [2:236].

Оборона небольшого города Козельска - один из самых впечатляющих в содержательном и художественном отношениях эпизодов "Побоища Батыева". Городом руководил также молодой князь, но Василий не пошел на поклон Батыю. Козельцы характеризуются как "крѣпкодушьные" люди, которых нельзя было смутить "словесы лестьными". Они твердо решили "положить живот свой" за князя своего и, отдав жизни, "небесныя вѣнца" от Христа приять. После того, как были разрушены городские стены, "козляне же ножи рѣзахуся" с татарами, и более того, выйдя из города, они уничтожили вражеские стенобитные орудия и перебили "4 тысящи" от полков татарских, но и сами "избьени быша". Взяв город, Батый нещадно вырезал его жителей вплоть до детей "сосущих млеко". Князь Василий, должно быть, утонул в крови. У татар были убиты три сына темников, которых не смогли найти среди множества трупов. С тех пор татары звали город этот не Козельском, но "град злый".

После Козельска Батый отвел войска в Половецкую землю и уже оттуда его отряды совершали нападения на Переяславль и Чернигов. В этом же, 1237 году, Меньгу-хан появился и у стен Киева, "удивися красотѣ его и величеству его", попробовал склонить киевлян к добровольной сдаче города, но киевляне "не послушаша его" [2:236].

"Побоище Батыево", став частью Галицко-Волынской летописи, на каком-то этапе (скорее всего, тогда же, когда эта летопись была разбита на годовые статьи) подверглось редактуре: это видно по материалам статьи 1238 года, рассказывающей о сравнительно мелких событиях во внутрикняжеских отношениях. Считаем материалы статьи 1238 г. вставкой в "Побоище Батыево", текст которого продолжается далее в статье 1240 г. (1239 г. - пустой). На вставочный характер статьи 1238 г. указывает и летописная ремарка, завершающая статью: "Мы же на преднее возвратимся" [2:238].

Возвращение на "преднее" оказывается возвращением к событиям общерусского масштаба, в изображении которых доминирует традиционная стилистика воинских повествований: "В лѣто 6748/1240. Приде Батый Кыеву *в силѣ тяжьце,* многомь множьствомь силы своей, и окружи град, и остолпи сила татарьска, и бысть град в *обьдержаньи велицѣ*". Не только стилистика, но и шире - поэтика - этого фрагмента набирает высоту, сопоставимую со "Словом о погибели": "И не бѣ слышати от гласа скрипания тѣлегъ его, множества ревения вельблудь его, и рьжания от гласа стадъ конь его...".

По сравнению с началом "Слова о погибели" ситуация кардинально меняется:

тогда - "Всего еси *испольнена земля Руская,* о прававѣрьная вѣра хрестияньская!" ("Слово о погибели");

теперь - "... и бѣ *исполнена земля Руская* ратных" ("Побоище Батыево", С. 238).

Но именно таков, по общей мысли пишущих о "Слове о погибели", мог быть замысел произведения: былой красоте и величию Руси противопоставлялись нынешние "болезнь", разорение, "погибель".

Лаконично, скупыми штрихами рисует автор осаду и падение Киева. Пленный татарин Товрул сообщает сведения о количестве силы татарской

и, словно устав от перечисления имен, автор "Побоища Батыева" завершает: "инhхъ бе-щисла воеводъ, их же не исписахомъ зде". Тактика штурмов у татар была отработана. Первой вступала в дело средневековая инженерная техника: пороки, разбивающие городские стены. Защитники выходили на уцелевшие остатки стен и вступали в бой, который изображается так: "ломъ копhйный и щетъ скhпание (щиты разлетались в щепки), стрhлы омрачиша свhтъ".

Падение города передается сценой, возможно, имеющей символическое значение. Люди ищут спасения в церкви святой Богородицы, но людей было так много, что "от тягости повалишася с ними стhны церковныя". Это и стало конечной точкой в захвате города татарами: "приятъ бысть град сице воими". [2:238]. Город пал с обрушением храма, построенного Владимиром Святославичем.

Кажется, на этом завершалось "Побоище Батыево", ибо дальнейший текст, рисующий события в юго-западной Руси, опять утрачивает эпичность, блекнет стилистика, исчезает каноничность, этикетность изображения, в поле зрения автора все более мелкие и дробные события.

А. А. Пауткин, много занимавшийся изучением Галицко-Волынской летописи, заметил, что "Побоище Батыево" "в определенной степени нарушает жанровое единство "летописца" Даниила Галицкого" [7: 77]. Действительно, текст этот, за вычетом статьи 1238 г. и оканчивающийся описанием падения Киева, обнаруживает черты единого связного повествования, не разбитого на годы. Материал статьи 1238 г., дата 1239 г. и описание событий на Юго-Западе Руси после падение Киева были вставлены на этапе превращения Галицкого "летописца" в погодную летопись.

Итак, "Побоище Батыево" в выделенных нами границах и снабженное отдельным заголовком, обладает такими особенностями, которые и в плане содержания, и в плане поэтики позволяют предположить в нем, если не часть "Слова о погибели Русской земли", то ее черновой набросок. Сохранившиеся страницы произведения могли быть написаны, действительно, в 1238 г., но само событие - Батыево нашествие - с падением Северо-Восточной Руси не завершилось, и автор продолжал работать над текстом. По неизвестным для нас причинам он сам не свел написанные страницы с создаваемым продолжением в единый текст, но это продолжение стало частью Галицко-Волынской летописи[8].

Сводный текст "Слова о погибели Русской земли" и "Побоища Батыева"[9]

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ
И ПО СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

О, свhтло свhтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, phками и кладязьми мhсточестьными, горами, крутыми холми, высокыми дубравоми, чистыми польми, дивными зверьми, различными птицами, бе-щисленными городы ве-ликыми, селы дивными, виногради обителными, домы церковьными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси испольнена земля Руская, о прававhрьная вhра хрестияньская!

Отселh до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець, от нhмець до корhлы, от корhлы до Устьюга, гдh тамо бяху тоймици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгаръ, от болгарь до буртасъ, от буртасъ до чермисъ, от чермисъ до моръдви,- то все покорено было Богомъ крестияньскому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевьскому, дhду его Володимеру и Манамаху, которымъ то половоци дhти своя полошаху в колыбhли. А литва из болота на свhтъ не выникываху, а угры твердяху каменые городы желhзными вороты, абы на них великый Володимеръ тамо не вьhхалъ, а нhмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ. Буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюръ Мануилъ цесарегородскый опасъ имhя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великый князь Володимеръ Цесарягорода не взял.

А в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя володимерьскаго...

ПОБОИЩЕ БАТЫЕВО[10] Въ лhто 6745/1237 Придоша безбожнии измалтянh, преже бивъшеся со князя рускими на Калкохъ.

Бысть первое приходъ ихъ на землю Рязаньскую, и взяша град Рязань копьемь, изведше на льсти князя Юрья, и ведоша Прыньску, бh бо в то время княгини его Прыньскы. Изведоша княгиню его на льсти, убиша Юрья князя и княгини его, и всю землю избиша и не пощадhша отрочатъ до сущихъ млека. Кюръ Михайловичь же утече со своими людми до Суждаля и поведа великому князю Юрьеви безбожных агарянъ приходъ, нашествие.

То слышавъ великий князь Юрьи посла сына своего Всеволода со всими людми и с нимъ кюръ Михайловичь. Батыеви же устремлешюся на землю Суждальскую, и cphте и? Всеволодъ на Колоднh, и бившимся имъ и падъшимъ многимъ от нихъ от обоихъ. Побhжену бывшу Всеволоду, исповhда отцю быв-

шую брань устремленыхъ на землю и грады его. Юрьи же князь, оставивъ сынъ свой во Володимерh и княгиню, изииде изъ града, и совокупляющу ему около себе вои, и не имhющу сторожий, изъhханъ бысть безаконьнымъ Бурондаема, всь городъ изогна и самого князя Юрья убиша. Батыеви же стоящу у града, борющуся кръпко о градъ, молвящимъ имъ льстью гражаномъ: "Гдъ суть князи Рязаньстии, вашь град, и князь вашь великий Юрьи? Не рука ли наша емши и смерти преда и??"

Услышавъ о семь преподобный Митрофанъ епископъ,* начатъ глаго-лати со слезами ко всимъ: "Чада, не убоимся о прелыценьи от нечестивых и ни приимемь си во умъ тленьнаго сего и скороминующаго житья, но ономь не скоро минующhмь житьи попечемься, еже со ангелыи житье. Аще и градъ нашь пленьше копиемь возмуть и смерти ны предасть, азъ о томь, чада, поручьникъ есмь, яко вhнца нетлhньнаа от Христа Бога приимете". О сем же словеси слышавше, вси начаша крhпко боротися. Тотаромъ же порокы градъ бьющемь, стрелами бе-щисла стрhляющимъ. Се увидъвъ князь Всеволодъ, яко крhпчhе брань належить, убояся, бh бо и самъ младъ, самъ изъ града изииде с маломъ дружины и несы со собою дары многии, надhяше бо ся от него животъ приятии. Онъ же, яко свhрпый звhрь, не пощади уности его, велh предъ собою зарhзати, и градъ всь избье. Епископу же преподобному во церковь убhгшу со княгинею и с дhтми, и повhлh нечестивый огньмь зажещи, ти тако душа своя предаша в руцh Богу.

Град ему избившу Володимhрь, поплhни грады суждальские и приде ко граду Козельску. Будущу в немь князю младу именемь Василью. Увhдавъши же нечестивии, яко умъ крhпкодушьный имhють людье во градh, словесы лестьными невозможно бh града прияти. Козлянh жh свhтъ створше не вдатися Батыю, рекше, яко: "Аще князь нашь млад есть, но положимъ животъ свой за нь, и сде славу сего свhта приимше, и тамъ небесныя вhнца от Христа Бога приимемь". Тотаром же бьющимся о град, прияти хотящимъ град, разбившимъ граду стhну, и возиидоша на валъ татаре. Козляне же ножи ръзахуся с ними. Свhтъ же створиша изиити на полкы тотарьскые, и исшедше изъ града, ischкоша праща ихъ, нападше на полъкы ихъ, и убиша от татаръ 4 тысящи, и самh же избьени быша. Батый же взя городъ, изби вси, и не пощадh от отрочать до сосущих млеко. О князи Васильи невъдомо есть, и инии глаголаху, яко во крови утонулъ есть, понеже убо младъ бяше есть. Оттуду же ву татарhхъ не смhють его нарещи град Козлескъ, но град злый, понеже бишася по семь недъль. Убиша бо от татаръ сыны темничи три. Татари же искавше и не могоша ихъ изнаити во множествh трупъ мертвыхъ.

Батыеви же вземшю Козлескъ, и поиде в землю Половецькую. Оттуда же поча посылати на грады русьскые и взять град Переяславль копьемь, изби всь, и церковь архангела Михаила скруши, и сосуды церьковьныя бещисленыя, златыа и драгаго каменья взятъ, и епископа преподобнаго Семеона убиша.

В то же время посла на Черниговъ, обьступиша град в силh тяжцh. Слышавъ же Мьстиславъ Глhбовичь нападение на град иноплеменьных, приде на ны со всими вои. Бившимъся имъ, побhженъ бысть Мьстиславъ, и множество от вои его избьенымъ бысть, и градъ взяша и запалиша огньмь. Епископа оставиша жива и ведоша и во Глуховъ.

Меньгуканови же пришедшу сглядатъ града Кыева. Ставшу же ему на оной странh Днепра во Градъка Пhсочного[11], видивъ град, удивися красотh его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражаномъ, хотя е прельстити, и не послушаша его. (…)

Въ лhто 6748/1240. Приде Батый Кыеву в силh тяжьцh, многомь множь-ствомь силы своей, и окружи град, и остолпи сила татарьская, и бысть град в обьдержаньи велицh. И бh Батый у города и отроци его обьschдяху град. И не бh слышати от гласа скрипания телhгь его, множества ревения вельблудъ его, и рьжания от гласа стадъ конь его, и бh исполнена земля Руская ратных.

Яша же в них татарина именемь Товрулъ, и тъ исповhда имъ всю силу ихъ. Се бяху братья его силныи воеводы: Урдю и Байдаръ, Бирюй, Кайданъ, Бечакъ и Меньгу и Кююкь,- иже вратися увhдавъ смерть канову (ханову), и бысть каномь, не от роду же его, но бh воевода его перьвый - Себhдяй богатуръ и Бурунъдаии багатырь,- иже взя Болгарьскую землю и Суждаль-скую,- инhхъ бе-щисла воеводъ, ихже не исписахомъ зде.

Постави же Баты порокы городу подълh вратъ Лядьскьх. Ту бо бhаху пришли дебри. Порокомъ же бес престани бьющимъ день и нощь, выбиша стhны. И возиидоша горожаны на избыть стhны, и ту бhаше видити ломъ копейный и щетъ скhпание, стрhлы омрачиша свhтъ. Побhженым и Дмитрови12 ранену бывшу, взиидоша татарh на стhны и chдоша. Того дне и нощи гражанh же создаша пакы другий град около святое Богородицh. Наутрhя же придоша на нh, и бысть брань межи ими велика. Людем же узбhгшимъ и на церковь и на комаръ церковныя и с товары своими, от тягости повалишася с ними стhны церковныя. И приятъ бысть град сице воими. Дмитрhя же изведоша язвена, и не убиша его мужьства ради его. (…)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слова "заиде солнце земли Суздальской" и "Уже погыбаемь!" относятся к этикету оплакивания умершего князя.

2. Соседство этих произведений в двух древнерусских сборниках может быть объяснено их последующей литературной историей (см.: [9: 432]); дополнительно укажем, что в Новгородской Первой летописи перед текстом жития Александра Невского (статья 6748/1240 г.) нет ничего напоминающего "Слово о погибели".

3. Анализ порядка упоминания имен князей Ярослава и Юрия в конце "Слова о погибели" и их деятельности между 1235 и 1238 гг. приводит к убедительному предположению, что произведение могло быть написано в первой половине 1238 г. - См.: [3: 23-32]. Но этот вывод справедлив по отношению к сохранившимся страницам текста; в недошедшей части, о содержании которой говорится ниже, событийная канва могла быть расширена.

4. В этой связи уместно вспомнить слова К. Бестужев-Рюмина о русских летописях как "архиве, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы" [1: 59]. Исследователь говорил, правда, только о "Повести временных лет", но распространить его мнение на старшие летописные своды не будет слишком большой натяжкой.

5. А. А. Горский почему-то считает, что "повесть" под названием "Батыево побоище" содержится в Лаврентьевской летописи [3: 30], но в Лаврентьевской летописи текста с таким заголовком нет; заголовок "Побоище Батыево" имеется только в Ипатьевской - в ее Галицко-Волынской части, где это название предшествует статье 6745/1237 г. [5: 778].

6. Поскольку весь текст "Слова о погибели" размещается на этой странице, дальше сносок на текст не даем.

7. Один из героев "Повести о разорении Рязани Батыем".

8. Дополнительным аргументом в пользу сближения рассматриваемых текстов является то обстоятельство, что в авторе "Слова о погибели" видят выходца из южной Руси [9: 433], "Побоище Батыево", как и вся Галицко-Волынская летопись, также южнорусского происхождения. Следует, видимо, напомнить и об иных схождениях "Слова о погибели" с Галицко-Волынской летописью, в частности это касается образа. Владимира Мономаха. В "Слове о погибели", Владимир тот, именем которого "половоци дѣти своя полошаху в колыбѣли. А литва из болота на свѣтъ не выникываху, а угры твердяху каменые городы желѣзными вороты, абы на них великый Володимеръ тамо не вьѣхалъ, а нѣмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ. Буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюръ Мануилъ цесарегородскый опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великый князь Володимеръ Цесарягорода не взял". Все это напоминает Мономаха "погубившего поганыя измалтяны, рекомые половци, изгнавшю Отрока во обезы за Желѣзная ворота, Сърчнови же оставшю у Дона, рыбою оживъшю. Тогда Володимеръ и Мономахъ пилъ золотом шоломомъ Донъ, и приемшю землю ихъ всю и загнаша аканьныя агаряны" [2: 184]. В Галицко-Волынской летописи Мономах устремлен только в одном направлении - на восток, в степь, тогда как в "Слове о погибели" Мономах успевает обратиться в разные стороны; образная же ткань текстов одной школы. Тождественна в обоих текстах формула "Володимеръ и Мономахъ" (в "Слове о погибели": "князю кыевьскому, дѣду его Володимеру и Манамаху").

9. Тексты воспроизведены по изданию: Библиотека Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 1997. С. 90, 234-238.

10. В рукописи Ипатьевской летописи выделенные слова - киноварный заголовок.

11. Городок Песочный - на территории современного Киева за Днепром.

12. Воевода, руководивший обороной Киева.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV века. - СПб. 1868. С.
2. Галицко-Волынская летопись // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 1997.
3. Горский А. А. Проблемы изучения "Слова о погибели Рускыя земли" (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990.
4. Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987.
5. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Том 2. М., 1998.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л. 1950.
7. Пауткин А. А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М., 2002.
8. Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летопси // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1979.
9. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: (XI - первая половина XIV в.). Л., 1987.
10. Слово о погибели земли русской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб.: "Наука". 1997.
11. Шайкин А. А. "Повесть о разорении Рязани Батыем" // Шайкин А. А. Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI - XVI вв. М., 2005.

A.A. Shajkin

Possible continuation of "Tale of the Russian Land's Perish" (Slovo o pogibeli russkoy zemli) (hypothesis)

In the article is made an attempt to trace possible continuation of "Tale of the Russian Land's Perish" (Slovo o pogibeli russkoy zemli) in a fragment of the text of the Halych-Volyn chronicle titled "Baty's Battle" ("Poboische Batyevo").

К 190-летию со дня рождения И.С. Тургенева

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

А.А. Бельская, *доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета.*

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА "ДОВОЛЬНО"

В статье "Пространство и время в рассказе И.С. Тургенева «Довольно»" рассматривается пространственно-временная картина произведения и доказывается, что она представлена в символико-идеологическом аспекте и имеет определённое мировоззренческое значение.

Лирико-философский рассказ "Довольно" (1862 - 1865) занимает особое место в творчестве И.С. Тургенева. Несмотря на давнюю историю изучения, учёные почти не затрагивали вопрос о пространстве и времени рассказа, которые, как известно, даются в литературном произведении через носителей сознания, их представления о времени и пространстве, причём сами субъекты сознания при этом вмещены в известные пространственно-временные границы. По утверждению М.М. Бахтина, создателю произведения свойственно "уметь видеть время, читать время в пространственном целом мира" и "воспринимать наполнение пространства не как неподвижный фон", а как "становящееся целое, как событие" [3: 204 - 205]. Рассказ Тургенева представляет собою отрывок из записок умершего художника, который через пространственную организацию мира постигает концепцию времени. Погружаясь в прошлое, герой рассказа размышляет о трагичности человеческой судьбы и решает сложный вопрос о жизни и смерти.

Повествование в "Довольно" развёртывается как цепь картин, построенных на противопоставлении "света" и "мрака", "жизни" и "смерти". Начинается рассказ с картин, утверждающих красоту и гармонию мироздания, которое не просто объективно прекрасно, прекрасно само по себе, а осенено, пронизано "светом", идущим из сердца человека (С.112). Склонный к созерцанию герой Тургенева смотрит на мир с высоты своей любящей души. Главной ценностью для него являются хранящиеся в памяти воспоминания, которые даже спустя много лет даруют "восторженное состояние". Со "сладкой потрясающей силой" художник переживает всё самое значимое и ценное в своей жизни - счастье, радость, любовь, конкретно-предметным выражением которой в рассказе выступают прилётные птицы, несущиеся высоко по весеннему небу; освещенный последними лучами летнего солнца старинный русский сад на скате холма; древний собор в далёкой и прекрасной стране; старинный храм, подавляющий своим великолепием; небольшая уютная комнатка; сентябрьский, ещё не отцветший сад заброшенного дворца. Чёткая пространственная локализация выступает в рассказе одним из принципов моделирования мира. Довлеет над всеми этими пространственными образами лик женщины - возлюбленной, очаровательно яркий и прекрасный, с ласковыми и в то же время почти до строгости внимательными глазами, с особенным взглядом, который как будто вытекает из "неведомой глубины" и скользит выше, поднимается к небу, и герою кажется, что "только бессмертная душа может так глядеть и такими глазами" (С. 9,112). Вспыхнувшие в душе художника воспоминания побуждают его с новой силой умилиться тому необыкновенному безмерному чувству, благодаря которому всё вокруг "овеяно какой-то светлой, ласковой таинственностью", а "сердце горит и трепещет веселым страхом перед близким, перед налетающим счастьем". Наряду с любовью, несом-ненными ценностями в рассказе выступают искусство и красота ("Венера Милосская, пожалуй, несомненнее римского права или принципов 89-го года"). Уникальный дар воспоминания тех особых эстетических переживаний красоты, которые "выше слов", позволяет герою вновь почувствовать себя частью мироздания и жить непосредственной живой жизнью. Прошлое предстаёт в рассказе как идеальный образ бытия.

Тем не менее Вселенная открывается мысленному взору героя не только своею красотою,

© А.А. Бельская, 2008

но и трагичностью, ибо за гармонией скрываются несовершенство, тщета и тлен, ибо "живуче только то, что не имеет права на жизнь", и слепорождённая сила поглощает все лучшие, единственные и неповторимые мгновения, которых в мире никогда не было и никогда больше не будет: спокойствие, радость, упоительная грусть, колыхание счастья и "даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полного сближения, безвозвратной преданности - даже оно теряет всё свое обаяние, всё его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью" (С. 9,118). Глубоко значимо, что эмпирические факты окружающей действительности воспринимаются и оцениваются в рассказе сквозь метафизическую проекцию бытия. Казалось бы, незначительному, малому (домашнему) пространственному объекту - небольшая комнатка - противопоставлена огромная антиномичная модель макропространства - Хаос как природная стихия, как вечная смерть всего живого: "... за этими дружелюбными стенами мрак, и смерть, и пустота. То не ветер воет, то не дождик струится ручьями: то жалуется и стонет Хаос; то плачут его слепые очи" (С. 9,114 - 115). Это противопоставление имеет существенное значение, поскольку для героя-художника небольшая комнатка с её утешительным теплом, тишиной, светом, домашним уютом - место, где он познал высшее счастье - счастье любви и покоя. Между тем господствующей во Вселенной стихии нет дела ни до любви, ни до счастья, ни до самого человека. Возникшая в рассказе оппозиция - комната с дружелюбными стенами (сад, собор, храм)-Хаос (мрак, смерть, пустота) может быть рассмотрена в аспекте устойчивой мифопоэтической парадигмы: Космос - Хаос, с её устойчивыми аксиологическими признаками. Скрытая за Хаосом - жизнь прекрасна, но недолговечна, а открывающая бездна - дисгармонична, молчалива и страшна. Неудивительно, что реакцией человека при встрече с энтропией является чувство боязни и страха. Будучи связан с природой "тысячью неразрывных нитей", человек не только переживает всю её красоту: "прелестные краски", "изящные очертания", но и испытывает страх перед нею как чуждой силой, больше того, познаёт "истину - не полную истину - о той и помину быть не может, но даже ту малость", которая оказывается доступна человеку и которая тотчас замыкает уста, связывает руки, сводит его "на нет" (С. 9,117).

Основной пафос "Довольно" - осознание человеком своей зависимости от хаотических сил, понимание им быстротечности и мгновенности своей жизни, тленности в ней всего, что обладает несомненной ценностью. Герой Тургенева тяжело переживает несовершенство мироздания, причём художника смущает не столько мимолётность счастья, краткость любви, мгновенность и условность красоты, скоротечность человеческой жизни, сколько бренность, прах, "конец" Любви, Красоты, Искусства. Смерть выступает в рассказе антитезой не только творящей личности, его любви и счастью, но и красоте и искусству. Всё, существующее в природном мире: и небесная лазурь, и крутые скаты гор, и тихая речка, и тёмные и быстрые волны, и неподвижный куст, и волшебные звуки соловья - "будет продолжаться... целую вечность, словно по указу, по закону", но не человек, не его творения, которые он "в темноте, на краю бездны" лепит "из праха и на миг" (С. 9,111;120). Трагизм законов бытия видится герою (и автору) в том, что бессознательная и неуклонно покорная законам Природа "не знает искусства, как не знает свободы и добра", и хотя человек - дитя природы, ей враждебно всё человеческое - искусственное, противно потому, что оно "силится быть неизменным и бессмертным" (С. 9,120). Обращаясь в "Довольно" не только к философским, но и к эстетическим проблемам, в частности, вступая в полемику с И.Ф. Шиллером (1759 - 1805) об искусстве и красоте[1], писатель соглашается с немецким поэтом и мыслителем, что "красоте не нужно бесконечно жить, чтобы быть вечной, - ей довольно одного мгновенья", но полагает, что это "справедливо - но только там, где нет личности, нет человека, нет свободы": "... поблекшее крыло бабочки возникает вновь и через тысячу лет тем же самым крылом той же самой бабочки; тут строго и правильно и безлично совершает свой круг необходимость... Но человек не повторяется, как бабочка, и дело его рук, его искусство, его свободное творение, однажды разрушенное, - погибает навсегда" (С. 9,121). Автор с горечью констатирует, сколь безрадостна судьба человека, который поставлен перед необходимостью получить как неизбежный жребий свою метафизическую ничтожность: "Увы! Не привидения, не фантастические, подземные силы страшны; ни страшна гофманщина, под каким бы видом она не являлась... Страшно то, что нет ничего страшного..." (С.9,118). Симптоматично, что если созданные Тургеневым в 1864 году "Призраки" пронизаны чувством "отвращения" к человеку - "мгновенному, немощному, подавленному нуждой, горем, болезнями, прикованного к глыбе презренного праха", осуждением его жизни - "мелкой возни", "забавной борьбы с неизменным и неизбежным", то в "Довольно" сквозит бесконечное отчаяние и безмерная тоска автора от мысли о пространственно-временной малости и краткости человека, который, сталкиваясь с равнодушной и всё подавляющей Природой, чувствует свою заброшенность в мире, свою беззащитность перед бесконечной, "безмолвной, зияющей бездной", осознаёт бренность, тлен, прах всего созданного им, ощущает временность, зыбкость несомненных ценностей. Отсюда мрачный и пессимистический вывод, что сама суть человеческой жизни "мелко-неинтересна и нищенски плоска" (С. 9,118). Представление о тленности всего земного приводит автора к утвер-

ждению "хрупкости" и бессмысленности всех стремлений и целей человека.

В науке не раз отмечалось, что многие выраженные в "Довольно" мысли созвучны взглядам Б. Паскаля (1623 - 1662) и А. Шопенгауэра (1788 - 1860) [см. подробно: 1, 2, 4, 90]. Русский писатель, действительно, сближается с крупнейшими мыслителями своего времени - французским философом, писателем, математиком, физиком и немецким философом-иррационалистом - в признании трагичности человека, который находится между двумя безднами - бесконечностью и ничтожностью, в мысли о бесцельности человеческой жизни в мире. Но в рассказе присутствует нечто особое - чисто тургеневское - нежелание мириться с законом необходимости и бессмысленностью бытия. Как природе враждебно бессмертное начало, так и автору "Довольно" враждебно то, что не имеет бессмертия. Центральными в рассказе Тургенева являются авторские размышления о судьбе человека, который не может не содрогаться "при одной мысли о ничтожестве" и удел которого - покорно и безропотно соглашаться со своей участью - "сиди в грязи, любезный, и тянись к небу" (С. 9,109;121). Совершенно очевидно, что представленным в рассказе ориентирам мира: земля (грязь) / небо - присуща ценностная осмысленность. Устремлённость в "верх" - тяга к "небу" - и пространственный "низ" - "сиди в грязи" - становятся причиной рефлексии человека, который в своих устремлениях поднимается над обыденностью, но для которого единственно доступным знанием о жизни является знание о её бессмысленности и абсурдности. Между тем именно в этом "печальном утешении" и, как может показаться на первый взгляд, парадоксальном, но только лишь возможном для человека достоинстве - достоинстве сознания своего ничтожества - автор видит его преимущество перед лицом тлена: "<...> одно остается человеку, чтобы устоять на ногах и не разрушиться в прах, не погрязнуть в тине самозабвения... самопрезрения: спокойно отвернуться ото всего, сказать: довольно! - и, скрестив на пустой груди ненужные руки, сохранить последнее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознания собственного ничтожества; то достоинство, на которое намекает Паскаль, когда он, называя человека мыслящим тростником, говорит, что, если бы целая вселенная его раздавила, он, этот тростник, был бы всё-таки выше вселенной, потому что он бы знал, что она его давит, а она бы этого не сказала" (С. 9,117). Вне сомнения, Тургенев перекликается с Б. Паскалем[2] в оценке человека как "мыслящего тростника", а именно в мысли, что человек хрупок и бессилен перед "слепорождённой" Природой, трагичен, ибо обречён смутно чувствовать собственное величие и одновременно понимать свою ничтожность: "Ему одному дано "творить"... но странно и страшно вымолвить: мы творцы... на...час <...> В этом наше преимущество - и наше проклятие: каждый из этих "творцов" сам по себе, именно он, не кто другой, именно это я, словно создан с преднамерением, с предначертанием..." (С. 9,121). В отличие от Паскаля русский писатель не находит спасение человека в христианстве, не обращается к идее христианского смирения в его догматическом аспекте, не приемлет христианской идеи вечного блаженства и бессмертия. Называя в одном из писем П. Виардо паскалевские "Провинциальные мысли" "вещью прекрасной во всех отношениях", Тургенев в то же время характеризует их как "произведение раба католицизма": "... "херувимы, эти блаженные существа, состоящие из головы и перьев", "эти прославленные царящие лики, всегда багряные и пламенеющие", иезуита Ле-Муана, рассмешили меня до слез" (П. 1,458). В "Довольно" Тургенев ставит под сомнение способность христианских идей снимать трагические противоречия бытия: "Ну да: человек полюбил, загорелся, залепетал о вечном блаженстве, о бессмертных наслаждениях - смотришь: давным-давно уже нет следа самого того червя, который выел последний остаток его иссохшего языка" (С. 9,118). Тургеневу близка нашедшая последовательное выражение в учении Шопенгауэра трагическая установка духа. Однако писатель далёк от идеи немецкого философа о преодолении воли, а именно об уничтожении её коренного свойства - желания быть. Тургенев, со словам В.В. Зеньковского, "не мирился с метафизическим ничтожеством человека", "не мирился именно с "равнодушием" природы к духовному миру человека, к его исканиям идеала" [6: 48].

В философии страх индивидуальной смерти традиционно объясняется отрывом личности от мирового целого. Однако, как пишет протопресвитер Василий Зеньковский, дело не только в том, что человек, осознающий себя личностью, выпадает из "единства в природе", противостоит ей и тем самым словно разрушает собственную природную сущность [9: 33], поскольку даже "если человек будет жить в "единстве" с природой, то это все равно не спасет его личности - а начало личности было бесконечно дорого Тургеневу, который во имя личности и разорвал с гегельянством" [6: 49]. Очевидно, что писатель, который чутко улавливает дисгармонические стороны бытия, не видит в Природе той силы, которая может разрешить жизненные противоречия: "... ей всё равно: что она создает, что она разрушает - лишь бы не прерывалась жизнь, лишь бы смерть не теряла прав своих..." (С. 9,120). Достоинство человека, по Тургеневу, уничтожается его "малостью" и "краткостью", точно так же достоинство созданного им умаляется мгновенностью и "прахом". Вместе с тем было бы неверно утверждать, что в "Довольно" мир видится писателю только в его раздробленности и хаотичности, враждебности и разрушительности для человека и что рассказ пронизан

исключительно скептицизмом. При том, что в произведении последовательно проводится мысль, что сознание смертности неизменно затемняет, омрачает жизнь человека, в то же время подчёркивается, что именно это сознание позволяет ему ярче и сильнее почувствовать ценность бытия. Как и во многих других произведениях, в "Довольно" Тургенев защищает высокое звание человека как личности. При всей трагичности тургеневской философии, человек трактуется писателем не только как часть природы, но и как личность, наделённая разумом и душою, обладающая большим и богатым внутренним потенциалом - творческой силой, эстетическим отношением к действительности, нравственной свободой и памятью. Тургенев даёт высокую оценку способности человека, пусть смутно, чувствовать свою высшую, нежели природа, сущность, осознавать свою высшую, чем психотелесную, суть, ощущать в себе высшее, нежели материальное, начало (сродство с "вечным, высшим"), предчувствовать большую, чем время, инстанцию - вечность (С. 9,121). Не случайно формой повествования в рассказе становится воспоминание, поток памяти, в котором сами сомнения героя в настоящем - всего лишь отрывок в вечном потоке его жизни. Пытаясь понять, каково место личности в бытии, зачёркивает ли смерть всё то, что сущностно в человеке, есть ли в конечном его существовании какое-то содержательное начало, зачем явился он, человек, в мир, в чём смысл его жизни, если она не что иное, как "забавная борьба с неизменяемым и неизбежным", если от человеческой деятельности "через каких-нибудь пятьдесят лет" не останется ни пылинки, если смерть - эта та сила, которой невозможно сопротивляться, которой всё подвластно, Тургенев тем самым пытается отыскать метафизическую устойчивость для человека. Одной из них у писателя выступает личность, главное величие и отличие которой от бессознательной стихии заключается в развитом самосознании, в способности мыслить и творить, в поступающем мышлении и свободе воли, в безмерном чувстве любви, добра и красоты. Верно замечание С. Орловского, что мысль о человеке, не повторяющемся, как бабочка, является основополагающей у Тургенева. По мнению исследователя, в "сумме процессов" природы писатель находит такие, которые обособляют, выделяют эмпирическую личность из ряда ей подобных, причём находит, что "таких свойств у нее так много, что можно сделать решительный вывод: личность не повторяется", потому последний из ряда процессов - процесс разложения - "не является перед взором художника только последним звеном в длинной цепи одинаковых звеньев", он противопоставлен им, ибо "смерть разрушает нечто цельное, обособленное, неповторимое" [8: 98]. Близка этой точке зрения позиция Г.Б. Курляндской, по мнению которой Тургеневу дано понимание, что человек "навсегда один" и потому уделом его должна быть только вечность [7: 15]. Писатель не подвергает сомнению, что жизнь каждого отдельного индивида неповторима и невозвратима, в отличие от природной жизни, постоянно воспроизводящейся и возобновляющейся. Единственным, неповторимым - "не повторяется, как бабочка" - человека делает душа, духовное начало ("есть душа"), а уникальным, исключительным - сродство с "высшим, вечным". Поэтому смерть - "неизменяемое и неизбежное" - не должна, как полагает Тургенев, полностью зачёркивать жизни человека, не может быть его "последним звеном". Более всего писателя страшит и ужасает несоответствие между естественностью смерти и противоестественностью того, что неповторимое творческое Я должно превратиться в ничто. Думается, что Тургенев не приемлет смерть с позиции персонализма. Смерть, которая неизменно прерывает индивидуальное существование человека, не может быть не противна его сознанию, ибо делает жизнь призрачной и зыбкой, лишает само бытие смысла и значения, наконец, пугает и страшит неизвестным будущим инобытием. Не случайно рассказ заканчивается словами: "The rest is silence"*.

И всё же сводить идейную основу "Довольно" только к философскому отчаянию вряд ли справедливо. В рассказе как герой, так и автор, которым присуще понимание ограниченного временем и пространством существования человека, не желают мириться с вечным законом бытия, не хотят примириться с неизбежным. Страх смерти и ужас уничтожения ведут их к пессимизму, но в одно и то же время признание гармонии и красоты мира устремляют в сферу идеала. Своеобразие мировоззрения Тургенева состоит в том, что одинаково значимыми для писателя являются две идеи - одухотворение природы и разграничение в ней двух начал: "света" и "мрака". Писатель воспринимает человека, с одной стороны, как существо природное, подвластное природе, не могущее сохранить полную независимость от неё, с другой - как уникальную, самостоятельную личность, осознающую свою жизнь не в бытовом, а в бытийном смысле. Хрупкий, как тростник, обречённый на смерть, немощный перед лицом судьбы, человек велик своей тягой к беспредельному и, соответственно, наделён той истинной и полной бесконечностью, которая делает его сродни "чему-то высшему, вечному".

Как видно, пространственно-временная картина представлена в "Довольно" в символико-идеологическом аспекте и имеет определённое мировоззренческое и нравственное значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н.П. Генералова считает, что в "Довольно" Тургенев ведёт "спор" с знаменитой сентенцией Шиллера, утверждающей "великую роль искусства, несмотря на его "преходящий", мгновенный характер": "«Ernst ist das Leben heiter ist die Kunst" ("Серьезна жизнь - но радостно искусство"), опираясь на трагедию Шекспира "Макбет»" [5: С. 275 - 280].

2. Первым, кто обратил внимание на связь Тургенева и французского мыслителя и подробно проанализировал развитие и отражение черт его философии в творчестве писателя, был А.И. Батюто [См.: 2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Батюто А.И. Творчество И.С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. - Л., 1990.

2. Батюто А.И. Тургенев-романист. - Л., 1972.

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.

4. Винникова И.А. Об идейных истоках "Призраков" и "Довольно" И.С. Тургенева (Тургенев и Шопенгауэр в 60-е гг. XIX в.) // Вопросы славянской филологии. - Саратов, 1963.

5. Генералова Н.П. И.С. Тургенев: Россия и Европа. - СПб., 2003.

6. Зеньковский В.В. Мировоззрение И.С. Тургенева. К 75-летию со дня смерти // Литературное обозрение. №11,12. 1993.

7. Курляндская Г.Б. Всемирная гармония в творчестве Тургенева // Спасский вестник. Вып.11. - Тула, 2004.

8. Орловский С. О религиозных исканиях Тургенева // Русская Мысль. 1911. Сентябрь. - М., 1911.

9. Тиме Г.А. Немецкая литературно-философская мысль XVIII - XIX веков в контексте творчества И.С. Тургенева (генетические и типологические связи). - Verlag Otto Munchen, 1977.

10. Тургенев И.С. Довольно // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 28-ми т. П. Т. 9.- М.; Л., 1964. Ссылки даются по этому изданию с указанием серии, тома и страниц.

A.A. Belskaya

Space and time in the story by I.S. Turgenev "It is enough"

In the article "Space and time in the story by I.S. Turgenev "It is enough" spatio-temporal picture of the work is examined and is proved that it is presented in the symbolic-ideological aspect and has defined world-view meaning.

Е.М. Конышев, *кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета.*

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА

В статье исследуется влияние христианских традиций на романы И.С. Тургенева. Писатель не принадлежал к числу религиозных натур. Но он был воспитан в ту эпоху, когда Церковь играла значительную роль в жизни европейски образованного дворянина. Провозглашаемые ею ценности часто осваивались уже на подсознательном уровне. Это свойственно как самому писателю, в чьих романах отчетливо ощутим христианский импульс, так и многим его героям.

1.Тургеневские идеалисты и духовный опыт христианства

Вопрос о роли христианских традиций в творчестве Тургенева вызывает особый интерес у современных литературоведов. Как известно, на духовное формирование Тургенева глубокое влияние оказал романтический идеализм 30 - 40-х годов. Его друг и учитель Н. Станкевич был убеждён: " Человек есть житель земли, не чуждый физических потребностей, но он же есть и последнее высшее звено в цепи создания. Его сфера - дух, и всё физически-натуральное в нём должно быть согласовано с духом"[1]. Подобный пантеизм в дальнейшем своём развитии мог обратить человека как к материализму, так и к религиозному осмыслению смысла жизни. Особенностью же тургеневского мировоззрения в дальнейшем будет постоянное колебание между атеизмом и поиском веры. Г.Б. Курляндская пишет: "Тургенев не мог удовлетвориться пантеистическим решением проблемы соотношения личного и общего, идеей растворения личности в духовно-природном, её поглощения всеобщим. Своим признанием неповторимой духовной ценности, уникальности человеческой личности, располагающей даром внутренней свободы, как своей глубочайшей сущностью, Тургенев, несомненно, выходил за пределы пантеизма, отрицающего божественное бытие вне мира. Этим самым Тургенев сделал шаг в сторону христианского вероучения"[2].

Следует отметить ещё одну характерную особенность мировоззрения и творчества писателя. Безусловно, что Тургенев всё же не принадлежал к числу религиозно настроенных натур. Но, как верно указывает А.В. Чернов, христианское мироощущение к девятнадцатому веку "оказывается усвоенным сознанием русского человека настолько, что начинает уже "работать" и на подсознательном уровне. Христианские мотивы, их комбинации, переходят на уровень архетипов, то есть наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психических схем, бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве"[3].

Вспомним, как в романе "Рудин" описывается кружок Покорского, те чувства и переживания, которые объединяли его участников. В личности основателя кружка несомненны какие-то очень важные черты христианского идеала: "Это была высокая, чистая душа... Его все любили, он привлекал к себе сердца..." (6, 296). Покорский, с огромной силой воздействующий на сердца окружающих, чем-то предвещает "положительно прекрасного человека", образ которого затем будет волновать Достоевского. Очень характерны те чувства, которые испытывает участник кружка: "...попав в кружок Покорского, я ... совсем переродился: смирился, расспрашивал, учился, радовался, благоговел - одним словом, точно в храм какой вступил" (6, 299). У него появляются такие слова, как "смирился", "радовался", "благоговел", "в храм вступил". Ассоциации возникают именно христианские. И то же самое происходит, когда описываются речи, звучащие в кружке Покорского: "Слушая Рудина, нам впервые показалось, что мы наконец схватили её, эту общую связь, что поднялась наконец завеса! ... стройный порядок водворялся во всём, что мы знали, всё разбросанное вдруг соединялось, складывалось, вырастало перед нами, точно здание, всё светлело, дух веял всюду... Ничего не оставалось бессмысленным, случайным; во всём высказывалась разумная необходимость и красота, всё получало

© Е.М. Конышев, 2008

значение ясное и в то же время таинственное, каждое отдельное явление жизни звучало аккордом, и мы сами, с каким-то священным ужасом благоговения, с сладким сердечным трепетом, чувствовали себя как бы живыми сосудами вечной истины, орудиями её, призванными к чему-то великому..." (6, 298). В кружке Покорского рассуждали всего лишь о философии, искусстве и науке, но воспринималось всё это во многом на религиозном уровне. Об этом свидетельствует сам стиль повествования: "всё светлело, дух веял всюду", "таинственное", "священным ужасом благоговения", "вечной истины" и т.д. Ученики Покорского ощущают себя как люди верующие, как люди, входящие в храм. И такой стиль повествования проявляется часто. Когда читаешь страницы тургеневских романов, отчётливо ощущаешь христианские корни русской литературы. Герои Тургенева стремятся служить науке, искусству, красоте, народу. Но в любом случае это становится для них чем-то подобным религиозной вере. Думается, именно это придаёт такое значение, такую масштабность их идейным исканиям. Мы ещё вернёмся к вопросу о том, какие последствия влечёт за собой подмена религиозного идеала светским. Но пока мы хотим лишь подчеркнуть, что в основе содержания тургеневских романов проступают христианские архетипы.

Думается, что именно от христианства Тургенев воспринял представление о той особой роли, которую страдание может оказать на духовное развитие личности. Уместно в связи с этим вспомнить, что писал о произведениях Тургенева революционный критик Н. Щелгунов: "Я не знаю более тяжёлого и безотрадного впечатления, как то, которое выносишь из романов и повестей Тургенева, взятых в их совокупности. Во всех и всегда вам рисуют роковую судьбу, подавляющую единичную энергию; везде вы видите страдающих и гибнущих людей, в большинстве случаев считающих даже бесполезным бороться"[4]. Восприятие это, конечно, весьма специфическое. Но оно не является случайным. Революционный критик ощутил в произведениях Тургенева враждебное ему христианское начало. Ведь с религиозной точки зрения в страданиях есть своя ценность, и заключается она в том, что страдания разрушают самодовольство. Как пишет М. Тареев, "страдание есть выражение униженности: кто страдает, тот опытно узнаёт немощь своей природы, получает истинное понятие о своём ничтожестве, а вместе о могуществе и благости Божией[5]. В той степени, в какой важно смирение, и злострадания имеют объективное значение". Не все герои Тургенева приходят к признанию Бога, но каждого из них страдание ведёт к смирению, а смирение, как правило, преображает их в лучшую сторону. Под влиянием перенесённых невзгод, испытаний и неудач Рудин избавляется от самовлюблённости, тщеславия и позёрства, к которым он так был склонен ранее. Во время его последней встречи с Лежневым перед нами предстаёт человек простой, искренний и вместе с тем самоотверженный, до конца преданный своему идеалу. Страданием и смирением на исключительную нравственную высоту поднимаются герои "Дворянского гнезда". И даже нигилист Базаров испытывает благотворную перемену. Она заключается в том, что ему приходится не только страдать. Ему приходится постоянно смиряться: смиряться с тем, что Одинцова его не любит; с тем, что его ждёт смерть; с тем, что он не нужен России. Но именно смирение (хоть это слово и не вяжется с Базаровым) делает его лучше, добрее, человечнее, делает его для нас таким привлекательным.

Конечно, нельзя забывать, что такие понятия, как страдание и смирение, могут иметь разные смыслы, разные значения. И смирение Рудина или Базарова, конечно, не совсем то, которое относится к высшей христианской добродетели. Это скорее философское осмысление ограниченности человеческой природы и разума. Но оно всё же, скажем так, соприкасается с важнейшими истинами христианского учения.

Для мировоззрения Тургенева характерен отказ от того постулата гуманистической культуры, согласно которому главный смысл человеческой жизни заключается в стремлении к счастью. Много раз цитировались строчки из его письма к Е.Е. Ламберт: "Жизнь в своё удовольствие давно кончилась для меня - и надо теперь приучиться к настоящему жертвованию собой - не к тому, о котором мы так много говорим в молодости и которое представляется нам в образе любви, то есть всё-таки наслаждения, - а к тому, которое ничего не даёт личности, кроме разве чувства исполненного долга, и заметьте - чувства чужого и холодного, без всякой примеси восторженности или увлечения (П., 4, 133). Конечно, нельзя не видеть, что в словах Тургенева отразилось то состояние души, когда вера в Бога уже утрачена, но осталось стремление служить высокой цели. Подобное стремление как у самого писателя, так и у его героев имеет православные корни, оно порождено соответствующим воспитанием, соответствующими традициями. Этот христианский импульс очень отчётливо можно ощущать в романах Тургенева.

Весьма характерно, как, например, изображается Елена Стахова. Описывая детство своей героини, писатель подробно рассказывает о её дружбе с нищенкой Катей: "Елена возвращалась домой и долго потом думала о нищих, о божьей воле; думала о том, как она вырежет себе ореховую палку, и сумку наденет, и убежит с Катей, как она будет скитаться по дорогам в венке из васильков" (8, 34). Здесь не только пример того, как на обычные полудетские фантазии и мечты накладываются житийные сюжеты, житийные образы, несомненно, хорошо известные Елене. Но здесь

ещё и очень тонко схвачен писателем зародыш того странного, может быть, болезненного стремления, которое побуждало людей к отказу от своего привилегированного положения, побуждало к страданию, к унижению и всему тому, что никак не понятно просветительскому рассудку, но что находит своё наиболее адекватное выражение в религиозном чувстве.

По натуре, по характеру Елена принадлежит к такому типу личности, которому чужд мир обычной, обыденной жизни. Тургенев пишет: "Её душа и разгоралась и погасала одиноко, она билась, как птица в клетке, а клетки не было: никто не стеснял её, никто не удерживал, а она рвалась и томилась" (8, 35). С просветительской точки зрения такие переживания объяснить трудно. Одно дело, когда человека пытаются подчинить каким-то неразумным законам, когда подавляют его естественные чувства, а властные требования натуры побуждают личность вступить в борьбу за свои права. Но здесь ничего этого нет. И нет здесь романтической жажды самоутверждения или мечты о какой-то иной действительности. Зато переживания Елены можно понять, если судить о человеке с христианской точки зрения. Её душа стремится к Богу. И пока она не нашла своей веры, всё окружающее кажется Елене "бессмысленным и непонятным" (8, 35). Ей хочется жертвенного служения, хотя ей кажется, что это обычная жажда любви. "Как жить без любви, а любить некого!" - думала она, и страшно становилось ей от этих дум, от этих ощущений" (8, 35). Тургенев как раз показывает, что в окружении Елены есть замечательные люди. Но в том-то и дело, что обычная любовь не нужна его героине.

Конечно, не надо преувеличивать роль христианской традиции в этом тургеневском романе. На первом плане у писателя даётся изображение вполне земных чувств. Он расскажет, как Елена встретит Инсарова, как полюбит его, как придётся им бороться за своё счастье. Всё это вполне соответствует гуманистической системе нравственных ценностей. Но есть и другой смысл в романе. Ведь Инсарова Елена полюбила прежде всего потому, что он смог приобщить её к великой цели. Он сделал её участницей борьбы за освобождение Болгарии и тем самым дал ей ту веру, о которой она мечтала. В этой вере заключён христианский порыв, хотя направлен он уже не к религиозной цели. Н.А. Бердяев писал о людях той эпохи, что "в молодёжи пробудилась жажда социальной правды, которая была в ней порождением христианства, получившего новую форму"[6]. В данном романе Тургенева речь, правда, идёт не о социальном, а о национальном освобождении, и всё же главная суть его в том, что это роман о поисках веры.

Но тут встаёт иная проблема. Если духовные порывы Елены имеют религиозную основу, то Бога она явно утратила. Это, конечно, спорное утверждение, так как писатель не раз упоминает, что Елена Стахова молится, ходит в церковь. Тем не менее чувствуется, что внутренняя жизнь Елены, её духовные искания совершаются вне сферы её религиозных представлений. Уместно будет вспомнить тот эпизод романа, когда беседуют между собой Шубин и Берсенев. Молодой художник мечтает о счастье. А его товарищ возражает:

"Но такое ли это слово "счастье", которое соединило, воспламенило бы нас обоих, заставило бы нас подать друг другу руки? <...>

- А ты знаешь такие слова, которые соединяют?<...>

- Да хоть бы искусство, - так как ты художник, - родина, наука, свобода, справедливость" (8, 14).

Характерно, что, называя многое, Берсенев забывает сказать о Боге. И это не случайно. Под знаком такой замены развивается содержание многих романов Тургенева. Например, в салоне Ласунской звучит речь Рудина: "Иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чём шла речь; но грудь его высоко поднималась, какие-то завесы разверзались перед его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди" (6, 269). Так можно говорить о Боге, но у Рудина речь идёт "о значении просвещения и науки, об университетах и жизни университетской вообще" (6, 269). Может быть, поэтому слушатели и не понимают "в точности, о чём шла речь" (6, 269). Одна из главных проблем тургеневского героя в том и заключается, что он зовёт людей и сам устремляется к какому-то высокому идеалу, но к какому именно, он сам точно не знает. Нечто аналогичное происходит и с Еленой Стаховой. Она размышляет: "О, если бы кто-нибудь мне сказал: вот что ты должна делать! Быть доброю - этого мало; делать добро ... да; это главное в жизни. Но как делать добро?" (8, 80). Вообще-то в православии можно найти очень подробный ответ на этот вопрос. Но Елена даже не пытается обратиться за советом к священнику, не пытается читать книги духовного содержания. Вера в Бога никак не связана с её высшими нравственными потребностями. Она ищет и находит другой идеал. Достоевский в своих романах показал, к каким страшным последствиям может привести эта подмена. Тургенев так не думал. Теоретически для него не имело особого значения, чему именно собираются служить его герои: науке, Богу, освободительному движению в Болгарии и т.д. Главное, по его мнению, заключалось в том, чтобы человек был способен "надломить упорный эгоизм своей личности" (5, 227) и весь отдаться " своему делу, своей мечте" (6, 227). Он даже полемичен по отношению к Достоевскому, так как на определённый миг ему удаётся достичь той удивительной гармонии, когда его герои, с одной стороны, стремятся к счастью, а с другой - одухотворены высоким идеалом, и этот идеал отнюдь не является религиозным. (Разумеется, что речь в данном случае не идёт о романе "Дворянское гнездо"). Но одновременно Тургенева что-то на-

стораживает. Интуитивно он чувствует, что те идеалы, которые вдохновляют его героев, не очень надёжны, что они не препятствуют проникновению зла в человеческую душу. Тургеневский Базаров вызывает симпатию у многих читателей, но если логически продолжить те тенденции, которые заложены в его нигилизме, то это прямая дорога к Николаю Ставрогину. У Рудина есть слабости, но в целом Тургенев изображает его как человека, несущего обществу большую пользу. Если же представить его в романе Достоевского, то это будет Степан Трофимович Верховенский, развративший молодёжь и породивший страшных бесов революции. В любом герое Тургенева, кроме глубоко верующей Лизы Калитиной, есть тенденция к злу. Уместно вспомнить тонкое замечание В.М. Марковича, который, анализируя характер Елены Стаховой, говорит о "загадке её безлюбовного, в сущности даже недоброго стремления к добру"[7]. В ещё более заострённой форме об этом пишет М.М. Дунаев, указывая на "опасность, какую несут в себе подобные самоотверженные деятели"[8]. Вспомним, что ещё в самом начале романа, описывая Елену, Тургенев скажет: "Стоило человеку потерять её уважение, - а суд произносила она скоро, часто слишком скоро, - и уж он переста-вал существовать для неё" (8, 32-33). Уже здесь намечается не только достойная уважения принципиальность, но и явная жёсткость, бездушие по отношению к людям. Это нисколько не противоречит тому, что Елена одновременно весьма чувствительна, жалостлива. Такие качества вполне сочетаемы. И Николай Ар-темьевич Стахов не случайно жалуется на свою дочь: "Её сердце так обширно, что обнимает всю природу, до малейшего таракана или лягушки, словом всё, за исключением родного отца" (8, 40-41). Это серьёзное обвинение, тем более что Николай Артемьевич хотя и пустой, легкомысленный, но в принципе неплохой, вполне обычный человек. И бессердечное отношение к нему дочери не делает ей чести. А ведь его слова могут повторить почти все те, кто близок к Елене.

Она весьма пренебрежительно смотрит на Шубина, явно недооценивает Берсенева и в общем равнодушна к обоим. Между тем они замечательные люди. Елена сама понимает, что ей не хватает человеческого тепла и внимания к окружающим: "Кого же я буду любить, если я к своим холодна? Видно, папенька прав: он упрекает меня, что я люблю одних собак да кошек. Надо об этом подумать. Я мало молюсь; надо молиться..." (8, 79-80). Характерно, что в рассуждениях Елены равнодушие к людям связывается с равнодушием к Богу. Вспомним, что совершенно подругому описывалась Тургеневым Лиза Калитина: "Вся проникнутая чувством долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким, она любила всех и никого в особенности; она лю-била одного Бога восторженно, робко, нежно" (7, 244). Нельзя не видеть, что здесь на художественном уровне у Тургенева возникает перекличка с заветной идеей Достоевского, согласно которой любовь к людям невозможна без веры в Бога. Тургенев не разделял воззрений Достоевского. Тем не менее, постигая человека, как художник он во многом перекликается с ним. И в его изображении получается так, что у Елены, доброй от природы, но равнодушной к Богу, любовь к дальним (не случайно она отправится освобождать Болгарию) совмещается с величайшей холодностью к близким. Одна только глубоко религиозная Лиза Калитина искренне любит всех.

Правда, у Тургенева есть герои, которые не принадлежат к людям верующим и при этом отличаются исключительной высотой своего нравственного облика. И всё же, если вдуматься в некоторые особенности их внутреннего мира, можно наблюдать какую-то перекличку открытий Тургенева с христианской концепцией личности.

Очень привлекателен, например, Берсенев. Он убеждён, что "поставить себя номером вторым - всё назначение нашей жизни" (8, 14). И он не только говорит о своих принципах. Он способен претворять их в жизнь. Берсенев любит Елену, но, когда появляется Инсаров, он по собственной инициативе уступает ему первенство. Он ухаживает за своим соперником, когда тот серьёзно заболел. Он постоянно выступает посредником между Еленой и Инсаровым. Самое главное, что всё это изображено правдиво, психологически достоверно. Создавая такой характер, Тургенев решал трудную художественную задачу. В какой-то мере он опять прокладывал дорогу Достоевскому, поставившему перед собой цель создать образ "положительно прекрасного человека". При этом Тургенев тонко ощущал ту грань, которая существует между естественным добром и христианской любовью к людям. Подобную грань, на наш взгляд, хорошо почувствовал Добролюбов. Вспомним, что он пишет о тургеневском герое: "И Берсенев, добрый, самоотверженный Берсенев, так искренно и радушно ходивший за больным Инсаровым, так великодушно служивший посредником между ним, своим соперником, и Еленой, - и Берсенев, это золотое сердце, как выразился Инсаров, - не может удержаться от ядовитых размышлений, убедившись окончательно во взаимной любви Инсарова и Елены. "Пусть их! - говорит он: - Недаром мне говаривал отец: мы с тобой, брат, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики, мы - труженики, труженики и труженики. Надевай же свой кожаный фартук, труженик, да становись за свой рабочий станок в своей тёмной мастерской! А солнце пусть другим сияет. И в нашей глухой жизни есть своя гордость и своё счастье!" Каким адом зависти и отчаяния веют эти несправедливые попрёки, - неизвестно кому и за что!.." [8] Может показаться, что Добролюбов слишком строго судит о

переживаниях Берсенева, слишком резко о них отзывается: "ядовитые размышления", "ад зависти и отчаяния", несправедливые попрёки". Но не следует забывать, что Добролюбов родился в семье священника, что он получил там соответствующее православное воспитание, что в ранней юности он был очень верующим человеком. В данном случае всё это сказалось. Добролюбов невольно начинает судить о человеке с христианской точки зрения и очень остро реагирует на то, как в душе доброго, благородного Берсенева вдруг обнаруживаются малейшие зародыши зла. Но критик мог почувствовать всё это лишь в том случае, если писатель сам сознавал границы естественного добра в душе человека.

2. Проблема нравственного идеала в романе "Дворянское гнездо"

В современном литературоведении есть тенденция к жёсткому разграничению христианских и гуманистических идеалов. Такой подход во многом оправдывает себя при анализе произведений Достоевского, но он начинает давать явные сбои, когда речь заходит о творчестве Тургенева. Примером этого может служить работа М.М. Дунаева "Православие и русская литература"[9], где в третьей её части глубокое, тонкое проникновение в художественный мир одного из указанных писателей совмещается с каким-то явным неприятием другого. И дело здесь не в том, что кто-то из классиков нравится нам больше, а кто-то меньше. К Тургеневу надо подходить с учётом того, что у него нет резкого противопоставления начал старорусской культуры и западной цивилизации. Он стремится к их синтезу и в лучших своих творениях достигает его. Наиболее полно, наиболее убедительно это проявляется в романе "Дворянское гнездо".

Тургенев - западник. Ему бесконечно дороги такие гуманистические ценности, как стремление человека к свободе, к личной независимости, к наслаждению земными благами, к любви и счастью. И он показывает, как эти тенденции всё более утверждаются в русском обществе. В романе "Дворянское гнездо" бросается в глаза картина ломки бытового уклада, многообразие жизненных путей, открывающихся перед личностью. Отражением реального исторического процесса являются судьбы тех героев романа, которые пытаются сойти с проторённой дороги.

Сам строит свою судьбу отец Лизы Калитиной, во многом необычно, нетрадиционно складывается жизнь родителей Лаврецкого. Правда, новизна здесь причудливо переплетается со стариной и чаще всего подавляется ею. Но нельзя не заметить, что в биографиях этих персонажей уже явственно ощущается общая атмосфера эпохи с её пробуждающимся чувством личности, с порывами к независимости и самостоятельности.

Духовно свободными, самостоятельно выбирающими свой жизненный путь предстают перед читателем главные герои романа. Уже в самом начале, знакомя читателя с Лизой Калитиной, Тургенев скажет: "...у неё не было "своих слов", но были свои мысли, и шла она своей дорогой. Недаром походила она на отца: он тоже не спрашивал у других, что ему делать" (7, 243). Сильный, волевой характер героини, её способность противостоять враждебным обстоятельствам писатель подчёркивает неоднократно. Особенно отчётливо это выражено в том, как Лиза проявляет себя во взаимоотношениях с Лаврецким. Какой бы путь она ни избрала, она выберет его сама: "... она знала, что любит, и полюбила честно, не шутя, привязалась крепко, на всю жизнь - и не боялась угроз; она чувствовала, что насилию не расторгнуть этой связи" (7, 254).

Когда Лиза уходит в монастырь, никто не заставляет её сделать это. Напротив, родные и близкие всячески противятся подобному решению. Следует подчеркнуть, что об уходе в монастырь, об отречении она думала ещё задолго до того, как её любовь к Лаврецкому получила трагическую развязку. И в этом плане роман "Дворянское гнездо" освещает становление нового внутриличностного мира, который причудливо сочетает в себе патриархальные духовные ценности с развитием индивидуального начала, с напряжённостью и яркостью жизненного переживания. Во всём чувствуется проявление личности романтически окрылённой, самобытной и неповторимой. Не случайно такую важную роль для героев "Дворянского гнезда" играет романтическая любовь, которая ломает однообразное, привычное течение жизни, максимально напрягает их душевные возможности. При обычных обстоятельствах не было и не могло быть такого накала страстей.

Вспомним, как в начале своего знакомства с Лаврецким Лиза относится к предполагаемому браку с Паншиным:

- Вы в него влюблены?

- Нет. Да разве это нужно?

- Как?

- Маменьке он нравится, - продолжала Лиза, - он добрый; я ничего против него не имею (7, 220 - 221).

Что касается Лаврецкого, то те упрёки в равнодушии, скептицизме, душевной вялости, которые при встрече бросает ему товарищ юности, можно считать вполне обоснованными.

И совершенно по-иному ведут и чувствуют себя Лаврецкий и Лиза, когда вспыхнувшая любовь поднимает их на подлинно трагическую высоту. Возвращение к прошлому уже невозможно. В известной мере можно сказать и так, что уход Лизы в монастырь - это верность земной любви. Не имея возможности соединиться с тем, кого она любит, Лиза предпочитает оборвать все жизненные связи. И в этом максимализме требований, когда человеку нужно всё или ничего, нельзя не видеть личность нового времени.

Следует отметить, что в романе "Дворянское гнездо" достаточно сильно звучит идея отрицания. Добролюбов писал, что "самоё положение Лаврецкого, самая коллизия, избранная Тургеневым и столь знакомая русской жизни, должна служить сильною пропагандою и наводить каждого читателя на ряд мыслей о значении целого огромного отдела понятий, заправляющих нашей жизнью". Другими словами, роман Тургенева построен так, что он неизбежно наводит на критические сомнения по поводу важнейших основ русской жизни. Читатель видит, как, подчиняясь формальным требованиям долга, ломают свою жизнь два замечательных человека, и невольно задумывается о том, насколько всё это оправданно. Может быть, более справедливы требования тех, кто выступает сторонником свободы человеческой личности? Подобные мысли приходят в голову читателю, но об этом размышляет и Лаврецкий, который явно колеблется между моралью отречения и моралью тех, кто призывал строить жизнь, подчиняясь требованиям своего сердца. "Слушайтесь вашего сердца, оно одно вам скажет правду" (7, 221), - убеждает он Лизу Калитину. В ответ на слова Лизы о том, что "счастье зависит не от нас, а от бога" (7, 273), Лаврецкий пытается возражать: "Да, потому что вы..." (7, 273). И хотя фраза оборвана, мы хорошо понимаем, какие доводы теснятся в его сознании. Ему в этот момент очень близки идеи сомнения и отрицания. Лаврецкий, правда, подавляет их. Но тень Базарова уже как бы встаёт над романом "Дворянское гнездо". Кажется, что вот-вот зазвучит голос нигилиста. Вспомним рассуждения Добролюбова. Критик упрекал Лаврецкого: "Начиная с первой встречи с Лизой, когда она шла к обедне, он во всём романе робко склоняется пред незыблемостью её понятий и ни разу не смеет приступить к ней с холодными разуверениями" (6,104). Это суждение очень любопытно. Оно свидетельствует о том, как живой нигилист, один из прототипов тургеневского Базарова, готов вмешаться в разговор героев "Дворянского гнезда" и принять в нём участие. И его позиция в чём-то созвучна авторской. Но одновременно и, может быть, с ещё большей силой в романе представлено противоположное мировосприятие.

Конечно, Тургенев был близок к просветительской идеологии. Об этом писали в своих работах С.М. Петров, Г.Н. Поспелов, П.Г. Пустовойт, Ю.Г. Нигматуллина. Специальное исследование посвятил данной проблеме В.Н. Тихомиров[10]. Вместе с тем следует иметь в виду, что, называя себя атеистом, Тургенев не был враждебен к религии и не был к ней равнодушен. Г.Б. Курляндская справедливо указывает, что отношение к Церкви менялось у писателя в разные периоды его жизни: "В 40-е годы писателя поражало в религии напряжённое самоотречение и отталкивал платонический характер этого отречения, его предметная пустота и бесчеловечность <...> В 50-е годы в письмах к Ламберт звучат иные ноты и выражается признание религиозности одним из наиболее верных средств познания истины..."[11]. Роман "Дворянское гнездо" создавался тогда, когда Тургенев не только интуитивно, но вполне сознательно приближался к постижению духовного мира православного человека. Г.Б. Курляндская пишет: "Связь Тургенева с славянофилами в "Дворянском гнезде" сказалась в идеализации религиозных настроений народа. Религия дана как форма выражения нравственного сознания народа, религиозные переживания - как источник внутренней душевной силы и чистоты"[12]. Характерно, например, как отчётливо в романе "Дворянское гнездо" проступает идея человеческой греховности, чуждая просветительской идеологии, но являющаяся одной из важнейших в христианстве. Вглядываясь в глубины человеческого сознания, Тургенев изображает своих героев отнюдь не с просветительской точки зрения. Лаврецкий, например, чрезвычайно привлекательный человек. Но как часто писатель подчёркивает в своём герое греховные мысли, жестокие наклонности, таящиеся где-то в самых тайниках его души. Даже мотив возможного преступления звучит в романе Тургенева. Узнав об измене жены, Лаврецкий ощущает в себе весьма жестокие порывы: "Он вспомнил выражение её лица, странный блеск её глаз и краску на щеках, - и он поднялся со стула, он хотел пойти, сказать им: "Вы со мной напрасно пошутили; прадед мой мужиков за рёбра вешал, а дед мой сам был мужик", - да и убить их обоих" (7,176). Он способен сдержать в себе чувство гнева, но и в дальнейшем желание смерти Варвары Павловны в нём сохраняется. Подобная ситуация, когда речь идёт о мысленном желании смерти того человека, который мешает чужому счастью, привлечёт затем самое пристальное внимание Достоевского. Но этическую и психологическую проблему почувствовал здесь уже Тургенев. Вспомним сцену, когда Лаврецкий встречается с женой вскоре после известия о её мнимой смерти: "Я сумею покориться, - возразила Варвара Павловна и склонила голову. - Я не забыла своей вины; я бы не удивилась, если б узнала, что вы даже обрадовались известию о моей смерти", - кротко прибавила она, слегка указывая рукой на лежащий на столе, забытый Лаврецким номер журнала.

Фёдор Иваныч дрогнул: фельетон был отмечен карандашом" (7, 250 - 251). Кто знает, если бы рядом с Лаврецким оказались Смердяков или Федька Каторжный, то, может быть, и здесь они уловили бы идущие из глубины души импульсы зла и восприняли их как негласный приказ совершить преступление.

Всё это, разумеется, совершенно по-разному осмысляется Тургеневым и Достоевским. Тургенев лишь догадывался о тех безднах, которые таятся в душе человека, но на переднем плане для

него всё же были быт, уклад, устойчивые формы русской жизни. Достоевский, напротив, предчувствовал момент, когда всё это может рухнуть, и он страшился того хаоса, который готов был вырваться наружу. Но перекличка между писателями была. Пусть не в той мере, как Достоевский, Тургенев всё же способен использовать то знание о человеке, которое несло с собой христианство. Возможность проникновения зла в душу своего героя Тургенев отмечает вовсе не случайно. Он показывает, что его герой даже сам весьма отчётливо сознаёт греховность некоторых своих мыслей и желаний: "Настали трудные дни для Фёдора Ивановича. Он находился в постоянной лихорадке. Каждое утро отправлялся он на почту, с волнением распечатывал письма, журналы - и нигде не находил ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть роковой слух. Иногда он сам себе становился гадок. "Что это я, - думал он, жду, как ворон крови, верной вести о смерти жены!" (С. 7, 228). Человек с нетерпением ждёт смерти одного из своих близких. Этот мотив, как известно, ляжет в основу сюжета "Братьев Карамазовых". Но и в "Дворянском гнезде" он играет существенную роль и подчёркивается не один раз. Вспомним, что смерть своего отца Лаврецкий тоже встречает с чувством радостного освобождения: "Глафира Петровна <...> остановилась, посмотрела брату в лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тут же находившийся сын тоже ничего не сказал, опёрся на перила балкона и долго глядел в сад, весь благовонный и зелёный, весь блестевший в лучах золотого весеннего солнца. Ему было двадцать три года; как страшно, как незаметно скоро пронеслись эти двадцать три года!.. Жизнь открывалась перед ним" (7, 165). Жизнь открывается перед Лаврецким после смерти больного отца. В этом, несомненно, есть что-то греховное. Тургенев даёт это почувствовать, несмотря на всю поэтичность строк, которые должны передать радостное ожидание счастья. И мы ощущаем неизбежность наказания для тургеневского героя.

Какие-то греховные чувства и порывы писатель отмечает даже в Лизе Калитиной. "Поделом! - говорила она самой себе, с трудом и волнением подавляя в душе какие-то горькие, злые, её самоё пугавшие порывы" (7, 257). Почему Тургенев обо всём этом пишет, почему он так тщательно фиксирует малейшие зародыши зла в душе Лаврецкого или Лизы? С просветительскими представлениями о человеке это не сочетается. Но Тургенев использует нравственный опыт христианства, где имеются совсем иные глубины. Ведь именно ощущение греха позволяет понять порыв человека к святости. Злые или греховные чувства могут быть совершенно незначительны сами по себе. И лишь сознание христианина как бы наводит на них увеличительное стекло, придаёт им огромное значение и старается искоренить их в момент зарождения.

Поражает глубина, с которой великому писателю удается проникнуть во внутренний мир верующего человека. Вспомним хотя бы тот эпизод в романе, когда весёлая, оживлённая беседа Лизы Калитиной и Лаврецкого вдруг переходит за ту границу, где всё изъято из состояния обыденного, житейского:

- Христианином нужно быть, - заговорила не без некоторого усилия Лиза, - не для того, чтобы познавать небесное... там ... земное, а для того, что каждый человек должен умереть.

Лаврецкий с невольным удивлением поднял глаза на Лизу и встретил её взгляд.

- Какое это вы промолвили слово! - сказал он.

- Это слово не моё, - отвечала она.

- Не ваше. Но почему вы заговорили о смерти?

- Не знаю. Я часто о ней думаю.

- Часто?

- Да (7, 210).

Если учесть безусловную искренность героини Тургенева, то подобные мысли и настроения у юной девушки, живущей в привилегированной среде, могут показаться чем-то болезненным, очень неожиданным. Вместе с тем они глубоко оправданны теми внутренними духовными потребностями, которые возникали в этот период у многих представителей русской интеллигенции, не удовлетворённых окружающим, стремившихся отыскать какие-то новые жизненные идеалы.

Человек перед лицом смерти отрывается от обыденных связей и иногда с особой остротой ощущает, было или отсутствовало в его жизни духовное начало. Постоянно вживаясь в подобную ситуацию, героиня Тургенева придаёт себе тот внутренний настрой, без которого, вероятно, и невозможен поиск христианского идеала.

Следует подчеркнуть, как значительна роль Церкви на страницах "Дворянского гнезда". В романе показано религиозное воспитание героини; описывается всенощная; дважды рассказывается о том, как посещает церковь Лаврецкий; в монастыре происходит его последняя встреча с Лизой Калитиной. Конечно, обращение Тургенева к церковной теме обусловлено прежде всего сюжетом романа. Сам автор остаётся человеком гуманистической культуры, который поэтизирует земную любовь, которому дороги земные радости. Но художественный дар великого писателя и потребность веры, живущая в его душе, способствуют тому, что в какой-то мере герои "Дворянского гнезда" предстают перед нами в свете православного учения.

Прежде всего это проявляется в том, что на страницах своего романа Тургенев воспроизводит мир, где присутствует Бог: "Вспомнилось ему, как в детстве он всякий раз в церкви до тех пор молился, пока не ощущал у себя на лбу как бы чьего-то свежего прикосновения; это, думал он тогда, хранитель-ангел принимает меня, кладёт на меня

печать избрания" (7, 227); "Лиза её слушала - и образ вездесущего, всезнающего бога с какой-то сладкой силой втеснялся в её душу, наполнял её чистым, благоговейным страхом, а Христос становился ей чем-то близким, знакомым, чуть ли не родным" (7, 242). Безусловно, что автор отделяет здесь своё мировосприятие от мировосприятия героев. И вместе с тем он всё же воспроизводит в своём великом романе духовный мир православия.

У Тургенева, как и у Достоевского, на страницах романа представлены две противоположные системы нравственных ценностей: гуманистическая и христианская. Но если у Достоевского между ними идёт непримиримая борьба, то Тургеневу удаётся достичь пусть достаточно хрупкой, но всё же несомненной гармонии. Главную роль здесь играет идея долга. Не следует ведь забывать, что с гуманистическими ценностями связан не только призыв к свободе разума, к свободе чувств, но и требование нравственной ответственности человека.

Как известно, одним из самых дорогих, самых заветных для Тургенева было понятие цивилизации. А подлинная цивилизация всегда предполагает культуру чувств, культуру человеческих отношений, способность человека контролировать своё поведение, подчинять его высоким нравственным принципам. Человека можно воспитывать, был убеждён писатель. "У нас нет идеала - вот от чего всё это происходит: а идеал даётся только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией" (П., 2, 366), - утверждал Тургенев в одном из писем. Очень характерно, что сильный гражданский быт, то есть традиции, не противопоставляется здесь доводам разума, а наука в своём благотворном воздействии на человека, согласно представлениям писателя, не враждебна религии.

В своё время, например, классицистическая концепция личности возникла именно в поисках выхода из того кризиса, в котором оказалось ренессансное мировоззрение, когда гуманистический принцип полной свободы человека превратился в девиз "всё позволено". Писатели же эпохи классицизма верили в способность человека овладеть своими земными желаниями и помыслами, как бы сильны и разрушительны они ни были, и, веря в волю своих героев, в их преданность долгу, они не боялись поэтизировать страсти. Чем эти страсти будут сильнее, тем ярче может проявиться нравственное могущество человека. Нечто аналогичное мы можем наблюдать и в романе Тургенева "Дворянское гнездо". В.М. Маркович справедливо указывал, что "написанный в середине девятнадцатого века русский реалистический роман по-своему возрождает излюбленную схему драматургов-классицистов. Тургеневским героям, как и действующим лицам корнелевского "Сида", приходится выбирать между долгом и чувством, и необходимость этого выбора обнаруживает непреодолимые трагические противоречия. По-видимому, высокая и катастрофическая напряжённость борьбы двух противоположных начал в драматическом действии оказалась созвучной трагическому содержанию самой жизни, открыла путь к художественному освоению совершавшегося в России духовно-исторического перелома"[13].

Правда, известно, что русские просветители не любили такое понятие, как долг. Добролюбов упрекал тургеневских героев за то, что они "принуждают себя к добродетели", что "их чувства постоянно представляют им счастие не в исполнении долга, а в нарушении его" (2, 390). Но вряд ли стоит говорить о принципиальных разногласиях между писателем и критиком в этом вопросе. Иногда выполнение долга сопровождается радостным чувством духовного подъёма, и здесь следует согласиться с Добролюбовым; иногда выполнение долга может быть связано со страданием, и тогда прав Тургенев. Это не принципиальные разногласия. Главное заключается в том, что Добролюбов и Тургенев верят в способность человека в самом себе найти ту силу, которая сохранит его от разгула страстей. Но общее можно найти не только между отдельными оттенками просветительской идеологии. Идея долга становится у Тургенева тем важнейшим принципом, который сближает гуманиста и верующего человека. Г.Б. Курляндская пишет о Лизе Калитиной: "Религиозность, как несомненная, нерассуждающая вера, разделяет автора и героиню, но у них имеется объединяющее начало - это сознание долга и спасительность этого сознания"[14]. Эта мысль исследовательницы об объединяющем начале между автором и героиней представляется очень плодотворной. И, несколько изменив аргументацию, её можно использовать для объяснения сущности духовных исканий Лаврецкого. Вряд ли допустимо назвать его верующим человеком. Вместе с тем писатель показывает, как всё чаще посещает он церковь, как переживает он какие-то важнейшие моменты религиозного опыта: "Чинно стоявший народ, родные лица, согласное пение, запах ладану, длинные косые лучи от окон, самая темнота стен и сводов - всё говорило его сердцу. Давно не был он в церкви, давно не обращался к богу; он и теперь не произносил никаких молитвенных слов, - он без слов даже не молился, - но хотя на мгновенье если не телом, то всем помыслом своим повернулся ниц и приник смиренно к земле" (7, 227). Писатель здесь изображает Лаврецкого как человека очень близкого к тому, чтобы принять веру своего народа, как человека почти верующего. Важно вместе с тем подчеркнуть, что на вопрос о религиозности Лаврецкого точно и однозначно ответить нельзя. И в этом у Тургенева заключается глубокий смысл. Он показывает, что человек, ориентированный на выполнение своего долга, по своему внутреннему настрою не так уж далёк от христианина.

3.Тема бунта и смирения у Тургенева ("Рассказ отца Алексея")

"Рассказ отца Алексея" был создан Тургеневым в 1877 году и не привлёк особого внимания критиков, рассматривавших его всего лишь как незначительный психологический этюд. Гораздо более глубокую трактовку дают этому тексту современные литературоведы. Г.Б. Курляндская справедливо указывает, что подобные произведения не позволяют считать Тургенева "прямолинейным рационалистом". Его творчество оплодотворено "вниманием к иррациональному, таинственному началу бытия"[15]. Е.В. Тюхова сопоставляет тургеневского героя с Иваном Карамазовым, убедительно показывая, как в их идейных исканиях и сомнениях отразились типические черты духовной биографии разночинцев 1860-х годов. Присоединяясь к этим наблюдениям и выводам, считаем возможным дальнейшее развитие темы. Рассказ Тургенева, на наш взгляд, представляет собой попытку писателя показать жизнь в восприятии глубоко верующего человека.

Вопрос о роли христианских традиций в русской литературе вызывает в настоящее время повышенный интерес у литературоведов. Особого внимания заслуживает концепция А.М. Любомудрова. Она привлекает строгостью и чёткостью своих определений. В книге "Духовный реализм в литературе русского зарубежья" исследователь предлагает рассматривать категорию церковности в качестве главного критерия православности творчества писателя. А.М. Любомудров пишет: "Понятие "воцерковленность" применимо не только по отношению к личности, но и к художественному творчеству. Воцерковлен-ное творчество - такое, в котором мир и человек осмысляются в соотнесённости с Церковью <...>

Важно установить, присутствует ли явно или подспудно Церковь в художественном произведении. Православным произведением может считаться такое, художественная идея которого включает в себя необходимость воцерковления для спасения. Его герои могут быть либо воцерковленными, либо антицерковными, либо равнодушными к Церкви. Но если этой соотнесённости с Церковью нет вовсе, то, очевидно, говорить о православности неправомерно.

Только если в художественном мире главными ценностями остаются Бог и спасение, понимаемое как спасение в Церкви, можно говорить о православности творчества писателя. При этом явления действительности воссоздаются и оцениваются с позиций православия, глазами православного христианина. Мир и человек обрисованы в свете святоотеческой антропологии, православной экклесиологии, церковной христологии и т.п."[16]. Если с этой точки зрения оценивать рассказ Тургенева, то он во многом соответствует указанным критериям православной литературы. Действие его происходит и в сельской церкви, и в соборе провинциального города, герои живут в атмосфере молитв, богослужений, поклонений угодникам. Нельзя, разумеется, отрицать, что писатель показывает всё происходящее в двойном освещении. С одной стороны, это воспоминания сельского попа, которому свойственна простонародная, наивная вера, с другой стороны, рассказ священника даётся в восприятии светского человека. И всё же на одном из уровней прочтения тургеневского рассказа перед нами возникает тот художественный мир, в котором есть Бог, в котором есть дьявол. Под власть дьявола и попадает сын отца Алексея Яков. Описание беса появляется на страницах тургеневского рассказа точно так же, как несколько ранее это было сделано в знаменитом романе Достоевского. Ставрогин ощущает живое присутствие чёрта, он видит его перед собой. Об этом говорит в своей исповеди архиерею Тихону: "И вдруг он, впрочем в самых кратких и отрывистых словах, так что иное трудно было и понять, рассказал, что он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям, что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и "разумное", "в разных лицах и в разных характерах, но оно одно и то же, а я всегда злюсь..."[16]. Точно так же Яков жалуется отцу на то, что он видит чёрта: " Четвёртый месяц, как я его вижу". - "Его? Кого его?" - "Да того... что к ночи называть неудобно". Я так и похолодел весь и затрясся. "Как?! - говорю, ты его видишь?" - "Да". - "И теперь видишь?" - "Да". - "Где?" А сам я и обернуться не смею - и говорим мы оба шёпотом. "А вон где... - И глазами мне указывает... вон, в углу" <...> Я и глаза его вижу: вон он ворочает белками, вон руку поднимает, зовёт"[17].

В сходных чертах Тургенев и Достоевский изображают поведение человека, попавшего под власть демонических сил. Ставрогин удивляет весь город странными и безобразными поступками, а затем, будучи арестован, бьётся в каком-то припадке: "В два часа пополуночи арестант, дотоле удивительно спокойный и даже заснувший, вдруг зашумел, стал неистово бить кулаками в дверь, с неестественной силой оторвал от оконца в дверях железную решётку, разбил стекло и изрезал себе руки. Когда караульный офицер прибежал с командой и ключами и велел отпереть каземат, чтобы броситься на взбесившегося и связать его, то оказалось, что тот был в сильнейшей белой горячке..." (10, 43).

На одном уровне прочтения речь идёт о психическом расстройстве, на другом - звучит евангельская тема "взбесившегося", одержимого бесами человека. Такой же двойной план возникает у Тургенева, когда отец рассказывает про своего сына: "Господи владыко! Что за глаза? Грозные, дикие, всё по сторонам мечутся - и поймать их нельзя; брови сдвинуты, губы тоже как-то набок скрючены..." (9, 125); "Стану я ему говорить - так он даже зубами ляскает, этак через плечо, ни дать,

ни взять тигр или гиена!" (9, 131). Деревенский поп, конечно, никогда не видел ни тигра, ни гиены, но отнюдь не случайно в его рассказе возникают примеры из агиографической литературы. Жития святых подвижников, живших в пустыне, полны примеров видимых явлений злых духов.

В описании людей, одержимых бесами, оба писателя используют традиции древнерусской литературы. Вместе с тем демонология "Рассказа отца Алексея" и "Бесов" во многом отличается от средневековых текстов. Хотя многие признаки бесовской породы действительно воспроизведены Тургеневым и Достоевским, у них нет стремления к пластически-наглядному изображению нечистой силы. Борьба с демонами перенесена у обоих писателей в духовную сферу человека. Тургеневым и Достоевским прежде всего показано, через какие стороны души бесовское начало способно воплотиться в человеке.

Для героя Достоевского невыносима мысль о том, что кто-то или что-то может поставить предел его свободной воле. И поэтому Ставрогин неизбежно становится во враждебные отношения ко всему на свете. Стремясь к безграничному самоутверждению, он неизбежно приходит в столкновение с тем миропорядком, который установлен Богом. Ставрогин говорит о том, что он с одинаковым удовольствием может сделать как доброе, так и злое дело: "Я всё так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие" (10, 514). Судя по этому высказыванию, можно предположить, что Ставрогин в равной мере способен к добру и злу. Это не совсем так. Он как раз очень предсказуем. Если он делает что-то хорошее, то у него обязательно возникает желание это испортить, разрушить, уничтожить. И подобное стремление существует у него всегда. Ему хочется переступить ту черту, за которой чудится полная свобода от всех запретов. Чем более возвышенными и прекрасными являются его действия в определённый момент, тем более острое наслаждение доставляет ему предчувствие, что он всё это разрушит. Ставрогин отравлен злом. Все его самоотверженные поступки, все его подвиги изначально таят в себе зло, они двусмысленны. Ставрогин способен публично признать свой брак с хромоножкой, но всё кончится тем, что она будет убита по его согласию. Он прощает пощёчину, полученную им от Шатова, но в конечном счёте также позволит убить его. Он пишет свою исповедь-покаяние, но она превращается в дерзкий вызов и людям, и Богу. Подобное влечение к злу и разрушению может показаться каким-то странным извращением. Но это именно закономерность, и очень характерно, что она проявляется и в поведении тургеневского героя, который тоже судорожно мечется между добром и злом. Яков хотел бы освободиться от своего беса. Он с горечью говорит отцу: "Ни в ладан я твой не верю, ни в воду святую; не помогают они ни на грош. Мне с ним теперь уж не расстаться. Как пришёл он ко мне нынешним летом в один проклятый день - так с тех пор уж он мой гость неизменный, и выжить его нельзя" (9, 126). Ему стараются оказать помощь сначала отец, затем благочестивая соседка. Но с каждым разом временное просветление души сменяется всё большим мраком. Бес всё больше подчиняет себе сына священника. В качестве последнего средства спасения Яков отправляется вместе с отцом на поклонение к угоднику Митрофанию: "Целых три дня почти что не выходили из храма. Сколько молебнов отслужили, свечей сколько понаставили!" (9,129). На какое-то время бес оставляет Якова в покое. Но благодатных сил юноше не хватает, и происходит его окончательное падение в бездну. Яков рассказывает отцу, что, находясь в церковном соборе, он совершил преступление против Святого Духа: "Когда, ты помнишь, я причастился - и частицу ещё во рту держал, - вдруг он (в церкви-то это, белым-то днём!) встал передо мною, словно из земли выскочил, и шепчет он мне (а прежде никогда ничего не говаривал)... - шепчет: выплюнь да разотри! Я так и сделал: выплюнул и ногой растёр" (9, 131). То, что совершил Яков, для православного человека является самым страшным преступлением. При этом следует подчеркнуть Священное Писание учит, что Бог никогда не допускает непосильных искушений. Следовательно, герой Тургенева не мог устоять против совета дьявола по той причине, что бесовский соблазн находил отклик в его собственной душе. Конечно, Яков по характеру резко отличается от Ставроги-на. Герой Достоевского по своей "необыкновенной способности к преступлению"(10, 201) испытывает только наслаждение, нарушая всякие нормы и запреты. Что касается Якова, то им владеет чувство безграничного страха и ужаса. "Перед смертью он несколько дней не пил, не ел - всё по комнате взад и вперёд бегал да твердил, что греху его не может быть отпущения..." (9, 131). В этом отношении Яков более похож не на Ставрогина, а тех членов пятерки, которые были завербованы Петром Верховенским. Они не преступники по натуре, но, попав во власть одного из бесов революции, как заворожённые, идут на нарушение нравственных и религиозных запретов. В обоих случаях писатели показывают зло как силу, объективно существующую в мире и властно подчиняющую себе тех, кто отошёл от Бога.

Особое значение в рассказе Тургенева играет образ священника Алексея. Как известно, попытка изобразить человека с православным видением жизни далеко не всегда удавалась русским писателям. У Достоевского такие герои получаются либо не очень жизненными и убедительными, либо наклонными к "горнилу сомнений". Чёрт говорит Ивану об отцах-пустынниках: "А ведь иные из них, ей-богу, не ниже тебя по развитию, хоть ты

этому не поверишь: такие бездны веры и неверия могут созерцать в один и тот же момент, что, право, иной раз кажется, только бы ещё один волосок - полетит человек "вверх тормашками, как говорит актёр Горбунов" (15, 80). По Алёшу Карамазова сообщается в самом начале романа: "Едва только он, задумавшись серьёзно, поразился убеждением, что бессмертие и бог существуют, то сейчас же, естественно, сказал себе: "Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю". Точно так же если бы он порешил, что бессмертия и бога нет, то сейчас бы пошёл в атеисты и в социалисты (ибо социализм есть не только рабочий вопрос, или так называемого четвёртого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю)" (14, 25). И в дальнейшей судьбе этого героя религиозные сомнения будут играть очень важную роль. Критиками и литературоведами не раз высказывались суждения о том, что определённая неустойчивость в вере, свойственная праведникам Достоевского, в известной мере обусловлена тем, что писатель почти не показывает их связь с Церковью. Не случайно Рогожин спрашивает у князя Мышкина: "А что, Лев Николаевич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в бога иль нет?" (8, 182). У купца Рогожина, воспитанного в патриархальном русском быту, неразрывно связанном с церковной жизнью, религиозность его друга вызывает сомнения. И Мышкин, кстати, даёт достаточно неопределённый ответ.

Тургенев же в своём рассказе воссоздаёт именно церковно-религиозный уклад народной жизни. На протяжении двухсот лет деды и прадеды отца Алексея становились священниками в их приходе. Один из сыновей его вышел в архиереи, другой, Яков, учился в семинарии и должен был стать преемником своего отца. Близкий к народу по условиям своего существования, сельский поп живёт среди глубоко верующих людей. Традиции и окружение оказывают на него столь глубокое воздействие, что вера отца Алексея не знает никаких сомнений. Как справедливо пишет Е.В. Тюхова, "рассказчик, уравненный в восприятии с простым народом, при всей любви к сыну и при желании ему помочь, изначально и органически не понимает ни его духовных исканий, ни его внутренней жизни, ни его трагедии"[18]. Изображая религиозные чувства этого человека, Тургенев испытывает к ним двойственное отношение. С одной стороны, он как человек европейски просвещенный и образованный не разделяет такую веру, а с другой - он хотел бы приблизиться к ней и как-то постичь её. Уместно вспомнить пример из времен раннего христианства, который приводит С.С. Аверинцев: "Блестящие, образованные, утончённые господа из Константинополя отрекались от приманок цивилизации, чтобы пойти на выучку к грубоватым и хмурым египетским мужикам, являвшим на деле ту цельную, бескомпромиссную простоту сосредоточения воли, что так трудно давалась всем этим "последним эллинам" - "последним римлянам"<...> На вопрос: "Как это ты, изучив толикую науку римскую и эллинскую, просишь совета у невежды сего о помыслах твоих?" - Арсений возразил: "Так, науке римской и эллинской выучен я; но из науки невежды сего не вытвердил ещё и азбуки"[19]. Нечто подобное было свойственно и Тургеневу. Особенно созвучно было ему в христианстве смиренное восприятие жизни. Этот мотив, может быть, является самым главным в его рассказе. Ведь судьба отца Алексея очень напоминает историю библейского Иова. На добродетельного и счастливого человека одно за другим обрушиваются страшные несчастья, он теряет всех своих близких. И в какой-то момент Иов начинает осуждать Бога, хотя потом признаёт Его непостижимую мудрость. Что касается отца Алексея, то он не знает никаких бунтарских мыслей и полон смирения: "Чем, думаю, заслужил я такой гнев господень?" (9, 126). Ему свойственно полное предание себя и своего сына в волю Божию и надежда на то, что Бог спасёт человека: "А как слёг Яков, сейчас в беспамятство впал и так, без покаяния, как бессмысленный червь, отошёл от сей жизни в вечную...

Но не хочу я верить, чтобы Господь стал судить его своим строгим судом... (9, 131).

Конечно, следует признать, что у Тургенева смирение и страдание не обретают того очистительного и спасительного смысла, которое придаёт им христианское учение. Когда рассказчик описывает своё знакомство с отцом Алексеем, он подчёркивает "убитое" (9, 121) выражение его лица, "неживой","тусклый" (9, 121) голос. Он специально отмечает, что в повествовании отца Алексея не было "семинарских или провинциальных замашек и оборотов речи" (9, 122). И дело не только в обрамлении рассказа, которое даётся от лица светского человека. Рассказ Тургенева в целом написан прежде всего с позиций безрелигиозного сознания. Его автор, европейски образованный литератор, считавший себя атеистом, весьма далёк от своего героя, простого сельского попа. Но не следует забывать, что Тургенев был рождён и воспитан как православный. Он понимал значение веры и хотел её обрести. Это стремление, объединённое с даром художника проникать в глубинную суть явлений, позволило писателю, пусть не в полной мере, передать в своём творчестве духовный мир православия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анненков П.В. Н.В. Станкевич. Переписка и его биография. - М., 1857. С. 60.
2. Курляндская Г.Б. И.С.Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции. - Тула, 2001. С. 17-18.
3. Чернов А.В. Архетип "блудного сына" в русской литературе девятнадцатого века // Евангельский текст в русской литературе 18 - 19 веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. - Петрозаводск, 1994. С. 152.
4. Щелгунов Н.В. Неустранимая утрата // Дело. 1870, № 6. С. 17.
5. Тареев М.М. Цель и смысл жизни // Смысл жизни: Антология. - М., Прогресс- Культура, 1994. С.176.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Наука, 1990. С. 40.
7. Маркович В.М. Реализм русской литературы 60-х годов девятнадцатого века. - Л., 1982. С. 136-137.
8. Дунаев М.М. Православие и русская литература. - М., Христианская литература, 1997. С. 67.
9. Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 222.
10. Дунаев М.М. Православие и русская литература. Часть третья. - М.: Христианская литература, 1997. 573 с.
11. Добролюбов Н.А. Собр.соч.: в 9 т. - М., Л. 1963. - Т. 6. С. 104.
12. Добролюбов Н.А. -Т.6. С. 104.
13. Тихомиров В.Н. Тургенев и просветительство.- Киев: Вища школа, 1984. 119 с.
14. Курляндская Г.Б. Структура повести и романа И.С. Тургенева 1850-х годов. - Тула, 1977. С. 197
15. Курляндская Г.Б. Структура повести и романа И.С. Тургенева 1850-х годов. - Тула, 1977. С. 197.
16. Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман девятнадцатого века. - Л., 1982. С. 136 - 137.
17. Курляндская Г.Б. Структура повести и романа И.С. Тургенева 1850-х годов. - Тула, 1977. С. 195.
18. Курляндская Г.Б. "Таинственные повести" И.С. Тургенева. (Проблемы метода и мировоззрения) // Третий межвузовский тургеневский сборник. (Уч. зап. Курск. гос. пед. ин-та. Т. 74). - Орёл, 1971. С.5 - 8.; Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции. - Тула, 2001. С. 101 - 102.
19. Тюхова Е.В. "Рассказ отца Алексея" Тургенева и Достоевский // Пятый межвузовский тургеневский сборник. Тургенев и русские писатели. (Науч. труды Курск. гос. пед. ин-та. Т. 50 (143)). Курск, 1975. С. 65 - 81.
20. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв. С.-Петербург, 2003. С.19 - 20.
21. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. - Л. , 1974. Т. 11. С. 218. Далее ссылки на это издание даются в тексте: указывается номер тома и страницы.
22. И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Т. 9. С. 125 - 126. Далее ссылки на это издание даются в тексте: указывается номер тома и страницы.
23. Тюхова Е.В. Достоевский и Тургенев. (Типологическая общность и родовое своеобразие). Учебное пособие к спецкурсу. - Курск, 1981. С 66.
24. Аверинцев С.С. Другой Рим. С.-Петербург: Амфора., 2005. С. 96 - 97.

E.M. Konishev

Christian motives in Turgenev's creative work

In the article the influence of Christian traditions on the novels by I.S. Turgenev is examined. The writer didn't belong to the religious natures. But he was brought up in the epoch when church played an important role in the life of a European educated nobleman. Its proclaimed values were often adapted already on subconscious level. It is peculiar to the writer himself in whose novels Christian impulse is clearly seen and to his many characters as well.

И.И. Чайковская, *кандидат педагогических наук, журналист, писатель, преподаватель Лингвистической школы для взрослых по изучению русского языка (Бостон, США), член редколлегии всеамериканского журнала "ЧАЙКА".*

ИВАН ТУРГЕНЕВ КАК "АНТИГЕРОЙ" МЕМУАРОВ АВДОТЬИ ПАНАЕВОЙ
(ЗА СТРАНИЦАМИ ПАНАЕВСКИХ "ВОСПОМИНАНИЙ")

В статье рассматриваются те эпизоды книги Авдотьи Панаевой "Воспоминания", которые можно было бы условно назвать "Романом о Тургеневе", где великий писатель выступает в роли "антигероя". "Роман о Тургеневе" имеет развитие, кульминацию (уход из "Современника"), свою героиню, а вернее, "антигероиню" - Полину Виардо. Автор статьи предпринимает попытку показать карикатурность и памфлетность многих сцен, связанных с изображением Тургенева в произведении Панаевой, и снять с писателя предъявляемые ею обвинения. Одна из задач работы - выяснить причины стойкой взаимной антипатии двух героев.

Что же касается мемуаров вообще, то я предупреждаю читателя: 20% мемуаров так или иначе фальшивки.

Анна Ахматова, поэт

И если бы мемуаристы не завирались, что бы делали биографы?

Лидия Яновская, архивист

Через шесть лет после смерти Тургенева на его родине, в России, была написана, а затем опубликована книга, где Иван Сергеевич стал едва ли не главным героем. Правда, слово "герой" можно в этом случае заменить на "антигерой". В книге о нем писалось с явной антипатией, и в некоторых местах его изображение граничило с памфлетом. Я говорю о широко известных "Воспоминаниях" Авдотьи Яковлевны Панаевой, хозяйки литературного салона, участницы и свидетельницы редакционных будней журнала "Современник", многолетней подруги Некрасова. В ее мемуарах я насчитала 62 эпизода, так или иначе связанных с Тургеневым. Практически сразу за рассказом мемуаристки о детстве и юности, там, где она начинает повесть о "Современнике", появляется имя Тургенева. И это имя уже не сходит со страниц воспоминаний почти до их конца. Ни одному герою панаевских меморий, кроме Тургенева, такая честь не выпала. Рассмотрим конструкцию "образа Тургенева" в "Воспоминаниях" Панаевой[1].

Как это сделано

А сделано это так. В панаевском "романе о Тургеневе" все 62 связанных с писателем эпизода - это нарастающее по густоте перечисление его провинностей и дурных черт, начиная с простейших - легкомыслия и рассеянности, кончая такими "злостными", как нелюбовь к русскому мужику и к России. Тургенев у Панаевой выступает как основной оппонент сначала Белинского, а затем Некрасова, Панаева и в конце - Добролюбова. Кульминацией "романа о Тургеневе" можно считать сцены его разрыва с "Современником", когда он якобы написал Некрасову записку: "Выбирай: я или Добролюбов" (чего на самом деле не было).

Тургенев, герой панаевского повествования, выступает как некое "бродильное начало", запускающее движение сюжета. За его спиной вырисовываются Василий Петрович Боткин и Павел Васильевич Анненков, также не из числа "любимчиков" А.Я., правда, не в такой степени, как Иван Сергеевич. Их присутствие в "романе о Тургеневе" должно показать сплоченность "темных сил",

© И.И. Чайковская, 2008

тянущих редакцию "Современника", в лице Некрасова и Панаева, к разрыву с демократами ("семинаристами", как презрительно они называют Добролюбова и Чернышевского) и с народом.

От них, этих "старых друзей", исходят всевозможные "сплетни" и злокозненности, и простодушные Некрасов и Панаев, по слабости и верности старой дружбе, порой поддаются на их коварные провокации. На фоне Тургенева и Компании Некрасов и Панаев выступают как герои-резонеры, на словах опровергающие "неправду", а на деле часто попадающие в ее тиски, что неизменно находит у рассказчицы извинение и оправдание. Героями без страха и упрека выступают в "романе" Панаевой Николай Добролюбов и Николай Чернышевский, олицетворяющие для писательницы "новый тип" людей и отношений[2].

Кем это написано

К этому имени обращаюсь не в первый раз, как и к имени Тургенева. Но в первый раз соединяю Панаеву и Тургенева в одной работе. Сложность в том, что обоим сочувствую. А они - гениальный писатель, мягкий и великодушный человек и красавица со сложной судьбой, крутого и прихотливого нрава, с едким писательским пером, - они друг друга почему-то сильно не любили. На вопросе *почему* остановлюсь в своем месте.

Итак, Панаева Авдотья Яковлевна. Дочь актеров Императорской сцены Брянских, в 1839-м году ставшая женой Ивана Ивановича Панаева, небогатого дворянина, до невозможности ветреного и к семейной жизни мало расположенного. Иван Иванович подвизался на журналистской ниве, был вхож в кружок Белинского, куда привел и своего друга, молодого, но уже изрядно потрепанного жизнью, начинающего поэта и журналиста Николая Некрасова. Панаев и Некрасов - с благословения Белинского - затеяли возобновить пушкинский "Современник"; первый номер выкупленного ими у Плетнева журнала вышел в 1847 году. Примерно в то же время Авдотья Панаева склонилась на долгие уговоры Некрасова, не на шутку в нее влюбленного, и стала его гражданской женой. Такое положение не могло не вызывать пересудов и сплетен - все трое проживали в одной квартире, где одновременно располагалась редакция журнала.

Положение Панаевой было щекотливым, но все искупали страсть Некрасова, посвященные ей стихи, возможность писать и печататься в "Современнике". Даже судя по некрасовским стихам, их совместная с Панаевой жизнь была не безоблачна: у обоих были тяжелые характеры и раны на душе. Некрасов ревновал, хандрил, а мучили друг друга они оба. К сожалению, у нас нет их переписки - все письма (за исключением двух маленьких ее записочек) были ею сожжены.

Собственно говоря, у Авдотьи Яковлевны было много причин публично излить свою душу, рассказать о тех страданиях, которые принес ей брак с неверным и пустоватым Панаевым, и долгая, изнурительная с обеих сторон связь с Некрасовым. После смерти Панаева в 1862 году Авдотья Яковлевна, не дождавшись предложения от Некрасова, выходит замуж за секретаря редакции "Современника" Аполлона Головачева, у них рождается дочь. Записки свои Панаева пишет в конце 80-х годов, незадолго до смерти в 1893 году. Однако, как кажется, пишет она воспоминания не с целью поведать "историю своей жизни", а с желанием заработать на кусок хлеба - они с дочерью после ранней смерти Головачева сильно нуждаются. Нельзя не обратить внимания на то, что о своих личных отношениях - с Панаевым ли, с Некрасовым и впоследствии с Головачевым - мемуаристка умалчивает. Некрасова и Панаева, принесших ей много горя, не чернит. Главный удар в книге приходится на Тургенева.

Как это написано

Панаева - писатель опытный. Ее первое произведение повесть "Семейство Тальниковых" (1848) понравилось Белинскому и не было пропущено цензурой из-за изображения "деспотизма родительского" (эта, по-видимому, автобиографическая тема будет возникать в ее сочинениях снова и снова). Затем на волне обновления жизни и бурного чувства, охватившего ее и Некрасова, они написали подряд два романа: "Три страны света" (1848 - 1849) и "Мертвое озеро" (1850 -1851). Романы писались спешно, дабы заменить не пропускаемые тупыми, но ушлыми цензорами произведения с намеком на злободневность. Некрасов, как рассказывает Панаева в тех же "Воспоминаниях", ночами "начитывал" литературу о разных странах и потом писал куски о приключениях героя. Авдотье Яковлевне доставались части, где действие протекало в Петербурге. Ее голос ясно слышен в описаниях петербургских детей и мастеровых, в шутливо-сентиментальных объяснениях героя и героини. Странно, что роман "Три страны света" выходит без имени Панаевой, автором называется один Некрасов. Странно и несправедливо![3] Рассказы и повести Панаевой печатались в журнале под псевдонимом Н. Станицкий. Это был секрет Полишинеля. В одном из писем Толстого Некрасову (за 1857 год) сказано, что он "еще не прочитал повести Авдотьи Яковлевны". То, что Толстой собирался эту повесть прочитать, - знак хороший. Толстой тогда и Жорж Санд не жаловал!

В "Воспоминаниях" мы имеем дело с автором, поднаторевшим в создании одним-двумя штрихами точных и часто выразительных портретных характеристик. Самое же, на мой взгляд, главное достижение Панаевой-писательницы - мастерское владение диалогом. Диалог в ее книге - господствующее средство выражения мысли.

Нет, не прошли для нее даром молчаливое, но зоркое наблюдение за завсегдатаями литератур-

ных гостиных в обеих столицах, опыт собственного салона в их с Панаевым петербургском жилище, а также пребывание в раскаленной от споров атмосфере редакции "Современника". Говорю "молчаливое наблюдение" по двум причинам. Панаева, по ее собственному признанию, высказываться вслух не любила, делала это в редких и, можно сказать, крайних случаях. Вторая же причина та, что в литературных гостиных ее юности витийствовали такие проповедники, как Белинский, Грановский, Герцен. Блестящие ораторы, мыслители, к тому же мужчины. Женщины, жены и подруги, как правило, сидели рядом как слушательницы и, возможно, вдохновительницы. Панаева и была такой слушательницей.

От природы умная и способная, образование она получила самоучкой, "посредством чтения". Закончив всего-навсего императорское театральное училище, где не давали никаких положительных знаний, умудрилась научиться французскому и прекрасно овладеть своим родным языком. Чуковский пеняет ей на незнание орфографии: Некрасову, видите ли, приходилось исправлять ее ошибки. Не думаю, что Некрасов этим занимался, над текстом корпели "переписчики". А вот что слогом она владела блестяще - видно и слышно каждому читателю ее мемуаров.

В "романе о Тургеневе" некоторые выпады против писателя звучат весьма правдоподобно. Чуковский не зря пишет о том, что Панаева многое запомнила, вплоть до отдельных слов. Мемуары писались спустя несколько десятилетий после событий. Поэтому неудивительно, что запомнившееся слово часто попадало в иной контекст, меняло свой адресат, иногда с точностью "до наоборот". Вот пример[4]. Да, Тургенев называл диссертацию Чернышевского "мертвечиной", но потом защищал ее автора от нападок Дружинина и уже последнего клеймил этим страшным для живых словом. Все это прослеживается в письмах. Панаева же основывается не на переписке и даже не на дневнике, который, сколько знаю, она не вела. Она доверяет своей памяти и тому образу "героя" (Тургенева, Белинского, Некрасова), который сложился в ее сознании за долгие годы. В ее "романе о Тургеневе" разговоры ведут не живые Некрасов, Белинский и Тургенев, а литературные персонажи, в уста которых Панаева-писательница вкладывает соответствующие ее представлениям высказывания.

Она, как умелый драматург, выстраивает диалоги, в которых каждый из героев ведет свою партию. Нужно сказать, что "партия Тургенева" на несколько тонов смещена по отношению к оригиналу. Увы, таким его видела Авдотья Яковлевна. Вот Панаева пишет: "Тургенев в это время (конец 50-х гг. - **И.Ч.**) наслаждался вполне своей литературной известностью, держал себя очень величественно с молодыми писателями и вообще со всеми незначительными лицами". Это высказывание Панаевой перекликается с язвительной репликой умирающего Добролюбова, пишущего из Дьепа Некрасову (1860): "...да ведь и Вы же далеко не Т., которому каждую зиму надо справить сезончик литературный".

В данном случае мы имеем дело со сплетней, распространившейся в литературной среде: Тургенев-де приезжает в Россию пожинать литературные лавры. "Величественный", самовлюбленный Тургенев из записок Панаевой плохо согласуется с Тургеневым реальным, который в феврале 1857 года пишет Боткину: "Я постоянно себя чувствую сором, который забыли вымести...".

Еще из того же письма: "Ты знаешь, что я бросил стихи писать, как только убедился, что я не поэт; а по теперешнему моему убеждению - я такой же повествователь, какой был поэт". Похожие настроения отразились в письме к Боткину от 26 ноября (8 дек.) 1863 года: "Никакого нет сомнения, что я либо перестану вовсе писать, либо буду писать совсем не то и не так, как до сих пор".

В монологах, приписанных Панаевой Тургеневу, мысль огрублена порой до карикатурности; так мог бы выражаться Базаров, помноженный на Ситникова: "Я не намерен покорно ждать участи, когда наступит праздник и мне выпадет жребий быть съеденным на пиршестве людоедов! ... При первой возможности убегу без оглядки отсюда. И кончика носа моего не увидите". Или: "Каким лаком образованности ни отполируй такого субъекта, все-таки в нем просвечивает зверство". Если читатель не понял, поясню, что последнее высказывание относится к Толстому. Насколько далека эта якобы тургеневская оценка Толстого от подлинной, напишу в своем месте. А здесь хотелось привести примеры сомнительного соответствия лексики и стилистики высказываний Тургенева из "романа Панаевой" реальной речи великого писателя.

Начало знакомства

Они познакомились в 1842 или 43-м году. Даже здесь их показания не сходятся. Панаева с оговоркой "если не ошибаюсь" называет 1842 год. Она указывает и "место встречи" - Павловск, где Тургенев летом жил на даче. У Тургенева в Мемориале[5] под 1843 годом значится: "Павловск. Катя. Определяюсь на службу. Даль. - Белинский. Панаева. В ноябре знакомство с Полиной". В позднейшей Автобиографии Тургенев сообщает о себе в третьем лице: "В 1841 году он вернулся в Россию (из Берлина, где жил на одной квартире с Михаилом Бакуниным. - **И.Ч.**), поступил в 1842 году в канцелярию министра внутренних дел под начальство В. И. Даля (того самого, автора Словаря, - И.Ч.), служил очень плохо и неисправно и в 1843 году вышел в отставку". Далее Тургенев пишет, что в тот год напечатал (анонимно) поэму "Параша" и познакомился с Белинским.

Я склонна думать, что Тургенев точнее Панае-

вой запомнил год знакомства с нею, тем более что год этот был переломным в его жизни - через несколько месяцев после их встречи на его горизонте возникла Полина Виардо. Значимость знакомства с Виардо подчеркнута в тексте курсивом. Но и встреча с Панаевой не была для Тургенева проходной, о чем можно судить по ее отражению в Мемориале, куда заносились только самые памятные моменты. Отметим, что ни Иван Иванович Панаев, супруг молодой красавицы, ни Некрасов, примерно в то же время начавший бывать у Панаевых, в Мемориале Тургенева не упоминаются. Зато упоминается Белинский. Белинский был одним из главных людей тургеневской молодости. То, что следом за Белинским в Мемориале идет запись о Панаевой, говорит, как минимум, о том, что Тургенев обратил на нее внимание и выделил из числа прочих.

Роман о Тургеневе.
Глава первая. "Малодушный выдумщик"

Рассказ о Тургеневе Панаева начинает как раз с Павловска: будущий писатель "после музыки" часто приходил к ней на чай. Однажды он рассказал ей "о пожаре на пароходе", на котором он ехал из Штетина, когда, "не потеряв присутствия духа, успокаивал плачущих женщин и ободрял их мужей, обезумевших от паники". Впоследствии оказалось, что случай на пароходе действительно имел место, но юноша Тургенев вел себя не так хладнокровно: он очень хотел сесть в спасательную лодку с женщинами и детьми и беспрестанно повторял по-французски: "Умереть таким молодым!"

Рассказав эту историю, Панаева продолжает развивать тему о "лживости" Тургенева, который "в молодости часто импровизировал и слишком увлекался". Вот правильно найденные слова - "импровизировал", "увлекался". Если бы не импровизировал и не увлекался, может быть, и не развился бы в того писателя, каким впоследствии стал. Воспоминания о "горящем пароходе" мучили Тургенева всю жизнь. За несколько месяцев до смерти, в июне 1883 года, он диктует (на французском) Полине Виардо небольшой очерк "Пожар на море". В этом очерке он вспоминает все происшествие, описывает себя, девятнадцатилетнего юношу, впервые отпущенного матушкой в заграничный вояж, рисует ужас пассажиров при криках о пожаре, свое собственное смятение, обещание денег матросу "от имени матушки", если тот его спасет, и потом свою неожиданно возникшую веру в спасение при виде прибрежных скал...

Не знаю, стоит ли верить его рассказу о прыжке на дно шлюпки с женщиной на спине или о трех пойманных им в шлюпке дамах, тут же по приземлении падавших в обморок... Есть у меня ощущение, что "бес фантазерства", а также романтического преображения действительности попутал Тургенева в разгар предсмертной болезни, как и тогда, в годы его молодости.

А вообще он с этим своим качеством боролся. В Воспоминаниях о Станкевиче (1856), с которым познакомился в том же 1838 году, когда случился пожар на пароходе, Тургенев пишет, что робел перед старшим товарищем "от внутреннего сознания собственной недостойности и лживости". Вполне допускаю, что Панаева не передергивает, когда приводит слова Белинского, обращенные к Тургеневу: "Когда вы, Тургенев, перестанете быть Хлестаковым? Это возмутительно видеть в умном и образованном человеке!".

В письмах Белинского того времени можно встретить упреки в "мальчишестве" и "лени", адресованные Тургеневу. Что ж, значит, права Авдотья Яковлевна, когда рисует отношения Белинского и Тургенева как бесконечные выволочки последнему со стороны нравственно безупречного собрата? Белинский-де отучал Тургенева, как нерадивого школьника, от вредных привычек, доходя порой до таких грозных инвектив: "Подтяните, ради Христа, свою распущенность, ведь можно сделаться нравственным уродом".6 Это цитаты из "романа Панаевой". А теперь возьмем строчки из реальных писем Белинского, написанных примерно в то же время:

"... если бы Вы уехали из Питера, я не знал бы куда и деваться; с Вами я отводил душу - это не гипербола, а чистая правда" (8 июня 1843, Москва).

*"Когда Вы собирались в путь (в январе 1847 г. Тургенев выехал в Берлин. - **И.Ч.**), я знал вперед, чего лишаюсь в Вас, но когда Вы уехали, я увидел, что потерял в Вас больше, нежели сколько думал, и что Ваши набеги на мою квартиру за час перед обедом или часа на два после обеда, в ожидании начала театра, были ОДНО, что давало мне жизнь"* (19 февраля 1847, Петербург).

Мало того, что Белинский любил своего молодого друга, ценил его ум и познания - он видел в нем человека сходных взглядов. Так, говоря о Некрасове, Белинский противопоставляет некрасовскому прагматическому взгляду на вещи их общие с Тургеневым высокие понятия и идеалы:

"...он (Некрасов. - **И.Ч.**) *действовал честно и добросовестно, основываясь на объективном праве, а до понятия о другом, высшем, он еще не дорос, а приобрести не мог по причине того, что возрос в грязной положительности и никогда не был ни идеалистом, ни романтиком на наш манер"* (курсив мой. - **И.Ч.**) (1 (13) марта 1847, Петербург).

Да, Белинский, бывало, журил Тургенева, но тон этих увещеваний сильно отличается от воссозданного Панаевой. Вот одно из таких дружеских писем, связанных, по-видимому, с желанием Белинского спасти друга от чар Клеопатры, то бишь Полины Виардо:

"Не знаю почему, но когда думаю о Вас, юный друг мой (Белинский был на 7 лет старше Тургенева, - И.Ч.), *мне все лезут в голову эти стихи:*

"Страстей неопытная сила

Кипела в сердце молодом..." и пр.

Вот Вам и загвоздка; нельзя же без того: на то и дружба..." (19 февраля 1847, Петербург).

Деликатно, нежно, строчками из пушкинских стихов о безусом юноше, принявшем "вызов страсти" у самой Клеопатры, Белинский пытается остановить друга от рокового шага, но в конце словно закашливается от смущения и неловкости, словно просит извинения за вмешательство в сферу очень личную, запретную. А теперь вспомним панаевское: "Подтяните, ради Христа, свою распущенность...". Иная интонация, иной градус отношений, да и сами отношения совсем-совсем другие...

В письмах 1847 года Белинский называет Тургенева "юный друг мой". Между тем "юноше" в это время уже к тридцати. Тургенев, который в 40 лет будет чувствовать себя стариком, человеком отжившим, очень долго не взрослел, вел себя по-мальчишески импульсивно, необдуманно, даже легкомысленно. Но повзрослел. Панаевский рассказ о "пожаре на пароходе" подразумевает обвинение не только в выдумках и самоукрашательстве, но и в малодушии.

Об этом нужно сказать особо. При всей своей вошедшей в поговорку "мягкости" (даже Флобер, по свидетельству Генри Джеймса, называл русского друга "мягкой грушей", иначе "размазней"), в ответственные моменты жизни Тургенев вел себя на редкость мужественно.

Вот эти моменты.

Будучи в ссылке в Спасском, находясь под присмотром полиции, тайно - переодевшись в мужицкое платье и обзаведясь фальшивым паспортом, - едет в Москву на концерт обожаемой Полины Виардо (22 марта 1853 года).

**

В 1860 году по принципиальным мотивам порывает с ближайшим другом Некрасовым и уходит из "Современника", с которым сотрудничал со дня его основания.

**

Активно дружит, ведет переписку и встречается с политическим эмигрантом и злейшим врагом самодержавия - Александром Герценом. В январе 1864 года предстает перед российским Сенатом по делу о связи с лондонскими изгнанниками. Поддерживает отношения с Герценом до самой смерти Александра Ивановича в 1870 году.

**

Удивительно мужественно ведет себя перед лицом смерти, вызывая восхищение близких и тех, кто будет читать его предсмертные письма и дневник.7

Роман о Тургеневе. Глава вторая. "Человек рассеянный и безответственный"

Кто не запомнил сцену в мемуарах Панаевой, когда компания из сотрудников "Современника" во главе с самим Белинским приезжает по приглашению Тургенева к нему на дачу - и не находит там хозяина! Пригласив друзей на обед, который будет-де приготовлен его чудо-поваром, Тургенев о приглашении забыл.

Случай напоминает сюжет гоголевской "Коляски", только Тургенев, в отличие от героя Гоголя, спрятавшегося от своих гостей в коляске, перед друзьями все же появился и угостил их, оголодавших, спешно приготовленными обескураженным поваром невкусными жилистыми курами...

Этой истории веришь. Скорее всего, так и было. Тургенев всю жизнь не отличался пунктуальностью и педантизмом, скорее наоборот. Вот Некрасов в 1855 году пишет в письме к Толстому, что Тургенев пропал: "поехал в Москву на три дня, и до сей поры его нет". В тот раз "пропавший" Тургенев объявился в Петербурге лишь через месяц.

Вот сам Тургенев пишет педантичному Герцену из Парижа (1862): "... что бы ты ни думал о моей неаккуратности - скорее земной шар лопнет, чем я уеду, не повидавшись с тобою". Стало быть, вопрос о "неаккуратности" поднимался...

А вот кусочек из письма Боткина Некрасову (28 марта 1856 г., Москва):

"Отзыв твой о Тургеневе мне усладил душу. Может ли быть он не добрым и не отличным человеком! Да, легкомыслен, ребенок, барич, - сколько хочешь, - но спустись поглубже - фонд удивительный. Я постоянно чую этот фонд и постоянно люблю его".

В очерке Генри Джеймса о Тургеневе, написанном с любовью и пониманием, при общей восторженной оценке личности русского писателя, о нем говорится как о "человеке откладывания" ("a man of delays"). Джеймс, наблюдавший Тургенева в Париже, писал, что тот ни разу не пришел на свидание в назначенный день. Он всегда это свидание перемещал, но после нескольких таких откладываний непременно являлся, и отложенная встреча происходила [См.: 12; 7:103].

В мемуарах много эпизодов, связанных с деньгами: Тургенев-де занимал деньги у Некрасова (что абсолютная правда), порой шантажируя его тем, что передаст рассказ в "Отечественные записки" к "Андрюшке" (Краевскому). Рассказывается, как Некрасов выплачивает Тургеневу необходимые тому 500 рублей, перехватывает рассказ, уже было запроданный Краевскому, и пишет тому извинительное письмо от лица Тургенева. Читала и думала, что Панаева, человек достаточно поднаторевший в журнальных делах, должна была с подобными ситуациями сталкиваться на каждом шагу. Сотрудники брали у Некрасова взаймы (однажды он не дал одному такому просителю денег из суеверия - вечером ему предстояла большая игра, и тот, его звали Пиотровский, покончил с собой).8 Просил у Некрасова в долг и Добролюбов - есть его письмо с просьбой о 500 рублях и мгновенный, в тот же день, ответ Некрасова: "По вечерам я не даю денег, завтра получите".

А что до авторов - естественно, все старались

запродать свой товар подороже, торговались, оглядывались на размер гонораров в "Отечественных записках"[9]. По подсчетам Чуковского, с 1847 по 1855 год Тургенев напечатал пять своих произведений в этом "конкурирующем" с "Современником" органе. До 1850 года (год смерти Варвары Петровны Тургеневой) Иван Сергеевич был "бедным" и жил в основном на свои гонорары. Некрасов, как никем другим, дорожил Тургеневым в качестве сотрудника "Современника", платил ему по высшему разряду и не отказывал в займах. Тургенев, в свою очередь, продал Некрасову право на второе издание "Записок охотника", которое сулило издателю хороший барыш[10]. Кроме того, присутствие Тургенева на страницах журнала гарантировало приток читателей, что было крайне важно для финансового положения "Современника".

Коснусь еще двух аспектов "денежной темы", работающих у Панаевой на дискредитацию Тургенева.

Роман о Тургеневе. Глава третья "Фальшивый друг, озабоченный саморекламой"

Начнем с саморекламы. У Панаевой можно прочесть о ее встрече в Париже с переводчиком Тургенева на французский язык. Звали его Делаво, и Тургенев якобы жаловался на него Панаевой в таких выражениях: "Какое несчастье иметь дело с такой тупицей! Просто дурында какая-то..." Оставим на совести Панаевой лексику ее героя, явно принадлежащую придуманному Тургеневу. Далее в тексте говорится, что из разговоров с переводчиком любознательная русская узнала, что Тургенев сам попросил его о переводе своих рассказов (из "Записок охотника". - **И.Ч.**) и что бедный Делаво должен был уламывать редактора Revue des Deux Mondes, чтобы тот поместил его перевод на своих страницах. Переводчик жаловался на ничтожный гонорар, получаемый за перевод. На вопрос А.Я., почему он не условился, чтобы Иван Сергеевич заплатил ему за труд, Делаво - в передаче Панаевой - ответил так: "Иван Сергеевич так хорошо говорил, когда предложил мне переводить его рассказы, что я согласился на все его условия".

А вот любопытно знать, на какие такие условия согласился бедняга переводчик?! Отдать часть гонорара Тургеневу?

В письме к Боткину из Парижа (в ноябре 1856 года) Тургенев пишет следующее: "Делаво перекатал моего "Фауста" - и тиснул его в декабрьской книжке "Revue des 2 Mondes", издатель (де Марс) приходил меня благодарить и уверял, что эта вещь имеет большой успех...". Известно письмо Делаво к Тургеневу, где тот слезно просит не передавать перевод "Записок охотника" Луи Виардо, так как он очень рассчитывает на хорошие деньги (400 франков), которые получит за эту работу от издателя. Никому и никогда Тургенев не навязывал своих произведений для перевода. В те времена, как и теперь, переводчики старались переводить то, что громко прозвучало на родине. Таковыми были рассказы и повести Тургенева. Они переводились, как говорится, с колес. Так было во Франции, в Германии и даже в далекой Америке, где у Тургенева было несколько почитателей-энтузиастов, спешивших познакомить читателей с его произведениями[11]. Добавлю еще, что, мало беспокоясь о собственной "популяризации", Тургенев неустанно пропагандировал русскую литературу за рубежами России. Благодаря его советам и деятельной помощи во Франции были осуществлены переводы Пушкина и Гоголя. По рекомендации Тургенева на французский переводились пьесы Островского и рассказы и романы Толстого. Панаева пишет, что русские писатели "завидовали Тургеневу в том, что его произведения переведены французами", - и это редкий в ее книге случай, когда нечто дурное приписывается не самому Ивану Сергеевичу.

В числе обвинений против Тургенева есть и такие, от которых оторопь берет: оказывается, он поощрял карточную игру Некрасова. Панаева пишет, что не хотела, чтобы Некрасов становился членом Английского клуба из-за его страсти к игре. Однако ее доводы "потерпели полное фиаско перед Тургеневскими". Тургенев-де доказывал Некрасову, что тому необходимо бывать в обществе - шлифоваться, встречаться со "светскими женщинами", которые "одни только могут вдохновлять поэта". Такое впечатление, что или сама Панаева, или выдуманный ею Тургенев думают, что в Английском клубе можно встретить "светских дам".

Корней Чуковский установил, что если Некрасов и Панаев действительно с 1853 года были членами Английского клуба, то Тургенева в его списках нет. Но не для Панаевой. Она рисует страшные картины: Тургенев в качестве дьявола-искусителя (иначе не назовешь!) являлся в дом друга и "уговаривал его ехать в клуб именно для того, чтоб сесть играть в карты".

Приводятся и искушающие речи: "У меня впереди есть наследство, ну а у тебя что?". Кстати говоря, почему "впереди"? Весной 1853 года, о которой речь у Панаевой, Тургенев уже владел наследством. Но это мелочи в сравнении с чудовищным обвинением. Порылась в письмах и кое-что нашла.

Вот Тургенев пишет Некрасову из Спасского (1856): "Твое письмо меня порадовало, хоть и сильно отдает хандрой. Плохо одно, что ты в карты играешь...". А вот и "ответная реплика" Некрасова из письма другу в Париж (1858): "Прощай. Будь здоров и, окончив повесть, приезжай к нам. Мне кажется, с твоим приездом я брошу проклятые карты, которые губят мое здоровье".

И в конце "денежной темы", связанной с отношением Тургенева к друзьям, скажу вот что. Да, не был Иван Сергеевич рачительным хозяином, таким, как Фет, не был "дельцом" в духе Некрасова:

плохо и нерасчетливо распоряжался деньгами и именьем. Однако другом был верным. В 1878 году он пишет из Парижа своему многолетнему другу и протеже, человеку с драматической судьбой, поэту Якову Полонскому: "...делишки мои настолько крякнули, что я действительно вынужден был продать свою галерею... Но что до тебя касается, милый Яков Петрович, я почту за особое счастье быть твоим кредитором до конца дней моих - и, следовательно, тебе беспокоиться нечего...").

Роман о Тургеневе. Глава четвертая "Появление героини"

Нет романа без любовной интриги. В любом романе непременно должна быть героиня. Или "антигероиня", как получилось у Панаевой. "Антигерою" Тургеневу в ее романе вполне логично соответствует "антигероиня" - Полина Виардо. Для нее, как и для Тургенева, не припасено у писательницы ни одной светлой черты.

Если героини обычно ослепляют своей красотой, то наша "антигероиня" - настоящая лягушка. Она некрасива - с огромным ртом. Так, может, добра, щедра, жалостлива? Нет, скупа, ей жаль денег даже на похороны хористки; к тому же черты ее лица и "жадность к деньгам" обличают в ней еврейское происхождение[12]. Затем пересказываются слухи о скупости певицы, которые якобы пронеслись по Петербургу.

Панаева увидела Полину Виардо на сцене Итальянской оперы в Петербурге в первый ее приезд в Россию а 1843 году. Но если Тургенев сразу был околдован "божественной" Виардо и день встречи с нею - 1 ноября 1843 года - стал для него "святым", то Панаева говорит о певице с какой-то ревнивой недоброжелательностью. Невольно приходит в голову, что красавица Панаева, вскружившая голову не одному Некрасову - в нее влюблены были молодой Достоевский и, как кажется, Добролюбов, - испытывала нечно вроде ревности к Виардо. Панаева познакомилась с Тургеневым, как уже было сказано, за несколько месяцев до появления в его жизни французской певицы. И Тургенев эту встречу отметил в своем Мемориале. Не возникло ли в душе Панаевой чувства женской уязвленности, когда красивый, блестящий Тургенев мгновенно подпал под чары дурнушки Виардо!

Тургенев в романе Панаевой - фат, завсегдатай дамских салонов, не упускающий случая рассказать друзьям о своих "победах". В этом есть доля правды. В Мемориале под 1842 годом есть лаконичная запись: "Я лев". Молодой Тургенев искал свой путь, искал свою женщину. Увлекшись Полиной Виардо, - негодует Панаева, - Тургенев ведет себя как "крикливый" влюбленный, трубящий о своей страсти направо и налево. Что ж, вполне возможно. Главное, что чувство Тургенева оказалось совсем не внешним, а глубоким и стойким. И еще важно, что в дальнейшем формы проявления этого чувства изменились. Натали Герцен году в 1847-м писала, что "все, что связано с ним и Виардо, - под покровом тайны". И это стало нормой: имя своей "Богини" Тургенев всуе не употреблял.

Что до "некрасивости" Виардо, то была она такого рода, что сводила с ума больше, чем любая красота. "Она отменно некрасива, но если я увижу ее снова, я безумно влюблюсь в нее" - слова принадлежат художнику Ари Шефферу. Именно это с ним и произошло. В Полину Виардо были влюблены многие, Гектор Берлиоз, непример, в 56 лет воспылал к ней внезапной страстью. Муж Полины, Луи Виардо, директор Итальянской оперы, не чуждый писательству, до самой смерти питал к ней сильное и глубокое чувство. Он был старше жены на 20 лет и умер в один год с Тургеневым, который был практически ее ровесником. Сен-Санс писал о ее голосе: "...горький, как померанец", он был создан "для трагедий, элегических поэм, ораторий". А Клара Шуман в письме к Брамсу называла Полину "наиболее одаренной женщиной" из всех ей известных. Чувство, внушенное певицей Тургеневу, было из разряда космических и сродни безумию. Вот строчки из тургеневского письма 1860-х годов: "Я уверяю вас, что мое чувство к вам есть то, чего мир не знал доселе, что никогда не существовало прежде и никогда не повторится вновь" (цитирую по книге Аврама Ярмолинского в своем переводе с английского). Такова была "героиня Тургенева", прямо скажем, мало совпадающая с панаевской.

Приведу один пассаж из "романа" Панаевой: "Не припомню, через сколько лет Виардо опять приехала петь в итальянской опере (через 10 лет, в 1853 году. - **И.Ч.**). Но она уже потеряла свежесть своего голоса, а о наружности нечего и говорить: с летами ее лицо сделалось еще некрасивее. Публика принимала ее холодно. Тургенев находил, что Виардо гораздо лучше стала петь и играть, чем прежде, а что петербургская публика настолько глупа и невежественна в музыке, что не умеет ценить такую замечательную артистку". Стоит заметить, что Тургенев во время этих гастролей певицы находился в Спасском, под присмотром тайной полиции[13]. Поэтому не мог слышать Виардо в Петербурге и высказываться о петербургской публике.

Однако даже из своей "лутовиновской ссылки" Тургенев умудрился вырваться на московский концерт Полины, и вполне вероятно, что сочиненный Панаевой текст совпал с действительностью и что Тургенев и вправду нашел, "что Виардо гораздо лучше стала петь и играть, чем прежде". Он был взыскательным ценителем вокального искусства, а певица в это время (ей 32 года, и сцену она покинет через 11 лет) находилась в зените своего певческого и драматического мастерства.

Роман о Тургеневе. Глава пятая "Еще раз про искренность"

В "романе Панаевой" от эпизода к эпизоду проводится мысль о тотальной неискренности Тургенева, который-де за спиной друзей говорит

совсем не то, что в глаза. Если верить Панаевой, он регулярно проделывал подобное со старыми друзьями - Писемским, Фетом, Анненковым, а также отпускал колкие замечания за спиной "новобранца" "Современника" Льва Толстого.

Вообще тема "сплетни", распространяемой писателями друг про друга, - одна из постоянных у Панаевой. Ей кажется, что "старые писатели" отличались от "новых людей" - Чернышевского и Добролюбова - именно своим пристрастием к злословию и сплетне. В этой связи любопытна историческая оценка мемуаров самой Панаевой как "сплетнических", о чем пишет Корней Чуковский[14]. В кружке друзей, занятых одним делом, каким была старая редакция "Современника", неизбежен обмен мнениями, оценками, замечаниями. Эти мнения неизбежно начинают циркулировать внутри и вне кружка. Что это - сплетни или нормальный процесс дружеского и литературного общения?

Как-то неловко поднимать вопрос об искренности Тургенева.

Не хочется доказывать то, что представляется бесспорным: Тургенев потому и был "центром" дружеского кружка[15], что обладал такими притягательными для друзей качествами, как искренность и честность. И самое интересное, что оппонентом Панаевой в "споре о Тургеневе" выступает... Чернышевский. В письме к Некрасову за 1856 год Николай Гаврилович пишет: "Пусть бранят кого хотят (речь идет о статье Михаила Каткова. - **И.Ч.**), но как осмелиться оскорблять Тургенева, который лучше всех нас и, каковы бы ни были его слабости (если излишняя доброта есть слабость), все-таки честнейший и благороднейший человек между всеми литераторами!".

А теперь вернемся к Толстому, к которому Тургенев - герой "панаевского романа" - относится с завистливой недоброжелательностью. Реальному Тургеневу была свойственна черта, прямо противоположная зависти, - чрезмерное увлечение чужими талантами, хотя часто "таланты" эти были мнимыми[16].

Отношения Тургенева и Толстого на протяжении жизни складывались сложно и неровно. Но характер этих отношений, тональность и даже фактографическая их канва целиком выдуманы Панаевой. Так, она утверждает, что в бытность в Париже (то есть в 1857 году) чуть было не стала свидетельницей дуэли Толстого и Тургенева. Поводом к дуэли, оказывается, послужила "женская сплетня", а "улаживателем" дела назван Некрасов, возвращавшийся после своей миссии домой (любопытно, откуда возвращался Некрасов? - **И.Ч.**) "измученный и мрачный".

На самом деле все было иначе.

Дуэль между писателями действительно чуть не произошла, о чем Панаева должна была слышать, но в другое время и в другом месте. Тургенев и Толстой поссорились в усадьбе Фета Степановке 27 мая (8 июня) 1861 года [5: I, 138-139]. Поводом было резкое замечание Толстого о воспитании дочери Тургенева. История случилась уже после ссоры Тургенева с Некрасовым, поэтому последний никакого участия в ней не принимал. Толстой отозвал свой вызов, бывшие друзья не общались 17 лет. Именно этот срок понадобился Толстому, чтобы осознать то, о чем он напишет в своем первом после семнадцатилетнего перерыва письме к Тургеневу: "Я помню, что Вам я обязан своей литературной известностью, и помню, как Вы любили и мое писанье, и меня". А ведь действительно любил. Интересовался, испытывал нежность, видел мощь таланта и иногда - исповедовался.

*"Мне это очень нужно (рассказ "Утро помещика. - **И.Ч.**) - я желаю следить за каждым Вашим шагом" (декабрь 1856 г., Париж).*

"Извините меня, что я Вас как будто по головке глажу: я на целых десять лет старше Вас - да и вообще чувствую, что становлюсь дядькой и болтуном" (январь 1857 г., Париж).

"Ну, прощайте, милый Толстой. Разрастайтесь в ширину, как Вы до сих пор в глубину росли, - и мы со временем будем сидеть под Вашей тенью - да и похваливать ее красоту и прохладу" (там же).

*"Кстати, что за нелепые слухи распространяются у вас! Муж ее (Полины Виардо. - **И.Ч.**) здоров как нельзя лучше, и я столь же далек от свадьбы - сколь, например, Вы. Но я люблю ее больше, чем когда-либо, и больше, чем кого-нибудь на свете. Это верно".*

Как далеко все это отстоит от помещенных в "романе" Панаевой злобных, грубых по языку, "памфлетных" высказываний Тургенева:

"...как объяснить в умном человеке эту глупую кичливость своим захудалым графством!" ;

"...каким лаком образованности ни отполируй такого субъекта, все-таки в нем просвечивает зверство".

"И все это зверство, как подумаешь, из одного желания получить отличие...".

Узнав о том, что Тургенев умирает, Толстой написал ему из Москвы:

"Я почувствовал, как я Вас люблю. Я почувствовал, что, если Вы умрете прежде меня, мне будет очень больно. Обнимаю Вас, старый милый и очень дорогой мне человек и друг" (май 1882 г., Москва).

И ответ Тургенева - карандашом меньше чем за два месяца до смерти:

"Пишу же я Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником, - и чтобы выразить Вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! (29 июня 1883 г., Буживаль).

Роман о Тургеневе. Глава шестая "Беглец из неизящного отечества"

Любил ли Тургенев Россию и ее народ? Смеш-

ной вопрос. Всем, кто прочитал хотя бы "Записки охотника", ответ на него будет ясен.

Но мы уже поняли, что у Панаевой - свой Тургенев, рисуемый соответственно ее представлениям. Тургенев у Авдотьи Яковлевны - карикатурный эстетствующий "западник". Он на пару с еще одним "нечистым", Боткиным, выдвигает претензии к Некрасову, зачем тот "напирает в своих стихах на реальность" (Тургенев), зачем воспевает "любовь ямщиков, огородников и всю деревенщину" (Боткин).

"Твой стих тяжеловесен, нет в нем изящной формы", - наставляет Некрасова друг Василий Петрович.

"Изящная форма во всем имеет преимущество", - согласно кивает друг Иван Сергеевич.

Если отделить зерна от плевел, то из всего этого можно вычленить следующее: Тургенев считался в "кружке" близких к "Современнику" литераторов человеком с большим вкусом, ценителем прекрасного. Это сильно отличало его от новейших критиков - Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Антоновича, далеких от эстетических критериев, их критические разборы основывались исключительно на содержательных моментах и игнорировали "художество".

Кстати сказать, Некрасов бесконечно доверял мнению Тургенева, посылал ему "на отзыв" только что написанные стихи[17] (Тургенев вообще считался "мэтром" в поэзии, редактировал сборники Фета и Тютчева, помогал советами Полонскому).

Приведу отзыв Тургенева на некрасовское стихотворение "Еду ли ночью по улице темной", далеко не "изящное" ни по теме, ни по форме:

"...скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке меня совершенно с ума свело, денно и нощно твержу я это удивительное произведение - и уже наизусть выучил" (в письме к Белинскому 14 ноября 1847 г.).

Но вернемся к сцене разбора некрасовских стихов Боткиным и Тургеневым из "романа Панаевой". Чрезмерно "эстетический" взгляд друзей на его поэзию подвигает Некрасова высказать свое задушевное кредо: "Так как мне выпало на долю с детства видеть страдания русского мужика от холода, голода... то мотивы для моих стихов я беру из их среды, и меня удивляет, что вы отвергаете человеческие чувства в русском народе!" (курсив мой. - **И.Ч.**).

Ну и ну! Насчет Боткина не скажу: он больше писал про Испанию и Францию, хотя предполагаю, что "человеческие чувства в русском народе" даже он не отвергал. А уж Иван-то Сергеевич! Будто не он автор "Муму", "Хоря и Калиныча", "Живых мощей", "Бирюка"..!

Читаем дальше антирусские филиппики "панаевского Боткина", двойника "западника" Тургенева: "И знать не хочу звероподобную пародию на людей и считаю для себя большим несчастьем, что родился в таком государстве". Стоп. Панаева "смешала в кучу" проклятия народу и государству, но ведь это не одно и то же. Во всяком случае Тургеневу, месяц отсидевшему в тюремной камере и сосланному подальше от столиц за некролог о Гоголе, российские порядки уж точно не могли казаться образцовыми.

Но Авдотье Яковлевне не до таких тонкостей. Она запомнила, что в кулуарах "Современника" велись споры о России и Европе, и именно Тургенев и Боткин были их активными участниками, так как подолгу жили в европейских странах. Их "прозападные" высказывания в "романе Панаевой" вполне карикатурны. "Панаевский Боткин", объединяя себя с Тургеневым местоимением мы, говорит Некрасову: "Ты ведь не путешествовал по Европе, а мы в ней жили и не раз испытали стыд, что принадлежим к дикой нации".

Некрасов - не из панаевского романа, а реальный - за границу ездил; в первую поездку провел в Европе почти год (август 1856 - июнь 1857), но, как остроумно заметил Герцен, смотрелся в ней плохо - как "щука в опере". Тургенев же прожил за границей большую часть своей жизни, что не мешало ему оставаться русским. "Американский европеец" Генри Джеймс, тесно общавшийся с Тургеневым в Париже в 1875-1876 гг., пишет, что позади него, "в резерве", всегда стояла Россия, ее судьба, ее народ, о которых он думал и говорил беспрестанно.

Маленький кусочек из письма Тургенева Афанасию Фету (1862 г., Париж):

"Если бы я не был так искренно к Вам привязан, я бы до остервенения позавидовал Вам, я, который принужден жить в гнусном Париже - и каждый день просыпаться с отчаянной тоской на душе... Если Бог даст, в конце апреля я в Степановке".

Почему же Тургенев покинул Россию и жил за границей? На это у Панаевой есть замечательный ответ. Оказывается, он не хотел писать для "русского читателя":

"Шекспира читают все образованные нации, а Гоголя будут читать одни русские, да и то несколько тысяч, а Европа не будет знать даже о его существовании! ...Ведь мы пишем для какой-то горсточки одних только русских читателей... Нет, только меня и видели; как получу наследство, убегу и строки не напишу для русских читателей".

Так и хочется спросить: для кого же писал Тургенев, если не для русского читателя? Для французов? Для немцев? Для англичан? Сказывается памфлетная односторонность "романа" Панаевой - окарикатуренный Тургенев сам себя "ловит в ловушку".

Вовсе не "получение наследства" было регулятором перемещений Тургенева. В 1847 году, практически нищим, он отправился вдогонку за Полиной Виардо и прожил "около нее" больше трех лет; а после смерти матери в 1850 году, получив наследство, провел в России безвыездно шесть лет.

Но и любовью к Европе и "европейскими вкусами" также не объяснишь многолетнего пребывания Тургенева за пределами России. Восклицания "панаевского Тургенева": "Нет, я в душе европеец, мои требования от жизни тоже европейские" - в такой же степени карикатурны, как и его стремление "убежать от русского читателя".

На самом деле все было гораздо сложнее; это был запутанный узел, центром которого была неодолимая страсть к Полине Виардо, а также возникшая впоследствии привязанность к ее семейству.

"Мне здесь очень хорошо; я с людьми, которых люблю душевно - и которые меня любят" (Тургенев - Толстому из Куртавнеля, сентябрь 1856 г.).

Но как кажется, еще одним фактором, уводившим Тургенева из России, был царивший в ней полицейский режим, всевластие государственного аппарата при бесправии народа, даже на уровне помещичьего класса. Лев Толстой, отвернувшийся от социальных вопросов в сторону вопросов нравственных, испытал на себе произвол властей во время обыска в Ясной Поляне (1862 год). Тургенев от социальных вопросов в своих книгах не уходил, жил ими и получил "грозное предупреждение" сразу по выходе его антикрепостнических "Записок охотника"[18]. Не будучи революционером в духе Чернышевского или своего друга Герцена, Тургенев предпочел относительно спокойную жизнь в чужой стране, без угрозы сделок с совестью (Некрасов), равелина и сибирского острога (Чернышевский), смертной казни, замененной каторгой и солдатчиной (Достоевский).

Роман о Тургеневе. Глава седьмая
"Разрыв с "Современником"

Сакраментальной фразы "Выбирай: я или Добролюбов", процитированной Панаевой, Тургенев не писал. Вот его записка Некрасову:

***"Убедительно тебя прошу,** милый Некрасов, **не печатать этой статьи:** она кроме неприятностей ничего мне наделать не может, она несправедлива и резка - я не буду знать, куда деться, если она напечатается. - Пожалуйста, уважь мою просьбу. - Я зайду к тебе (выделено Тургеневым. - **И.Ч.**).*

Твой И.Т. " (около 19 февраля (2 марта) 1860 г.).

Разрыву Тургенева с "Современником" Панаева посвятила много наполненных ядом страниц. Можно сказать, что это кульминационные сцены ее "романа о Тургеневе"[19], в них в спрессованной форме находят разрешение важные сюжетные нити этого романа, такие как дружба Некрасова и Тургенева, пришедшая к своему финалу, противостояние Тургенева и "семинаристов", закончившееся уходом писателя из журнала, неприязненное отношение к Некрасову "лондонских изгнанников", Герцена и Огарева, переросшее в открытое обвинение в воровстве и мошенничестве. Причем даже в этом последнем обвинении Панаева видит "руку Тургенева". Поистине ненависть ослепляет.

Начнем с "противостояния" Тургенева и "семинаристов". Здесь не все так просто. В 1856 году Тургенев писал о Николае Гавриловиче: "Чернышевский, без всякого сомнения, лучший наш критик и более всех понимает, что именно нужно". Еще любопытнее поздний тургеневский отзыв о Добролюбове, причем о той самой статье, которая и стала "яблоком раздора" между ним и Некрасовым.

В Предисловии к собранию романов в издании 1880 года Тургенев утверждает, что из всей тогдашней (современной роману. - **И.Ч.**) критики "Накануне" "самою выдающейся была, конечно, статья Добролюбова").

Из-за чего же тогда весь сыр-бор?

И все же противостояние было.

"Дети" в лице "молодой редакции" "Современника", а именно Чернышевский и Добролюбов - не слишком жаловали "отцов", видели их смешные и жалкие стороны (см. статью Чернышевского "Русский человек на rendez-vous", посвященную как раз тургеневской "Асе"), имели свой взгляд на будущее России.

В то же время "отцам" претили догматизм и сухость "детей", их самонадеянность, вызывающий антиэстетизм. Реальный Иван Сергеевич вполне мог присоединиться к реплике "панаевского Тургенева" в ответ на сравнение Николая Добролюбова с Белинским: "В последнем был священный огонь понимания художественности, природное чутье ко всему эстетическому, а в Добролюбове всюду сухость и односторонность взгляда!".

Мог, мог сказать. А вот в то, что призывал "употребить все усилия, чтобы избавить (русскую литературу) от этих кутейников-вандалов", как-то не очень верится. С одним из этих "вандалов", Дмитрием Писаревым, переписку затеял - тот писал ему из крепости, другого "вандала", художество не признающего, сделал героем своего романа и проникся к нему едва ли не любовью...

О добролюбовской статье. Она была посвящена роману Тургенева "Накануне" и называлась "Когда же придет настоящий день?"[20]. Панаева справедливо пишет, что корректуру этой статьи цензор Бекетов собственноручно повез Тургеневу. Зачем? Панаева объясняет: "из желания услужить". Сам Бекетов в записке Добролюбову от 19 февраля 1860 года пишет об "опасности" статьи: "Напечатать так, как она вылилась из-под вашего пера ... значит обратить внимание на бесподобного Ивана Сергеевича, да и не поздоровилось бы и другим".

Таким образом, первым SOS прокричал цензор[21], опасаясь за политические последствия этой публикации для Тургенева и журнала. Статья Добролюбова, даже переработанная, даже в своей новой редакции, оставалась пропагандистской; в подтексте она содержала призыв к революцион-

ному деянию. День революции - вот что такое в добролюбовском иносказании "настоящий день". Тургенев воспротивился такому произвольно расширительному толкованию своего романа и, как кажется, - вслед за цензором - испугался "неприятностей", уже однажды им испытанных.

Вовсе не желание "лишить Добролюбова возможности сотрудничать в "Современнике" (версия Панаевой) владело Тургеневым. В сущности этот эпизод был "последней каплей" в его дружеских отношениях с Некрасовым. Дело исподволь шло к разрыву. Ведь не случайно роман "Накануне" был опубликован не в "Современнике", где обычно печатались вещи Тургенева, а в катковском "Русском вестнике". Давний тургеневский друг Герцен уже напечатал в своем "Колоколе" статью "Very dangerous!!!" (1858), направленную против "Современника" и "свистунов"-демократов[22]. Тот же Герцен уже высказал Тургеневу свое мнение о "нечестности" Некрасова в связи с "огаревским делом". Тургенев, чья убедительная просьба не печатать добролюбовской статьи удовлетворена не была, имел прямую возможность порвать с журналом и с Некрасовым. Что он, при всей своей вошедшей в поговорку мягкости, и сделал[23].

За драматичными сценами ухода Тургенева из "Современника" следует у Панаевой лирическое отступление о привязанности Некрасова к Тургеневу. Причем Тургенев изъясняет свою дружбу к Некрасову примерно так, как Гонерилья и Регана свою беспредельную любовь к отцу, королю Лиру, - лицемерно и со странными преувеличениями: "Мне кажется, если бы ты вдруг сделался ярым крепостником, то и тогда бы наша дружба не могла бы пострадать".

Что ж, дружба была. Тема эта отдельная. Некрасов, будучи на три года младше Тургенева, любил его как старший брат или даже как старая "мамка". Чего стоят такие слова из письма 1857 года: "Будь весел, голубчик. Глажу тебя по седой головке. Без тебя, брат, как-то хуже живется".

В конце своего "романа о Тургеневе" Панаева сообщает, как Тургенев "отплатил" Некрасову за его дружеские чувства, - пустил слух о присвоении Некрасовым денег Огарева. Обвинение облыжное - к сложному и запутанному делу об "огаревском наследстве" Тургенев не имел прямого касательства[24]. Как раз во время его ссоры с Некрасовым, а именно в 1860 году, было вынесено судебное решение взыскать с А.Я. Панаевой и ее однодельца Н.С. Шанширева деньги... "ими ранее с Огарева взысканные и присвоенные".

За спиной Панаевой, как считали многие, в том числе Герцен, стоял Некрасов. Именно он, дабы спасти А.Я. от долговой тюрьмы, выплатил "украденные" деньги Огареву. Так что дело вышло на поверхность и получило огласку вовсе не из-за Тургенева.

Эпилог от автора: о причинах антипатии

Проще всего для ответа на этот вопрос процитировать Чуковского: "... цель у нее благородная: вознести и восславить Некрасова, - который был так тяжко перед ней виноват, - и посрамить и обличить его врагов" [10: 300].

Но вот вопрос: был ли Тургенев врагом для Некрасова?

Даже когда Тургенев рассорился с "Современником" и ушел "хлопнув дверью", Некрасов продолжал надеяться на его возвращение и в журнал, и в свою жизнь. Был он для Некрасова самым близким человеком, с очень схожей судьбой[25]. Известен факт: вдогонку уехавшему не простившись Тургеневу Некрасов написал письмо, где слышно прямо-таки моление: "... желание услышать от тебя слово, писать к тебе у меня наконец дошло до тоски". Если Тургенев предпринял несколько не вполне лояльных по отношению к Некрасову шагов (например, в 1869 году привел в своих воспоминаниях о Белинском отрывки из писем критика с нелицеприятной оценкой Некрасова), то последний до конца дней не сказал о Тургеневе худого слова. И если исходить из мысли, что Панаева "в своих мемуарах бранит того, кого бранил бы Некрасов..." (Чуковский), то Тургенев не подпадает под эту категорию. Некрасов бы его не бранил.

Мне вообще не кажется справедливым утверждение Чуковского, что книга Панаевой "как бы продиктована" Некрасовым, как и то, что была Авдотья Яковлевна "элементарной, обывательски-незамысловатой женщиной", разливательницей чая... Нет и нет. Панаева не домохозяйка, отнюдь; и сама себя она понимала иначе; она спорит с Тургеневым, дружит с Белинским и с Добролюбовым. Чернышевкий посвящает ей собрание сочинений Добролюбова. Она автор многочисленных повестей, напечатанных в лучшем тогдашнем журнале. Нет, у Панаевой совсем не некрасовский, а свой собственный взгляд и на людей, и на вещи, взгляд едкий и острый, о ней вполне можно сказать пушкинскими словами, обращенными к Смирновой-Россет: "И шутки злости самой черной писала прямо набело". Писала - и никто ей был не указ[26].

На дворе стоял 1889 год, Тургенев шесть лет как покоился на Волковом кладбище в соседстве с Белинским - признанный классик, светлая, высоконравственная личность. И тут она со своими мемуарами, словно за что-то мстила, словно чем-то ей лично он досадил. И вот тут приходит в голову мысль: а как сам Тургенев относился к Панаевой? Оставил ли он какие-нибудь отзывы о ней?

Оказывается, оставил.

В 1857 году в письме к Марии Николаевне Толстой из Парижа написал он об Авдотье Яковлевне такое... Даже и не подумаешь, что Тургенев способен так написать о женщине:

"Я Некрасова проводил до Берлина; он должен быть теперь в Петербурге. Он уехал с госпожою Панаевой, к которой он до сих пор привязан и которая мучит его самым отличным манером. Это грубое, неумное, злое, капризное, лишенное всякой женственности, но не без дюжего кокетства существо... владеет им как своим крепостным человеком. И хоть бы он был ослеплен на ее счет! И то - нет" [4: П., III, 127-129].

Призадумаешься. Откуда такой эмоциональный, словно со дна души, выплеск? Ну, положим, сочувствует Некрасову, близкому другу: видит, что явно не та с ним рядом, а делать нечего - привязан, да еще как - как крепостной человек. Но сказать о красавице Панаевой "это грубое, неумное, злое, капризное, лишенное всякой женственности... существо", да добавить к тому "не без дюжего кокетства" - значит полностью эту женщину смешать с грязью. Здесь что-то не так. Юпитер, ты сердишься...

Такие слова, сказанные о женщине, к тому же в письме к другой женщине, - в этом есть какая-то чрезмерность. Словно бедной Панаевой досталось не только за себя и не только за Некрасова... Вчитываясь в эти злые характеристики, видишь, что ими в полной мере в устах "доброхотов" Тургенева могла быть "описана"... Полина Виардо. Кстати сказать, отношения между нею и Тургеневым были, по мнению этих доброхотов, точно такие же - крепостнические и мучительные. И сам Тургенев в отдельные моменты это осознавал, точно так же как Некрасов[27].

Может, все это и есть "любовный плен"? "любовное ослепление"? или по-русски "присуха" - то, что Тургенев с такой яростной надрывной правдой описывает в "Вешних водах"?[28] Но этой теме хочу посвятить специальную статью. Здесь же отметим взаимную неприязнь наших героев друг к другу. На страницах книги Панаевой эта неприязнь порой выливается в открытые столкновения - ее недружественные споры с Тургеневым, где она, как правило, отстаивает демократические позиции, а Тургенев выступает от лица "эстетов", "бар", людей слова, а не дела.

При всем осторожном отношении к ее "сочинительству", допускаю, что это отражение их реальных споров. Вполне возможно, в неприязни Панаевой к Тургеневу таились "классовые" инстинкты: она вышла из актерской среды, и симпатии ее к незаносчивым демократам-"семинаристам" очевидны.

Но, кроме этого, за взаимной антипатией этих двух людей с обеих сторон ощущается какой-то сложный психологический клубок прямых и опосредованных отношений. А ведь знакомство их начиналось с взаимного интереса, может быть, даже с увлечения... Однако последующее сделало их врагами. Что было тому причиной? К сожалению, у нас нет материалов для точного и однозначного ответа на этот вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. "Воспоминания" А.Я. Панаевой излагаются и цитируются в настоящей статье по изданию: Панаева Авдотья. Воспоминания. - М, 2002 [3].

2. Роман "Что делать?" Чернышевского, опубликованный в "Современнимке" в 1863-м году, был к тому времени Панаевой давно прочитан и усвоен. Семейные коллизии этого романа очень напоминали ее собственные. Благодаря замужеству, ей удалось спастись от деспотичной матери. Как и Вера Павловна, она ушла от мужа к его другу при сохранении добрых отношений между всеми тремя. Разница была в том, что в случае Панаевой ни тот, ни другой не были "новыми людьми". Странно, что в литературе не поднимался вопрос об Авдотье Панаевой как о возможном прототипе героини Чернышевского.

3. Из письма Некрасова Тургеневу 12 сент. 1848: "Если интересно также, то узнайте, что я пустился в легкую беллетристику и произвел, вместе с одним сотрудником,- роман в 8-мь частей и 60 печатных листов, который и печатается уже с X книжки" [2: I, 378].

4. Тургенев у Панаевой говорит о "семинаристах": "Меня страшит, что они внесут в литературу ту же мертвечину, какая сидит в них самих".

5. Мемориал - перечень важнейших событий и лиц каждого года начиная с 1830-го и кончая 1852-м.

6. Такая "тяжелая" словесная артиллерия, если верить Панаевой, использовалась Белинским, дабы пристыдить Тургенева, берущего в долг у Некрасова (до смерти матери в 1850-м году Тургенев был "бедный" и часто занимал у Некрасова деньги).

7. См. письмо к Пьеру Тургеневу, сыну декабриста, в [1: 24].

8. Этот случай описан в мемуарах Панаевой.

9. Гончаров за роман "Обыкновенная история" запросил у "Отечественных записок" 10 тысяч, Некрасов пишет (в 1858 г.) что, если Тургенев отдаст в "Современник" свою новую повесть, он может назначить за нее какую хочет цену.

10. "Записки охотника" не были пропущены цензурой, в результате право на их издание осталось за Тургеневым, последний направил полученные от издания деньги на нужды подрастающей дочери Белинского.

11. Вообще Тургенев был в Америке достаточно популярен. Энциклопедия российско-американских отношений сообщает, что в 1856 году в "Новом Американском обозрении" появились отрывки из "Записок охотника", в 1867 в Нью-Йорке были изданы "Отцы и дети" в переводе Юджина Скайлера, а в 1867-85 гг. нью-йоркским же издательством Г.Гольта было выпущено 8-томное собрание сочинений Тургенева. Любопытно, что в 1874 году "в счет барыша" Гольт прислал Тургеневу чек на 1000 франков, о чем Тургенев пишет в письме к Анненкову: "Эта истинно американская грандиозность меня тронула: сознаюсь откровенно, что в течение моей литературной карьеры я не многим был столь польщен. Мне и прежде сказывали, что я, если смею так выразиться, пользовался в Америке некоторою популярностью, но это доказательство воочию меня-таки порадовало". К списку можно добавить американских переводчиков Тургенева Йалмара Бойсена и Томаса Перри, а также Генри Джеймса, популяризатора и друга русского писателя [см. 6; 8].

12. Панаевой "аукнулось" ее предположение. В своем недавно опубликованном романе "Неверная" Игорь Ефимов, исходя из девичьей фамилии Авдотьи Яковлевны - Брянская (фамилия произошла от топонима), делает вывод об ее еврейском происхождении. Между тем, настоящая фамилия ее отца - Григорьев, а Брянский - его сценический псевдоним.

13. В 1852 году за статью "на смерть Гоголя", отвергнутую петербургской цензурой, но опубликованную в Москве, Тургенев, по повелению Николая I, был на месяц заключен в тюрьму, а затем сослан в родовое имение Спасское под надзор тайной полиции.

14. "Ее мемуары считаются сплетническими; еще бы! Каких же других ожидать от нее мемуаров!" [11: 442].

15. "Без Вас мы здесь лишены центра, сидим каждый по клеткам, как экземпляры редких животных в Парижском саду...", - пишет Анненков Тургеневу в октябре 1857 года [5: I, 521].

16. Панаева словно не замечает взаимоисключающего противоречия между завистью и восхищением чужим дарованием.

17. (Фет) "мою вещь очень хвалит, но, кроме тебя, я никому не поверю" (из письма Некрасова Тургеневу 25 ноября (7 дек.) 1856, из Рима [2: I, 453]).

18. Тургенев не сомневался, что его высылка в Спасское была ответом властей не столько на появившуюся в печати статью об умершем Гоголе, сколько на вышедшие отдельной книжкой "Записки охотника" (1852 г.).

19. О самом событии Панаева пишет, что оно произвело такое же смятение в литературном мире, "как если бы случилось землетрясение".

20. Статья появилась в журнале "Современник", 1860, № 3 без имени автора и под названием "Новая повесть г. Тургенева".

21. Панаева не может удержаться, чтобы опять не задеть Тургенева, он, якобы, в глаза восхищался смелостью цензора Бекетова, а за спиной потешался над ним.

22. Тургенев шел к разрыву медленно, еще в 1857 году он писал Герцену, грозившемуся напечатать антинекрасовское письмо в "Колоколе": "Хотя Некрасов тебе вовсе не СВОЙ - но все-таки согласись, что это значило бы "бить по своим" [5: I, 189].

23. В январе 1861 года Некрасов еще надеется на возвращение Тургенева, пишет Добролюбову: "Вы его, однако, не задевайте, он ни в чем не выдерживает долго - и придет еще к нам..." [2: I, 360].

24. Наиболее осведомленный в этом вопросе Яков Черняк говорит о "лживых страницах" "Воспоминаний" Панаевой, где она рассказывает об "Огаревсеом деле..." [9: 169].

25. Моя следующая статья как раз и будет посвящена этой теме.

26. Не пощадила и Александра Дюма: на страницах ее книги он предстает в виде ненасытного обжоры.

27. Что неосознанно могло стать импульсом для тургеневской неприязни к Панаевой.

28. "Я еду туда, где будешь ты,- и буду с тобой; пока ты меня не прогонишь,- отвечал он с отчаянием и припал к рукам своей властительницы. Она высвободила их, положила их ему на голову и всеми десятью пальцами схватила его за волосы. Она медленно перебирала и крутила эти безответные волосы, сама вся выпрямилась, на губах змеилось торжество - а глаза, широкие и светлые до белизны, выражали одну безжалостную тупость и сытость победы. У ястреба, который когтит пойманную птицу, такие бывают глаза" [4: С., XI, 148].

Irina Chajkovskaya

Ivan Turgenev as "antihero" of the memoirs by Avdotya Panaeva (beyond the pages of Panaeva "Recollections"(Vospominaniya")

In the given article the "construction" of the Turgenev's image in the book by Avdotya Panaeva "Recollections"(Vospominaniya") is considered. The author of the work shows that the great writer plays an important part in the memoirs by Panaeva, analyzes preconceived relation of the writer to Turgenev and reveals its reasons.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Генералова Н.П. И.С. Тургенев: Россия и Европа. - СПб., 2003.
2. Некрасов Н.А. Переписка: В 2-х томах. - М., 1987.
3. Панаева Авдотья. Воспоминания. М., 2002.
4. Тургенев И.С. Полн собр. соч. в 28 томах. М.-Л. "Наука", 1968. том 15.
5. Тургенев И.С. Переписка: В 2-х томах. - М., 1986.
6. Чайковская И. Генри Джеймс и русские (Генри Джеймс и русская община в Париже во главе с И. Тургеневым в конце 1870-х, начале 1880-х г.г.). Seagull, №№ 3-4, февраль 2005.
7. Чайковская И. Карнавал в Италии. - Балтимор, 2007.
8. Чайковская И. Мастер, ученик мастера (о Генри Джеймсе и Тургеневе). Вестник Европы, № 15, 2005.
9. Черняк Я.З. Спор об огаревских деньгах. М., 2004.
10. Чуковский К. Некрасов и Авдотья Панаева // Собр. соч. В 15 т. Т. 8. - М., 2004.
11. Чуковский К.И. Панаева // Панаева Авдотья. Воспоминания. - М.,2002.
12. James Henry. Ivan Turgenev. Library of the world's best Literature edited by Charles Dudley Warren. - New York, Internetional Society, 1897, 1903.
13. Yarmolinsky Avrahm. Turgenev. The man, his art and his age. - Ney York, 1927, 1959.

ПРАВО

Н.А. Биекенов, *кандидат юридических наук, доцент, докторант Академии управлении МВД России, подполковник полиции.*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ МВД РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Важнейшим компонентом стратегии обеспечения национальной безопасности является общность интересов граждан и государства. Опыт, накопленный полицией МВД Республики Казахстан, равно как и опыт работы полиции в других странах, убедительно подтверждает вывод о том, что установить эффективный контроль над преступностью можно лишь в случае, если действия правоохранительных органов активно поддерживаются населением. При этом криминологией давно уже установлена закономерность, что практические мероприятия по претворению в жизнь задачи предупреждения правонарушения возможны только при учете уровня развития общества.

Именно указанный элемент государственной системы профилактики правонарушений как показывает наша действительность, оказывается самым уязвленным и несовершенным.

Понимание того, что полиция не добьется ощутимых результатов в борьбе с преступностью, используя только традиционные методы работы, привело к поиску новых путей предотвращения преступности. Особое внимание обращалось на такие концептуальные требования к современной работе полиции, как тесное ее сотрудничество с общественностью и применение новой тактики, направленной на работу с причинами преступности при сотрудничестве с общественностью и другими заинтересованными ведомствами, организациями и учреждениями.

Организационно-правовая основа привлечения общественности и ее пассивное участие в деле профилактики базируется на программно-целевом планировании. На основе Концепции правовой политики Республики Казахстан приняты Программа профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на 2002 - 2004 годы, после на 2005-2007 годы которая пролонгирована на 2008 год и разрабатывается программа на 2009-2011 годы [2].

В рассматриваемом аспекте следует отметить, что в настоящее время разрабатывается проект Закона Республики Казахстан "О профилактике правонарушений". Документом предусматривается закрепить основы правового регулирования профилактики правонарушений. Координирующая роль в этом направлении возлагается на Правительство страны и местные исполнительные органы. Предусматривается механизм государственной поддержки некоммерческих организаций, деятельность которых связана с профилактикой правонарушений. Предполагается, что законопроект позволит выстроить многоуровневую эффективную систему профилактики правонарушений с участием всех государственных органов, субъектов гражданского общества и бизнес структур, направленную на выявление и устранение причин и условий, способствующих их совер-

© Н.А. Биекенов, 2008

шению. Проект закона планируется внести в Парламент страны в ноябре текущего года [5].

Основные направления вовлечения населения в профилактическую деятельность полиции производны от динамики и структуры казахстанской преступности, в которой наблюдаются следующие тенденции. За 2007 год, согласно официальным статистическим данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, зарегистрировано 128064 преступления. Уровень преступности на десять тысяч населения составил 83 преступления.

В отношении женщин было совершено 35034 преступлений, а в отношении несовершеннолетних 6274 преступлений. Из общего числа зарегистрированных доля тяжких и особо тяжких преступлений составляет 22,7%. При этом практически каждое четвертое убийство совершено в семейно-бытовой сфере.

Остается стабильным количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения и наркотического возбуждения, а также совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, совершенных несовершеннолетними, и совершенных в группе. Обращает на себя внимание тот факт, что из общего числа выявленных лиц, совершивших преступления, 73,3% составляют безработные.

В общественных местах совершается каждое седьмое преступление, а на улицах, площадях, в парках, скверах - каждое десятое [6].

Соответственно это и находит свое выражение в основных направлениях профилактической работы полиции МВД Казахстана.

Одним из правовых форм этой деятельности является действующий Закон Республики Казахстан "Об участии граждан в охране общественного порядка", которым регламентированы основные положения, порядок и условия охраны общественного порядка органами внутренними дел с гражданами. На сегодняшний день в стране насчитывается 3,5 тыс. общественных формирований правоохранительной направленности общей численностью свыше 30 тыс. человек [4].

Хорошо зарекомендовал себя институт общественных помощников в правоохранительной сфере - "консьержи" численностью более 3-х тыс. человек осуществляют охрану территорий многоэтажных домов и их подъездов. В целом по республике, в прошлом году с участием общественных формирований раскрыто более 2 тыс. преступлений, задержано более 30 тыс. правонарушителей [3].

Конечно, они вносят значительный вклад в охрану общественного порядка, однако на местах есть проблемы с их финансированием.

Анализ действующего законодательства показал, что основными недостатками законодательного регулирования общественных отношений, возникающих в связи с добровольным участием граждан Казахстана в обеспечении общественного порядка, являются:

· во-первых, отсутствие указания о контрольных функциях сотрудников полиции в отношении граждан, обеспечивающих общественный порядок. Предоставление данным гражданам прав в сфере обеспечения общественного порядка не исключает возможности совершения ими противоправных действий в отношении законопослушных граждан. В то же время закрепление практических навыков по применению норм указанного Закона позволит в дальнейшем решить вопрос о самостоятельности действий (отсутствие контроля со стороны полиции) граждан, участвующих в обеспечении общественного порядка. При этом необходимо будет учитывать о заинтересованности криминальных кругов в проникновении в ряды данных граждан своих представителей;

· во-вторых, недостаточно регламентирован порядок регистрации граждан, участвующих в обеспечении общественного порядка, не предусматривается оценка морально-психологических и деловых качеств кандидата, а также других критериев (данные об образовании, характеристика с места работы, учебы и места жительства и т.д.), предоставляющих о данном лице полную и объективную информацию;

· в-третьих, отсутствие указания (кроме правовой подготовки) на обязательность прохождения гражданами, обеспечивающими общественный порядок, физической и психологической подготовки на базе участковых пунктов полиции;

· в-четвертых, отсутствие конкретных форм взаимодействия между ОВД и гражданами, обеспечивающими общественный порядок. Последний недостаток выступает главным фактором, препятствующим эффективной реализации норм этого Закона.

С принятием Закона Республики Казахстан "О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности" удалось немного снизить подростковую преступность с 6,9 тыс. в 2003 году до 5,7 тыс. в 2006 году.

Одним из интересных новшеств позволившего сконцентрировать усилие общественности является введение института школьных инспекторов, путем реорганизации инспекции по делам несовершеннолетних, которыми укомплектованы школы Астаны и Алматы, Мангистауской, Павлодарской областей. При этом руководство МВД считает необходимым ввести их в каждой городской и крупной сельской школе.

Основная их задача - предупреждение преступлений среди подростков и препятствование вовлечению несовершеннолетних в криминал. Особое внимание уделяется подросткам, страдающим наркозависимостью. Главным критерием их деятельности является создание системы ком-

плексной безопасности в школах [1].

Еще одним новым направлением работы является совместная работа полицейских с 24 кризисными центрами деятельность которых связана с защитой женщин от насилия. Так совместно с кризисным центром "Подруги", Комитетом административной полиции МВД и Академией МВД в режиме эксперимента была апробирована правоприменительная практика по реализации Закона Украины "О предупреждении насилия в семье". Отдельные результаты которого, были использованы при подготовке проекта Закона Республики Казахстан "О противодействии бытовому насилию" [3].

Кроме того, для укрепления единства, взаимных связей и доверительных отношений между полицией и населением повсеместно традиционно проводятся Дни открытых дверей, встречи с коллективами, выступления на собраниях и сходах жителей микрорайонов и поселков, организована работа общественных приемных и телефонов доверия. Все это, несомненно, отвечает интересам консолидации общества в вопросе предупреждения преступности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Интернет-конференция Шпекбаева А.Ж. //www.mvd.kz.

2. Информационно-справочная правовая система "Законодательство" по состоянию на 1 января 2008 г

3. Информация Комитета административной полиции МВД //www.mvd.kz.

4. Сайт МВД РК www.mvd.kz. Рубрика Гражданский форум.

5. Шпекбаев А.Ж. Действовать на упреждение // Казахстанская правда. 2008. 18 марта.

6. Экспресс-информация Комитета Генеральной прокуратуры РК о состоянии преступности в Республике Казахстан за 2007 год //www.procuror.kz.

В.В. Конин, *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета.*

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются отдельные аспекты организации защиты в суде с участием присяжных заседателей на разных стадиях судебного разбирательства. Обозначены некоторые проблемы рассмотрения дел в суде с участием присяжных заседателей, связанные с процедурой опроса кандидатов в присяжные о наличии обстоятельств, препятствующих их участию в рассмотрении уголовного дела, с заявлением мотивированных и немотивированных отводов присяжным заседателям и др.

Процессуальный порядок судебного разбирательства с участием присяжных заседателей имеет свои особенности. В первую очередь, особенность рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, состоит в том, что вопрос о виновности или невиновности подсудимого выносят не судьи - профессионалы, а такие же граждане как сам подсудимый. Решения принимаются не на основании норм закона, а на основании представления присяжных о справедливости, их житейского опыта и здравого смысла"[4].

Структура судебного разбирательства в суде присяжных включает подготовительную часть, судебное следствие, прения сторон, последнее слово подсудимого, постановку вопросов присяжным заседателям, напутственное слово председательствующего, совещание присяжных, вынесение и провозглашение ими вердикта, обсуждение последствий вердикта, постановление и провозглашение приговора. Рассмотрим вопросы реализации функций защиты на наиболее специфичных частях судебного заседания.

На подготовительном этапе судебного разбирательства, председательствующий, после установления личности подсудимого и своевременности вручения ему копии обвинительного заключения, разъясняя права сторонам, помимо прав, предусмотренных соответствующими статьями части первой УПК РФ, должен разъяснить им:

1) право заявить мотивированный отвод присяжному заседателю;

2) право подсудимого или его защитника, государственного обвинителя на немотивированный отвод присяжного заседателя, который может быть заявлен каждым из участников дважды;

3) иные права, предусмотренные настоящей главой, а также юридические последствия неиспользования таких прав.

Далее председательствующий выслушивает заявленные отводы и ходатайства и разрешает их в установленном законом порядке.

Списки явившихся кандидатов в присяжные заседатели без указания их домашнего адреса вручаются сторонам. На практике в таких списках указывается род занятий (профессия) кандидата в присяжные заседатели и район его проживания"[15:478]. Это во многом облегчает защитнику предварительную выборку кандидатов в присяжные заседатели.

Второй этап подготовительной части судебного заседания в суде присяжных начинается с приглашения в зал судебного заседания явившихся кандидатов в присяжные заседатели. Этот этап происходит в форме закрытого судебного заседания, поэтому публика удаляется из зала судебного заседания. Председательствующий произно-

© В.В. Конин, 2008

сит перед кандидатами краткое вступительное слово, в котором он представляется им, представляет стороны, сообщает, какое уголовное дело подлежит рассмотрению, какова предполагаемая продолжительность судебного разбирательства, какие задачи стоят перед присяжными заседателями и, в связи с этим, о предусмотренных УПК условиях их участия в рассмотрении уголовного дела (ч. 7 ст. 328 УПК РФ).

Далее начинается процедура отбора коллегии присяжных заседателей. Она сопряжена с определенными процессуальными и тактическими сложностями. По мнению О.А. Глобенко, в настоящее время коррекции требуют не только нормативные критерии отбора присяжных, но и сам механизм"[3:25]. Так, он приводит пример, когда из числа приглашенных для отбора кандидатов в присяжные обнаружился оперативный работник, несколько лиц весьма почтенного возраста, для которых не только исполнение функций присяжных, но и передвижение затруднительно, один из кандидатов в присяжные имел сына с неснятой и непогашенной судимостью, что вряд ли способствовало бы объективному участию, о чем сам кандидат в присяжные и заявил, это далеко не закрытый перечень таких "технических" погрешностей, не желательных для системы правосудия"[3:25].

Однако, несмотря на указанные трудности, в настоящее время суды присяжных действуют достаточно эффективно, во многом благодаря процедуре отбора присяжных. Прежде всего, стороне защиты необходимо собрать сведения о наличии или отсутствии оснований для отвода кандидатов в присяжные. Поэтому кандидатам в присяжные заседатели разъясняется их обязанность правдиво ответить на задаваемые им вопросы, а также представить иную необходимую информацию о себе и об отношениях с лицами, участвующими в уголовном деле.

После этого начинается опрос кандидатов в присяжные о наличии обстоятельств, препятствующих их участию в рассмотрении уголовного дела. Данная процедура также вызывает критические замечания, например, опрос кандидатов в присяжные вряд ли гарантирует выявление лиц, с психическими недостатками, препятствующими участию в деле или страдающими наркотической или иной химической зависимостью, но не состоящих на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере"[3:25].

Кандидаты в присяжные вправе указать на причины, препятствующие им исполнить обязанности присяжного заседателя, а также заявить самоотвод (например, невозможность участвовать в судебном заседании по болезни, ввиду предвзятого отношения к подсудимому). В случае заявления о наличии таких причин (либо самоотвода) председательствующий выслушивает мнения сторон и принимает решение об освобождении лица от участия в уголовном деле либо об отклонении его заявления.

Сторона защиты, получив информацию о кандидатах в присяжные из их ответов, вправе заявить им мотивированные отводы. При этом защитнику предоставляется право непосредственно, а не через председательствующего задать вопросы кандидатам в присяжные по поводу обстоятельств, препятствующих их участию в рассмотрении уголовного дела.

За этим следует процедура отбора присяжных - обсуждение каждого кандидата в присяжные заседатели: председательствующий опрашивает стороны по поводу возможности участия каждого из кандидатов в присяжные в рассмотрении уголовного дела и наличия оснований для его отвода. Особенностью этого обсуждения является то, что стороны свои ходатайства об отводе кандидатов в присяжные подают судье в письменной форме, не оглашая их. Судья разрешает такие ходатайства без удаления в совещательную комнату и доводит свое решение только до сведения сторон (он может довести свое решение и до кандидатов в присяжные заседатели). Эти отступления от устности судебного разбирательства обусловлены необходимостью обеспечения объективности и беспристрастности коллегии присяжных, которые могут быть нарушены при публичном исследовании оснований для отвода кандидатов в присяжные"[15:480].

По завершении этой процедуры председательствующий производит подсчет оставшихся кандидатов в присяжные заседатели. Если их число менее 18, то процедура отбора прерывается для вызова дополнительных кандидатов в присяжные заседатели. Если же их число составляет 18 или более человек, стороны могут заявить немотивированные отводы кандидатов в присяжные.

Подсудимый или его защитник обладают правом на немотивированный (т.е. без указания оснований, мотивов) отвод кандидатов в присяжные. При этом каждая они вправе немотивированно отвести не более двух кандидатов в присяжные заседатели (если позволяет число кандидатов в присяжные, председательствующий вправе предоставить сторонам право на равное число дополнительных немотивированных отводов). Немотивированный отвод подсудимыми, если их несколько, осуществляется по их взаимному согласию - путем разделения поровну между собой отводимых кандидатов в присяжные. Немотивированный отвод может быть продиктован различными соображениями. Например, подсудимый считает, что для него предпочтительнее, чтобы в составе присяжных было больше мужчин, чем женщин, или людей среднего возраста и т.п., мотивы отвода не сообщаются.

Представляется не вполне отвечающим как принципу состязательности, так и реализации функции защиты в полной мере ограничения, свя-

занные с числом участников, имеющих право на заявление немотивированных отводов. Сторону защиты представляет не только подсудимый и защитник, но также гражданский ответчик со своим представителем. Кроме того, подсудимых и может быть несколько и их интересы могут вступать в противоречие. Поэтому, как представляется, эти лица и должны иметь право на немотивированный отвод присяжных заседателей. Конечно, следует согласиться с тем, что предоставление такого права всем названным лицам сделает процесс излишне громоздким"[4].

Немотивированные отводы присяжных заседателей в отличие от мотивированных первым заявляет государственный обвинитель"[14. С.489]. Это немаловажный процедурный момент в выборе присяжных заседателей, связанный с реализацией функции защиты, так как именно защитник и подсудимый получают преимущество в опросе присяжных и за ними же остается последнее слово в заявлении безмотивного отвода.

Безмотивный отвод осуществляется путем вычеркивания из списка присяжных заседателей фамилий отводимых, после чего эти списки передаются председательствующему без их оглашения.

Кроме того, в этот момент сторона защиты может заявить отвод всему составу заседателей по мотивам неспособности вынести объективный вердикт, иначе - ввиду тенденциозности состава присяжных (ст. 330 УПК РФ). Такое заявление после выслушивания мнений сторон председательствующий разрешает в совещательной комнате. Если заявление признано обоснованным - коллегия присяжных распускается (например, в составе присяжных оказалось больше женщин старшего возраста при рассмотрении дела об убийстве дочерью своей матери), в ином случае заседание продолжается.

Процесс формирования коллегии присяжных завершается разъяснением присяжным заседателям их прав и обязанностей (ст. 333 УПК РФ).

Судебное следствие в суде присяжных производится по общим правилам с учетом особенностей, предусмотренных ст. 335 УПК РФ, обусловленных особенными свойствами суда присяжных.

Судебное следствие в суде с участием присяжных заседателей начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника. Государственный обвинитель излагает существо предъявленного обвинения и предлагает порядок исследования представленных доказательств. Защитник высказывает согласованную с подсудимым позицию по предъявленному обвинению и мнение о порядке исследования представленных им доказательств (ч.ч.1,2,3 ст. 335 УПК РФ). Считаем возможным согласиться с мнением Н.Г. Кемпф, полагающей, что данная процедура нуждается в уточнении: порядок вступительных заявлений защитника и государственного обвинителя следует дополнить указанием на недопустимость раскрытия содержания конкретных доказательств и ссылок на конкретные доказательств в обоснованием сторонами позиции по делу; вопрос о виновности подсудимого должен задаваться сразу же после вступительного заявления обвинителя; вступительное заявление защиты должно следовать именно после этого вопроса (а не сразу за заявлением обвинителя), причем у подсудимого должно быть право сделать такое заявление самому, либо передать это право своему защитнику"[7:9].

Следующим этапом стадии является собственно исследование доказательств. При этом следует напомнить, что рассмотрение уголовного дела в судебном заседании осуществляется в конкретных условиях времени, мета, взаимосвязях с другими участниками процесса. Данная система взаимодействия образует конкретную в каждом случае обстановку, в которой действует защитник вместе с подзащитным, а также другие участники процесса - суд, государственный обвинитель, потерпевший и т.д. В этой конкретной обстановке протекает конкретный акт судебного разбирательства, что обуславливает ситуационный характер действий защитника в судебном разбирательстве. В целом для судебного следствия не характерны элементы внезапности, неожиданности, поэтому там неприемлемы тактические приемы, основанные на маневрировании информацией и т.п. В отличие от серьезно ограниченной гласности предварительного следствия судебное разбирательство проходит публично, открыто. Доказательства судом и присяжными заседателями исследуются непосредственно.

Исходя из перечня обстоятельств, устанавливаемых в ходе судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, защитник должен определиться с тем, добивается ли он оправдательного вердикта присяжных заседателей или признания присяжными подсудимого заслуживающим снисхождения. Определившись со стратегической целью, защитнику необходимо правильно определить свою тактику в судебном следствии, дать объективную оценку доказательствам стороны обвинения, а также доказательствам, которые были собраны им самим. По нашему мнению, особое внимание защитнику следует уделить выявлению следственных ошибок, "так как присяжные заседатели крайне негативно относятся ко всем нарушениям, допущенным в ходе предварительного следствия, и не делят их на существенные, несущественные, умышленные либо случайные"[9:164].

На основе подготовительных материалов к судебному разбирательству и качества коллегии присяжных заседателей, а также скорректированной позиции защиты защитник и подсудимый определяются с тактикой защиты, которую они применяют в ходе судебного следствия. При этом,

определяясь с конкретным тактическим приемом, защитнику необходимо смоделировать возможные варианты развития ситуации, для чего нужно:

а) определить цели тактического воздействия;

б) учесть силы и средства каждой стороны, а также информационных ресурсов каждой из сторон;

в) соотнести цели и средства;

г) разработать все возможные способы действий - множество типовых программ, составленных с учетом особенностей дела и степени противодействия со стороны обвиняемого;

д) "проиграть" их на модели, спрогнозировать решения;

е) проанализировать полученные результаты, выбрать тактику с наименьшим риском"[2:278-279].

При этом, как свидетельствует судебная практика судов с участием присяжных заседателей, практически все применяемые защитником тактические приемы неразрывно связаны с риском. Обусловленность тактического риска сложившейся судебной ситуацией выражается в объективной неизбежности проведения тех или иных раскованных действий. При этом, в качестве одного их основных условий тактического риска можно назвать состязательность, которая в полной мере присуща судам с участием присяжных заседателей. В данном случае конечное решение о доказанности или недоказанности виновности подсудимого принимают не судья, который до сих пор нередко склонен к обвинительному уклону, и, как показывает практика, "ряд судей считали, что профессиональный долг обязывал их при принятии решения руководствоваться внутренним убеждением, которое должно не только соответствовать фактическим обстоятельствам дела, но и получить одобрение вышестоящей судебной инстанции, а также не вызывать у общества сомнений в его законности, обоснованности и справедливости" [8:26], а присяжные заседатели, которых на протяжении всего судебного следствия стороны убеждают в правильности своей позиции, подкрепляя эти доводы доказательствами.

Состязательность в споре сторон в суде с участием присяжных заседателей включает в себя такой обязательный признак, как противодействие тактике оппонента, критика представленных противоположной стороной доказательств. Спор со стороной обвинения в суде с участием присяжных заседателей включает следующие составляющие:

- построение мысленной модели возможного развития ситуации судебного следствия и её корректировка путем применения тактических приемов;

- конкуренцию доказательств защиты и обвинения;

- учет ярко выраженного несовпадения интересов сторон, обостренных внешним и внутренним конфликтом между подсудимым и потерпевшим;

- разработку программы прений - обоснование речи с подробным критическим анализом каждого доказательства, представленного стороной обвинения, построением причинно-следственных связей и адекватного вывода, обращенного не к суду, а к присяжным заседателям с целью формирования преимущественного отношения к позиции стороны защиты" [9:166].

Формируя позицию и тактику защиты важно учитывать особенности восприятия и оценки доказательств присяжными заседателями. Практика показывает, что присяжные заседатели оценивают наиболее тяжкие и сложные преступления не с точки зрения логики и уголовно-процессуального закона, а с позиции эмоций и сиюминутных реакций на происходящее" [11:16]. Яркий пример - уголовное дело по обвинению Р. в убийстве, которое рассматривалось в Московском городском суде. В ходе судебного заседания адвокат с помощью фигурки бумажного человечка и стакана воды продемонстрировал присяжным сценку, как следователи якобы "топили" его подзащитного, добиваясь признательных показаний. Присяжные оправдали подсудимого, несмотря на явку с повинной и другие доказательства" [1].

В результате в последнее время уделяется повышенное внимание психологическим аспектам деятельности защитника, психолого-юридическому содержанию его речи и социальному имиджу. Как справедливо отмечает Н. Янова, в судебном заседании правосознание присяжных формируется за счет нескольких обстоятельств: биологических (пол, возраст) и социальных (поведение потерпевшего, адвоката, прокурора) факторов" [16:84]. Кроме того, важнейшим фактором, оказывающим влияние на мнение присяжных заседателей, который необходимо учитывать при осуществлении функции защиты, является совесть.

Совесть определяется как чувство моральной ответственности за свое поведение, нравственные принципы, взгляды, убеждения" [13:767]. Совершение действий и принятие решений, приводящих к несправедливому осуждению человека за преступление, которого он не совершал, большинство людей считает безнравственным. Из этой презумпции и исходит, скорее всего, законодатель, устанавливая, что оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств участники уголовного судопроизводства и, в том числе, присяжные заседатели должны руководствоваться не только законом, но и совестью (ч.1 ст. 17 УПК РФ). Руководствоваться совестью - значит сопоставлять каждое свое действие с нравственными убеждениями и поступать в соответствии с ними. Не случайно, перед пре-

ступлением к исполнению своих обязанностей, присяжные заседатели принимают присягу (ч.1 ст. 332 УПК РФ).

Защитник может склонить присяжных на свою сторону только при условии, что его позиция будет полностью соответствовать нравственным убеждениям присяжных заседателей, входящих в состав коллегии. В противном случае решение, с просьбой о вынесении которого сторона обращается к суду, будет рассматриваться присяжными заседателями как безнравственное или несправедливое" [5:21-22].

Исходя из описанных особенностей судебного следствия при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, складывается специфика подготовки и произнесения защитительной речи. Её основу составляет позиция адвоката-защитника, заключающаяся в его мнении относительно предъявленного обвинения, сформировавшегося в процессе изучения материалов уголовного дела, беседы с подзащитным, изучения специальной литературы и судебной практики, ведения адвокатского производства и раскрытия правовой и фактической версии дела.

Защитительная речь - это публичное высказывание особого стиля, сделанное адвокатом-защитником в судебных прениях уголовного процесса по поводу предъявленного обвинения с целью убедить суд в истинности данной им оценки обстоятельств преступления и собранных по делу доказательств" [12:7].

Подготовка и произнесение защитительной речи в суде с участием присяжных заседателей обусловлена спецификой построения судебного процесса с участием присяжных заседателей, а также характеристикой судебной аудитории.

Крайне важно для защитника умение разделять "вопросы факта", рассматриваемые присяжными и "вопросы права", разрешаемые председательствующим судьей. В связи с этим возникает множество проблемных моментов, так, например - возможность адвоката ссылаться в своей речи перед судом присяжных на характеристику личности подсудимого. Некоторые авторы в своих исследованиях данного вопроса рекомендуют адвокатам-защитникам, уверенным в невиновности клиента, начать выступление именно с характеристики его личности, полагая, что это "может обратить внимание присяжных на моральные качества подсудимого, на то, что перед ними - законопослушный человек" [6:126]. Часть 8 ст. 335 УПК РФ указывает, что данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Представляется, что поскольку к компетенции присяжных относится вопрос о снисхождении, данные о личности в речи адвоката исследоваться должны, с учетом относимости этих данных к "вопросам факта", исследуемым с участием присяжных.

По каждому из деяний, в совершении которых обвиняется подсудимый, ставятся три основных вопроса:

1) доказано ли, что деяние имело место;

2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый;

3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

После основного вопроса о виновности подсудимого могут ставиться частные вопросы о таких обстоятельствах, которые влияют на степень виновности либо изменяют ее характер, влекут за собой освобождение подсудимого от ответственности. В необходимых случаях отдельно ставятся также вопросы о степени осуществления преступного намерения, причинах, в силу которых деяние не было доведено до конца, степени и характере соучастия каждого из подсудимых в совершении преступления. Допустимы вопросы, позволяющие установить виновность подсудимого в совершении менее тяжкого преступления, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

В случае признания подсудимого виновным ставится вопрос о том, заслуживает ли он снисхождения.

Судья с учетом результатов судебного следствия, прений сторон формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, зачитывает их и передает сторонам.

Стороны вправе высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых вопросов. При этом судья не вправе отказать подсудимому или его защитнику в постановке вопросов о наличии по уголовному делу фактических обстоятельств, исключающих ответственность подсудимого за содеянное или влекущих за собой его ответственность за менее тяжкое преступление.

С учетом замечаний и предложений сторон судья в совещательной комнате окончательно формулирует вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, и вносит их в вопросный лист, который подписывается им.

После провозглашения вердикта присяжных заседателей судебное разбирательство продолжается с участием сторон.

При вынесении присяжными заседателями оправдательного вердикта исследуются и обсуждаются лишь вопросы, связанные с разрешением гражданского иска, распределением судебных издержек, вещественными доказательствами.

В случае вынесения обвинительного вердикта

производится исследование обстоятельств, связанных с квалификацией содеянного подсудимым, назначением ему наказания, разрешением гражданского иска и другими вопросами, разрешаемыми судом при постановлении обвинительного приговора. По окончании исследования указанных обстоятельств проводятся прения сторон, во время которых последними выступают защитник и подсудимый.

Стороны могут затрагивать в своих выступлениях любые вопросы права, подлежащие разрешению при постановлении судом обвинительного приговора. При этом сторонам запрещается ставить под сомнение правильность вердикта, вынесенного присяжными заседателями.

По окончании прений сторон в случае вынесения обвинительного вердикта подсудимому предоставляется последнее слово, после чего судья удаляется для вынесения решения по уголовному делу.

Таким образом, функция защиты реализуется в судебном разбирательстве с участием присяжных на всех его этапах. От качественной, системно построенной и психологически верной позиции и тактики защиты во многом зависит вердикт присяжных заседателей и окончательное решение по делу. При этом считаем необходимым отметить, что к особенностям функции защиты относится возможность её осуществления в отличие от обвинения пассивным способом и - выполнения действий в интересах защиты государственным обвинителем и судом" [10:14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Витковский А. Коллегия присяжных: пока больше вопросов. - Парламентская газета. 2004. 15 апреля.

2. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. Дис... д-ра юрид. наук. - М., 1997.

3.Глобенко О.А. Заметки присяжного // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1.

4.Даровских С.М. Некоторые вопросы реализации принципа состязательности в суде с участием присяжных заседателей // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа, 2003.

5. Дикарев И. Значение совести при оценке доказательств присяжными заседателями // Законность. № 11. 2007. С. 21-22.

6. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). - М., 2003.

7. Кемпф Н.Г. Проблемные вопросы исследования фактических обстоятельств дела в суде с участием присяжных заседателей. Автореф. дис. ... к.ю.н. - Барнаул, 2006.

8. Колоколов Н. Смертная казнь глазами судьи // Российская юстиция. 1998. № 7.

9.Конин В.В. Использование метода ситуационного подхода защитником в суде с участием присяжных заседателей // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Ч. 3. - Томск, 2006.

10. Кузнецова О.Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции. Автореф. Дис... к.ю.н. - Калининград. 2004.

11. Никонов В. Наглядность в работе государственного обвинителя // Законность. 2007. № 10.

12. Потапова Л.А. Защитительная речь адвоката в отечественном уголовном процессе. Автореф. дис. ... к.ю.н. - Нижний Новгород, 2006.

13. Современный толковый словарь русского языка. - М., 2004.

14. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: Научно-практическое пособие. - М., 2006.

15. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебник. - М. 2005.

16. Янова Н.Г. Суд присяжных и государственный обвинитель // Социологическое исследования. 1998. № 5.

Л.Н. Костина, *кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России.*

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА (ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА) ПО ДЕЛАМ О ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена некоторым актуальным проблемам организации деятельности психолога по делам о групповых преступлениях несовершеннолетних. Раскрывается специфика участия психолога в качестве консультанта, и в качестве специалиста, анализируются результаты анкетирования руководителей и психологов подразделений психологического обеспечения органов внутренних дел. Показаны возможности эксперта-психолога и специалиста-психолога, основные направления их деятельности в расследовании дел о групповых преступлениях.

Одной из важных организационных задач по делам о преступлениях несовершеннолетних заключается в обеспечении участия психолога или педагога. Во-первых, это обусловлено предъявляемыми в настоящее время требованиями к повышению эффективности раскрытия, расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Во-вторых, эти требования сопровождаются усилением охраны прав и интересов несовершеннолетних в процессе привлечения их к уголовной ответственности и тенденцией гуманизации процесса предварительного расследования этой категории дел. В-третьих, несмотря на то, что психологические знания, техники и технологии выполняют вспомогательную и обслуживающую функцию в решении оперативно-розыскных и следственных задач, в ряде случаев помощь психологов является главным фактором, определяющим успех в раскрытии преступлений [6]. В-четвертых, развитие прикладных научных исследований в различных отраслях психологии расширяет возможности использования следователем и сотрудниками органов дознания психологических знаний в практике расследования групповых преступлений несовершеннолетних. В-пятых, расширенное использование психологических техник и технологий в производстве дел несовершеннолетних актуализировалось в связи с введением в действие Уголовного кодекса РФ (1996 г.) и Уголовно-процессуального кодекса РФ (2001 г.).

Как справедливо замечает профессор В.Л. Васильев, "чем выше профессиональная компетентность следователя, оперативных сотрудников (и инспекторов ПДН - Л.К.), тем эффективнее их сотрудничество с психологом" [1]. Полагаем, что существует и обратная связь: следователь или сотрудник, имея представления о возможностях психолога, и о том, как осуществлять сотрудничество с ним, будет совершенствовать свой профессионализм, оттачивать мастерство практического применения психологических знаний, навыков и умений, психотехнологий за счет совместной работы со специалистом. От такого сотрудничества выигрывают обе стороны - и сотрудник, и специалист, а в результате совместной деятельности повышается эффективность расследования групповых преступлений несовершеннолетних.

Применять специальные психологические знания, техники и технологии позволительно определенному кругу лиц, имеющих соответствующее образование, обладающих высоким уровнем компетентности, профессионализма, способных проводить психологическую и судебно-психологическую экспертизу, давать психологические консультации, участвовать в процессе расследования преступлений несовершеннолетних в качестве специалиста и пр. Высокие требования предъявляются к профессиональной подготов-

© Л.Н. Костина, 2008

ленности эксперта и специалиста, сочетающей психологическую и юридическую составляющие этой подготовки. Эти психологи должны обладать не только знаниями и владеть психологическими техниками и технологиями в области общей, возрастной, социальной, юридической психологии (в зависимости от проблем, которые предстоит решать в совместной деятельности со следователем и сотрудником), но и знать специфические условия предварительного следствия, а также опыт работы с несовершеннолетними-правонарушителями. Знания психологов "... носят двойственный характер: являются научными и эмпирическими, теоретическими и практическими одновременно" [5]. Важно при этом отметить, что кроме психологической помощи, оказываемой следователю, сотрудникам органов дознания, деятельность психолога способствует охране законных интересов и обеспечению прав несовершеннолетних участников процесса. Эта особая роль требует от эксперта и специалиста не только высокой квалификации, но и проявления гражданской сознательности и нравственности.

Проведение судебно-психологической и комплексной экспертиз является основным подвидом деятельности юридического психолога. Уголовно-процессуальным законодательством определяется общий порядок проведения судебно-психологической экспертизы на предварительном следствии, детально регламентируется заключение эксперта (ст. 57, 195-207 УПК РФ). Заключение судебно-психологической экспертизы и показания в ходе допроса эксперта являются самостоятельным видом доказательств в уголовном процессе (ст. 74, 80 УПК РФ). Именно от результатов судебно-психологической экспертизы порой зависят характер и содержание принимаемого полномочным лицом решения, характер и объем ответственности, формы и средства воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя.

Психолог-эксперт несет правовую ответственность за научность и объективность проведенного исследования, интерпретацию полученных данных и представленное заключение. По мнению О.Д. Ситковской, компетенция эксперта-психолога "столь же разнообразна, как сама жизнь, - это любые вопросы психологического содержания, значимые для справедливого и правильного разрешения уголовного дела" [7]. Эксперт-психолог кроме проведения экспертиз выполняет традиционные для юридических психологов функции консультанта - разъяснение экспертного заключения в форме беседы, оценка уже проведенной психологической экспертизы, данного другим лицом [3]. В данном случае деятельность эксперта в качестве консультанта имеет внепроцессуальный характер.

Учитывая особенности расследуемого группового преступления несовершеннолетних и реальные возможности судебно-психологической и комплексной экспертизы, следователь может поставить перед экспертом (экспертами) задачи, требующие изучения:

- убеждений, ценностных ориентаций, самооценки, социальных установок и других особенностей личности несовершеннолетнего, его степени внушаемости или возможности оказания воздействия на других соучастников преступления, значимых для индивидуализации ответственности;

- социально-психологических особенностей несовершеннолетних для установления распределения ролей при совершении группового преступления (при маскировке участниками группы своих истинных ролей, стремлении переложить ответственность, исказить степень участия в отдельных эпизодах преступной деятельности группы);

- уровня интеллектуального и волевого развития личности, влияния на поведение возрастных особенностей субъекта, в том числе степени его подчиненности ситуационным воздействиям, смены настроений, негативизма;

- акцентуаций характера, их влияния на поведение и готовность к определенным поведенческим реакциям (например, если есть подозрение, что подросток демонстративного типа акцентуаций совершил преступление в группе, чтобы привлечь к себе внимание);

- способности быть лидером в группе (например, в связи с версией о том, что обвиняемый, выгораживая действительного лидера преступной группы, ложно утверждает, что исполнял эту роль);

- наличия в период, предшествующий преступлению, глубоких конфликтных переживаний, особых длительных психотравмирующих ситуаций, способных повлиять на поведение;

- наличия у подозреваемого (обвиняемого) в разбойном нападении определенных психологических особенностей (склонности к жестокости, повышенной агрессивности и т.д.);

- мотивов преступления несовершеннолетнего в составе группы;

- наличия у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, но ограничивающего способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Специалист-психолог - сведущее в области психологии лицо, который участвует в производстве следственных действий, разъясняет отдельные психологические факты и явления, консультирует в отношении этих явлений следователя или орган дознания, оказывает помощь в обнаружении и фиксации психологических фактов и явлений, помогает следователю письменно изложить установленные обстоятельства и факты [2].

Сотрудники следственных подразделений обращаются к специалисту-психологу: за консультациями справочного характера, по конкретным во-

просам, ведущим к принятию определенных правовых решений; для непосредственного участия в производстве следственных действий в отношении несовершеннолетних; для длительного участия в расследовании наиболее сложных дел о преступлениях [4].

Принимая участие в следственных действиях в качестве психолога, беседуя с психологами органов внутренних дел, анализируя процесс и результаты взаимодействия со следователем в процессе расследования дел о групповых преступлениях несовершеннолетних, были разработаны правила совместной работы психолога, следователя и сотрудников органов дознания (см. таблицу №2), этапы и методы основных направлений деятельности психолога органов внутренних дел в раскрытии, расследовании и профилактики преступлений несовершеннолетних (см. таблицу №3).

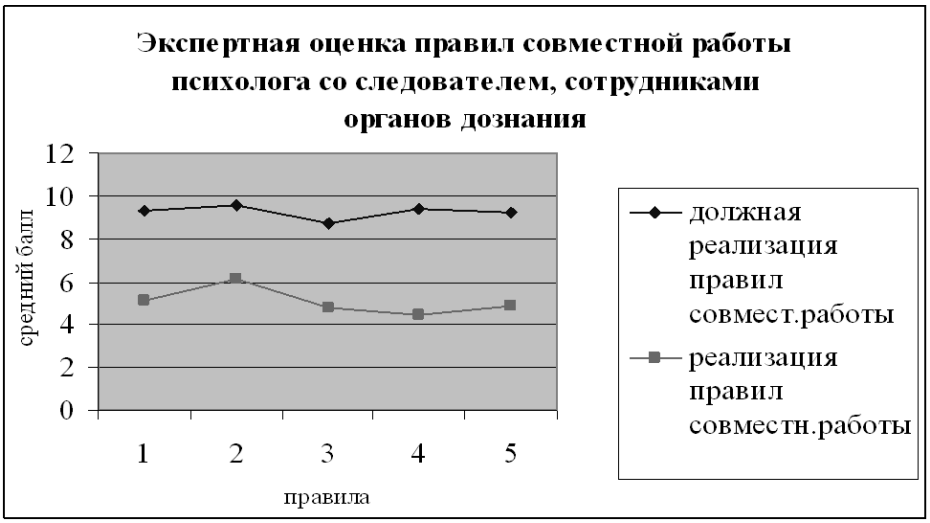
В исследовании был использован метод экспертных оценок правил этапов и методов совместной работы психолога, следователя, сотрудников органов дознания. Экспертиза проводилась путем анкетирования руководителей и психологов подразделений психологического обеспечения органов внутренних дел. Для каждого параметра совместной деятельности предлагалось 10-балльная шкала: 10 баллов - наивысшая оценка параметра, 1 балл - минимальная оценка. Параметры были оценены с двух позиций: 1) как они реализуются непосредственно в расследовании, раскрытии и профилактике групповых преступлений несовершеннолетних; 2) как они должны реализовываться в соответствии с требованиями повышения эффективности раскрытия, расследования и профилактики групповых преступлений несовершеннолетних.

Таблица № 2. Основные правила совместной деятельности психолога, следователя, сотрудников органов дознания в процессе расследования дел о групповых преступлениях несовершеннолетних.

1.	*Правило соответствия психологических проблем квалификации психолога:* следователь при подготовке вопросов, задач, требующих своего разрешения, должен их соотнести со специализацией, квалификацией и профессиональным опытом эксперта- или специалиста-психолога.
2.	*Правило последовательности этапов взаимодействия.* Взаимодействие следователя с экспертом- или специалистом-психологом, сотрудника органов дознания со специалистом-психологом является деятельностью, поэтому оно должно проходить три основных этапа: подготовка к предстоящему взаимодействию; непосредственный психологический контакт взаимодействующих лиц и осуществление совместной деятельности; заключительный этап, подведение итогов взаимодействия.
3.	*Правило соблюдения принципов и норм профессиональной и юридической этики.* В УПК РФ содержатся конкретные нормы, направленные на защиту важнейших моральных ценностей человека, как честь и достоинство, тайна частной жизни (ст. 6, 9). Осуществление органами предварительного следствия своих полномочий затрагивает сферу прав юных граждан, их законных представителей, и сопровождается применением к ним мер государственного принуждения. Используемые психологом, сотрудниками психологические, педагогические, тактические приемы должны соответствовать не только требованиям законности, но и требованиям нравственности.
4.	*Правило рефлексивного и развивающего характера психологической помощи.* Осуществляя взаимодействие, психолог должен в совместном обсуждении со следователем или сотрудником выяснить и осознать те психологические трудности, которые возникают у него в процессе раскрытия, расследования или профилактики групповых преступлений несовершеннолетних, понять личные возможности преодоления этих трудностей, показать сотруднику соответствующие пути, рекомендовать психологические приемы и методы для их разрешения. Совместное осознание психологических трудностей для мобилизации и развития психологического потенциала следователя или сотрудника, специализирующихся по делам несовершеннолетних, является одной из важных задач оказания психологической помощи.
5.	*Правило доверия и обоюдного стремления взаимодействующих сторон к достижению нужного результата* ориентирует совместную деятельность следователя, сотрудника, психолога к разрешению психологических проблем, расширению психологических возможностей сотрудников, повышению эффективности раскрытия, расследования и профилактики групповых преступлений несовершеннолетних.

Как видно на диаграмме №1, оцененные по двум параметрам основные правила совместной деятельности следователя, сотрудников органов дознания и психолога, отличаются друг от друга. Выявлена статистическая разница между оценками должного использования правил совместной деятельности (средний балл - 9,25) и оценками их реального использования (средний балл - 5,06) (U-критерий=0 (p?0,01)).

Диаграмма № 1.

Условные обозначения: номера правил соответствуют номерам правил в таблице №2.

Первое направление деятельности психолога - психологическое консультирование. Для разработки этапов и методов консультирования были использованы работы Г.С. Абрамовой, М.А. Гулиной, Е.В. Петухова, В.М. Позднякова, И.Е. Реуцкой и др., в которых нашли отражение научно-методологические и методические подходы к психологическому консультированию, а также опыт автора по консультированию следователей и сотрудников органов дознания, специализирующихся по делам несовершеннолетних. Разработанные и апробированные этапы и методы консультирования, представленные в таблице №3, были оценены экспертами.

Таблица № 3. Этапы и методы психологического консультирования следователей и сотрудников органов дознания.

Подготовительный этап
1. Предварительное общение с сотрудником, выяснение в общих чертах вопросов, проблем
2. Подготовка ответов на них
3. Согласование времени встречи и пр.
Установление психологического контакта
4. Направление взгляда; интонация голоса; уменьшение дистанции и др.
Консультативный этап
5. Постановка проблемы, активное слушание
6. Постановка уточняющих вопросов психологом о том, какие психологические пути, средства, приемы использовались для решения поставленной проблемы
7. Совместный анализ проблемы; интерпретация, структурирование проблемы
8. Информирование психологом сотрудника по интересующей проблеме
9. Осознание сотрудником этой информации
10. Совместное обсуждение путей преодоления актуальных психологических проблем и трудностей в практике расследования, раскрытия, профилактики групповых преступлений несовершеннолетних

11. Оценка индивидуальных возможностей следователя (сотрудника) для преодоления возникающих трудностей и разрешения психологических проблем
12. Одобрение/корректировка взглядов, намерений и действий сотрудника
Внедрение рекомендаций и оценка их эффективности
13. Применение предложенных психологом путей, рекомендаций, приемов, методов в выполняемых профессионально-психологических действиях
14. Оценка эффективности психологического консультирования (психологическая - удовлетворенность сотрудника результатами выполняемый действий; профессиональная - показатель эффективности деятельности сотрудника с использованием полученной информации)
15. Методы упражнения, тренировки
16. Анализ результатов деятельности, сравнение их с теми, которые получались без использования психологических рекомендаций
17. Самоодобрения, самоподдержка и пр.
Обратная связь с психологом
18. Сообщение психологу о результатах внедрения психологических знаний, приемов, методов
19. Обоснование вывода об эффективности/неэффективности результата внедрения
20. Методы одобрения, похвалы, поддержки, высказывание надежды на дальнейшее сотрудничество

Как видно на диаграмме №2, должная реализация этапов и методов консультирования (как должно быть) приближается к максимальной оценке (средний балл - 9,15), тогда как непосредственная реализация психологами этих этапов и методов оценена ниже среднего (средний балл - 4,67). Выявлена статистическая разница в экспертных оценках должного и реального психологического консультирования (U-критерий=0 (p?0,01)).

Диаграмма № 2.

Условные обозначения: номера этапов и методов консультирования соответствуют номерам в таблице № 4.

Наименьшие оценки выставили эксперты следующим методам консультирования:

- оценка индивидуальных возможностей следователя (сотрудника) для преодоления возникающих трудностей и разрешения психологических проблем (3,88 балла);
- совместное обсуждение путей преодоления актуальных психологических проблем и трудностей в практике расследования, раскрытия, профилактики групповых преступлений несовершеннолетних (3,63 балла);
- сообщение психологу о результатах внедрения психологических знаний, приемов, методов (3,63);
- анализ результатов деятельности, сравнение их с теми, которые получались без использования психологических рекомендаций (3,57);
- обоснование вывода об эффективности/неэффективности результата внедрения (3,25).

Это говорит о том, что имеются существенные недостатки в методике психологического консультирования, а также сотрудничестве между

психологами органов внутренних дел, следователями и сотрудниками органов дознания.

Второе и третье направления совместной деятельности психолога со следователем - участие психолога в следственных действиях в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого, обвиняемого в групповом преступлении и в расследовании дел. Участие психолога в качестве специалиста в производстве следственных действий - форма использования специальных знаний, психологических технологий, техник и функция специалиста. С учетом опыта психологов органов внутренних дел, а также опыта автора были разработаны этапы и методы участия психолога в следственных действиях в отношении несовершеннолетнего (см. таблицу №4).

Таблица № 4. Этапы и методы участия психолога в следственных действиях в отношении несовершеннолетних.

Подготовительный этап
1. Выделение следователем актуальных проблем и психологических трудностей
Установление психологического контакта и постановка следователем задач психологу
2. Информирование психолога о содержании дела, психологических особенностях преступной группы, несовершеннолетнего допрашиваемого
3. Совместное прогнозирование поведения несовершеннолетних подозреваемых и других лиц в процессе предварительного расследования, возможных действия по сокрытию следов преступления
4. Постановка задач психологу и формулировка совместных цели и задач
5. Совместное определение функций психолога во время следственного действия
Знакомство и предварительная беседа психологас несовершеннолетним участником следственного действия
6. Установление психологического контакта с несовершеннолетним
7. Визуальная диагностика индивидуально- и социально-психологических особенностей несовершеннолетнего (-их)
8. Психологическая подготовка несовершеннолетнего к проведению следственного действия
Уточнение совместных действий во время следственного действия
9. Уточнение форм психологической помощи с учетом всей совокупности сведений о преступной группе и ее несовершеннолетнем участнике
10. Уточнение совместных профессионально-психологических действий, направленных на решение задач следственного действия
11. Одобрение или корректировка взглядов, намерений и действий следователя
12. Раскрытие ограниченности ошибочных суждений и поступков
Участие психолога в следственном действии
13. Психологическая помощь следователю во время следственного действия: в установлении и подержании психологического контакта и доверительных отношений, осуществлении профессионального общения с несовершеннолетними участниками следствен. действия; в преодолении барьеров и конфликтов во взаимоотношениях с несовершеннолетними, в ситуациях противоборства, противодействия со стороны преступной группы и отдельных ее членов
14. Психологическая помощь несовершеннолетнему (-им) во время следственного действия (в понимании вопросов, задаваемых следователем; регуляции состояния и пр.) 15. Совместное с сотрудником выполнение необходимых профессионально-психологических действий: сбор информации о психологических особенностях преступной группы, ее несовершеннолетних участниках, оказание психологического воздействия на несовершеннолетнего и пр.
16. Психологическая поддержка сотрудника при использовании им тех или иных психологических приемов, методов
17. Психологическая помощь подростку при осуществлении "выхода" из следственного действия, регуляция его психического состояния
Подведение итогов следственного действия и совместной деятельности
18. Обмен мнениями о психологических особенностях преступной группы, взаимоотношениях в ней, механизмах влияния на членов группы, индивидуально- и социально-психологических особенностях несовершеннолетнего, его статусе в группе и т.п.
19. Обсуждение достигнутых результатов совместной деятельности, следственного действия в соответствии с поставленными целями и задачами

Результаты экспертной оценки этапов и методов этого направления совместной деятельности психолога со следователем представлены на диаграмме № 3.

Диаграмма № 3.

Условные обозначения: номера этапов и методов участия психолога в следственных действиях соответствуют номерам в таблице № 4.

Должная реализация этапов и методов участия психолога в следственных действиях в отношении несовершеннолетних оценена экспертами высоко (средний балл - 8,62), тогда как непосредственная реализация психологами этих этапов и методов оценена ниже среднего (средний балл - 4,48). Еще менее оптимистичной выглядит картина длительного участия психологов в расследовании преступлений несовершеннолетних: должное участие психолога в расследовании оценено экспертами высоко (средний балл - 8,77), а непосредственная реализация этого направления деятельности психолога оценена на уровне ниже среднего (средний балл - 3,21).

Низкие баллы, выставленные экспертами психологически важным компонентам этой деятельности (совместный анализ поведения несовершеннолетних участников следственных действий, выделение особенностей, специфики и странностей личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего, принятие решения о производстве СПЭ, выбор ее вида; совместное прогнозирование поведения несовершеннолетних; установление психологического контакта с несовершеннолетним; оказание помощи следователю в формулировке вопросов, адресованных эксперту-психологу; психологическая поддержка следователя, совместное выполнение профессионально-психологических действий; совместный анализ объективных и субъективных сторон совершенного группового преступления, роли и вклада каждого несовершеннолетнего в совместное преступление, выяснение условий, причин и мотивов преступления, обсуждение достигнутых результатов совместной деятельности и пр.), свидетельствуют о том, что нельзя признать эффективным взаимодействие и сотрудничество психологов и следователей в расследовании преступлений несовершеннолетних. Причиной тому, по мнению психологов, является профессиональная неподготовленность их к осуществлению специфической деятельности.

Проведенное исследование показывает, что в целях повышения эффективности расследования групповых преступлений несовершеннолетних следователи привлекают к участию в допросе или ином следственном действии не только психологов органов внутренних дел, но и психологов, работающих преподавателями в образовательных учреждениях, школьных психологов. Редко следователи сотрудничают и поддерживают деловые отношения с психологами, работающими в СИЗо, центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, реабилитационных центрах. Беседы с этими специалистами показывают, что они готовы к сотрудничеству со следователями, т.к. имеют опыт работы с трудными подростками и подростками-правонарушителями, могут не только провести психологическую экспертизу, составить заключение психолога, предоставить развернутые характеристики на личность несовершеннолетнего подозреваемого, но и принять участие в допросе несовершеннолетнего, дать показания на допросе.

Главная цель сотрудничества следователя и сотрудников органов дознания с психологом в процессе раскрытия, расследования и профилактики групповых преступлений несовершеннолетних заключается в разрешении психологических проблем и повышении эффективности расследования этой категории дел. Такое сотрудничество способствует мобилизации психологического потенциала сотрудников, совершенствованию практики применения психологических знаний, техник и технологий в расследовании групповых преступлений несовершеннолетних.

Раскрытые возможности эксперта-психолога и специалиста-психолога, основные направления их деятельности в расследовании дел о групповых преступлениях имеют свою специфику в зависимости от решаемых психологических проблем и полномочий психолога. Полагаем, что гибкое соблюдение правил, этапов и методов совместной деятельности следователя со специалистом-психологом и экспертом-психологом будет способствовать разрешению психологических проблем и повышению эффективности расследования, раскрытия и профилактики групповых преступлений несовершеннолетних.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильев В.Л. Основные направления использования достижений юридической психологии в правоохранительной системе // Актуальные проблемы юридической психологии и медико-экспертных исследований: Материалы межвуз. конф. / Редкол.: Трофимов Е.Н. и др. - Волгоград, 2000. С. 58.

2. Гецманова И.В. И.В. Использование специальных психологических знаний в уголовном процессе: Учеб. пособие. - М., 2006. С. 34.

3. Енгалычев В.Ф. Психологические основы вузовской подготовки специалистов в юридической психологии: Дис. … докт. психол. наук. - СПб, 2006. С. 51.

4. Конышева Л.П. Внеэкспертные формы использования специальных познаний психолога в судопроизводстве // Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. - М., 2001. С. 433-435.

5. Костицкий В.М. Использование специальных психологических знаний в советском уголовном процессе. Автореф. дис. …д. юр. н. - Киев, 1990. С. 19.

6. Коченов М.М., Ефимова Н.И., Кривошеев А.С., Ситковская О.Д. Изучение следователем психологии обвиняемого: Методическое пособие. - М., 1987. С. 19-22.

7. Ситковская О.Д. Современное состояние и некоторые перспективы развития психологической экспертизы по уголовным делам // Юридическая психология. Сборник научных трудов. Выпуск третий. Часть 1 / Под ред. докт. юрид. наук Г.Х. Ефремовой, докт. психол. наук О.Д. Ситковской. - М., 2005. С. 119.

Ю.В. Костин, *профессор кафедры теории и истории государства и права Орловского юридического института МВД.*

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В современной научной литературе существует сотни определений права и нравственности, в которых раскрываются различные стороны этих важнейших общественных институтов. Связано это с тем, что право и нравственность являются не только важнейшими элементами современной общественной жизни, выступающими гарантами стабильности общественных отношений, но и сложными социальными образованиями, имеющими мировоззренческое значение.

Так, по меткому выражению С.С. Алексеева право имеет три образа, в котором оно выступает перед людьми, являясь нам в виде общеобязательных норм, законов, деятельности судебных и иных юридических учреждений - юридических реалий с которыми сталкивается в своей практической жизни человек; особого сложного социального образования - своеобразного и крупного подразделения, подсистемы в обществе, имеющей свою особую природу и логику, такой же подсистемы, как, например, государство, искусство, мораль; явления мироздaнческого порядка - одного из начал и проявлений жизни разумных существ, людей. Каждый из этих "образов" выражает своеобразный угол зрения в понимании права - ступень в постижении его особенностей, социальной роли и смысла" [2:3].

Изучение различных научных подходов к определению понятия права, свидетельствует о том, что право - особая система общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения, официальный, цивилизованный и наиболее эффективный регулятор общественных отношений, важнейшая социальная, культурная и нравственная ценность, обеспечивающая справедливое разрешение возникающих в обществе конфликтов, развитие прав и свобод человека и поддержание надлежащего правопорядка, отвечающего интересам большинства членов общества.

Анализ современной научной литературы позволяет рассматривать нравственность как совокупность исторически определенных взглядов, норм, оценок, суждений, убеждений и принципов поведения людей, регулирующих их отношения друг к другу, а также к обществу, государству и праву, выражающаяся в поступках и действиях людей и поддерживаемая традициями, воспитанием, силой общественного мнения определенного класса, социальной группы или всего общества [См.: 21: 14-24].

Критериями нравственных оценок, суждений и убеждений выступают справедливость, благородство, добро, честность, порядочность, совесть. Исходя из этих критериев, обществом дается нравственная интерпретация и оценка поступков и действий людей, всего комплекса разнообразных общественных институтов и отношений, включая право.

Значение слова "соотношение" толкуется в словаре русского языка С.И. Ожегова как "взаимная связь разных величин предметов, действий. Как отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между чем-либо" [28:610]. Думается, что исходя из этой трактовки, соотношение государства, права и нравственности необходимо рассматривать с позиций взаимосвязи, взаимозависимости, взаимообусловленности этих важнейших явлений общественной жизни.

Наряду с этим в рассмотрении проблем соотношения права и нравственности необходимо учитывать, что связь между правом и нравственностью не имеет однозначного причинно-следственного характера.

© Ю.В. Костин, 2008

Связано это с тем, что в основе происхождения и действия права лежат не только сугубо экономические и социальные причины, но и этнические, духовные и многие иные жизненные обстоятельства. На функционирование права влияют различного рода интересы, потребности, идеи, побуждения, мотивы, ценности, порождаемые и отражаемые общественной жизнью, волей людей. Можно согласиться с утверждением известного английского исследователя Дениса Ллойда о том, что "право, являясь одним из основных творений человеческого разума в социальной сфере, уходит в конечном итоге своими корнями в глубь идеологических установок того общества, в котором оно действует" [22:250].

На наш взгляд, в соотношении права и нравственности следует усматривать единство, различия и взаимодействие. Признание такого характера связи между правом и нравственностью позволяет рассматривать их как важнейшие общественные феномены, которые параллельно функционируют, взаимообусловливают и взаимодополняют друг друга, сохраняя при этом свои специфические, автономные особенности и свойства.

Вместе с тем право само по себе имеет огромную ценность, поскольку оно служит достижению идеалов справедливости, свободы, равенства в обществе, определенным образом организовывает социальное пространство и воспринимает ценности, накопленные обществом в других социальных нормах. В этом плане можно говорить о том огромном влиянии, которое оказывает на формирование права совокупность нравственных требований, воспринимаемых человеком добровольно, через его убеждения и воспитание. Вполне очевидно, что право неизбежно вбирает в себя общечеловеческие нравственные ценности, основывается на нравственных достижениях общества. В этом плане трудно не согласиться с мнением Е.А. Лукашевой о том, что "право - категория этическая, и не может быть права, к которому неприложимы были бы моральные оценки, прежде всего с позиций добра, зла, честного, бесчестного и др." [23:120].

Право и нравственность являются двумя важнейшими пластами человеческой культуры, социальными регуляторами, включенными в систему общественных отношений, целенаправленно воздействующими на государственную власть [27:83].

При рассмотрении соотношения права и нравственности в современных научных исследованиях наиболее распространены социально-регулятивный и ценностно-этический подход.

Согласно социально-регулятивному подходу взаимодействие права и нравственности основывается на их способности регулировать общественные отношения путем определения границ возможного и должного поведения. Этот подход сближает право и нравственность на основании общности их регулятивных функций и присущей им нормативности, позволяет рассматривать их как однопорядковые феномены социальной организации. С методологической точки зрения указанный подход имеет свои преимущества, поскольку позволяет сфокусироваться на внешних характеристиках взаимоотношений права и нравственности, упорядочить их логически и структурно [См.: 10; 23:6 и др.].

Вместе с тем нельзя не отметить, что за последнее время в научной литературе усилилось критическое отношение к концепции, видящей в природе нравственности, прежде всего, функцию социального регулирования.

Сторонники ценностно-этического подхода возражают против представлений о нравственности лишь как о форме социальной регуляции или форме общественного сознания. Нравственность представляется ими как важнейшая общечеловеческая ценность, которая наряду с правом впитала в себя представления многих поколений людей о добре и зле. Данная концептуальная модель объяснения нравственности исходит из этико-философской традиции, определяющей нравственность как такую сторону человеческой деятельности, в которой проявляется разделение, противостояние добра и зла. По утверждению Р.Г. Апресяна, при таком подходе упор делается на вопрос о результатах деятельности человека, о соотнесении добра и зла с теми общими ценностями, целями, на которые человек ориентируется [4:12-13].

Думается, что в исследовании проблем соотношения права и нравственности наиболее продуктивной является методология, сочетающая в себе элементы социально-регулятивного и ценностно-этического подходов.

Это позволяет, во-первых, проследить, как система правовых и нравственных отношений не только реализует, но и порождает новые государственно-правовые идеи и нормы, новые притязания социальных субъектов, показать внутреннее единство социальных регуляторов, действующих в едином поле социальных взаимосвязей с учетом особенностей развития российской политико-правовой традиции и отечественного правосознания; во-вторых, сочетать представления о праве и нравственности как о важнейших системах социальной регуляции и формах общественного сознания, с представлениями о нравственности как общечеловеческой ценности наряду с правом, впитавшей в себя представления многих поколений людей о добре и зле, долге и чести, совести и справедливости.

Понятие справедливости имеет важное методологическое значение для анализа проблем соотношения права и нравственности в связи с тем, что может рассматриваться и как правовая и как нравственная категория. "Эта категория, - пишет Е.А. Лукашева,- подчас объясняется этиками как

специфически моральная, а юристами - как специфически правовая" [23:88].

Значительный вклад в современные представления о справедливости, соотношении ее с правом, законом и государственной властью внесли выдающиеся мыслители различных исторических эпох. Так, Цицерон понимал под справедливостью разумное, законное начало, порядок. Аристотелю принадлежит идея о существовании двух видов справедливости (уравнивающей и распределяющей), о внутреннем единстве справедливости и законности. Платоновское представление о справедливости исходило из принципа естественных привилегий, обеспечение которых призвано укрепить стабильность государства.

В теории Ж.Ж. Руссо справедливость, источником которой выступала воля народа, обеспечивала одинаковое для всех равенство и свободу, являясь внутренним разумным законом. По Канту, законы и власть как источники всякого права никому не должны причинять несправедливость [См.: 7:27-28].

В отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX - начала XX века уделялось большое внимание рассмотрению проблем соотношения права и справедливости. Б.А. Кистяковский писал: "Изучение права является насущной потребностью для того, чтобы право не расходилось со справедливостью, и чтобы само право было справедливым" [18:18].

В работах современных российских ученых подчеркивается необходимость соответствия действий государства и права нравственным принципам справедливости и общего блага. Например, И.Д. Осипов считает, что общей для нравственности и права является категория справедливости [См.: 29]. В.С.Нерсесянц отмечает, что справедливость входит в понятие права. Справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву [См.:27].

По мнению П.П.Баранова и А.П. Окусова право призвано быть выразителем справедливости, а их взаимосвязь отражается уже в самой терминологии: право - правое дело, правда, а "юстиция" в переводе с латинского означает "справедливость" [См.: 6:104].

В современной юридической литературе справедливость определяется как мера воздаяния за поступок, действие; как категория, означающая такое положение вещей, которое рассматривается как должное, отвечающее представлениям о сущности человека, его неотъемлемых правах. Справедливость противоположна несправедливости. Несправедливость присутствует там, где права и достоинство человека не обеспечены, между людьми нет равенства, а блага, воздаяние за добро и зло распределяются неравномерно [19:14].

Применительно к правоохранительной деятельности справедливость связывается с системой норм, поддерживающих равновесие интересов под эгидой государства, определяющего меру наказания за антиобщественные поступки и преступные действия. В более широком смысле понятие справедливости означает воздаяние за поступки, характер действий, общую линию поведения того или иного индивида, определяемых не только государством и правом, но и нравственными оценками и общественным мнением.

О важности идеи справедливости в действиях государства и права свидетельствует тот факт, что требование справедливости пронизывают законодательство современных демократических государств. Правовое выражение требования справедливости содержится во Всеобщей декларации прав человека, других международных нормативно-правовых документах. Требования справедливости в государстве и обществе воплощается в основных принципах и конкретных нормах Конституции Российской Федерации [11:39-44; 20; 26].

В современной юридической науке существует несколько устойчивых, разделяемых многими авторами подходов к характеру соотношения права и нравственности, подчеркивающих их сходство и различие [См.: 3; 12; 23; 24; 25].

Основные общие черты сходства права и нравственности состоят в том, что они входят в содержание культуры общества, являются ценностными формами сознания, имеют нормативное содержание и служат регуляторами поведения людей. Право и нравственность имеют под собой общие социальные, экономические, политические условия жизни общества, служат общей цели - согласованию интересов личности и общества, обеспечению и возвышению достоинства человека, подержанию общественного порядка.

В этой связи можно согласиться с мнением Н.Н. Вопленко о том, что "право и нравственность порождаются единой системой общественных отношений, имеют общие исторические корни, являются духовными, культурными ценностями и достижениями человечества и представляют собой средства активного воздействия на поведение людей" [10:42].

Действительно, право и нравственность имеют общее основание - они возникают в процессе сознательной деятельности людей, взаимодействующих в социальном поле, развиваются под воздействием одних и тех социальных, экономических, государственно-политических факторов, определяются материальными и духовными условиями существования людей. Право и нравственность являются неотъемлемыми составляющими духовной культуры человечества, могут рассматриваться не только как нормы, стандарты поведения, но и как духовные ценности, содержащие в себе представления людей о добре и зле, хорошем и плохом.

Право и нравственность обладают общностью объекта регулирования - они действуют в основном в одних и тех же сферах общественной жизни;

предъявляют к субъектам социальных отношений сходные, согласующиеся требования: не совершать правонарушений, помогать ближнему, жить по принципам справедливости и добра, соблюдать закон и другие. Сходство права и нравственности подтверждается наличием в праве естественных, нравственно-гуманистических начал.

Вместе с тем, несмотря на родственность многих признаков права и нравственности, они представляют собой нетождественные социальные институты, имеют существенные отличия, являясь двумя относительно самостоятельными нормативными системами. Различия между правом и нравственностью обусловлены их разным историческим происхождением, степенью обязательности, неодинаковой ценностью в решении разнообразных вопросов, возникающих в жизни людей.

В современной научной литературе подчеркивается, что нравственность являлась одним из древнейших регуляторов общественной жизни и оказала значительное влияние на формирование права. В этом смысле нравственность была первичной по отношению к праву. Она появилась еще до возникновения государственности в условиях родового строя, как способ различения человеком добра и зла - социально полезных и социально вредных для рода, племени явлений [См.: 5; 9; 10:24-46; 16:108; 23; 31:59,61 и др.].

Право же сформировалось несколько позже нравственности - со времени деления общества на классы управляемых и правителей, хотя и на ее основе. Нормы права впитали в себя исторические, накопленные основные нравственные требования, придав им характер государственной дельности [1; 8; 13; 15; 17; 32 и др.].

Причинами возникновения нравственных норм послужили необходимость в регламентации и наложении запретов на социально вредные действия людей, а также необходимость ввести нравственные законы во внутренний мир каждого человека. Право же появилось в силу необходимости использовать подобную систему норм и правил поведения уже в масштабах целого государства, как средство принуждения и согласования интересов различных социальных групп.

Правовые нормы в большинстве случаев имеют определенных создателей. Они создаются или санкционируются государством, вследствие чего приобретают юридическую силу. Нравственность же не имеет конкретного субъекта формирования, творца своих норм. Нравственные нормы возникают в процессе развития человеческого общества, являются результатом практической деятельности людей. Они имеют неофициальный характер. Для их действия не требуется разрешения государства. Процедура их создания не регламентирована каким-либо нормативным актом. В этом смысле нравственность формируется спонтанно вследствие взаимодействия исторических, культурных, национальных и других факторов развития общества. Она содержит в себе накопленные человечеством представления о добре и зле, хорошем и плохом, справедливом и несправедливом. Государство может в некоторых случаях повлиять на формирование нравственных норм. Это воздействие происходит с помощью права, политики, идеологии, средств массовой формации. Но это воздействие косвенно, опосредованно, и само государство нравственные нормы не устанавливает.

Существует тесная историческая и функциональная связь права с государством. О нравственности этого сказать нельзя. Тем не менее, необходимо отметить наличие определенной дифференциации нравственных предпочтений между представителями различных типов общества и государства. Например, при рабовладельческом строе поощрялась и считалась правильной купля-продажа людей. В современных государствах это противоречит всем существующим нравственным принципам и правовым нормам.

Нормы права вступают в действие, изменяются и утрачивают свою юридическую силу в порядке, установленном государством в лице правотворческих органов. Нравственность обычно не имеет определенной письменной и систематизированной формы выражения, она не подконтрольна воле законодателя, а возникает и существует в сознании людей в виде социально полезного опыта и духовного наследия. Нормы нравственности передаются от человека к человеку, из поколения в поколение, на них строится процесс нравственного воспитания личности. Нравственные нормы призывают, наставляют, ориентируют, опираясь на "общественное мнение". Личное чувство совести, долга каждого человека выступает внутренним мерилом, своеобразной санкцией соблюдения нравственных норм [23:104].

Уровень требований, предъявляемых к поведению человека, у права и нравственности неодинаков. Думается, что вряд ли можно говорить о том, что нормы права являются более сильными, чем нравственные нормы. И нормы права, и нравственные нормы содержат обязательные для исполнения предписания. В одной ситуации более эффективным оказывается действие правовых норм, в другой - нравственных.

Нравственные нормы оказывают влияние на все виды отношений между людьми, в то время как право проникает в ограниченную их область, закрепляя наиболее важные из них. В отличие от права, нравственность более "подвижна" в этом отношении, она быстрее реагирует на изменения определенных отношений в обществе. Это объясняется тем, что нравственность закрепляется в сознании людей, а праву для этого нужно официально-государственное регламентирование. Нравственность предъявляет к человеческому поведению более высокие и далеко идущие требо-

вания, нежели право. Как отмечает Н.И. Матузов, "нравственные нормы безоговорочно осуждает любые формы нечестности, лжи, клеветы, обмана и т.д., тогда как право пресекает лишь наиболее крайние и опасные их проявления" [24:332].

Право закрепляет и регулирует наиболее значимые связи в современном обществе, жизненно важные для его нормального функционирования. Нравственность регламентирует более широкий круг отношений между людьми. Однако необходимо учитывать, что право и нравственность - различные, но не противоположные явления, и преувеличение их изоляции друг от друга может привести "к правовому нигилизму, с одной стороны, и освобождению от моральных принципов государства, правосудия - с другой" [14:117].

Право и нравственность ни в коем случае не должны противопоставляться друг другу. Их взаимодействие - необходимые условия жизни и развития современного общества. Оно способствует их взаимному обогащению и вырабатыванию полезного опыта их совместной социальной регуляции. В этой связи, право как совокупность норм, правил поведения людей установленных и утвержденных государством, обязательно заключает в себе определенную систему общеобязательных нравственных норм, предписаний и требований.

Таким образом, право и нравственность представляют собой явления не только политико-юридические, но и социально-этические. Они тесно взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, имеют много сходного, поскольку выполняют общую социальную функцию, являясь важнейшими средствами регулирования поведения людей в обществе.

Вместе с тем, установленное в определенный момент исторического развития соотношение права и нравственности не остается раз и навсегда неизменным. Меняются условия, в которых действуют право и нравственность, под воздействием внешних факторов происходят перемены в сознании и поведении людей, меняется их отношение к тем или иным сторонам государственно-правовой и духовно - нравственной жизни. Как результат, постоянно возникают новые государственно-правовые идеи, которые оказывают значительное влияние на все стороны жизни общества.

Исторический опыт нашей страны свидетельствует, что вся сфера действия государства и права должна иметь глубокие нравственные основания; несовершенство законодательства, правоприменительной деятельности, нарушения законности и правопорядка неизбежно влекут за собой дисфункции в сфере нравственного сознания и нравственных отношений и, подрывая уважение к праву, оборачиваются большими потерями для общества и государства. Поэтому постоянный учет уровня и состояния нравственного сознания - важный фактор повышения эффективности действия права, упрочения законности и укрепления государства.

Таким образом, соотношение права и нравственности заключает в себе многоаспектную проблематику, имеющую глубинное социальное значение. Диалектическое единство и взаимосвязь права и нравственности проявляются в том, что в праве отражаются понятные и приемлемые для общества нравственные устои, нормы и принципы. Активно воздействуя на духовно-нравственную сферу, само право под влиянием нравственного фактора постоянно обогащается: расширяется его нравственная основа, повышается авторитет, возрастает его роль как государственного регулятора общественных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агешин Ю.А. Политика. Мораль. Право. - М., 1982.
2. Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия. Опыт комплексного исследования. - М., 1999.
3. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание. Назначение. Социальная ценность. Резюме с претензией. - М., 2001.
4. Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. - М., 1995.
5. Архангельский Л.М. Марксистская этика. - М., 1985.
6. Баранов П.П., Окусов А.П. Аксиология юридической деятельности. - Ростов на-Дону, 2003.
7. Баранов П.П., Шпак В.Ю., Несмеянов Е.Е. и др. Философия права. - Ростов-на-Дону, 2002.
8. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения - М., 1989.
9. Величко В.М. Нравственные и национальные основы права (Сборник статей по истории и философии права) - СПб., 2002.
10. Вопленко Н.Н. Право в системе социальных норм. - Волгоград, 2003.
11. Всеобщая декларация прав и свобод человека (1948г.) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. - М., 2000.
12. Гойман В.И. Действие права (методологический анализ) - М., 1992.
13. Головкин Р.Б. Право в системе нормативного регулирования современного общества. - Владимир,1999.
14. Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. №8.
15. Гусейнов А.А. Великие моралисты. - М.,1995.
16. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. - М., 1977.
17. Керимов Д.А. Философские проблемы права. - М.,1972.
18. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление // Социологические исследования. 1990. № 3.
19. Кобликов А.С. Юридическая этика. - М., 2004.
20. Конституция Российской Федерации. Принята всеобщим голосованием 12 декабря 1993 г.: официальный текст по состоянию на 15 декабря 1998 года с историко-правовым комментарием. - М., 1999.
21. Костин Ю.В. Идеи соотношения государства, права и нравственности в истории политической и правовой мысли дореволюционной России. - М.,2007.
22. Ллойд Д. Идея права. - М., 2002.
23. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. - М., 1986.
24. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. - Саратов, 2003.
25. Матузов Н.И. Право в системе социальных норм // Правоведение.-1996. №2. С.147-158.
26. Международные акты о правах человека. Сборник документов. - М.,1996.
27. Нерсесянц В.С. Философия права. - М., 1999.
28. Ожегов С.И. Словарь русского языка.- М., 1988.
29. Осипов И.Д. Философия права. - СПб., 2000.
30. Петропавловский Р.В. О понимании морали, ее сущности // Мораль: противоречия и конфликты. - М.,1987.
31. Титаренко А.И. Основные особенности исторического развития нравственности //Марксистская этика. - М., 1980.
32. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. - М.,1994.

Е.В.Марковичева, *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета.*

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена некоторым проблемным вопросам определения сущности и значения понятия "доказывание" в современном уголовно-процессуальном праве. Рассматриваются отдельные аспекты определения цели доказывания, обосновывается идея о необходимости развития методологических оснований современного доказательственного права.

Традиционно деятельность, связанная с доказыванием рассматривается в уголовном судопроизводстве как ведущая. Не случайно П.А.Лупинская подчеркивает, что "значительную часть науки об уголовном судопроизводстве во все времена и во всех правовых системах составляет наука об установлении фактических обстоятельств по делу, о средствах, которые закон разрешает использовать для установления (или опровержения) фактических обстоятельств прошлого события и формирования убеждения суда о виновности или невиновности лица" [14:217-218]. В значительной степени именно благодаря доказыванию возможно достижение основных целей уголовного судопроизводства. Несомненно, что уголовное судопроизводство не сводимо только к доказыванию, однако все остальные виды деятельности в меньшей или большей степени зависимы от особенностей осуществления доказательственной деятельности, поскольку "место, которое занимает доказывание в структуре уголовного процесса, является определяющим в назначении уголовного судопроизводства" [8:19].

Понятие "доказывание" имеет как общенаучные, так и специфические для правоведения значение и содержание. В первом случае понятие "доказывания" гораздо шире, чем во втором, когда вбирая в себя общее значение, доказывание наделяется особым содержанием.

В отечественной юридической литературе сложились различные вариативные трактовки доказывания. Не смотря на то, что по справедливому замечанию А.Р.Белкина "понятийный аппарат теории доказывания сравнительно невелик" [2:10], до сих пор наблюдается определенная разнородность трактовок как доказательств, так и самого доказывания. В принципе, есть основания полагать, что такая ситуация терминологического плюрализма является нормальным явлением для любой гуманитарной науки. Связано это, в первую очередь, с особенностями восприятия учеными-гуманитариями социального мира, как некой конструируемой реальности, которая объективируется в форме семиотической, знаковой системы[11:52].

Таким образом, "доказывание есть обязательный элемент деятельности по осуществлению правосудия. Значит, оно должно изучаться прежде всего как специфическая деятельность, которая имеет особую научную основу" [4:5]. В качестве научных оснований доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве лежат как общие методологические, так и специфические процессуальные основания. Эти процессуальные основания и определяют особенности протекания данного вида деятельности. С одной стороны, доказывание представляет собой особую форму реализации процесса познания, с другой - является разновидностью удостоверительной деятельности, то есть имеет двуединую природу.

Операционная сторона доказывания сводится к реализации оптимального набора методов собирания, исследования, закрепления, оценки и

© Е.В. Марковичева, 2008

использования неких фактических данных. Эти фактические данные несут в себе определенную информацию об обстоятельствах, подлежащих обязательному установлению в процессе уголовного судопроизводства по каждому уголовному делу. Набор методов осуществления доказательственной деятельности должен отвечать не только критерию эффективности, но и критерию законности, то есть должен быть либо прямо предусмотрен законом, либо не должен ему противоречить[2:13]. Закон устанавливает саму процессуальную форму, в рамках которой протекает деятельность по доказыванию. Доказывание не может быть сведено исключительно к сбору определенной значимой информации по уголовному делу, поскольку, чтобы стать доказательством эта информация должна быть преобразована с помощью специальных способов исследования такой информации. При этом законодатель строго ограничивает и круг лиц, которые могут реализовывать определенные способы познания в рамках уголовного судопроизводства.

Как отмечалось выше, доказывание в уголовном процессе представляет собой разновидность познавательной деятельности, протекающей как по общим законам познания, так и с учетом специфики цели и задач уголовного судопроизводства. По этому поводу Ю.К.Орлов обоснованно отмечает, что "доказывание по уголовному делу имеет существенную специфику, отличающую его от других видов познания, осуществляемых в современном обществе, в частности от научного познания" [10:5-6].

С одной стороны, доказывание применительно к юридической деятельности определяется как "процесс мышления, направленный на обоснование вывода о правовой природе события путем ссылки на фактические обстоятельства, правовые нормы, руководящие разъяснения высших судебных органов и научные положения" [12:150]. С другой, доказывание - это процесс сбора, исследования, оценки и использования доказательств, осуществляемый в виде регламентированной законом деятельности уполномоченных лиц и направленный на установление истины по уголовному делу. Такое полисемантичное толкование доказывания применительно к юридической практике в целом и к уголовному судопроизводству в частности вполне оправданно и восходит корнями к многозначности глагола "доказывать" в русском языке. Согласно "Толковому словарю русского языка" доказать - это: 1) подтвердить какое-нибудь положение фактами или доводами; 2) вывести какое-либо положение на основе системы умозаключений[9:172].

Семантическая неоднозначность указанных выше терминов в полном объеме проявляется применительно к юридической деятельности, поскольку "понятие доказательства в юриспруденции имеет специфические характеристики, отличные от тех, которыми обладает формально-логическое доказательство, оно представляет собой единство утверждения о факте и праве, которое удостоверяется через подтверждение соответствующим свидетельством" [5:476].

Точно также традицией русского языка определено, что доказывание всегда связано с установлением истины. Согласно словарю В.Даля, "доказывать что - это убеждать в истине чего доводами, свидетельством; подтверждать что неоспоримо" [13:455]. Традиционно проблема доказывания так или иначе связана в уголовно-процессуальной науке с проблемой установления истины. Позволим себе немного остановиться на данном вопросе, поскольку он во многом определяет методологические основания, направленность и цель доказывания по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего.

Как подчеркивает В.В.Новик, "доказывание, являясь процессом познания истины, может быть отнесено к системам, функционирующим динамически, то есть на основе и посредством изменения" [8:25]. На наш взгляд, активизировавшаяся полемика между сторонниками и противниками установления истины как цели уголовно-процессуального доказывания является скорее не случайностью, а закономерностью. Понимание причин данной дискуссии лежит не в чисто юридической плоскости, а связано, во-первых, со сложностью установления содержания истины в рамках уголовного судопроизводства, а, во-вторых, с основными тенденциями в развитии философии и методологии науки. Проблема истины в философии относится к числу так называемых "вечных" проблем. Однако осмысление и решение данной проблемы не является чем-то неизменным и статичным, а в различные исторические эпохи имело свои особенности [6:3]. Подтверждением тому может служить хотя бы то обстоятельство, что в настоящее время в рамках философской науки насчитывается несколько теорий истины: классическая, когерентная, конвенциональная, прагматистская, семантическая и др.

Во многом сомнения в возможности установления истины связаны с развитием, так называемой философии постмодернизма, согласно которой "все человеческое познание осуществляется с помощью знаков и символов неясного происхождения, которые обусловливались исторической и культурной предрасположенностью, и испытывали бессознательное воздействие человеческих интересов" [11:102]. Именно поэтому классическая трактовка истины, предполагающая соответствие вещей разуму, все чаще стала подвергаться критике не только в философии, но и в частных науках. Полагаем, что сейчас настало время, когда необходимо четко определиться с приятием или неприятием истины как цели доказывания в уголовном судопроизводстве. Если применять к доказательственной деятельности в рамках

уголовного процесса классическую теорию истины, речь может идти только о поиске объективной истины. Однако необходимо считаться с тем, что современная наука не в состоянии обеспечить абсолютно надежный механизм определения объективности истины. Особенно это становится заметно, когда споры об истине в уголовном судопроизводстве переходят из теоретической плоскости в плоскость реального правоприменения. Примечательно, что и законодатель допускает возможность некой погрешности, сбоя в механизме установления объективной истины, ибо иначе нельзя объяснить появление в уголовном процессе правового института реабилитации.

Становится очевидным, что в реалиях сегодняшнего дня уже недостаточно применять одну лишь классическую теорию истины к определению цели доказывания в уголовном судопроизводстве. Такое допущение считает возможным, например Ю.К.Орлов, отмечающий, что "при рассмотрении некоторых аспектов возможно и целесообразно использование и других трактовок истины" [10:8]. На наш взгляд, развитие методологии науки ни в коей мере не должно идти по пути разрушения того позитивного, что эта наука смогла накопить и, что не потеряло своей теоретической и практической значимости. Автор данных строк разделяет позицию И.А.Гобозова, полагающего, что, "когда вводятся новые методы и новые категории, то надо аргументировано доказать неэффективность прежних методов и категорий" [3:130].

Полное же отрицание возможности установления истины в уголовном судопроизводстве неминуемо переведет науку уголовного процесса на постмодернистские методологические основания, где "отсутствует сама идея "цели", или "назначения". Никакой "объективной истины", никаких "объективных ценностей" (то есть общезначимых, действительных для всех), сами понятия "объективности", "знания" исчезают...нельзя сказать, что истинно, что является благом" [7:244]. Чтобы не придти к такому весьма пессимистичному финалу, необходимо начать с расширения именно методологии отечественной уголовно-процессуальной науки за счет ее обогащения достижениями современной философии. Как ни прискорбно, но приходится согласиться с мнением А.С.Александрова, считающего, что "отсутствие новых познавательных подходов негативно сказывается на разработке философской проблематики доказательств; не позволяет отечественным ученым отказаться от ряда концептов инквизиционно-следственного типа уголовного судопроизводства" [1:498].

Недостаточность классической теории истины применительно к современному уголовному судопроизводству проявляется и в том, что современная наука не может полностью разграничить знание по шкале "объективное-необъективное". Всегда возникают какие-либо промежуточные знания, степень достоверности которых может быть различной. Например, результатом судебной экспертизы в рамках уголовного судопроизводства могут стать выводы эксперта, носящие в той или иной степени вероятностный характер. И не всегда удается добиться полной достоверности даже в процессе соотнесения различных доказательств.

Таким образом, доказывание может быть рассмотрено как многосторонняя деятельность, к которой применимы различные характеристики и параметры. Несомненно, что доказывание представляет собой форму познавательной деятельности, однако подобное познание отличается от иных видов познания, поскольку проистекает в установленных законом рамках. Такими рамками является процессуальная форма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александров А.С. К вопросу о сущности судебного доказательства в уголовном судопроизводстве // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность. - Воронеж, 2006.

2. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. - М., 2007.

3. Гобозов И.А. Куда катится философия. - М., 2005.

4.Дулов А.В., Рубис А.С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. - Минск, 2004.

5. Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. - СПб., 2003.

6. Куликов С.Б. Онтологические предпосылки смысловых вариаций понятия истины (на материале западной философии). Автореф… канд. философ.наук. - Томск, 2004.

7.Моисеев С.В. Философия права. Курс лекций. - Новосибирск, 2004.

8. Новик В.В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики. - СПб., 2005.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 2000.

10.Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. - М., 2000.

11.Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. - СПб., 2004.

12. Тер-Акопов А.А. Юридическая логика. - М., 2002.

13. Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля: В 4 томах. Т.1. - М., 1978.

14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. - М., 2006.

Т.К. Примак, *кандидат юридических наук, доцент, докторант Академии управления МВД России.*

СОГЛАСОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вопросы исследования процессов возникновения и развития института договора продолжают оставаться мало изученными. Тем не менее, данные, полученные молекулярной биологией, генетикой, этнологией, этнографией, антропологией, археологией и другими дисциплинами, признание нелинейности и многовариантности развития вводят новые ракурсы рассмотрения многих проблем.

Например, проблематично связывать появление договора только с двумя составляющими (индивидуализмом и собственностью), ведь терминологически его понятие исходит не только из действия, но и общения, разговора между людьми, который возымел определенный результат в виде некого соглашения между ними, а, следовательно, лингвистическая, когнитивная стороны также важны, как и другие составляющие элементы[1].

Однако, когда речь заходит о человеческом поведении требуется междисциплинарный подход, что в свою очередь приводит к трудностям теоретико-методологического характера. Например, слово "проигравший" (ген) с биологической точки зрения означает, что в отличие от индивида его потомство им не обладает. В социальных науках термин "проигравший" указывает на несоответствие человека тому, что рассматривается в качестве социальных стандартов. "Выигравший" в социальном плане может быть "проигравшим" в генетическом и наоборот. Этот аспект проявляется и на методологическом уровне. Так, при эволюционном подходе вся адаптация понимается как непосредственная и положительная. С точки зрения теории игр, действующее лицо способно "сделать шаг назад для того, чтобы продвинуться на два шага вперед", то есть оно обладает способностью дистанцировать себя от непосредственно данного и просчитать гипотетическое будущее. Поэтому при теоретико-игровом объяснении поведения человека используются понятия рациональности и способности к рефлексии, которые не играют никакой роли в эволюционной теории [14:578]. Эти замечания не являются критикой ни одного, ни другого направления, они лишь иллюстрируют как важно учитывать особенности понятий вводимых с помощью одних и тех же обозначений, уточнять их, а также принимать во внимание, что научные дисциплины используют "различные виды логики".

Сказанное в полной мере относится к терминам, включающим в себя категорию согласия - обмен, договор, сделка, соглашение, конвенция, консенсус, каталактика, конвенциональная норма, иллокутивная логика, коммуникативное действие и т.д. При этом в современной науке есть множество направлений их изучения, в рамках одной дисциплины многие из них трактуются по-разному, они используются в широком смысле, обозначая идеальные нормативно-теоретические, со-

© Т.К. Примак, 2008

циальные модели общественного устройства и в узком - распространяясь лишь на конкретные отношения[2] и т.д.

Иными словами, понятия, содержащие категорию "согласия" имеют как различное, так и тождественное функциональное значение, трактуются в зависимости от подходов, отданных предпочтений, методологии исследований и свести их к какому-то общему знаменателю практически невозможно.

В тоже время любые отношения, если они завязались и основаны на согласии, можно именовать договором. Но здесь термин "договор" является скорее обозначением свершившегося факта, где основное значение придается правилам, возникающим в результате соглашения, которые трактуются как рассчитанные на конкретный случай связанный с волеизъявлением людей. Поэтому даже при столь широком подходе за рамками анализа остаются процессуальное образование, закрепление, использование явлений договорного характера, повторяемость и устойчивость отношений, которая во многом определяется достижением согласованности по вопросам общности форм жизни.

С учетом сказанного более приемлемо использовать термин "согласованное взаимодействие", который можно определить как жизненно необходимую потребность и способность к объединению, процесс, направленный на совместную деятельность, установление и поддержание отношений. В самом широком смысле это понятие, являясь частью социального взаимодействия, означает свойство действующих индивидов сосуществовать на основе всех видов договоренностей.

Условиями осуществления согласованного взаимодействия выступают взаимопроникновение инструментальных, коммуникативных, познавательных процессов, индивида, общества, культуры, которые не выводятся одно из другого и не сводятся друг к другу, они взаимосвязаны, что вытекает из следующих положений.

Во-первых, сложные процессы взаимодействия природной и социальной среды наглядно демонстрируют несостоятельность идей о первичности того или иного фактора, вносящего вклад в эволюцию, а также, что какой-либо единственный из них отвечает за отличительную характеристику человека и его социума.

Так, сегодня принято считать, что орудийная, хозяйственная деятельность, огонь, усложнение социальной организации, речь, мышление, человеческий образ жизни, мозг эволюционировали вместе; большинство ученых отказалось от представлений о наличии строгой временной последовательности (филогенез предшествует социогенезу и культурогенезу), поскольку качественные изменения происходят на пересечении различных областей, а, следовательно, не могут рассматриваться как последовательная смена эволюционных стадий [См.: 2,8,9 и др.]; принят основной тезис - человеческий мозг функционирует посредством культуры, в противном случае нормального развития не происходит (К. Гиртц).

То есть с приходом homo sapiens sapiens возникает тип жизни, включающий изготовление сложных орудий и внешние символы (каменные изваяния, лунные календари, пещерные росписи, скульптуры и т.д.), появляются артефакты, свидетельствующие о выделении обусловленной психологическими задатками человека искусственной среды, в которых проявляется человеческая культура. Ключевым фактором в отношении этой новой формы деятельности, опосредованной языком, является то, что она аккумулирует "успешное" взаимодействия с прежним окружением вне тела.

Таким образом, специфика человека состоит не в умении пользоваться искусственными знаками, трудиться и жить группами, а в раздвоенности его существования между непосредственным процессом жизни и предметно-знаковыми объективациями. При этом в акте опосредования совершается двойная координация - с физическим миром и с другими людьми.

Во-вторых, отличие человека от других живых существ заключается в том, что у людей накопление артефактов является признаком культуры, полезные открытия одного поколения непосредственно передаются следующему, у приматов - социальные традиции, включающие жестикуляцию и материальные артефакты, распространяются, но не аккумулируются и составляют лишь небольшую часть общего социального опыта [9:190].

Конечно, дискуссии о соотношении социальных и биологических качеств человека (позиции колеблются от признания решающей роли генетических либо социальных факторов в формировании определенных форм поведения до утверждения "равноценности вклада" социального и биологического[3]) продолжаются. Но, думается, что причина, по которой ведутся столь ожесточенные споры, относится скорее к области политики и имеет идеологическое значение. Ведь накал дебатов определяется предположением, что социально обусловленное может быть изменено в результате политических и психологических усилий, тогда как генетическое - нет.

С точки зрения современной науки этот спор не имеет принципиального значения. Так, генетика может повлиять на многие биологические черты человека и изменить их, в тоже время социально обусловленное не всегда можно изменить посредством политических и психологических усилий. Сегодня основной вопрос - желательно ли вмешательство в генетические свойства человека, который обозначает поставленную научным и техническим развитием новейшую этическую проблему.

Иными словами, основной вывод состоит в следующем - на протяжении миллионов лет филогенеза предки homo sapiens sapiens совершенствовали свои опосредованные артефактами взаимодействия с физической и социальной средой одновременно с органической эволюцией биологических качеств, с приходом homo sapiens sapiens возникает новый принцип развития - культурная эволюция начинает взаимодействовать с биологической. То есть социальные регуляторы и институты имеют не только инстинктивно-витальное происхождение (А. Гелен), не только могут рассматриваться как результат развития скорее психологических, чем витальных сил (Л. Ф. Уорд), это еще и огромный отрицательный и положительный опыт взаимодействия поколений живых существ, большая часть которых следовала таким законам задолго до появления человека.

В-третьих, сегодня совершенно неприемлемо исключать индивидуальную составляющую. Так, этнографы, антропологи, психологи считают личность с "совершенной пустотой в центре" (т.е. без индивидуальной позиции) фантастическим вымыслом; в значительной части исследований обосновывается, что индивидуальная точка зрения просто не сохраняется, а растворяется в вековой традиции; индивидуальность в каждом конкретном обществе проявляется по-разному и варьируется в зависимости от культурного контекста. Следовательно, основной вопрос заключается в том, как интегрируется индивидуальное в групповую деятельность, при ответе на который необходимо принять во внимание выводы философских, лингвистических, психологических направлений, что язык не может функционировать как самостоятельный механизм координации без индивида. В частности, В. фон Гумбольдт отмечал неразрывную связь между языком и культурой, языком и поведением, признавая, что язык есть выражение как культуры, так и индивидуальности говорящего, который в свою очередь, познает мир через язык.

Сто лет спустя эти и другие идеи развивает американская этнолингвистика, результатом исследований которой стала гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа (по фамилиям создателей) предполагающая, что язык не только средство выражение мыслей, но и способ видения и структурирования мира. То есть, грамматика сама формирует мысль, являясь программой и руководством мыслительной деятельности индивида, средством анализа его впечатлений и их синтеза, поэтому группы людей, образующих культуры и говорящие на разных языках, отличаются в своем восприятии и познании мира. Эти и другие положения подтвердились многочисленными экспериментальными, кросс-культурными, антропологическими, психоаналитическими и т.д. данными.

С учетом сказанного, если взять за основу принцип Э. Кассирера: "Мы познаем не предметы - это значило бы, что они раньше и независимо определены и даны как предметы, - а предметно" [7:393], который в переносе на культурофилософскую и антропологическую проблематику полностью сохраняет свое значение, то дать имя - значит выделить предмет, сделать его "существующим", то, что не названо не существует.

В таком контексте присвоение имени лицом - первое выделение "Я", переживание "Я" как отдельного комплекса "Ты" и "Мы". А, судя по тому, что древние придавали огромное значение имени, можно предположить - они в полной мере осознавали собственное "Я". Как свидетельствует академик М.А. Коростовцев: "по представлению египтян, восходящему к глубочайшей древности, имя человека, духа, демона и даже божества являлось органической и сокровенной частью его существа. В заупокойной литературе египтян существовала даже специальная "книга", озаглавленная в переводе "Да процветает мое имя". Считалось, что имя, сохранившееся на надгробном памятнике, обеспечивало вечную загробную жизнь и, наоборот, "худшей местью врагу было уничтожение имен на памятниках" [Цит. по: 5:14].

В-четвертых, человек становится объектом для самого себя лишь тогда, когда он начинает относиться к себе так, как к нему относятся другие, то есть когда он воспринимает, усваивает и воспроизводит отношение к себе других[4]. Поэтому формирование индивидуальности происходит в процессе социализации, что согласно Дж. Миду, предполагает образование двух структур: "me" и "I". "Me" (анг.- мне, меня, мой) позволяет индивиду ориентироваться на то, какое поведение ожидают от него другие члены группы, в тоже время социализация ведет к индивидуализации, к формированию субъективности или "I" (анг.- я) [11:233]. Вместе "me" и "I" образуют личность - "Self", понятие которого соединяет наше внутриличностное "I" с особенностями культуры, проявляющейся в стереотипах поведения, существующих в каждом отдельном социуме[5].

Таким образом, индивидуальность выражается в языке, коммуникации, ограничении себя от других людей и в тоже время - соотнесении себя с ними. Этот процесс включает, с одной стороны, отношение индивида к сообществу, семье, роду, обществу в целом, с другой - осознания собственной идентичности, что происходит вместе с обозначением "предметов" и имеет как внутреннесубъективную, так и внешне-поведенческую сторону.

При этом этнографические и антропологические данные не дают возможности выделить единственный тип "Self", характерный для архаического, примитивного образа мышления, поскольку в одних случаях превалирует индивидуалистическая модель, в других - коллективная или общинная. Но, так или иначе, отмечается, что каждый че-

ловек занимает индивидуальное, характерное для него одного положение в системе социальных связей, испытывает действие особой, индивидуальной комбинации нормативных предписаний, обязательно проявляются различия в поведении, жизненных установках, личностных свойствах, а люди вырабатывают достаточно эффективные социальные разграничения как индивидуальных, так и групповых статусов[6].

Но индивидуальное и коллективное существуют только во взаимосвязи, поэтому принято считать, что если общество не погибает в результате конфликтов, то устанавливается приемлемый баланс между частным и общественным. Этот вывод получил свое фундаментальное обоснование в книге "Частная жизнь" Б. Мура (1984) на примерах эскимосов и индийских племен, сельской общины традиционных обществ, Афин IV в. до н.э., древнего Израиля и Китая между VI в. и III в. до н. э.

В итоге исторических экскурсов он приходит к выводу, что всегда требовались и потому существовали механизмы сдерживания конфликтов между человеком, семьей, коллективом, создавалось пространство для частной жизни и индивидуализма. Подавление личности порождало агрессию, которая является не продуктом современности и не пережитком ранних стадий развития, а следствием взаимодействия между людьми. Всем обществам (если они продолжали существовать, а не погибали в результате конфликтов) в той или иной степени удавалось сбалансировать интересы индивида и общества.

Из приведенного анализа следует, что условия для согласованного взаимодействия в истории человечества наличествовали всегда, а соответственно согласие и различного рода договоренности - необходимые атрибуты человеческого общежития. Конечно, многочисленное использование категории "согласие" не дает возможности однозначно ответить на вопрос, что она собой представляет, поскольку отделить ее от исследуемого контекста чрезвычайно затруднительно. Одно из немногих определений приводит Т. Ньюман: "Под понятием "согласие" я подразумеваю не больше не меньше как существование между двумя или более личностями сходных ориентаций по отношению к чему-то" [13:304].

Вместе с тем, несмотря на отсутствие общепринятой терминологии, так или иначе выделяется общий признак - согласие выступает как отражение социальности, своего рода данность, где антропологическая естественная предрасположенность одного человека к совместному бытию с другим представляет собой то, что не может быть опровергнуто в принципе. То есть сознание, язык, мышление, поведение содержат элементы изначально направленные на достижение согласия, которое включает в себя не только действия, но и представления, идеи, интересы, настроения, чувства и установки людей. Поэтому прав Ю. Хабермас утверждая, что рационализация жизненного мира предполагает "взаимодействия, направленные не нормативно предписанным соглашением, а - прямо или косвенно - посредством коммуникативно достигнутого понимания" [Цит. по: 6:392], то есть заключается в свободном, не навязанном извне согласии.

Таким образом, неоспорим тот факт, что человек сам по себе, без социальных связей не социален, а, следовательно, его действия "одновременно выступают как взаимодействия, которые оформляются определенными формами" [12:23]. При этом согласованное и негативное (конфликтное) взаимодействие, как и необходимость прибегать к целому процессу установления отношений основанных на соперничестве, сотрудничестве, интеграции, дифференциации не взаимоисключающие, а сосуществующие и взаимодополняемые процессы.

Иными словами, согласованное взаимодействие следует трактовать как неотъемлемый компонент и общее свойство всех социальных процессов, это язык, тип мышления, форма деятельности, обеспечивающая сохранение общности, что позволяет говорить о своеобразном "инстинкте", т.е. о повсеместном человеческом поведении с типичной структурой для всех регионов и времен. В свою очередь согласованное взаимодействие приводит к правилам, которые являются одновременно нормативными условиями возможности фактического сосуществования людей и необходимыми предпосылками развития договорных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Безусловно, можно говорить о действии лишь тогда, когда индивид в состоянии выбирать между альтернативными средствами и целями. Однако современные исследования снимают эту проблему, поскольку человек рассматривается как действующий индивид, который всегда обладает определенной автономией, варьирующейся в зависимости от контекста (Э. Гидденс, Р. Берт, Р. Будон и др.)

2. Например, с точки зрения антропологического экономического подхода - обмен это конкретный случай официального или неофициального добровольного соглашения, подразумевающий предложение какой-либо настоящей или будущей выгоды вместо каких-либо других предлагаемых в ответ [См.: 15: 67].

3. Российская культурно-историческая школа всегда решительно настаивала на принципиальном разрыве между человеком и другими видами [См., более подробно: 4].

4. Теория "зеркального Я" Ч. Х. Кули, символический интеракционизм Дж. Мида, "зеркало для человека" К. Клаккона и др.

5. Этот термин ввел сам Дж. Мид, но сегодня его значение более многозначно и с трудом переводится на русский язык, что усложняет проблему и разнообразие в трактовке содержания "Self". Но в конце XX - начале XXI в философско-социологических концепциях и культурно-антропологических теориях исследования стали группироваться вокруг этого понятия, которое становится основной формой изучения идентичности [См. подробнее: 10; 3].

6. Этнографические материалы подтверждают, что в обществах с сильной властью, таких как австралийские аборигены, обязательно присутствует индивидуальность. По словам А.Н. Максимова, изучившего огромное количество литературных источников "каждое австралийское племя представляет собой такой сложный и запутанный клубок отношений, к которому не знаешь, с какой стороны подступиться". Й. Фалькенберг, несколькими десятилетиями позже, опираясь на собственные полевые исследования, пришел к заключению: "…если мы учтем все социальные связи между индивидами, то обнаружим, что нет двух индивидов, имеющих идентичные комбинации социальных ролей. Таким образом, каждый индивид социально уникален" [См.: 1:43].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы. - М., 1987.
2. Асланов Л.Н. Тайны детей Адама. - М., 2005.
3. Белик А.А. Историко-теоретические проблемы психологической антропологии. - М., 2005.
4. Выгодский Л.С. Собрание сочинений: В 6 томах. - М., 1982-984.
5. Иорданский В.Б. О структуре архаического коллективного представления // Вопросы философии 2006. № 8.
6. История социологии в Западной Европе и США.- М., 1993.
7. Кассирер Э. Познание и действительность. - СПб, 1912.
8. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. - СПб, 1998.
9. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. - М., 1997.
10. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. - М., 1977.
11. Мид Дж. Аз и я // Американская социологическая мысль: Тексты. 1996.
12. Мнакацанян М. Ю. Социальное поведение, социальные общности, социальные реалии (о природе предмета социологической науки) // Социс 2003. № 2.
13. Ньюман Т. Исследование согласия // Социология сегодня. - М. 1965.
14. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. - М., 2003.
15. Шрафер Х. Экономическая антропология - СПб., 1999.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА (ПО ИТОГАМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ "КАМАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ")

В.А. Никифоров, *кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета.*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОРГОВОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена вопросам взаимодействия международного торгового права и права внешнеторговой деятельности Российской Федерации в условиях глобализации, тенденциям в развитии правовых ном Российской Федерации в связи с приведением их в соответствие с нормами и правилами ВТО.

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, предъявляют новые требования к международному и внутреннему праву государств, их взаимодействию и взаимовлиянию. Однако было бы правильнее говорить не о глобализации, а об интернационализации внутреннего права государств, отражающей "растущее влияние на внутреннее право международного права и правовых систем других государств"[1], в том числе и на правовое регулирование внешнеторговой деятельности России.

Внешнеторговая деятельность является по преимуществу предметом регулирования публичного права каждого государства, за пределами набора методов государственного (публично-правового) регулирования внешнеторговая деятельность "саморегулируется" рыночным, частноправовым инструментарием.

Осуществляя регулирование внешнеторговой деятельности, государство определяет, кто может выступать в качестве субъектов внешнеторговых контрактов, при этом оно может ограничивать субъектный состав внешнеторговых сделок в конкретных областях или допускать к совершению сделок в отношении конкретной группы товаров только субъектов, отвечающих установленным им требованиям.

Используя сложившиеся в процессе развития мировой торговли разнообразные методы экспортно-импортного регулирования, государство устанавливает режим пересечения товарами его таможенных границ, предусматривает для экспорта и (или) импорта определенных товаров обязательное лицензирование, устанавливает особые требования к подтверждению качества товара, при необходимости ограничивает количество экспорта или импорта товара.

Большинство норм экспортно-импортного регулирования, имея публично-правовую природу, проникают в правовой режим внешнеторговых сделок посредством механизма применения императивных норм, предусмотренного п. 1 ст. 11 92 ГК РФ, являясь императивными нормами, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права.

Обращение к публично-правовому аспекту правового режима внешнеторговых контрактов позволяет создать его целостную систему, кроме того, в связи с предстоящим присоединением России к ВТО вопрос приведения Российского законодательства в соответствие с нормами и правилами этой организации является одним из самых актуальных. При этом, согласно параграфу 4 статьи XVI Соглашения об учреждении ВТО, корректировки требуют не только федеральное, но и региональные законодательства, иные нормативные акты и административные решения Правительства России и ее субъектов. В первую очередь это касается вопросов государственной поддержки производства и экспорта продукции, которые, согласно требованиям ВТО, строго регламентированы, ограничены и должны быть транспарентными.

Поэтому ко времени присоединения к ВТО Россией и ее регионами должны быть пересмотрены действующие и приняты новые законодательные акты, регулирующие взаимоотношения в сферах применения соглашений ВТО. Часть этих актов должна быть изменена или принята вне зависимости от состояния переговорной позиции России, в первоочередном порядке. Другая их часть может быть принята или изменена только по результатам переговоров. Это касается законодательства, регулирующего условия доступа на рынки в сфере услуг и оказания государственной поддержки российским товаропроизводителям.

Наибольшее количество проблем и претензий к российскому законодательству у членов ВТО возникает по вопросам таможенного администрирования, стандартизации, сертификации и подтверждения соответствия, применения санитар-

© В.А. Никифоров, 2008

ных и фитосанитарных мер, валютного регулирования и контроля, а также защиты прав интеллектуальной собственности.

В этих целях Правительство РФ своим распоряжением в редакции от 21.06.2002 г. № 832-р утвердило "План мероприятий по приведению российского законодательства в соответствие с нормами и правилами ВТО". Во исполнение Плана в настоящее время приняты новые федеральные законы, выполняющие базовые требования ВТО к законодательству РФ. Это: новый Таможенный Кодекс РФ, четвертая часть ГК РФ, федеральные законы "О валютном регулировании и валютном контроле", "Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности", "О техническом регулировании", "О специальных, защитных антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров" и другие.

Правовой режим внешнеторговых контрактов отличается комплексным характером регулирования, которое включает международно-правовые и национально-правовые источники, принадлежащие к правовым системам двух или нескольких государств.

Сложность регулирования возрастает в связи с тем, что в него вовлекаются национально-правовые нормы, не только принадлежащие к разным правовым системам, но к тому же имеющие разноотраслевое происхождение, являясь частноправовыми и публично-правовыми нормами.

В связи с этим актуальность данной работы является, на наш взгляд, вполне обоснованной. В предлагаемой работе приводятся основные положения, изменения и отличия перечисленных выше базовых федеральных законов в области внешнеторговой деятельности от ранее действующих редакций федеральных законов.

Сложность и неопределенность регулирования внешнеэкономической деятельности обуславливается, по мнению ведущих ученых, и "возможностью регулирования внешнеэкономических сделок нормами права различных стран, а также неадекватностью содержания этих норм, которые в большинстве своем предназначены для регламентации внутренних сделок по отношению к международным операциям"[2]. Причем ученые подчеркивают, что именно унификация права международной торговли способствует преодолению этих препятствий.

Анализ правового регулирования международной торговли предполагает комплексный подход, определяемый комплексной природой международной торговли. С точки зрения К. М. Шмиттгоффа, "право международной торговли имеет дело с реалиями деловой жизни, в которой переплетаются и взаимодействуют купля-продажа, финансирование, страхование, перевозка, разрешение споров, предъявление исков, т. е. правовые институты, которые обычно анализируются отдельно. Утонченность и нюансировка - это основные черты современного права международной торговли, и, игнорируя их, нельзя понять комплексную природу международной торговли"[3].

Именно такой комплексный подход к механизму публично- правового и частноправового регулирования внешнеэкономической деятельности, на наш взгляд, отвечает современным тенденциям глобализации мировой экономики и интеграционным процессам в области международного публичного и международного частного права.

Международное торговое право является основной частью международного экономического права, равно как и внешнеторговая деятельность является основной частью внешнеэкономической деятельности государства.

Внутреннее право, регулирующее внешнеторговую деятельность, также является основной частью права внешнеэкономической деятельности.

Каждое государство, в зависимости от установленной им формы организации внешнеторговых отношений, определяет условия выхода на внешний рынок для национальных хозяйствующих субъектов, а также порядок допуска на национальный рынок и правовой режим для иностранных субъектов внешнеторговой деятельности. Государство в некоторых ситуациях увеличивает свое присутствие в экономике. Обычно это происходит в наиболее прибыльных и стратегических отраслях, в том числе и в форме "государственной корпорации". Данная проблема также является предметом нашего рассмотрения.

В современных условиях глобализации экономики особенную роль в экономической, политической, социальной жизни приобретают транснациональные корпорации. Их деятельность также нуждается в теоретическом, правовом осмыслении и является также предметом нашего исследования.

Комплексная природа международной торговли определяет комплексный подход к праву, регулирующему внешнеторговую деятельность, который предполагает взаимодействие и взаимопроникновение механизмов публично-правовой и частноправовой природы правового регулирования купли-продажи, финансирования, страхование, перевозки, таможенного регулирования, разрешение споров, предъявление исков.

Необходимость комплексного изучения правового регулирования международной торговой деятельности обосновывается в трудах К.М. Шмиттгоффа, А.С. Комарова, международного экономического права - в исследованиях И.И. Лукашука, В.М. Шумилова.

Исторические аспекты развития международного торгового права и права внешней торговли России исследуются в трудах Г.Ф. Шершеневича, М.П. Бардиной, И. И. Лукашука, М.М. Богуславского и др.

Проблемы взаимодействия международного и национального (внутреннего) права посвящены

работы Л. П. Ануфриевой, В. В. Гаврилова, В. Леви, Д. Б. Левина, И. И. Лукашука, Р. А. Мюллерсона и др.

Вопросы правового регулирования внешнеторговых отношений рассматриваются в исследованиях М. П. Бардиной, М. М. Богуславского, Н. Г. Вилковой, И. С. Зыкина, А. С. Кокина, Л. А. Лунца, Т. Н. Нешатаевой, В. С. Позднякова, М. Г. Розенберга, О. Н. Садикова, Е. Т. Усенко, Г. А. Ухтеева и др.

Анализ правоприменительной деятельности МКАС при ТПП РФ содержится в работах А. С. Комарова, М. Г. Розенберга.

Проблемы влияния глобализационных процессов на развитие права исследуются в трудах И. В. Зенкина, И. И. Лукашука, Е. Г. Лукьяновой, В. М. Шумилова и др.

Правовое регулирование имеет свой, специфический механизм, имеющий универсальный характер для правовых систем всех юридических типов, который представляет собой единую систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения, состоящую из трех компонентов: 1) юридических норм, являющихся основой правового регулирования, 2) правовых отношений, субъективных прав и юридических обязанностей, 3) актов реализации прав и обязанностей.

Глобализация - это объективный и неизбежный процесс, который содержит в себе и позитивные, и негативные черты, но не становится от этого менее объективным, включает в себя все более усложняющийся комплекс трансграничных взаимодействий между физическими лицами, предприятиями, институтами и рынками, который проявляется в расширении потока товаров, технологий и финансовых средств, в неуклонном росте и усилении влияния международных институтов гражданского общества, в глобальной деятельности транснациональных корпораций, и др.

В юридической литературе используются как альтернативные глобализации следующие традиционные понятия: интернационализация, объединение, интеграция в общемировом масштабе на универсальной основе, предполагающая формирование универсального межгосударственного механизма, обеспеченного со стоны государств общей гарантией, опирающаяся на нормативные возможности и гуманистический авторитет права.

Внешнеторговая деятельность, являющаяся основной частью внешнеэкономической деятельности, определяется как деятельность по осуществлению сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью.

В теоретических изысканиях, посвященных правовому регулированию, центральное место занимает понятие "внешнеторговая сделка", которое на данный момент в законе не имеет своего определения.

Для отнесения коммерческой - торговой сделки к международной целесообразно выделение двух признаков: частноправового - местонахождения (домициля) субъектов коммерческой деятельности в разных государствах и публично-правового - осуществление этими субъектами трансграничных (международных) обменов продуктами своей предпринимательской деятельности.

Следовательно, к международным коммерческим (внешнеторговым) сделкам можно отнести сделки, являющиеся формой осуществления предпринимательской деятельности, совершаемые коммерческими предприятиями (предпринимателями), находящимися на территории разных государств и направленные на осуществление трансграничных обменов продуктами (предметами, объектами) предпринимательской деятельности.

Можно выделить следующие характерные закономерности и тенденции развития международно-правового регулирования экономических отношений в период глобализации:

· Большое значение норм "мягкого права".

· Наличие полулегальных норм - норм "серой зоны".

· Наличие в современном международном праве не только координационных, но и субординационных связей, присущих внутреннему праву, императивных норм и принципов, а также признаков "наднациональности", которые проявляются в процессе экономической интеграции, в деятельности международных экономических организаций.

· Дальнейшее развитие международного экономического права в диалектической борьбе - противоречиях между субординационным (двусторонним) и координационным (многосторонним) методами регулирования с постоянным перемещением акцента в сторону многостороннего регулирования.

· Международно-правовое регулирование различных интеграционных процессов, образования единого мирового экономического пространства в условиях противоречия между глобализацией и государственной формой существования современных обществ, между государственными стратегическими интересами отдельных государств и групп государств.

· Более тесная, чем в общем международном праве, связь в международных экономических отношениях между международным и внутренним правом в силу взаимного проникновения хозяйственной деятельности разных государств при тенденции к расширению объектной сферы международного права, постепенного перехода в международно-правовую сферу регулирования большого числа вопросов внутренней компетенции государств.

· Правовое обеспечение реализации принципа равенства, или недискриминации.

· Правовое обеспечение принципа преференций для развивающихся стран, режима благоприятствования.

· Правовое обеспечение реализации принципа взаимности, или взаимной выгоды.

· Укрепление международно-правового режима международных экономических отношений: всемирный характер, унификация международно-правовых норм, реализация принципа приоритета международно-правовых норм.

· Правовое регулирование деятельности транснациональных корпораций.

· Правовое обеспечение принципа либерализации торговли.

· Правовое обеспечение принципа защиты национального рынка.

· Легализация и правовое обеспечение принципа дифференциации правовых режимов в системе международно-правового регулирования международно-экономических отношений.

· Правовое регулирование унификации инвестиционных режимов.

· Развитие международно-правового регулирование на рынке труда.

Международное и внутригосударственное право, будучи самостоятельными правовыми системами, имеющими свою природу, свою сферу действия, свой объект регулирования и свой механизм действия, находятся в постоянном взаимодействии, которое опосредуется волей государств-участников международного общения.

Изучение юридического механизма функционального взаимодействия международных и национальных правовых норм привело к появлению в международно-правовой доктрине теории трансформации, инкорпорации и имплементации, в которых даются разные представления о содержании юридического механизма осуществления норм международного права в рамках внутригосударственных правопорядков, рассматривается вопрос о том, могут ли международные правовые нормы применяться в сфере внутригосударственных отношений непосредственно, т. е. без провозглашения их частью внутреннего права и без трансформации международных договоров во внутригосударственные законы. По нашему мнению, наиболее правильный, утвердительный, ответ на этот вопрос дает теория имплементации.

В современных условиях глобализации наблюдаются следующие интеграционные процессы в области международного и национального права, целью которых является согласование принципов правового регулирования государств на основе норм международного права, определение этапов и совместных мер по развитию национальных законодательств, выработка общих правовых позиций: **гармонизация законодательств государств,** согласование концепций и программ, выработка общих понятий и оценок, упорядоченность правовых действий, т. о. обеспечение единства в многообразии; **унификация законодательств,** создание единообразных актов и норм, заменяющих или действующих субсидиарно с национальными нормами, т. е. осуществление единообразного регулирования правовых отношений; **стандартизация законодательств,** создание технико-юридических норм, обязательных для применения при совершении действий технико-экономического и иного характера; **трансформация,** исполнение государством международно-правовых норм путем их трансформации в национальные законы и подзаконные акты; **имплементация,** исполнение государством международно-правовых норм путем включения их в национальную правовую систему.

Международное торговое право складывалось исторически из торговых обычаев, закрепленных впоследствии в Торговых кодексах, затем стали заключаться двусторонние договоры, и лишь во второй половине 20 века появилась тенденции к многостороннему регулированию.

В развитии мировой торговли и международного торгового права можно выделить следующие этапы:

- **итальянский** (XI - первая половина XV века) характеризуется господством сословных начал, торговое право выражается всецело в обычаях, которые различались по местностям. Ведущую роль в становлении торговых обычаев играла в тот период Италия, выполняющая роль посредницы между Западной Европой и Азией;

- **французский** период (вторая половина XV века - до середины XIX века) ознаменовался появлением Французского торгового кодекса, который получил широкое распространение во многих странах Европы, прежде всего Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии и др.

- **германский** (середина XIX века - 1870 г.) период ознаменовался правовым и экономическим объединением различных германских княжеств, вдохновленных совместной защитой отечества от Наполеона, появлением таможенных союзов, попыток кодификации торгового права.

- **британский** (с 1870 по 1918 г.г.) период, связанный с формированием предпосылок будущей глобализации международной торговли;

- **англо-американский** (с 1918 по 1945 г.г.) период ознаменовался тем, что многие тенденции в развитии торговых отношений и торгового права, зародившиеся в "британский" период, получили свое развитие на данном историческом этапе, но главенствующую роль в формировании направлений международного торгово-экономического развития ведущих стран мира стали играть два государства: Великобритания и США;

- период (с 1946 - 90-ые г. 20 в.) **экономического противостояния ("холодной войны")** социалистической и капиталистической двух мировых систем.

- период **глобализации** (с 90-г.г. XX в. по на-

стоящее время) - новый этап в развитии международных торговых отношений, ознаменовавшийся созданием Всемирной торговой организации - ВТО.

В России нет исторических традиций в пользу обособленного торгового права, права внешнеторговой деятельности. И в настоящее время, как и в эпоху Московского княжества, как и в период конца XIX - начала XX веков, нельзя говорить о самостоятельной системе русского торгового права, оно является частью гражданского права. Это справедливо в отношении и публично-правового, а особенно частноправового регулирования внешнеторговых отношений.

В основе деятельности международных межправительственных организаций лежит не соглашение частных субъектов, а международный договор, который конституирует учредительный акт международной организации, существующей и действующей в области международного публичного права. Однако международная организация не может осуществлять своей международно-правовой деятельности без того, чтобы не быть субъектом хозяйственного оборота. Следовательно, определенные действия международных межправительственных организаций подпадают под действие норм международного частного права.

Деятельность ВТО, МВФ, МБРР, ЮНСИТРАЛ, УНИДРУА и других международных организаций, регулирующих мировую экономику, унифицирующих нормы международного права, в условиях глобализации, призвана совершенствовать экономическое взаимодействие и вырабатывать механизмы правового регулирования международных экономических отношений, обеспечивая баланс интересов всех участников на основе равных для них принципов справедливой конкуренции, защиты отечественной экономики и устранения неоправданных препятствий международной торговле.

В отечественной правоприменительной практике наблюдается тенденция все более широкого использования международно-правовых норм, принципов и прецедентов, как для непосредственного разрешения дела, так и в качестве инструмента для обоснования правовых позиций при выработке решений, а также непосредственного использования международных норм процессуального характера.

Анализ основных источников государственного регулирования внешнеторговой деятельности в РФ показывает, что в настоящее время практически создан новый публично-правовой блок регулирования, состоящий из системообразующего Закона "Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности" 2003 г. и законов, имеющих специальную сферу государственной регламентации внешнеторговой деятельности и постепенно приближающий российское внешнеторговое законодательство к стандартам ВТО.

Анализ основных источников частноправового регулирования внешнеторговой деятельности в РФ показывает, что в настоящее время национальное правовое регулирование внешней торговли РФ входит в блок гражданского права, основным нормативным актом, регулирующим эти отношения, является Гражданский кодекс Российской Федерации.

Можно выделить следующие основные направления развития публичного и частного права внешнеторговой деятельности РФ в условиях глобализации:

· углубление взаимодействия международного и внутригосударственного права;

· интернационализация и гомогенизация внутреннего права;

· признание приоритета международного права над внутренним;

· интенсивное изменение внутреннего права под влиянием международного;

· стандартизация права;

· гармонизация российского законодательства с законодательством стран СНГ и Европы;

· расширение и углубление правового регулирования;

· существенное увеличение количества нормативно-правовых актов на всех уровнях российского законодательства: федеральном, региональном, муниципальном;

· изменение системы источников права;

· тенденция к децентрализации правового регулирования, к перераспределению роли и объема центрального и местного законодательства;

· динамика роста источников российского законодательства: более быстрые темпы роста объема законодательства субъектов Федерации и муниципальных образований на фоне увеличения общего объема всех нормативно-правовых актов в РФ;

· социализация права, в результате расширение социальной деятельности государства увеличение сферы действия публичного права;

· размывание границ между частным и публичным правом, нарастание комплексного нормативного регулирования общественных отношений;

· активное вторжение публичного (административного) права в сферу частного права;

· нарастание процессуальности (процедурности) в правовом регулировании;

· тенденция политизации права в условиях развития глобализационных процессов;

· тенденции демократизации и гуманизации права;

· экологизация права в результате возрастания роли экологического фактора в жизни общества.

В отечественной правоприменительной практике наблюдается тенденция все более широкого использования международно-правовых норм, принципов и прецедентов как для непосредственного разрешения дела, так и в качестве инструмента для обоснования правовых позиций при вы-

работке решений, а также непосредственного использования международных норм процессуального характера.

Влияние процессов глобализации на правоприменительную практику в России осуществляется по нескольким направлениям:

· приведение в соответствие с международными стандартами правовых норм, регламентирующих правоприменительную деятельность, и, прежде всего, охранительный процесс (инкорпорация международно-правовых норм во внутригосударственное право). Это привело к значительному обновлению законодательной базы в сфере процессуального регулирования.

· применение норм, принципов и прецедентов международного права в российской правовой системе. Наиболее широкую практику в этом отношении имеет Конституционный Суд РФ, который использует потенциал международных источников права для обоснования своих правовых позиций при выработке решений. Расширяется практика непосредственного применения норм международного происхождения при разрешении конкретных дел в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в первую очередь Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ.

· влияние глобализационных процессов на правоприменительную деятельность в России - трансформации организационного уровня правоприменения, совершенствование организации и деятельности правоприменительных институтов (системы судебной власти и органов исполнительной власти), обеспечение их соответствия международным стандартам.

Государство во внутренних и международных отношениях должно способствовать развитию национальной экономики, создавая благоприятные условия для деловой активности внутри страны и вне ее, осуществляя дипломатическую защиту своих физических и юридических лиц, регулируя допуск иностранных государств, физических и юридических лиц к деятельности на своей территории следующим образом: а) тарифными мерами, устанавливающими импортные и экспортные таможенные пошлины на свои и иностранные товары; б) нетарифными мерами: квотами, техническими барьерами, лицензированием импорта, системой государственных закупок и т.п.

Для всех субъектов внешнеторговой деятельности, независимо от форм собственности и организационно-правовых форм, согласно Закону "О государственном регулировании внешнеторговой деятельности", в настоящее время действуют общие принципы, определяющие их правовое положение:

· принцип равенства участников внешнеторговой деятельности и их недискриминация, в соответствии с которым все участники внешнеторговой деятельности должны иметь равные права и обязанности, равные условия деятельности;

· принцип защиты государством прав и законных интересов участников внешнеторговой деятельности;

· принцип исключения неоправданного вмешательства государства и его органов во внешнеторговую деятельность, нанесения ущерба ее участникам, принцип приоритета экономических мер над административными.

В результате указанных изменений воздействия государства на их деятельность российские субъекты внешнеторговой деятельности поставлены в одинаковые условия с другими участниками международного рынка, вступают в договорные отношения с иностранными партнерами, руководствуясь своими коммерческими интересами и условиями конкуренции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лукашук И. И. Глобальная ответственность государств// Правовая система России в условиях глобализации: Сборник материалов "круглого стола"/ Под ред. Н. П. Колдаевой, Е. Г. Лукьяновой. - М.: Ось-89, 2005. - С.21.

2. Комаров А. С. Предисловие к русскому изданию// Шмиттгофф К. М. Экспорт: право и практика международной торговли: Пер. с англ. - М.: Юрид. лит., 1993. - С.5.

3. Шмиттгофф К. М. Экспорт: право и практика международной торговли: Пер. с англ. - М.: Юрид. лит., 1993. - С.9.

Nikiforov V. A.

International Trade Law in the situation of Globalization

The article is devoted to the questions of cooperation of international trade law and the law on international trade activity of Russian Federation in the situation of globalization, tendencies in the development of legislative norms of Russian Federation because of bringing them in the accordance with norms and rules of WTO.

В.В. Авилкин, *ассистент кафедры международного и международного права юридического факультета Орловского государственного университета.*

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: АКТУАЛЬНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Дифференциация деловых операций, неявное участие в них многих посредников и агентов, необходимость собирать и защищать информацию о потребителях, умение завоевывать и сохранять доверие клиентов в условиях купли-продажи посредством сети Интернет обязывают вырабатывать систематизированный подход к выявлению и разрешению юридических проблем, связанных с операциями по электронным сделкам, обеспечивающий интеграцию виртуальных и реальных систем и процессов.

Еще несколько лет назад электронная сеть Интернет была ограничена преимущественно академическим использованием, однако увеличивающееся с каждым годом количество пользователей Всемирной паутины привело к тому, что на сегодняшний день с помощью Интернета заключается ни одна тысяча сделок ежедневно. Со страниц Интернета можно без особого труда найти предложения на приобретение товаров и услуг, обычно оплачиваемых кредитными картами или электронными деньгами.

В случае продажи товаров единственная физическая транзакция здесь - отгрузка товара, а если предметом договора выступает, скажем, обеспечение услуг по Интернет-сети (предоставление программного обеспечения или доступ к базе данных, т.д.), никакой физической транзакции не происходит вообще. В подавляющем большинстве случаев на страницах Глобальной информационной сети мы сталкиваемся с так называемыми "договорами потребителей"- когда поставщиком является профессиональный предприниматель, для которого электронные сделки часть его бизнесс-практики, а покупателем - физическое лицо, обычно приобретающее товары или услуги для частных целей. По мере увеличения числа компаний, участвующих в электронной торговле, глобальный доступ к ее процессам и операциям сопровождается установлением новых отношений с потребителями, усложнением требований к управлению каналами поставок и распространения продукции, необходимостью большей осведомленности об особенностях действующего законодательства разных стран.

Физические и юридические лица приобретают и осуществляют права и обязанности по электронным сделкам, руководствуясь своей волей и в своем собственном интересе при свободе в установлении своих прав и обязанностей на основании условий договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Однако поставщик и покупатель находятся зачастую в разных странах и регионах мира. Неизбежно появляется вопрос о том, право какой страны применимо к правам и обязанностям по заключаемой сделке. Кроме того, в международной компьютерной сети, где не так уж просто проследить действительное расположение другой стороны по договору ранее существующие в теории три традиционных условия выбора правопорядка применимого к конкретной сделке с участием потребителя - "место продавца", "место эффективности" и "место совершения сделки" становятся в некоторой степени неактуальными и даже бессмысленными.

Бесспорно, правовое регулирование электронных сделок должно основывается на принципах законности, юридического равенства участников, свободы договора, беспрепятственного осуществления предпринимательской деятельности с использованием электронных средств, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на территориях разных стран охватывающих различные правопорядки, на условиях эффективных и установленных нормами закона гарантиях судебной защиты прав контрагентов. Что

© В.В. Авилкин, 2008

касается России, то согласно п.1 ст.1186 ГК РФ определять право, применимое к отношениям, осложненным иностранным элементом, следует на основе международных договоров, самого ГК РФ, других законов, входящих в гражданское законодательство России, признаваемых в РФ международных обычаев.

Любопытна коллизионная привязка, отсылающая к закону "места жительства потребителя". Для ее применения необходимо установить наличие ряда специальных признаков, что достаточно сложно в силу специфической природы электронного договора. Привязка, о которой идет речь, закреплена в ст.1212 ГК РФ. Если между сторонами договора отсутствует соглашение о подлежащем применении праве, то будет применяться право страны места жительства потребителя при условии, что имело место хотя бы одно из следующих обстоятельств: заключению договора предшествовала в этой стране оферта, адресованная потребителю, или реклама, и потребитель совершил в этой же стране действия, необходимые для заключения договора; контрагент потребителя или представитель контрагента получил заказ потребителя в этой стране; заказ на приобретение движимых вещей, выполнение работ или оказание услуг сделан потребителем в другой стране, посещение которой было инициировано контрагентом потребителя в целях побуждения потребителя к заключению договора. Приглашение заключить электронную сделку обычно посылается потребителю по электронной почте, а принципиальная проблема с формулировкой условий сделки состоит в том, что, как правило, требуется, чтобы приглашение на заключение сделки предшествовало акцепту в стране резиденции потребителя.

Это означает, что приглашение должно быть получено потребителем в той стране, где электронная почта обычно получается и сохраняется потребителем. Часто сервер электронной почты физически размещен близко к местонахождению потребителя, например на локальном межсетевом сервере, и таким образом в той же самой стране, где находится обычно потребитель. Однако это не обязательно. Многие администраторы электронной почты сохраняют почту пользователя в так называемой "центральной станции", которая может быть расположена и в отличной стране от страны нахождения потребителя.

Также потребитель может пребывать в любой иной стране, не проживая там постоянно и не регистрируя там новый электронный ящик, но все еще используя старый счет электронной почты. В таких случаях вероятно определяющим будет обстоятельство, получено ли приглашение (оферта), когда почта сохранена на ее обычной "электронной станции", или, когда пользователь фактически обращается к электронному ящику. Таким образом, для целей определения места получения приглашения совершить сделку по сети Интернет оферта, направленная на электронную почту будет считаться полученной в момент, когда к ней фактически обращается потребитель, независимо от того, где она физически сохранена. Определенные коллизии могут возникнуть, если потребитель обращается к электронной почте из-за границы, например при путешествии. Скажем, если британский потребитель, обращается к своей электронной почте, сохраненной в США, из Нидерландов, получая специфическое приглашение на заключение электронной сделки и принимая примечание адреса поставщика, удаляет сообщение и позже возвращается к электронному договору, принимая все его ранее предложенные условия из Великобритании. Потребитель "как бы получает впервые" приглашение в Великобритании, однако на самом деле оно было получено им заграницей.

Соответствующее решение проблемы может быть найдено двумя способами: во-первых, это - общая особенность среди пользователей электронных почт, не удалять сообщения, которыми они могли бы позже все еще заинтересовываться. Такие сообщения сохраняются на персональном компьютере пользователя, или остаются на сервере администратора почтовой службы. Британский потребитель в нашем примере, получив оферту за рубежом, получил бы ее по электронной почте позже снова, но мог бы теперь ссылаться на правопорядок Великобритании. Ничто в формулировке условий электронных сделок в большинстве случаев не исключает конструкцию, которая допускает второй доступ к приглашению совершить электронную сделку, как то - повторное получение оферты в стране страны потребителя. То есть британец будет считаться получившим оферту у себя в Великобритании, хотя ранее уже ее получал, находясь в Нидерландах.

Это правило разумно также применять, если потребитель сохраняет сообщение на диске или печатает его, так как не имеет никакого преимущества конкретный способ получения приглашения совершать электронные сделки перед другими. Во-вторых, можно предположить, что потребитель получил оферту в стране его обычного места жительства, если он использует почту и правопорядок именно страны постоянной его резиденции. Само сообщения электронной почты можно сравнивать с рассылкой рекламных материалов по подписке через обычную, неэлектронную почту. Необходимо так же сказать, что для того чтобы оферта считалась полученной, адресат должен быть реально о ней осведомлен.

Простого факта нахождения сообщения на почтовом сервере (физически он может находиться в любой стране мира) недостаточно. Следовательно, слова "адресована в этой стране оферта или реклама" как закреплено, к примеру, в ГК РФ должны пониматься как "оферта или реклама получена в этой стране". Аналогично трактуются и

нормы в большинстве стран мира, выраженные в аналогичных формулировках. Поместив о себе информацию в сети Интернет, продавец обязан осознавать, что она будет доступна в любой стране мира и в отношении любого пользователя, имеющему компьютер и выход в Глобальную информационную сеть. Интернет как международное явление, поощряет, а не запрещает международные контакты. И в подавляющем большинстве случаев продавец заинтересован в том, чтобы о его товарах и услугах узнало как можно больше людей по всему миру, что обусловлено целью предпринимательства - извлечение прибыли от осуществляемой деятельности. Однако если продавец заинтересован в ограничении круга лиц, получающих его предложения, он должен предпринять для этого соответствующие действия.

Интересна практика Федеральной комиссии США по ценным бумагам и биржам которая установила порядок, при котором считается, что вебсайт не адресован покупателям ценных бумаг в США, если веб-сайт содержит четкое заявление о том, что предлагаемая информация не относится к лицам из США, или веб-сайтом предусмотрены специальные процедуры, созданные для предотвращения продажи ценных бумаг лицам из США, в частности процедуры определения резидентства потенциального покупателя (по номеру контактного телефона, адресу электронной почты и др.) И, следовательно, если продавец не предпринимает подобные действия, то он автоматически адресует свои предложения всем потребителям сразу (как можно большему их числу).

Таким образом, контрагенты, успешно функционирующие в он-лайновой среде, должны быть в курсе специфических вопросов, связанных с выполнением явных и подразумеваемых контрактных обязательств возникающих или должных возникнуть друг перед другом. Дифференциация деловых операций, неявное участие в них многих посредников и агентов, необходимость собирать и защищать информацию о потребителях, умение завоевывать и сохранять доверие клиентов в условиях купли-продажи посредством сети Интернет обязывают вырабатывать систематизированный подход к выявлению и разрешению юридических проблем, связанных с операциями по электронным сделкам, обеспечивающий интеграцию виртуальных и реальных систем и процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. А. Мальцев "Коллизионные привязки международного частного права
в электронных сделках потребителей" // Российская юстиция, N 10, октябрь 2003 г.

Concluding electronic bargains via Internet. Actuality of legislative regulation

Differentiation of business transactions, not evident participation in them of a lot of mediators and agents, the necessity of gathering and defending the information about consumers, the ability of gaining and preserving clients' confidence in the situation of buying and selling via Internet oblige to work out a systematized approach to revealing and solving legislative problems connected with the operations on electronic bargains, providing integration of virtual атв real systems and processes.

М.М. Александров, *ассистент кафедры международного и международного частного права Орловского государственного университета.*

ИНИЦИАТИВЫ РОССИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ МИРА НА ЕВРОАЗИАТСКОМ КОНТИНЕНТЕ В 2006-2008 ГОДАХ

В докладе использованы данные, содержащиеся в выступлениях Президента Российской Федерации - Послания Президента России Владимира Путина Федеральному собрания в 2007 году, Выступления 8 февраля 2008 года на расширенном заседании Государственного совета "О стратегии развития России до 2020 года", материалы подготовленного Министерством иностранных дел и одобренного президентом В.В. Путиным 27 марта 2007 г. "Обзора внешней политики Российской Федерации, а также публикации в средствах массовой информации.

В 2006 -2007 годах международная обстановка характеризовалась продолжением процесса укрепления коллективных и правовых начал в международных отношениях на основе признания неделимости безопасности в современной мире. В мировой политике возросло значение энергетического фактора, в целом доступа к ресурсам. Значительно упрочилось международное положение России. Сильная, более уверенная в себе Россия стала важной составной частью позитивных перемен в мире.

Наряду с позитивными изменениями сохраняются и негативные тенденции: расширение конфликтного пространства в мировой политике, выпадение проблематики разоружения и контроля над вооружениями из глобальной повестки дня. Под флагом борьбы с новыми вызовами и угрозами продолжаются попытки создания "однополярного мира", навязывания другим странам своих политических систем и моделей развития при игнорировании исторических, культурных, религиозных и других особенностей развития остального мира, произвольного применения и толкования норм и принципов международного права.

События последних лет свидетельствуют также о навязывании миру - вопреки объективной тенденции современного мирового развития - гипертрофированного значения фактора силы в международных отношениях для решения тех или иных проблем исходя из политической целесообразности, в обход всех правовых норм. Очевидной становится незаинтересованность отдельных государств связывать себя новыми международно-правовыми обязательствами в сфере безопасности и разоружения, вследствие чего тормозится процесс разоружения, а у тех стран, которые чувствуют себя уязвимыми в военном отношении, усиливается тяга к обладанию оружием массового уничтожения в качестве гарантии собственной безопасности.

Россия в течении десятилетий строго следует международным обязательствам. Выступая 8 февраля 2008 года на расширенном заседании Государственного совета, Президент Российской Федерации В. Путин сказал: "Мы выполняем все международные договоренности, в том числе, в области безопасности, и международные соглашения, в том числе, Договор по контролю за вооружением в Европе". Далее Глава государства заметил, что "Наши партнеры со стороны стран-участников Североатлантического договора НАТО не ратифицировали некоторые документы, не выполняют их, требуя от нас дальнейшего одностороннего выполнения. Сама организация НАТО расширяется, приближает свою военную инфраструктуру к нашим границам....Мы базы ликвидировали и на Кубе, и во Вьетнаме, и что мы получили? Новые американские базы в Румынии, в Болгарии, новые позиционные районы ПРО в Польше... Нас пытаются убедить, что эти действия не направлены против России, при этом наши озабоченности вполне обоснованны ".

Именно названными факторами обусловлена международная политика России, а также конкретные шаги по поддержанию и укреплению мира во всём мире, и, в первую очередь, на Евроази-

© М.М. Александров, 2008

атском континенте. Можно выделить следующие формы и направления реализации внешней политики России.

I. Участие России в деятельности ООН.

1. ООН остается универсальным форумом, наделенным уникальной легитимностью, несущей конструкцией международной системы коллективной безопасности, главным элементом современной многосторонней дипломатии. Принципиальный выбор России в пользу коллективного образа действий мирового сообщества предполагает укрепление центральной роли Всемирной организации во всех сферах международной жизни.

ООН является платформой для обсуждения и выработки решений по широкому спектру вопросов социально-экономической, гуманитарной и природоохранной повестки дня, включая преодоление бедности, финансирование развития, экономическое сотрудничество и интеграцию, торговлю, развитие промышленности, транспорта и коммуникаций, образование, здравоохранение, предотвращение стихийных бедствий, техногенных катастроф и др.

2. В настоящее время ООН переживает в своем развитии сложный момент, связанный с самой крупной за всю историю **реформой Организации.** Россия понимает необходимость реформ ООН, которые позволили бы Организации продолжать играть роль главного международного механизма в коллективном противодействии вызовам и угрозам безопасности и устойчивому развитию. Главное в этом процессе - повышение эффективности ООН, подтверждение ее центральной роли в мировых делах при сохранении межгосударственной природы Организации. Это возможно только на путях максимально широкого согласия стран-членов по всем реформенным решениям. Не будут работоспособными схемы, которые вопреки Уставу ООН отстраняли бы отдельные государства или группы стран от активного участия в делах Организации или внедряли в работу ее Секретариата какую-то одну систему ценностей.

В реформенной сфере уже имеются конкретные достижения: создана Комиссия по миростроительству, учрежден Совет по правам человека, одобрена Глобальная контртеррористическая стратегия, приняты решения по активизации работы Генассамблеи ООН.

3. Россия с самого начала поддержала идею создания **Комиссии по миростроительству.** Мы приняли активное участие в разработке основных положений, определяющих круг ведения КМС, ее состав, взаимоотношения с другими органами ООН. Нам удалось отстоять положение, согласно которому деятельность Комиссии должна развиваться при активном участии Совета Безопасности, в повестке дня которого на протяжении длительного времени стояли вопросы урегулирования конфликтов. Россия как постоянный член Совета Безопасности вошла в руководящее ядро КМС - ее Организационный комитет.

4. Вновь созданный **Совет ООН по правам человека** должен неукоснительно руководствоваться принципами универсальности, конструктивного международного диалога и обеспечения основных свобод для всех без каких-либо различий и на справедливой и равной основе. Важно, чтобы Совет преодолел те негативные моменты, которые мешают правозащитному сектору ООН в полной мере реализовывать свой потенциал, - конфронтацию и "двойные стандарты" при оценке правозащитной ситуации в мире. Работа Совета не должна носить политизированный характер.

5. Россия - активный участник **миротворческих усилий ООН.** Россияне работают и несут службу в 13 из 19 текущих ооновских операциях по поддержанию мира (ОПМ). В то же время занимаемое нами сегодня 40-е место по количеству миротворцев, участвующих в ОПМ под эгидой ООН, а также доля в бюджете на миротворческие операции (1,4%) не соответствуют роли России в современном мире. Планируется продолжать наращивать усилия в миротворческой сфере ООН, а также во взаимодействии с такими региональными организациями, как ОБСЕ, ОДКБ, СНГ, ШОС. В политическом плане увеличение нашей активности в сфере поддержания международного мира и безопасности под эгидой ООН добавило бы аргументов к требованиям, соответствующим и российским национальным интересам, о том, что использование силы в международных отношениях возможно только с санкции Совета Безопасности ООН.

6. Поступательно развивается российское участие по магистральным направлениям гуманитарной деятельности ООН. При нашей последовательной поддержке **ООН закрепилась в качестве глобального центра международных гуманитарных усилий.**

II. Международное сотрудничество в борьбе с новыми вызовами и угрозами

1. Глобальная контртеррористическая стратегия, принятая в ООН в сентябре 2006 года при активном участии России, содержит развернутый план первоочередных действий для снижения глобальной террористической угрозы. Россия стала первым ядерным государством, ратифицировавшим Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма (МКБАЯТ). Планируется ускорить ратификацию Конвенции о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения - единственной из 13 международных антитеррористических конвенций, участником которой Россия пока не является, а также продолжить работу над согласованием всеобъемлющей конвенции ООН по международному терроризму. Особое внимание уделяется заполнению пробелов в международном уголовном праве, включая создание правовой основы для борьбы с проявле-

ниями терроризма в киберпространстве, противодействия распространению контрафактной медицинской продукции.

2. Необходимо продолжать уделять особое внимание **антитеррористическим усилиям под эгидой Совета Безопасности ООН.** В рамках Комитета 1267 СБ ООН по санкциям в отношении лиц и организаций, связанных с "Аль-Каидой" и движением "Талибан", мы участвуем в принятии решений о включении конкретных физических и юридических лиц в санкционный список, а также в работе Контртеррористического комитета (КТК) СБ

3. В рамках **СНГ** продолжена работа по реализации Концепции сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма в рамках соответствующей Программы сотрудничества на 2005-2007 гг.

4. На саммите **ШОС** в Шанхае в июне 2006 года приняты Декларация пятилетия ШОС с содержательной антитеррористической частью, Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-членов ШОС, Соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств-членов ШОС лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности, Соглашение о технической защите информации в Региональной антитеррористической структуре (РАТС) ШОС, а также Программа сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007-2009 гг.

5. Вступив в 2003 году в **Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ),** Россия активно содействует созданию Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма по типу ФАТФ (ЕАГ).

6. Россия первой из государств-участников Совета Европы ратифицировала **Конвенцию СЕ о предупреждении терроризма** (2005 года). Это соглашение признает уголовно наказуемыми такие виды деяний, как публичное подстрекательство к совершению террористических актов, вербовку и подготовку террористов.

III. Разоружение, контроль над вооружениями и нераспространение

1. Новые угрозы и вызовы в сфере безопасности, неурегулированность региональных конфликтов, проявившаяся в последние годы **тенденция возрастания фактора силы** в мировых делах оказала неблагоприятное воздействие на динамику разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения. Возрос дефицит предсказуемости в сфере международной безопасности. Повышается опасность вмешательства извне во внутренние дела суверенных государств под предлогом решения задач нераспространения ОМУ. Создаются предпосылки для того, чтобы оправдать понижение "порога" применения ядерного оружия.

Эти негативные тенденции, а также отрицательное отношение США к многосторонним юридически обязывающим инструментам в сфере разоружения привели к тому, что в последние годы разоруженческий процесс отодвинут на второй план. Почти десятилетие бездействует Конференция по разоружению, очевидна стагнация в работе Комиссии ООН по разоружению.

Начинают в реальном военном строительстве проявляться последствия выхода США из **Договора по противоракетной обороне (ПРО).** Они приступили к развертыванию глобальной системы ПРО. Построены две базы ракет-перехватчиков на Аляске и в Калифорнии. Планируется создание третьей такой базы в Восточной Европе. Американцы втягивают некоторых европейских партнеров по НАТО в развертывание эшелонированной ПРО в Европе в качестве интегрированной части своей глобальной системы ПРО.

Появление европейской противоракетной базы США означало бы существенную реконфигурацию американского военного присутствия в Европе, придание американским вооруженным силам в этом регионе стратегического компонента, способного негативно сказаться на ядерном потенциале сдерживания Российской Федерации.

Новая американская космическая стратегия закрепляет за США возможность **размещать оружие в космосе,** что может спровоцировать гонку космических вооружений. Китай уже провел испытание противоспутникового оружия, продемонстрировав возможность борьбы с космическими аппаратами. Пока не удается запустить выработку международной договоренности о неразмещении оружия в космосе.

До сих пор не определены перспективы будущих российско-американских договоренностей в области стратегических наступательных вооружений (СНВ). Срок действующего **Договора о СНВ** истекает 5 декабря 2009 года. Позиция США против новых юридических обязательств в этой области по-прежнему сдерживает работу по данной тематике.

Озабоченность вызывает ситуация, складывающаяся вокруг **Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности (РСМД).** Ракеты этих двух классов были уничтожены в соответствии с Договором еще в 1991 году, но с тех пор этому международно-правовому акту так и не было придано универсального характера. Более того, все большее число государств, в том числе расположенных вблизи наших границ, разрабатывают и берут такие ракеты на вооружение. В этих условиях необходимо задуматься об обеспечении нашей собственной безопасности.

"Завис" **Договор о всеобъемлющем запре-**

щении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), в первую очередь из-за отказа США его ратифицировать.

Отложено "в долгий ящик" вступление в силу адаптированного **Договора о вооруженных силах в Европе** в связи с неготовностью членов НАТО ратифицировать его под надуманным предлогом "невыполнения" Россией т.н. стамбульских обязательств по Грузии и Молдавии.

2. Хотя гонка ядерных вооружений периода "холодной войны" закончилась, **развитие ядерных потенциалов мировых держав продолжается.** Существующие механизмы разоружения и нераспространения не приспособлены для эффективного реагирования на новые вызовы международной безопасности, включая возможную смычку оружия массового уничтожения и терроризма.

Серьезным испытаниям подвергается режим **Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).** КНДР вышла из этого соглашения и провела ядерное испытание. Остаются вопросы в отношении выполнения своих обязательств Ираном. Вне ДНЯО по-прежнему остаются Индия и Пакистан, которые провозгласили свой "ядерный статус". Не подтверждает, но и не опровергает факт обладания ядерным оружием Израиль.

Не получается добиться универсализации **Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО),** а также **Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО).**

В ракетной области продолжают действовать лишь **Режим контроля за ракетной технологией (РКРТ) и Гаагский кодекс поведения (ГКП)** по предотвращению распространения баллистических ракет. Эти политические договоренности в силу ограниченности состава участников и недостаточной правовой базы пока не могут служить основой для решения проблемы ракетного распространения.

В то же время подавляющее большинство международного сообщества выступает за укрепление многосторонних основ разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения ОМУ. Противодействовать новым вызовам и угрозам предлагаем на основе действующих договоров, несмотря на существующие в них изъяны. Российские инициативы в области предотвращения размещения оружия в космосе, международной информационной безопасности, разработки юридически обязывающей договоренности в области ракетного нераспространения получают все большую поддержку. За наши резолюции на ГА ООН по этим вопросам голосует подавляющее большинство государств и лишь США в одиночку выступают против.

В создавшихся условиях необходимы коллективные действия по укреплению режима нераспространения, недопущению расшатывания международно-правовой разоруженческой базы, обеспечению преемственности процесса сокращения вооружений, прежде всего ядерных, предотвращению возникновения "правового вакуума" и новых сфер гонки вооружений.

- Россия добивается договоренностей с США о дальнейших эффективных ограничениях СНВ, а также по вопросам стратегической безопасности, где имеются субстантивные расхождения с ними, включая вопросы создания ядерных зарядов малой мощности, оснащения межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок неядерными боеголовками, строительства глобальной ПРО, особенно размещения ее элементов в Европе.

- Продолжается продвижение получающих широкую международную поддержку инициатив России о заключении договора о предотвращении размещения оружия в космосе, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, а также о развитии мер укрепления доверия и транспарентности в космической деятельности.

- Важно возобновление российско-американского диалога по широкому кругу вопросов космического сотрудничества.

Говоря об инициативах России по поддержанию и укреплению мира на Евроазиатском континенте, необходимо также сказать о деятельности по урегулированию конфликтов, кризисном реагировании, в особенности - урегулирование кризисных ситуаций на Ближнем и Среднем Востоке, поддержании мира на постсоветском пространстве, однако, временные рамки моего выступления не позволяют этого сделать в полном объёме.

Подводя итог сказанному, нельзя не заметить, что реализация мирных инициатив России невозможна без тщательного анализа действующих норм международного права, и разработки новых международно-правовых актов.

The initiative of Russia in the maintenance and consolidation of the peace in Eurasian continent in 2006-2008.

During several years Russia was strictly following the international obligations. Direction of the realization foreign policy are: Russia participation in the OUN. The international collaboration in the strife with the new challengers and threats.

Н.Н. Касьянова, *кандидат педагогических наук, доцент социального факультета ОГУ.*

КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Рассмотрев, таким образом, основные концепции международных организаций в сфере социальной защиты населения мы, также должны отметить и то обстоятельство, что уровень социального обеспечения в России еще крайне низок, в том числе и после реформирования всей социальной сферы, и в особенности пенсионного обеспечения. Это обстоятельство, по-прежнему, остается одним из факторов социальной напряженности, и определяет приоритет решения социальных задач в государственной политике в ближайшей перспективе.

На современном этапе цивилизационного развития мировое сообщество выработало вполне конкретные ориентиры такой социальной политики государств, которая бы в максимально возможной степени обеспечивала достижение социального благополучия. Данные ориентиры закреплены в международных документах в форме общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, касающихся социальной сферы. Они определяют приоритеты и основные направления построения национальных систем социальной защиты населения, в том числе и системы социальной защиты в РФ как участника основополагающих международных договоров в данной сфере.

Под договором понимается международное соглашение, заключенное Россией с иностранными государствами либо с международными организациями в письменной форме и регулируемое международным правом. При этом обязательной для всей правовой системы РФ является норма о приоритете международных договоров над внутренним законодательством

К международным договорам России относятся и те договоры, в которых она выступает как государство-правоприемник СССР.

Это относится ко Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая закрепляет:

· право каждого человека, как члена общества, на социальное обеспечение;

· право на достойный уровень жизни, гарантирующий возможность удовлетворения основных потребностей человека, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния;

· перечень социальных рисков, при наступлении которых возникает право на социальное обеспечение (инвалидность, старость, утрата кормильца, безработица и т.д.).

Право каждого человека на социальное обеспечение закреплено также в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.). Вслед за Всеобщей декларацией прав человека в нем закреплено право каждого человека и его семьи на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни (ст. 11). Этот Пакт ратифицирован СССР 18 сентября 1973 г. и вступил в силу 3 января 1976 г. Россия как правопреемница СССР несет все юридические обязательства, в том числе перед своим народом в первую очередь, по данному Пакту. Он, как и некоторые другие международные договоры, входит в массив законодательства страны.

Важную роль в системе социальной защиты населения в современном мире играет Международная организация труда. МОТ - специализированное агентство Организации Объединенных Наций, созданное в 1919 г. в соответствии с Версальским мирным договором в целях обеспечения прочного мира через социальную справедливость. В своих базовых документах - уставе, декларациях, конвенциях, рекомендациях - МОТ создала стройную систему рекомендаций по организации национальных систем социальной защиты. В их числе:

· определение целей и принципов социальной защиты;

· ролевые функции государства и социальных субъектов;

· определение уровней социальных гарантий;

· организационные, финансовые и правовые механизмы.

Позиция МОТ по системе социального страхования как части социальной защиты населения состоит в том, что по сравнению с другими мето-

© Н.Н. Касьянова, 2008

дами коллективного социального обеспечения (например, социальной помощью) данный институт защиты имеет такие важные преимущества, как:

· вовлечение трудящихся (от которых требуется внесение взносов) материально и морально в процесс защиты их здоровья и трудоспособности;

· создание специализированных (а потому и высокоэффективных) страховых учреждений, занимающихся исключительно организацией профилактики, медицинским обслуживанием, предоставлением денежных выплат, которые обеспечиваются одной и той же организацией;

· гарантия определенных прав (и соответственно сохранение самоуважения у делающих взносы), что защищает от произвольных решений органа, отвечающего за выплату пособий;

· гарантия выплат путем выделения определенных ресурсов и распределением расходов в течение длительного периода в соответствии со страховыми расчетами.

В 2003 году на Международной конференции труда в Женеве генеральный директор МОТ Сомавиа Х. представил Концепцию "Достойный труд". Она исходит из основополагающего значения труда в жизни человека, общества и государства и обосновывает, что обеспечение достойного труда возможно только на основе конструктивного трипартизма, при условии достижения позитивного консенсуса между правительством, работодателями и трудящимися по ключевым вопросам условий труда, его оплаты и социальных гарантий.

Что касается реализации данной концепции, то на глобальном уровне МОТ содействует выработке и принятию единых трудовых стандартов, а на региональном - осуществляет в ряде стран пилотные программы по достойному труду, особенностью которых является взаимосвязь между развитием трудовых отношений и уровнем экономического развития страны. Из государств СНГ в такой программе принимает участие Казахстан.

Концепция "Достойный труд" включает в себя важнейшие направления социальной политики, раскрывающие качественные характеристики труда и социальной защиты работников:

· продуктивную деятельность или производительный труд, способный обеспечивать конкурентоспособность страны;

· справедливый доход для работников (достойная оплата труда);

· безопасность на рабочем месте;

· социальную защиту от безработицы, в случае беременности, необходимости ухода за ребенком, от рисков при наступлении старости, утраты кормильца, несчастных случаев на производстве и профессиональной заболеваемости;

· возможность и перспективы личного профессионального роста;

· активное участие в принятии важных управленческих решений (через профсоюзы и ассоциации предпринимателей);

· равные стартовые позиции и возможности для обоих полов.

В качестве основы рекомендаций для организаций социальной политики государств и членов Европейского союза в начале XXI века была разработана доктрина социальной сплоченности. Она рассматривает способность общества обеспечивать благополучие всех своих членов, сводить к минимуму неравенство и избегать поляризации общества.

Государства - члены Совета Европы стали рассматривать социальную сплоченность как свой приоритет в организации социальной, культурной и политической жизни, а ее достижение - как непременное условие защиты прав человека и человеческого достоинства.

В сфере благосостояния людей социальная сплоченность подразумевает достижение равенства и отсутствие дискриминации в обеспечении прав человека в реальной жизни при наличии многообразия мнений культуры и религиозных верований, что может быть обеспечено на основе соблюдения следующих принципов:

· признания достоинства людей, их способностей и самобытности;

· обеспечения свободы личного развития людей на протяжении всей их жизни;

· предоставления возможности для активного участия каждого мужчины и каждой женщины в публичной, культурной и трудовой жизни общества.

В документах, посвященных социальной сплоченности, подчеркивается, что Совет Европы стремится разработать такой подход к социальной сплоченности, который основан на правах человека, которые являются самой прочной основой социальной политики. Именно благодаря наличию прав члены общества находятся в равных условиях. Деятельность государства в области социальной политики уже не сводится к благотворительности или к социальной помощи, предназначенной для тех членов общества, которые находятся в наименее благоприятном положении; речь идет о том, чтобы гарантировать условия свободного права одинаковыми для всех.

Рассмотрев, таким образом, основные концепции международных организаций в сфере социальной защиты населения мы, также должны отметить и то обстоятельство, что уровень социального обеспечения в России еще крайне низок, в том числе и после реформирования всей социальной сферы, и в особенности пенсионного обеспечения. Это свидетельствует о том, что наше государство, в настоящее время не в состоянии обеспечить уровень социальной защищенности населения соответствующий современному уровню развитых государств и предусмотренному всем комплексом международных договоров. Это обстоятельство, по-прежнему, остается одним из факторов социальной напряженности, и определяет приоритет решения социальных задач в государственной политике в ближайшей перспективе.

CONCEPTS OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE SPHERE OF SOCIAL DEFENSE

Investigating the main concepts of international organizations in the sphere of the social defense of population we have to appoint that the level of social support in Russia is still quit low even after the reformation of all social sphere and mostly pension supply. This circumstance is still one of the factors of social tension and appoints the priority in the solution of social tasks in governmental politics for the nearest future.

В.Е. Кирсанова, *старший преподаватель кафедры международного и международного частного права Орловского государственного университета.*

ПРОБЛЕМА УЧЕТА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ

Согласно общим принципам международной ответственности государств, всякое международно - противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства. Из этих основополагающих принципов не может быть каких-либо исключений до тех пор, пока международное обязательство действительно для данного государства. Однако существуют обстоятельства, которые приостанавливают в конкретном случае действие соответствующего обязательства или обуславливают его невыполнимость.

Согласно общим принципам международной ответственности государств, всякое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность государства. Международно-противоправное деяние налицо всякий раз, когда государство своим поведением нарушает свое международное обязательство.

Из этих принципов не может быть каких-либо исключений до тех пор, пока международное обязательство действительно для данного государства. Однако существуют обстоятельства, которые приостанавливают в конкретном случае действие соответствующего обязательства или обуславливают его невыполнимость. Отсутствие в таком случае противоправности деяния государства исключает как следствие международную ответственность государства, не влечет таковой.

Обстоятельства, исключающие противоправность деяния, должны быть юридически значимыми и, соответственно, определяться юридическими правилами, которые и сформулированы в ст.29-34 Проекта об ответственности государств. Их сопровождает детальный комментарий Комиссии международного права, помогающий уяснить сущность сформулированного принципа.

Как отмечают исследователи, "в действительности могут иметь место обстоятельства, которые препятствуют на данном этапе выполнению государством своих обязательств, в том числе выполнению их в срок. Эти обстоятельства могут исключить международно-правовую ответственность государств. Наряду с такими обстоятельствами могут существовать и обстоятельства, смягчающие ответственность государства за невыполнение своих обязательств"[1].

Международная судебная практика в целом свидетельствует в пользу обстоятельств, исключающих ответственность. В решении Постоянной палаты третейского суда 1912 года по делу о возмещении России говорилось: "В соответствии с общими принципами права, признаваемыми во всех странах, ответственность не возникает, если ущерб причинен независимо от воли представителя государства"[2].

Как отмечает И.И.Лукашук, "в статьях об ответственности государства такие обстоятельства рассматриваются как исключающие противоправность (circumstances precluding wrongfulness). При обсуждении в Комиссии международного права ООН проекта статей пришлось обратить внимание на недостаточную обоснованность этого положения. В ходе обсуждения проекта статей в Шестом комитете также было выражено мнение, что названием соответствующей главы должно было быть "Обстоятельства, исключающие ответственность", поскольку противоправность деяний определяется, главным образом, другими нормами международного права и только затем - нормами об ответственности"[3].

Статьи об ответственности государств за международно- противоправные деяния, подготовленные Комиссией международного права и одобренные сессией Генеральной Ассамблеи ООН 12 декабря 2001 года, содержат перечень обстоятельств, исключающих противоправность. Ответственность государств заключается при следующих условиях:

В случае достижения государствами согласия относительно действий, которые противоречат ранее принятым ими обязательствам или соответствующим нормам международного права. В

© В.Е. Кирсанова, 2008

В частности, ввод иностранных войск на территорию государства обычно рассматривается как серьезное нарушение суверенитета государства, а зачастую как акт агрессии. Данная акция не может быть признана таковой, если она осуществляется по просьбе или с согласия государства.

Аналогичное положение действует и в отношении международных договоров. Как известно, по взаимному согласию сторон действие международного договора может быть приостановлено или прекращено в целом или частично. Тем более оправдано невыполнение договора с согласия другой стороны в конкретном случае. При этом договор сохраняет свою юридическую силу. Данное явление достаточно часто встречается в международной практике.

Исключение ответственности государства наступает при наличии следующих условии: согласие государства должно быть международно-правомерным, согласие должно быть ясно выраженным, а не подразумеваемым, согласие должно предшествовать совершению действии. Важным обстоятельством является то, что согласие может быть использовано в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния только в тех пределах, которые имеет в виду государство, дающее такое согласие (речь идет о сфере действии и сроков).

"Юридически действительное" согласие означает, что согласие дано в соответствии с международным правом, т.е. без принуждения или иных обстоятельств, лишающих его юридической силы. Это выражение охватывает так же случаи, когда юридически действительное согласие вообще не может иметь место, случаи, когда это касается императивных норм.

При всех условиях, чтобы быть юридически действительным, согласие должно быть дано свободно и в ясно выраженной форме. Согласие может быть аннулировано на тех же основаниях, на которых аннулируется согласие на обязательность договора: ошибка, обман, подкуп, принуждение государства или международной организации. Как отмечает И.И. Лукашук, "в таких случаях целесообразно руководствоваться соответствующими статьями Венских конвенции о праве договоров, в которых раскрывается содержание соответствующих понятий"[4].

Следует отметить, что ряд исследователей в учебных пособиях перечисляют следующее обстоятельство (самооборону) зачастую лишь формулируя эту конструкцию как противоправное действие.

Самооборона как обстоятельство, исключающее противоправность деяния, является общим принципом права, его правильное понимание состоит в том, что силу дозволено отражать силой, но это должно делаться для самообороны, чтобы предотвратить ущерб.

Статья 21 включает именно эту формулировку, в которой подчеркивается, что самооборона является законной мерой, принятой в соответствии с Уставом ООН.

Контрмеры - еще одно обстоятельство, исключающее противоправность деяния. Контрмеры - это действия, которые были бы противоправными, если бы не осуществлялись в ответ на правонарушение в целях обеспечения прекращения противоправного деяния. В классическом праве было принято говорить о санкциях, самопомощи, репрессалиях. Термин "контрмеры" был введен арбитражным решением 1979 года по делу о соглашении о воздушном сообщении (США против Франции) и Комиссия международного права ООН сочла его наиболее подходящим и в настоящее время его можно считать общепризнанным.

Следующее обстоятельство - форс мажор - связан с общим принципом права Quod alias non fuit licitum necessitas licitum facit - необходимость делает законным то, что было бы незаконным при иных условиях.

Если деятельность государства была вызвана непреодолимой силой или не поддающимися контролю непредвиденными внешними обстоятельствами. Речь может идти о ситуациях, вызванных явлениями природы (наводнение, землетрясение, эпидемия) или деятельностью людей, и обозначаются они терминами "форсмажор" или "непредвиденный", " непреодолимый случай". Форсмажор как основание освобождения от ответственности государства предусмотрен, например, в ст. 41 Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 года., ст. 18 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Однако государства не освобождаются от ответственности, если форсмажорная ситуация обусловлена - либо целиком, либо в сочетании с другими факторами - поведением ссылающегося на него государства или государство приняло на себя риск возникновения такой ситуации.

Состояние бедствия как обстоятельство, оправдывающее поведение, которое в ином случае было бы противоправным, предусмотрено рядом конвенций. Так. Конвенция о морском праве 1982 года разрешает остановку и стоянку судов на якоре при переходе через территориальное море иностранного государства лишь тогда, когда они обусловлены состоянием бедствия, аналогичные положения содержатся и в конвенциях по предотвращению загрязнения моря.

С учетом практики Статьи об ответственности определяют состояние бедствия сравнительно узко. Оно относится к конкретному случаю, когда лицо, поведение которого присваивается государству, находится в ситуации крайней опасности как для него самого, так и для вверенных ему лиц. Более масштабные состояния бедствия, такие как землетрясения или наводнения и другие чрезвычайные ситуации, могут относиться к форс-мажору или состоянию необходимости.

Государство несет ответственность, если оно

само содействовало возникновению ситуации крайнего бедствия или если поведение, о котором идет речь, могло вызвать более тяжкое бедствие. Например, подводная лодка с ядерной силовой установкой, потерпевшая серьезную аварию, может вызвать ядерный взрыв в порту, в котором она пытается укрыться и произвести ядерный взрыв в порту.

Если государство было вынуждено нарушить принятые на себя обязательства при наличии крайней необходимости. Ссылка на крайнюю необходимость правомерна лишь при наличии ряда одновременно действующих условий, в частности абсолютно исключительного характера ситуации, на которое ссылается государство; неизбежности характера опасности, угрожающей жизненно важным интересам государства и его населения; невозможности устранить такую опасность другими средствами; непременно временный характер действия, ограниченный рамками периода опасности.

Таким образом, согласно общим принципам международной ответственности государств, рассмотренных ранее, всякое международно - противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства Международно-противоправное деяние налицо всякий раз, когда государство своим поведением нарушает свое международное обязательство.

Из этих основополагающих принципов не может быть каких-либо исключений до тех пор, пока международное обязательство действительно для данного государства. Однако существуют обстоятельства, которые приостанавливают в конкретном случае действие соответствующего обязательства или обуславливают его невыполнимость. Отсутствие в таком случае противоправности деяния государства исключает как следствие международную ответственность государства, не влечет таковой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международное публичное право / Л.П.Ануфриева, Д.К. Бекяшев, К.А. Бекяшев, В.В.Устинов. - М .: ТК Велби, 2005.- 784 с. С.200.

2. Manual of Public International Law.L., 1968. P. 544.

3. Цит. по: И.И. Лукашук. Право международной ответственности.- М.: Волтерс Клувер, 2004.- 432 с.С.165.

4. И.И .Лукашук. Указ. соч. С. 171.

Problem of taking into account the circumstances excluding the amenability of states

According to general principles of international responsibility of states every international illegal action of a state involves international amenability of this state. This basic principle has no exclusions until the international obligation is valid for the given state. Though there are circumstances which in a certain specific case suspend the operation of the corresponding obligation or stipulate its impracticability.

Ю.Е. Конышева, *старший преподаватель кафедры международного и международного частного права Орловского государственного университета.*

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

30 марта 1998 г. Россия ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Со вступлением в Совет Европы и ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод Россия должна обрести новое измерение: европейское.

Процесс врастания Конвенции во внутригосударственное право происходит прежде всего благодаря нормам прецедентного права, создаваемым Европейским судом на основании рассмотрения конкретных жалоб.

Россия стала активным членом мирового сообщества и является участником международных договоров в области прав человека как в рамках ООН, так и в рамках Совета Европы. 30 марта 1998 г. Россия ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Со вступлением в Совет Европы и ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод Россия должна обрести новое измерение: европейское.

Но хотя новеллы означают включение России в "семью" европейского права, практические потребности, связанные с приобщением к европейскому праву, осознаются в Российской Федерации с большим трудом. Повседневный отказ в правосудии и другие беды вынуждают россиян обращаться с жалобами в Европейский суд по правам человека. В связи с этим наши базисные понятия и институты необходимо привести в соответствие с европейскими стандартами; российские законы и правоприменительная практика не должны расходиться с прецедентным правом, создаваемым главным официальным толкователем Конвенции - Европейским судом.

Важным характерным признаком, определяющим специфику устройства механизма политической власти в Европейских сообществах и Союзе на всем протяжении их существования, является высокий юридический и фактический статус органов "третьей", судебной ветви власти - Суда (Европейского суда) и созданного в 1989 г. с целью ускорить юрисдикционный процесс Суда первой инстанции. В ЕС институты судебной власти выступают не только в качестве правоприменительных, но и правотворческих органов. Прецедентное право Европейского суда и Суда первой инстанции распространяется на все органы судебной власти государств-членов Союза, выступая в качестве важного источника права Европейского союза и его конституционно-правовых норм. При этом на всем протяжении юрисдикционной деятельности Европейского суда в его прецедентном праве получила отчетливое выражение тенденция "конституционализации" учредительных договоров, что выразилось и в признании Договора о Европейском сообществе его "конституционной хартией", а самого себя - "конституционным судом".

Основу Европейского права составляет Европейская Конвенция по защите прав человека и основных свобод и толкование норм этой Конвенции Европейским Судом по правам человека (далее - ЕСПЧ), то есть решения ЕСПЧ по конкретным делам (прецеденты).

Анализ обращений в ЕСПЧ позволяет утверждать, что основным их содержанием являются жалобы на нарушения прав человека, предусмотренных ст. 3, 5, 6, 8, и 13 Европейской Конвенции.

В ст. 5 Конвенции устанавливаются Европейские правила, относящиеся к отправлению правосудия. Ст. 5 провозглашает право каждого человека на свободу и неприкосновенность. Основной принцип Европейского права - соблюдение верховенства закона, а перечень случаев законного лишения свободы является исчерпывающим.

В соответствии с Европейским правом Суд руководствуется двумя основаниями заключения и содержания под стражей. Это, во-первых, обоснованное подозрение в том, что человек совершил преступление, и, во-вторых, в том, что он пытается укрыться от правосудия. Суд считает, что эти причины вначале могут быть достаточными для обоснованного содержания под стражей, но со временем эти основания утрачивают свою актуальность.

© Ю.Е. Конышева, 2008

Ст. 6 Конвенции определяет право на справедливое судебное разбирательство и закрепляет право на презумпцию невиновности. Эти права включают право на доступ к суду и содержат гарантии справедливости судебного разбирательства в разумный срок. Особенностью практики применения этой статьи Конвенции является то, что, пока все внутренние средства защиты не исчерпаны, жалоба в Страсбург не может направляться. ЕСПЧ считает, что самым эффективным средством правовой защиты является кассационное обжалование приговора или решения (определения) суда первой инстанции. Поэтому для того, чтобы жалоба была принята ЕСПЧ, достаточно направить ее в Страсбург после решения кассационной инстанции, не дожидаясь рассмотрения надзорной жалобы.

Ст. 8 Конвенции предполагает, что государство - участник Европейской Конвенции должно иметь позитивное обязательство посредством своей судебной системы защищать право каждого гражданина на уважение частной и семейной жизни. Европейское право понимает семью не только после ее юридического оформления, но и учитывает неформальную составляющую брачных отношений. ЕСПЧ принимает во внимание природу и характер отношений, признавая в то же время развитие социальной практики и правовых систем в европейских государствах.

Ст. 13 Конвенции предусматривает, что государство - участник Европейской Конвенции должно иметь правовой механизм для обеспечения эффективной защиты прав, предусмотренных Европейской Конвенцией.

Европейское право определяет условия приемлемости для рассмотрения индивидуальных жалоб в ЕСПЧ по аналогии с понятием подсудности в российском законодательстве.

Для преодоления советской доктрины отрицания судебного прецедента с весны 1998 г. видное место занимает важнейшее правило: "Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает ipso facto и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации" (т.е. после 5 мая 1998 г.)[1]. Как видим, здесь прямо сказано, что Россия признает обязательной компетенцию Европейского суда по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней.

Что это означает практически? Если говорить применительно к государству - члену Совета Европы о каком-либо деле против него в Европейском суде, то при аналогичных обстоятельствах нельзя принять иное решение, чем решение, уже принятое Европейским судом в отношении другого лица по такому же или аналогичному случаю. Речь здесь идет как о физическом, так и юридическом лице. Таким образом, прецедентное право Европейского суда входит в правовую систему Российской Федерации. При этом Европейский суд не отменяет и не изменяет решения национальных судов и не является вышестоящей инстанцией в рассмотрении уголовного, гражданского или административного дела, а принимает решения о соответствии либо несоответствии действия (или бездействия) того или иного государства по данному делу положениям Европейской конвенции по правам человека и основных свобод.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ. В контексте стандартов Европейского суда следует руководствоваться универсальными и региональными международными документами. При этом существенное значение должно принадлежать постановлениям Пленума Верховного Суда РФ.

Так, в Постановлении от 18 ноября 1999 г. N 79 Пленум Верховного Суда РФ отметил: "Судам при осуществлении правосудия необходимо исходить из того, что несоблюдение установленных законом сроков производства по уголовным и гражданским делам существенно нарушает конституционные права граждан на судебную защиту, а также противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, которые закреплены, в частности, в статье 10 Всеобщей декларации прав человека, в пункте 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в пункте 3с статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах"[2].

10 октября 2003 г. Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации"[3]. Пленум напомнил о Федеральном законе от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ, по которому, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, Россия подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права - принципу добросовестного выполнения международных обязательств. Таким образом, прецедентный характер решений Европейского суда по правам человека должен повседневно влиять на внутреннее законодательство и правоприменительную практику в Российской Федерации.

Постановления Европейского суда имеют большое значение для понимания того, в каком направлении эволюционирует правовая мысль страсбургских судей. Знание прецедентной практики Европейского суда крайне важно для российский судей, адвокатов и других правоприменителей. На это прямо указано в Федеральном законе

от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ о ратификации Европейской конвенции. Поскольку решения и постановления Европейского суда носят прецедентный характер, они обязательны не только для государства-ответчика. При вынесении новых решений Суд руководствуется оценками и подходами, которые он сформулировал ранее по другим делам. Таким образом, большой практический интерес представляют тексты постановлений и решений Суда, позволяющие ориентироваться в реальном смысле статей Европейской конвенции.

Таким путем устанавливаются единые стандарты правопорядка для государств - участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это стандарты, которые оказывают прямое воздействие на внутреннее право государств и правоприменительную практику. Процесс врастания Конвенции во внутригосударственное право происходит прежде всего благодаря нормам прецедентного права, создаваемым Европейским судом на основании рассмотрения конкретных жалоб.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. СЗ РФ. 1998. N 14. Ст. 1514; Официальный перевод Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. 2001. N 2. Ст. 163.

2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. N 1. С. 3.

3. Российская газета. 2003. 2 дек.; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 12. С. 3 - 8.

Influence of European Law on the development of Russian justice

On the 30th March of 1998 Russia ratified the European Convention on defending human rights and main freedoms. After joining the European Council and ratification of the Convention on defending human rights and main freedoms Russia has to acquire a new dimension: European.

The process of integration of the Convention into the state law happens first of all thanks to the norms of a case-law, being created by the European Court on the basis of a consideration of definite complains.

В.И. Филонов, *кандидат исторических наук, доцент кафедры международного и международного частного права Орловского государственного университета.*

ПРИНЯТИЕ ИТОГОВ ВТОРОГО ВАТИКАНСКОГО СОБОРА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВИЯ, В КОНТЕКСТЕ ЭКУМЕНИЗМА

Второй Ватиканский собор и его декреты до сих пор находятся под пристальным вниманием исследователей. Их влияние, как это уже ясно, не ограничивается только двадцатым веком, а простирается и в будущее. Внимательный анализ исторической и правовой ситуации того времени может стать незаменимым компасом для определения правильных критериев и оценок событий того времени и их последствий в настоящем и будущем. Таким образом, Второй Ватиканский собор явился переломным событием в православно- католических отношениях.

Второй Ватиканский собор явился переломным событием в православно- католических отношениях. При этом он сформировал новую нормативную базу католичества в экуменической области.

В октябре 1958 года скончался папа Пий XII и новым римским первосвященником был избран Иоанн XXIII с понтификата которого начинается отсчёт новой эры в православно-католическом диалоге.

Уже в конце 1958 года в рождественском послании посвящённом единству в мире, папа Иоанн XXIII говорил о проблеме "нарушенного единства" и подчеркнул, что будет "с усердием продолжать дело" церковного единения. В ответ вселенский патриарх Афинагор, 1 января 1958 года, в своём новогоднем послании заявил о готовности к позитивному сотрудничеству как в межцерковных организациях, так и "в рамках особых связей с древней Западной Церковью". Он принял призыв к единению церквей "Братски его приветствуя", как "ясное видение необходимого объединения духовных сил" и высказал убеждение, что "всякий призыв к единству должен сопровождаться конкретными усилиями и необходимыми действиями", закончив послание словами надежды и ожидания от католической церкви братской любви.

Ватикан в июне 1962 года посылает приглашения, касающиеся направления наблюдателей на собор международным церковным организациям, Всемирному Совету Церквей, а также до-халкидонским церквам, за исключением Армянской церкви. Кардинал Беа 24 июля 1962 года, от имени папы официально приглашает отправить на собор наблюдателей от константинопольского патриархата двух духовных лиц или богословов, пользующихся доверием патриарха .

Московской патриархии и другим православным автокефальным церквам отдельные приглашения не посылались, что вызвало затруднения, как у Вселенской патриархии, так и у Рима.

Оскорблённая Московская патриархия первоначально посчитала собор касающимся исключительно Католической Церкви, отказалась от участия в нём её наблюдателей и ответила заявлением, опубликованным в "Известиях" от 21.6.1959 года и в № 7 ""Журнала Московской Патриархии" (ЖМП) за 1959 года. Там говорилось, что она "рассматривает предстоящий католический собор как чисто Римско-католический акт и, со своей стороны, не имеет никаких оснований, тем более намерений, вмешиваться в это дело".

Затем, в майском номере ЖМП за 1961 год

© В.И. Филонов, 2008

была опубликована статья, где цитировались слова кардинал Беа. Он говорил, если Патриарх Московский пожелает прислать на собор своего наблюдателя, то он будет охотно принят", - давая понять, что приглашения не будет, но если Патриарх проявит инициативу, то Рим пойдет ей навстречу.

Тогда, кардинал Иоанн Виллебрандс провел несколько встреч с представителями Московского патриархата, где Русской Православной Церкви (РПЦ) была предоставлена информация о соборе, функциях подготовительных комиссий и центральной комиссии, о роли наблюдателей некатолических Церквей и программе собора. Консультации велись почти до открытия собора.

С 27 сентября по 2 октября 1962 года И. Виллебрандс посетил Москву и официально пригласил наблюдателей от РПЦ на Собор.

На заседании Священного Синода 10 октября 1962 года было решено принять приглашение римского Секретариата по вопросам единства христиан и направить наблюдателей от Московского патриархата на II Ватиканский собор. Наблюдателями назначались: исполняющий обязанности представителя РПЦ при ВСЦ профессор ЛДА протоиерей Виталий Боровой и заместитель начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Владимир (Котляров). Было определено положение о наблюдателях Московского патриархата на соборе, предполагавшее, что они подробно информируют патриархат о работе собора и откликах на неё в церковных и общественных кругах, регулярно, не реже одного раза в неделю, докладывают о работе Собора архиепископу Никодиму и препровождают печатные материалы собора, периодику и публикации., а в случае необходимости излагают инстанциям католической церкви позицию Московского патриархата. В свою очередь Никодим должен был регулярно информировать обо всём Синод.

Первая сессия Собора показала, что роль наблюдателей не ограничивалась ролью простых зрителей. Они имели возможность присутствуя на всех генеральных ассамблеях собора высказывать сои соображения относительно обсуждавшихся вопросов на проводившихся, для некатолических наблюдателей, еженедельных встречах с членами собора и секретариата, епископами и богословами, что позволяло им воздействовать на происходящее.

Однако в июне 1963 года, после первой сессии собора, папа Иоанн XXIII скончался. На папский престол вступил ПавелVI. В своей первой публичной речи 22 июня, он выразил намерение "всеми силами продолжать великое дело, начатое, с такими надеждами и под счастливой звездой, папой Иоанном XXIII, то есть приблизить столь ожидаемое исполнение молитвы Господней "да будут все едино".

29 сентября 1963 года открылась вторая сессия собора.

Состоявшаяся в октябре 1963 г., уже в ходе второй сессии II Ватиканского собора, II Всеправославная конференция выразила пожелание начать "диалог на равных", с Католической Церковью, названное позже основополагающим решением. В "Послании" Конференции сообщается, что она, "принимая предложение, подготовленное Вселенским патриархатом по инициативе Его Святейшества, Вселенского патриарха Афинагора, вынесла единогласное решение о том, чтобы наша Православная Восточная Церковь предложила досточтимой Римско-католической Церкви начать диалог на равных между обеими Церквами". Этот диалог был назван патриархом Афинагором "диалогом любви", то есть смягчением взаимоотношений.

Третья сессия собора, проходившая в 1964 году была принципиальной для хода собора. На ней были приняты важнейшие экуменические документы, определившие новое лицо католической церкви. В целом, II Ватиканский собор констатировал возвращение к традиции, бывшей до XVIII столетия и принял ряд важных документов. Первоначально проект новой Догматической конституции о Церкви "Lumen Gentium", соответствовал энцикликам "Mystici corporis" и "Humani generis", признавая только католиков Церковью. Это было отвергнуто, но и новый текст, разработанный богословской комиссией ко второму заседанию, называл католиков ведомых "Римским понтификом и совместно с ним епископами", единственной церковью. Однако пленум собора 21 ноября 1964 г. принял переработанный вариант, где сказано: "Церковь …осуществлена в Церкви Католической,… хотя и вне ее состава обретаются многие элементы освящения и истины, являющиеся дарами, свойственными Церкви Христовой, которые зовут к кафолическому единству" ("Свет народам", гл. 8). Этим утверждалась истинность католичества, но не отрицались другие церкви. Также был принят Декрет II Ватиканского собора об экуменизме "Unitatis redintegratio" , утверждённый на той же сессии в 1964 г., где признавалась ценность общего крещения, братство между христианами, христианские деноминации, принадлежность Православных церквей ко вселенской и апостольской церкви.

Декрет поднял вопрос о важности элементов "освящения и истины" за пределами Католичества, внёс принципиальное изменение в католическое понимание единства, обозначил отход от установки на "обращение" и высказался за партнерский диалог.

В нём о христианских церквах говорится, что: "хотя мы и верим, что они страдают недостатком, не лишены значения и ценности в тайне спасения." (Гл. 3). А о православных написано, что "восточные христиане совершают литургические священнодействия…благодаря чему верные, в единении с епископом, находят доступ к Богу Отцу, через Сы-

на Его..." (2 Петр 1:4)" (Гл. 15), а также: "Церковь Божья созидается и возрастает совершением Господней Евхаристии в этих отдельных Церквах...". То есть, собор признал православных Церквами и с этого времени католики стали говорить о "дарах благодати" в православных церквах и лишь потом о проблемах.

II Ватиканский собор признал Торонтскую декларацию, осуждавшую прозелитизм и отвергавшую любую форму церковной исключительности, не отрицая права любой церкви рассматривать свою собственную веру как полноту истины. Это привело к изменению отношения Католической Церкви к экуменическому движению вообще. В этом свете собор в декрете "Об экуменизме" ("Unitatis redintegratio") и пастырской конституции "Свет народам" ("Lumen gentium") прозвучало несколько новых идей. Собор заявил, что вне границ Римо-католической церкви существуют элементы спасения, которые рассматриваются как орудия Святого Духа. А значит - некоторые церкви, и среди них Православные церкви Востока должны были теперь рассматриваться, как "церкви-сёстры". Впоследствии папы начинают говорить о возрастающем общении(койнонии) между церквами- сёстрами. Кроме того, декрет признал экуменическое движение действием благодати Святого Духа. Забота о восстановлении единства возлагается в нём на всю Церковь - верующих и пастырей. Собор признал, что Христос действует и составные части, Церкви существуют и за пределами видимых границ Католичества. В декрете об экуменизме выражено уважение к христианским ценностям в других Церквах, а ответственность за разделение - касается всех. Отсюда последовала просьба о прощении и призыв к внутреннему обращению. Собор осудил, как антиэкуменические явления, униатство как латинизацию, проводимую Римской церковью во время и после Крестовых походов, после Флорентийского и Тридентского соборов и вплоть до XIX века и до времени предшествовавшего самому собору.

Особое значение придал II Ватиканский собор отдельным Католическим Церквам Востока. Предварительный документ о Восточных католических церквах "Orientalium Ecclesiarum" представлен второй сессии, затем серьёзно переработан и обсуждён на третьей сессии. Окончательный текст, обнародованный 21 ноября 1964 года утверждает ценность восточной традиции и особую миссию восточных церквей, как моста единства для католиков и православных, равное достоинство их обрядов с латинскими.

В декрете о восточных Католических Церквах подчеркивается высокое достоинство установлений, литургических обрядов, церковных традиций и уклада христианской жизни восточных Церквей и признаёт их отдельными членами римо-католического сообщества церквей со всеми присущими им обрядами и правами и автономными патриархатами. Собор настоятельно требует соблюдения этих установлений и обрядов, призывая восточных христиан глубже познавать и осваивать их. В 6 статье декрета собор постановил: "Если же, под влиянием времени и людей, они отошли недолжным образом от отеческих преданий, то они должны стараться вернуться к ним". Всех, приходящих к общению с Католической Церковью из любой некатолической Церкви или общины, собор увещевает сохранять и соблюдать свой обряд. Всем монашествующим, трудящимся в восточных странах и среди восточных верующих "ради большей действенности их апостольства настоятельно рекомендуется учреждать, насколько это возможно, обители или даже провинции восточного обряда". Неправомерно было бы усматривать в этих рекомендациях попытку прозелитизма. Во всяком случае, анализ иных документов собора (в частности, декрета "Об экуменизме") и учительства Церкви указывает на то, что с 60-х годов XX столетия Католическая Церковь отходит от прозелитизма как метода обретения церковного единства. Наоборот, упоминая декрет Unitatis redintegratio, отцы собора в декрете о восточных Католических Церквах пишут о высоком долге поощрения единства всех христиан, возложенного на эти Церкви, который они могут выполнить прежде всего молитвой, примером жизни, верностью древним восточным традициям, все более полным познанием друг друга, сотрудничеством и взаимным братским уважением. Декретом Orientalium Ecclesiamm собор постановил восстановить древние права и привилегии патриархов восточных Церквей. Учитывая требования пастырской практики и принимая во внимание отдельные личные обстоятельства, собор определил принципы допущения восточных христиан, разделенных с Католической Церковью, к таинствам покаяния, Евхаристии и елеосвящения больных, а также случаи, когда католики могут просить о преподании тех же таинств у церковнослужителей - некатоликов. В этом декрете в области экуменизма собор отмечал: "На Восточных церквах, находящихся в общении с Римским Апостольским престолом, лежит особый долг поощрять единство всех, в особенности восточных христиан, согласно нормам декрета этого собора "Об экуменизме". Однако, большинство новых веяний II Ватиканского собора считались относящимися только к Западной церкви, а не к Греко-католикам.

Собор принял и декрет "О миссионерской деятельности церкви"(Ad Gtntes), в котором запрещались все формы прозелитизма, а миссионерская деятельность ограничивается теми народами, где она ещё не укоренилась. В §13 строго запрещает любые формы использования силы, насилия или методов обольщения в миссионерской деятельности. В §29 говорилось о необходимости экуменического сотрудничества в миссионерства, а в § 41 о совместных экуменических исследованиях миссионерства.

Предметом большого противостояния на соборе стала Декларация о религиозной свободе "Dignitatis humanae", обнародованная на закрытии собора 7 декабря 1965 года. Она касается возможности диалога между католической мыслью и современными настроениями. Документ провозглашает обязательность не только для католиков, но и для всякой религиозной группы осуществлять свою свободу, в том числе и религиозную, не принуждая людей и социумов к выбору религии.

Ватиканский собор показал примеры широких соборных обсуждений различных проблем, в то же время, как отмечает голландский учёный А. Хаутепен, очень часты были случаи их критики со стороны католических епископов восточного обряда.

В своём "Evangelii nuntiandi" папа Павел VI так говорит о понимании Церкви: "Вот какой хочет видеть Господь Свою Церковь: вселенской, …без рубежей и границ…Но однако эта вселенская Церковь на практике воплощена в отдельных церквах …Будем очень осторожны, чтобы не воспринимать вселенскую Церковь как …федерацию существенно различных индивидуальных церквей. В глазах Господа Церковь универсальна в призвании и миссии, но когда она пускает корни в разнообразной культурной…почве, она принимает разнообразные же формы внешнего выражения…"

Четвёртая последняя сессия Ватиканского собора началась 14 сентября 1965 года. На её открытии была зачитана поздравительная телеграмма вселенского патриарха, встреченная аплодисментами. Представителями вселенского патриархата на сессии были митрополит Калабрии Эмилианос и архимандрит Максим Агиоргусис.

Второй Ватиканский собор и его декреты до сих пор находятся под пристальным вниманием исследователей. Их влияние, как это уже ясно, не ограничивается только двадцатым веком, а простирается и в будущее. Внимательный анализ исторической и правовой ситуации того времени может стать незаменимым компасом для определения правильных критериев и оценок событий того времени и их последствий в настоящем и будущем.

Adoption of the results of the second Vatican Synod and forming the new normative base of catholic church concerning orthodoxy, in the context of ecumenism

The second Vatican Synod and its decrees are until now under the intent attention of the investigators. Their influence, obviously, is not limited only by the 20th century but is spread into future. The attentive analysis of the historic and legal situation of that time may make an irreplaceable compass for determination of correct criteria and assessment of the events of that time and their after-effects for the present and future. So, the second Vatican Synod was a crucial moment in orthodox-catholic relations.

О.С. Усачева, *аспирант кафедры международного и международного частного права Орловского государственного университета.*

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КРЫМА

Следует заметить, что уже в начале 90-х годов прошлого столетия Комитет Верховного Совета России по международным делам по крымской проблеме в качестве одного из путей разрешения данного спора видел рассмотрение этого дела Международным судом в Гааге, не исключался и кондоминиум - двойное управление Крымом. А также, при признании проблемы Крыма, возможность установление моратория на пересмотр границ внутри Содружества.

Имевшие место в 90-е годы XX в. острые дискуссии о неправомерной передаче Крымской области в состав Украинской ССР в 1954 году, в последнее время приобретают всю большую актуальность. В связи с возникшим в последнее время намерением Украины вступить в Североатлантический альянс, важным становится вопрос о пересмотре Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной, заключенного в 1997 году, а также постановка вопроса о государственной принадлежности Крыма.

Договор 1997 года между Россией и Украиной закрепил принцип нерушимости границ. Данный принцип является развитием универсального принципа международного права - принципа неприкосновенности границ - и означает обязанность государств уважать установленные в соответствии с международным правом границы каждого иностранного государства. Между тем, в теории международного права актуальным является вопрос: означают ли принципы неприкосновенности и нерушимости границ, что государства, соглашаясь соблюдать данные принципы, не могут иметь свой взгляд на статус той или иной границы, должны отказаться от своей позиции по поводу границы или линии границы? Другими словами, признание и соблюдение принципа является ли признанием самой границы, отказом от притязаний?[1]

Как отмечает П. П. Кремнев, общепризнанным считается тот факт, что передача Крыма была осуществлена в нарушение союзно-республиканского законодательства СССР, а юридически бесспорные права на Крым Украина приобрела со вступлением в силу российско-украинского договора 1997 года.[2] Соответственно, в случае расторжения или пересмотра условий последнего можно говорить и об изменении государственной принадлежности Крыма, и Севастополя в частности (как базы российского военно-морского флота).

Интересны аргументы и доводы, приводимые А. Б. Федоровым в его работе по исследованию исторического аспекта правового статуса Крыма, свидетельствующие о неправомерности акта передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. В частности, при рассмотрении актов о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР встает вопрос о соответствии Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 года и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года "О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР" действовавшей тогда Конституции СССР 1936 года, Конституциям РСФСР и УССР[3].

Передача Крымской области была совершена по совместному представлению Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР, утвержденному Президиумом Верховного Совета СССР 19 февраля 1954 года. Его утверждению предшествовали Постановления Президиумов Верховных Советов РСФСР и УССР, касающиеся передачи Крыма в состав УССР. При этом, Конституция РСФСР 1937 года не называет в числе полномочий Президиума Верховного Совета РСФСР право решать вопросы территориальной целостности РСФСР. Более того, ст. 16 Конституции РСФСР содержит положение о том, что территория РСФСР не может быть изменена без согласия РСФСР.

Исходным правовым актом, оформившим изменение статуса Крыма, является Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 года. В тот же день, 5 февраля 1954 года, было издано аналогичное Постановление Совета Министров РСФСР. И лишь 2 июня 1954 года вопрос о Крыме рассматривался на сессии Верховного Совета Российской Федерации. Но речь шла уже не о согласии или несогласии РСФСР на изменение статуса Крыма, а о приведении Конституции РСФСР в соответствие с Конституцией Союза ССР, по которой Крым стал частью Украины уже в апреле 1954 года.

Высший орган государственной власти РСФСР мог осуществлять лишь права, предусмотренные

© О.С. Усачева, 2008

ст. 13 и 19 Конституции, да и то не в полном объеме. Между тем правовая норма о том, что территория РСФСР не может быть изменяема без согласия РСФСР, содержалась в ст. 16 Конституции, а значит находилась вне сферы прав не только Президиума, но и самого Верховного Совета РСФСР. Отсюда следует, что никакие органы государственной власти РСФСР не наделялись правом изменять территорию РСФСР или давать согласие на ее изменение.

Единственным способом получения согласия РСФСР на изменение ее территории был референдум. И пункт "г" ст. 33 Конституции Российской Федерации наделял Президиум Верховного Совета правом производить всенародный опрос (референдум). В 1954 году этого сделано не было.

На основании приведенных А. Б. Федоровым фактов можно говорить о том, что акты 1954 года о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР были приняты органами государственной власти РСФСР, не правомочными решать такого рода вопросы, т. е. с нарушением действовавшего законодательства. А значит, данные акты не имеют юридической силы с момента их принятия.

Также следует заметить, что в приведенных документах, принятых органами государственной власти СССР, РСФСР и УССР, партийными органами, необходимость передачи Крыма объясняется практически одними и теми же обстоятельствами: территориальной близостью, общностью экономики, хозяйственной целесообразностью, наличием исторически сложившихся культурных связей между населением Крымской области и Украинской ССР.

При этом примечателен взгляд на данный вопрос канадского историка и политолога Ореста Субтельного. В своей работе по истории Украины он высказывает точку зрения: "...Однако крымский "подарок" вовсе не был актом доброй воли. Во-первых, поскольку полуостров являлся исторической родиной крымских татар, русские не имели морального права дарить его, а украинцы - принимать. Во-вторых, Крым и без этого более тяготел не к России, а к Украине - благодаря территориальной близости и экономической зависимости от нее..."[4]

Тем не менее, цессия, т.е. передача суверенитета от одного государства другому по соглашению между ними, требует заключения между соответствующими государствами международного договора, который должен отвечать всем основным принципам международного права. В начале 90-х годов прошлого столетия Россия подтвердила своей суверенитет над Крымом и Севастополем, что выразилось в принятии Постановлений Верховного Совета Российской Федерации от 21 мая 1992 года "О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году" и от 09 июля 1993 года "О статусе города Севастополя". Указанные документы в последующем не отменялись, они действуют и поныне.

Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 21 мая 1992 года гласит:

"1. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. "О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР", как принятое с нарушением Конституции (Основного Закона) РСФСР и законодательной процедуры, признать не имеющим юридической силы с момента принятия.

2. Ввиду конституирования последующим законодательством РСФСР данного факта и заключения между Украиной и Россией двустороннего договора от 19 ноября 1990 г., в котором стороны отказываются от территориальных притязаний, и закрепления данного принципа в договорах и соглашениях между государствами СНГ, считать необходимым урегулирование вопроса о Крыме путем межгосударственных переговоров России и Украины с участием Крыма и на основе волеизъявления его населения".

Однако упомянутый в данном Постановлении двусторонний российско-украинский Договор (от 19 ноября 1990 года) своей 6-й статьей четко устанавливает: "Высокие договаривающиеся стороны признают и уважают территориальную целостность Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Украинской Советской Социалистической Республики в ныне существующих, в рамках СССР, границах". Следовательно, не стало СССР - не стало и никаких юридических последствий этого Договора.

Подводя итог, следует заметить, что уже в начале 90-х годов прошлого столетия Комитет Верховного Совета России по международным делам по крымской проблеме в качестве одного из путей разрешения данного спора видел рассмотрение этого дела Международным судом в Гааге, не исключался и кондоминиум - двойное управление Крымом. А также, при признании проблемы Крыма, возможность установление моратория на пересмотр границ внутри Содружества[5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шумилов В. М. Международное право. - М., Вэлби. 2007. С. 80.

2. Кремнев П. П. К истории вопроса о государственной принадлежности Крыма // Московский журнал международного права, ноябрь-декабрь 2004, № 4. С. 203.

3. Федоров А. Б. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. - М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 10.

4. Субтельный Орест. Украина: история. К., Либідь, 1994. С. 624.

5. Полуостров раздора // Новое время, № 6, 1992. С. 19.

To the question of national belonging of the Crimea

It is worth while mentioning that already at the beginning of 90th years of the last century the Committee of the Supreme Council of Russia on international affairs while discussing the Crimean problem appointed the possible investigation of this case by the Hague international court as one of the possible ways of it solution. The condominium - double governing - was not excluded. It was also mentioned that in case of recognition of the Crimea problem there was a possibility of putting a moratorium on the revision of the borders inside the Community.

ПЕДАГОГИКА

А.Л. Ефимов, *аспирант кафедры почвоведения и прикладной биологии Орловского государственного университета.*
В.Н. Правдюк, *доктор педагогических наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии Орловского государственного университета.*

РОЛЬ НАУЧНОЙ ЛАБОРАТОРИИ В УКРЕПЛЕНИИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ С СЕЛЬСКОЙ ШКОЛОЙ

В статье показаны взаимосвязь лаборатории "Образовательные и педагогические технологии для сельской школы", которая является структурным подразделением Орловского филиала ИСМО РАО, с сельскими школами, цели ее создания и предмет деятельности лаборатории. Приведен пример предпрофильной продготовки учащихся в сельской школе.

Сельская школа России по праву занимает ведущее место в отечественной образовательной системе. Она решает широкий спектр задач: образовательные, воспитательные, связанные с восстановлением и возрождением сел, с развитием их социально-экономического и культурного уровня, а также школа является основным источником кадров на селе. Серьезно начать улучшение крестьянского хозяйства, по убеждению К.А. Тимирязева, можно только с одного края - со школы. Специфика работы сельской школы определяется целым рядом объективных факторов, оказывающих свое влияние на процесс и результаты обучения и воспитания школьников: малокомплектность, удаленность от крупных научно-методических и культурных центров, большая территориальная разобщенность населенных пунктов.

Изменение социальных и экономических условий на селе, например создание индивидуальных и коллективных фермерских хозяйств, требует подготовки грамотного и предприимчивого крестьянина, умеющего рационально и высокоэффективно использовать земельные угодья. Он должен иметь глубокие и разносторонние знания в области сельскохозяйственного производства, личный практический опыт работы, способность принимать самостоятельные решения с учетом разнообразных природных и экономических условий. Все это побуждает сельские школы ставить принципиально новые образовательно-воспитательные задачи, направленные на формирование у учащихся комплекса знаний, умений и навыков не только по основам сельскохозяйственного производства, но и по математике, естественнонаучным дисциплинам, в том числе химии и физике, со всесторонним развитием культуры и др., с целью воспитания у сельских ребят лучших качеств "хозяина земли," связанных с важными чертами его характера: потребностью учиться у природы, развивая чувство любви к земле, к родному краю бережным отношением к ее дарам, следовательно, быть защитником окружающей среды и природы, ценить труд земледельца и совершенствовать его.

Не следует думать, что сельских выпускников необходимо обучать только сельскохозяйственному труду. Для них необходимо создать такие педагогические условия, чтобы ребята имели возможность осуществлять свои планы и намерения, как и их городские сверстники. Это накладывает еще большую ответственность на сельских учителей в образовательно-воспитательном плане. В целом задача сельской школы - подготовить учащихся нравственно, интеллектуально, морально и физически здоровыми людьми, сформировать у

© А.Л. Ефимов, В.Н. Правдюк, 2008

них умение самоопределиться в условиях сельского социума.

В ОГУ ведется планомерная работа по совершенствованию педагогических условий для подготовки учителя сельской школы. Профессионально-педагогическая подготовка будущего учителя сельской школы - это научно обоснованный системный процесс теоретического и практического обучения студентов в вузе, осуществляемый на основе межпредметных связей и направленный на формирование личностных качеств будущего учителя, необходимых ему для выполнения учебно-педагогических задач в соответствии с общеобразовательными программами в условиях сельской школы. Она определяется как процесс и результат профессиональной подготовки, в которых в интегрированном единстве сочетаются мотивационная, содержательно-процессуальная и профессионально-личностная готовность к формированию знаний, умений и навыков школьников, которые способствуют расширению и углублению кругозора у учащихся и правильному выбору будущей профессии.

Для укрепления научно-педагогических связей с сельской школой в ОГУ действует лаборатория "Образовательные и педагогические технологии для сельской школы", которая является структурным подразделением Орловского филиала ИСМО РАО. Она осуществляет свою деятельность в соответствии с научными и учебными планами университета и Института содержания и методов обучения Российской академии образования.

Цели создания и предмет деятельности лаборатории:

- осуществление единой политики университета и РАО в области профессионально-педагогического образования;

- осуществление и проведение силами кафедр ОГУ и лабораторий Орловского филиала ИСМО РАО исследований по созданию научной продукции в области подготовки будущих учителей к работе в сельском социуме;

- разработка моделей и системы обучения студентов, ориентированных на школьное, среднее специальное (в профессиональных лицеях, колледжах и других общеобразовательные учреждения) и вузовское преподавание;

- экспертная оценка программ, учебников, учебных пособий и др. учебного материала для всех ступеней образования;

- участие в единой системе образования в России, в том числе и школьного;

- написание учебников и учебно-методических пособий для студентов и школьников;

- участие в научно-практических конференциях, симпозиумах, совещаниях с публикацией статей, тезисов, научных проектов и др.;

- организация информационной среды научно-исследовательских работ школьников, студентов, аспирантов и преподавателей;

- творческое и научное сотрудничество с кафедрами ОГУ, со школами, с областной станцией юннатов и другими школьными общеобразовательными заведениями, с институтом усовершенствования учителей.

Лаборатория используется в качестве консультативно-методического центра пропаганды новых технологий в образовании. Научно-методическая работа в лаборатории и исследования выполняются преподавателями кафедр различных факультетов с помощью студентов и аспирантов.

В ходе осуществления плана работы лаборатории проанализирована работа учителей сельских школ по предпрофильной подготовке школьников. Как показывает опыт работы учителей Орловской области, приоритетной в предпрофильной подготовке является не только ориентация на сельское хозяйство, большое внимание уделяется экологическому, природоохранному воспитанию, формируются краеведческие и экономические знания.

В результате научных исследований нами установлено, что ***важнейшими принципами развития и обучения школьников в сельской школе и их профессиональной ориентации являются:***

1. Политехнический подход к формированию содержания технологической подготовки молодежи, ознакомление ее с современными и перспективными технологиями преобразования материалов, энергии и информации с применением экономических, экологических, предпринимательских и профориентационных знаний, овладение общетрудовыми умениями и навыками, этикой трудовых отношений.

2. Овладение жизненно необходимыми технологическими знаниями и умениями, в том числе культурой труда, поведения и бесконфликтного общения.

3. Творческое и эстетическое развитие учащихся.

4. Профессиональное самоопределение и социально-трудовая адаптация молодежи.

Так, например, в Рыжковской средней школе Сосковского района Орловской области совместно с преподавателями кафедр Орловского государственного университета проводится целенаправленная подготовка сельских школьников к осознанному выбору будущей профессии. С этой целью в школе введены элективные курсы по предпрофильной подготовке. Эти курсы проводятся по выбору школьников. Их можно использовать на факультативных занятиях. Занятия проводятся за счет школьного компонента.

Элективный курс "Химия в сельском хозяйстве", 9 - 11-й класс. Курс рассчитан на 24 часа. Он разработан для учащихся, желающих связать свою будущую профессию с сельским хозяйством (фермерство, коллективное хозяйство или приусадебное). Каждый раздел включает в себя лекции и практические занятия. Основная работа по выполнению практических занятий приходится на весеннее-летние полевые работы, которые

можно проводить в реальных условиях: на поле фермерского хозяйства, акционерного общества или на пришкольном участке. Учащиеся проводят анализ почвы, ставят опыты с внесением удобрений, делают расчеты доз удобрений, составлять севооборот, осваивают биологические методы защиты сельскохозяйственных культур от вредителей и болезней.

В процессе обучения важно показать значимость данного курса для выбора будущей профессии. Основные теоретические вопросы изучаются в течение года до наступления летней практики. Учащиеся выполняют практические занятия под руководством учителя.

Содержание курса предусматривает развитие у детей творческих способностей и навыков самостоятельной деятельности. Цель курса: создать условия для расширения и углубления знаний по курсу химии, способствовать развитию познавательной активности и самостоятельности учащихся, раскрыть основные вопросы химии в сельском хозяйстве для подготовки будущего специалиста и привлечения его в отрасль АПК.

Элективный курс "Овощеводство" предназначен для учащихся, которые увлечены овощеводством, активно работают на пришкольном, приусадебном или дачном участке; для учащихся, которым интересно заниматься исследовательской работой, вести наблюдения, экспериментировать с овощными растениями. Он позволяет учителю сделать интересной работу учащихся на пришкольном участке. Программа курса направлена на формирование практических навыков профессии мастера - овощевода. Курс рассчитан на 31 час.

Элективный курс "Юный лаборант" рассчитан на учащихся 9 - 11 классов, которым интересна химия как наука, учащиеся, которые стремятся связать свою профессию с химическим производством. Программа данного курса поможет ориентировать детей на такие важные отрасли производства, как химическая, нефтехимическая и нефтеперерабатывающая промышленность.

Содержание программы данного курса значительно углубляет и расширят знания, умения и навыки теоретического материала по различным разделам неорганической, органической и аналитической химии, лабораторному практикуму, технике безопасности в химическом производстве. Цель курса - создать условия для представления о работе лаборанта, способствовать развитию интереса, познавательной активности и самостоятельной деятельности учащихся. Курс рассчитан на 31 час.

Элективный курс "Цветоводство", 8 - 10 классы. Растения украшают наш быт, радуют своим нежным обликом. Созданием уюта и красоты на приусадебных, производственных и других участках с помощью цеточно-декоративных растений занимаются специалисты цветоводы-декораторы. Учащиеся школы также могут сделать все это в своем доме, своей усадьбе или саду. Программа данного предназначена для тех, кто свяжет свою жизнь с профессией цветовода. Цель - привить любовь к природе, родному краю; познакомить с профессией цветовода-декоратора, научить применять полученные знания на практике, научить составлять план-схему участка и клумбы, уметь вести наблюдения, пользоваться различными приемами и агротехникой. Курс рассчитан на 21 час.

Элективный курс "Плодоводство". Плодоводство как отрасль растениеводства имеет большое значение в жизни каждого человека. Плодоводство более чем какая-либо другая отрасль сельского хозяйства улучшает ландшафт, преобразует местность. Учащиеся, видя благотворное влияние на окружающую природу, глубже проникаются любовью и привязанностью к родной земле.

Изучение плодоводства позволяет школьникам не только приобрести специальные трудовые навыки, но и воспитать высокую нравственность, эстетическое восприятие природы, экологическую грамотность. Приемы возделывания плодовых и ягодных культур требуют высокой квалификации, без которой невозможно правильно их выполнить. Овладение разнообразными способами вегетативного размножения, формирования кроны, обрезки, хранения и переработки, защиты растений от болезней и вредителей вызовет у учащихся большой интерес к работе и в индивидуальном саду.

Нетрадиционные приемы, применяемые в современных интенсивных садах, значительно расширят познавательные способности школьников и побудят их к творческой опытнической работе. Все это в целом может положительно повлиять на выбор выпускниками школ профессии, связанной с плодоводством.

Программа курса разработана на основе межпредметных связей с общеобразовательными дисциплинами. Цель - познакомить учащихся с профессией плодовода, основными видами и сортами плодовых и ягодных растений, научить планированию работ в садоводстве, применять основные знания на практике. Данная программа рассчитана на 34 часа.

Надеемся, что разнообразие элективных курсов, предлагаемых учащимся сельских школ, позволит им сделать правильный выбор будущей профессии, развить интерес к профессиям сельского хозяйства. Элективные курсы позволяют учителям внедрять инновационные технологии с использованием компьютерной техники и ТСО, что расширяет интерес школьников, привлекает их внимание к изучению предмета.

Опыт нашей работы показал, что в процессе обучения школьников и их профессиональной ориентации педагогический коллектив школы решает ряд воспитательных задач, направленных на подготовку образованного, культурного, ответственного, целеустремленного выпускника школы, с развитым чувством патриотизма и любви к своей малой родине.

A. L. Efimov, V.N. Pravduk

The article is devoted to the activity of the "Educational and Pedagogical Technologies for the rural school" laboratory which is a subdivision of the Oryel branch of the Education Institute of the Russian Academy of Education and which has the job of improving pedagogical conditions in the rural teacher's training. Important principles of the development and education of village pupils in the village schools and their professional orientation have been obtained from the laboratory's scientific research. The examples of the effective courses for the pupils' professional training in a village school are being offered.

А. А. Калекин, *профессор, заведующий кафедрой технологии и предпринимательства Орловского государственного университета.*

ОБЩЕИНЖЕНЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА ПРИ ПОДГОТОВКЕ В ВУЗЕ УЧИТЕЛЯ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Излагается понятийно-терминологическая специфика общеинженерной педагогики и ее значимость при подготовке в вузе учителя технологии для работы в профильной школе.

Требования к учителю технологии профильной школы. Сегодняшний образовательный стандарт высшего профессионального образования специальности "Технология и предпринимательство" дает будущему учителю технологии только общетехническую подготовку (общие сведения о машиноведении и основах производства), не увязывая их с конкретной отраслью сферы материального производства.

Подобная профессиональная подготовка будущего учителя технологии ограничивает его осведомленность о профессиях современного производства, что не позволяет грамотно ориентировать школьников на выбор будущих профессий.

На наш взгляд, сегодняшний учитель технологии должен обладать общеинженерной подготовкой.

Что из себя представляет общеинженерная подготовка будущего учителя технологии и чем она отличается от общетехнической (заложенной в требованиях сегодняшнего Государственного образовательного стандарта)?

Общеинженерная подготовка будущего учителя технологии по сравнению с общетехнической заключается в том, что здесь знания и умения учителя "увязываются" с определенной отраслью материального производства. Поэтому не случайно при выявлении ценностных ориентаций городских и сельских школьников просматривается следующее: наиболее значимыми ценностями являются для них счастливая семейная жизнь, любовь, здоровье, свобода, независимость в действиях и поступках. Одновременно важнейшие социально значимые ценности такие как творчество, активная деятельная жизнь, интересная работа по созданию материальных ценностей и познание через обучение отвергаются большинством подростков. Вот почему сегодняшние выпускники школ в основном идут на получение гуманитарных специальностей, а не технических. Это еще раз подчеркивает важность технологической подготовки учащихся, формирования у них трудовой мотивации и подготовки к дальнейшей социальной адаптации в современных условиях развития общества.

Профессиональная компетентность будущего учителя технологии для работы в профильной школе в значительной степени определяется его уровнем общеинженерной подготовки, т.е. общеинженерной компетентностью.

Исходя из этого, основной комплексной задачей подготовки будущего учителя технологии для работы в профильной школе является формирование у него общеинженерной подготовки, являющейся главной составляющей его профессиональной компетентности.

Общеинженерная компетентность учителя технологии - способность применять инженерные знания отраслей материального производства, умения и личностные качества для формирования у школьников (особенно у мальчиков) на уроках технологии в период предпрофильной подготовки и профильного обучения трудовой мотивации, стимулирования интереса к получению специаль-

© А.А. Калекин, 2008

ностей по профильным направлениям, востребованным в данном регионе, и в целом подготовки молодежи к дальнейшей социальной адаптации в современном обществе.

Общеинженерная деятельность занимает центральное место в структуре трудовой производственной деятельности. Следовательно, одной из главных функций учителя технологии является передача школьникам опыта осуществления этой деятельности. Именно поэтому формирование готовности учителя технологии к осуществлению общеинженерной деятельности признается нами в качестве приоритетной цели изучения цикла общетехнических дисциплин учебного плана специальности "Технология и предпринимательство".

Подготовку будущих учителей технологии с общеинженерной компетентностью можно достичь за счет введения в учебный план специальности "Технология и предпринимательство" "практичных" специализаций, позволяющих им успешно работать в профильных школах, в которых учащиеся объединены по образовательно-профессиональным интересам, связанным с продолжением образования и со сферой их будущей трудовой деятельности.

В Орловском государственном университете для подготовки будущих учителей технологии для работы в профильных школах еще на стадии организации факультета технологии, предпринимательства и сервиса (1997 г.) в учебный план специальности "Технология и предпринимательство" (по нашей инициативе и решению УМО по педагогическому образованию Министерства образования и науки Российской Федерации) были введены две специализации, определяющие важные отрасли материального производства:

1) "Строительство и ремонт индивидуального жилья";

2) "Крестьянская усадьба и семья (крестьянское хозяйство)".

Указанные специализации позволяют будущему учителю технологии обстоятельно изучить сущность таких больших и важных отраслей материального производства, как строительство и сельское хозяйство, являющихся базой народного хозяйства страны.

Исходя из вышесказанного, для подготовки учителей технологии в профильных школах, реализующих свои знания в школе по профессиональному самоопределению школьников в сфере материального производства, необходима особая педагогика, взаимодействующая с техническими науками. Такая педагогика имеется для технических вузов, осуществляющих подготовку высококвалифицированных специалистов с высшим техническим образованием, и она называется инженерной педагогикой [6, 8].

Учитель технологии не готовит из школьников технических специалистов, его главная задача дать школьнику профессиональное самоопределение для выбора будущей профессии. Отсюда для подготовки учителя технологии нужна не инженерная педагогика, а какая-то другая, использующаяся, по-видимому, базу инженерной педагогики, но выполняющая другую, то есть школьную, задачу [7]. Такую педагогику мы условно называем общеинженерной.

Поэтому вначале рассмотрим основы уже существующей инженерной педагогики, а затем - нами проектируемую общеинженерную педагогику, ориентирующую подготовку учителей технологии на оказание помощи школьникам в их профессиональном самоопределении, особенно в области профессий сферы материального производства.

Инженерная педагогика. В педагогическую науку понятие "инженерная педагогика" ввел профессор Клагенфуртского университета (Австрия) Адольф Мелецинек, издал книгу "Инженерная педагогика: Практика передачи технических знаний" и основал в 1972 г. Международное общество по инженерной педагогике - *Internationale Geselschaft fur Ingenieurpadagogik (IGIP) / International Society for Engineering Education,* которое является одной из авторитетных международных организаций в сфере высшего технического образования.

IGIP объединяет через национальные мониторинговые комитеты научно-педагогическую общественность инженерных вузов многих стран мира.

Высшая техническая школа России представлена в IGIP с 1995 г., когда был создан Российский мониторинговый комитет (РМК) как отделение Международного общества по инженерной педагогике в Российской Федерации (президент РМК *IGIP* - ректор Московского автомобильно-дорожного института МАДИ (ГТУ) проф. Приходько В.М.).

В широком смысле слова словосочетание "инженер" (фр. *ingenieur* - специалист с высшим техническим образованием) и "педагогика" имеют в виду использование педагогической науки для подготовки инженеров.

Инженерная педагогика в настоящее время только формируется, ее основные понятия еще не установились, и это, безусловно, сказывается на ее развитии [6, 8].

Для определения места и роли инженерной педагогики в системе подготовки современных специалистов следует обратится к ее объекту и предмету.

Объектом инженерной педагогики является педагогическая система высшего профессионального образования подготовки инженерных кадров, ее цели, принципы, формы организации, методы и средства обучения.

Предметом инженерной педагогики является проектирование содержания высшего технического профессионального образования, процесса обучения и формирования личности будущего инженера.

Рассматривая инженерную педагогику в системе подготовки инженерных кадров, академик РАО А.А. Кирсанов отмечал, что первоочередная задача исследователей в этой области - создание специальной методологии инженерной педагогики как особой отрасли научного знания [6].

Исходная гипотеза инженерной педагогики может быть сформирована следующим образом: общепедагогические категории, включаясь в систему подготовки инженеров и сохраняя педагогическую сущность, выполняют новые специфические функции, обусловленные целями инженерного образования, - обучение проектированию содержания образования на уровне системы (по конкретной профессии) и на уровне учебной дисциплины; освоение методов проектирования технических систем, курсового и дипломного проектирования; работа, связанная с использованием учебно-производственного оборудования, и др.

Методология инженерной педагогики - это учение о наиболее общих закономерностях, принципах, методах научно-технического познания и приложении их к анализу природы инженерно-педагогического знания; учение о закономерностях и методах инженерной деятельности, о закономерностях инженерного творчества, то есть учение о методах поиска новых идей, новых теорий и их реализации. В этом качестве методология инженерной педагогики вступает в межнаучную интеграцию, и прежде всего с техническими науками.

В чем общее и в чем различие в понятиях "инженерная педагогика" и предлагаемой нами "общеинженерная педагогика"?

Основы общеинженерной педагогики. Как известно, при работе в профильной школе (или в профильном классе) учителю технологии необходимо учитывать интересы, склонности и способности учащихся, создавать условия для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования, т.е. готовность школьников к социально-профессиональному самоопределению и эффективной будущей преобразовательной деятельности.

В широком смысле слова если в словосочетании "инженерная" и "педагогика" имеется в виду использование педагогической науки для подготовки специалистов с высшим техническим образованием, то в словосочетании "общеинженерная" и "педагогика" имеется в виду использование педагогической науки для грамотного профессионального самоопределения школьника в сфере материального производства.

Если, по словам А.А. Кирсанова, инженерная педагогика в настоящее время только формулируется, то общеинженерная педагогика впервые заявляется автором исследования [6].

Любая наука начинается с терминов, понятий и категорий, в которых в сконцентрированной форме представлены средства и способы познания объективного мира. Заметим, что категории стоят на ступень выше, чем понятия, одновременно сохраняя в себе все их признаки. Поэтому категории всегда понятийны, но не все понятия категориальны.

В общих чертах категории трактуются как обобщенные и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности, обладающие высоким уровнем абстракции. К разряду категорий относятся понятия, несущие родовые признаки, в отличие от единичных, частных. По мнению В.В. Краевского, каждая категория диалектически должна выводиться из сложившейся и существующей системы, а не вводиться в нее заново. Это требование отнюдь не освобождает нас от необходимости изучать пути формирования категорий [7].

До сегодняшнего времени основные термины общеинженерной педагогики не были предметом специального исследования, поэтому и не раскрыты их методологические и регулятивные функции. Они еще не образуют собой полностью сформировавшуюся понятийно-терминологическую систему.

Наше представление о методологии общеинженерной педагогики исходит из определения, предложенного М.А. Даниловым: методология педагогики есть система знаний об исходных положениях, об обосновании и структуре педагогической теории, о принципах подхода и способах добывания знаний, верно отражающих непривычно изменяющуюся педагогическую действительность в условиях развивающегося общества [1].

По аналогии можно утверждать, что *методология общеинженерной педагогики* - это учение о наиболее общих закономерностях, принципах, методах жизненного и профессионального самоопределения, многообразия мира труда и профессий, характеристик и методов выявления профессионально важных качеств личности, способах и средствах подготовки учащихся к обоснованному профессиональному самоопределению и выбору профиля обучения в старших классах.

Для определения места и роли общеинженерной педагогики в системе профессиональной ориентации школьников следует обратиться к ее объекту и предмету.

Объектом общеинженерной педагогики является педагогическая система профессиональной ориентации школьников в самоопределении по выбору профиля и будущей эффективной преобразовательной деятельности в сфере материального производства, ее цели, принципы, формы организации, методы и средства обучения.

Предметом общеинженерной педагогики является проектирование содержания системы профессиональной ориентации школьников в процессе предпрофильной подготовки и профильного обучения по профессиям сферы материального производства и формирование личности осознанным выбором своего жизненного пути.

Педагогическую систему профессиональной ориентации школьников по выбору профессий (специальностей) сферы материального производства составляют следующие методологические компоненты: цели, принципы, содержание образования, методы обучения, его формы и средства и результативность. Попытаемся раскрыть их специфику.

Цели. Профориентация школьников всегда начинается с определения ясных и четких целей, выполняющих системообразующую функцию. Именно они определяют общую направленность системы профориентации школьников и связывают воедино остальные компоненты. С них начинается методологическая ориентация на высокую эффективность образовательного процесса.

Цели профессиональной ориентации школьников формируются вне системы образования. Они исходят из общих социально-экономических и государственных соображений, из анализа производственных условий, охватывающих совокупность предметов труда, техники, технологии, организацию современного производства и содержание труда специалиста. В последнее десятилетие XX в. наше общество в целом и профессиональные учебные заведения России в частности оказались в сложном положении в связи с резким поворотом от централизованного планового регулирования экономики к рыночным отношениям. Произошло рассогласование целей системы профессионального образования с новыми социально-экономическими процессами, происходящими в обществе. Прежние целевые установки уже не срабатывали, а новые формулировки отставали от быстро меняющихся преобразований.

Формулируя цели, необходимо учитывать:

а) возможности школы в организации технологического профиля (профилей), связь школы с производством;

б) подготовленность учителя технологии к организации предпрофильной подготовки и профильного обучения по профессиям сферы материального производства;

в) требования производства, запросы рынка труда;

г) динамику развития науки, техники, технологий, содержания и организации труда, интеграционные процессы в науке, производстве и сфере образования;

д) необходимость измерения и оценки достижения промежуточных и конечных результатов на всех этапах образовательного процесса.

Принципы. Согласно развиваемой нами концепции общеинженерной педагогики система подготовки профессионального самоопределения школьников руководствуется общепедагогическими и специфическими принципами.

В общей педагогике принципы - это категории дидактики, характеризующие способы использования законов обучения в соответствии с целями образования и воспитания (М.А. Данилов) [1]. Это положение хорошо дополняется мыслью о том, что принцип является методологическим отражением познанных закономерностей. По другой версии, это знания, используемые в качестве регулятивной нормы практики (В.И. Загвязинский) для методистов, "имеющих дело" с содержанием учебного материала и логикой его изложения в учебных пособиях, с интерпретацией методов, средств и форм организации обучения и воспитания [2].

Методологическим обоснованием для изучения закономерностей профориентации школьников в профильной школе служит системно-структурный подход, позволяющий последовательно и целостно изучать закономерные связи изменений в социальном заказе общества школе, в науке, технике, технологиях, в организации и содержании труда, в содержании профориентационной работы, в методиках обучения и др.

В общеинженерной педагогике также могут функционировать общедидактические принципы: научности, системности и последовательности, связи обучения с жизнью, мотивации учения и труда, активности и самостоятельности, наглядности и абстрактности, индивидуализации и дифференциации обучения и др. Каждый из них специфично проявляется в школе.

Особую значимость имеет принцип научности, так как изменения в науке и технике непосредственно влияют на оборудование, технологии, организацию и содержание труда, а значит, и на содержание профобразования и технологии обучения.

Принцип связи обучения с жизнью отражает требования производства как сферы труда будущего специалиста, взаимодействие теории с практикой.

Теория общеинженерной педагогики может развиваться под воздействием реформирования общеобразовательной школы, общественных потребностей в подготовке рабочих кадров (особенно в сфере материального производства), развития технических и технологических наук, питающих общеинженерную педагогику, и методов познания, а также в силу внутренней логики движения собственного научного познания. Эти факторы действуют не параллельно, а находятся в диалектической взаимосвязи.

Развитие общеинженерной педагогики может происходить и как логическое развитие общепедагогических понятий и категорий: целей, принципов, содержания образования, форм организации, методов, средств, контроля и самоконтроля. Они представляют определенный уровень категориального строя, его системность, которая обеспечивается логико-методологическим основанием.

Сохраняя педагогическую сущность, они ориентированы на цели профессионального самоопределения школьников, на подготовку будущих специалистов, реализующих техническую деятельность, что наполняет их новыми содержани-

ем. И тем не менее общеинженерная педагогика не исчерпывается общими педагогическими категориями.

В теории и практике общего образования функционируют общие дидактические принципы: научности и доступности, систематичности и последовательности, связи обучения с практикой, наглядности и абстрактности, активности и самостоятельности, индивидуального подхода и др. Специфическими для профессионального самоопределения школьников выступают принципы:

- профнаправленность, ориентирующая все учебные дисциплины, формы организации, методы обучения на конечную цель профильного обучения - самоопределение школьника в соответствии с его профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования и получения профессии с учетом реальных потребностей рынка труда;

- преемственность, отражающая связь прошлого, настоящего и будущего в их содержании, формах организации, методах и средствах обучения, связь образовательно-воспитательного процесса на различных ступенях обучения с предстоящей профессиональной деятельностью;

- системность, позволяющая рассматривать все дисциплинарные знания по различным учебным дисциплинам как единое целое со специфическими для технического и технологического образования связями;

- интеграция и дифференциация, ориентирующие содержание профориентационной работы как на синтез широкого круга междисциплинарных знаний в целостную систему, так и на отдельные учебные дисциплины, модули с конкретной предметной областью знаний;

- динамичность, выражающейся в постоянном предвидении новых тенденций и изменений в общеинженерном образовании и отражении их в предпрофильной подготовке и профильном обучении;

- "мини-макс" - достижение максимально возможного в данных условиях и обстоятельствах результата при минимальных финансовых, материальных и иных затратах;

- селективные параметры - оптимизация по конкретным социальным параметрам, наиболее существенным, доминантным в сложившейся ситуации: условия перехода к рыночной экономике и политической демократии и др.

Как категория историческая, принципы развиваются, изменяются их номенклатура и объем понятия. Они совершенствуются и наполняются новым содержанием в соответствии с каждым конкретным этапом развития общества и корректировкой целей обучения и воспитания, а также с учетом выявленных педагогических закономерностей и накопления педагогического опыта.

Критериями обоснования принципов обучения являются:

- потребности практики, которые в первую очередь выражаются в необходимости реализации профильного обучения за счет специализированной подготовки в старших классах общеобразовательной школы, ориентированной на индивидуализацию обучения и социализацию обучающихся, и кооперации старшей ступени школы с учреждениями начального, среднего и высшего профессионального образования, применения достижений науки, техники, производства, технических и педагогических наук в практике;

- требования логики развития технических наук, технической дидактики и наличия новых теоретических концепций обучения, построенных с учетом новых закономерностей организации содержания и процесса обучения;

- необходимость выведения новых принципов с опорой на теорию познания, деятельности и достижения науки в связи с изменениями в целях образования, выделения его специфики.

Теория и практика показывает, что специфическими для общеинженерной педагогики категориями выступают научно-техническое познание, инженерная деятельность, личность специалиста и общение в процессе профессиональной деятельности. Ни одна из этих категорий не является педагогической в собственном смысле слова. Это изначально философские и междисциплинарные категории. Но они являются базовыми и для общеинженерной педагогики.

Каждая категория обладает всеобщностью, позволяет рассматривать большое множество элементов содержания, отражая наиболее общие явления. Они синтезируют, систематизируют, структурируют частные научные понятия, аккумулируют в себе мысленное теоретическое представление (каркас) общеинженерной педагогики.

Названные категории служат механизмом определения абсолютного большинства понятий общеинженерной педагогики, являются исходной основой создания ее новых понятий, выступают средством систематизации всей совокупности понятий и научного познания в целом, составляют логическую основу теории и практики общеинженерной педагогики, обеспечивают их единство.

Содержание образования. Сегодня прежние представления о содержании образования, ориентированного преимущественно на узкопрофессиональную подготовку специалистов, на экстенсивный подход к его формированию, вступили в противоречие с потребностями в специалистах нового типа для наукоемких, культуроемких производств, научно-производственных комплексов, конструкторских и проектных учреждений и др. Такие специалисты должны сочетать в себе функции научного работника, проектировщика, конструктора и изобретателя.

При проектировании содержания образования по профессиональному самоопределению школьников важно предвидеть, каким должен

быть из него специалист в свете сложившихся тенденций. В этом случае требования к нему и содержанию его профориентации как бы динамично проецируются в будущее. В другом случае предполагается определение прогностических квалификационных требований к специалисту и содержанию его подготовки независимо от сложившихся в прошлом и настоящем тенденций. На какой же основе возможно такое опережающее проектирование? Ответим так: чтобы спроектировать глубокие качественные изменения в содержании будущей профессии, необходим взаимосвязанный ретроспективный и перспективный анализ изменений в техническом и социальном прогрессе: в новых технологиях, в организации и содержании труда, в содержании и технологиях подготовки специалистов.

Известно, что человеческий фактор (духовный и эмоционально-ценностный потенциал личности) является истинной производительной силой. Техника сама по себе ничего не производит. Именно человек, вооруженный ею, создает материальные и духовные блага. А наука, обогатившая интеллектуальный потенциал личности, становится такой же непосредственной производительной силой, как техника в руках человека.

Взаимодействие различных наук и научных дисциплин, тесный контакт разных систем знаний и их элементов облегчают рождение новых идей, ведут к широким научным обобщениям, открывают перспективы формирования принципиально нового знания. Сегодня важнейшей задачей образования становится способность порождать информацию, а не просто ее потреблять.

Методы обучения. В профильной школе специфика методов теоретического и практического обучения школьников обусловлена особенностями изучаемых естественнонаучных, общетехнических, специальных учебных предметов и сферы предстоящей профессиональной деятельности. Сама система научных знаний содержит понятия не только о технических объектах, различных конструкциях, принципах работы аппаратуры, но и о способах деятельности.

Формы организации обучения. Результативность обучения определяется как содержанием, методами, так и формами организации обучения. Модернизированное содержание образования влечет за собой и новые формы, другими словами - содержание определяет формы, в которых оно усваивается. И в этом смысле можно говорить об их единстве.

К формам организации профессионального самоопределения школьников в профильных школах отнесем следующие:

а) связанные с теоретическим обучением - лекции, семинары, консультации;

б) направленные на практическую подготовку - лабораторные практикумы, деловые игры, посещение промышленных предприятий, производственная практика;

в) самостоятельные внеклассные занятия, выполнение творческих проектов.

Средства обучения. Для повышения качества профориентационной работы в школе существенное значение имеет создание и внедрение в учебный процесс современных средств обучения. Их состав и дидактические возможности - самые разнообразные: учебно-наглядные пособия (макеты и технические модели, технические чертежи, графики и диаграммы, схемы, таблицы); вербальные (экранные, звуковые, экранно-звуковые) средства обучения. К специфическим принципам продуктивного использования средств обучения в учебном процессе можно отнести: комплексность, необходимость, целесообразность и оптимальность, интеграцию и дифференциацию учебной информации, вариативность и альтернативность средств обучения и др.

Обоснование и выбор средств обучения зависят от особенностей профилей в школе. Учет этого обстоятельства позволяет определить состав необходимого учебно-производственного оборудования. Выбор средств обучения определяется и возможностями оснащения учебного процесса современным учебно-производственным оборудованием, ЭВТ, учебно-наглядными и техническими средствами обучения, учебно-методической литературой и др.

Резкое увеличение объема научной информации в мире обусловливает тенденции информатизации как в образовании, так и во всех видах человеческой деятельности. Наступает кибернетический период в развитии образования, применения новейших средств обучения на базе информационной компьютеризации и телекоммуникационной техники. Эти технологии делают процесс обучения управляемым, индивидуально-дифференцированным, с большим удельным весом самостоятельной учебной и учебно-производственной деятельности. Критерием научно обоснованного выбора средств выступает адекватность их дидактических, функциональных возможностей целям обучения.

Общепедагогические категории, ориентированные на практико-познавательное взаимодействие человека с техникой, представляют определенный интерес для общеинженерной педагогики. Однако усиливается актуальность проблемы использования специфических для нее категорий - научно-технического познания и личности школьника.

Результативность общеинженерной педагогики. Различают научно-техническое познание и техническую деятельность.

Научно-техническое познание - это процесс овладения школьником объективно или субъективно новыми техническими и технологическими знаниями в области науки, техники, производства, способами деятельности, предвидения перспек-

тив их развития. Его специфика обусловлена особенностями предмета отражения - технических объектов и технологических процессов. Естествознание изучает природные явления как таковые. В содержание понятий естествознания не входят признаки, характеризующие технологию обработки, изготовления, производства, конструктивную структуру, назначение, цель, сферу применения. Понятия технического знания в меньшей степени абстрактны и идеализированы по сравнению с понятиями естествознания. Они менее стабильны, их содержание подвержено относительно быстрому изменению.

Понятия технического знания, как и все другие в науке, развиваются. Появление новых естественнонаучных теоретических представлений закономерно служит источником создания качественно новых видов техники (атомно-ядерной, электронной, полупроводниковой, лазерной, космической и др.), ведет к возникновению новых понятий технического знания.

Техническая деятельность - это динамическая система взаимодействия специалиста и орудий, механизмов, сооружений, которые необходимо построить искусственным путем, опираясь на научные знания, умения, навыки и способности. В этой деятельности специалист взаимодействует, с одной стороны, с явлениями природы, подчиняющимися естественным законам, а с другой - с техническими средствами и сооружениями, которые необходимо построить искусственным путем. В рамках этой деятельности осуществляются и так называемые инженерные исследования (в отличие от исследований, проводимых в технической науке). Они включают предпроектное обследование, научное обоснование разработки, анализ возможностей использования полученных данных.

В последние годы увеличилось число системных специалистов, работающих в конструкторских и проектных учреждениях, научно-производственных комплексах, в НИИ и сфере управления научно-техническим прогрессом. Именно эти элитные специалисты, имеющие хорошую фундаментальную естественнонаучную, техническую, социально-технологическую подготовку, будут определять социально-технологическое развитие России.

Продуктивность профориентационной работы в школе наряду с профессиональной компетенцией учителя определяется его личностными качествами, духовно-нравственным потенциалом. Гражданская позиция, социальная активность, порядочность, справедливость, доброта и другие общечеловеческие ценности определяют сегодня имидж и престиж учителя технологии. Отметим также возрастающую роль на шкале ценностей таких показателей, как творческая активность, интеллектуальные способности, уровень общей и профессиональной культуры. Объективной основой, вызывающей необходимость интеллектуализации труда, его творческого характера, является расширение профориентации молодежи по сложным специальностям (электроника, ЭВТ, биотехника и др.).

Объективные отношения и связи зависимости, подчинения, сотрудничества, взаимопомощи, неизбежно возникающие в условиях производства, предполагают объединение людей. Они не могут осуществлять полноценную профессиональную деятельность, не вступая в определенные контакты между собой и не имея должного взаимопонимания. Все это делает актуальной проблему формирования культуры общения. Человек, адресующий информацию другому, и тот, кто ее воспринимает, должны говорить на одном языке. Это залог взаимопонимания и успеха в совместной деятельности. В едином процессе общения можно условно выделить три функции: коммуникативную (передача информации), интеллектуальную (взаимодействие) и перцептивную (взаимовосприятие).

Итак, *общеинженерная педагогика предстает как самостоятельная область научного знания, которая за счет взаимодействия с техническими науками и техникой педагогически воздействует на развитие личности школьника, создает условия для самоопределения его уже на старшей ступени профильной школы на конкретную профессию сферы материального производства, формирует интерес к ней, помогает предположительно определить, в каких видах деятельности он сможет наиболее успешно самореализоваться, получая наибольшее удовлетворение от своего труда.*

Гидравлика и общеинженерная педагогика. Введение предпрофильной подготовки и профильного обучения школьников по образовательно-профессиональным интересам изменило требования по подготовке в вузе будущих учителей технологии и предпринимательства. В школе востребован не учитель-предметник, а учитель с общеинженерной компетентностью в определенных отраслях материального производства, необходимых в данном регионе.

Как отмечалось выше, для практического использования основ общеинженерной педагогики при подготовке учителей технологии для будущей их работы в профильных школах в Орловском государственном университете в учебном плане специальности 050502 "Технология и предпринимательство" предусмотрены две специализации, а именно: "Строительство и ремонт индивидуального жилья" и "Крестьянская усадьба и семья (крестьянское хозяйство)". В связи с этим в учебный план подготовки будущих учителей технологии (для обеспечении указанных специализаций) было введено значительное количество инженерных дисциплин, в том числе и "Гидравлика", так как в вопросах строительства и содержания индивидуального дома и надворных построек, эксплу-

атации сельскохозяйственной техники значительную роль приобретают знания гидравлических законов.

Следует заметить, что для учителей технологии овладение законами и методами гидравлики имеет большое практическое значение не только с узкоспециальной точки зрения, но и для формирования его общеинженерной компетентности, так как гидравлика является важнейшей общеинженерной дисциплиной в системе образования.

Современная гидравлика представляет собой органический сплав науки и практики, опирающийся на такие науки, как высшая математика, физика, теоретическая механика, сопротивление материалов. В свою очередь гидравлика служит базой для проектирования насосов, турбин, гидравлических машин, а также оборудования и машин для водоснабжения, водоотведения и отопления различных объектов, включая школы.

Интерес к изучению гидравлики при подготовке учителей технологии вызван особенностями размещения школ в нашей стране. Как известно, в Российской Федерации из большого числа школ более 70% сельских, причем малокомплектных, а в Орловской области - более 80%, и вопрос эксплуатации гидравлических систем для водоснабжения, водоотведения и отопления занимает большое место в жизни обеспеченности объектов образования, то есть школ. Учитель технологии в ряде случаев является практически единственным специалистом в данной местности, где размещена школа.

Законы гидравлики объясняют физическую картину в инженерных сетях (в водопроводе, водоотведении и отоплении), эксплуатационные возможности индивидуальных водозаборов (скважин и шахтных колодцев), дают сведения о мелиоративных работах и т.д. Наконец, во всех сельскохозяйственных машинах (включая трактора и автомобили), без которых немыслимо крестьянское хозяйство, имеются насосы и гидравлические приводы машин.

Для изучения гидравлических дисциплин на кафедре технологии и предпринимательства Орловского государственного университета подготовлены и изданы соответствующие учебные пособия [3 - 5].

Кроме того, в результате дипломного проектирования силами студентов в межшкольном учебном комбинате №1 г. Орла изготовлены настольные гидравлические установки.

Учитель технологии и предпринимательства (особенно мужчина), изучив в вузе гидравлику наряду с другими инженерными дисциплинами по указанным специализациям, подготовлен заинтересовать школьника в выборе будущей профессии, а также оказать практическую помощь в эксплуатации гидравлического оборудования как в школе, так и в прилегающем сельском населенном пункте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Данилов М.А. Основные проблемы методологии и методики педагогических исследований // Сов. педагогика. 1969. № 5. С. 18 - 21.

2. Загвязинский В.И. Методология и методика дидактического исследования [Текст] / В.И. Загвязинский. - М.: Педагогика, 1982. - 160 с.

3. Калекин А.А. Гидравлика и гидравлические машины [Текст] / А.А. Калекин. - М.: Мир, 2005. - 512 с.

4. Калекин А.А. Гидравлические и пневматические приводы сельскохозяйственных машин [Текст] / А.А. Калекин. - М.: Мир, 2006. - 512 с.

5. Калекин А.А. Основы гидравлики и технической гидромеханики [Текст] / А.А. Калекин. - М.: Мир, 2008. - 280 с.

6. Кирсанов А.А. Понятийно-терминологическая специфика инженерной педагогики // Педагогика. 2001. №3. С. 21 - 27.

7. Краевский В.В. Сколько у нас педагогик? // Педагогика. 1997. № 4. С. 113 - 118.

Основы инженерной педагогики [Текст] / А.А. Кирсанов, В.М. Жураковский, В.М. Приходько, И.В. Федоров. - М.: МАДИ (ГТУ); Казань: КГТУ, 2007. - 498 с.

A.A. Kalekin

SOCIAL ENGINEERING PEDAGOGICS UNDER UNIVERSITY TRAINING THE TEACHER OF TECHNOLOGY FOR THE PROFILE TYPE OF SCHOOL.

The paper gives an account of comprehensive-terminological specificity of social engineering pedagogics and its significance under the university training the teacher of technology for the work at profile type of school.

С.А. Карпеева, *старший преподаватель кафедры "Художественное проектирование швейных изделий" Орловского государственного университета.*

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ КОСТЮМА

Статья посвящена проблеме улучшения качества образования по конструированию одежды в процессе повышения уровня подготовки студентов в вузе.

Целью статьи является рассмотрение методических аспектов направленных на решение важных задач обучения художников-стилистов конструированию одежды путем формирования у них специальных знаний, умений и навыков, развития особого художественно-конструктивного мышления и способности применения знаний в практической деятельности.

В последние годы на российском рынке наблюдается значительное увеличение объема выпуска и расширения ассортимента различных видов одежды. Сегодня одежда - это не просто тип костюма, который предназначен для защиты человека и удовлетворения его эстетических потребностей. Теперь требования к одежде становятся более высокими, особенно по отношению к обеспечению комфортности и безопасности.

В новых экономических условиях изменчивость спроса на рынке труда, рост требований к профессиональной компетентности специалистов, развитие сферы образовательных услуг, переориентированной на удовлетворение потребностей различных категорий граждан, ставят систему художественного образования нашей страны перед объективной необходимостью создания гибких, адаптивных педагогических технологий, позволяющих осуществлять обучение.

Специальность "художник-стилист" в нашей стране новая. Специалисты проектируют облик рождающейся моды. Они занимаются поиском новых форм, новых образцов, новой философии в костюме современного человека. Творческая деятельность этих специалистов определяет эстетический идеал своего времени и формирует, таким образом, наши вкусовые предпочтения.

Особое значение имеет необходимость развития навыков творческой деятельности в подготовке художников-стилистов, связанных с художественно-конструкторской работой в области производства одежды.

Специалист этой области должен обладать высоким творческим потенциалом в художественной и конструкторской деятельности, соединяющей в себе решение как художественных, так и конструкторских задач и требующей развития особого конструктивного мышления, отвечающего принципам технического и художественного творчества.

Создать новый образ одежды - модель - без знаний современных методов конструирования невозможно. Нельзя также создать модель современной одежды на старой конструктивной основе.

Формирование умений и навыков по конструированию осуществляется в процессе конструкторской деятельности студента.

На современном этапе проектирования одежды большое значение имеют поиск современных методов разработки конструкции и приобретение умений и навыков в процессе обучения конструированию.

Эффективная, отвечающая современным требованиям подготовка художников-стилистов возможна только на основе приобщения их как к художественной, так и к технической культуре.

Перед каждым педагогом всегда стоят вопро-

© С.А. Карпеева, 2008

Перед каждым педагогом всегда стоят вопросы: как стимулировать всех учащихся заниматься систематически, как ускорить процесс усвоения материала, как активизировать познавательную их деятельность?

В условиях современного обучения конструированию, когда с каждым годом стремительно нарастает объем знаний, необходимо, чтобы создавалось максимум предпосылок для самостоятельного приобретения студентами новых знаний, умений и навыков в процессе их деятельности.

Прочность знаний, умений и навыков достигается прежде всего за счет эффективного изложения нового учебного материала. Большое значение для формирования и обеспечения прочности умений и навыков имеет постановка упражнений и применение конструкторских средств обучения.

Умение - это способность выполнить действие, иными словами, способность достичь поставленной цели. Эта способность приобретается в процессе обучения. Поэтому можно сказать, что конструкторское умение есть способность выполнить задание по конструированию с применением необходимых инструментов (сантиметровая лента, линейка, манекен и т.п.).

Некоторые умения могут быть сформированы сравнительно быстро - на основе понимания учащимися задачи и использования накопленных ими в предыдущем опыте знаний и умений. Например, чтобы построить конструкцию на нетиповую фигуру, надо измерить конкретную фигуру. Поэтому достаточно показать, как это делается, и рассказать о правилах измерения фигуры, а также обучающийся пользуется накопленными знаниями по дисциплине "Основы прикладной антропологии и биомеханики".

По мере повторения действий умения совершенствуются, а сами действия выполняются быстро, четко, рациональными способами. В результате многократных повторений действия могут перейти в навык. Формирование навыков относится в основном к действиям, которые стабильны по своему характеру.

Навыки относятся к приемам выполнения действий, а не к их цели и условиям. Автоматизация освобождает сознание от контроля им самим осуществления моторных, сенсорных и интеллектуальных операций, из которых складывается действие. В этом смысле исполнение действия становится автоматическим. Но в поле сознания остаются и выдвигаются на передний план цели, ради которых выполняется действие, и условия, в которых оно протекает, а также его результаты. С этой точки зрения выполнение действия в целом становится более сознательным. В основе формирования навыков лежат пробные попытки и отбор. Без повторных практических попыток формирование навыков невозможно. Это относится к построению базисных сеток, конструктивных узлов по различным методикам (построение плечевых и нагрудных вытачек, горловины, проймы и т.д.).

С одной стороны, никакое действие человека не бывает до конца автоматизированным (т.е. удаленным из сознания), потому что оно в конечном счете вызывается и управляется сознательной целью, с другой - фактически любое действие человека частично автоматизировано благодаря навыкам, которые в значительной мере осуществляются без участия сознания. Человек никогда не сознает до конца всех элементов регуляции, исполнения и контроля (автоматизация имеет важное значение, так как облегчает полноценное выполнение всякой деятельности). Автоматизация отдельных сторон действий изменяет и совершенствует их структуру [3].

Для эффективного формирования навыков рассматривают две концепции: одна из них требует опоры на чувственные ориентиры. Упражнения согласно этой концепции должны осуществляться на стандартных элементах, формальных задачах. Их решению способствуют знание результата и удовлетворение при его достижении. Путь к этому - закрепление элементов правильного действия и постепенное их объединение в целостном действии. Такую методику можно назвать аналитической. Вторая концепция представлена синтетической, содержательной методикой (например, предметной системой). Первая концепция отражена в поэлементной формально-аналитической методике (например, операционной системой).

При аналитическом подходе сначала дело идет быстрее и легче, навыки отличаются большой четкостью, правильностью и прочностью. Однако затем возникают трудности при объединении отдельных элементов в целостные действия. Учение замедляется, а сформированные навыки оказываются иногда шаблонными и негибкими. При синтетической методике, наоборот, сначала дело обычно идет медленно и с трудом, допускается много ошибок, действия выполняются "нечисто". Однако затем учение ускоряется, а сформированные навыки отличаются гибкостью и легкой приспосабливаемостью.

Успешность формирования умений и навыков по конструированию костюма у художников-стилистов требует от преподавателя знания основных явлений и закономерностей этого процесса и соблюдения ряда условий. Сложность этого процесса объясняется тем, что на него оказывают влияние самые разнообразные факторы: характер осваиваемых действий, особенности организации и методов обучения, возрастные и индивидуальные особенности учащихся и т.д. Влияние этих факторов необходимо учитывать при проведении занятий.

К основным условиям, определяющим успешность овладения художником-стилистом умениями и навыками в области конструирования костюма, можно отнести следующее: заинтересованность в достижении успеха; отношение к учебным

заданиям; применение методов обучения, соответствующих особенностям формируемых умений и навыков; четкое понимание учащимися критериев правильности выполнения действий; учет возрастных и индивидуальных особенностей учащихся.

Главный критерий занятия - включение в учебную деятельность всех без исключения студентов на уровне их потенциальных возможностей. С этой целью используют индивидуальные задания - обязательные и добровольные. Слабые выполняют работу по образцу готовой конструкции, сильным предоставляется право выбора в рамках изученной темы.

Процесс овладения учащимися конструкторскими действиями сводится к тому, чтобы, во-первых, учащиеся достигли удовлетворенного качества (точности) выполняемых действий и, во - вторых, чтобы они адаптировались к данным действиям в процессе упражнений.

Обучение любому действию начинается с усвоения первоначального образа действия, т.е. представления о цели, которую необходимо достигнуть действиями, и о способах достижения этой цели. Это необходимо для того, чтобы учащийся во время работы мог сравнивать действия и смог осуществить самоконтроль.

Успех любого занятия - в его тщательной подготовке. Это разработка плана-конспекта, дидактическое и материально-техническое оснащение. При этом преподавателю необходимо планировать не только свои действия, но и работу учащихся, предусматривая возможные трудности и их преодоление, поддержание и развитие познавательного интереса.

Поставленная цель может быть достигнута только в том случае, если к занятиям будут тщательно подготовлены как преподаватель, так и студенты.

При организации лабораторных работ необходимо учесть, что выпускники вузов, хорошо усвоившие теоретический материал, не всегда могут применять его в своей профессиональной деятельности. Следовательно, основное требование к лабораторному занятию в вузе - выбор такого содержания учебного материала и такой формы организации занятия, которые бы способствовали развитию познавательной деятельности, формированию умений и навыков обучающихся студентов и их самостоятельности.

Успех лабораторных занятий зависит от многих слагаемых: от теоретической, практической и методической подготовленности преподавателя, его организаторской работы по подготовленности занятия, от состояния лабораторной базы и методического обеспечения, а также от степени подготовленности самих обучающихся, их активности на занятии.

Основная цель проведения лабораторных работ состоит в том, чтобы научить студента при решении конкретных задач практическому применению основных особенностей, положений, правил, изложенных на лекциях, сформировать умения и навыки при выполнении заданий.

Большое значение в обучении конструированию имеет инструктаж. Например, преподаватель демонстрирует этапы построения базовых конструкций. Затем учащиеся приступают к выполнению пробных действий. После этого преподаватель указывает студентам на их основные ошибки и объясняет более подробно построение с правлением допущенных ошибок каждому. Объяснение дополняет сведениями о способах определения положения конструктивных точек. Дальнейшее совершенствование умений и навыков происходит в процессе выполнения других конструкций.

При формировании умений, овладение которыми не требует большого количества упражнений, инструктаж, как правило, не должен быть очень подробным. В то же время сведений, даваемых преподавателем, должно быть достаточно, чтобы можно было поставить перед учащимися некоторые проблемные вопросы и задачи, требующие умственных усилий. Такой инструктаж проводится при формировании конструкторских умений, в которых мыслительные компоненты играют существенную роль (распределение прибавок, чтение чертежей, расчет базовых конструкций, решение простейших конструкторских задач и т.д.).

Необходимо указать одну важную особенность формирования умений учащихся в обучении конструированию. Овладение частными умениями еще не обеспечивает образования умений высокого уровня общности. И недооценка этого положения может привести к педагогическим просчетам.

Чем выше уровень общности формируемых умений, тем большую роль в них играют знания учащихся. Имеет большое значение способность учащихся применять полученные знания на практике. Известно, что параллельное теоретическое и практическое обучение само по себе еще не обеспечивает применения полученных знаний в практической деятельности. Нередко можно видеть, как студент останавливается перед решением практической задачи, хотя необходимыми для ее решения знаниями он обладает. Следовательно, он просто не умеет применить свои знания на практике.

Таким образом, одной из важных задач обучения художников-стилистов конструированию одежды является формирование у них конструкторских умений и навыков, развитие конструктивного мышления и способности применения знаний в практической деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Актуальные вопросы формирования интереса в обучении/ Под.ред. Г.И. Щукиной. - М.: Просвещение, 1984.-176 с.

2. Бабанский Ю.К., Сластенин В.А. и др. Педагогика. - М.: Просвещение, 1988.- 479 с.

3. Виленский М.Я., Образцов П.И., Уман А.И. Технологии профессионально ориентированного обучения в высшей школе: Учебное пособие. Издание второе/ Под. ред. В.А. Сластенина. - М.: Педагогическое общество России, 2005. - 192 с.

4. Методика трудового обучения с практикумом: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Д.А. Тхоржевский, А.И. Бугаев, Б.И. Бухалов и др.; Под ред. Д.А.Тхоржэевского. - М.: Просвещение, 1987. - 447 с.: ил.

5. Петровский А.В., Ковалева В.М., Крашенинников А.А и др. Основы педагогики и психологии высшей школы. - Издательство Московского университета, 1986.

6. Чумакова С.В. Формирование знаний, умений и навыков в процессе специальной подготовки студентов ХГФ на занятиях художественно-оформительским искусством (на примере использования декоративного орнамента). Дис... к.п.н. Орел-2006.

7. Шаталов В.Ф. Эксперимент продолжается. - М.: Педагогика, 1989. - 336 с.: ил.

8. Янчевская Е.А. Конструирование одежды: Учебник для студ.высш.учеб.заведений. - М.: Издательский центр "Академия", 2005. - 384 с.

Karpeeva S.A.

METHODICAL ASPECTS OF FORMATION OF SKILLS AT STUDENTS IN THE AREA OF DESIGNING COSTUME.

The article is devoted to the problem of improvement of quality of formation on designing clothes during increase of a level of students, preparation in high school.

The purpose of this article is consideration of the methodical aspects, it is directed to the decision of the important problems of artists-stylists, training to designing of clothes by formation at them special knowledge, skills, development of special art-constructive thinking and ability of application of knowledge in practical activities.

Д. В. Лякишев, *аспирант кафедры английской филологии Орловского государственного университета.*

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНО-ЦЕЛЕВОЙ ТИПОЛОГИИ ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Работа посвящена проблематике, находящейся на пересечении таких лингвистических дисциплин, как теория речевых актов, когнитивная лингвистика, прагматика текста.

В центре внимания находится специфика распределения коммуникативных ролей между участниками ситуации.

Статья посвящена анализу концептуальной и коммуникативно-целевой структуры специализированных текстов.

Военный дискурс уже давно находится в поле зрения исследователей, однако большинство известных исследований по данной проблематике ограничиваются системно-структурными характеристиками данного типа дискурса. Имеются в виду лексический состав данной подсистемы языка, её синтаксические и реже стилистические особенности.

Мы в своей работе ставим перед собой задачу рассмотреть некоторые проблемы военного дискурса, поместив последний в рамки некоторого деятельностного контекста, обусловленного своей предметной и проблемной спецификой.

Принято считать, что война есть продолжение политики, а это значит, что вполне возможно рассматривать военный дискурс как некоторую редуцированную предметно и проблемно ориентированную версию политического дискурса. Нам представляется, что данная метафора имеет ещё один важный аспект. Сравнение войны с политикой может иметь и обратную направленность, и в ряде случаев сугубо политические отношения подвергаются осмыслению в терминах войны, военных действий, военных противодействий.

В качестве примера можно привести так называемую "холодную войну", где описание политики пользуется военной метафорой.

Экономические отношения тоже могут быть описаны в аспекте такого рода метафоризации. Например, "тресковая война" между Великобританией и Исландией, "крабовая война" между Россией и Японией за квоты на добычу крабов. Это говорит о том, что трудно противопоставить и пытаться провести границу между политическим и военным дискурсом и, скорее всего, военный дискурс наследует много черт политического дискурса, но в специфических условиях его протекания он приобретает свойственные только ему черты. Речь идёт не только о специфическом составе лексикона военного подъязыка как одной из подсистем словаря общенационального языка или, например, о синтаксисе высказывания военного языка.

Явным образом говорит о себе специфика военных команд, синтаксис которых ограничен довольно строгими правилами и жанрово-нормативными установками. Мы предполагаем, что военный дискурс обладает своими коммуникативно-целевыми лингвопрагматическими характеристиками, обусловленными спецификой распределения ролей между участниками дискурса и характерными только для данной коммуникативной сферы обстоятельствами общения.

Мы предлагаем разграничить следующие разновидности военного дискурса, определяемые по признаку их коммуникативно-целевой ориентации. С одной стороны, можно говорить о политически и идеологически ангажированном дискурсе, так называемом пропагандистском дискурсе, в котором преобладают оценки сюжета высказывания по отношению к действиям противника.

Пропагандистскому дискурсу может быть противопоставлен так называемый объективированный дискурс, обладающий многими характеристиками так называемого новостного дискурса.

© Д.В. Лякишев, 2008

Объективированный дискурс не содержит каких-либо эксплицитновыраженных оценок и сосредоточен лишь на выполнении задачи информирования партнёра по коммуникации. Например, сообщение о германской бомбардировке побережья Великобритании: "Германская авиация бомбардировала несколько портов на юго-западном и юго-восточном побережье Англии, а также на восточном побережье Шотландии. Германские ночные истребители сбили 9 английских самолётов".

Факты, сообщения о которых являются целью объективированного дискурса, становясь предметом пропагандистского дискурса, получают соответствующую положительную или отрицательную оценку, которая выражается посредством использования лексики, обладающей очень сильной оценочной коннотацией. Например, не фашистские войска, а "фашистские орды" или "фашистские полчища".

Пропагандистский дискурс тоже предполагает наличие нескольких разновидностей. Например, дискурс, ориентированный вовне, на внешнего пользователя. Объектом, на который в данном случае направлено коммуникативное воздействие, является представитель противоборствующей стороны. Типичными случаями можно считать разбрасывание листовок на фронтах второй мировой войны противодействующими сторонами.

Второй типичный пример касается особенностей коммуникативных действий советского официального субъекта времён "холодной войны". Московское радио, передающее на зарубежные страны, допускало в своих сообщениях передачу информации, которая не была запланирована для внутреннего пользователя.

Другой разновидностью пропагандистского дискурса является дискурс, ориентированный на внутреннего пользователя, на представителя довольно ограниченной, замкнутой коммуникативной сферы. Целью такого рода коммуникативного воздействия может быть показ преимуществ условий существования и коммуникации в рамках данной замкнутой коммуникативной сферы, объединения объектов коммуникативного воздействия вокруг той или иной доктринальной установки политического, идеологического, религиозного и т.п. характера.

Пропагандистскому дискурсу может быть противопоставлен так называемый переговорный дискурс. Пропагандистский военный дискурс по своей природе широковещателен и ориентирован на довольно представительный массовый объект воздействия. Переговорный дискурс узкоканален, он изначально исключает широковещательность, и любая утечка информации является нежелательной для коммуникативноактивных субъектов дискурса и представляет собой коммуникативную неудачу, чреватую серьёзными трудностями ведения переговоров или даже их срывом.

В пропагандистском военном дискурсе, ориентированном на внутреннего пользователя, такого рода незапланированная информация не только не опасна, но часто весьма желательна для действующего субъекта коммуникации.

В данной связи уместно вспомнить концепцию побочных речевых актов, изложенную в работе [Кларк и Карлсон, 1986]. В побочном речевом акте предполагается наличие не только непосредственного адресата коммуникативного воздействия, но и некоторого третьего лица, которому частично адресовано сообщение, непосредственно передаваемое прямому партнёру по коммуникации. Такого рода запланированной утечкой информации субъект может пытаться проинформировать противника, т.е. третье лицо, неучастника коммуникации, о некотором положении дел, благоприятном для данного действующего коммуникативного субъекта. К ней могут относиться имплицитные сообщения третьему лицу, в нашем случае человеку, находящемуся за пределами коммуникативного взаимодействия между непосредственным субъектом и объектом. Сообщение о положении дел вполне благоприятно для активного субъекта и, соответственно, в той или иной степени должно быть дискомфортным для реального или потенциального противника.

Не менее важным мы считаем введение ещё одной дихотомии: противопоставление дискурса метадискурсу (о метадискурсе см. работу [Вежбицка, 1978]; о метакоммуникативных дескрипциях - работу [Семененко, 1996]). Под дискурсом мы понимаем взаимодействие непосредственных участников коммуникативного процесса, в нашем случае противников в тех или иных военных действиях. Военный дискурс служит своего рода лингвистическим обеспечением фактических действий, которые в ряде случаев при их описании тоже приобретают в результате некоторой метафоризации черты языкового взаимодействия. Например: "Ваше слово, товарищ Маузер". Как любая метафора, она характеризуется созданием некоторого нереального мира, который никак не подчиняется законам естественной языковой интеракции, т.е. субъект дискурса "Маузер" заранее ориентируется на полную коммуникативную неудачу, прекращение коммуникации, поскольку объектом такого рода коммуникативного "воздействия" является человек, в идеале так и не успевший принять и обработать сообщение.

Военный метадискурс является описанием тех или иных военных действий, военных стратегий и тактик, послуживших предметом тех или иных высказываний военного дискурса. Это дискурс о дискурсе, сообщение о сообщениях. Ярким примером можно считать 2-томную переписку Верховного Главнокомандующего Сталина с Президентом Рузвельтом и Премьером Черчиллем. Предметом этой публикации является состоявшийся коммуникативный обмен между действующими коммуникантами. В данном случае получателем метатекста, который создаётся в рамках метадискурса, а именно текстов писем участников

непосредственного общения во время второй мировой войны, является массовая читательская аудитория. Но в данном случае метатекст, который является продуктом действий участников метадискурса, нельзя считать полностью объективированным, поскольку публикация этих материалов, т.е. передача соответствующих сообщений массовой аудитории, осуществлялась в рамках довольно строгих идеологических и политических ограничений. Это позволяет говорить о том, что границы между ангажированным и неангажированным, объективированным дискурсом провести подчас трудно. Для примера можно привести новостные сообщения в средствах массовой информации советских времён, когда любая официальная газета не могла ограничиться сообщением лишь о фактической стороне того или иного события, того или иного вооружённого конфликта, всякий раз сопровождая передачу фактической информации эксплицитно или имплицитно выраженными оценочными суждениями положительного или отрицательного характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вежбицка А. Метатекст в тексте // НЗЛ. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. - С. 402 - 421.

2. Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // НЗЛ. Вып 17. - М.: Прогресс, 1986. - С. 270 - 321.

3. Семененко Л.П. Аспекты лингвистической теории монолога. - М.: Московский гос. лингв. ун-т, 1996. - С. 324.

D.V. Liakichev

ON THE PROBLEM OF COMMUNICATIVE-INTENTION TYPOLOGY OF MILITARY DISCOURSE

The article is devoted to a problematic that is taking place on crossing of such linguistic disciplines, as the theory of the speech acts and pragmatic of the text.

At the centre of attention there is a specificity of distribution of communicative roles between the participants of a situation.

The work is devoted to the analysis of conceptual and communicative structure of the specialized texts.

А. М. Митяева, *доктор педагогических наук, профессор кафедры социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета.*

ПОЗИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ УРОВНЕВОЙ СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы перехода высшего образования на компетентностный подход. Дается разграничение понятий "компетенция" и "компетентность".

Автор акцентирует внимание на необходимости развития у студентов ключевых, базовых и специальных компетентностей, которые, пронизывая друг друга, проявляются в процессе решения жизненно важных профессиональных задач разного уровня сложности, в разных контекстах в многоуровневом образовательном пространстве.

Анализируя состояние образования периода конца XX - начала XXI века, можно отметить, что оно характеризуется изменениями в направленности, целях, содержании, которое все более явно ориентируется на свободное развитие личности, на ее самостоятельность и конкурентоспособность, мобильность будущих специалистов в условиях интеграции Российской Федерации в мировое и европейское экономическое и правовое пространство, что обусловило в конечном счете необходимость вступления России в Болонский процесс и, как следствие, изменение образовательной парадигмы. В соответствии с одобренной Стратегией модернизации содержания высшего образования в России возникает необходимость принятия ряда последовательных мер, направленных на переход от традиционной формально-знаниевой к компетентностной модели, направленной на личность студента. В результате основным конечным итогом новой образовательной стратегии должна стать не только система знаний, умений и навыков, но и набор заявленных государством компетентностей в интеллектуальной, общественно-политической, коммуникационной, информационной и прочих сферах.

Переход отечественной образовательной системы на компетентностный подход обусловлен рядом объективно существующих причин. Главной из них является общеевропейская и мировая тенденция к интеграции науки и экономики.

Ретроспективный анализ теоретических основ содержания высшего образования позволяет утверждать, что наряду с технократической, зуновской, культурологической и др. концепциями в настоящее время особое значение приобретает компетентностная концепция. С точки зрения компетентностного подхода содержание образования - это система образовательных компетентностей, которая интегрирует совокупность взаимосвязанных смысловых ориентацией, умений и знаний для эффективного решения личностно значимых и социально актуальных проблем в определенных сферах культуры и видах деятельности. Позитивный потенциал компетентностного подхода заключается в том, что он не отрицает перспективный и до конца не воплощенный культурологический подход к содержанию образования, а актуализирует прагматический аспект того, что у студентов должно быть сформировано и развито. Синонимичное использование понятий "компетенция" и "компетентность" затрудняет развитие теории и практики компетентностного подхода. Целесообразно разграничить понятия "компетенция" и "компетентность" по следующим основаниям: потенциальное - актуальное, когнитивное - личностное, данное - освоенное. Компетенция задает круг предназначений, обязанностей, ролей, комплекс задач, которые человек дол-

© А.М. Митяева, 2008

жен решать. Компетенция определяется как "совокупность знаний, навыков и умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также способность к выполнению определенной деятельности на основе полученных знаний, навыков и умений" (Н.В. Баграмова, 2004). В то же время под компетентностью понимается "актуальное, формируемое личностное качество как основывающаяся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленная социально-профессиональная характеристика человека, его личностное качество" (И.А. Зимняя, 2006). Другими словами, компетентность - это качество личности (вернее, совокупность качеств), которое предполагает владение, обладание студентом соответствующей компетенцией, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности, минимальный опыт деятельности в заданной сфере.

Компетенция - это заданное содержание компетентности, которое необходимо освоить, чтобы быть компетентным. В этом случае под компетентностью понимается не суммарная совокупность, а целостная система личностно-осмысленных знаний, умений и принятых ценностей, как раз и направленных на применение этих самых компетенций. При этом подчеркнем, что компетентность - это опыт успешного осуществления деятельности по выполнению определенной компетенции.

Таким образом, компетентность в той или иной деятельности можно рассматривать как способ существования того или иного содержания образования, способ его успешного воплощения в деятельности.

При выстраивании перечня компетентностей, относящихся к содержанию образования, необходимо указать, что они многофункциональны, надпредметны и междисциплинарны, многомерны в основу различных вариантов их перечня положены, либо актуальные ситуации приложения компетентностей как интеграции способов человеческой деятельности, творческого потенциала, опыта проявления личностной позиции, либо актуальные социально-экономические проблемы, требующие решения.

Принятие компетентностного подхода в качестве одного из ведущих предопределило рассмотрение цели образовательного процесса как формирование ключевых компетентностей, что отмечено в текстах "Стратегии модернизации общего образования" (2001 г.) и "Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года". В соответствии с этими документами ключевые компетентности можно выделить в три группы: компетентности, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности; компетентности, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми; компетентности, относящиеся к профессиональной деятельности человека, проявляющиеся во всех ее типах и формах.

Таким образом, новая парадигма как стиль мышления данной исторической эпохи вносит определенные коррективы в традиционную трактовку целей и содержания образования. Формирование ключевых компетенций: социально-политической, коммуникативной, здоровьесберегающей, информационной, социокультурной - в своей совокупности становится главной целью образования личности в соответствии с требованиями современного информационного поликультурного мира.

Ключевые компетентности, необходимые для любой профессиональной деятельности, связаны с успехом личности в быстро меняющемся мире, они приобретают сегодня особую значимость и проявляются прежде всего в способности решать профессиональные задачи на основе использования информации, коммуникации, в том числе на иностранном языке, социально-правовых основ поведения личности в гражданском обществе.

Базовые компетентности отражают специфику определенной профессиональной деятельности (педагогической, медицинской, инженерной и т.д.). Для профессиональной педагогической деятельности базовыми назовем компетентности, необходимые для "построения" профессиональной деятельности в контексте требований к системе образования на определенном этапе развития общества.

Специальные компетентности отражают специфику конкретной предметной или надпредметной сферы профессиональной деятельности. Специальные компетентности можно рассматривать как реализацию ключевых и базовых компетентностей в области учебного предмета, конкретной области профессиональной деятельности.

Разумеется, все три вида компетентностей взаимосвязаны и развиваются одновременно, что и формирует индивидуальный стиль учебной деятельности, создает целостный образ специалиста и в конечном итоге обеспечивает становление учебно-исследовательской компетентности как определенной целостности, как интегративной личностной характеристики специалиста.

Ключевые, базовые и специальные компетентности, пронизывая друг друга, проявляются в процессе решения жизненно важных профессиональных задач разного уровня сложности в разных контекстах в многоуровневом образовательном пространстве.

Если же придерживаться первоначальной концепции подготовки бакалавров и магистров, то для создания так называемого дружеского интерфейса с потребителем образовательного продукта необходимо создать соответствующую систему дополнительного образования в виде широкого набора образовательно-профессиональных программ, заполняющую разрыв между реально получаемым образованием и фактическими требо-

ваниями потребителя к профессиональным знаниям бакалавра или магистра. Таким образом, обучение в бакалавриате дает общетеоретическую базу для дальнейшего освоения выпускником конкретной выбранной им профессии в процессе трудовой деятельности либо путем самообразования, либо через систему переподготовки и повышения квалификации.

Целевая функция шестилетней образовательной программы магистратуры - формирование корпуса научных и научно-педагогических кадров. Такая двухступенчатая структура предполагает достаточно жесткий отбор студентов на двухлетнюю специализированную подготовку в магистратуре. Тем самым достигается высокая концентрация интеллектуального потенциала студенческого контингента, ориентированного на продуктивную профессиональную научно-исследовательскую и научно-педагогическую деятельность. Это позволяет реализовать программы повышенного уровня сложности, освоение которых по силам только наиболее талантливым и целеустремленным студентам.

Существенно, что эта новая составляющая образовательной системы, включающая четырехлетний бакалавриат как часть шестилетней образовательной программы подготовки магистров, ориентирована на фундаментальное междисциплинарное образование. При таком подходе появляется возможность поднять на новый уровень качество образования. Речь идет не только о необходимости профессиональных знаний и практического опыта, требующихся для выполнения тех или иных профессиональных обязанностей, но и о развитии творческих возможностей личности, активизации глубинных источников ее интеллектуального потенциала, формирования учебно-исследовательской компетентности. Это сложнейшая проблема, решение которой требует большого напряжения сил всех участников образовательного процесса.

В целом активность восприятия идеи многоуровневого образования и темпы включения вузов в ее реализацию подтверждают актуальность исследования проблемы развития учебно-исследовательской компетентности студентов обеих ступеней образования - бакалавриата и магистратуры. Различия в темпах восприятия вузами разного профиля: классическими университетами, техническими, педагогическими и др. - идеи многоуровневой подготовки кадров свидетельствуют о разнице методологической и методической зрелости фундаментальной и прикладной ветвей вузовской науки.

Многоступенчатость (многоуровневость) университетского образования является его неотъемлемой частью и всегда присутствует с той или иной степенью очевидности. Так, на младших курсах сосредоточены, как правило, общеобразовательные и общепрофессиональные дисциплины. Затем до окончания четвертого курса студенты родственных специальностей совместно продолжают изучение общепрофессиональных дисциплин и начинают изучать специальные дисциплины, что и соответствует в основном структуре образовательной программы подготовки бакалавра. На заключительном этапе профессиональной подготовки выполнению дипломной работы предшествуют изучение студентами дисциплин специализации и прохождение научно-производственной практики.

Можно рассматривать бакалавриат как краткосрочную подготовку исполнителей, занятых на производстве, делая акцент в образовании на практическом использовании ими знаний в узкой профессиональной области. Но бакалавриат может рассматриваться и как первая ступень университетского образования, ориентирующая его на подготовку бакалавров наук, готовых продолжить образование по учебным программам более высокого уровня. Их образование должно отличаться фундаментальностью, широтой теоретической подготовки, обеспечивающей высокий динамизм будущей профессиональной деятельности. Отмеченные различия в подготовке обучающихся в бакалавриате определяют, на наш взгляд, и особенности развития их индивидуального стиля учебной (профессиональной) деятельности.

Развитие многоуровневой системы образования не должно обязательно идти по общей для всех вузов схеме, что и подтверждает существующая практика. Необходима свобода выбора и маневра. Данная свобода проявляется и посредством формирования учебно-исследовательской компетентности как в целом студентов вузов, так и в первую очередь непосредственно обучающихся в магистратуре, то есть на втором уровне подготовки. При этом главным ориентиром должно быть повышение качества образования путем обновления его содержания, диверсификации учебных планов, широкого развития современных образовательных технологий. В этих условиях развитие индивидуального стиля учебной деятельности студентов будет способствовать совершенствованию учебного процесса, повышению их компетентности, профессиональному и личностному развитию, ценностно-смысловой направленности на будущую профессию.

Проблема признания иностранных документов об образовании в РФ и российских документов в государствах - участниках Болонской декларации непосредственно связана с разработкой системы оценки и признания качества образования, которую предстоит создать до 2010 года. В ее основу необходимо заложить как ряд общих принципов, признанных в других странах европейского сообщества, так и выработать собственную систему сопоставимых показателей. В общегосударственные задачи высшей школы входит подготовка высокообразованных, компетентных специалистов с развитым индивидуальным стилем учебной и профессиональной деятельности и такой систе-

мой компетенций, которая позволила бы им эффективно реализовать свой творческий потенциал в условиях рыночной экономики, обеспечивая решение профессиональных задач на высоком уровне успешности.

Становление компетентности возможно при включении студента в такой вид учебной деятельности, который моделирует условия высокоэффективной профессиональной деятельности, соответствующей уровню европейского стандарта. Значительная часть программ, реализуемых в российских вузах, - это программы направлений подготовки, то есть строящиеся именно по модели "бакалавриат + магистратура". При разработке этой системы исходят из предпосылки о том, что подготовка по направлению - в отличие от подготовки по специальности - это воспитание кадров для науки и преподавания. Именно отсюда одновременно широта и фундаментальность, которые запланированы для бакалавриата. Дополненные дисциплинами профессионализации, программы магистратуры дают широко образованных, компетентных выпускников. Одновременно бакалавриат представляет собой необходимый трамплин для магистратуры. Магистратура к широкой фундаментальной подготовке добавляет углубленную подготовку в некоторой узкой проблемной области.

Природа компетентности такова, что она может проявляться только в органическом единстве с ценностями человека, то есть при наличии ценностно-смыслового отношения, глубокой личностной заинтересованности в данном виде деятельности. Компетентность в этом смысле выступает как способ поведения, образ жизни будущего работника, в котором интегрируются его познавательные и творчески-преобразующие способности. В самой природе компетентности заложен потенциал профессионального саморазвития, профессиональной карьеры, что и соответствует сущности многоуровневого непрерывного образования, последующего повышения своей профессиональной квалификации.

На уровне бакалавриата обеспечивается формирование системы базовых и ключевых компетенций, основным средством формирования которых выступает адекватная уровню бакалавриата модель учебно-исследовательской деятельности, соответствующая уровню образования бакалавров. Этот тип учебно-исследовательской деятельности, включающий проектные разработки, выступает как организуемое с использованием преимущественно дидактических средств пространство косвенного и перспективного управления деятельностью студентов, направленное на поиск объяснения и доказательства закономерных связей и отношений, экспериментально наблюдаемых или теоретически анализируемых фактов, явлений, процессов, в которой доминирует самостоятельное применение приемов научных методов познания и в результате которой студенты активно овладевают знаниями, развивают свои исследовательские умения и способности.

Становление специальных компетентностей в условиях магистратуры обеспечивается включением обучающихся в учебно-исследовательскую деятельность поискового научно-проектного квазипрофессионального характера, направленную на объяснение явлений, процессов, установление их связей и отношений, теоретическое и экспериментальное обоснование фактов, выявление закономерностей посредством научных методов познания, в результате чего субъективный характер "открытий" может приобретать определенную объективную значимость и новизну. Структура и функции научно-исследовательской деятельности определяются целями подготовки студентов вуза в этом направлении. Они заключаются в углублении и развитии профессиональных теоретических знаний, их применении на практике; в привитии магистрам навыков постановки и проведения самостоятельных научных исследований; в привлечении наиболее способных студентов к решению актуальных проблем образования; в возможности обоснованного выбора обучающимися научного направления, где бы наиболее ярко могли проявиться их творческие способности; в воспитании в стенах вуза резерва ученых, исследователей, профессионалов.

Таким образом, структура содержания образования (для каждой базовой компетенции) включает: ориентировочную основу компетентного исполнения деятельности на основе образа создаваемого продукта и логики его создания; концептуального знания о сущности процесса и продукта деятельности; набора апробированных в собственном опыте способов деятельности (мыслительных, организационных, коммуникативных, информационных и др.); опыта выполнения этой деятельности в проблемных условиях (при неполноте задания условий задачи, дефиците информации и времени, невыявленности причинно-следственных связей, непригодности известных вариантов решения). Задачная ситуация актуализирует опыт рефлексии и самоконтроля своих действий на основе знания образцов и критериев эффективности.

Системообразующей "единицей" профессиональной компетентности выступает целостный образ высокоэффективной профессиональной деятельности (образ предметной сферы этой деятельности), включающий ее гуманитарные ценности, фундаментальные теоретические принципы и ориентировочную основу выполнения (систему понятий и способов решения, типовых для данной профессиональной сферы задач), варьирование способом выполнения в зависимости от ситуации, "поле проявления индивидуальности" специалиста. Логика развертывания целостного образа профессии при переходе от бакалавриата к магистратуре представляет последовательное

восхождение от "содержательной абстракции" профессии к системе специальных компетенций, к индивидуальному профессиональному образу.

Овладение компетенциями может быть обеспечено в образовательной среде, построенной в соответствии с моделью саморегулируемого обучения, основанного на проектных, имитационно-моделирующих технологиях. Компетентностный подход начинается с системного анализа профессиональной деятельности; условий, которые затем необходимо будет воспроизвести в учебном процессе; решаемых специалистом задач; проявления высших его достижений. Затем разрабатывается теоретическая модель компетентности (надпредметный уровень содержания образования). После этого осуществляется декомпозиция материала по предметам и его задачно-процессуальное обеспечение.

Данное обеспечение может быть представлено как система технологий, включающих:

· когнитивноориентированные технологии: представление предметного материала в контексте профессиональных задач; диалогические методы обучения (А.А. Вербицкий), направленные на выявление ценностно-смыслового содержания предложенных текстов (С.В. Белова); тренинги по гуманитарной экспертизе научных проектов и принятию точных решений и др.;

· деятельностноориентированные технологии: методы проектов и гипертекстов, моделирование стратегии профессиональной деятельности в различных вариантах контекстного обучения, организационно-деятельностные игры, комплексные (дидактические) задания, технологические карты, имитационно-игровое моделирование технологических процессов;

· личностноориентированные технологии: моделирование ситуаций, предполагающих актуализацию личностных функций избирательности, рефлексии, смыслоопределения, ответственности, саморегуляции, креативности, индивидуальности и др., что предполагает проектирование учебных задач, содержащих личностно-развивающий контекст.

Специфика образовательных технологий, обеспечивающих развитие компетентностей, состоит в интегрированности когнитивно-ориентировочного, креативного, личностно-смыслового аспектов, что обусловлено самой интегративной природой компетентности.

Процессуальный аспект компетентностного подхода рассматривается нами на примере формирования учебно-исследовательской компетентности, которая на уровне бакалавриата проявляется во владении учебно-исследовательской деятельностью на уровне, необходимом для эффективного решения типовых профессиональных задач, а на уровне магистратуры в создании индивидуальной системы исследовательской деятельности, включенной в структуру научно-производственной деятельности будущего специалиста.

Первая ступень высшего образования (бакалавриат) обеспечивает уровень учебно-исследовательской компетентности, достаточный для решения базовых познавательных, профессиональных и самообразовательных задач, адекватных требованиям образовательного стандарта, что соответствует освоению ключевых и базовых компетенций. Вторая ступень (магистратура) ориентирована на индивидуальный уровень достижений в соответствии с выявленным личностно-творческим потенциалом магистранта; на выполнение деятельности, основанной на самостоятельно полученном знании, на готовности к непрерывному совершенствованию процесса и продукта труда, а также личностно-профессиональных качеств выпускника магистратуры, т.е. на формирование специальных компетентностей.

При переходе с одной ступени образования на другую происходит изменение в формах организации обучения, что проявляется в:

- распределении студентов по группам с учетом их индивидуально-типологических особенностей;

- учете индивидуальных особенностей студентов при групповой работе в гомогенных группах и распределении индивидуальнодифференцируемых заданий;

- свободном переходе студентов из одной гомогенной группы в другую с учетом их учебных возможностей, а также формировании гетерогенных групп на основе добровольности;

- использовании во фронтальной и групповой работе активных методов обучения, которые позволяют студентам проявлять свою индивидуальность;

- оптимальном сочетании фронтальной, групповой и индивидуальной работы обучаемых, а также в такой перестройке структуры учебного процесса, при которой все его элементы направлены на обеспечение эффективности самостоятельной работы;

- систематической индивидуальной многопараметрической оценке хода и результатов учебной работы, консультативной помощи и сопровождении студентов с учетом их индивидуально-типологических особенностей;

- формировании у студентов умений самостоятельной работы и самоуправления своей учебной деятельностью, развитии у них самообразовательной компетентности как личностного качества посредством последовательного восхождения ко все более высоким уровням самостоятельной работы.

Таким образом, построение системы дидактических средств и форм организации учебной деятельности студентов на различных ступенях обучения основывается на формировании их учебно-исследовательской компетентности как центральной в структуре компетентностной моде-

ли специалиста. При переходе со ступени бакалавриата в магистратуру в показателях учебно-исследовательской компетентности отмечается: повышение самостоятельности и активности обучаемых в процессе усвоения знаний, разумное уплотнение их учебного времени; всемерный учет индивидуально-психологических качеств, определяющих успешность учения; моделирование управления учебно-познавательной и научно-исследовательской деятельностью посредством алгоритма адаптивного управления; самоорганизация и самоуправление на основе синергетического подхода к обучению; непосредственная связь усвоения учебного материала с успешным выполнением предыдущей стратегии обучения; возможность эффективного сочетания компетентностно-проектной модели с традиционными академическими формами.

В процессе обучения преподаватель должен не столько сообщать студентам учебную информацию, сколько создавать условия для самоуправления их деятельностью по ее усвоению с учетом индивидуально-стилевых особенностей обучаемых в бакалавриате и магистратуре, ведь в самой природе компетентности заложен потенциал профессионального саморазвития, профессиональной карьеры, последующего повышения своей профессиональной квалификации, что и соответствует сущности многоуровневого непрерывного образования.

Mityaeva A.M.

POSITIVE POTENTIAL OF KOMPETENTNOSTNOGO APPROACH AT THE LEVEL SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

In the article the actual questions of transition of higher education are examined on kompetentnostnyy approach. Differentiating of concepts "jurisdiction" and "competence" is given.

An author accents attention on the necessity of development for the students of key, base and special kompetentnostey, which piercing each other, show up in the process of decision of vitally important professional tasks of different level of complication, in different contexts in multilevel educational space.

Н.С. Мурадова, *директор НИИ содержания и методов организации НИР и ИД студентов Орловского государственного университета.*

СЕМИНАРЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Одной из главных задач развития познавательной активности учащихся в процессе образования является организация научно-исследовательской и инновационной деятельности. В нашей статье предлагаем рассмотреть серию семинаров для учителей и заместителей директоров школ по организации следующих семинаров: "Формы и методы обучения", "Организация исследовательской деятельности учащихся в школе", "Проектная деятельность в школе", "Организация ученического научного общества", "Внеурочная образовательная деятельность учащихся".

Одной из главных задач развития познавательной активности учащихся в процессе образования является организация научно-исследовательской и инновационной деятельности. Перед тем как приступить к ее практической реализации, руководителям школ необходимо ответить на следующие вопросы:

· как определить, какие ученики и учителя способны и готовы заниматься таким видом деятельности?

· каково содержание этой деятельности?

· как оформить полученные по итогам исследования результаты, подготовить исследовательскую работу?

Для ответа на эти и другие вопросы целесообразно провести серию семинаров для учителей и заместителей директоров школ по организации научно-исследовательской деятельности среди учащихся. При подготовке и проведении семинаров можно использовать следующую схему:

1) теоретическое освещение той или иной педагогической проблемы;

2) возможности решения данной проблемы в педагогической практике;

3) собственный опыт школы, методических объединений и отдельных учителей в решении данной проблемы;

4) обмен мнениями.

Ниже предлагаются некоторые материалы для проведения семинаров.

© Н.С. Мурадова, 2008

1-й семинар "Формы и методы обучения" (вводный семинар)
Таблица 1. Общая характеристика методов обучения.

Метод обучения	Начальные учебные условия	Промежуточные результаты	Пути достижения промежуточного результата	Конечный результат	Формы обучения
Объяснительно-иллюстративный (репродуктивный)	Выделяются учителем, известны ученику	Известны ученику	Известны ученику	Ученику необходимо запомнить	Традиционные: рассказ, беседа, лекция, семинар, семинар-практикум, практикум, практическая работа, лабораторная работа, экскурсия, самостоятельная работа
Программированное обучение	Выделяются учителем, известны ученику	Не известны ученику	Известны ученику	Ученику необходимо получить	Традиционные +алгоритмические
Эвристический	Выделяются учителем, известны ученику	Известны ученику	Не известны ученику	Ученику необходимо получить	Традиционные + реферативная работа, проектная деятельность
Проблемное обучение	Выделяются учителем, известны ученику	Не известны ученику	Не известны ученику	Ученику необходимо получить	Традиционные + проектная деятельность, "мозговой штурм"
Модельное обучение	Не выделяются учителем, а отбираются самим учеником в зависимости от его понимания задачи	Ученик получает самостоятельно	Определяются самим учеником	Определяется самим учеником	Традиционные + конференции, деловые игры: урок-суд, урок-аукцион и т.п.

2. Матрица разнообразия форм и методов обучения

Таблица 2 отражает пример взаимосвязи форм и методов обучения отдельно взятого учителя.

Возможно, одним из показателей мастерства учителя является то, сколько клеток этой матрицы он сможет заполнить. Закрасив те или иные клетки, учитель увидит, что у него получается хорошо, а над чем следует поработать. Такая матрица может лежать в основе индивидуальной программы самообразования учителя, явиться отправным пунктом в целенаправленном поиске профессионально значимой информации.

Чем больше педагог заполнил клеток, тем более разнообразна его деятельность по управлению учебно-познавательными процессами учащихся. При этом учитель может добавить в клетки один из трех значков:

\+ - знаю, умею, готов показать и помочь другим учителям;

Δ - владею, но полной уверенности нет;

О - не владею, но хотел бы познакомиться и научиться применять.

Таблица 2. Матрица разнообразия форм и методов обучения, применяемых учителем

Метод	Объяснительно-иллюстративный	Программированное обучение	Эвристический	Проблемное обучение	Модельное обучение
Рассказ	+		Δ		О
Беседа	+		+		О
Лекция	+	О		О	О
Семинар	+		О		+
Семинар-практикум		О			
Практикум			О	+	+
Практическая работа	+			О	
Лабораторная работа	+	+			О
Экскурсия	Δ	Δ	Δ		
Самостоятельная работа	+	Δ	Δ	Δ	О

Данными этой матрицы может воспользоваться заместитель директора школы для того, чтобы представить себе, что могут педагоги. Пример сводной матрицы предлагается ниже (табл. 3). Цифрами обозначено количество учителей, указавших данную ячейку.

Таблица 3. Матрица разнообразия форм и методов обучения, применяемых учителями школы

Метод	Объяснительно-иллюстративный	Программированное обучение	Эвристический	Проблемное обучение	Модельное обучение
Рассказ	32		17		
Беседа	32		32		
Лекция	30			3	
Семинар	28				1
Семинар-практикум			1		
Практикум	7	4			
Практическая работа	26	3			
Лабораторная работа	20	17		2	1
Экскурсия	29	17	19		
Самостоятельная работа	32	29	17	18	1

2-й семинар "Организация исследовательской деятельности учащихся в школе"

Исследовательская деятельность в школе (общедидактические подходы)

Таблица 4. Сравнение традиционного и исследовательского подходов к обучению

Традиционное обучение	Исследовательское обучение
1. Учитель излагает основные представления и понятия, заложенные в содержании учебного предмета и отраженные в изучаемой теме	1. Учащийся самостоятельно постигает ведущие понятия и идеи, а не получает их в готовом виде от учителя
2. Учащиеся узнают жизненно важные идеи и понятия благодаря их прямому изложению учителем	2. При изучении предметов надо создавать такие ситуации, которые предоставляют учащимся возможность знакомиться с представлениями, понятиями и в то же время требуют от них самостоятельно устанавливать, обнаруживать эти понятия на предлагаемых примерах
3. Предметы преподаются как целостный и законченный свод авторитетной и непротиворечивой информации, не подлежащей сомнению	3. Знакомство с представлениями должно включать альтернативные точки зрения, недостатки имеющихся объяснений, сомнения в достоверности выводов
4. Учебное познание строится на четкой логической основе, оптимальной для изложения и усвоения	4. Учащимся принадлежит ведущая роль в принятии решений о выборе способа работы с изучаемым материалом
5. Основная цель лабораторных работ - формирование практических манипулятивных навыков, а также способности следовать указаниям, направленным на достижение запланированных результатов	5. Материалы лабораторных работ побуждают учащихся выдвигать идеи, альтернативные тем, которые они изучают в классе
6. Изучение материала в ходе лабораторных работ следует установленным указаниям и определяется методикой, направленной на иллюстрацию изученных в классе понятий и представлений	6. Учащиеся сталкиваются с новыми явлениями, представлениями, идеями в лабораторных опытах, прежде чем они будут изложены и изучены на уроке
7. Лабораторные опыты должны быть спланированы учителем так, чтобы правильные ответы, результаты достигались лишь теми учащимися, которые четко придерживаются инструкций к лабораторной работе	7. В лабораторных опытах учащимся предоставляется возможность самостоятельно планировать свое исследование, определять его аспекты, предполагать возможные результаты
8. В ходе лабораторной работы ученики используют указания о том, что необходимо наблюдать, измерять, фиксировать, чтобы получить искомый правильный результат	8. Каждый учащийся самостоятельно изучает, описывает и интерпретирует те сведения и наблюдения, которые он наравне со всеми получает в ходе исследования
9. Сущность знаний следует иллюстрировать материалом об их применении	9. Для изучения правила (закона) учащихся следует познакомить с примерами, из которых это правило (закон) можно вывести самостоятельно, без его изложения учителем
10. Для настоящего понимания изучаемого содержания ученикам следует усвоить свод связанной с этим содержанием информации фактологического характера	10. Учащиеся подвергают сомнению принятые представления, идеи, правила, включают в поиск альтернативные интерпретации, которые они самостоятельно формулируют, обосновывают и выражают в ясной форме

Уровни исследовательского обучения

Уровень	Деятельность учителя	Деятельность учащегося (группы)
1-й (наиболее легкий)	Ставит проблему и намечает метод ее решения	Самостоятельный поиск и обнаружение путей решения проблемы
2-й (средней сложности)	Только ставит проблему	Самостоятельный поиск метода и путей решения проблемы
3-й (наиболее сложный)	Не вмешивается в процесс, наблюдает за ходом исследования, консультирует	Самостоятельная постановка проблемы, поиск метода и путей ее решения

Требования к организации исследовательской деятельности в школе

1. Общие требования к исследовательской деятельности

1. Необходимо, чтобы у учащегося возникло чувство неудовлетворенности имеющимися представлениями. Он должен прийти к ощущению их ограниченности.

2. Новые представления (понятия) должны быть такими, чтобы учащиеся ясно представляли их содержание и допускали сосуществование с имеющимися представлениями о мире.

3. Новые идеи должны быть явно полезнее старых. Новые представления будут восприняты как более плодотворные, если они помогают решить нерешенную проблему, ведут к новым идеям, обладают более широкими возможностями для объяснения или предсказания.

2. Требования к процессу исследования

1. Побуждать учащихся формулировать имеющиеся у них идеи и представления, высказывать их в явном виде.

2. Сталкивать учащихся с явлениями, которые входят в противоречие с существующими представлениями.

3. Побуждать к выдвижению предположений, догадок, альтернативных объяснений.

4. Давать учащимся возможность исследовать свои предположения в свободной и ненапряженной обстановке, особенно путем обсуждений в малых группах.

5. Предоставлять ученикам возможность применять новые представления к широкому кругу явлений, ситуаций так, чтобы они могли оценить их прикладное значение.

3. Требования к учителю, реализующему исследовательский подход к обучению

Учитель, руководящий исследовательской деятельностью учащихся, должен:

1. Тонко чувствовать проблемность ситуаций, с которыми сталкиваются учащиеся, и уметь ставить перед учеником (группой учащихся) реальные задачи в понятной для учеников форме.

2. Выполнять функцию координатора исследовательской деятельности и партнера учеников,избегать директивных приемов.

3. Стараться увлечь учащихся проблемой и процессом ее глубокого исследования, стимулировать творческое мышление при помощи поставленных вопросов.

4. Проявлять терпимость к ошибкам учеников, предлагать свою помощь или адресовать к нужным источникам информации.

5. Организовывать мероприятия, способствующие сбору учениками данных, консультации их со специалистами по исследуемой проблематике.

6. Предоставлять возможность для регулярных отчетов учащихся, рабочих групп, обмена мнениями в ходе обсуждений. Поощрять критическое мышление учащихся.

7. Заканчивать процесс исследовательской деятельности до появления признаков потери интереса ребят к проблеме.

8. Способствовать продолжению учащимися научно-исследовательской деятельности.

Критерии выбора учебных проблем

1. Проблема соответствует познавательным потребностям ученика или группы учащихся.

2. Ученики принимают участие в отборе учебных проблем и в разработке плана действий и способов их решения.

3. Наличие необходимых ресурсов для решения проблемы.

4. Выбранная проблема допускает выбор способов решения, активизируя тем самым механизмы принятия решения.

5. Учет предшествующей подготовки и опыта школьников.

6. Выбранная проблема является достаточно обычной и повторяющейся, чтобы оправдать усилия группы учащихся.

7. Учебная проблема должна быть достаточно серьезной и значимой, чтобы гарантировать заинтересованность всего класса.

8. Проблема отвечает возрастным особенностям учащихся и может быть ими решена (этот критерий особенно важен при формулировке проблемы и отборе материалов для ее решения).

Как правило, проблемы, которые школьники

считают настоящими, обычно выходят за рамки одного предмета. К решению реальной проблемной задачи часто привлекаются умения, понятия и знание явлений, относящихся к целому ряду учебных дисциплин. Таким образом, при организации исследовательской деятельности может потребоваться пересмотр расписания (в большей степени это относится к использованию исследовательского подхода в обучении на третьей ступени школы).

3-й семинар "Проектная деятельность в школе"

1. Виды проектов. Этапы работы над проектом

Проект-замысел, план; разработанный план сооружения, механизма; предварительный текст какого-либо документа *[Словарь иностранных слов].*

Виды проектов в школе

Монопредметный проект - проект в рамках одного учебного предмета (учебной дисциплины), вполне укладывается в классно-урочную систему.

Межпредметный проект - проект, предполагающий использование знаний по двум и более предметам. Чаще используется в качестве дополнения к урочной деятельности.

Надпредметный проект - внепредметный проект, выполняется на стыках областей знаний, выходит за рамки школьных предметов. Используется в качестве дополнения к учебной деятельности, носит характер исследования.

Таблица 5. Последовательность работы над проектом

Стадия работы над проектом	Содержание работы	Деятельность учащихся	Деятельность учителя
1. Подготовка	Определение темы и целей проекта, его исходного положения. Подбор рабочей группы	Обсуждают тему проекта с учителем и получают при необходимости дополнительную информацию. Определяют цели проекта	Знакомит со смыслом проектного подхода и мотивирует учащихся. Помогает в определении цели проекта. Наблюдает за работой учеников
2. Планирование	А) Определение источников необходимой информации. Б) Определение способов сбора и анализа информации. В) Определение способа представления результатов (формы проекта). Г) Установление процедур и критериев оценки результатов проекта. Д) Распределение задач (обязанностей) между членами рабочей группы	Формируют задачи проекта. Вырабатывают план действий. Выбирают и обосновывают свои критерии успеха проектной деятельности	Предлагает идеи, высказывает предположения. Наблюдает за работой учащихся
3. Исследование	1. Сбор и уточнение информации (основные инструменты: интервью, опросы, наблюдения, эксперименты и т.п.). 2. Выявление ("мозговой штурм") и обсуждение альтернатив, возникших в ходе выполнения проекта. 3. Выбор оптимального варианта хода проекта. 4. Поэтапное выполнение исследовательских задач проекта	Поэтапно выполняют задачи проекта	Наблюдает, советует, косвенно руководит деятельностью учащихся
4. Выводы	Анализ информации. Формулирование выводов	Выполняют исследование и работают над проектом, анализируя информацию. Оформляют проект	Наблюдает, советует (по просьбе учащихся)
5. Представление (защита) проекта и оценка его результатов	Подготовка отчета о ходе выполнения проекта с объяснением полученных результатов (возможные формы отчета: устный отчет, устный отчет с демонстрацией материалов, письменный отчет). Анализ выполнения проекта, достигнутых результатов (успехов и неудач) и причин этого	Представляют проект, участвуют в его коллективном самоанализе и оценке	Слушает, задает целесообразные вопросы в роли рядового участника. При необходимости направляет процесс анализа. Оценивает усилия учащихся, качество отчета, креативность, качество использования источников, потенциал продолжения, проекта

2. Оценивание проекта

1 способ. Перед защитой проекта на каждого учащегося составляется индивидуальная карта. В ходе защиты она заполняется педагогом и одноклассниками, а затем и самим учеником. После этого подсчитывается среднеарифметическая величина из расчета баллов, выставляемых в данной позиции (табл. 6).

Таблица 6. Индивидуальная карта учащегося, защищающего проект

Этапы	Критерии оценки	Самооценка	Педагог	Коллеги по команде (классу)
Защита	Представление (из 15 баллов)			
	Ответы на вопросы (из 15 баллов)			
Процесс проектирования	Интеллектуальная активность (из 10 баллов)			
	Творчество (из 10 баллов)			
	Практическая деятельность (из 10 баллов)			
	Умение работать в команде (из 10 баллов)			
Итог	Достигнутый результат (из 15 баллов)			
	Оформление (из 15 баллов)			

Суммирование в этом случае выглядит следующим образом: 85 - 100 баллов - "отлично"; 70 - 85 баллов -"хорошо"; 50 - 70 баллов - "удовлетворительно"; менее 50 баллов - "неудовлетворительно".

Для избежания "двойки" за проект в ходе проектирования необходимо проводить консультации, дискуссии, насыщать учебную деятельность элементами самостоятельного познания и получения информации.

2 способ. Для оценивания индивидуальной работы над проектом более удобна рейтинговая оценка (табл. 7). Подобная анкета заполняется в ходе защиты самим проектантом, его одноклассниками и учителем.

Таблица 7. Рейтинговая оценка проекта

Оценка этапов	Критерии оценки	Баллы
Оценка работы	Актуальность и новизна предлагаемых решений, сложность темы	5, 10, 20
	Объем разработок и количество предлагаемых решений	5, 10,20
	Практическая ценность	5,10
	Уровень самостоятельности участников	10,20
	Качество оформления записки, плакатов и др.	5, 10, 15
	Оценка рецензентом проекта	5, 10
Оценка защиты	Качество доклада	5, 10, 20
	Проявление глубины и широты представлений по излагаемой теме	5, 10, 20
	Проявление глубины и широты представлений по данному предмету	5, 10, 20
	Ответы на вопросы преподавателя	5, 10
	Ответы на вопросы учащихся	5, 10

Итоговая оценка (балл): 200 - 155 баллов - "отлично"; 154 - 100 баллов - "хорошо"; менее 100 баллов - "удовлетворительно".

3 способ. Для старшеклассников можно предложить более сложный рейтинговый подход, где выделяются и оцениваются 10 критериев на 4 уровнях (0, 5, 10, 20 баллов). Сложность заключается не в оценке, а в повышенных критериях, приближающихся к вузовским. Сама оценка склады-

вается из суммы среднеарифметической величины коллективной оценки, самооценки и оценки преподавателя (сумма делится на три). Выделяются 5 критериев выполнения и 5 критериев защиты проекта, и каждый из них оценивается отдельно (табл. 8). Правда, при таком подходе исключена оценка собственно деятельности учащихся в процессе проектирования.

Таблица 8. Рейтинговая оценка (повышенный уровень)

Этапы	Критерии оценки	Уровень (0, 5, 10, 20)
Оформление и выполнение проекта	1. Актуальность темы и предлагаемых решений, практическая направленность работы	
	2. Объем и полнота разработок, самостоятельность, законченность, подготовленность к защите	
	3. Уровень творчества, оригинальность раскрытия темы, подходов, предлагаемых решений	
	4. Аргументированность предлагаемых решений, подходов, выводов	
	5. Качество записи: оформление, соответствие стандартным требованиям, рубрицирование и структура текста, качество эскизов, схем, рисунков	
Защита	1. Качество доклада: композиция, полнота представления работы, подходов, результатов; аргументированность и убежденность	
	2. Объем и глубина знаний по теме (или предмету), эрудиция, наличие межпредметных (междисциплинарных) связей	
	3. Представление проекта: культура речи, манера, использование наглядных средств, чувство времени, импровизационное начало, удержание внимания аудитории	
	4. Ответы на вопросы: полнота, аргументированность, убежденность, дружелюбие, стремление использовать ответы для успешного раскрытия темы и сильных сторон работы	
	5. Деловые и волевые качества докладчика: умение принять ответственное решение, готовность к дискуссии, способность работать с перегрузкой, доброжелательность, контактность	

Итоговая оценка (балл): 200 - 155 баллов - "отлично"; 154 - 100 баллов - "хорошо"; менее 100 баллов - "удовлетворительно".

4-й семинар "Организация ученического научного общества"

Формы работы ученического научного общества (УНО).

1. Лекторское бюро

Цель: подготовка популярных лекций по вопросам:

1) новейшие достижения науки и техники;
2) история науки;
3) деятели науки;
4) загадки и тайны науки;
5) и т.д. (обсуждаются на заседании секции при утверждении плана работы).

2. Теоретический отдел

Цель: углубление знаний учащихся, интересующихся той или иной наукой.

Работа членов секции заключается в написании рефератов на выбранную тему и защите их на заседании секции (заседании совета УНО, неделе/декаде по предмету, конференции, экзамене и т.п.). Наиболее интересны и значимы рефераты междисциплинарного содержания, написанные на стыках областей знаний (физика - химия, астрономия - биология, химия - астрономия, физика - биология, математика - информатика, литература - история и другие сочетания).

Научное руководство отделом осуществляют учителя-предметники, преподаватели вузов (при наличии такой возможности).

Рекомендации для "теоретиков" можно давать в виде "рецептов научного поиска":

Вариант 1. Собрав множество фактов, найти между ними нечто общее и на основании этого сделать теоретический вывод. Так в основном ра-

ботают геологи, археологи, социологи.

Вариант 2. Исходя из теоретических предпосылок, построить систему, которая позволит объяснить встречающиеся факты. Так чаще всего работают математики и физики.

Вариант 3. Сравнивая уже известные теоретические положения и факты, сопоставляя их, обнаружить между ними неожиданные, многообещающие связи. По этому пути идут и физики, и химики, и медики.

3. Бюро научной и технической информации (БНиТИ).

Основная задача - систематическое ознакомление учащихся школы с новыми открытиями и изобретениями в различных областях науки, а также со знаменитыми датами календаря науки (о жизнедеятельности ученых и изобретателях, о лауреатах Нобелевской премии, о юбилейных датах научных открытий и т.п.).

Работа членов секции заключается в проведении обзоров научно-популярных журналов: "Наука и жизнь", "Квант", "GEO", "Природа" и др. (целесообразно за каждым членом секции закрепить определенный журнал и проводить его обзор ежемесячно).

О проведенном обзоре можно сообщать на специальном стенде, по радио, школьному радио, в устных журналах.

4. Библиографический отдел

Задача отдела - популяризация среди школьников научно-популярной и научно-фантастической литературы.

Работа членов секции начинается с тщательного просмотра книг в школьной (районной, городской) библиотеках и составления на них подробных аннотаций. В дальнейшем учащиеся следят за поступлением новых книг, устраивают различные выставки (тематические, предметные, авторские), создают стенды книжных новинок.

5. Секция смекалистых ("Думающая группа")

Задача секции - объединить любителей решать нестандартные и трудные задачи.

Работа членов секции заключается в подборе нестандартных и трудных задач, подготовке школьников к интеллектуальным марафонам, предметным неделям и другим внеклассным мероприятиям по предметам.

6. Секция занимательной науки

Задача секции - проведение в младших классах викторин, турниров, часов и вечеров занимательной науки и т.п.

7. Ученическое конструкторское бюро - УКБ

Задачи секции - поддержание школьного оборудования в рабочем состоянии.

Работа членов секции заключается в изготовлении и ремонте приборов, приспособлений, установок, а также в выполнении заказов других секций УНО для проведения вечеров, выставок, олимпиад и т.д.

Руководителем секции может быть кто-либо из учителей предметов естественнонаучного цикла или технологии, технических работников, инженеров, родителей.

8. Секция администраторов

Задача секции - подготовка к проведению экскурсий, вечеров, выставок, конференций, встреч в рамках работы УНО.

Члены секции фактически координируют всю работу УНО, являются первыми помощниками учителей-предметников и могут их заменить при подготовке и проведении репетиций по плану мероприятий УНО.

5-й семинар "Внеурочная образовательная деятельность учащихся: факультатив, предметная неделя, ученическая конференция"

Внеурочная образовательная деятельность

Внеурочная образовательная деятельность - это различные виды самостоятельной образовательной деятельности школьников: массовые, групповые и индивидуальные.

Массовая внеурочная работа может проводиться в форме вечеров и спектаклей, викторин и познавательных игр, конкурсов и выставок, конференций и предметных недель, лекториев и т.п.

К групповым внеурочным занятиям можно отнести факультативы, школьный совет по учебному предмету, кружки, творческие объединения учащихся, клубы, ученическое научное общество и т.п.

Индивидуальная внеурочная образовательная деятельность может осуществляться в виде исследовательских работ, конструирования, проектной деятельности, прикладных работ.

Основные формы внеурочной образовательной деятельности учащихся:

1. Факультатив (от лат. fakultas - возможность) - необязательное, выбираемое по желанию учебное занятие.

Виды факультативов:

- Курсы повышенного уровня (факультативы по предметам, входящим в учебный план). На них углубленно изучается содержание учебного предмета, систематизируются и обобщаются полученные знания, сочетается теоретическая и практическая подготовка учащихся. Целью также может быть подготовка учащихся к продолжению образования, знакомство с вузовской системой обучения и программами вступительных экзаменов.

- Прикладные факультативы. Цель - знакомство с важнейшими путями и методами применения знаний на практике, развитие интереса к современным технологиям, технике и производству (например "прикладная математика", "прикладная психология", "прикладная экономика", "информатика и редактирование" и т.д.).

- Спецкурсы. На них углубленно рассматрива-

ются отдельные вопросы основного курса и проблемы, выходящие за рамки учебной программы ("Семейный бизнес", "Саморазвитие человека" и т.п.).

- *Межпредметные факультативы.* Цель - интеграция знаний учащихся о природе и обществе (например, "деловой английский", "страноведение" и др.).

- *Факультативы по предметам, не входящим в учебный план.* Такие факультативы имеют особо значение для школ с профильными классами, для усиления специальных дисциплин (например, "Социально-экономическая подготовка будущего педагога" для любых профильных классов, "Политология" для гуманитарно-юридических классов, "Шагаем в экономику с первого класса" для педклассов и т.п.).

Факультативы должны давать возможность учитывать индивидуальные возможности учащихся ,повышать степень их самостоятельности на основе выполнения *творческих, исследовательских или конструкторских работ, подготовки рефератов, докладов, выполнения библиографических работ.*

2. Предметная неделя (декада)

Обычно это своего рода "гала-мероприятия" по учебному предмету или образовательной области, включающие почти весь спектр форм внеурочной образовательной деятельности (школьные туры олимпиад, конференции, КВНы, диспуты, лектории и др.). В их подготовке и проведении участвуют школьники практически всех параллелей совместно с учителями. Для подготовки и проведения предметной недели за 1,5 - 2 месяца до начала создается "центр" (штаб), куда входят учителя и наиболее активные учащиеся. В задачи "центра" входит:

- планирование "Недели";
- координация подготовки участников того или иного мероприятия;
- разработка первоначального проекта проведения "Недели" и обсуждение его на общем собрании представителей каждого класса, участвующего в мероприятиях;
- доработка плана с учетом замечаний;
- утверждение рабочей программы подготовки и проведения "Недели";
- корректирование плана в ходе подготовки того или иного мероприятия.

В течение предметной недели регулярно и широко используются средства школьной информации (радиопередачи, стенгазеты, стенды, бюллетени, фоторепортажи и т.п.). Помимо этого желательно организовать выставку ученических творческих работ (плакатов, поделок, стенгазет, рисунков и пр.).

3. Ученическая конференция

Основной задачей конференции является развитие у школьников умений и навыков самостоятельного приобретения знаний на основе работы с научно-популярной, учебной и справочной литературой, а также обобщение и систематизация их знаний по учебным предметам, составление планов и тезисов докладов, подготовка выступлений.

В ходе подготовки конференции учащимися совместно с учителями определяется тематика проблем для самостоятельного изучения или под руководством учителя, подбираются источники информации для качественного освоения проблемы.

Конференции могут проводиться как в урочное, так и во внеурочное время. Количество проблем, рассматриваемых на конференции, не следует делать слишком большим. Тексты докладов должны быть доступными для понимания учащимися, краткими и емкими, выходить за рамки школьных учебников и пособий. Особое внимание при подготовке конференции необходимо уделить выступлениям учащихся: их манере держаться перед аудиторией, краткости изложения (в чем заключается проблема; что уже сделано в этом направлении; что предстоит сделать; некоторые цифры, но наиболее "яркие" и не очень много); расстановке интонационных акцентов, паузам, форме завершения доклада.

Для участия в конференции в качестве выступающих или гостей желательно пригласить компетентных специалистов по проблеме, рассматриваемой на конференции.

Время проведения конференции для старшеклассников (10 - 11-е классы) - до 1,5 часа с 10-минутным перерывом, для учеников 8 - 9-х классов - до 1 часа.

При подготовке конференции нужно также позаботиться об оформлении зала (плакаты, трибуна), наличии аудиовизуальных средств (графопроектор, экран, видеоаппаратура, микрофоны и др.), стендов, выставок (книг, работ учащихся) и т.п.

Muradova N.S.

THE SEMINAR ON THE ORGANIZATION OF SCIENTIFIC-RESEARCH PUPILS' ACTIVITIES.

One of the main problems of the development of cognitive pupils' activity in the process of education is the organization of scientific-research and innovation activities. In our article we suggest to examine the number of seminars for the teachers and the assistants director of the schools on organization of the following seminars: "The forms and methods of education", "The organization of pupils' research work at school", "The project activity at school", "The organization of pupils' scientific societies", "The out of school educational pupils' activities".

О. А. Насонова

НАРОДНО-ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО НА УРОКАХ ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ, РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ОБРАЗНОСТИ РЕЧИ

В данной статье рассматривается вопрос о формировании образно-эмоциональной речи учащихся 1-го класса на уроках обучения грамоте с использованием народно-песенного творчества. Развивая устную речь средствами народно-песенного творчества, мы в значительной степени активизируем и обогащаем не только лексический запас учащихся, но и обогащается синтаксический строй детской речи, который используется для передачи возникших впечатлений в процессе восприятия музыки.

Развитие устной речи школьников приобретает все большее общественное значение, так как речь является убедительным показателем духовной культуры личности. Становление в России гражданского общества, углубление процессов гуманизации культуры и образования, начавшийся процесс возрождения духовности, возвращения к истокам и традициям отечественной культуры, освобождение от догматических и односторонних оценок явлений искусства меняют стиль общения между людьми, преобразуют его в сторону расширения тематики, более полного использования богатства устной речи, внимания к личности собеседника. В школе также усиливается внимание к личности ученика, его духовному развитию, культуре, стилю мышления и речи, способности к творчеству. Не случайно, что почти во всех общеобразовательных школах, не говоря уже о лицеях и гимназиях, в учебный план вводятся такие предметы, как риторика, актерское мастерство, выразительное чтение, психология общения и т. д. Обществу необходимы люди, владеющие словом, умеющие отстаивать свои убеждения, взгляды, вести дискуссию, творчески включающиеся в процесс межличностной коммуникации.

Вместе с тем в обществе и системе образования, зеркально отражающей состояние государства, заметно развитие и других тенденций - бездуховного развития значительной части молодежи, ее нравственно-эстетического оскудения, отстранения от культурных ценностей. Резко понизились требования к культуре устной и письменной речи. Крайней бедностью отличается язык выступлений на различного рода собраниях, в телевизионных передачах (однообразие лексического состава, отсутствие образности, обилие штампов, ненужных заимствований, введение диалектных слов, откровенно грубых выражений, неверная расстановка ударений). К сожалению, эти недостатки характеризуют подчас и выступления на литературно-художественные и педагогические темы. Иногда даже подобным образом страдает и речь учителей русского языка и литературного чтения, начальных классов.

Формированию речевой культуры подрастающего поколения во многом препятствует пассивное познавание произведений через средства массовой информации, что заменяет и само чтение, и речевое общение интеллектуально-эстетического характера. Очень важной задачей в начальной школе является обучение школьников связной речи, поскольку свободное владение речью способствует полноценному общению, а также имеет исключительное значение для школьни-

© О.А. Насонова, 2008

ков, так как выступает решающим фактором успешного овладения всеми учебными предметами.

Следовательно, необходимо построить работу по развитию устной речи таким образом, чтобы создать ситуации и условия речевого общения школьников на уроках русского языка, литературы, которые бы формировали умение владеть теми или иными жанрами устных высказываний, способствующими обогащению активного словарного запаса, свободному пользованию всеми грамматическими средствами - формами частей речи, словосочетаниями, предложениями различных типов, словообразовательными моделями, а также формированию образно-эмоциональной стороны речи для выражения своих мыслей, знаний, чувств, намерений.

Такую ситуацию, на наш взгляд, может привнести в уроки языкового цикла фольклор. Фольклор (в переводе с английского - "народная мудрость", "народное знание") - народное художественное творчество: песни, сказки, легенды, танцы, драматические произведения. (Энциклопедический словарь юного музыканта. М.; Педагогика, с. 323.)

Фольклор - одно из действенных и ярких средств, таящее огромные дидактические возможности. Знакомство с народными произведениями обогащает чувства и речь учащихся, формирует отношение к окружающему миру, играет неоценимую роль во всестороннем развитии. В нашем исследовании мы будем использовать музыкальный фольклор и детский фольклор.

Детский фольклор - обширная область устного народного поэтического творчества. Это целый мир - яркий, радостный, наполненный жизненной силой и красотой. Он соседствует с миром взрослых, но не подвластен ему и живет по своим законам, в соответствии со своим видением природы и человеческих отношений. Дети с живым интересом вглядываются в жизнь взрослых и охотно заимствуют их опыт, но видоизменяют и выкраивают приобретенное. Мысль детей связана с конкретными образами - в этом ключ к тайнам детского художественного творчества. Особенности детской психики, мышления определили отбор произведений детского фольклора.

Фольклор для детей, созданный взрослыми, включает в себя колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки, сказочки. Эта область народного творчества представляет собой одно из средств народной педагогики. Л.В. Виноградов писал: "У народа были и есть известные представления, взгляды на жизнь, на воспитание и обучение появляющихся новых поколений, цели и задачи воспитания и обучения их, известны средства и пути воздействия на юные поколения, совокупность и взаимозависимость их и дают то, что следует назвать народной педагогикой" (Виноградов Л. В. Раскрыть музыку в ее целостности// Искусство в школе. № 2. 1994. - С. 20 - 26). Поэзия пестования, материнская поэзия открывается колыбельными песнями, назначение которых - убаюкать, усыпить младенца. Когда ребенок начинает понимать речь, узнавать близких, его забавляют песенками и короткими стишками-пестушками. Их назначение - вызвать у ребенка радостные, бодрые эмоции. За ними следуют потешки-стишки и стихи к первым играм с пальцами, ручками, ножками. Позднее наступает черед прибауток-песенок и стихов, интересных прежде всего своим занятным содержанием, затем сказок.

Содержание небольших произведений народного поэтического творчества многопланово. В потешках и песенках оживают явления природы ("Ночь пришла, темноту привела", "Солнышко-ведрышко", "Обогрело телят, ягнят и еще маленьких ребят", на небе появилась радуга-дуга, "высока и туга"), действуют животные (кисонька-мурысонька, курочка-рябушечка, сорока-белобока и многие другие персонажи). Описание их не только поэтично, но и образно: курочка-рябушечка идет на реку за водичкой - цыпляток поить; кисонька-мурысонька едет на мельницу, чтобы испечь прянички; сорока-белобока кашку варит - деток кормить; котик идет на торжок и покупает пирожок; заинька горенку метет и т.д. Персонажи трудолюбивы, ласковы и заботливы: собачка не лает, чтобы деток не пугать, а котик качает люлечку, баюкает младенца и т.д.

Устное народное творчество таит в себе неисчерпаемые возможности для пробуждения познавательной активности, самостоятельности, яркой индивидуальности ребенка, для развития речевых навыков. Поэтому необходимо как можно шире использовать его в воспитании и обучении детей.

При исполнении народного произведения педагог должен обеспечить понимание смыслового содержания его детьми благодаря эмоциональной окраске речи, изменению тембра голоса. Таким образом устанавливается речевое взаимодействие с ребенком, развивается образное восприятие и наглядно-образное мышление.

В результате общения с фольклорными произведениями ребенку передаются их настроения и чувства: радость, тревога, сожаление, грусть, нежность. Они расширяют словарный запас ребенка, активизируют познавательное и умственное развитие, способствуют ознакомлению с окружающим миром, в результате чего развивается их восприимчивость и чувствительность, формируется гуманное отношение к миру, развивается не только музыкальный, но и речевой слух.

Речевой слух является важнейшим компонентом всей речевой деятельности школьника, особенно восприятия звуковой стороны речи, ее мелодико-интонационного строя, который реализуется в речи системой средств выразительности - ударения, пауз, динамики, темпа, ритма, тембра, мелодики речи. Хорошее развитие слуховых дифференцировок обеспечивает понимание речи го-

ворящего, влияет на успешность обучения устной и письменной речи.

Известно, что нарушения письма и чтения у детей в преобладающем большинстве случаев имеют причиной нарушения фонематического восприятия, т. е. способности к слуховому различению звуков речи, а частота графических ошибок коррелирует с количеством ошибок в звуковом составе слова. Прямая связь прослеживается между уровнем развития речевого слуха и звуковой культуры речи.

Существующая известная общность в развитии музыкального и речевого слуха дает возможность интенсифицировать развитие речевого слуха, используя не только речевую практику, но и музыкальную (вокальную). На эту общность указывает в своих работах А. Р. Лурия.

Так, исследуя вопросы слухового восприятия, он приходит к выводу: "Можно с полным основанием утверждать, что человеческий слух в отличие от слуха животных формируется под влиянием музыки и языка" (Лурия А. Р. Курс общей психологии. М., 1964, лекция 11 (20-я), с. 1).

Учитывая разностороннее значение слуховой функции, можно развивать у детей способность к слуховому восприятию разнообразного звукового материала, относящегося к области как речевых, так и музыкальных звуков. Это дает возможность идти малоиспользованными путями в развитии речевого слуха детей, их речи, одновременно с детства развивать певческую и речевую функции.

При использовании музыкальных упражнений на уроках по родному языку дети приобретают четкую дикцию, ясность образования звуков в речи, их речь становится более выразительной, звучной. В результате систематических занятий пением происходит более интенсивное развитие слуха, правильного дыхания, подвижности и силы голоса, расширение его диапазона. Особенно благоприятно сказываются занятия пением на развитии звукопроизношения. На это указывал К. С. Станиславский: "Как было бы хорошо, если бы учителя пения преподавали одновременно дикцию, а преподаватели дикции учили бы пению. Но так как это невозможно, пусть оба специалиста работают в близкой связи друг с другом" (Станиславский К. С. Работа актера над собой. М., 1951, с. 476).

На тесную связь пения и родного языка, на роль пения в деле эстетического воспитания и воспитания культуры речи указывали также и другие выдающиеся деятели культуры, методисты, ученые: Б. Асафьев, Д. Кабалевский, Ю. Кремлев, Л. Мазель, К. Седлачек, А. Сихра.

В современной педагогической практике музыкальная методика широко используется в логопедии при обучении детей с фонематическим недоразвитием.

Высокий лечебно-педагогический эффект дает применение пения в работе с заикающимися детьми. Систематические упражнения детей в пении активизируют дыхание, нормализуют нарушенные темп и ритм речи и позволяют в ряде случаев сократить срок пребывания детей в специальном речевом учреждении.

Музыкальное и речевое развитие идет по одному пути, так как имеет одну материальную основу - голосовой и артикуляционный аппарат. Речевой и певческий аппарат имеет общее анатомическое и морфологическое строение. Корковый слуховой анализатор во взаимодействии с речедвигательным контролирует и в речи, и в пении акустические свойства произносимых и пропеваемых звуков.

Исходя из указанной общности пения и речи, используя правильные методические приемы и опираясь на результаты исследований Н. Г. Борисовой, мы разработали систему музыкальных упражнений, которая помогает интенсифицировать слуховое развитие при обучении школьников родному языку и способствует развитию образно-эмоциональной речи.

Упражнения, применяемые в этом случае, предполагают развитие звуковысотных, ритмических, динамических и тембровых дифференцировок.

Особое значение придается звуковысотным различиям, так как если вокально-моторное звено не включается в процесс восприятия высоты звуков, то это ведет, как указывает А. Н. Леонтьев, к явлению "тональной глухоты", что резко снижает возможности обучения языку. И наоборот, налаживание процесса интонирования звуков приводит к повышению слуховой чувствительности, слуховых различений.

Рекомендуемые упражнения используются на каждом уроке обучения грамоте, русского языка, литературного чтения (в течение 5 - 6 минут). В таких упражнениях особенно нуждаются дети, испытывающие фонетико-фонематические трудности, а также трудности при письме.

Вторая серия упражнений направлена на более прочную автоматизацию произносительных (моторных) навыков. Применение вокально-артикуляционных упражнений приводит к устойчивому и точному овладению системой артикуляторных навыков родного языка, а также ведет к преодолению некоторых дефектов звукопроизношения, не требующих специального вмешательства. (Статистика последнего времени показывает, что количество детей указанной категории постоянно увеличивается.)

Итак, специально подобранные песни и вокальные упражнения используются при обучении родному языку в целях активизации сенсорных и моторных процессов освоения речи.

При отборе методического материала (песни, вокальные упражнения) мы руководствовались следующими принципами, ориентируясь на первые классы школы.

Важно, чтобы песни были в удобной для детей этого возраста тесситуре (от ми первой октавы до второй октавы). Мелодии песен должны быть просты и легко запоминаться. В тексте песни необходимо такое соотношение гласных и согласных звуков, которое помогает выработать хорошую артикуляцию, четкую дикцию. Очень полезны упражнения, вырабатывающие подвижность языка. К ним относятся песни со слогами та-та-та, ля-ля-ля, тру-ту-ту и др. На начальном этапе следует использовать песни, состоящие из коротких слов и фраз, удобных для дыхания. Позже можно включать песни со все более удлиняющимися музыкальными фразами. В песнях должен быть простой ритмический рисунок. Все перечисленные условия использования музыкального материала на уроках обучения грамоте, русского языка, литературного чтения несет в себе фольклор. Как уже отмечалось выше, использование фольклора, в частности народно - пенного творчества, открывает новые возможности, т. к. у русских народных песен интонационный строй близок к речевому интонированию. Так, часто встречающиеся в русской народной песне квартовые и квинтовые ходы берут свое начало от вопросительной и восклицательной интонации русской речи.

Отметим, что в результате такого обучения дети показывали неизменно более высокий уровень речевого развития, владение образно - эмоциональной речью, отзывчивостью на высказывания по сравнению с контрольными классами, где такого обучения не проводилось.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов Л. В. Раскрыть музыку в ее целостности// Искусство в школе. № 2. - 1994. - С. 20 - 26.
2. Лурия А. Р. Курс общей психологии. - М., 1964, лекция 11 (20-я), с. 1 - 5.
3. Станиславский К. С. Работа актера над собой. - М., 1951. С. 476.
4. Энциклопедический словарь юного музыканта. - М., Педагогика, 1985. С. 323.

O. A. Nassonova

AMATEUR AND SONG ARTS AT READING AND WRITING OF THE RUSSIAN LANGUAGE EDUCATION LESSONS AS MEANS OF SPEECH VIVIDNESS INCREASE

The present paper deals with the question of the first grade students' figuratively-emotional speech forming at reading and writing of the Russian language education lessons, amateur and song arts assisted. While developing oral speech by means of amateur and song arts we liven up the work of pupils' vocabulary, enrich not only it but the syntactic system of children's speech as well. The latter is used for impressions' transmission that appeared during perception of music.

Е.А.Санкова, *старший преподаватель кафедры географии Орловского государственного университета.*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ГЕОГРАФОВ НА ОСНОВЕ ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА МЕТОДОМ АДАПТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

В данной статье речь идет о важности картографической подготовки студентов-географов и школьников, показываются основные направления совершенствования этой подготовки. Подчеркивается необходимость учитывать личностно ориентированный подход в обучении, приводятся педагогические технологии, позволяющие приспособить учебный процесс к индивидуальным особенностям обучаемых. Подробно рассматривается технология адаптивного обучения, ее применение при обучении студентов картографии.

В современном обществе картография играет важную роль как держательница пространственной информации о природе, обществе и их взаимодействии.

Устойчивой осью интеграции, пронизывающей весь комплекс географических наук, является географическая картография. Она, по выражению К.А. Салищева, "дисциплина географическая по содержанию и картографическая по методу" [22]. При этом картография понимается как наука об отображении и исследовании природных и социально-экономических явлений посредством картографических образно-знаковых моделей.

Для географической картографии характерен геосистемный подход. Современная картография, опираясь на фундаментальный отечественный и зарубежный опыт предшественников, интенсивно развивается и продвинулась в разработке теоретико-методологических принципов изучения геоизображений - различных графических образов, отражающих земные процессы или явления. Психологи, кстати, отмечают высокую эффективность графических образов в развитии мышления, в особенности при формировании пространственных знаний, представлений, концепций. Таким образом, у картографической науки имеется современный арсенал способов и методов изучения любых пространственно существующих геосистем, т.е. географического пространства.

Одной из составляющих географического образования в высших учебных заведениях являются картографические знания.

Классическое определение роли карты дал Н.Н. Баранский: 1) карта - альфа и омега географии, начальный и конечный момент географического исследования; 2) карта - стимул к заполнению пустых мест; 3) карта - стимул к выявлению географических закономерностей; 4) карта - необходимый посредник между крайне ограниченным в охвате своего наблюдения человеком и громадным по своим размерам объектом географического исследования - поверхностью земного шара; 5) карта - второй язык географии; 6) карта - один из критериев географичности. Географическая карта не может быть заменена ни текстом, ни

© Е.А. Санкова, 2008

живым словом, так как они не дают пространственного образа территории, позволяющего одновременно его обозревать и сопоставлять в пространстве свойства нужных объектов.

Язык карт - это во многом особый язык. Ему присущи такие качества, как лаконичность, строгость, точность и наглядность. И в условиях современного информационного "взрыва", диктующего необходимость писать кратко, но полно и зрело, язык карт может быть признан как один из наиболее экономных, дающих цельную и научную характеристику территории.

Картографическая подготовленность учителя географии представляет такой уровень профессиональной компетентности, который позволяет репродуцировать картографическую грамотность в процессе обучения школьников.

Для результативной работы с картой учителю географии важно знать законы построения карт и основные способы их создания, языковое устройство и психологические особенности восприятия картографических изображений; владеть методикой генерализации, уметь читать и "снимать" необходимую информацию с карт, выявлять по ним географические различия от места к месту в природе, хозяйстве, населении и пространственные взаимосвязи между объектами картографирования.

Одна из главных задач совершенствования картографической подготовки студентов - адекватное отражение уровня развития и достижений картографии и географии, внимание к современным пространственным представлениям и понятиям, их отображению географическим языком.

Совершенствованием картографической подготовки студентов и школьников в разное время занимались такие ученые, как А.М. Берлянт, С.В. Буланов, А.В. Гедымин, Г.Ю. Грюнберг, Т.С. Комиссарова, Т.А. Педастсаар, В.Б. Пятунин, К.А. Салищев, Л.А. Фокина и др.

Не одно поколение студентов-географов осваивало картографию по учебникам А.М. Берлянта, А.В. Гедымина, Г.Ю. Грюнберга, К.А. Салищева [2, 4, 7, 11, 13, 14, 23].

А.М. Берлянт занимается как улучшением картографической грамотности и географического образования в целом, так и отдельными вопросами картографии. Так, он указывает на необходимость полноценного картографического сопровождения уроков географии и лекций по картографии. Он предлагает решить эту проблему путем компьютерных картографических презентаций [6].

Берлянт разработал ряд авторских программ по картографическим дисциплинам для школ и вузов. Им впервые сформулировано содержание нового научного направления - геоиконики как отрасли знания, изучающей свойства всех геоизображений: карт, электронных карт, аэро- и космических снимков, стереоизображений и компьютерных анимаций, трехмерных моделей и др. Предложена единая теория геоизображений, даны их классификация и систематизация, введено понятие о гипергеоизображениях. Рассмотрены свойства геоизображений, их пространственно-временные диапазоны, виды генерализации, взаимная совместимость. Изложена общая теория геоиконометрии - раздела геоиконики, занимающегося измерениями по двух-, трех- и четырехмерным геоизображениям [2, 3].

Разработкой авторских программ по картографии занималась и Т.С. Комиссарова [15]. Ею исследованы и теоретические основы картографической подготовки учителя географии. Например, она предлагает разработать такую научно-педагогическую концепцию картографической подготовки будущего учителя, которая позволит осуществлять идеи непрерывного развивающего обучения на основе системообразующего полифункционального картографического метода познания и обучения, то есть переставить акценты в методологических принципах подготовки учителя географии, усилив сквозную географическую и психолого-педагогическую сущность картографического метода обучения. Эта концепция и структурно-функциональная модель позволяют реализовать на практике систему профессиональной подготовки будущего учителя географии на основе картографического метода познания и обучения. Не исключая других методов, Т.С. Комиссарова подчеркивает, что возможности картографического метода обучения наилучшим образом соответствуют созданию ситуаций проблемного обучения, причем для любых форм организации учебного процесса, особенно для индивидуальной и групповой [17].

Она указывает на необходимость сочетать философские представления о пространстве-времени с понятием о географическом пространстве, его структуре и сущности. Т.С. Комиссарова считает, что это послужит хорошей методологической основой для понимания графического моделирования сложных геосистем в их территориальной совокупности с позиций системного подхода [16].

В.Б. Пятунин предлагает формировать картографические умения школьников при помощи компьютера [21].

С.В. Буланов рассматривает проблему совершенствования системы картографических знаний и умений школьной географии [10].

О некоторых новых направлениях в картографической подготовке учителей географии пишет Л.А. Фокина. Она отмечает, что значительная часть карт не лишена ошибок, и предлагает ввести в программу по картографии для студентов одно-два лабораторных занятия с целью научить их эти ошибки обнаруживать и исправлять. Она также указывает на необходимость обучать студентов профессионально проводить анализ как отдельной карты, так и серии карт и атласов, изучая имеющиеся на них изображения или проводя необхо-

димые преобразования. Из всего множества преобразований, выполняемых по картам, Л.А. Фокина подробно описывает изменение метрики пространства, или анаморфирование [24].

В профессиональной деятельности преподавателя всегда есть простор для поиска, педагогического творчества, и уже не на уровне традиционной методики, а на следующем - технологическом уровне. Разработка технологии как составной части методики предмета предполагает получение гарантированного педагогического результата деятельности педагога. Современному вузу необходима новая система обучения, которая в опоре на лучшие традиции учитывала бы индивидуальные особенности студентов.

Для современного этапа развития образования характерен переход от традиционной авторитарной системы образования к личностно ориентированному подходу в обучении и воспитании учащихся и студентов. В его основе лежит гуманистическая психология и педагогика. При этом в центре познавательного процесса находится студент. Вот какое определение даёт педагогический энциклопедический словарь: личностный подход - это "последовательное отношение педагога к воспитаннику как к личности, как к самосознательному ответственному субъекту собственного развития и как к субъекту воспитательного воздействия" [25].

В теории личностно-деятельного подхода И.А. Зимней даётся такое определение: "В целом личностно деятельностный подход в обучении означает, что прежде всего в этом процессе ставится и решается основная задача образования - создание условий развития гармоничной, нравственно совершенной, социально активной через активацию внутренних резервов, профессионально компетентной личности. Личностный компонент этого подхода означает, что всё обучение строится с учётом прошлого опыта обучающегося, его личностных особенностей в субъект - субъектном взаимодействии. Обучение "преломляется" через личность обучающегося, его мотивы, ценностные ориентации, цели, интересы, перспективы и т.д.; оно принимает их и соразмеряет с ними" [12].

В традиционной системе обучения заботой воспитателя, целью обучения является формирование определённых черт гармонически развитой личности. Эти черты формируются под воздействием педагога, всей системы обучения. Задачей личностно ориентированного обучения является раскрытие потенциала личности, развитие её индивидуальности, предоставление возможности личностного роста. Ее необходимо решать с помощью адекватных данному подходу методов, технологий обучения, акцентируя внимание на деятельности студента, создавая условия для его самостоятельной познавательной деятельности в рамках, определённых стандартами и базовым учебным планом программы, обращая особое внимание на отношения преподавателя и студентов и студентов между собой.

На смену отдельным формам и методам обучения должны прийти целостные образовательные технологии вообще и технологии обучения в частности.

Любая деятельность, отмечает В.П. Беспалько, может быть либо технологией, либо искусством. Искусство основано на интуиции, технология - на науке. С искусства все начинается, технологией заканчивается, чтобы затем все началось сначала. Любое планирование, а без него не обойтись в педагогической деятельности, противоречит экспромту, действиям интуиции, то есть является началом технологии.

Технологии стали областью психолого-педагогических наук, исследующей наиболее рациональные пути организации образования в конкретных условиях.

Такие педагогические новации, как технологии "полного усвоения знаний", "разноуровнего обучения", "коллективного взаимообучения", "включенного обучения", "модульного обучения" и другие, позволяют приспособить учебный процесс к индивидуальным особенностям обучаемых, различному уровню сложности содержания обучения.

Большой интерес вызывают технологии, которые создают педагогические условия для включения каждого обучаемого в деятельность, соответствующую зоне ближайшего развития. Особое место заняла технология адаптивного обучения, уделяющая внимание учебным действиям, развитию личности обучаемых, организации гибкой системы знаний, ориентированных на индивидуальные особенности учащихся и студентов.

Применение этой технологии особенно эффективно для обучения студентов вечернего и заочного отделений. Ее суть, по Н.В. Басовой [1], состоит в отборе учебного материала: тем, упражнений, заданий, лабораторных и контрольных работ и т.п. - и разработке подробных методических указаний по их применению. В начале семестра проводится ряд установочных лекций по предмету, где студентам ставится цель, выдается или указывается учебный материал и даются пояснения и рекомендации по работе с ним. Для обеспечения ритмичной работы по каждой дисциплине студентам выдается так называемый график сетевого планирования выполнения работ. Он включает темы, упражнения, задания, лабораторные работы, контрольные работы и т.п., до 10 и более видов работ, каждый из которых имеет свой шифр:

темы обозначаются римскими цифрами I, II, III и т.д.;

упражнения - $У_1$, $У_2$, $У_3$ и т.д.;

задания - $З_1$, $З_2$, $З_3$ и т.д.;

лабораторные работы - $Л_1$, $Л_2$, $Л_3$ и т.д.;

контрольные работы - $К_1$, $К_2$, $К_3$ и т.д.

Кружками обводятся задания, которые выполняются в режиме самоконтроля, треугольник означает взаимоконтроль, квадратом обозначаются

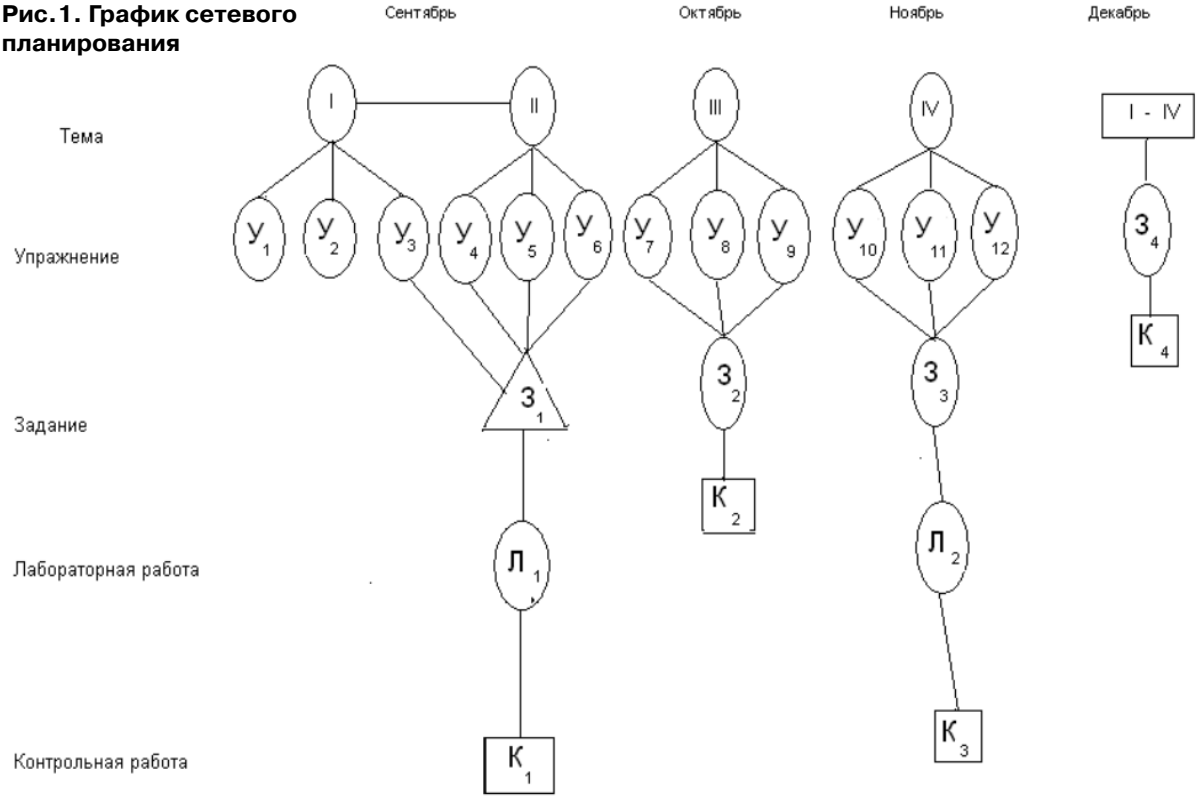
работы, контролируемые преподавателем. Вот пример одного из вариантов графика для заочников на семестр (рис. 1).

Адаптивная технология применялась и на очном отделении. Каждое практическое занятие начинается с 10-минутного объяснения преподавателя либо новой темы, либо способов выполнения заданий, упражнений и т.п., определяется количество упражнений, которые необходимо выполнить на этом занятии. Студенты работают каждый в своем темпе. Роль преподавателя сводится к контролю за ходом работы каждого студента, что способствует индивидуальному подходу к студентам в большей степени, чем при фронтальном обучении.

Преподаватели, работающие по этой технологии, выдают студентам весь семестровый план работы, что исключает спонтанность и экспромты, дает студентам представление об их загрузке в семестре, позволяет выполнять задания с опережением, регулируя свое время занятости.

При организации адаптивного обучения чрезвычайно важно учитывать время, необходимое для выполнения того или иного задания, для чего рекомендуется проводить хронометраж выполнения студентами тех или иных работ.

Рис. 1. График сетевого планирования

В Орловском государственном университете на кафедре географии проводится эксперимент по применению адаптивной технологии при обучении студентов-географов картографическим дисциплинам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Басова Н.В. Педагогика и практическая психология. - Ростов н/Д: "Феникс", 2000. - 416 с.
2. Берлянт А.М. Геоизображения и геоиконика. - М.: Знание, 1990.
3. Берлянт А.М. Геоиконика. - М., 1996. - 208 с.
4. Берлянт А.М. Карта - второй язык географии. - М.: Просвещение, 1985.
5. Берлянт А.М. Картографическая грамотность и географическое образование: проблемы переориентации // География в школе. - № 2, 1990. - С. 28 - 31.
6. Берлянт А.М. Картографические презентации как учебные пособия // География в школе. - № 6, 2003. - С. 3 - 10.
7. Берлянт А.М. Образ пространства: карта и информация. - М.: Мысль, 1986.
8. Берлянт А.М. Программа по курсу "Картография" // География в школе. - № 6, 1993. - С.37 - 40.
9. Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. - М., 1995. - 336 с.
10. Буланов С.В. Проблема совершенствования системы картографических знаний и умений школьной географии: автореф. на соискание ученой степени к.п.н. - М., 2001.
11. Гедымин А.В. Картографические проекции советских школьных карт. - М.: Просвещение, 1984.
12. Зимняя И.А. Педагогическая психология. - М., 2002. - с. 89.
13. Картография с основами топографии: Учебник для студентов естеств.-геогр. фак. пед. ин-тов. Под ред. А.В. Гедымина. Ч. 2. - М.: Просвещение, 1973. - 248 с.
14. Картография с основами топографии: Учебное пособие для студентов педагогических институтов / Под ред. Г.Ю. Грюнберга. - М.: Просвещение, 1991.
15. Комиссарова Т.С. Географическая картография (авторская программа) // География в школе. - № 6, 1995. - С.38 - 40.
16. Комиссарова Т.С. Геопространственные представления и картографическая составляющая подготовки учителя географии. // География в школе. - № 1, 1999. - С.73 - 74, 80.
17. Комиссарова Т.С. Картографический метод обучения будущего учителя географии // География в школе. - № 4, 2001. - С.39 - 41.
18. Комиссарова Т.С. Теоретические основы картографической подготовки учителя географии: автореф. на соискание ученой степени д.п.н. в виде доклада. - СПб., 2000.
19. Педагогические технологии дистанционного обучения: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / [Е.С. Полат, В.М. Моисеева, А.Е. Петров и др.], под ред. Е.С. Полат. - М.: Изд. центр "Академия", 2006. - 400 с.
20. Педастсаар Т.А. Формирование картографических умений учащихся общеобразовательных средних школ. Автореф. дис. на соискание ученой степени к.п.н. - Тарту, 1983.
21. Пятунин В.Б. Формирование картографических умений с помощью компьютера. //География в школе. - № 1, 1992. - С.37 - 40.
22. Салищев К.А. Идеи и теоретические проблемы картографии 80-х годов // Итоги науки и техники. Картография. - М.: ВИНИТИ, 1992. Т. 10.
23. Салищев К.А. Картоведение: - 3-е изд. - М.: Изд-во МГУ, 1990.
24. Фокина А.Л. Новое в курсе картографии при подготовке учителя географии // География в школе. - № 7, 1997. - С. 77 - 80.
25. http://www.dictionary.fio.ru.

E.A.Sankova

THE IMPROVEMENT OF CARTOGRAPHIC TRAINING OF STUDENTS STUDYING GEOGRAPHY ON THE BASIS OF THE PERSONAL ORIENTATED APPROACH BY THE METHOD OF ADAPTIVE TEACHING.

The article is devoted to the importance of the cartographic training of students studying Geography and schoolchildren; the main approaches to the improvement of this training are shown. The necessity of taking into consideration the personal orientated approach in the process of education is emphasized; the pedagogic technologies making it possible for the educational process to adjust for individual students' peculiarities are considered here as well. The technology of adaptive teaching, its application to teaching students studying Geography is examined in detail.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

О.Ю. Амелина, *ассистент кафедры дизайна художественно-графического факультета Орловского государственного университета.*

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНТЕРЬЕРА

Изложенные здесь вопросы относятся главным образом к проблеме организации интерьера как функционального и композиционного целого и связаны с художественным конструированием, с оформлением и декорированием внутреннего пространства помещения. В статье рассматриваются некоторые методические вопросы, касающиеся принципиальных особенностей работы художника-проектировщика.

Интерьер - внутреннее пространство здания или помещения, функциональное назначение которого определяет архитектурное решение интерьера: форму, пропорции, размеры, ритм расположения и масштабные соотношения несущих конструкций, окон, дверей, ниш и т. д. Оно же влияет и на характер убранства интерьера. Интерьер создается в полной взаимосвязи с планировочным и архитектурно-конструктивным решением здания или сооружения. Художественное убранство интерьера, его декор зависят от архитектурной композиции и обычно соответствуют всему архитектурному стилю здания.

Создание интерьера - процесс творческий. Ведущее, объединяющее начало - стиль. Каждый элемент дизайна должен быть подчинён единому стилю, выбранному для данного конкретного интерьера. Не бывает случайных мелочей: цвет, фактура, выбор материала тоже определяются стилем.

Проект - от латинского projectus - замысел, план. Проектирование - процесс создания проекта - прототипа, прообраза предполагаемого или возможного объекта, состояния.

Область творческой деятельности, которую сейчас называют проектированием интерьера или искусством интерьера, в своём современном виде сформировалась во второй половине XX века, хотя история развития оформления внутреннего пространства помещения насчитывает около 6000 лет. На протяжении всей истории развития оформления интерьера можно найти периоды, когда в искусстве интерьера на первый план выдвигались то проблемы разработки внутренних конструкций, то проблемы декорирования, то проблемы цветового решения пространства, то общие проблемы типизации самого внутреннего пространства. Естественно, что в зависимости от решаемых задач характер искусства интерьера как комплексной деятельности менялся, менялась и специализация профессий, с ним связанных.

Это нашло своё отражение во множественности терминов, которыми в разные времена называли разные профессии специалистов, занятых в искусстве интерьера. Архитектор, художник-оформитель, декоратор, проектировщик, дизайнер - вот далеко не полный перечень названий этих профессий. Для того чтобы понять, что же представляет собой с точки зрения профессиональной деятельности область проектирования интерьера сегодня, необходимо проанализировать состав этого сложного, комплексного понятия.

Как показывает практика, в области проектирования интерьера можно выделить два основных типа творческой деятельности, каждый из которых имеет свою, вполне определённую цель.

Первый тип деятельности связан с разработкой общей идеи интерьера, с организацией его элементов в систему, способную обеспечить человеку удобство пользования внутренним пространством как пространством для разных функций человеческой деятельности. Это главная утилитарная функция интерьера. Она реализуется и в процессе проектирования интерьера, и в процессе его дальнейшей материальной организации. Деятельностью указанного типа занимаются спе-

© О.Ю. Амелина, 2008

циалисты, которых называют то архитекторами, то художниками-интерьерщиками, то проектировщиками, то дизайнерами.

Второй тип деятельности преследует иную цель - внести в интерьер декоративные или художественные элементы. Задачи такого типа стоят перед художниками-декораторами, художниками-оформителями.

Чрезвычайно важно заметить, что эти два вида деятельности теснейшим образом связаны друг с другом, во-первых, общностью цели создать интерьер как единый организм, а во-вторых, постоянным общением на всех стадиях проектировочного процесса. Именно поэтому хорошо было бы, если бы эти две профессии были объединены в лице одного человека. Однако трудно предположить, что такое удачное сочетание будет постоянным. В значительной степени этому будет мешать существующее в проектировочном деле разделение труда, как и в любом современном производстве.

Эта работа посвящена главным образом вопросам, связанным с организацией интерьера, с оформлением и декорированием интерьера, отсюда и её название: "Некоторые методические аспекты художественного проектирования интерьера". Однако предметом исследования и описания является не процесс творческой деятельности в этих областях интерьера, а сам объект работы художника по интерьеру. Одним словом, даётся возможность рассмотреть некоторые методические вопросы, касающиеся принципиальных особенностей работы художника-проектировщика.

Под проектированием интерьера вообще подразумевают такой процесс разработки этого самого интерьера, основу которого составляют два момента - это раскрытие функциональной сущности внутреннего пространства и организация внутреннего пространства как целостной системы. Художник-проектировщик, работающий в любой области интерьера, занимается, с одной стороны, логической разработкой функциональной структуры интерьера, а с другой - образованием его формы. Художники начинают проектировать объект, искать и моделировать его форму, отбирая наиболее удачные решения.

В проект интерьера могут входить:

1) план проектируемого интерьера с элементами зонирования помещения, размещения мебели и оборудования;

2) схемы технологических и санитарно-технических коммуникаций;

3) виды и развёртки внутренних поверхностей стен;

4) фрагменты планов, видов, развёрток;

5) перспективные изображения интерьеров, выполненные в цвете;

6) планы полов и потолков отдельных помещений с указанием рисунка, материала и цвета; на планах потолка также показывают размещение и маркировку светильников и других элементов;

7) эскизы декоративных элементов и многое другое.

"Материализация" проекта часто идёт сложным путём, с применением макетирования, с выполнением многих черновых и подготовительных работ. На практике процесс создания того или иного интерьера может весьма сильно варьироваться по методике работы.

Художественное проектирование интерьера всегда ставит своей главной целью повышение, если так можно сказать, "коэффициента полезного действия" внутреннего пространства. Концентрируя внимание на выражении главной, утилитарной функции интерьера - способности обеспечить человеку удобство пользования внутренним пространством как пространством для разных функций человеческой деятельности, художник-проектировщик большое внимание уделяет разработке конструктивной стороны внутреннего пространства.

Эстетическое осмысливание интерьера осуществляется за счёт ритмической организации внутреннего пространства, масштабных соотношений, цветовых и фактурных рядов - всё это относится также к области художественного проектирования и является одной из самых важных творческих проблем.

Художник по интерьеру занят разрешением композиционных задач как общего, так и частного плана применительно ко всему внутреннему пространству и к его отдельным элементам.

Цель создания оригинального внутреннего пространства может быть достигнута проектировщиками только при условии ясного и точного понимания ими особенностей каждого типа интерьера, с которым им приходится работать: жилого, учебного, общественного, игрового и т. д.

Вся разработка внутреннего комплекса ведётся на основе очень точного знания функциональных особенностей каждого типа интерьера, его роли в общей системе организации внутреннего пространства. Именно поэтому особое внимание уделяется функциональности элементов внутреннего пространства, о чём часто забывают при оформительском подходе к интерьеру.

В интерьере, как ни в каком другом виде искусства, синтез архитектуры и прикладных искусств играет первостепенную роль. В искусстве интерьера преломляются результаты творческой деятельности архитекторов и художников прикладного искусства разных специальностей. Здесь проводится проверка этой деятельности, её соответствие требованиям времени.

В интерьере различные виды бытовой обстановки утрачивают своё ведущее значение и превращаются в ансамбль. Первостепенную роль начинает играть при этом соподчинённость вещей, художественная цельность обстановки, что достижимо лишь на основе творческих взглядов, единства исходных позиций и перспектив.

Вместе с тем нельзя забывать и того, что художественное убранство интерьера - результат

творчества не только архитектора и художника, но и каждого человека. Этот вид творческой деятельности прочно вошёл в повседневный быт. Работу архитекторов и художников по проектированию интерьеров не стоит противопоставлять народному творчеству в этой области. Для расцвета культуры интерьера необходимы оба вида творческой деятельности.

В проектных мастерских решаются общие задачи, определяемые требованиями не только художественного решения, но также экономики, техники, рациональности, удобства и гигиены современного интерьера.

Проектировщик обязан уделить внимание каждой из этих жизненно важных проблем. Решение архитектурно-композиционных и художественных задач рассматривается в этих условиях как часть общей строительной программы, призванной создать предпосылки для высокой культуры быта. Художественные решения не ставят при этом своей целью создание нормативных образцов, твёрдых стандартов для массового тиражирования.

Проектирование интерьеров преследует другие цели.

Одна из них состоит в разработке определённых принципов, творческих приёмов пространственно-композиционного и художественного решения современного интерьера. Проектировщики разрабатывают примеры возможных планировок, способов использования в интерьере определённых типов мебели и её сочетания с другими предметами бытовой обстановки, возможных цветовых решений и т. д.

О нормативных образцах и стандартах здесь не может быть и речи, так как одна из основных особенностей современного интерьера заключается прежде всего в удовлетворении в зависимости от индивидуальных потребностей, особенностей личных вкусов широких возможностей лёгкой перестановки и комбинирования мебели.

Проектировщик интерьера как бы подсказывает возможные пути, которыми следует идти при решении современного интерьера, намечает основные вехи.

За теми, кто живёт затем в этих интерьерах, сохраняется при этом широкое поле деятельности, конкретное выражение которой может идти не только по пути варьирования расстановки, но и подбора необходимых предметов, цветовых решений, декоративных акцентов, введения в обстановку произведений изобразительного искусства, декоративной скульптуры, произведений народного творчества и др.

Вторая цель проектирования интерьеров заключается в координировании разобщённой творческой деятельности архитекторов и художников прикладного искусства разных специальностей. Проектировщики интерьера в данном случае выполняют роль так называемого камертона: они задают тон.

Для успеха дела очень важно, чтобы то, над чем работают специалисты, было не только хорошо известно широким народным массам, но и живо волновало их, пробуждало в них желание участвовать в работе. В этой области особенно необходимо создание таких условий, при которых деятельность архитекторов и художников получала бы дальнейшее развитие в творческой деятельности народа.

Бывает, что бутафорские украшения часто скрывают архитектурное построение интерьера. Появилось выражение "оформить", "украсить" интерьер. Многие считают, что достаточно разместить в помещении некоторые декоративные вещи, и эстетическая проблема будет решена.

Создание интерьера - задача более сложная и ответственная. Поэтому знакомство с интерьерами различного типа необходимо начать не с деталей, а с концепции общего архитектурного построения. При таком подходе понятнее и роль отдельных элементов интерьера. Освещение, мебель, стенды, декоративные предметы рассматриваются как части целого, легче включаются в общий ансамбль.

Проблемы, стоящие при проектировании таких, казалось бы, разных объектов, как жилые, учебные, общественного назначения, спортивные и т. д., имеют много общего. Главное, что их объединяет, - это необходимость чётко определить основное назначение помещения и его взаимосвязь с эстетическим решением. То есть сначала необходимо организовать интерьер, а не "украшать" его.

Интерьер приобретёт индивидуальный, своеобразный характер, если будет сделан на основании изучения образа жизни людей, причём не безликого человека, а именно тех людей, для которых предназначено данное помещение.

БИБИЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грожан Д. В. Справочник начинающего дизайнера / Д. В. Грожан. - Изд. 3-е. - Ростов н/Д: Феникс, 2005. - 318 с.: ил.

2. Дизайн. Иллюстрированный словарь-справочник / Г. Б. Минервин, В. Т. Шимко, А. В. Ефимов и др. - М.: Архитектура-С, 2004. - 288 с.: ил.

3. Другов Д. Человек - образ жизни - дизайн интерьера. - М.: Издательский центр ТАБУРЕТ, 2001. - 305 с.

Olga Amelina.

SOME METHODICAL ASPECTS OF THE INTERIOR ART DESIGN

The questions, which are stated in this article, relate mainly to the problem of interior organization as the functional and compositional whole and are connected with the art design, with the get-up and decoration of the interior room area. Some methodical issues, which refer to design-artist principal peculiarities, are given in this article.

В.В. Ашихмин, *доцент кафедры рисунка художественно-графического факультета Орловского государственного университета.*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИСКУССТВУ ЛИТОГРАФИИ

Статья содержит практические познания и рекомендации для подготовки литографского камня к работе и предметное представление об изобразительных материалах (тушь, карандаш).

ШЛИФОВАНИЕ КАМНЕЙ

Шлифование - удаление следов старого рисунка и подготовка поверхности камня для нового рисунка.

Высококачественный оттиск - результат не только труда художника, но и четкое соблюдение всех технологических требований на всех этапах подготовки и обработки рабочей поверхности камня.

Толщина камня для печати роли не играет при условии, что печатный станок в идеальном состоянии. Любые отклонения (изношенный талер-тележка, неровные подкладочные решетки, случайно прилипший мусор на нижней стороне камня и т.д.) приводят к повышенным деформационным нагрузкам и при недостаточной толщине камня могут его разрушить. Рисунок будет безвозвратно потерян, и в редких случаях его можно перенести на новый камень механическим путем без дополнительной корректуры. Поэтому для каждого формата камня существует минимальная толщина, при которой появляется опасность сломать его. Эта величина равняется приблизительно 1/10 части от длины камня. При шлифовке толщина уменьшается, и когда она достигает критической отметки, то не следует ждать, когда камень лопнет, а разрезать его на две - четыре части удобного формата. Ведь камень может лопнуть на несколько мелких кусков, из которых потом будет трудно что-нибудь выкроить.

Параллельность верхней и нижней поверхностей - один из главнейших факторов, при нарушении которого возникают проблемы в печати, а иногда и поломка камня. Новые камни обычно имеют параллельные стороны, но во время небрежной шлифовки можно постепенно их нарушить.

Обычно это проявляется в следующем:

- понижение в одну сторону,
- прогиб к середине камня ("корыто"),
- возвышение к середине ("бугор").

На больших камнях эти проблемы могут встречаться одновременно. Очень часто это возникает при шлифовании кругом с эластичным механическим приводом. Так как вручную трудно удерживать вращающийся круг на краях камня, то в основном нагрузка приходится на середину камня, которая вышлифовывается больше, чем края.

При ручном шлифовании применяют металлический круг с рукояткой, смещенной к краю диска для облегчения вращения, или второй камень, который также шлифуется, и в результате получаются два готовых камня. Желательно брать одинаковые по размеру камни, но если камни большие, то верхний камень должен быть по площади не меньше половины нижнего.

Хорошие результаты достигаются также при использовании трех камней, которые попеременно шлифуются друг о друга. Такой прием избавит от образования на двух камнях симметричного бу-

© В.В. Ашихмин, 2008

гра и впадины. Нивелировать их будет достаточно сложно.

В свое время, когда литография была основной печатной техникой, в крупных типографиях стояли автоматические электрошлифовальные станки, дающие высокую точность обработки поверхности. Но для небольших мастерских применение их нерентабельно из-за высокой стоимости, что вынуждает обращаться к шлифованию вручную.

Шероховатость (зернистость) камня зависит от величины зерен абразива, применяемого при шлифовании. Для работы на камне только литографской тушью требуется максимально гладкая поверхность. Для этих целей окончательную доводку выполняют абразивом с минимальным размером зерен, а при возможности заканчивают полирование порошком пемзы.

Рисунок литографским карандашом может исполняться только на зернистой поверхности, которая подготавливается в зависимости от замыслов художника разными номерами абразива. Чем мельче детали изображения, тем мельче должна быть структура камня. На крупнозернистой поверхности можно, конечно, нарисовать мелкие детали рисунка, но напечатать их без потерь всегда проблематично, особенно в тех случаях, когда изображение содержит участки сплошной заливки тушью и тонкие линии и штрихи карандашом.

Рассмотрим поэтапно все операции по шлифованию.

Для ускорения процесса шлифовки применяют сначала крупнозернистый абразив № 20 или № 16, затем средний № 12 или № 10, а окончательную доводку и наведение равномерной зернистости - мелким № 8 или № 5.

ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ: КАМЕНЬ О КАМЕНЬ

Перед началом шлифования обязательно обработать все кромки рабочей поверхности камня по периметру рашпилем или крупнозернистым шлифовальным бруском или кругом. Обязательно обрабатывают и второй камень, которым будут шлифовать. Это предотвратит сколы мелких крошек по краям камней, которые неожиданно могут нанести глубокие царапины на рабочей поверхности.

Промыть оба камня водой от крошки.

На нижний камень равномерно насыпают просеянный абразив нужного размера и смачивают небольшим количеством воды до образования подвижной массы.

Сверху аккуратно накладывают второй камень и начинают его перемещать кругообразными движениями по всей поверхности до тех пор, пока образующийся шлиф не будет мешать это делать.

Сдвигают верхний камень наполовину, добавляют воды и продолжают шлифование. Все операции последовательно повторяют до полного исчезновения рисунка.

Абразив служит активной прослойкой, перекатываясь, он царапает и разрушает острыми гранями известняк, создавая зернистую поверхность. При малом количестве абразива верхний камень начинает присасываться, и его трудно сдвинуть с места, так как камни становятся местами гладкими. При добавлении новой порции корунда камень опять легко перемещается.

После исчезновения рисунка с камня вторично снимают фаски.

Отсутствие неровностей поверхности проверяют ребром металлической линейки, рассматривая зазоры на просвет в нескольких местах. Не всегда в наличии имеется линейка с профилем высокой точности. Без потери качества линейку с успехом заменяет обычная черная нитка. Чтобы убедиться в ровной поверхности камня, нитку натягивают поперек или по диагонали и смотрят против света. При прогибе обычно виден зазор, а если нитка плотно прилегает к поверхности, то по краям камня кладут узкие полоски плотной бумаги и вторично натягивают нитку. При ровной поверхности будет виден равномерный зазор на толщину бумаги, но при наличии бугра нитка будет касаться или приближаться к камню.

Перед сушкой камня необходимо удалить с поверхности излишки воды с помощью резинового ракеля. Это предотвратит выпадение из воды солей, которые могут отрицательно повлиять на дальнейшую работу. Обычно следы солей в виде светлого или темного ореола появляются в тех случаях, когда мокрый камень оставляют сушить в горизонтальном положении. Если камень сушат в вертикальном положении, то остатки солей видны у края и вовнутрь рисунка не попадают. Водопроводная вода достаточно сильно насыщена минеральными солями, и, если вышеизложенное игнорировать, можно в самый неподходящий момент получить белый ореол на готовом рисунке. Такое изображение очень трудно ретушировать.

Использованный абразив, который смывается в ванну вместе со шлифом, применяется неоднократно. Обычно одна часть абразива, не успев произвести работу, смывается с водой при первых движениях камня. Другая, соскоблив некоторое количество камня и сохранив свои режущие свойства, также оказывается в поддоне. Корунд тверже известняка в 2,5 - 3 раза и может применяться при последующих шлифовках. Для этого образовавшиеся отходы промывают в проточной воде, где более тяжелый корунд остается на дне, а легкие частицы известняка уносит вода. Абразив высушивают, просеивают через соответствующие сита для получения исходных фракций по размеру зерна.

ВАРИАНТ ВТОРОЙ: СТЕКЛО И КАМЕНЬ

Витринное стекло толщиной 8 - 12 мм можно использовать взамен верхнего камня. Размер стекла берется не более 40 см в поперечнике и

произвольной формы. Острые кромки стекла слегка закругляют мокрым абразивным кругом, чтобы не порезаться. Учитывая, что стекло выпускается практически ровным, им хорошо выправлять камни с дефектами поверхности. В результате шлифования получается только один камень, но затраты по времени значительно меньше, так как стекло тверже известняка в 2 - 2,5 раза, поэтому шлиф в основном образуется только от камня и приходится реже смывать загустевшую массу. При недостатке корунда между стеклом и камнем не происходит прилипания из-за того, что стекло имеет собственную шероховатость, полученную от абразива. Эта шероховатость подменяет недостающий абразив и продолжает шлифовать. Зернистость на камне становится в этом случае мельче, тоньше, но гладких мест не образуется, как в первом варианте.

Само стекло недостаточно тяжелое, чтобы создать активное давление на зерна абразива, и неудобно для перемещения по камню. Чтобы снять данные проблемы, поступают следующим образом:

- Смачивают поверхность камня водой.
- Посыпают равномерно абразивом всю поверхность.
- Накладывают сверху стекло.
- На стекло аккуратно опускают тонкий лист мокрой бумаги.
- На бумагу помещают второй камень подходящего веса и размера гладкой стороной вниз.
- Плотно прижимают камень, чтобы выдавить воздух и излишнюю воду.

Мокрая бумага нивелирует неровности камня и позволяет ему прочно присасываться к стеклу на все время шлифования основного камня. Держась за углы верхнего камня, можно свободно перемещать стекло в любом направлении. Если верхний камень начинает смещаться по стеклу, то это значит, что очень много воды на стекле, что-то попало между стеклом и камнем или очень толстая шероховатая бумага. Фаски с камня снимаются обязательно в начале и в конце шлифования.

Когда добавляется новая порция абразива или промывается камень, то стекло с верхним камнем не снимается, а только отодвигается в сторону, открывая половину нижнего камня. Так уменьшается опасность случайно расколоть стекло или загрязнить нижнюю поверхность.

Если шлифуются камни разного размера, то для удобства стекла имеют также несколько размеров. Верхний камень подбираются таким образом, чтобы стекло не выступало из-под него более чем на 5 - 10 см.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИГОДНОСТИ ПОВЕРХНОСТИ КАМНЯ ПОСЛЕ ШЛИФОВАНИЯ

Во время шлифования возникает вопрос: как определить, что старый рисунок сошлифовался и камень готов для новой работы?

По степени исчезновения рисунка можно визуально контролировать этот процесс. Следы рисунка не сразу исчезают и после снятия краски выделяются более светлым тоном камня, чем остальная поверхность. Разница в тоне объясняется тем, что вещество литографского карандаша и туши, а в дальнейшем формная (перекаточная) краска защищают камень от воздействия кислоты, которая растворяет неоднородную структуру открытого камня и делает его более пористым. Когда поверхность смачивается водой, можно видеть, что протравленные участки больше впитывают воду и становятся темными, элементы рисунка, пропитанные солями жирных кислот, состоят из более плотного известняка, остаются светлыми.

Первоначальное шлифование удаляет соли жирных кислот, и печатные элементы рисунка перестают отталкивать воду, но очертания контуров хорошо заметны из-за разной плотности камня. Сильное травление глубоко разъело камень, и образовались капилляры, которые долго удерживают влагу. Если поверхность такого камня высушить, то камень становится вроде однородным и рисунок неразличим. Но это обманчивое впечатление. Такая поверхность, имея разную плотность, будет неоднородно воспринимать новый рисунок, и при печатании оттиски получаются неровными, пятнистыми. Часто проступает старый рисунок темными или светлыми контурами, окончательно приводя работу в негодность.

Поэтому, не останавливаясь на первоначальном шлифовании, необходимо продолжить удаление оставшихся следов изображения. После того как очертания контуров становятся расплывчатыми и мы уже с трудом угадываем, что было прежде нарисовано, можно остановить шлифование. Но если на этом камне предполагается выполнить рисунок, содержащий тонкие карандашные тушевки, то шлифование желательно продолжить до полного исчезновения каких-либо следов. Экономия времени на шлифовке часто приводит к плачевным результатам и разочарованию в литографии.

ПРИНЦИПЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМЫ ПЛОСКОЙ ПЕЧАТИ

Литографский камень, являясь по своей природе известняком, хорошо адсорбирует и жиры, и клеевые вещества, водные растворы которых называются коллоидами.

Жиры не только прилипают, но содержащиеся в них свободные кислоты вступают в химическую реакцию с камнем, образуя гидрофобные соединения - кальциевые соли жирных кислот, составляющие основу печатных элементов. Еще активнее образуются такие элементы из водных растворов, содержащих мыло - натриевые соли жирных кислот. Мыло в водных растворах становится поверхностно - активным веществом (ПАВ), которое понижает поверхностное натяжение воды и

способствует тем самым проникновению туши в мельчайшие поры камня. Поэтому литографская тушь быстро создает устойчивую печатную форму. Характерной особенностью ПАВ является дифильность.

Дифильные молекулы мыла состоят из двух частей: полярной группы и неполярного радикала. В растворе туши мыло своими неполярными радикалами удерживает частицы неполярных веществ (воска, смолы, сажи), а полярными группами обращено к полярной жидкости (воде). Если молекул мыла достаточно для обволакивания всех частиц твердых веществ, то такой водный раствор будет представлять устойчивую дисперсную систему. Когда жидкая тушь нанесена на поверхность камня, то часть мыла адсорбируется на камне и реагирует с ним, образуя неполярное и нерастворимое в воде мыло. Равновесие в растворе нарушается из-за уменьшения стабилизирующих свойств мыла. Воск и смола выпадают в осадок, слипаются образовавшимся кальциевым мылом и создают кислотоупорное, плохо растворимое в воде покрытие. Во время дальнейшей обработки воск и смола будут смыты скипидаром, а кальциевое мыло, образующее единое целое с камнем, будет принимать печатные краски, изготовленные на основе олифы.

На пробельных участках камня происходит противоположный процесс. Коллоидный раствор клея (гуммиарабика, декстрина или крахмала) с небольшим количеством азотной кислоты наносят на всю поверхность камня. Кислота воздействует не на все компоненты карандаша и туши, а только натурализует щелочные свойства мыла, тем самым уменьшая их растворимость в воде. Открытые участки камня гидрофильны и хорошо смачиваются коллоидом. Кислота стравливает тончайшую пленку жировых загрязнений, которые случайно образовались во время рисования, и разрыхляет структуру камня.

Длинные макромолекулы клея прочно адсорбируются к такой поверхности и создают защитный слой, который во влажном состоянии отталкивает неполярную печатную или формную краску. Гидрофильные молекулы клея остаются на пробельных местах и после тщательного промывания поверхности камня чистой водой.

Таким образом, невидимая пленка коллоида при смачивании водой набухает и удерживает молекулы воды, приобретая сильные полярные свойства.

Валик, накатывая краску, отжимает воду с камня, но поверхностная влажность сохраняется за счет капиллярной воды. Чем меньше времени камень подвергался воздействию кислоты, тем меньшее количество капиллярной воды может удержать. Поэтому травление камня должно продолжаться не менее 2 - 3 минут.

Стоит только воде испариться, как тотчас прекращаются отталкивающие свойства адсорбировавшегося коллоида. Краска начинает накатываться на всю поверхность камня. Если теперь опять смочить закатанный камень водой, то вместе с ней возвращаются утраченные качества коллоида. Продолжая катать валик по камню, мы видим удивительную метаморфозу: краска с пробельных элементов возвращается на валик, и рисунок восстанавливается в первоначальном виде. При низкой относительной влажности и высокой температуре воздуха в печатной мастерской, особенно в зимнее время, возникают проблемы: камень быстро сохнет.

В отличие от промышленной полиграфии, где форма накатывается краской в один оборот валика, ручной литографии требуется некоторое количество времени, за которое приходится увлажнять камень несколько раз. Чем меньше мы протираем форму влажной губкой по свеженакатанной краске, тем ровнее получается оттиск.

СОСТАВ ЛИТОГРАФСКОГО КАМНЯ И ТУШИ

Рассмотрим соотношение основных компонентов, входящих в состав литографского карандаша и туши (в весовых частях):

	карандаш	тушь
мыло	**3**	**5**
воск	**4**	**2**
шеллак	**1**	**2**
сажа	**1**	**1**

Из приведенной таблицы видно, что мыло в карандаше составляет третью часть от общей массы, а в туши - половину, и это основное отличие при всей схожести веществ. В состав входит только твердое (натриевое) мыло, которое является основой твердого хозяйственного и туалетного мыла. Натриевое мыло состоит из смеси натриевых солей жирных кислот (олеиновой, пальмитиновой, стеариновой и др.), и они легко растворяются в воде.

С литографским камнем мыло вступает в реакцию не только в растворах, но и в твердом виде, что позволило изготавливать для рисования на камне карандаши. Чтобы изображение было хорошо за-

метно, в состав вводят любой темный, химически инертный пигмент. По традиции применяют черный (сажу), но можно и цветные, главное, чтобы пигмент не реагировал с кислотой во время травления камня.

Воск в карандаше выполняет две функции. Во-первых, благодаря пластичности и определенной липкости воска литографский карандаш хорошо наносится на поверхность камня и прочно удерживается на ней, во-вторых, воск кислотоупорен и защищает элементы рисунка от стравливания кислотой. Твердые сорта воска, в частности карнаубский, позволяют регулировать твердость карандашей и выпускать несколько номеров для разных видов работ.

Воск в литографском карандаше также служит наполнителем и сдвигает баланс между водорастворимым мылом и нерастворимыми в воде веществами в сторону последних, чтобы во время травления водным раствором коллоида снизить растворимость рисунка.

Шеллак - твердая, хрупкая смола, нерастворимая в воде, скипидаре и нефтяных растворителях. Шеллак придает карандашу и туши дополнительную твердость и кислотоупорность.

РАСТВОРЫ ЛИТОГРАФСКОЙ ТУШИ

Литографская тушь растворяется не только в воде, но и в органических растворителях: ацетоне, бензине, скипидаре. Водные растворы различной концентрации туши создают водорастворимое натриевое мыло, количества которого должно хватить на создание защитной оболочки вокруг твердых частиц веществ, нерастворимых в воде, и удерживать их во взвешенном состоянии.

Образуется устойчивая дисперсная система. Так как вода является дисперсионной средой, то для сохранения равновесия в растворе не должна содержать отрицательно действующих примесей. Этим требованиям соответствует дистиллированная вода. В художественной практике часто об этом забывают и применяют в растворах обычную питьевую воду, чаще всего водопроводную. Что же происходит в таких случаях? Кальциевые и магниевые соли, растворенные в питьевой воде, вступают в реакцию с натриевым мылом и нейтрализуют его дифильные свойства. В растворе образуются нерастворимые в воде молекулы магниевого и кальциевого мыла. Для удержания их от выпадения в осадок требуется дополнительное количество поверхностно - активных веществ (ПАВ), а в нашем случае натриевого мыла. Если в составе туши мыла не хватает на изоляцию вновь образовавшихся частиц, то они начинают слипаться и образуют пространственные структуры, которые нарушают текучесть раствора туши. Вязкость быстро возрастает и затрудняет работу пером или кистью. Добавление новой порции воды не улучшает свойств раствора, а, наоборот, только ускоряет разрушение дисперсионной среды. Мелкие частицы срастаются в хлопья и выпадают в осадок, налипают на перо и кисть. Производители литографской туши пытаются избавиться от этой проблемы и часто добавляют излишнее количество мыла или кальцинированной соды. Такая тушь устойчива к водопроводной воде, но появляется опасность размывания её во время травления водным раствором коллоида. Тушь, содержащая излишнее количество мыла, не дает устойчивых полутонов в технике "размывки".

Литографская тушь в продажу поступает двух видов: твердая и жидкая. Готовая к употреблению жидкая тушь хорошо сохраняет печатные элементы и позволяет получать полутона, но имеет коричневый цвет, что не всегда устраивает художников. Исходя из вышесказанного, твердая литографская тушь для растворения требует дистиллированной воды, которую получают методом перегонки обычной питьевой воды. В домашних условиях для получения небольшого количества дистиллированной воды можно растопить образовывающийся на испарителях некоторых холодильников лед или подставить под носик кипящего чайника дно кастрюли, наполненной холодной водой. Чистый свежевыпавший снег тоже может дать воду, пригодную для наших целей. Уменьшить содержание растворенных в питьевой воде солей поможет кипячение не менее 15 минут или добавление кальцинированной соды.

Сам процесс растворения твердой туши имеет свои особенности. Во-первых, палочкой туши натирают по сухому блюдцу, при трении по которому она размягчается и налипает тонким слоем. Блюдце иногда подогревают. Во-вторых, воду добавляют небольшими порциями и растирают тушь пальцем или пробкой, чтобы не образовывалась пена. Чаще всего пена образуется при растворении туши кистью. Пена создает видимость густоты. Такая тушь имеет пониженную концентрацию веществ и малоподвижна, плохо стекает с рисовальных инструментов и неравномерно покрывает камень, особенно там, где требуется сплошная заливка.

Правильно приготовленную тушь лучше слить в небольшой стаканчик с узким горлом, чтобы уменьшить испарение воды, и использовать в течение рабочего дня. В принципе, если тушь разводилась дистиллированной водой и высохла на блюдце, она может использоваться повторно. Если "старая" тушь разводилась водопроводной водой и вторично применяется для работы, то после высыхания на камне возможно шелушение и осыпание.

Свойство литографской туши растворяться в скипидаре, уайт-спирите и других неполярных растворителях используется при рисовании на переводных литографских бумагах, которые покрыты водорастворимым коллоидом и коробятся от водного раствора туши. Так как такая тушь не впитывается в защитный клеевой слой бумаги, то она легко проскабливается скребком во время рисования и ровно переводится на камень. Когда за-

крывают тушью участки камня, на который нанесены штрихи с помощью водного раствора коллоида, чтобы их не размыть, также используют растворитель.

Когда в качестве дисперсионной среды выступает растворитель, в нем растворяются воск и стеарин, которые обволакивают частицы мыла и шеллака, удерживая их во взвешенном состоянии. Скипидар, уайт-спирит и другие неполярные растворители состоят из длинных молекул, которые придают им вязкость. Растворы литографской туши, приготовленные на таких растворителях, менее подвижны, чем приготовленные на воде, легко желируются, и концентрация туши понижена. Для работы пером такие растворы не используются, но кистью достаточно легко наносятся на переводную бумагу или камень. Так как раствор имеет меньшую концентрацию, то для достижения качественной заливки тушь наносят в два слоя с промежуточной сушкой.

При нанесении на поверхность камня тушь, разведенная растворителем, реагирует с известняком медленнее и схожа по своей активности с литографским карандашом. Подобная тушь хорошо проскабливается шабером и напоминает классическую технику "выскабливание по асфальту". Для такой техники применяют только твердые сорта литографской туши, не содержащие в своем составе легкоплавких жиров.

ТРАВЛЕНИЕ КАМНЯ

Изготовление литографской печатной формы делится на два этапа: нанесение изображения на камень и ряд операций по превращению изображения в устойчивые печатные элементы.

Важнейшая операция, с которой начинаются все формные процессы, называется "травление", когда пробельные места камня покрываются раствором коллоида, содержащего небольшое количество кислоты.

Когда рисунок выполнен чисто и не требует поправок, в таком случае все работы по обработке печатной формы проводит мастер-печатник и в присутствии автора нет необходимости. Другое дело, когда изображение имеет много подчисток или применялась техника "полутоновые размывки" тушью. В этом случае автор должен контролировать процесс травления и определять степень тональности, которую необходимо закрепить согласно замыслу. Иначе при стандартной обработке камня могут быть значительные потери деталей изображения. Если художник сам проводит травление, то это поможет получить оптимальный оттиск при печати, соответствующий первоначальному рисунку на камне. Понимая все изменения, происходящие с изображением во время обработки камня, можно правильно вести работу на первом этапе.

ПОРЯДОК СТАНДАРТНОГО ТРАВЛЕНИЯ

- Поверхность камня припудривается порошком талька, и излишки смахивают обратно в коробку марлевым или ватным тампоном.

- Широкой кистью равномерно покрывают всю поверхность раствором коллоида с 2-процентным содержанием кислоты.

- В течение двух минут добавляют свежие порции травления и непрерывно разравнивают их по камню.

- Закончив травление, излишки раствора снимают сухим марлевым тампоном или губкой. Напитавшийся раствором тампон отжимают и продолжают разравнивать слой коллоида. Тампон в воде не промывать!

- Протирают и отжимают тампон до тех пор, пока на камне останется тончайший слой клея.

Сушат камень до полного испарения воды.

После вышеперечисленных действий пробельные элементы протравлены и законсервированы. В таком состоянии камень можно хранить неопределенно долгое время.

СТУПЕНЧАТОЕ ТРАВЛЕНИЕ
СЛОЖНЫХ РИСУНКОВ

- Поверхность камня припудривается порошком талька, и излишки смахивают обратно в коробку марлевым или ватным тампоном.

- Широкой кистью равномерно покрывают всю поверхность раствором коллоида с 2-процентным содержанием кислоты.

- В течение двух минут добавляют свежие порции раствора травления и непрерывно разравнивают их по камню.

- Дополнительное травление более сильным травлением, раствор которого содержит 5% кислоты.

- Протравливают кистью все места, которые имеют выскабливания, особенно по заливке тушью, добиваясь четкого кипения кислоты в проскобленных штрихах.

- При наличии размывок тушью необходимо многократно протравливать кистью средние и особенно темные полутона. Полутона состоят из ажурных кислотоупорных узоров, образовавшихся при неравномерном испарении воды, и серой "тени", которая лессирует все изображение. Если эту тень не стравить, то размывки получатся невыразительными и с большими утратами полутонов. Тень в основном содержит сажу и небольшое количество мыла, поэтому быстрее стравливается, чем узор, включающий в себя ещё воск и шеллак.

- Травление ведется до получения необходимой тональности, что обусловливает обязательное присутствие художника или выполнение им самим данной операции.

- Закончив травление, излишки коллоида снимают, как было описано выше в стандартном травлении.

- Камень сушат и перекатку проводят в обычном режиме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зорин Л.И. Эстамп. Руководство по графическим и печатным техникам. - ООО "Издательство "Апрель", 2004.

2. Манизер М.Г., Серов В.А. Школа изобразительного искусства. - М.: Издательство "Искусство", 1966.

Суворов П.С. Искусство литографии. - М.: Издательство "Искусство"; 1964.

The article contains the practical instructions and recommendations for the preparation of the lithographic stone for work and the subject presentation of the graphic materials (Indian ink, pencil).

В.В. Ашихмин

ОСНОВЫ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РИСУНКУ СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В статье рассматриваются особенности воспитания художественного восприятия, развития образного мышления, формирования эстетических потребностей, условия творческих задач в процессе обучения рисунку студентов художественно-графического факультета.

Методы обучения изобразительному искусству неразрывно связаны с его многовековой историей и зародились в процессе непрерывных поисков наиболее рациональных путей и способов воспитания художника, развития его потенциальных творческих возможностей. Параллельно и в зависимости от задач и особенностей развития изобразительного искусства видоизменялись методы обучения, обогащаясь новыми способами и приемами. Однако конечной целью методики преподавания изобразительного искусства всегда была подготовка творчески активной личности. В основе такой подготовки лежит закон единства обучения и творчества, органично сочетающий учебный задачи и задачи творческие.

Развитие творческих способностей возможно только в процессе творческой деятельности. Это положение подтверждается многовековой художественной и педагогической практикой. Творческие способности, являясь не исключением в комплексе человеческих способностей, а скорее их закономерностью, также получают свое развитие во время специфической деятельности, а именно творческой, следовательно, учитывая специфику задач изобразительного искусства и художественной педагогики, необходимо рассматривать принципы в единстве и связи с задачами и творческими методами изобразительного искусства.

Сейчас вопросы методики преподавания изобразительного искусства на художественно-графических факультетах приобретают особое значение. Они не могут замыкаться на узкопрофессиональных требованиях обучения изобразительному искусству. Вопрос стоит о творческом воспитании в обучении научным основам изобразительной грамоты, создании творческой ситуации в учебном процессе, опирающемся на единство учебных и творческих задачах.

Учебно-воспитательный процесс включает три направления: воспитательное, образовательное и обучающее. Соединяясь в единое целое, эти направления способствуют решению задач творческого развития. Все эти направления должны проходить параллельно, дополняя друг друга. Отставание или пренебрежение каким-либо из них влечет за собой однообразность в обучении, дисгармонию в развитии, а в конечном итоге замедляет творческий рост. Наиболее частые случаи нарушения закона единства учебно-воспитательного процесса связаны с формированием учебных или чисто творческих задач в обучении. Увлечение изучением ремесла искусства как такового без задач его творческого исследования ведет к формированию ремесленничества, не имеющего ничего общего с искусством. И, наоборот, чрезмерное увлечение творчеством приводит к неоправданным деформациям в рисунке и в конечном итоге - к отходу от реалистического изображения действительности.

Следует выделить три этапа в обучении рисунку на художественно-графическом факультетах: начальный, средний и завершающий.

© В.В. Ашихмин, 2008

Начальный этап обучения (1 - 4-й семестры) можно определить как самостоятельный этап, соединяющий предшествующий и более поздние периоды общехудожественной и специальной подготовки студентов. Каждый курс обучения рисунку на факультете имеет свои конкретные задачи, зафиксированные в программе системой учебных заведений. Первые два курса имеют специфические особенности, обусловленные прежде всего различным уровнем довузовской художественной подготовки бывших абитуриентов и самими учебными задачами данного периода обучения. Характер работы студента на начальном этапе обучения рисунку определяется в значительной степени уровнем его знаний и развитием изобразительных способностей. Однако и знание, и изобразительные способности студентов различны даже в пределах одной группы. Существенное различие наблюдается и в темпах творческого развития, это объясняется уровнем подготовки до поступления на факультет и индивидуально-психологическими особенностями человека.

В настоящее время основное внимание студентов 1 - 2-х курсов нацеливается на развитие изобразительных способностей, отработку умений и навыков, т.е. на основание исполнительной стороны изобразительной деятельности, без которой немыслимо создание полноценного художественного образа. На первых курсах факультета формируется отношение к учебной работе, задается общее направление на последующие периоды обучения, закладывается база для дальнейшего активного творческого роста. В этот период постигаются принципы и методы реалистического изображения объемной формы средствами рисунка, осваивается методика работы над рисунками различного назначения, активно накапливаются знания, творческий опыт. Учебные задачи в значительной мере являются определяющими. Однако отрицание всяческого проявления творческой инициативы студентов при выполнении академических рисунков есть ошибка, значение которой не всегда осознается даже самим педагогом.

Вопросы творческого развития студентов первых курсов следует относить в раздел учебных, не требующих иных методов, способных объединить учебно-аналитические и художественно-образные задачи рисования с натуры. Необходимо помнить, что творческие моменты присутствуют постоянно в самих учебных задачах рисования от восприятия до обобщения и завершения рисунка. Многое из того, что для художника, имеющего основательную подготовку, не представляет сути творчества, для начинающего является, в сущности, объективно или субъективно творческим. Изучение и использование выразительных качеств изобразительных материалов, изучение методики работы с натуры, композиционный поиск - эти и многие другие вопросы оказываются во многом содержащими творческое начало, так как основываются на таком уровне впервые.

Средний этап обучения (5 - 8-й семестры) является центральным, связывающим начальную подготовку по рисунку с выходом на дипломную работу. Здесь в большей мере проявляются и развиваются творческие качества личности студентов. Учебно-аналитические задачи рисования находят свое закономерное продолжение в творческом плане. Студенты, пытаясь преодолеть границы маловыразительного изображения, находят все больше возможностей для выражения характера индивидуальных качеств и содержания.

На среднем этапе обучения рисунку еще можно разделить учебно-аналитический и творческий подходы в рисовании. Разница между ними существует, и можно различить учебные и творческие рисунки, учитывая их принципиальное назначение. Однако в них можно найти больше сходства, чем различия, если учесть, что не бывает учебных рисунков, которыми пытаются обозначить отдельные учебные упражнения, призванные помочь в отработке отдельных навыков или способствовать развитию глазомера. Такие упражнения выполняются на начальном этапе обучения.

Завершающий этап в обучении рисунку на художественно-графическом факультете (9 - 10-й семестры) характеризуется прежде всего более высокими требованиями и выразительным, творческим качеством изображения. К этому времени студенты способны решать задачи выразительного рисования, направленного на создание художественного образа. Изучены в основе техники и технологии изобразительных материалов, пополнен и систематизирован багаж знаний, приобретен некоторый опыт творческой работы. На первый план выступают задачи творческого использования теоретических знаний и практических навыков по рисунку, осваивается методика творческого поиска. Пятый курс обучения рисунку на художественно-графическом факультете является, по существу, классом творческого рисования. Уже в 9-м семестре стоит задача передать психологическое состояние и характер человека (при работе над композиционным портретом) - самого сложного и содержательного объекта изобразительного искусства. В конце пятого курса выполняется дипломная работа, требующая творческого подхода к вопросам изображения и прежде всего к рисунку.

В настоящий момент в связи с увеличением времени на самостоятельные формы обучения необходимы дальнейшая индивидуализация и дифференциация учебного процесса и улучшение общей методической подготовки. При индивидуальных формах обучения и воспитания изобразительному искусству результаты всегда были лучше. Это сложнейший процесс, который должен учитывать уровень индивидуальных способностей студента, его подготовку, потребности и еще многое другое. В итоге мы должны увидеть художника, который ни на кого не похож, т.е. самобытного и оригинального.

Путь к индивидуальности обучения изобразительному искусству лежит через организацию самостоятельной работы студентов под руководством преподавателей, НИРС и УИРС, консультации, кружки, творческие и проблемные группы, выставочную работу в стенах вуза и за его пределами. Все это позволяет сосредоточить внимание на вопросах творческого использования получаемых знаний, навыков и умений, а в конечном итоге служит формированию творческих качеств личности студента.

В своей практической деятельности человек постоянно сталкивается с воздействиями внешней среды. Он имеет дело с комплексом информации, которая дает ему верное представление об окружающем мире. Однако отношение его может быть субъективным. Субъективно оно в силу ряда особенностей и закономерностей восприятия человеком окружающего мира. Здесь большую роль играют индивидуальные, эмоциональные, интеллектуальные и другие особенности личности. На основе личного восприятия художник создает художественный образ, объективно отражающий реальную действительность. И от того, насколько верно воспринимает мир художник, зависит художественная правда созданного им образа, первоосновой которого является сама объективная реальность.

В литературе исследуют четыре вида деятельности человеческого сознания в системе субъектно-объектных отношений: познавательный, ценностно-ориентационный, преобразовательный и коммуникативный. Творческая деятельность рассматривается как результат всех четырех видов деятельности, происходящих одновременно. В практике творческого рисования эти виды деятельности человеческого сознания находятся во взаимодействии, органической цельности и неразложимы на составляющие компоненты. Художник познает (воспринимает, изучает), оценивает (определяет свое отношение к объекту изображения в момент восприятия) и создает художественный образ (изображает предмет, учитывая личное отношение к нему).

Воспринимая объект, художник оценивает его, и отделить этот процесс от самого восприятия в момент изучения объекта рисования невозможно. Конечная информация, составляющая знание художника об объекте изображения, не является абсолютно объективной, т.е. математически точной, но справедлива с учетом его личного отношения к изображаемому. На основе этой информации и практических умений и навыков работы с определенным изобразительным материалом, используя индивидуальные творческие способности, художник создает художественный образ, который является отражением объективного мира с точки зрения самого художника. Таким образом, процессы восприятия и изучения содержат в себе элементы творчества.

Воспитание качества восприятия реальной действительности в ее художественно-эстетическом многообразии является наиболее сложной и актуальной проблемой художественной педагогики. Восприятие с целью изображения - важнейшее условие работы с натуры. Образы восприятия совместно с образами представления являются основой создания учебно-творческого рисунка или наброска. Они обусловлены свойствами самого восприятия, уровнем его развития и возможностями визуального мышления.

Развитие свойств восприятия на занятиях изобразительным искусством - это развитие способности видеть целостно, обобщенно, предметно, избирательно, т.е. конкретно в каждом отдельном случае в зависимости от этапов работы над изображением. Воспитание восприятия в целом должно быть направлено на воспитание образного видения, способности оперировать художественными образами в сознании, т.е. не сводится просто к постановке глаза рисовальщика. Воспитание восприятия надо понимать как задачу по воспитанию профессиональных качеств художника, от которых в огромной степени зависит характер работы, уровень художественных качеств рисунка. Воспитание восприятия является составной частью общехудожественного воспитания и развития художественного вкуса. Поэтому принципиально иными будут и задачи восприятия: должна стать потребностью способность не просто видеть, наблюдать, но, наблюдая, оценивать, квалифицировать и представлять увиденное в материале искусства. Реалистическое изображение предметов требует всестороннего, широкого и полного восприятия их формы и цвета художником в большей степени, чем любым человеком в его повседневной практике.

На начальных этапах обучения восприятие начинает активно перестраиваться с житейского на специфическое только в процессе работы с натуры. Наиболее распространенная ее форма - сосредоточить внимание на поиске максимального количества информационных признаков предметов, а также качественном и количественном отборе признаков, необходимых для изображения. Общее увеличение информации расширяет представления о внешней форме и назначении предметов изображения, что в совокупности с представлениями, существующими в сознании, способствует созданию художественного образа. Образы восприятия и образы представления являются первоосновой художественного замысла в воображении художника, а затем воплощения его в материале.

Художник никогда не воспринимает натуру с одинаковым вниманием ко всем ее качествам. Определив сначала наиболее характерные ее особенности, он планомерно анализирует группы качества по индивидуальной методике наблюдения, выработавшейся у него в течение многих лет

творческой деятельности. Такое видение является результатом сформировавшейся установки восприятия на базе индивидуальных особенностей, приобретенного опыта и динамики задач творческого рисования. У начинающих заниматься изобразительным искусством основная особенность восприятия учебной постановки заключается в том, что они видят лишь отдельные ее качества. Этим в конечном итоге можно объяснить качественные отличия учебных рисунков от творческих.

В ходе практической работы с натуры необходимо уделять внимание управлению познавательной деятельностью. На начальных этапах обучения следует заботиться о качестве и количестве информации, поступающей в сознание студента. Задача восприятия в общих чертах может быть сведена к тому, чтобы воспринимать учебную постановку активно, целенаправленно, упорядоченно и полно, изучать ее методически верно и получать новые знания из самой натуры. Информация, необходимая для выполнения учебного задания, представляет собой соединение практических и теоретических знаний, т.е. конкретного знания об изображаемых предметах и общей теории изображения трехмерных предметов на плоскости. Необходимо, чтобы информация была актуальна и научна, а в итоге представляла бы собой ясную и стройную систему знаний на уровне полного осознания целей и задач рисования с натуры и художественного освоения действительности в целом.

Огромное значение должно придаваться развитию способности получать информацию самостоятельно, умению вычленять необходимые знания из общей массы. Качественный рост информации может проходить и за счет уменьшения случайных, нетипичных признаков, мешающих созданию цельности и выразительности рисунка. Необходимо научиться отбрасывать все второстепенное и подчеркивать главное в учебной постановке. Этот путь должна указать сама постановка и организация восприятия. Цельность и лаконизм являются основными формами проявления образности и верными признаками выразительности рисунка. Умение обобщать и схематизировать натуру, а затем переходить от схемы обратно к живому, непосредственному видению является одним из показателей развития творческого мышления. Видеть характерные эстетические особенности учебной постановки - означает обладать способностью к оцениванию, эмоциональному переживанию.

Воспитание восприятия должно включать в себя развитие способности видеть собственную работу на всех этапах ее становления и критически относиться к нему. Это особенно важно на начальных этапах обучения, где еще недостаточно полно сформирована система художественных ценностей. Недостаток опыта и знаний мешает рисующему представить себе результат своего труда, он не знает, как надо вести работу, чтобы получился тот или иной результат. Неопытный рисовальщик не замечает, что переносит качественные и количественные признаки натуры, существующие только в сознании как продукт ее восприятия, на представление о собственном рисунке, на самом деле лишенном таких качеств. Неумение отделить образ представления натуры в сознании от рождающегося изображения, увидеть результаты рисования независимо от него приводит к тому, что таким студентам кажется, будто бы их рисунки точно передают форму и характер изображаемых предметов.

Способность объективно оценивать результаты своей работы и работы своих товарищей - необходимое профессиональное качество. Рисующий должен отчетливо понимать, в чем недостатки и несовершенство его рисунков, стремиться увидеть допущенные ошибки, квалифицированно оценивать свое продвижение на каждом этапе работы над ними. Формируясь, способность специфического восприятия действительности для целей изображения оказывает положительное воздействие на характер учебной работы, делая ее более творческой. Видоизменяются личностные установки, с их помощью создается индивидуальная система ценностей. Способность воспринимать целенаправленно в итоге стимулирует развитие специальных творческих способностей.

Важнейшим качеством творческих способностей является специфически развитое мышление в процессе продуктивной деятельности. Деятельность человека, связанная с художественным творчеством, отличается тем, что мышление проходит в форме оперирования художественными образами. Во время формирования образов восприятия, представления и воображения происходит творческое освоение действительности.

Создание художественного образа в сознании человека зависит от его способности к абстрагированию, анализу и синтезу предметов и явлений, т.е. от качеств мышления, и прежде всего логического мышления. Однако логическое мышление во время рисования основано не только на знании, но и на непосредственном зрительном восприятии, где важнейшую роль играют чувства, эмоции человека. Благодаря этому логическое мышление приобретает образную основу. В отличие от мышления человека, решающего математическую задачу, мышление человека в изобразительной творческой деятельности характеризуется тем, что объектом анализа служит информация, включающая личное отношение к объекту изображения. Образное мышление является специфической формой отражения реальной действительности, когда осмысление изображаемого происходит на уровне эмоционального восприятия и представления.

Мышление, связанное с изобразительным творчеством, часто называют художественно-образным, имея в виду, что художественный образ

создается выразительными средствами изображения. В сущности, процессы мышления всегда являются творческими, так как направлены на решение актуальных задач, приобретение знаний, умений и навыков, создание определенных условий по удовлетворению художественных потребностей. Между тем различают продуктивное, или творческое, мышление и репродуктивное. Эти два вида мышления теснейшим образом связаны между собой в процессе учебно-творческого рисования. Приобретение знаний, овладение умениями и навыками рисования происходят прежде всего благодаря репродуктивным качествам мышления. Продуктивное мышление лежит в основе создания художественного образа. Таким образом, репродуктивное мышление является своеобразной предпосылкой для творческого мышления.

На первых курсах обучения рисунку, где происходит активное накопление знаний и вырабатываются умения и навыки рисования, преобладают элементы репродуктивного мышления, на старших доминирует продуктивное художественно-образное мышление. Динамика перехода репродуктивного мышления в продуктивное зависит от уровня освоения изобразительной грамоты, знаний и задач, которые ставят перед собой студенты в связи с методической последовательностью создания художественного изображения. Однако этот переход заметен не только в связи с приобретением творческого опыта, но и в ходе работы над каждым этапом создания рисунка, так как рисование включает учебные и творческие задачи. Начальные этапы работы над изображением, связанные с расширением знаний об объекте, содержат в себе репродуктивные моменты. Последующие этапы характеризуются продуктивностью мышления. В целом образное мышление является динамическим процессом.

Способность к образному мышлению (иначе - мышлению художественными образами) развивается по мере накопления творческого опыта, т.е. в практике учебно-творческого рисования. Задачи изобразительной деятельности и потребность в создании художественного образа являются движущими силами развития способности к художественно-творческому отображению действительности.

Творчество в учебном рисунке во многом зависит от уровня потребностей. Формированию эстетических потребностей и эстетическому воспитанию в целом принадлежит важная роль в деле гармонического воспитания студентов художественно-графических факультетов и развития их творческих потенциалов, так как между эстетическими потребностями и способностями, бесспорно, существуют закономерные связи.

Развитие эстетических потребностей означает утверждение форм самореализации личности, раскрытие ее творческих потенциалов, выявление именно человеческого в человеке. Поэтому следует рассматривать эстетическую потребность прежде всего как потребность в художественном творчестве.

В процессе обучения существенно дополняются эстетические представления, формируется система эстетических ценностей. Средний возраст студентов I - II курсов дневного отделения 18 -19 лет. Сами условия потребления культурных и художественных ценностей до поступления в институт еще не гарантируют в достаточной мере развития потребности созидательного отношения в процессе деятельности, и в частности рисования. С каждым годом удовлетворяется все большее количество эстетических потребностей членов нашего общества в области культуры и искусства. Естественно, возрастает количество и качество эстетических потребностей, а их удовлетворение воспитывает потребительское отношение к деятельности. Поэтому формирование эстетической потребности должно включать как процессы потребления эстетических и художественных качеств искусства и действительности, так и созидание ее на основе восприятия.

В развитии творческих способностей студентов участвуют обе части процесса формирования эстетических потребностей. Рисование с натуры предполагает прежде всего вторую его половину, так как художник по характеру своей деятельности является не столько созерцателем, сколько преобразователем действительности. В связи с этим большую актуальность приобретают способность и умение выявлять эстетические качества учебно-творческих рисунков, доводить их до уровня совершенства. Однако при самостоятельном рассмотрении закономерности важно учитывать ее как потребность художника в восприятии эстетических ценностных качеств натуры, с одной стороны, и изображении их на основе индивидуального восприятия - с другой, т.е. как единство потребления и созидания.

Мероприятия по развитию творческих способностей предполагают повышение общего уровня эстетической культуры как формы создания системы ценностной ориентации и художественного вкуса. Художественный вкус надо понимать как эстетический вкус в области художественной деятельности, как его синоним. Эстетические потребности составляют основу художественного вкуса и подчинены диалектике развития человеческих потребностей. Важно то, что они являются основной предпосылкой освоения художественно-культурных ценностей и служат глубинными источниками творческой активности.

Логика развития творческих способностей находится в органической связи с логикой развития эстетических потребностей. Можно выделить некоторые задачи формирования эстетических потребностей: развитие способности и органической потребности восприятия эстетических качеств учебной постановки, стремление к тому,

чтобы практическая работа с натуры носила эстетическую, художественную направленность, воспитание особых, эстетических качеств технического мастерства.

Восприятие эстетических качеств окружающих предметов является составной частью воспитания восприятия. Развитие чувств и потребности ежедневного общения с прекрасным - задача достаточно сложная и ответственная. Способность оценивать эстетические качества объектов восприятия должна перейти в привычку и стать потребностью, воспринимать, оценивая, не только на занятиях по рисунку, но и в ходе освоения других предметов изобразительного цикла и в повседневном наблюдении жизни. Эстетические и творческие качества учебных рисунков неразрывно связаны. Они выступают в единстве, взаимно обусловливая друг друга. Часто эстетическая сторона учебного рисунка является одновременно и его художественным достоинством.

Имея в виду эстетическую сторону развития технического мастерства, следует внимательно изучать рисунки известных художников, в том числе старых мастеров, у которых именно эта грань мастерства достигла совершенства. Эстетические качества академических рисунков основываются на знании и умении творчески использовать возможности изобразительных материалов и всевозможных техник. В этом смысле культуру графических средств надо понимать как наиболее высокий уровень знания и освоения изобразительных и одновременно выразительных возможностей графических материалов, а также приемов и техник работы, им соответствующих.

Обучение рисунку, как и другим видам изобразительного искусства, является одним из примеров проблемного обучения. Основная задача этой формы обучения состоит в формировании поисковой, творческой деятельности, в развитии самостоятельного продуктивного мышления, что также является обязательным условием обучения рисунку. Подобно проблемному, обучение рисунку должно способствовать реализации двух основных целей: 1) развивать способность к творческому отношению в работе на основе индивидуального восприятия; 2) формировать необходимую систему знаний, умений и навыков. Не следует принижать роль и значение умений и технических навыков работы, но рассматривать их как необходимое условие развития, поскольку навыки включаются во все виды деятельности, в том числе и творческой.

В приобретении технических навыков и умений решающее значение имеют мышление человека, его целенаправленность и воля. При длительном повторении движений руки по определенному плану связь рука - глаз человека укрепляется, а со временем движения становятся автоматическими. Рисующий контролирует уже не столько сами движения, сколько их общий план, что и является конечной целью процесса выработки технических навыков. Однако задача обучения навыкам и умениям состоит не только в том, чтобы усвоить основы изобразительной грамоты и совершенствовать технические приемы работы, но и свободно ими оперировать во время учебно-творческой работы, совмещать выполнение учебных и творческих задач.

Таким же необходимым условием является постоянное приобретение знаний и творческого опыта. Между техническими возможностями, знаниями студента и его творческими способностями существует прямая связь. Новые технические возможности и творческий опыт позволяют решать очередные творческие задачи, т.е. способствуют дальнейшему совершенствованию в творческом рисовании.

В организации восприятия и творческой направленности работы студентов роль педагога должна быть определяющей. Основной формой воздействия на сознание студентов в обучении рисунку является форма педагогической установки. Создание потребности студентов в творческой работе, а также руководство ими в соответствии с этапными задачами работы над учебно-творческим рисунком - важнейшие условия развития творческих способностей.

Повседневное обыденное восприятие человека отличается от восприятия художника. В каждом отдельном случае характер восприятия определяется его целями, т.е. стремлением изобразить увиденное и прочувствованное.

Наблюдая объект будущего изображения, студенты под руководством педагогов замечают гораздо больше изобразительных и выразительных признаков предметов. Основная заслуга такого наблюдения, т.е. восприятия, организованного педагогом, заключается в том, что оно упорядочено, систематизировано и точнее отражает истинное состояние предметов изображения. В сознании студентов уточняется формирующийся художественный образ, они приобретают опыт наблюдений и отрабатывают индивидуальную методику, основанную на знании законов восприятия с учетом учебных и творческих задач рисования. Для будущих художников-педагогов верно организованное восприятие, как и знание основных законов восприятия, является необходимым условием развития творческих способностей во время обучения, основой будущей педагогической и творческой работы.

Условием развития творческих способностей является методическая последовательность выразительных и творческих задач в создании изображения. Программа закрепила это положение, определив обязательность освоения технико-аналитических задач обучения.

Результаты наблюдений убеждают, что переход от учебных задач к творческим, т.е. от изучения к поиску художественного образа, должен протекать как последовательное изменение отно-

шения к объемной форме. От формы как самоцели к форме - средству характеристики, сначала эмоционально-содержательной, затем внешне-пластической и далее художественно-творческой. В основу данного вывода положено представление о форме как пластической основе художественного образа. Подобное освоение ее должно обеспечить свободу творческого решения учебной постановки и одновременно способствовать выполнению учебно-аналитических задач рисования.

Характер работы студентов определяется в значительной степени уровнем технических возможностей и качеством развития изобразительных способностей, однако и они различны даже в пределах одной группы. Существенное различие наблюдается в темпах развития творческих способностей, что объясняется уровнем подготовки и индивидуально-типологическими особенностями человека. Необходимо еще одно очень важное условие - индивидуальный подход к обучению и воспитанию студентов. Использование метода индивидуального обучения стимулирует и учебную, и творческую активность студентов.

К условиям развития творческих способностей следует отнести также задачи по воспитанию волевых качеств студентов. Обучая студентов такому сложному предмету, каким является рисунок, важно воспитывать у них эту необходимую черту характера, присущую всем выдающимся художникам и педагогам. Студенты должны быть готовы к преодолению объективно существующих трудностей, связанных с решением учебных и творческих задач обучения. Толчком к развитию творческих способностей служит общая творческая обстановка, складывающаяся в учебно-педагогическом коллективе. Этой же цели служат коллективные посещения выставок, творческих мастерских художников, углубленное изучение искусствоведческой литературы. В результате всех этих мероприятий накапливается объем знаний, приобретается опыт, необходимый для развития художественного вкуса, чувств и представлений. Изучая творческие методы и технические приемы художников, студенты сами делают попытки творческого освоения действительности, ищут выразительные средства художественного языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беда Г.В. Основы изобразительной грамоты. 2-е изд. - М.: Просвещение, 1981.
2. Волков Н.Н. Восприятие предмета и рисунка. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950.
3. Волков Н.Н. Мысли об искусстве. - М.: Советский художник, 1973.
4. Выготский Л.С. Психология искусства. - М.: Искусство, 1965.
5. Гинзбург И. П.П.Чистяков и его педагогическая система. - Л.-М.: Искусство, 1940.
6. Дейнека А.А. Учитесь рисовать. - М.: Изд-во АХ СССР, 1961.
7. Кардовский Д.Н. Об искусстве: Восоминания, статьи, письма. - М.: Изд-во АХ СССР, 1960.
8. Кузин В.С. Психология. 2-е изд. - М.: Высшая школа, 1982.
9. Лук А.Н. Психология творчества. - М.: Наука, 1978.
10. Никифорова О.И. Исследования по психологии художественного творчества. - М.: Изд-во Московского университета, 1972.
11. Органова О.Н. Специфика эстетического восприятия. - М.: Высшая школа, 1975.
12. Платонов К.К. Проблемы способностей. - М.: Наука, 1972.
13. Пономарев Я.А. Психология творчества и педагогика. - М.: Педагогика, 1976.
14. Раппопорт С.Х. От художника к зрителю. - М.: Советский художник, 1978.
15. Ростовцев Н.Н. Академический рисунок. - М.: Просвещение, 1973.
16. Ростовцев Н.Н. Методика преподавания изобразительного искусства в школе. 2-е изд. - М.: Просвещение, 1980.
17. Ростовцев Н.Н. Учебный рисунок. 2-е изд. - М.: Просвещение, 1985.
18. Савостьянов Е.И. Единство познания и творчества в искусстве. - М.: Изобразительное искусство, 1987.
19. Фаворский В.А. О рисунке. О композиции. - Фрунзе: Кыргызстан, 1966.
20. Чистяков П.П. Письма. Записные книжки. Воспоминания. - М.: Искусство, 1953.
21. Юон К.Ф. Об искусстве. В 2 т. - М.: Советский художник, 1959.
22. Якобсон П.М. Психология художественного восприятия. - М.: Искусство, 1964.
23. Якобсон П.М. Психология художественного творчества. - М.: Знание, 1971.

The article deals with the peculiarities of the training of artistic perception, the development of the image-bearing thinking, the forming of aesthetic needs, conditions of creative tasks in the process of teaching drawing the students of the Art and graphic faculty.

А.А. Родкина, *кандидат технических наук, доцент кафедры художественного проектирования швейных изделий Орловского государственного университета.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННО-КОНСТРУКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АРХИТЕКТОНИКЕ ОБЪЕМНЫХ ФОРМ

В статье рассматриваются основные принципы художественно-конструкторской составляющей архитектонического формообразования костюма и их использование при обучении инженеров-конструкторов. Предлагаемая последовательность выполнения практических заданий способствует развитию у студентов образно-пространственного и эстетического мышления.

Техническая эстетика охватывает широкий круг проблем, связанных с социальными, экономическими, эргономическими вопросами развития промышленности и потребления, закономерностями формообразования изделия, принципами и методами творческой работы художников-конструкторов.

Эстетическая выразительность должна достигаться не преднамеренно, а как результат последовательного осуществления конструкторского замысла; осуществляя его, конструктор достигает целесообразности предметной формы: упорядоченности, пропорциональности, гармоничности линий, объемных и цветовых элементов и т.д. Эстетическое совершенство швейного изделия требует информационности его формы. Часто по форме изделия можно определить его конструкторскую основу.

Информационная выразительность швейного изделия обеспечивается технологическими и декоративными свойствами материала, из которого оно изготовлено. Характер поверхностей, конфигурации, фактура, цвет, способ крепления должны подчеркивать достоинства изделия.

В произведениях дизайна швейных изделий все факторы формообразования - идейно-социальные, утилитарно-функциональные, эстетические и другие, включая и компоненты архитектоники, - проявляются системно, т.е. синтетически, тесно взаимосвязанно, подчиняясь социально-утилитарной целесообразности и общему совершенству.

Архитектоника проявляется в конкретных предметах, как правило, согласованно и слитно со всеми другими факторами рационального художественно-технического формообразования, а по значимости уступает только факторам идейно-социальным. При этом информативность формы в ее оптимальной мере как важнейшая сторона архитектоники обычно выполняется в числе первостепенных требований.

Соответствие формы изделия его содержанию может быть достигнуто подходящей архитек-

© А.А. Родкина, 2008

тонической композицией. Архитектоническая композиция является эстетической характеристикой, которая отражает организационные связи элементов формы и содержания изделия, диктует расположение основных элементов, частей в определенной системе и последовательности. Тем не менее вследствие сложного общего содержания швейных изделий как предметов одновременно утилитарных и социально-культурных внешнее проявление их внутренних свойств (функциональных, конструктивных и др.) не всегда бывает адекватным, однозначно соответствующим, но всегда должно быть как можно более целесообразным и гибко взаимосвязанным со всеми другими факторами формообразования. И эта зависимость в абсолютном большинстве случаев должна быть такой, чтобы черты архитектоничности по возможности ясно читались в зримом облике вещи [1].

Концептуализация творческой деятельности начинается уже на этапе выбора геометрического пространства формы, отбора аналогов и прототипов и понимается как установка на осознание ее ценностного содержания, утверждаемого в задании [2].

Как показывает опыт работы со студентами, каждой личности изначально свойственно тяготение к "своему" типу геометрического пространства, в котором наиболее полно осуществляется его рефлективная деятельность по осмыслению культурных символов моды. Повышенная знаковость современной культуры позволяет наполнять геометрическое пространство формы различной смысловой информацией.

Форма в дизайне может быть определена как выражение внешнего вида швейного изделия исходя из его внешнего содержания и назначения. Она определяется рядом свойств материи: объемностью, характером расположения и движения в пространстве, геометрическим строением, весом, плотностью, прочностью. Исходя из свойств материи, швейные изделия в своей конструкции и форме приобретают композиционные закономерности.

Таким образом, художественное решение формы костюма и составляет главную задачу художественного конструирования.

Костюм благодаря строгой взаимоподчиненности его элементов и тесной взаимосвязи с предметной средой, интерьером обладает свойством отражать образ человека. Форма костюма создается по единому художественному замыслу, где все детали согласовываются между собой и подчиняются единому целому. Она раскрывает образ конкретного человека. В основу разработки архитектоники швейного изделия положены определенные принципы гармонии на единстве композиционных средств, характерных для предметной среды в целом.

При создании архитектоники костюма могут быть использованы принципы подобия и контраста. Каждая часть костюма может быть выражена одной геометрической формой (принцип подобия), или элементы костюма могут быть противопоставлены друг другу (принцип контраста), но в любом случае должно сохраняться впечатление целостности.

Основой архитектоники костюма обычно является наиболее крупная по массе или важная по психологической роли часть швейного изделия. Взаимосвязь основных элементов обусловливается функциональным назначением и определенными требованиями общности их стиля, конструкции, цвета. Для архитектоники характерны многослойность и многочастность, жесткая система взаимосвязи и обязательность одновременного использования всех его частей [3].

На занятиях по архитектонике объемных форм, проводящихся на первом курсе, используются дизайнерские знания, участвующие в эстетическом воспитании будущих конструкторов - формировании способности воспринимать, чувствовать, понимать прекрасное в жизни и в искусстве, участвовать в преобразовании окружающего мира по законам красоты путем приобщения к художественно-творческой деятельности.

Техническая эстетика, изучающая закономерности формирования предметной среды, требует от проектировщиков создания удобных, полезных и красивых вещей. При этом ко всем предметам кроме утилитарных требований предъявляются и такие, как соответствие цвета и формы, формы и материала, формы и назначения. Последние можно назвать эстетическими, т. к. их совокупность позволяет судить о красоте вещей.

В процессе формирования профессиональных качеств студента происходит не только изменение, усложнение знаний, умений, навыков, но и развитие общих свойств личности. В ходе обучения и воспитания изменяются разные стороны психической деятельности студентов, происходит накопление и изменение способов выполнения разнообразных действий, изменяются знания и представления, формируются новые мотивы и интересы. Среди всего разнообразия этих изменений психологи выделяют наиболее общие и определяющие свойства:

1. Личная направленность.
2. Психологическая структура деятельности.
3. Уровень развития механизмов мышления.

Кроме названных свойств необходимо у студентов развивать зрительную память, "зрительный опыт", умение оценить зрительные впечатления [4].

Таким образом, необходимо совершенствовать следующие свойства личности студентов:

1. Творческое воображение.
2. Зрительное восприятие и зрительную память.
3. Целенаправленность действий, умение изменять их в зависимости от изменения цели.
4. Умение соотносить, синтезировать абстрактные и конкретные знания.

Формированию указанных свойств личности могут способствовать художественно-конструкторские знания и умения, которыми овладевают студенты в результате изучения дисциплины "Архитектоника объемных форм".

Перед ними возникают технические задачи, требующие умственного напряжения. Для их решения, развития конструкторских способностей студентов определяются конструктивно-технические знания и умения, которые необходимо формировать у будущих инженеров-конструкторов:

- знания и умения по обращению с инструментами и обработке материала;

- знания свойств материала и элементарной технологии;

- умение анализировать задания, планировать и применять знания на практике.

Воспринимая окружающие предметы, соотношения различных форм, сочетания цветов, а также получая соответствующую информацию на занятиях по архитектонике объемных форм, студенты усваивают определенную систему знаний о различных комбинациях средств выразительности в художественном конструировании [5].

Эти знания способствуют формированию у будущего конструктора пространственных представлений, цветоощущения, конструкторских знаний и знаний о композиции. Таким образом, художественно-конструкторские знания необходимо формировать с первого курса, так как они помогают восприятию красоты окружающего мира и развитию пространственных представлений.

В процессе конструирования объемных форм костюма у студентов интенсивнее развивается пространственное воображение, вырабатывается способность быстро переходить от мышления к действию, заранее обдумывая ход своей работы, планировать ее, формируется и развивается точность и ловкость движений и т.д.

Техническая эстетика объединяет два аспекта:

- утилитарный, обеспечивающий удовлетворение практических жизненных требований, который предполагает техническое совершенство, технологическую целесообразность, экономическую и эргономическую эффективность;

- эстетический, отражающий потребность в прекрасном, гармоничном, в художественно оснащенной среде, который обусловливает положительность эмоций, эстетическую выразительность, художественную образность, знаковую ассоциативность [6].

На практике у студентов развивается конструкторское мышление через организацию продуктивной творческой деятельности на базе формирования у них элементов графической грамоты и технических представлений, через включение в процесс решения элементарных конструкторских задач.

На занятиях по архитектонике объемных форм необходимо показать, что художественное начало присутствует при создании всех окружающих нас предметов и каждый человек должен уметь создавать красивые вещи.

С этой целью можно использовать элементы художественного конструирования, которые предполагают в предмете:

- единство цвета и формы;

- сочетание материала и формы;

- соответствие формы назначению;

- пропорциональность различных форм в композиции.

Этот комплекс знаний называется художественно-конструкторским или дизайнерским.

Работа студентов на занятиях по архитектонике объемных форм состоит из нескольких этапов.

1. Конструирование простейших объемных форм.

Студентам демонстрируются различные орнаментальные объемные формы и приемы их изготовления; студенты занимаются репродуктивной деятельностью, воспроизводят действия преподавателя.

2. Конструирование по аналогии.

Студентам предлагается разработать собственную орнаментальную объемную конструкцию, несколько более сложную, но подобную выполненному образцу.

3. Конструирование по образцу.

Студентам предлагается вариант несложного швейного изделия. Они анализируют конструкцию, выясняют, из каких деталей состоит изделие, определяют порядок и приемы выполнения операций по его изготовлению. В данной форме обучения созданию объемных форм обеспечивается в основном прямая передача студентам готовых знаний. Это необходимый этап, в ходе которого они узнают о свойствах материала, овладевают техникой конструирования. Таким образом, конструирование по образцу, в основе которого лежит подражательная деятельность, является важным подготовительным этапом, обеспечивающим подход к самостоятельной поисковой деятельности.

4. Конструирование по собственному замыслу.

Это вид конструирования на основе самостоятельного рассмотрения задания на разработку объемной формы швейного изделия, для изготовления которого требуется применить определенные материалы, инструменты и усвоенные ранее приемы труда.

На занятиях по архитектонике для создания объемной формы используются различные виды бумаги.

Технология конструирования из бумаги имеет ряд специфических особенностей. Усвоение предварительных упражнений, использование вспомогательных выкроек и схем позволяют студентам выполнять достаточно сложные пластические композиции. Любое изделие создается на основе конструкции, которая представляет собой

систему ребер жесткости, получаемых в результате сгиба листа бумаги.

В обучении конструированию из бумаги решаются общие задачи:

- научить анализировать образец: выделять форму листа, из которого выполнено изделие, способ преобразования бумаги, выделять части, детали;

- формировать у студентов обобщенные способы работы с бумагой;

- научить планировать процесс создания поделки, контролировать свою деятельность на основе анализа;

- развивать у будущих инженеров творческое отношение к конструированию: подбирать цвет бумаги для деталей костюма и его украшения, отвечающий большей выразительности, переносить усвоенный способ преобразования бумаги на новое содержание, комбинировать способы преобразования бумаги для достижения выразительности швейного изделия.

Содержание практического обучения архитектонике объемных форм должно быть представлено в виде системы знаний в различных проявлениях общей конструктивной зависимости и постепенно усложняющихся конструктивно-технических умений.

Такое содержание требует отбора адекватных методов и приемов обучения архитектонике. В частности, установлена высокая эффективность использования в обучении таких задач, которые требуют от студентов нахождения новых для них способов действия, т.е. задач проблемного характера. Постановка перед студентами таких задач способствует развертыванию поисковой деятельности, которая складывается из практических попыток использования различных способов решения, анализа условий задачи с целью нахождения наиболее адекватных способов решения и практического их апробирования.

В условиях систематического решения конструктивных задач проблемного характера у студентов формируется правильное отношение к своим ошибкам, формируются обобщенные способы анализа, значительно повышается умственная активность.

Одним из аспектов конструктивной деятельности является результат, выражающийся в законченном предмете. Оформляя изделие, студент должен думать не только о том, удобна ли данная вещь, но и о том, как она выглядит. Поэтому одна из важнейших задач обучения конструированию состоит в том, чтобы научить чувству формы, сочетанию цвета, композиции, симметрии.

Костюм - самая мобильная система, мгновенно реагирующая на весь комплекс социальных, биологических, политических, техногенных проблем. В нем отражается психологический портрет общества.

Опыт преподавания дисциплины "Архитектоника объемных форм" нацелен на расширение эстетической составляющей профессии, которая дает возможность использования передовых теорий и методов, на первый взгляд удаленных от существа профессии инженера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Моляко В.А. Техническое творчество и трудовое воспитание. [Текст] - М.: Знание,1985.

2. Петушкова Г.И. Проектирование костюма: Учебник для высш. учеб. заведений [Текст] / Галина Ивановна Петушкова. - М.: Издательский центр "Академия", 2004.

3. Методика художественного конструирования. Дизайн-программа [Текст] - М.: ВНИИТЭ, 1987.

4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. [Текст] - В 2-х т. Т.1. - М.,1989.

5. Рытвинская Л.Б. Основы формообразования костюма (архитектоника): Учебное пособие. [Текст] - М.: Альфа-М, 2005.

6. Шпара П.Е. Техническая эстетика и основы художественного конструирования. [Текст] - Киев,1978.

Rodkina A.A.

THEORETICAL AND METHODICAL QUESTIONS OF THE ORGANIZATION OF ART-DESIGN ACTIVITY ON EMPLOYMENT OF ARCHITEKTONIC VOLUMETRIC FORMS.

In article main principles artly - by a design component ARCHITEKTONIC formation a suit and their use are considered at training engineers-designers. The offered sequence of performance of practical tasks promotes development in students of is figurative-spatial and aesthetic thinking.

Д.Ю. Фурманская, *учебный мастер кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики художественно-графического факультета Орловского государственного университета.*

ПОСТАНОВКА ЖИВОПИСНОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО НАТЮРМОРТА ДЛЯ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ХУДОЖЕСТВЕННО - ГРАФИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Статья предназначается для педагогов художественно-графических факультетов. Содержит в себе некоторые правила и рекомендации по выбору тематики, постановке, последовательности написания живописного тематического натюрморта.

Натюрморт - один из классических учебных жанров живописи. Все, кто занимался рисованием в школе, изостудии, училище или вузе, начинали свой путь с рисования предметов с натуры.

Жанр натюрморта одинаково применим как в живописи, так и в графике. Посмотрим подробнее на живописные тематические натюрморты.

Живопись как учебная дисциплина на художественно-графических факультетах педагогических институтов занимает одно из ведущих мест в профессиональной подготовке художников-педагогов, которые должны хорошо разбираться в вопросах теории и методики работы над живописным произведением, чтобы в будущем правильно приобщать детей к основам живописной грамоты.

Используя тематические натюрморты в живописи и графике, педагог учит студентов смотреть на привычные им предметы по-новому, видеть красоту в малом, в предметах повседневного обихода или предметах исторических, давно вышедших из обращения. Передавать через предметы настроение и характер их обладателя - трудная задача, справившийся с ней учащийся готов к переходу на более сложные задания.

В содержании натюрморта раскрываются самые различные стороны жизни человека. В натюрмортном жанре тема находит сюжетное развитие в группировке предметов, объединенных единым смысловым содержанием. В сюжете или, как еще принято говорить, в мотиве выражается тематическая завязка, устанавливаются смысловые и пластические связи: масштабные, тоновые, цветовые, намечается и выделяется композиционный центр. Отличительная черта тематического натюрморта - полная подчиненность всех элементов композиции выражению темы. А вот выбор темы для натюрморта - непростая задача как для педагога, так и для студента. Ведь помимо художественных задач натюрморт несет в себе и образовательную нагрузку, через него учащийся может познавать родную историю и культуру, назначение предметов, их утилитарные, композиционные, декоративные особенности.

Так как работа над натюрмортом начинается с его натурной постановки, то в этом случае художественная ценность, значительность картины будет в первую очередь зависеть от того, как натюрморт поставлен. Чтобы он был не просто тренировочным упражнением в определении пропорций, перспективных сокращений, тоновых и цветовых отношений, а еще и художественной задачей, необходимо натюрморт надлежащим образом сочинить из готовых предметов, чтобы он обладал значительным содержанием, заключал художественный образ. При этом группа случайных вещей, составленных без всякой руководящей мысли, еще не есть натюрморт. Поставить хороший натюрморт трудно; и чем выше художественное раз-

© Д.Ю. Фурманская, 2008

витие студента, тем серьезнее педагог должен относиться к постановке, тем больше времени приходится ему на это тратить.

Следует оговориться, что каких-либо законов постановки натюрморта, каких-либо правил, усвоив которые можно научиться ставить натюрморт, не существует. Нельзя даже назвать исчерпывающие, точные признаки хорошо составленного натюрморта, равно как и указать какие-то нормы. Но все же можно указать некоторые общие закономерности или, наоборот, на отдельные частные возможности этого жанра. Можно дать некоторые методические советы, следуя которым художник-педагог сможет открыть для себя новые возможности в постановке натюрморта. Прежде всего нужно определиться с темой живописной постановки. Она может строиться на каком-либо одном предмете (букет цветов, корзина, чучело животного и т.д.), посвящена какой-либо профессии, эпохе, времени года и так далее.

Выбрав тему для натюрморта, педагог должен тщательно подготовиться. Ставя натюрморт, прежде всего отобрать необходимые предметы для натурной постановки. Ими могут быть как современные предметы, так и старинные вещи, собранные в музее или натюрмортном фонде факультета (прялки, лапти, самовары, мебель и т. д.). Отбирая для постановки предметы, различные по цвету и форме, надо следить, чтобы все они могли быть объединены общей тематикой и связаны между собой по своему назначению, смотрелись друг с другом естественно.

Обычно в натюрморте какой-то предмет делают главным. Это бывает одновременно и самый крупный предмет, он создает центр всей композиции. Но неправильно было бы настаивать на этом как на строгом правиле. Натюрморт может быть и без строго выделенного центра, так же как и без главного предмета. Нам кажется важным другое требование - определенности темы, определенности замысла, определенности порядка вещей в постановке.

Обязательно нужно пользоваться справочной литературой, чтобы при необходимости ответить на вопросы учащихся, рассказать об истории или назначении представленных в натюрморте предметов.

Крайне полезны могут быть репродукции известных художников. В них педагог может "подсмотреть" естественные композиционные схемы и сочетания предметов для построения своего натюрморта, колористические и световые решения. Педагог может просто использовать репродукции данных произведений в ходе объяснения новой постановки, вводить их непосредственно в натюрморт или пользоваться ими как справочным материалом. В любом случае весь этот репродукционный материал заметно облегчит работу педагога и поможет студентам лучше понять задание.

Возможен и другой способ постановки, для этого натюрморт не ставится, а выбирается. Высматривают готовые натюрморты, которые с неистощимым разнообразием и в неограниченном количестве представляет окружающая нас обстановка. На обеденном или письменном столе, на кухне, на комоде, в книжном шкафу, среди детских игрушек можно найти удивительные композиции, с которыми по естественности, силе выражения, неожиданности и оригинальности, красоте колорита трудно соперничать специально поставленным натюрмортам. Такой естественный натюрморт может быть не вполне готовым - он может давать только основную тему; его нужно будет немного подправить, сняв мешающие предметы или добавив недостающие. Работать над такими натюрмортами студентам всегда интересно и увлекательно.

Для первых натурных постановок не следует брать большое количество предметов, достаточно трех-четырех. На старших же курсах допускаются сложные, многоуровневые натюрморты. Отобрав предметы, приступают к их расстановке и объединению в общей композиции. Чтобы постановка получилась красивой и выразительной, предметы следует расставлять так, чтобы они оттеняли друг друга: малый предмет должен оказаться на фоне большого, два крупных - не слишком загораживать друг друга, светлый предмет нужно расположить на фоне темного и наоборот.

Расставлять предметы по отношению к источнику света рекомендуется также по-разному: один осветить прямыми лучами, другой увести в тень.

Драпировка в натюрморте играет двоякую роль: в одном случае, когда предметы сами по себе создают цельную композицию, она служит нейтральным фоном, в другом, когда драпировка служит пространственному объединению предметов в постановке, она получает самостоятельное значение. В этом случае ее надо расположить красивыми складками, так, чтобы каждая из них выражала объем и была в "движении". Ткань может играть в натюрморте и самостоятельную роль, если это интересное произведение декоративно-прикладного искусства. В таком случае ткань из обыкновенной драпировки может стать центром композиции.

Увязав все предметы между собой, необходимо выделить композиционный центр, т. е. тот участок постановки, который должен особо привлекать внимание зрителя. Для этого можно пододвинуть один предмет ближе к зрителю, или ярче его осветить, или выбрать для центра предмет яркий и красочный.

Найдя удачную композицию натурной постановки, следует проверить ее эффект со всех сторон. Если расстановка предметов выглядит удачно только с одной стороны, поиски надо продолжить. Важно найти такое композиционное решение, чтобы постановка выглядела выразительно со всех сторон.

Сделав натурную постановку, можно приступить к работе. Прежде всего педагог должен побеседовать со студентами, заинтересовать, рассказать о представленных вещах, их практическом назначении, по возможности показать репродукции картин с аналогичными предметами. Этот немаловажный этап, к сожалению, часто упускается в процессе обучения, в связи с чем теряется взаимосвязь педагога и студентов. Отсутствие живого общения на занятии снижает эффективность процесса передачи практических навыков.

Обычно студенты младших курсов начинают свое обучение живописи с натюрмортных постановок в технике акварели, затем переходят на гуашь и масляные краски. Одни и те же предметы, написанные различными красками и живописными приемами, могут предстать совершенно поразному.

У каждой из этих техник есть свои особенности и секреты. Но существуют правила, общие для всех живописных техник. Выполняя натюрморт, как и любое живописное произведение, необходимо придерживаться определенной последовательности.

Студент должен начать работу над натюрмортом с выполнения нескольких эскизов небольшого размера, в которых уточняет формат и композицию листа. Для этой же цели он может выполнить этюды с натуры.

Затем студент выполняет рисунок будущего натюрморта. Он может использовать для этого карандаш, уголь или жидко разведенную краску и тонкую кисть. Возможно изготовление так называемой "кальки" или "картона" в том случае, когда рисунок необходимо перевести на какую-нибудь поверхность. Иногда опытные художники пропускают этот этап работы и начинают сразу писать красками без предварительного рисунка.

Существует много способов нанесения красок на плоскость. Одни художники предпочитают использовать прием лессировки: наносить тонкие прозрачные слои поверх высохшего красочного слоя. Другие достигают нужного цветового решения сразу за одно покрытие, а третьи используют раздельные мазки. У каждого рисующего есть свои любимые техники и живописные приемы, которые он старается использовать чаще, но лучше варьировать их в зависимости от натуры, освещения, конкретной художественной задачи.

Большинство же мастеров предпочитают вести работу от общего к частному, постепенно нанося основной цвет предметов и следя за моделировкой объема. Затем они уточняют нюансы цвета, цветовые рефлексы, общий колорит картины. На последнем этапе опять переходят к обобщению. Ради достижения цельности произведения можно убрать лишние детали, ослабить контрасты, выделить главное.

В учебных целях необходимо вести работу над живописной композицией последовательно. Изображая действительность красками, необходимо учитывать влияние цветов друг на друга, то есть писать цветовыми отношениями. Важно, что правильно найденные в натюрморте цветовые отношения помогают видеть красоту изображаемых предметов и красоту самого произведения.

В процессе ведения занятия педагогам художественно - графических факультетов не стоит забывать и о дополнительных обучающих возможностях живописных постановок, особенно важных для студентов младших курсов. Не все студенты-первокурсники имеют необходимые теоретические знания на момент поступления. Одна из задач педагога-живописца - восполнить эти пробелы. Помимо приобретения практических навыков живописный тематический натюрморт может "разъяснить" студентам такие понятия, как колорит, контраст, перспектива. Крайне важно именно в ходе работы студентов над постановкой давать необходимые комментарии, так как эта информация будет легче усваиваться вместе с практическими навыками.

Невозможно перечислить все возможности применения живописного тематического учебного натюрморта. Но самое главное в учебном творческом задании - это его привлекательность для учащегося. Натюрморт должен быть таким, что его невозможно не написать.

Предметы могут быть интересны разными качествами: формой, цветом, характером поверхности, деталями. Заметим, что, оценивая предмет с точки зрения живописной, мы вступаем в противоречие с обычной оценкой. Так, в натюрморте чаще всего может оказаться красивым, например, старый керосиновый бидон с ржавыми пятнами, грубый пыльный мешок из-под картошки и т. п. Наоборот, вещи нарочито красивые, украшающие быт (статуэтки, вазы, резные шкатулки и т. п.), в натюрморте могут стать неинтересными, банальными. Собственно, поставить натюрморт - это означает подобрать не просто интересные вещи, но их сочетание.

Есть такие связи между темой, колоритом и приемами композиции, которые можно изучить и как-то объяснить, но практически важно их просто чувствовать, подмечать про себя и копить в памяти: это поможет художнику-педагогу в постановке учебного натюрморта, который будет приятно и интересно писать студенту.

Fyrmanskaya D.Y.

How to create picturesque thematically naturemorte for young students of art-graphical faculty

This article intend for teacher-painters, of art-graphical faculty. It contain some rules and recommendations, how to create naturemorte how to choice the theme, how to paint picturesque thematically naturemorte.

ПСИХОЛОГИЯ

А.Л. Дмитровский, *кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью филологического факультета Орловского государственного университета.*

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ ЖУРНАЛИСТА

В данной статье рассматривается модель личности журналиста с точки зрения философско-антропологического подхода. Автор на основе ранних исследований эссеистического творчества предлагает и обосновывает категорию Личного (Индивидуального) Мифа, которая достаточно адекватно и полно отражает такой сложный феномен, как личность человека.

Личный Миф, включающий в себя семь уровней или экзистенциалов - устойчивых способов переживания человеком себя как проблемы, - в данном случае рассматривается применительно к журналистике.

Нынешняя теория журналистики находится в поиске новых моделей развития, переживает масштабный кризис "новой парадигмы развития". В качестве выхода из сложившейся ситуации предлагается несколько подходов. Основные можно обозначить как "информационный" ("коммуникативный") - исповедуемый московской исследовательской школой; "политологический" - локализованный (условно) в Екатеринбурге и недавно предложенный "деятельностный подход"[1] (М.Н. Ким, СПбГУ). Есть и другие, менее распространённые либо неуклонно "сдающие позиции", как социологический или литературоведческий.

Одним из новых, только добывающих себе признание в научной среде, и выступает философско-антропологический подход. Философы-антропологи возводят его родословную к деятельности Сократа, который впервые в европейской культурной традиции поставил "проблему человека" как философский вопрос. Однако прошло более двух тысяч лет, прежде чем философская антропология была заявлена собственно как философский метод. Это сделал Л. Фейербах в работе "Сущность христианства" (1841). И еще около полувека спустя М. Шелер в работах "Человек и история" (1926) и "Положение человека в космосе" (1928) заявил о необходимости создания уже отдельной, самостоятельной науки о сущности человека - философской антропологии. С тех пор многие мыслители пытались так или иначе решать эту задачу, но единой и непротиворечивой "философско-антропологической парадигмы" пока так и не сложилось.

В отечественной философской традиции антропологическую тему связывают с именем Н.Г. Чернышевского. Однако стоит отметить, что он был духовным учеником В.Г. Белинского, который к концу своей яркой, но короткой жизни пришёл к пониманию бесценности человеческой личности. Эта мысль о личности человека как высшей ценности была глубоко усвоена Чернышевским ещё в молодые, юношеские годы, и потому трактат Фейербаха и смог произвести переворот в его взглядах. От умеренной религиозности он перешел к "воинствующему" атеизму и "биологическому" материализму. Следствием стали его магистерская диссертация "Эстетические отношения искусства к действительности" (1855) и знаменитая поныне статья "Антропологический принцип в философии" (1860).

Так была задана **радикально-материалистическая линия** развития антропологической темы в России, основывавшаяся на последних научных достижениях тех лет (прежде всего естественных наук) и культе Разума. Плеяда ярких и бескомпромиссных адептов подобной трактовки человека - Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев и другие - заложили мощный фундамент

© А.Л. Дмитровский, 2008

для последующего развития научного понимания антропологизма в культуре, философии, науке и журналистике (прежде всего в публицистике, к которой всегда была склонна русская философия, а также в беллетристике).

Иная, **религиозно-философская антропологическая линия** развития русской мысли сложилась в рамках славянофильско-почвеннического мировоззрения. Идея "цельного человека", гармонично соединяющего в себе порывы сердца и порядок разума ("живознание"), серьезно разрабатывалась И.В. Киреевским в многочисленных трудах и была концентрированно выражена в статье "В ответ А.С. Хомякову". Сам Хомяков, не оставив после себя каких-либо крупных систематических трудов, высказал тем не менее ряд важных мыслей о сути русского человека в очерке "О старом и новом". Третий идеолог славянофильства, К.С. Аксаков, в статьях "О русском воззрении" и "Ещё несколько слов о русском воззрении" писал, что прийти к идеальному, нравственному устройству России можно лишь нравственным же путём, без внешнего принуждения. Этот путь един для каждого человека - путь свободного убеждения, путь работы над собой, путь преодоления своей разрозненной натуры.

Наиболее крупным трудом славянофильско-почвеннической (религиозно-философской) антропологической линии стала книга Н.Я. Данилевского "Россия и Европа" (1868), которая стала ярким примером применения философско-антропологического подхода (как метода) к непосредственной исторической и современной ему практике. Рассматривая специфику национального характера русских (и, шире, славян), т.е. исходя из человека как меры вещей, Данилевский выстраивает чёткую и доказательную теорию культурно-исторических типов, многие идеи которой позже будут заимствованы Тойнби, а ещё позже найдут дальнейшее развитие в исторических работах Л.Н. Гумилёва.

Третьей линией развития антропологических взглядов и соответствующим решением "проблемы человека" стала **религиозно-антропологическая линия** развития русской мысли (церковно-православная), существовавшая в России в рамках христианского антропологизма. Так, уже на статью Чернышевского "Антропологический принцип в философии" откликнулся профессор Киевской духовной академии П.Д. Юркевич (ст. "Из науки о человеческом духе"), подвергший материализм Чернышевского жёсткой критике с позиций догматического богословия.

Рассмотрение и анализ идейно-философских споров той поры не входят в задачу настоящей статьи, поэтому представляется достаточным лишь отметить этот факт и сказать, что он выявил ядро концептуальных противоречий между сторонниками материалистического подхода к природе человека и сторонниками идеалистического, в том числе религиозно ориентированного, мировоззрения (традиционного для русской мысли).

Таким образом, можно наметить четыре основных течения антропологической мысли в России: 1) "традиционную" религиозную антропологию (церковно-православную линию - от Иллариона Киевского до о. Андрея Кураева); 2) собственно философско-антропологическую "школу", весьма "пёструю" по "составу" (Н.О. Лосский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, А.Ф. Лосев и мн. др.); 3) умеренно-материалистический антропологизм (С.Л. Рубинштейн и его школа; культурологи и философы академической ориентации); 4) биологический антропологизм (бихевиоризм и его разновидности; НЛП, сценарное перепрограммирование и т.п.).

Стоит также отметить, что русская философская мысль традиционно развивалась в тесной связи с журналистикой, зачастую через неё (в частности, через публицистическую и беллетристическую деятельность, достаточно вспомнить названия таких произведений, как "Кто виноват?" и "Что делать?"). По мнению историка русской философии В.В. Зеньковского, "в русской философской публицистике (Белинский, Герцен, Чернышевский, Михайловский, Бердяев) играет огромную роль "теургическое беспокойство" - проблема непосредственного влияния на жизнь, на ход событий, проблема ответственности за историю"[2]. Эта тяга к "живому историческому действию" являлась существенным элементом ещё церковного мировоззрения XVI и XVII веков.

С падением религиозной картины мира теургический мотив не исчез, но в своём чистом виде ярко проявился в XIX веке (с появлением интеллигенции) в движении русской общественной ("секулярной") мысли. Именно у Белинского и Герцена, как считает Зеньковский, этот теургический мотив образует, так сказать, основной нерв их философской публицистики (это особенно важно подчеркнуть при изучении Белинского, поскольку именно в его творчестве теургический мотив впервые раскрывается с полной силой и переходит в публицистику, становясь неотъемлемой её частью).

Философы тех лет были прежде всего публицистами, причём особый интерес вызывает их личная переписка. "Попробуйте изучать Бакунина, Чаадаева, всех славянофилов вне их переписки, - писал В.В. Зеньковский, - как беден и часто неясен остается их духовный мир". С другой стороны, не следует забывать, что не только такие крупные деятели русской мысли, как Герцен, Бердяев, но и мыслители "меньшего калибра", как Чернышевский, Михайловский, Мережковский, Вл. Соловьев и Струве, о. Сергий Булгаков и много других мыслителей "отдали немало своих творческих сил именно философской публицистике. Если у Бакунина переход философии к "делу", к живому историческому действию постепенно увлек его от философии, то у других мыслителей мы наблюдаем тот же захват "конкретной" жизнью, который суживает их "чистый" философский интерес"[3].

Резюмируя сказанное, важно подчеркнуть, что публицистика, поскольку всегда связывает себя с философской мыслью, ею питается, и смогла возникнуть в России только в тот момент, когда массы образованных людей, освоивших хотя бы в пересказе (как Белинский) тот или иной пласт философского знания, не получая возможности реализовать идеи на практике - в государственном, например, строительстве (в силу его бюрократизма, косности, авторитарности и т.д.), нашли себя в печатной, журналистской деятельности. Их традиционно русское "теургическое беспокойство" в силу направленности на изменение условий жизни конкретных людей всегда выводило на информационное поле "проблему человека", пусть и в завуалированной, латентной форме.

Можно утверждать, что основной антропологический вопрос, сформулированный М. Бубером ("Человек для мира или мир для человека?"), поднял отечественную философскую публицистику на высочайший теоретико-методологический уровень. Теперь же, как представляется, философско-антропологический подход поможет решить и проблемы самой теории журналистики.

Так, рассмотрение структуры личности журналиста с точки зрения философско-антропологического подхода позволяет наметить перспективные возможности, открывающиеся при его применении в области познавательной, творческой и интеллектуальной деятельности журналистики, а также в исследовании многосторонних связей между СМИ и обществом.

Ведь журналистика - сфера, где действуют:

- **личности**, а не абстрактные "сознания" или "процессы";

- эти личности обладают собственным, уникальным, т.е. **индивидуально-мифологическим, взглядом на мир** (и отношением к нему);

- эти личности взаимодействуют между собой и с миром через строго **определённые каналы** (строго определённые уровни обработки информации);

- данные "каналы", или **экзистенциалы** (устойчивые способы переживания человеком себя как проблемы), через которые личности взаимодействуют между собой и с миром, - строго ранжированы, связаны с биологическим развитием человека и количественно ограниченны;

- **каждый из каналов связан с существованием того или иного аспекта бытия журналистики** - наличного состояния, поведенческих ролей, возможностей творческой реализации, ценностей, экзистенциального развития, реализации социальных функций.

Рассмотрим последовательно эти тезисы.

1. Любая деятельность есть воплощение на практике некоторых внутренних "выводов", "решений", "видения" и "ощущения" мира. Но как мы можем строить теорию журналистики на изучении "внешних проявлений" людей, если не знаем, чем, как и почему она (эта внешняя деятельность) обусловлена? Перефразируя известные слова, можно утверждать: *человек и в журналистике должен стать мерой всех вещей.* "Пренебрежение константами человеческой природы ставит под вопрос перспективы человека как родового существа. Пренебрежение осознанием своей человеческой сущности и своей космопланетарной миссии может привести к вырождению самой идеи человека", - пишет исследователь В.И. Самохвалова[4]. Что едва и не случилось в XX веке: именно потеря "веры в человека", в его разумность и духовность, человечность привели к возникновению фашизма и иных, более изощрённых форм современного рабства, считает С.Г. Кара-Мурза[5]. И проблема эта лишь усиливается.

Отказываясь от личности как "базовой категории" для построения метатеории журналистики и одновременного понимания её как "клетки" живой ткани журналистики, мы вновь и вновь будем попадать в интеллектуальный тупик. Личность - ключ к построению метатеории журналистики. Ведь последняя - деятельность людей, для людей и через людей. "Личностность" же есть мера "человеческого" в людях. А без учёта собственно "человеческого компонента" можно ли рассчитывать на успех в понимании социальных явлений, в том числе и феномена журналистики?

Следовательно, для дальнейшего - более плодотворного - развития науки о журналистике необходима стройная, чёткая, "технологичная" модель личности журналиста, которая бы адекватно сочетала в себе:

- непосредственность "жизненных переживаний" журналиста (как живого существа), реальность его внутреннего мира во всей феноменологической сложности последнего;

- с другой стороны, являлась бы вполне "технологичной" научной категорией (*метакатегорией*), способной стать операбельным - для целей научных изысканий - инструментом познания и анализа журналистики и культуры.

2. Именно такой категорией, по нашему мнению, и может стать категория (*метакатегория*) "Личного (индивидуального) Мифа". Приведённая ранее её формулировка[6] не вполне удовлетворяла вышеприведённому требованию, поскольку в большей степени учитывала одну - непосредственно-эмпирическую - сторону бытия личности, что и потребовало её дальнейшей доработки в философско-теоретическом аспекте.

Сегодня этот недостаток устранён, и обновлённая (уточнённая) категория Личного Мифа соответствует обоим требованиям. С одной стороны, остаётся непосредственной формой бытия Личности ("экзистенции", "Я"), которая переживает собственное "бытие-в-мире" через ограниченное число "экзистенциалов" - устойчивых способов переживания себя.

С другой - это чёткая система понятий, отражающая в строгой и ясной форме структуру личности человека (журналиста).

Суть идеи проста: личность развивается в процессе индивидуального мифотворчества, по мере созидания человеком своего собственного, индивидуального Личного Мифа ("Имени личности" - А.Ф. Лосев). Последний начинает твориться с момента зарождения человека и завершается со смертью своего "носителя" ("субъекта", индивида). Это и есть высшее творчество человека: самосозидание, творение "ранее не бывшего", т.е. собственной личности. Следует уточнить: личности в широком значении этого слова. В более строгом значении под личностью мы подразумеваем систему осознанных отношений человека к миру, бытию, и в таком плане "личность" выступает одной из ипостасей (моментов) Личного Мифа.

Слово "миф" в данном контексте означает лишь (и особо подчёркивает) целостность человека, включённость в его "индивидуально-мифологическую картину мира" не только рациональных, но и иррациональных, субъективных, неосознаваемых - чувственных, волевых и т.д. - аспектов его бытия-в-мире.

С другой стороны, под "мифологичностью" мы понимаем укоренённость тех или иных представлений в непосредственном бытии человека факт того, что они являются *результатом его внутреннего переживания.* В отличие, например, от идеологии, привносимой извне и не требующей для принятия глубокой перестройки личности. Личный Миф же не может быть отделён от своего "носителя" и существовать самостоятельно (например, в виде текста). Конечно, существует эссеистика как совокупность произведений, отражающих экзистенциальную рефлексию их автора[7], но это лишь верхушка айсберга, коим является индивидуальный миф. Причём верхушка застывшая (зафиксированная в буквах, образах), в отличие от длящегося, постоянно развивающегося Личного Мифа ("принцип жизненности").

3. Рассматривая человека как цельное (целостное) существо в единстве всех составляющих его бытие компонентов, необходимо всё же отметить, что непосредственное взаимодействие человека со средой (и другими людьми) осуществляется не "кумулятивно", неким единым таинственным "интуитивным прозрением". Зная (даже в рамках школьного курса биологии), что мозг человека системен и структурирован в своей деятельности, можно предположить наличие различных уровней или каналов получения информации об окружающей действительности.

И если с дифференциацией сигналов по "горизонтальной" шкале всё ясно (движение какого-либо объекта мы видим, слышим, чувствуем, обоняем и т.д.), то со структурной дифференциацией сигналов (вертикально-уровневой) важно разобраться. Наличие последней очевидно: восприятие, например, сигналов о движении объектов вокруг (машин, людей) идёт иначе (по другому "каналу"), нежели обмен идейными концептами с другим человеком. И потому, если один собеседник "находится" на уровне восприятия движения вокруг ("Шум, суета, загазованность!"), а другой - на уровне значимостей, идеалов ("Эта дорога имеет большое экономическое значение!"), то когнитивный диссонанс между ними, непонимание обеспечены. Как следствие - конфликт и агрессия, что сплошь и рядом встречается не только в быту, но и в политике, науке, журналистике.

4. Данные "каналы" обработки информации или уровни Личного Мифа, через которые личность взаимодействует с Другими и с миром, строго ранжированы, связаны с биологическим развитием человека и количественно ограниченны. Поскольку ядром личности (центром "Я", "самостью") выступает экзистенция[8] (фр. "существование"), мы предлагаем называть их экзистенциалами.

Экзистенциал - это устойчивый способ переживания человеком себя как проблемы. Под проблемой мы понимаем вопрос или круг вопросов, требующих немедленного разрешения. Переживание человеком себя как проблемы есть экзистенциальная рефлексия (эссеизм), то есть попытка ответить на ключевые, смысложизненные вопросы своего бытия, прежде всего "Кто я?" и "В чём смысл моего существования?". Результаты этой рефлексии - экзистенциалии - как сгустки духовного опыта, мыслечувства составляют глубокие (глубинные, подсознательные) пласты индивидуально-мифологической картины мира человека (частью - мироощущение). Со временем, в процессе размышления, они объективируются, осмысляются, концептуализируются сознанием и в виде "концептов" ("семантических паттернов") переходят в мировоззрение - когнитивную модель действительности.

Если говорить о структуре экзистенциалов (вертикально-уровневой их организации), то можно выделить семь способов переживания себя человеком.

Первый - экзистенциал **"сущностной силы"**. Сущностные силы - интеллект, чувства, воля - составляют основу человеческого организма. Каждая из этих сил порождает соответствующую сферу жизни личности: когнитивную, эмоционально-чувственную и деятельностно-волевую. Ясно, что в жизнедеятельности любого человека они теснейшим образом переплетаются. Однако в процессе существования (как до рождения[9], так и последующего развития через игры, учёбу, труд), как правило, формируется акцентуация на какой-то конкретной сущностной силе и развивается склонность к тому или иному восприятию действительности: понятийному, эмоционально-образному или функционально-деятельностному.

Этот феномен можно отметить в любой области человеческой деятельности, в том числе и в журналистике, в её разделении, например, на соответствующие сферы журналистской практики: публицистику, беллетристику и журнализм. Интересно отметить, что и аудитория СМИ также "рас-

падается" на три чётко фиксируемые группы: людей с "духовно-личностной", "профессионально-функциональной" и "потребительской" ориентацией[10].

Следующий - экзистенциал **"жизненного пространства"** (телесности). Он формируется через освоение биологического тела и "контекста" (окружающей среды). Человек выходит на взаимодействие с внешними сдерживающими факторами. И если младенец полностью зависит от среды, то в дальнейшей жизни, с развитием личности, окружение (в идеале) должно всё меньше детерминировать его бытие. Выражаясь словами философа М.К. Мамардашвили, человек должен преодолеть "натуральное сцепление событий".

"Телесность человека определяется континуумом его жизненного мира. Жизненный мир - это неотчуждённая реальность, в которой изначально живёт человек. Жизненный мир имеет пространственно-временное измерение. Именно через пространство человек получает высшую актуальность своего существования, внедрение в сущность"[11], - пишет философ-антрополог Л.Е. Моторина. Первым пространством и первой связью с миром и выступает биологическое тело.

Второй важнейшей формой пространства, определяющей человека, выступает его дом. Дом - это не мир вообще, но мир, где он является хозяином, а не наблюдателем ("гостем"). Это даже не столько физическое место, сколько культурное и экзистенциальное пространство индивида, налагающее на становление и характер его личности особый отпечаток (ср.: "Весь мир - мой дом" и "Мой дом - моя крепость"). В нём человек занимает центральное место, которое далеко не всегда ограничено его квартирой или личной комнатой.

Дом - это освоенное включённое в структуру личности и самоидентификацию пространство. Именно поэтому в искусстве и журналистике метод описания обстановки или "жизненного окружения" человека широко используется для его психологической характеристики. И взглянув на "организацию" рабочего места журналиста, можно сделать достаточно точные выводы о качестве его работы, особенностях профессионально-личностного развития.

Более того, если под культурой понимать меру овладения человека самим собой и своими собственными отношениями к природе и социуму[12], то можно уверенно говорить о том, что степень "культурности" человека начинается с осознания и рационального освоения им своего жизненного пространства: комнаты, рабочего места, дома, окружения. Ведь известно, что вращающийся в той или иной среде журналист приобретает (интериоризирует) наиболее яркие её черты: бытие достаточно сильно определяет сознание.

Третий - экзистенциал **"деятельности"**.

Говоря об этом уровне самосознания человека, исследователи часто употребляют термин "социальное тело". "Социальное тело" - результат взаимодействия человека как естественно данного организма с социальной средой. "Вовлечение "телесного человека" в социокультурное пространство дополняет его природные задатки свойствами и характеристиками, приобретаемыми в процессе социализации индивида (воспитании, обучении и т.д.)"[13]. В любом случае социальное тело проявляет себя как набор тактик и "типов поведения", привычных алгоритмов и ритуалов (в соответствии с социальными стандартами), усвоенных по большей части извне. С определёнными оговорками можно говорить об "образе жизни" человека как совокупности наиболее характерных для него действий и реакций на окружающую среду. Это простейший уровень самоидентификации: "Я - то, что умею делать".

Если рассуждать о журналистике, то экзистенциал "деятельности" отвечает здесь за овладение начальными приёмами и навыками ремесла, овладение (на уровне копирования) профессиональной *деятельностью*. Под деятельностью традиционно понимается "процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру, - другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь"[14]. В журналистике тоже можно выделить несколько таких "активных отношений" к действительности: познание в журнализме, общение (обсуждение) в публицистике, моделирование (жизненных ситуаций) в беллетристике, рефлексию (самопознание) в эссеистике.

Высшей формой деятельности выступает поведение. "Поведение человека, - писал С.Л. Рубинштейн, - заключает в себе в качестве определяющего момента отношение к моральным нормам. Самым существенным в нём является общественное, идеологическое, моральное содержание"[15]. "Единицей" поведения выступает поступок. Поступком является лишь то действие, что выявляет позицию человека, его отношение к действительности в предельно ясной и выразительной форме. Здесь корни специализации: погружаясь глубоко в какую-либо общественную сферу, журналист осваивает её и, в идеале, становится в ней специалистом, имеющим право на собственное суждение, видение проблем. Это высший уровень мастерства: не только "отражать", но и "знать", понимать, видеть наперёд.

Именно поэтому одним из критериев мастерства[16] наряду с личностностью и ответственностью мы предлагаем считать вовлечённость журналиста в социальный процесс: "В поступках, в действиях людей их отношение к окружающему не только *выражается*, но и *формируется* <...>. Когда я действенно участвую в каком-нибудь деле, включаясь в его осуществление собственными делами, оно становится моим, его идейное содержание в ходе этой деятельности включается определяющим началом в моё сознание; это изменяет *моё* отношение к нему и в каком-то отношении меня самого"[17]. Вовлечённость журналиста в социальный процесс, даже внешняя "включённость" в реше-

ние общественных задач, развивает у него гражданское самосознание и внутреннюю ответственность за происходящее вокруг.

Следующий - экзистенциал **"индивидуальных способностей".**

Это первый уровень *личностной* самоидентификации: "Я - то, на что способен (а способен на некоторое "уникальное" творчество)".

Чувство собственной идентичности, внутренней индивидуальности связывается здесь с "перспективой карьеры", то есть раскрытием внутреннего потенциала - способностей и талантов. Это уже сознательный этап, связанный с переходом от преимущественного роста к бурному внутреннему развитию, для которого важнейшее значение имеет рефлексия: знаний о мире и о себе накоплено достаточно много, и основной проблемой становится их интеграция в "образ Я". Это начало, истоки индивидуального мифотворчества, эссеизма - выработки собственного, уникального взгляда на мир.

Это и начало профессиональной ориентации, выбора сферы приложения сил через осознание своих возможностей, склонностей. Здесь особое значение приобретает духовная ориентация, акцентуация на одной из сущностных сил. В зависимости от наиболее свойственной человеку формы самоощущения (через мышление, чувственное восприятие или внешнюю активность, физическую деятельность) он осознает область будущей самореализации: к примеру, "художественное творчество", "бизнес", "журналистика". Надо отметить, что способности не только проявляются в той или иной деятельности, но и формируются в ней. Вопрос творческой реализации детально проработан в педагогике и психологии и составляет огромную литературу.

В дальнейшей же - "взрослой" - жизни этот уровень будет отвечать за профессиональные умения, за реализацию карьеры, за трудовые успехи и достижения, а в конечном итоге - за высшую ступень ремесла - мастерство. "Профессиональный журналист, в принципе, должен свободно владеть любым стилем: деловым, респектабельным, "высоколобым", скандальным... А класс журналиста определяется глубиной понимания, какой из стилей будет адекватен реальному психоисторическому состоянию общества", - считает исследовательница психологии журналистики Е.Е. Пронина[18].

Овладение каждым из перечисленных учёным "стилей творчества" (идея соответствующих им "типов мышления", на наш взгляд, дискуссионна) - процесс не столько механического освоения, но связан с актуализацией своего внутреннего "резерва творческих способностей" и задействованием всех вариантов духовной ориентации.

Пятый - экзистенциал **"мировоззрения"** (духовности).

Формирование этого экзистенциала с точки зрения возрастной психологии связано с наиболее интенсивными и глубинными поисками молодыми людьми внутренней гармонии, максимальной "Эго-идентичности", кристаллизацией "Я". "На этой стадии общество требует от человека определения в нём своего места, выбора профессии, то есть самоопределения. В то же время происходит возмужание, изменение внешнего облика, что существенно меняет представление человека о себе, перемещает его в другие демографические и социальные группы"[19]. Развивается "этическое чувство", что характерно для взрослого человека. А любая этика всегда основана на тех или иных принципах, ценностях, идеалах. Это время испытания (потрясения) самых глубинных основ формирующейся личности. Преодоление этого "кризиса" лежит в способности к любви как высшей ценности.

Виктор Франкл, автор теории логотерапии и экзистенциального анализа (внёсший немалый вклад в развитие философско-антропологического подхода), под ценностями понимал смысловые универсалии, сложившиеся в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми обществу или человечеству пришлось сталкиваться в истории. Он выделял три группы ценностей: созидания, переживания и отношения[20].

Основой для реализации ценностей творчества (созидания) является труд. Но не просто как занятие, а как вклад в жизнь общества. По Франклу, смысл труда не в том, чтобы человек делал что-то сверх предписанных служебных обязанностей, но в том, чтобы он как личность *привносил нечто новое в свою работу.*

Сюда же, но "рангом" ниже, мы можем отнести убеждения - факты жизненного опыта, нашедшие многократное подтверждение в процессе существования человека. Например, "Жизнь - борьба" и т.п. Именно поэтому "ценностное" мышление называют стратегическим, а убеждения относят скорее к "тактике": с каждым конкретно-историческим моментом они меняются, ценности же - вечны.

Экзистенциал "мировоззрения" особое значение приобретает для публицистов, поскольку суть публицистики есть постановка и обсуждение актуальных социальных проблем (поисковый прогноз), формирование по ним приемлемых для большинства членов социума решений (конструктивная критика) и, главное, экспертиза результатов их реализации (личная оценка на основе той или иной системы ценностей)[21]. И если репортёр может выполнять свою работу, и не имея зачастую ясного мировоззрения (поскольку его задача - отражать мир, а профессия требует "объективности"), то публицист без чёткой гражданской позиции и системы ценностей просто не состоится.

Шестым уровнем Личного Мифа выступает экзистенциал **"Высшего синтеза"** (личности). Этот термин принадлежит выдающемуся русскому философу А.Ф. Лосеву. Высший синтез, писал учёный, есть "мировоззрение, которое охватыва-

ет весь мир, всю природу и человека, все явления, совершающиеся в ней и в нём: мировоззрение, которое не удовлетворяется одной какой-либо научной отраслью, но которое подчиняет всё одной руководящей идее, которое заставляет всё жить гармоничной, лишённой противоречий жизнью. Высший синтез есть синтез науки, религии, искусства и философии. Высший синтез есть синтез всего, что образует собою духовную жизнь человека"[22].

В дальнейшем философ к науке, религии, философии и искусству добавлял нравственность (как неотъемлемую от первых составляющую духовной жизни) и уточнял, что высший синтез "скорее есть не мировоззрение, но основа каждого мировоззрения", т.е. принцип, лежащий в основе формирования человеком своего "органического миросозерцания"[23], в нашей терминологии - индивидуально-мифологической картины мира (ИМКМ).

Индивидуально-мифологическая картина мира - уникальный, укоренённый в непосредственном бытии личности, целостный взгляд на мир. Она активна (принципы "жизненности" и "открытости миру"): постоянно "обновляется" через непрерывное выдвижение "познавательных гипотез" (А.Н. Леонтьев), идущих навстречу внешним стимулам и опережающих вызовы среды. Так в постоянно изменяющейся реальности, через опережающую прогностическую деятельность человек осуществляет собственную жизнь.

ИМКМ переживается субъектом как его глубоко личная, неповторимо-уникальная система представлений о самом себе и мире, на основе которой он и строит свою жизнедеятельность. Наличие ИМКМ - важнейший признак высшего личностного развития человека (в рамках биологической природы), так как она неотъемлемо связана с реализацией им своего индивидуально-неповторимого жизненного проекта (смысла жизни), раскрытием внутреннего потенциала его индивидуальности.

Многие журналисты, сумевшие сохранить собственное "Я" и подняться по пути личностного развития до уровня высшего синтеза (особенно в публицистике, беллетристике), зачастую уходят в "серьёзную" литературу и становятся писателями, общественными деятелями, политиками.

Седьмой, высший экзистенциал - экзистенциал **"Абсолюта"**.

Высшее личностное развитие, венцом которого является ИМКМ, таит в себе и опасность: если человек не будет открыт миру, не будет воспринимать всё новые и новые "вызовы среды" и реагировать на изменяющуюся ситуацию, он рискует замкнуться в "мирке" собственных представлений. Рано или поздно это приведёт к столкновению с "жизнью" и тяжёлым психологическим последствиям (вплоть до гибели). Поэтому человек не может остановиться в своём личностном развитии на уровне "системы ценностей" или "личности" либо индивидуального жизненного проекта, пусть даже самого лучшего и масштабного.

Для сохранения собственной целостности ему необходима причастность к некой другой, более фундаментальной целостности - Богу, Космосу, Природе, Абсолюту, Истине и т.д. Подобную высшую константу Франкл называл "Сверхсмыслом", в свете которого приобретает смысл сама человеческая личность.

Сверхсмыслами можно назвать те "проклятые вопросы" о смысле истории, бытия и Вселенной в целом, что мучили лучших русских мыслителей и философов. Эти высшие смыслы трансцендентны человеческому существованию и потому неподвластны разуму отдельного индивида. Однако это не говорит об абсурдности бытия, скорее - о невозможности охватить бытие в целом.

И хотя сверхсмысл осуществляется независимо от жизни отдельных индивидов, человек способен к нему приобщиться: "...История, в которой осуществляется сверхсмысл, происходит либо через посредство моих действий, либо наперекор моему бездействию"[24]. И если в какой-то исторический момент совпадают "самоосуществление сверхсмысла" и личностный смысл конкретного человека, то в этом последнем пробуждается "субстанциональное" (Гегель), им обретается истинная "свобода характера" - мощная энергия, преобразующая мир вокруг.

Подобный опыт переживается человеком как откровение, глубокое прозрение и зачастую преображение всей его духовной природы. В результате этого переживания он обретает "сверхсмысл", осознаёт собственную "миссию" в этом мире. Журналистский труд на уровне экзистенциала "Абсолюта" приобретает характер исторической значимости, значительности дела журналиста и выводит на всечеловеческую проблематику и масштаб.

Кроме того, писал С.Л. Рубинштейн, "когда мы видим, что, как бы много самого себя человек ни вложил в то, что он сделал, он не исчерпал себя тем, что он совершил, мы чувствуем, что за делом стоит живой человек, личность которого представляет особый интерес. У таких людей бывает внутренне более свободное отношение к своему делу, к продуктам своей деятельности; не исчерпав себя в них, они сохраняют внутренние силы и возможности для новых достижений"[25].

5. Рассмотрев уровни Личного Мифа, можно сделать несколько обобщений относительно журналистской деятельности.

Прежде всего, как справедливо отмечают теоретики журналистики, деятельность журналистов является "творчески-преобразовательной" (М.Н. Ким). И если с "преобразованием" действительности всё более или менее ясно - это воздействие на массовое сознание с целью повлиять на поведение масс, - то понятие "творчества" требует уточнения.

Как видно из характеристики экзистенциалов,

каждый из них "отвечает" за определённый сегмент профессионального труда. При этом их иерархичность подразумевает "управляющее" влияние высших экзистенциалов на низшие: Абсолют, к которому стремится человек, определяет всю структуру Личного Мифа - точку зрения, систему ценностей, значимость тех или иных (и соответственно развитие) способностей, набор привычных действий, образ и условия жизни. Следовательно, основная жизненная задача индивида - развивать себя, осваивать, осознавать каждый из уровней своего бытия и включать в состав личности, т.е. становиться ею.

Учитывая, что "лишь по мере того как личность предметно, объективно реализуется в продуктах своего труда, она через них растёт и формируется" (там же), то собственно творчеством в журналистике будет выступать развитие личности журналиста. В процессе осуществления профессиональной деятельности (ремесла и его высшей формы - мастерства) должна формироваться и одновременно проявляться личность журналиста: через демонстрацию чёткой гражданской позиции в произведениях, через личную оценку фактов, через поступки, в том числе личное участие в социальном процессе.

И чем более сложные и масштабные цели будет ставить себе журналист, чем более трудных и уникальных технологий и методов они будут для своего осуществления от него требовать, тем более мощным будет развитие его личности и тем более яркими и интересными ("творческими") будут продукты его труда.

A.L.Dmitrovsky

THE PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL APPROACH AND THE MODEL OF JOURNALIST'S PERSONALITY

The model of journalist's personality is examined in this article with the side of philosophical and anthropological approach. The author offers and grounds the variety of Personal Myth on the basis of early investigations of essayistical creation. The variety of Personal Myth correctly and fully reflects complicated conception witch called man's personality (personality of human being).

Personal Myth includes seven levels or existentials (steady methods of man's experience oneself as a problem). In this case Personal Myth is examined in journalistic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ким М.Н. Деятельностный подход в осмыслении проблем теории журналистики // Massmedia XXI век. 2006. №1 - 2. С. 58 - 62.

2. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х тт. - Ростов-на-Дону: Феникс. Т.1. С. 299.

3. Там же. С. 299 - 300.

4. Самохвалова В.И. Контуры постдействительности // Полигнозис. 1999. № 2. С. 32.

5. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М., 2006. С. 716 - 717.

6. Дмитровский А.Л. Категория "Личного (индивидуального) Мифа" как наиболее адекватный метод анализа публицистического творчества с точки зрения философской антропологии // Коммуникация в современном мире: Матер. Всерос. науч.-практ. конференции "Проблемы массовой коммуникации" / Под ред. проф. В.В. Тулупова. - Воронеж, 2006. С. 230 - 231.

7. Дмитровский А.Л. Жанр эссе: Очерк теории жанра. Орёл, 2006. С. 22. Монография доступна по адресу: http://www.journ-orel.ru/download.php/view.17 .

8. Там же. С. 22, 23.

9. См. о пренатальном (внутриутробном) возникновении психики: Брушлинский А.В. О природных предпосылках психического развития человека. - М., 1977. С. 37 - 44. Кроме того - работы Станислава Грофа.

10. Кузнецов Г.В. ТВ-журналистика: критерии профессионализма. - М., 2003. С. 59 - 60.

11. Моторина Л.Е. Философская антропология: Учеб. пособие для вузов. - М., 2003. С. 99.

12. Давыдов Ю.Н. Культура - природа - традиция // Традиция в истории культуры. - М., 1978. С. 55.

13. Моторина Л.Е. Философская антропология. С. 99.

14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. - СПб., 2003. С. 230.

15. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. - СПб., 2006. С. 437 - 438.

16. Дмитровский А.Л. Категория "Личного Мифа" и критерии мастерства публициста (антропологически-деятельностный подход) // Акценты. Новое в массовой коммуникации. - Воронеж, 2006. № 3 - 4.

17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. С. 438.

18. Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества: Учебное пособие. - М., 2006. С. 33 - 34. - Исследовательница выделяет и обосновывает основные типы мышления в современной журналистике и соответствующие им стилистические "типы текстов": мифологический (магическое мышление), убеждающий (рационализм), прагматический (позитивизм), "гедонистический" (драйв-мышление), смысловыявляющий (гуманизм) и сетевой (NET-мышление).

19. Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учеб. пособие для студ. вузов. 4-е изд., стереотип. - М., 1999. С. 349.

20. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. - М., 1990. С. 173, 174.

21. Дмитровский А.Л. Предмет публицистики: категория "социальной проблемы" // Акценты. Новое в массовой коммуникации. - Воронеж, 2006. № 7 - 8.

22. Лосев А.Ф. Высший синтез. Неизвестный Лосев. - М., 2005. С. 14.

23. Там же. С. 15, 17.

24. Франкл В. Человек в поисках смысла. С.15.

25. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. С. 642.

О.А. Каплун, *старший преподаватель кафедры иностранных языков Орловского государственного института экономики и торговли.*

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕСТИРОВАНИЯ

Статья Каплун О.А. "История возникновения и развития тестирования" посвящена проблеме становления тестирования как одного из средств контроля. В статье дается представление о предыстории тестирования, его истоках, а также выделяются и характеризуются этапы применения тестов в мировой практике.

История развития тестов своими корнями уходит в глубину веков, она связана с измерением различных способностей, знаний, умений и навыков. Эти измерения можно считать предысторией тестов. Уже в середине III тысячелетия до н. э. в Древнем Вавилоне проводились испытания выпускников в школах писцов на знание арифметических действий, умение измерять поля, распределять рационы, делить имущество, владение искусством пения и игры на музыкальных инструментах.

В Древнем Египте жрецами становились те, кто выдерживал систему определенных испытаний. Кандидаты проходили проверку умения трудиться, слушать и молчать, испытания огнем, водой, страхом преодоления мрачных подземелий в полном одиночестве и др.

В III тысячелетии до н. э. в Древнем Китае существовала система проверки способностей лиц, желавших занять должности правительственных чиновников, по музыке, стрельбе из лука, верховой езде, умению писать, считать, знанию ритуалов и церемоний.

Еще одним свидетельством использования испытаний тестового характера являются материалы, излагающие основы религиозного учения чань-буддизма. Учителя чань-буддизма использовали загадки, вопросы-парадоксы с одновременным созданием ситуации психологического стресса. В зависимости от того, как тестируемый отвечал на эти загадки, наставник определял, на каком уровне "просветленности" он находился.

В созданном чжурчжэнями государстве Цзинь результаты экзаменов применялись для распределения выпускников медицинского училища. Лучшие из числа выдержавших экзамены поступали на государственную службу в качестве практикующих врачей, преподавателей или исследователей, а худшие получали разрешение заниматься частной практикой.

Различные конкурсы и экзамены устраивались и в средневековом Вьетнамском государстве. В период с 1370 по 1372 год там была проведена переаттестация всех военных и гражданских чиновников, что позволило организовать проверку государственного аппарата по всей стране. Конкурсные испытания проводились по этапам и турам, а присвоение высших степеней на экзаменах сопровождалось большими почестями [3. С. 23 - 26].

Первым этапом применения тестов в мировой практике можно считать период с 80-х годов XIX века до 20-х годов XX века. Этот период характеризуется зарождением и становлением тестирования.

К концу XIX века практическая проблема исследования индивидуальных различий стала толчком к появлению первых тестов. Известный английский психолог Ф. Гальтон провел серию испытаний, в которых можно было проверить свои физические качества (силу, быстроту реакции), физиологические возможности организма и психические свойства.

Родоначальником тестологии по праву считается Дж. Кэттелл, так как именно он увидел в тестах средство измерения свойств человеческой психики. Ученый считал, что применение тестов к большому числу индивидов позволит открыть закономерности психических процессов. Исследователь полагал, что научная и практическая ценность тестов возрастет, если условия их проведения будут однообразными. Так было впервые сказано о необходимости стандартизации тестов, чтобы можно было сравнить результаты, полученные разными исследователями на разных испытуемых.

Дж. Кэттелл предложил в качестве образца 50 тестов, включавших измерения чувствительности, остроты зрения и слуха, времени реакции, времени, затрачиваемого на называние цветов и количества звуков, воспроизводимых после однократного прослушивания.

В 1904 году французский министр народного образования создал комиссию для изучения

© О.А. Каплун, 2008

проблемы отставания школьников в учебе и создания методики, с помощью которой можно было бы отделить детей, способных к учению, от детей, страдающих врожденными дефектами и не способных учиться в нормальной школе. Для этой комиссии психологи А. Бине и Т. Симон провели серию экспериментов по изучению внимания, памяти, мышления у детей разного возраста и разработали первую шкалу для вычисления коэффициента уровня интеллектуального развития.

Тесты Бине - Симона привлекли к себе внимание психологов всего мира, были переведены на многие языки. В Америке эти тесты претерпели изменение под руководством Л.М. Термена из Стэнфордского университета и получили известность как тест Стэнфорд - Бине. Это была шкала, в рамках которой впервые было введено понятие коэффициента интеллектуальности (IQ), т.е. соотношение между интеллектуальным и фактическим возрастом. Кроме того, применялся новый критерий оценки тестирования - статистическая норма. Со статистической нормой стали сравнивать индивидуальные тестовые показатели, оценивали их и давали им психологическую характеристику [2. С. 20 - 24; 5. С. 24 - 25].

Коэффициент интеллекта IQ был предложен немецким психологом В. Штерном, который назвал им показатель, получаемый при делении умственного возраста на хронологический и умноженный на 100%.

Тесты очень быстро стали одним из распространенных методов психологического исследования. Их стали применять во многих странах для дефектологических целей, для профориентации, при приеме на работу, в вузы, для оценки знаний школьников и студентов, в социально-психологических исследованиях. Возникшая в США во время первой мировой войны потребность исследования полуторамиллионной армии послужила стимулом для появления и развития группового тестирования.

Вторым периодом в развитии тестирования можно считать 20 - 60-е годы XX века. В этот период тесты разрабатываются в рамках биологизаторской концепции развития личности. В это время начинают разделяться психологические и педагогические (дидактические) тесты. Дидактические тесты разрабатываются по всем школьным дисциплинам. Большое внимание уделяется обработке результатов тестирования. Намечается переход от единичных тестов к тестовым системам.

В 20-е годы XX века началась разработка тестов в СССР. Первая работа по психологическому тестированию была написана психологом Г.И. Россолимо. Многие методисты видели в новой форме контроля средство, позволяющее индивидуализировать процесс обучения, улучшить самоконтроль обучающихся, снизить трудоемкость проверки работ учащихся. В отечественной истории тестов 30-е годы XX века характеризуются интенсивным использованием тестов в системе народного образования и промышленности.

Но разработкой тестов стали заниматься люди, не имеющие необходимой квалификации, массовые тестовые обследования не подкреплялись экспериментальной проверкой качества тестовых материалов, не уделялось внимания статистическим методам при оценке валидности и надежности теста, решения о переводе учащихся в классы для умственно отсталых принимались на основе коротких тестов, без учета других факторов, влияющих на результаты проверки. В промышленности на основе тестов делались попытки классификации работников по различным профессиям без учета склонностей и интересов. Это привело к тому, что критика тестов начинает приобретать более широкий размах. В печати появился ряд публикаций, в которых тесты как метод контроля отвергались. И после принятия ЦК ВКП (б) в 1936 году постановления "О педологических извращениях в системе Наркомпроса" научная и практическая работа по диагностике знаний, умений и навыков учащихся с помощью тестов была приостановлена.

Третьим этапом в развитии тестирования является период с начала 60-х годов по конец 70-х годов XX века. В этот период тесты разрабатываются в рамках биосоциологизаторской концепции развития личности. Благодаря внедрению в образовательную практику программированного обучения начинает осуществляться машинный и безмашинный контроль знаний с помощью заданий в тестовой форме. После долгого перерыва в 60-е годы XX века возобновилось использование тестов в советской педагогике. Появляются публикации, посвященные анализу многолетнего опыта тестирования, защищаются диссертации, создаются центры, ведущие разработку теории и практики создания и применения тестов. Но наблюдался отрыв теории от практики [1. С. 12 - 23].

С 80-х годов XX века по настоящее время начинается четвертый этап в развитии тестирования. Он характеризуется широким использованием компьютеров, математических моделей, средств программирования для обучения и контроля. Западные страны опережают Россию по масштабам использования тестов, качеству тестов и подготовке профессиональных кадров. Наиболее развиты в этом отношении Нидерланды, США, Англия, Япония, Дания, Израиль, Канада и Австралия. В этих странах созданы службы, занимающиеся разработкой тестов, организацией массового тестирования и сбором информации для мониторинга качества образования. Тестирование становится в них практически ведущей формой контроля.

В России в последние десятилетия развитие вопросов тестового контроля получило особую актуальность в связи с тем, что идет процесс стандартизации образования, разрабатываются госу-

дарственные образовательные стандарты, проводится массовое измерение качества подготовки обучающихся по разным дисциплинам.

Педагогическое направление в развитии тестологии наметилось в начале XX века, когда американский ученый В.А. Макколл разделили тесты на психологические и педагогические. Основоположником педагогического тестирования считают Р. Торндайка. Задачей педагогических тестов было измерение успешности учащихся по разным школьным дисциплинам за определенный период обучения, а также успешности различных методов обучения.

Родоначальниками тестов по иностранному языку являются американские тестологи. Первый тест по иностранным языкам составил в 1925 году Б. Вуд. Этот тест включал задания по лексике, грамматике и чтению на французском и испанском языках.

В истории теории и практики использования тестов по иностранному языку можно выделить четыре этапа:

1) донаучный (1925 - 1950), для него характерен эссе-переводный подход к языковому тестированию без научно-теоретической базы. Первые языковые тесты состояли в написании эссе, переводе и грамматическом анализе;

2) психометрико-структуралистический этап (50 - 60-е годы XX века), для него характерен структуралистический или психометрический подход к тестированию. Для составления тестов использовались структурный подход в лингвистике и достижения психометрической теории. В этот период проводилась разработка статистических методов оценки тестов, использовалась методика множественного выбора с опорой на надежность и объективность;

3) психолингвистико-социолингвистический этап (70 - 80-е годы XX века), для него характерен интегративный подход к тестированию, стремление создать универсальные тесты. Тесты проверяли употребление языка в контексте;

4) коммуникативный этап (80-е годы XX века - настоящее время), для него характерен коммуникативный подход к тестированию, в котором делается акцент на адекватности реализации коммуникации. Тесты нацелены на выявление способности и готовности испытуемых осуществлять иноязычное общение [6. С. 11; 4. С. 12 - 15].

Таким образом, история возникновения и развития тестирования показывает, что этот метод контроля стал важным методом оценки, с помощью которого можно достаточно объективно, надежно измерить, обработать, интерпретировать результаты учебного процесса, диагностировать выраженность у индивида определенных психологических качеств, свойств и состояний, а также измерить уровень их развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аванесов В.С. Научные проблемы тестового контроля знаний [Текст] / В.С. Аванесов. - М., 1994. - 136 с.

2. Анастази А. Дифференциальная психология. Индивидуальные и психологические различия в поведении [Текст] / А. Анастази. - М.: Апрель-Пресс, изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. - 752 с.

3. Общая психодиагностика [Текст] / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. - М.: Изд-во Московского университета, 1987. - 304 с.

4. Поляков О.Г. Тестирование по английскому языку как иностранному (теория и практика) [Текст] / О.Г. Поляков. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Д. Державина, 1999. - 113 с.

5. Психологическая диагностика [Текст] / Под ред. М.К. Акимовой, К.М. Гуревича. - СПб.: Питер, 2003. - 651с.

6. Шаповалова Т.Г. Методические аспекты тестирования учебных достижений учащихся в условиях дистанционного обучения [Текст] / Т.Г. Шаповалова. - Южно-Сахалинск: СахГУ, 2004. - 112 с.

Kaplun O.A.

THE HISTORY OF TEST APPEARANCE AND TEST DEVELOPMENT

The article is devoted to the problem of defining tests as one of the methods of control. The author presents the history of testing and its sources, points out and characterizes the stages of tests application in world practice.

Е. В. Стебакова, *преподаватель Орловского базового медицинского колледжа.*

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ В СРЕДНЕМ СПЕЦИАЛЬНОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Статья рассматривает важный этап учебно-воспитательного процесса в среднем специальном учебном заведении - этап адаптации студентов. Автор предлагает программу, которая позволит ускорить процесс адаптации. Программа рассчитана на весь период обучения с постепенным погружением студентов в специальность. Ее реализация приводит к росту качества знаний, способствует совершенствованию подготовки специалистов среднего звена.

В деятельности любого учебно-образовательного учреждения наиболее трудным и особенно важным этапом учебно-воспитательного процесса является первый этап обучения - этап адаптации. В нашем колледже этому этапу также уделяется особое внимание.

Качество решения задач, поставленных перед образовательными учреждениями профессионального образования, во многом зависит от умения правильно организовать работу с первокурсниками. Не случайно проблема адаптации студентов к условиям обучения в учреждениях среднего профессионального образования представляет собой одну из важных общетеоретических проблем, исследуемых в настоящее время на психофизиологическом, индивидуально-психологическом, социально-психологическом уровнях, и до настоящего времени является традиционным предметом дискуссий. Актуальность проблемы определяется задачами оптимизации процесса адаптации студентов к учебной деятельности в условиях перестройки системы профессионального образования.

Ускорение процесса адаптации первокурсников к новому для них образу жизни и деятельности, исследование психологических особенностей психических состояний, возникающих в учебной деятельности на начальном этапе обучения, а также выявление психолого-педагогических условий оптимизации данного процесса - чрезвычайно важные задачи. От того, как долго по времени и по различным затратам происходит процесс адаптации, зависят текущие и предстоящие успехи студентов, процесс их профессионального становления.

Специфика процесса адаптации в колледже определяется различием в методах обучения и в его организации в общеобразовательной школе и учреждениях среднего профессионального образования, что порождает своеобразный отрицательный эффект, называемый в педагогике дидактическим барьером между преподавателем и студентом. Новая дидактическая обстановка во многом обесценивает приобретенные в школе способы усвоения материала. Первокурсникам недостает различных навыков и умений, которые необходимы в колледже для успешного овладения программой. Попытки компенсировать это усидчивостью не всегда приводят к успеху. Проходит немало времени, прежде чем студент приспособится к требованиям обучения. Многими это достигается слишком большой ценой. Отсюда зачастую возникают существенные различия в деятельности, особенно в ее результатах, при обучении одного и того же человека в школе и колледже. Отсюда и низкая успеваемость на 1-м курсе, и большой отсев по результатам сессий.

Поэтому необходимо разрабатывать программу профессиональной адаптации студентов, которая опирается на следующие положения:

1. Педагогическое проектирование - это комплексная задача, решение которой осуществляется с учетом социокультурного контекста рассматриваемой проблемы и в которой взаимодействуют и взаимодополняют друг друга психолого-педагогические, технико-технологические и организационно-управленческие аспекты.

2. Учет психолого-педагогических аспектов педагогического проектирования направлен на

© Е.В. Стебакова, 2008

достижение основных целей проекта и продвижение в личностном развитии его участников, создание психологического климата и атмосферы творческой активности и работоспособности, формирование из участников общности людей, заинтересованных в индивидуальном саморазвитии и в достижении коллективных целей и задач.

3. Учет организационно-управленческих аспектов обеспечивает оптимальное распределение функциональных обязанностей, ответственности и ролей участников проектирования и адекватное целям и задачам проекта управление.

4. Учет технико-технологических аспектов определяет последовательное и непрерывное движение взаимосвязанных между собой компонентов, этапов, состояний педагогического процесса и действий его участников.

Важное значение имеют положения об условиях возникновения процесса самоорганизации в педагогической системе. В общем виде они могут быть представлены следующим образом:

- педагогическая система должна быть открытой для взаимодействия и взаимообмена информацией и "энергией" с окружающей средой;

- педагогическая система должна содержать активное энергетическое начало, характеризующееся проявлением инициативы у участников педагогического процесса, стремлением к самосовершенствованию, самореализации, повышению эффективности педагогического процесса;

- педагогическая система должна обладать свободой выбора, заключающейся в способности определять пути развития без осуществления давления, нажимов извне;

- педагогическая система должна иметь реальный "энергетический" выход, т. е. реализацию выдвигаемых инициатив с доведением результатов до положительных, с получением эмоциональной удовлетворенности от учебной и практической деятельности;

- педагогическая система может развиваться только в системе диалогического взаимодействия на различных уровнях;

- педагогическая система должна быть сориентирована на цели саморазвития, на развитие личности учащихся, студентов, формирование ценностных ориентиров и др.

Данные условия являются наиболее значимыми для осуществления процесса саморазвития педагогической системы, в частности системы профессиональной адаптации студентов. Отсюда следует также вывод, что выживание и дальнейшее развитие педагогической системы зависят от роста активности студентов, педагогического коллектива, профессиональной квалификации учителей, преподавателей, мастеров в психологическом, педагогическом и методическом плане.

Именно поэтому необходимо разработать целевую программу "Профессиональная адаптация студентов". Программа включает четыре блока:

1. Диагностическая работа. Цель - получить своевременную и полноценную информацию о характерологических особенностях личности студентов, динамике изменений в социально-профессиональной адаптации будущих специалистов и личностной сфере студентов, выявить трудности, препятствующие их эффективной профессиональной подготовке.

2. Профориентационная и профадаптационная работа. Цель - обеспечить усвоение норм, правил, требований учебного заведения и будущей профессиональной деятельности; эффективное включение студентов в социально-профессиональную среду; приспособление к новым условиям обучения и труда.

3. Работа по социально-психологической адаптации. Цель - способствовать созданию благоприятного психологического климата в учебных группах и в учебном заведении в целом; обеспечить развитие групповой структуры, соуправления; формировать потребность в самоопределении, саморазвитии и самореализации; развивать способность к рефлексии.

4. Методическая работа с педагогическим коллективом и социальными партнерами. Цель - обеспечить готовность и способность руководителей подразделений ссуза, преподавателей и представителей лечебно-профилактических учреждений к управлению процессом профессиональной адаптации студентов.

Программа рассчитана на весь период обучения с постепенным погружением студентов в специальность. Учитывая, что полная совокупность ступеней развития образует жизненный цикл, который принято разделять на фазы, фазы - на стадии, стадии - на этапы, в программе предусмотрено, что полный цикл профессиональной адаптации студентов включает две фазы:

I фаза. Первичная адаптация первокурсников.

Цель - обеспечить принятие поступившими в ссуз социальной функции "студента вообще", мотивированное широкими социально значимыми причинами.

В рамках данной фазы студенты проходят следующие стадии:

- профессиональной пропедевтики (9-й класс, подготовительные курсы);

- профессионального самоопределения, которая осуществляется в три этапа: ориентировочный (1 - 2 недели); социально-адаптационный (первый семестр); учебно-адаптационный (второй семестр).

II фаза. Социально-профессиональная адаптация студентов.

Цель - принятие студентами профессиональной роли, т. е. адаптация, связанная с профессиональной деятельностью и мотивированная интересом к выбранной профессии (II - IV курсы).

В рамках данной фазы можно выделить сле-

дующие стадии:

- предпроизводственная (II курс);
- производственная (III курс);
- квалификационная (завершающая) (IV курс).

Каждой фазе, стадии и этапу профессиональной адаптации соответствуют определенные формы и методы внеаудиторной работы. В рамках этой статьи дадим общую характеристику тех из них, которые используются в первой фазе.

Первичная профессиональная адаптация студентов по сути дела начинается задолго до поступления выпускников общеобразовательной школы в среднее специальное учебное заведение. От грамотно проведенной первой стадии этой фазы - профессиональной пропедевтики и профессиональной ориентации - зависит, кто придет в училище - заинтересованный студент, который хочет получить прочные знания, нужную специальность, или случайный человек. Работа в этом направлении строится по специальному плану, включающему: изучение потребностей и способностей потенциальных абитуриентов; ознакомление учащихся в рамках факультативных занятий с особенностями медицинских специальностей.

На этой стадии особое внимание уделяется работе с родителями (родительские собрания, индивидуальные встречи), цель которой - обеспечить родителей подлинной информацией об условиях и требованиях обучения в училище, возможных трудностях и реальных преимуществах. Тем самым училище получает в лице родителей союзников в деле профессиональной ориентации учащихся.

Таким образом, училище получает абитуриентов, более профессионально ориентированных, выбирающих профессию осознанно.

Важнейшая роль принадлежит стадии профессионального самоопределения, и в частности ориентировочному этапу (первичной адаптации), когда абитуриенты становятся студентами.

Студенты-первокурсники сталкиваются с рядом проблем, разрешение которых без управления процессом адаптации со стороны классных руководителей может привести к стрессам, плохой успеваемости, ухудшению здоровья и - в конечном итоге - уходу студента из учебного заведения. Деятельность по первичной адаптации студентов групп нового набора начинается с момента зачисления абитуриентов в колледж.

Здесь можно выделить три формы адаптации студентов-первокурсников:

1. Адаптация формальная, касающаяся познавательно-информационного приспособления студентов к новому окружению, к структуре среднего специального образования, к содержанию обучения.

2. Адаптация общественная, то есть процесс внутренней интеграции групп студентов-первокурсников и интеграции групп со студенческим окружением в целом.

3. Адаптация дидактическая, касающаяся подготовки студентов к новым формам и методам учебной работы.

Процесс адаптации в среднем специальном учебном заведении - явление сложное и многогранное, требующее проявления активной позиции как со стороны преподавателя, так и со стороны студента. На первом курсе формируется отношение молодого человека к учебе, к будущей профессиональной деятельности, продолжается активный поиск себя.

Адаптация студентов нового набора начинается с первого дня обучения. 1 сентября, в День знаний, первокурсники знакомятся с историей и традициями учебного заведения, особенностями обучения в нем. Основная роль в индивидуальной работе со студентами принадлежит классным руководителям, которые особое внимание уделяют вопросам включения студентов в учебную и общественную деятельность. Ведется работа по получению информации об особенностях личности студентов, трудностях, препятствующих их успешной адаптации к новым условиям обучения. Помощь в решении этих задач оказывает психологическая служба.

Первые итоги адаптации нового набора подводятся на административных совещаниях, на которых заведующие отделениями и классные руководители групп дают подробный отчет о проведенной работе, об эмоционально-психологическом состоянии студентов-новичков.

Адаптация студентов-медиков особенно актуальна, так как от того, как подготовлен специалист, зависит уровень его дальнейшей медико-профессиональной деятельности.

Первые итоги адаптации студентов групп нового набора классный руководитель проводит на психолого-педагогических консилиумах. Для этого в течение сентября - октября идет активная подготовка по плану: анкетирование; социально-психологическое тестирование; беседы со студентами; наблюдение за студентами в процессе посещения занятий, внеаудиторных, внеклассных мероприятий; анализ итогов входных контрольных работ; диагностика уровня школьных знаний студентов; исследование состояния здоровья; составление индивидуальных карт психологического профиля студента, индивидуальных и групповых характеристик, определение группы риска и форм коррекционной работы.

На консилиумы обязательно приглашаются преподаватели-предметники, работающие в группах, для того чтобы затем на занятиях эффективнее осуществлять личностный и дифференцированный подход в обучении, обеспечивающий закрепление результатов первичной адаптации студентов.

В результате такой комплексной системной работы, взаимодействия всего педагогического коллектива отсев студентов уменьшается.

Наблюдается рост качества знаний по дисциплинам.

Таким образом, можно говорить о том, что программа профессиональной адаптации студентов является эффективным средством совершенствования подготовки специалистов среднего звена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Исполатова Т.В. Педагог профессионального образования: от компетенций к профессионально-педагогической культуре [Текст] /Т.В. Исполатова // Среднее профессиональное образование. - 2007. - № 2. - С. 64.

2. Минина Л.Б. Стратегия воспитательной работы колледжа [Текст] / Л.Б. Минина // Среднее профессиональное образование. - 2006. - № 12. - С.135 - 140.

3. Портных В.Я. Концепция воспитания студентов [Текст] / В.Я. Портных // Специалист. - 2004. - № 10. - С. 23 - 24.

4. Роженко Н.Н. Проектирование программы профессиональной адаптации студентов ссуза [Текст] / Н.Н. Роженко // Среднее профессиональное образование. - 2006. - № 7. - С. 70.

Stebakova E.V.

PROBLEM OF STUDENTS' ADAPTATION IN SPECIAL SECONDARY SCHOOLS.

The article deals with an important stage of the process of education and upbringing in special secondary school - the stage of students' adaptation. The author offers the program which permits to accelerate the process of adaptation. The program covers the whole period of education with gradual immersion of students into their specialty. It's realization leads to the growth of the quality of knowledge, promotes the improvement of preparation of specialists of the secondary link.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»:

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) - доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) - доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, директор Орловского филиала Института содержания и методов обучения Российской академии образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. - ответственный редактор журнала "Ученые записки Орловского государственного университета";

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) - кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин философского факультета Московского государственного университета;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ЗОЛОТАРЕВ Ю.В. - доктор медицинских наук, профессор, директор медицинского института Орловского государственного университета, отличник здравоохранения;

ИВАНОВ А.Е. - доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. - доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИСАЕВА Н.И. - доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, вице-президент Российского отделения Ассоциации международного права;

КОЛЕСНИКОВА А.Ф. - доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии, директор НИИ естественных наук Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной Российской экологической академии;

ЛЬВОВА С.И. - доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией обучения русскому (родному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МИНАКОВ С.Т. - доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. - доктор химических наук, профессор, заведующая кафедрой химии Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПАХАРЬ Л.И. - доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета; академик Академии социальных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПИВЕНЬ В.Ф. - доктор физико-математических, наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

РЕПИН О.А. - доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой Самарского экономического университета;

СЕДОВ Е.Н. - доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом селекции семечковых культур ВНИИСПК;

СЕРЕГИНА Т.В. - кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. - доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета, почетный доктор Бирмингемского и Нью-Йоркского университетов;

ТЫРТЫШНИКОВ Е.Е. - доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института вычислительной математики Российской академии наук.

УМАН А.И. - доктор педагогических наук, профессор Орловского государственного университета; действительный член Международной педагогическойакаеммм;

ШАБАНОВ Н.К. - доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства Курского государственного университета, член Союза дизайнеров России, член международной ассоциации изобразительных искусств им. И. А. Пюнеско.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) - доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) - доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, директор Орловского филиала Института содержания и методов обучения Российской академии образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. - ответственный редактор журнала "Ученые записки Орловского государственного университета";

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) - кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы XI - XIX веков Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АРОНОВА С.А. - доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

БАХВАЛОВА Т.В. - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ГЕЛЛА Т.Н. - доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИЗОТОВ В.П. - доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

ЛИТВИН Ф.А. - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки РСФСР;

МАРКОВИЧЕВА Е.В. - кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Орловского государственного университета;

МИНАКОВ С.Т. - доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX - XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВА Г.Ф. - кандидат философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета;

НЕЧАЕВА Т.М. - кандидат психологических наук, доцент, заместитель декана факультета педагогики и психологии по научной работе, директор НИЦ педагогики и психологии Орловского государственного университета;

НИКИФОРОВ В.А. - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного и международного частного права, директор НИИ правовых проблем ОГУ;

НОВИКОВ С.Н. - доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой декоративно-прикладного искусства и графики Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОБРАЗЦОВ П.И. - доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой непрерывного образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета;

РЫМШИНА Т.А. - кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры дизайна Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕЛЮТИН В.Д. - доктор педагогических наук, профессор кафедры алгебры и математических методов в экономике, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕРЕГИНА Т.В. - кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЮРИКОВА Г.Н. - кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

УМАН А.И. - доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Серия «Гуманитарные и социальные науки»
№ 1

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФФС 77-29955 от 17.10.2007

Включен в каталог “Издания органов НТИ” ОАО Агентство “Роспечать”
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Компьютерная верстка: Тенетилова Ю.В.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректура: Гудкова А.А.

Подписано в печать 12.09.2008 г. Формат 60x80 1/8
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 6 усл. печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 377.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в редакционно-издательском отделе
ГОУ ВПО "Орловский государственный университет"
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95. Тел./факс (4862) 74-45-08.